

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

SAINT PETERSBURG UNIVERSITY

FACULTY OF ASIAN
AND AFRICAN STUDIES

**ДОКЛАДЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ И ИСТОРИОГРАФИИ
СТРАН АЗИИ И АФРИКИ**

Том 2
часть 2

XXXI конгресс по ИИСАА

**РОССИЯ И ВОСТОК.
К 100-ЛЕТИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ
НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ**

*Санкт-Петербургский
государственный университет
23–25 июня 2021 г.*

Санкт-Петербург
2022

**PROCEEDINGS
OF THE INTERNATIONAL CONGRESS
ON HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES
OF ASIA AND AFRICA**

Vol. 2
part 2

**RUSSIA AND THE EAST.
COMMEMORATING CENTENNIAL
OF POLITICAL AND CULTURAL TIES
IN MODERN TIMES**

*St Petersburg University
23–25 June, 2021*

St Petersburg
2022

ББК 63.3(5)+63.(6)
УДК 930 (5+6)

Р 93 Доклады XXXI Международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. Россия и Восток. К 100-летию политических и культурных связей новейшего времени. Том 2 (часть 2). Отв. ред.: Н.Н. Дьяков, П.И. Рысакова, СПб.: ИПК «НП-Принт», 2022. — 416 с.

Proceedings of the XXXI International Congress on Historiography and Source Studies of Asia and Africa. Russia and the East. Commemorating centennial of political and cultural ties in modern times. Vol. 2 (part 2) / Ed. by Nikolay N. Dyakov, Polina I. Rysakova. — St. Petersburg: NP-Print Publishers, 2022. — 416 p.

ISBN 978-5-6048982-2-2
ISBN 978-5-6048982-4-6 — (часть 2)

ББК 63.3(5)+63.(6)
УДК 930 (5+6)

ISBN 978-5-6048982-2-2
ISBN 978-5-6048982-4-6 (часть 2)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Африканистика

Herman Bell, University of Exeter, UK.

Желтов Александр Юрьевич, Восточный факультет СПбГУ.

Ближний Восток, Кавказ и Центральная Азия

Джандосова Заринэ Алиевна, Восточный факультет СПбГУ.

Дьяков Николай Николаевич, Восточный факультет СПбГУ.

Кныш Александр Дмитриевич, Отделение ближневосточных исследований, Мичиганский университет, Анн-Арбор, США; СПбГУ.

Матвеев Александр Сергеевич, Восточный факультет СПбГУ.

Пелевин Михаил Сергеевич, Восточный факультет СПбГУ.

Пиотровский Михаил Борисович, Восточный факультет СПбГУ; Государственный Эрмитаж.

Ястребова Ольга Михайловна, Восточный факультет СПбГУ; отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Дальний Восток, Южная и Юго-Восточная Азия

Гурьева Анастасия Александровна, Восточный факультет СПбГУ.

Колотов Владимир Николаевич, Восточный факультет СПбГУ.

Маяцкий Дмитрий Иванович, Восточный факультет СПбГУ.

Самойлов Николай Анатольевич, Восточный факультет СПбГУ.

Сторожук Александр Георгиевич, Восточный факультет СПбГУ.

EDITORIAL BOARD

African Studies

Herman Bell, University of Exeter, UK.

Alexander Yu. Zheltov, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Middle East, Caucasus and Central Asia

Zarine A. Dzhandosova, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Nikolay N. Dyakov, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Alexander D. Knysh, Department of Middle East Studies, University of Michigan, Ann Arbor, USA; St Petersburg University, Russia.

Alexander S. Matveev, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Mikhail S. Pelevin, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Mikhail B. Piotrovsky, FAAS, St Petersburg University; The State Hermitage Museum, St Petersburg, Russia.

Olga M. Yastrebova, FAAS, St Petersburg University; Manuscripts Department, National Library of Russia, St Petersburg, Russia.

Far East, South and South-East Asia

Anastasia A. Guryeva, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Vladimir N. Kolotov, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Dmitrii I. Maiatskii, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Nikolay A. Samoylov, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Alexander G. Storozhuk, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Оглавление

Предисловие к сборнику9

СЕКЦИЯ 6. Секция африканистов: «Чтения памяти Д.А. Ольдерогге»11

Perekhval'skaya E. (ILS RAS).
Tonal paradigms in Mwan. 12

Zdanevich A.S. (SPbU).
Manifestation of an archaic worldview in traditional African culture25

Григорьева С.В. (НГУ).
Африканская политика России в советской художественной литературе:
Ю.В. Давыдов «Судьба Усольцева»: Проблемы источниковедческого анализа33

Завьялова О.Ю. (СПбГУ).
Клятва охотников как часть устной традиции манден44

Мещерская Е.Н. (СПбГУ).
Особенности рассказа о крещении Эфиопии в «Церковной истории» Руфина (IV в.)60

Мильто А.В.
(Финансовый университет (Ярославский филиал)).
Проблема идентичности в постколониальных исследованиях70

Мураченко М.С. (РАНХиГС).
Кино как инструмент официальной колониальной пропаганды80

Носов В.А. (СПбГУ).
Чадский конфликтный конундр: особенности формирования и пути разрешения95

СЕКЦИЯ 7. Источниковедение и историография древнего Ближнего Востока 107

Демидчик А.Е. (СПбГУ, НГУ).
Древнеегипетские nDsw: историографическая сказка про белого бычка108

Лопатин М.Д. (СПбГУ).
Наименования черепашек и голубей в шумерских и аккадских клинописных текстах120

Немировская А.В. (СПбГУ).
От почитания царя Гильгамеша к Успению Пресвятой Богородицы134

Рунг Э.В. (КФУ).
Проскинеза в Ахеменидской империи в освещении древнегреческой традиции
и древнеперсидских изобразительных источников150

Сологубова М.В. (ГЭ).
Старовавилонская печать с пятью богинями
из коллекции Государственного Эрмитажа166

СЕКЦИЯ 8. Языки стран Азии и Африки181

Емельченкова Е.Н. (СПбГУ).
Пополнение китайского словаря отраслевой лексики в эпоху модернизации языка182

Клобукова (Голубинская) Н.Ф. (НИУ ВШЭ). Японские заимствования в Дневниках Святого равноапостольного Николая Японского и проблемы их идентификации и перевода.....	193
Костина Е.А. (СПбГУ), Лекарева Е.П. (СПбГУ). Проминальные атрибутивные модели в хинди и бенгальском языке	205
Сбоев А.Н. (ДВФУ). Стратегии планирования речи в китаеязычной интернет-рекламе	223

СЕКЦИЯ 9. Круглый стол «Россия и Восток: современное состояние системы дуг нестабильности»..... 237

Забелла А.А. (РУДН). Инициатива «Один пояс, один путь» и выстраивание системы сотрудничества Китая со странами Африки	238
Каткова Е.Ю. (РУДН). Внешняя политика Китая в период пандемии Covid-19	247
Колотов В.Н. (СПбГУ). Большая игра и евразийская система дуг нестабильности на современном этапе	257
Медведева А.М. (СПбГУ). Взаимодействие международного права и права Японии: пример послевоенной Окинава	273
Москалев П.Э. (СПбГУ). Влияние системы дуг нестабильности на положение зарубежных китайцев в Таиланде и Вьетнаме в XX — начале XXI в.	287
Федоров Н.В. (СПбГУ, НИУ ВШЭ). Роль Сингапура для развития взаимодействия между ЕАЭС и АСЕАН	294

СЕКЦИЯ 10. Круглый стол «Политика и традиционализм в странах Азии и Африки».....305

Davydov A. (SPbU). Islam, Charismatic Leadership and Malian Coup d'Etat of 2020: The Idiolect of Mahmoud Dicko.....	306
Бочаров В.В. (СПбГУ). «Традиционализм» Востока: этнография, социально-культурная антропология, востоковедение	326
Дьяков Н.Н. (СПбГУ), Победоносцева Кая А.О. (СПбГУ). Харизматическое лидерство в традиционном обществе народов Передней Азии и Северной Африки	343
Малашевская М.Н. (СПбГУ). Харизматизм премьер-министра Коидзуми Дзюньитиро: атрибутика и специфика лидерской стратегии.....	362

СЕКЦИЯ 11. Круглый стол «Курдский вопрос: история и современность»375

Abalian A. (SPbU) The Syria's Kurds: Dynamics of Political Self-Determination Process	376
Вертяев К.В. (ИВ РАН). Курдские автономии Сирии и Ирака как повстанческие государства	386
Конак И. (Стамбульский университет). Этническая идентичность заза	401

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ

Готовясь вскоре отметить 300-летие своего основания (1724) в эпоху петровских преобразований, Санкт-Петербургский университет и сегодня остается одним из ведущих мировых центров академического востоковедения и африканистики.

Вот уже шесть последних десятилетий на Восточном факультете ЛГУ/СПбГУ проходят уникальные в своем роде научные форумы, посвященные проблемам источниковедения и историографии истории стран Азии и Африки (ИИИСАА). Первые такие встречи, прошедшие в начале 60-х годов прошлого века, были организованы по инициативе и при участии таких корифеев отечественной науки, как И.А. Орбели и Б.Б. Пиотровский, Н.В. Пигулевская и И.П. Петрушевский, А.Д. Новичев, Л.В. Строева, Г.В. Ефимов, Г.Я. Смолин, А.Д. Желтяков, и многих других замечательных представителей ленинградского / петербургского университетского востоковедения и африканистики.

Инициированные некогда как межвузовские научно-методические конференции, историографические встречи, проводимые на базе Восточного факультета СПбГУ, заслуженно приобрели сегодня статус крупнейших в нашей стране международных конгрессов востоковедов и африканистов, раз в два года, в режиме биеннале, объединяющих сотни (до 500–600) участников из университетов и академических институтов РФ и стран Европы, Азии и Африки.

Состоявшийся в июне 2021 г. в СПбГУ очередной, 31-й международный конгресс по источниковедению и историографии народов Азии и Африки, был посвящен 100-летию установления в новейшее время политических и культурных контактов нашей страны со странами зарубежной Азии. Как известно, этот вековой исторический этап был отмечен многими значимыми событиями и процессами в развитии отечественной науки. Состоявшиеся в рамках прошедшего форума дискуссии и выступления сотен участников, представлявших ведущие научные центры РФ из более чем двух десятков стран ближнего и дальнего зарубежья, подтвердили актуальность затронутых проблем ИИИСАА для всего комплекса современных гуманитарных и общественных наук.

Вслед за 2-томным изданием материалов этого конгресса, объединившего почти полтысячи участников, выступавших как в оффлайн, так и в онлайн режиме, оргкомитет форума подготовил к печати сборник отдельных докладов, представленных авторами в соответствии с действующими издательскими требованиями. Круг этих работ в целом отражает общую проблематику наших последних конференций по историографии Востока.

Предлагаемый читателю сборник объединил 54 работы по разным аспектам востоковедения и африканистики. Так, в разделах историографии и источниковедения стран Ближнего и Среднего Востока представлены 10 публикаций с материалами по арабским странам, Ирану и Афганистану, а также 4 статьи по историографии Центральной Азии (руководитель — к.и.н. З.А. Джандосова).

Второй по числу участников раздел объединил 8 публикаций ученых-африканистов, которые были подготовлены и представлены на ставшей уже традиционной секции «Чтения памяти Д.А. Ольдерогге» (руководитель — проф. А.Ю. Желтов).

Актуальные проблемы историографии стран Южной и Юго-Восточной Азии нашли отражение в соответствующем разделе, где, в частности, представлены публикации по Индокитаю, подготовленные В.Н. Колотовым и П.Э. Москалевым, а также по индийской тематике, подготовленные И.Ю. Котиным, К.В. Лемешкиной и Д.В. Возчиковым.

Историографии и источниковедению Китая посвящены статьи шести активных участников состоявшихся встреч, в том числе работы А.Е. Донской и А.М. Медведевой из СПбГУ, Е.А. Завидовской (БГУ), Т.И. Виноградовой (БАН), В.А. Перминовой (ИВ РАН), а также коллеги из Италии Сильвии Пиччиарелли.

Надеемся, немалый интерес читателя вызовет раздел сборника, посвященный историографии истории Древнего Востока, посвященный памяти академика В.В. Струве и объединивший работы исследователей из СПбГУ (А.Е. Демидчик, А.В. Немировская, М.Д. Лопатин), из Государственного Эрмитажа (М.В. Сологубова) и Казанского федерального университета (Э.В. Рунг).

Секция монголоведения, тибетологии и буддологии представлена публикациями Е.В. Ивановой (МАЭ им. Петра Великого — Кунсткамера, РАН) и Н.Н. Москалевой (СПбГУ).

В последние годы проходящий на Восточном факультете СПбГУ конгресс по источниковедению и историографии заметно расширил круг обсуждаемых проблем за счет открытия секций, посвященных языкам и литературам Востока. Традиции устного и письменного творчества народов столь обширного историко-культурного ареала содержат колоссальный по значимости материал, помогающий раскрыть многие аспекты их тысячелетней истории и культуры. Секция «Языки стран Азии и Африки» нашла отражение в серии публикаций ученых из СПбГУ, Дальневосточного федерального университета и НИУ ВШЭ (Е.Н. Емельченкова, Е.А. Костина, Е.П. Лекарева, А.Н. Сбоев и Н.Ф. Клубукова (Голубинская)).

Все больший интерес не только участников наших историографических форумов, но и в целом широкой аудитории вызывают заседания тематических «круглых столов», как правило, сопровождающиеся яркой дискуссией по актуальным вопросам современного востоковедения и африканистики.

В сборнике представлены материалы трех таких круглых столов. Это, в первую очередь, работы секции «Россия и Восток: современное состояние системы дуг нестабильности», в очередной раз проводившейся под руководством проф. В.Н. Колотова.

Не менее острую дискуссию вызвали материалы круглого стола, посвященного актуальной не только для востоковедов теме: «Политика и традиционализм в странах Азии и Африки» (руководитель — проф. В.В. Бочаров).

Новым для наших историографических встреч стал круглый стол на тему: «Курдский вопрос: история и современность», состоявшийся во многом благодаря усилиям к.и.н. А.О. Победоносцевой и включивший сообщения исследователей из Санкт-Петербурга и Стамбула.

К сожалению, по вполне понятным объективным причинам, прежде всего организационного характера, этот сборник не смог включить еще сотни докладов конгресса 2021 года, показавшего высокий уровень развития, разнообразие методов и концепций источниковедческого и историографического анализа в современном российском востоковедении и африканистике.

Историческое наследие народов Азии и Африки сегодня, как никогда, является важнейшей сферой гуманитарных и социальных исследований в университетах нашей страны, веками граничившей со странами Востока и по-прежнему открытой для широкого взаимодействия.

СЕКЦИЯ 6. СЕКЦИЯ АФРИКАНИСТОВ: «ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ Д.А. ОЛЬДЕРОГГЕ»

Tonal paradigms in Mwan¹

Summary: The paper discusses inflectional paradigms in Mwan (South Mande < Mande < Niger Congo); the notion of the tonal paradigm is introduced. Tonal and mixed segmental-tonal paradigms characteristic of different word classes are demonstrated. The existence of different paradigmatic classes, both for verbs and in the non-verbal words in Mwan and some related languages is proved. In Mwan, the combination of two independent linguistic phenomena led to the formation of a canonical morphological paradigm, primarily in the verb system, and to a lesser extent in the nominal system. These are 1) the change of tone of the second element of genitive construction and 2) the existence of words which behave differently according to the left tonal context. For Mwan, it is possible to postulate tonal-segmental verb paradigm. Particular verb forms use the following mechanisms: 1) change of tone; 2) change at the segmental level; 3) both techniques. Verbs in Mwan fall into two tonal paradigmatic classes. The presence of paradigmatic classes and a rather extensive set of morphological forms make it possible to postulate a canonical morphological paradigm for Mwan verb system.

The data on Mwan were obtained by the author of the paper during numerous field trips to Côte d'Ivoire in 2003–2020.

References contain 25 works.

Keywords: Mande languages, South Mande, Mwan, linguistic tone, grammatical function of tone, tonal systems, morphological paradigm

Тональные парадигмы в языке муан

Аннотация: В статье обсуждаются словоизменительные парадигмы языка муан (группа южные манде < Манде < Нигер-Конго); вводится понятие тональной парадигмы. Даны примеры тональных и смешанных сегментно-тональных парадигм, характерных для слов разных классов. Показывается существование различных парадигматических классов для глаголов и для именных частей речи в языке муан, а также в некоторых родственных ему языках. В муан сочетание двух независимых лингвистических явлений привело к формированию канонической морфологической парадигмы — в первую очередь в глагольной системе и, в меньшей степени, в именной системе. Эти явления: 1) тональное изменение второго элемента генитивной конструкции и 2) существование классов слов, которые ведут себя по-разному в зависимости от левого тонального контекста. В муан, в отличие от большинства языков группы манде, можно постулировать наличие тонально-сегментной парадигмы в системе глагола. Глагольные формы образуются следующим образом: а) путем изменения тона без изменений на сегментном уровне; б) изменения только на сегментном уровне; в) изменения на обоих уровнях. Независимо от типа морфологической техники, используемой в конкретной форме, глаголы в муан делятся на два тональных парадигматических класса. Наличие парадигматических классов и достаточно обширный набор морфологических форм позволяет говорить о канонической морфологической парадигме глагольной системы муан. Данные по языку муан были собраны автором статьи во время многочисленных поездок в республику Кот-д'Ивуар в 2003–2020 годах.

Список литературы содержит 25 работ.

Ключевые слова: языки южные манде, язык муан, генитивная синтагма, грамматическая функция тона, тональная система, морфологическая парадигма

¹ Исследование выполнено в рамках проекта № 20–18–00250 «Тональные языки мира: база данных и атлас он-лайн», осуществляемого при финансовой поддержке Российского Научного Фонда.

I. Introduction: Morphological paradigms: segmental and non-segmental

The term *paradigm* originally referred only to morphological paradigms, which was understood as a set of forms of a lexeme, when each of these forms codes a certain grammatical meaning. The notion of the morphological paradigm dates back to antiquity, and the method of describing the grammar of a language by presenting typical paradigms is, apparently, the oldest type of grammatical description [3]. Thus, the very concept of a paradigm was associated, first of all, with inflectional languages prevailing among languages of the Europe. Recently, this understanding of the notion *paradigm* “has been marginalized and now is used only didactically” [5, p. 2]. In fact, the meaning of this term expanded; already F. de Saussure in the chapter “L’essence double du langage (The double essence of language)” reframed this notion as a set of elements that have common properties [19, p. 203–222], so it became possible to speak about derivational, syntactic, lexical paradigms.

Morphological paradigms were initially associated with segmental changes, that is, with a situation when forms of the word differ segmentally: by flexions, affixes, apophony, initial consonant mutations, suppletion. It was known long ago that word forms can also differ by suprasegmental units, which were most often understood as stress or so called musical (pitch) accent.

Recent studies have shown that morphological paradigms could be purely tonal. Consider the following examples. The purely tonal paradigm of the verb is characteristic for Tlatepuzco Chinantec² (Oto-Manguan < Amerindian). Table 1 presents the paradigm of the verb ‘to bend’ in this language.

Table 1. Verb paradigm in Tlatepuzco Chinantec [1, p. 2].

person/number tense/aspect	1 person		2 person	3 person
	Sg	Pl		
Present	<i>húʔ¹²</i>	<i>húʔ¹²</i>	<i>húʔ¹²</i>	<i>húʔ²</i>
Imperfect	<i>mi³-húʔ¹²</i>	<i>mi³-húʔ¹²</i>	<i>mi³-húʔ¹²</i>	<i>mi³-húʔ²</i>
Perfect	<i>ma²-húʔ¹²</i>	<i>ma²-húʔ¹²</i>	<i>ma²-húʔ¹²</i>	<i>ma²-húʔ²</i>
Future	<i>húʔ¹³</i>	<i>húʔ¹³</i>	<i>húʔ¹³</i>	<i>húʔ²</i>
Potential	<i>mi³-húʔ¹³</i>	<i>mi³-húʔ¹³</i>	<i>mi³-húʔ¹³</i>	<i>mi³-húʔ²</i>
Past	<i>ka¹-húʔ¹</i>	<i>ka¹-húʔ¹³</i>	<i>ka¹-húʔ¹</i>	<i>ka¹-húʔ²</i>
Hodiernal	<i>na²-húʔ¹</i>	<i>na²-húʔ¹³</i>	<i>na²-húʔ¹</i>	<i>na²-húʔ²</i>

Despite the fact that prefixes take part in the formation of some forms in Chinantec, there are forms that differ only by the tone.

An example of the nominal paradigm is the two-case system of Maasai (< Eastern Nilotic < Nilotic).

Table 2. Noun paradigms of Maasai [7, p. 16].

	nominative	accusative	translation
class I	<i>èlùkùnyá</i>	<i>èlùkúnyá</i>	‘head’
	<i>èncùmátá</i>	<i>èncómátá</i>	‘horse’
class II	<i>èndéròni</i>	<i>èndèróni</i>	‘rat’
	<i>ènkòlòpà</i>	<i>ènkòlópà</i>	‘centipede’

² Tonal system of Tlatepuzco Chinantec consists of three level tones (high, mid and low) and two contour tones (high rising and mid rising). Tone marking is as follows: 1, 2, 3 = low, mid, high; 12 mid rising, 13 high rising.

class III	<i>òlmérégèsh</i>	<i>òlmérègèsh</i>	‘ram’
	<i>òlósòwùàn</i>	<i>òlósòwùàn</i>	‘buffalo’
class IV	<i>òmótònyî</i>	<i>òmótònyî</i>	‘bird’
	<i>òsínkírri</i>	<i>òsínkírri</i>	‘fish’

The examples show that in Maasai case forms are coded by tonal morphemes.

In many languages which have morphological paradigms, there are paradigmatic classes of words which use different techniques or different allomorphs. In the canonical case, the choice is not determined by the form of the word; it must be known (the dictionary information). Typical examples of a language with paradigmatic classes are Latin, Ancient Greek, and Church Slavonic.

2. Morphological paradigms in Mande languages

In the Mande languages, morphological paradigms are characteristic of systems of personal pronouns and auxiliaries. In Mande studies, the auxiliary-like elements are traditionally referred to as predicative markers. “Unlike prototypical auxiliaries, they do not share any properties with verbs, and usually do not derive from verbs” [16, p. 2]. There is a significant linguistic literature dealing with morphological paradigms of pronouns and predicative markers in Mande languages [4, 8, 9, 12, 13, 15, 18, 20, 21, 23]. This paper deals with a less explored topic: tonal morphological paradigms of the content word classes in the Mande languages³.

In many Mande languages, content words, primarily, verbs and nouns undergo changes at the suprasegmental level. Consider these cases.

2.1. Tonal compactness of the genitive construction

In many Mande languages, certain types of the construction N + N are characterized by the tonal compactness, that is, one of the elements (usually the second) undergoes a tonal change, which indicates its syntactic coherence.

An example would be the situation in the Soninke language: “In constructions of the genitive type, if the main word is monosyllabic, it acquires the low tone; if it consists of two or more syllables, then it receives the Low-High tone (High on the final syllable, Low on all non-final syllables), no matter whatever is its lexical tone, ex. *qàlìsì* ‘money’ → *Múusá qàlìsì* ‘Musa’s money’; *kitàabè* ‘book’ → *Múusá kitàabè* ‘book of Musa’” [2, p. 257].

In Soninke, constructions with numerals also receive a similar tonal design: “...numerals precede the noun which has the singular form and undergoes the same tonal alternation as the head of genitive construction: *yùgùxàsè* (Pl. *yùgùxàsò*) ‘old man’ + *tánpillé* ‘twenty’ → *tánpillé yùgùxàsè* ‘twenty old men’” [2, p. 262]. As in Soninke there is no opposition between the alienable and inalienable possessive constructions, the tonal compactness is also inherent to all possessive groups.

Unlike Soninke, in Kakabe, tonal compactness is characteristic of the genitive group, but not of the possessive constructions of both types (alienable and inalienable) [24, p. 206]. In Kpelle, tonal compactness is characteristic only for constructions with a non-referential first element cf., Kpelle *bé láá kò ʔò* ‘ram + leg\L ‘ram leg’ [11, p. 287].

The situation described above is often interpreted as the neutralization of lexical tone of the second element. The lexical tone may be substituted by a default tone or by the tone of the first element which extends to the second constituent (for more details see [6], [10]).

³ Tonal paradigms in two Mande languages were analyzed in [25].

The tonal compactness emphasizes the syntactic connection of constituents; tonal changes indicate the syntactic link, we deal here with a grammatical function of tone. The question is, whether these forms can be considered a tonal paradigm? The authors of the grammatical sketch of Soninke write on the topic as follows:

“... nouns are characterized by an inflectional paradigm, which consists of five forms (non-autonomous, singular indefinite, singular definite, plural indefinite, plural definite), as well as of two special tonal forms: *esāfe* form (grammatical LH tone), appearing on the head of a genitive construction, and low tone form (even low tone), used after the distributive marker *wó*” [2, p. 259].

Thus, the authors of the grammatical sketch of Soninke consider the form of the second element of the genitive construction as a part of the nominal paradigm.

So, it is possible to postulate the existence of nominal tonal paradigms for languages which demonstrate the compactness of genitive groups of any type. As will be shown below, in Mwan, the interpretation of these forms as paradigmatic is moreover proved by the existence of paradigmatic classes.

2.2. 2. Tone in Verbal systems

The existence of an inflectional tonal paradigm in verbal systems could be claimed for those languages where certain grammatical categories of verb (aspect, tense) are encoded by a change of tone. A good example is Eastern Dan where the ultra-low tone encodes the neutral aspect; another example is Mwan, where verbs acquire the middle tone in the form of habitualis⁴.

Eastern Dan [22, p. 85–86]

(1a) *Yà dhán zǔ.*

aux.3sg.prf child wash

‘She has washed the child.’

(1b) *Yǎ kǎ dhán zǔ.*

aux.3sg.exi retr child wash/neut

‘She washed the child.’ (once upon a time)

Ex. (1a) presents the Perfect construction which consists of the perfect predicative marker and the verb in its lexical form *zǔ* (eH). In ex. (1b) the neutral aspect construction uses the predicative marker of the existential series⁵ and the low-tone form of the verb *zǔ* (eL).

In Mwan, the change of the lexical tone of a verb to the mid tone codes the habitual aspect (positive and negative polarity).

Table 3. Habitual aspect forms of different types of verbs (see 3.2.)

Type of the stem	Lexical form	Habitual form	Translation
CV̇	<i>kú</i>	<i>kū</i>	‘to catch’
CV̄	<i>gē</i>	<i>gē</i>	‘to go’
CV̇	<i>gbí</i>	<i>gbī</i>	‘to hunt’
VVV	<i>síí</i>	<i>sīī</i>	‘to call’
CvLV	<i>lrè</i>	<i>lrē</i>	‘to be nice’
CV-lȧ	<i>zīnà</i>	<i>zīnā</i>	‘to come down’

Unlike Eastern Dan, where the verb cannot play the role of a predicate of the sentence independently, in Mwan, a verb alone can be a predicate; consider the following examples:

⁴ The discussed temporal-aspectual forms of these two languages are rather close in semantics. The neutral aspect in Dan is an umbrella form which includes habitualis (for more details see [22]).

⁵ In Eastern Dan, the existential predicative marker can be regarded as default, “no segmental or tonal element can be singled out which could be interpreted as a carrier of the TAM semantics” [21, p. 355–363, 405–408].

(02) <i>Lē</i>	é	<i>māā</i>	<i>l̄</i> .
woman	art	chicken	sell/M
‘The woman sells a chicken.’			
(03) <i>Lē</i>	é	<i>yòò</i>	<i>māā</i> <i>l̄-zí</i> .
woman	art	cop.3sg	chicken sell-prog
‘The woman is selling a chicken’.			

Ex. (02) presents the Habitual form of the verb *l̄* ‘to buy’ which is formed by the tonal change (L → M). Ex. (03) presents the Progressive form without this change.

Thus, a tonal morphologic paradigm can be postulated for verbal systems of these languages. In Mwan, as it is shown further the verbal paradigm is tonal-segmental.

3. Tonal paradigms in Mwan

3.1. Tone system of Mwan

There are three level tones in Mwan: high (v̇), middle (v̄) and low (v̇). Examples of minimal triples: *kùè* ‘badger’, *kūē* ‘wing bean (tree)’, *kúé* ‘load’; *kàà* ‘file (tool)’, *kāā* ‘fish’, *káá* ‘to scratch’. Double vowels may bear six tone combinations: HL (v̇v̇), LH (v̇v̄), MH (v̄v̇), ML (v̄v̇), HM (v̄v̄) and LM (v̇v̇): *kpàà* ‘dry’, *kpáā* ‘arbre (sp.)’, *kpáá* ‘shed’; *tàà* ‘grandfather’, *tāā* ‘or (particle)’, *tāá* ‘you should’; *wēē* ‘to look for’, *wēē* ‘how many’; *kɔ̀ɔ̀* ‘hand’, *kɔ̀ɔ̀* ‘we, us’. The frequency of tone combinations varies considerably: the most frequent being HL and LH. The less frequent is the combination ML (v̄v̇).

3.1.1. Tone-changing patterns

Certain words change their tone after particular left tonal context in N + N, Od + V; NEG + V and some other constructions. Other words do not undergo any change. The ability to change the lexical tone depending on the left context is an idiosyncratic propriety of the word in question. If a word consists of more than one foot, it is the first foot that undergoes the change. Major grammatical word classes (noun, verb, adjective, postposition) include words of two types:

1) those which never change their initial tones;

2) those which change the initial tone of the first foot depending on the left tonal context according to a particular pattern.

For example, the noun *gbē* ‘hand’ never changes its lexical tone: in possessive constructions (after H) *í gbē* ‘my hand’, (after M) *lē gbē* ‘woman’s hand’, (after L) *í drúānè gbē* ‘my nephew’s hand’.

The noun *lù* ‘daughter’ changes its tone according to the left tonal context: (after H) *í lú* ‘my daughter’, (after M) *lē lù* ‘woman’s daughter’, (after L) *Sità lú* ‘Sita’s daughter’. This noun bears a high tone after high or low tones, but keeps the lexical low tone after the middle one.

The lexical tone (the tone of the quotation form) of a word is always identical with the variant that appears after the middle tone. It is worth mentioning that pronouns of the 3 Person, both Singular or Plural, bear low tone, but they produce the effect characteristic for middle tone context, cf. *à lù* ‘his daughter’, *ò lù* ‘their daughter’ where the noun *lù* keeps the lexical low tone as after the middle tone. The choice between tone-changing patterns is a lexical propriety of a word and cannot be deduced from its form or meaning. Therefore, words are marked in the dictionary as belonging to the Constant (Const), Mobile (Mob) or Coordinative (Coord) tone-changing class.

Constant pattern: a word does not change its tone in respect to the tonal context. These can be words of all classes: nouns (e.g. *gbē* ‘hand’, *bōō* ‘goat’, *flú* ‘payment for the bride’, *gl̄̀è* ‘crocodile’), verbs (*kú* ‘to catch’, *ḡ̀* ‘to sell’, *l̄* ‘to buy’, *gbí* ‘to chase away’), adjectives (*té* ‘red’, *klō* ‘stupid’, *gl̄̀ɔ̀* ‘hard’).

Mobile pattern: a word keeps its lexical tone in the position after the middle tone; with the high and low tone on the left, these words change their tone to high:

Table 4. Mobile pattern of the tone change

Left tonal context	Lexical tone	Resulting tone	
		CV	CVV, CvLV
́, ́́, ̀̀, ̀̀́ + ̀, ̀̀, ́́, ́́̀	̀, ̀̀	->	́
	̀̀, ̀̀̀	->	́́
	̀̀̀	->	́́̀
	̀̀́	->	́́̀

Examples:

- (4) the adjective: *yòṣ* ‘bad’:
- (H left context) *dàwli yóṣ* ‘bad trick’;
- (M left context) *yrē yòṣ* ‘bad place’;
- (L left context) *zà yóṣ* ‘bad business’.

(5) the verb: *yē* ‘to see’:

(5a) *Dòò brúú yé-zí*

1sg.cop bread see-prog

‘I see a bread’.

(5b) *Dòò māā yē-zí*

1sg.cop chicken see-prog

‘I see a chicken’.

(5c) *Dòò zò yé-zí*

1sg.cop pangolin see-prog

‘I see a pangolin’.

(6) the verb *fáá* ‘to steal’, Perfective *fáá-nà*:

(6a) *Jàrà á kpé fáá-nà*.

lion 1sg.poss duiker steal-prf

‘A lion has stolen my duiker’.

(6b) *Jàrà á māā fáá-nà*.

lion 1sg.poss chicken steal-prf

‘A lion has stolen my chicken’.

(6c) *Jàrà á zò fáá-nà*.

lion 1sg.poss pangolin steal-prf

‘A lion has stolen my pangolin’.

Coordinative pattern: the word changes its tone to HL after the high tone. After middle or low tones it keeps its lexical or grammatical tone. This characteristic for:

- 1) some nouns with a lexical low tone;
- 2) the postposition *là* ‘under’;
- 3) negative perfective forms of the CVV and CvLV verbs with the lexical high tone;
- 4) perfective forms (affirmative) of the following types of verbs: a) verbs of the CV structure with the Mobile pattern of tone-changing; b) verbs of the CV structure with the lexical high tone; c) verbs of CVV and CvLV structure with lexical high or low tones.

Examples:

(7) Perfective form *yàà* of the verb *yē* ‘to see’ (Mob.):

7a *Jàrà kpé yàà*. ‘Lion have seen a duiker’.

7b *Jàrà māā yàà*. ‘Lion have seen a chicken’.

7c *Jàrà zò yàà*. ‘Lion have seen a pangolin’.

Table 5. Patterns of the tonal behaviour according to the left tonal context

Pattern	Left tonal context	Tone of the first foot of the word		Comment
		CV	CVV, CvLV	
Constant	H	lexical		Certain word of different grammatical classes
	M	lexical		
	L	lexical		
Mobile	H	H	HH	Words of content words classes, postpositions, negation marker
	M	lexical		
	L	H	HH	
Coordinative	H	H	HH, HL	Some nouns with low lexical tone of the first foot, some verbs in Perfective, postposition <i>là</i> ‘under’
	M	L	LL	
	L	L	LL	

Mwan, as it was shown above, has tonal paradigms. Different tonal behaviour of individual words, independent of their meaning or form, determines the existence of paradigmatic classes in this language.

3.2. Tonal paradigmatic classes in Mwan

3.2.1. Genitive group

In Mwan, tone compactness is characteristic for genitive (8), inalienable possessive (9) and attributive (10) constructions. However, this change is not automatic, it happens only with noun of mobile paradigmatic class:

- (8) *lè* ‘herd, flock’ *zrō lè* ‘herd of gazelles’ ~ *kpé lé* ‘herd of duikers’;
- fàli* ‘hoof’ *zrō fàli* ‘gazelle hoof’ ~ *kpé fàli* ‘duiker hoof’;
- (9) *yāpēmū* ‘parents’ *à yāpēmū* ‘his parents’ ~ *Màni yāpēmū* ‘Mani’s parents’
- gbē* ‘arm’ *à gbē* ‘his arm’ ~ *Màni gbē* ‘Mani’s arm’;
- (10) *yòṣ* ‘bad’ *yrē yòṣ* ‘bad place’ ~ *dàwli yóṣ* ‘bad trick’.
- gwē* ‘old’ *yrē gwē* ‘old place’ *dàwli gwē* ‘old trick’

Nouns and adjectives have the tonal morphological paradigm that consists of two forms: 1) initial (lexical) form; 2) *esāfe* form used to mark the head in genitive constructions. For certain words these two forms coincide, others change the lexical tone according to tone changing patterns described above (3.1.1.). Accordingly, nouns and adjectives are divided into three following paradigmatic classes:

Constant class (words do not change the tone):

zrù ‘aunt (on father’s side): *lē zrù* ‘woman’s aunt’; *íj zrù* ‘my aunt’, *Màni zrù* ‘Mani’s aunt’;

nrò ‘fat, grease’: *cāfé díí nrò* ‘coffee tree butter’, *kpé nrò* fat of an antelope, *zrò nrò* ‘honey (bee’s fat)’

gbṣṣ ‘long’: *zī gbṣṣ* ‘a long road’, *létré gbṣṣ* ‘long letter’, *dunè gbṣṣ* ‘boubou (long shirt),

Mobile class (words change the tone by the mobile model, see Table 4):

nààlè/náálè ‘mother-in-law (of a woman)’; *lē nààlè* ‘woman’s mother-in-law’, *lē é náálè* ‘mother-in-law of the woman’, *Zālè náálè* ‘Zale’s mother-in-law’;

kòṣ/kóṣ ‘hand, palm’: *lē kòṣ* ‘woman’s hand’, *íj kóṣ* ‘my hand’, *íj drúānè kóṣ* ‘my nephew’s hand’;

Coordinate class (words change the tone by the coordinative model, see Table 4):
drūānè/driūānè ‘nephew (on mother’s side)’: *Gōnē drūānè* ‘Gone’s nephew’, *à drūānè* ‘his nephew’, *íj driūānè* ‘my nephew’, *Māni driūānè* ‘Mani’s nephew’.

The same classes exist for the system of postpositions which, in fact, are a subclass of nouns:

Constant class:

bā ‘at (someone), in (inside something)’: *yì bā* ‘in water’;

dìj ‘next to’: *vè dīī dīj* ‘next to the kapok tree’;

zī ‘behind, along’: *fě é zī* ‘around the house’;

mā ‘on, at (in possessive constructions)’: *íj mā* ‘at me’;

tā ‘on, over’: *tré tā* ‘on the ground’;

nī ‘for, to’: *lē nī* ‘for a woman’.

Mobile class:

yì/yí ‘in, on’: *vè dīī yì* ‘on a kapok tree’ ~ *yri yí* ‘on a stick’;

lì/lí ‘in’: *gāyā lì* ‘in a trap’ ~ *zī é lí* ‘on the road’

Coordinate class:

là/lá ‘in, under’: *vè dīī là* ‘under the kapok tree’ ~ *fě é lá* ‘in the house’.

3.2.2. Verb tonal morphology

In Mwan, verb stems belong to one of the three major morphological groups:

I class. Short-foot stem verb class (CV type): *kpá* ‘to put’, *dē* ‘to kill’.

II class. Long-foot stem verb class (CVV, CvLV types): *síi* ‘to call’, *lrè* ‘to be nice’.

III class. Stems with the element *-Là* (CV–Là, CVV–Là, CvLV–Là): *bālà* ‘to fall down’, *dūlā* ‘to stop’.

A verb may bear any of the three tones; its initial lexical tone being revealed in certain diagnostic positions (e.g. Imperative 2 Sg for intransitive verbs, in the form of Gerund as a citation etc.). The initial form of verbs of I and II classes always bear an even tone (v̄, v̄v̄, v̄, v̄v̄, v̄, v̄v̄). Modulated tonal patterns are not possible for initial forms of these verbs, which radically distinguishes the verb from words of other classes.

Tone is used in verbal inflection. The following verb forms are coded by tones in full or in part:

Habitual. Habitual verb forms have middle tone disregarding the foot structure of the verbal stem, its lexical tone or its tone-changing pattern.

Imperative and Optative (Affirmative). In most of the cases the tone of a verb in Imperative is identical to its lexical tone. It is true for all the CV verbs. CVV and CvLV verbs acquire middle tone on the last vowel: v̄v̄ → v̄v̄; v̄v̄ → v̄v̄ (see Table 6).

Table 6. Tonal morphology in the verb system⁶

	Stem	Habitual (Middle tone)	Imperative and Optative
CV	<i>kú</i> ‘to catch’	<i>á kū</i> ‘I catch it’	<i>à kú</i> ‘catch it!’
CV̄ (Const) ⁷	<i>gō</i> ‘to sell’	<i>á gō</i> ‘I sell it’	<i>à gō</i> ‘sell it!’
CV̄ (Mob)	<i>yē</i> ‘to see’	<i>á yē</i> ‘I see it’	<i>à yē</i> ‘see it!’
CV̄ (Const)	<i>gbì</i> ‘to chase’	<i>á gbī</i> ‘I chase it’	<i>à gbì</i> ‘chase it!’
CV̄ (Mob)	<i>lō</i> ‘to buy’	<i>á lō</i> ‘I buy it’	<i>à lō</i> ‘buy it!’

⁶ Transitive verb require an overtly expressed direct object.

⁷ On mobile and constant verbal paradigms see 3.1.1.

CV̄V̄, CV̄LV̄	<i>páá</i> ‘to sting’	<i>íj pāā</i> ‘I sting’	<i>pāā</i> ‘sting!’
CV̄V̄, CV̄LV̄	<i>gāā</i> ‘to hide’	<i>á gāā</i> ‘I hide it’	<i>à gāā</i> ‘hide it!’
CV̄V̄, CV̄LV̄	<i>mlāā</i> ‘to swell’	<i>íj mlāā</i> ‘I swell’	<i>mlāā</i> ‘swell!’

Segmental verb morphology

Perfective is formed by addition of the suffix *à/ là* to the stem. The low tone of the suffix affects the verb stem which acquire the low tone, therefore these forms can be described as segmental-tonal.

Verb morphologic paradigm in Mwan includes also the following non-finite forms which are formed by segmental changes:

Gerund	<i>-lē</i>
Supun	<i>-lē</i>
Progressive	<i>-zí/-zī</i> ⁸
Conjunctive converb	<i>-lè/-lé</i> ⁹

Non-finite forms are agglutinative by the type of attachment.

Apparently, for Mwan it is possible to postulate a verb paradigm which is tonal-segmental; certain forms use changing of tone without changes at the segmental level; others use segmental changes or both techniques.

Regardless of the type of morphological technique used in a particular form, verbs in Mwan fall into two tonal **paradigmatic classes**. This subdivision is based on the tonal behavior of a concrete verb depending on the left tonal context in the frames of the VP (S + Vi; NEG + V; Ad + V), in detailed discussed above (3.1.1.).

Cf. in Progressive for all types of stems:

I class Constant pattern: *gbì* ‘to chase’ *á gbì-zí* ‘I am chasing him’;

yà gbì-zí ‘he is chasing him’.

I class Mobile pattern: *lō* ‘to buy’ *á lō-zī* ‘I am buying it’;

yà lō-zí ‘he is buying it’.

II class Constant pattern: *gāā* ‘to hide’ *á gāā-zí* ‘I am hiding it’;

yà gāā-zí ‘he is hiding it’.

II class Mobile pattern: *wlēē* ‘to raise’ *á wlēē-zī* ‘I am raising it’;

yà wlēēnà ‘he is raising it’.

For the III class (verbs with *-Là*) constant and mobile patterns may be demonstrated by the form of Perfective:

III class Constant pattern: *zīnà* ‘to come down’ *íj zīnàá* ‘I came down’;

è zīnàá ‘he came down’.

III class Mobile pattern: *yālā* ‘to sit down’ *íj yālāá* ‘I sat down’;

è yālāá ‘he sat down’.

4. Discussion and conclusion

In Mwan, two apparently independent phenomena in combination have resulted in the formation of a canonical morphological paradigm, primarily in the verb system, and to a lesser extent in the nominal system.

The first of these phenomena is the tonal change of the second element of the genitive construction. As it was shown in 2.1., this technique is quite common for Mande languages: the tone marks the syntactic link. In Mwan, this technique has spread to the VP formation. In fact,

⁸ The choice of the allomorph depends on the tone of the verb: after H the allomorph *-zī* is attached, in other cases the allomorph *-zí* is used.

⁹ The suffix of the conjunctive converb *-lè/-lé* changes its tone by the mobile pattern (see 3.1.1.).

tonal change in the sequences S + V, NEG +V; Od + V may be regarded as an extension of the genitive group.

It is known that predicative constructions in Mande languages historically go back to copular constructions with nominalized verbs¹⁰ [16]. So, it may be supposed that Mwan has transferred the tonal compactness from the nominal to the verbal group.

The second phenomenon is the existence of classes of words which behave differently according to the left tonal context. This is not typical for other Mande languages except for the close related Guro where verbs also split into constant and mobile tone changing classes [14]. The origin of this phenomenon is not clear as the membership of a word in a particular tonal class cannot be deduced out of its form, semantics or origin. In synchrony, it is dictionary information that just has to be known.

The presence of paradigmatic classes and a rather extensive set of morphological forms make it possible to speak about canonical morphological paradigm for the Mwan verb system.

Abbreviations

1–1st person; 3–3rd person; art — vowel; aux — auxiliar; Const — constant pattern; Coord — coordinative pattern; cop — copula; eH — extra-high tone; eL — extra-low tone; exi — existential series of auxiliaries; H — high tone; L — low tone; M — middle tone; Mob — mobile pattern; N — noun; NEG — negative particle; neut — neutral aspect; Od — direct object; pl — plural; poss — possessive; prf — perfective; prog — progressive; retr — retrospective operator; sg — singular; V — verb.

References

1. *Baerman, Matthew & Palancar, Enrique L.* The Organization of Chinantec tone paradigms. 2014. hal-01099323. <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-01099323/document>
2. *Creissels D, Denis & Urmanchieva, Anna Yu.* Soninke jazyk (Сонинке язык). Jazyki mira: Jazyki mande (Valentin Vydrin, Julija Mazurova, Andrej Kibrik, Tltna Markus (Eds). Saint-Petersburg: Nestor-Istorija. 2017. P. 248–283.
3. *Desnickaja, Agnija V. & Katsnelson, Solomon D.* (Eds). Istorija lingvisticheskikh uchenij. Drevnij mir (История лингвистических учений. Древний мир). Leningrad: Nauka, 1980.
4. *Fedotov, Maksim.* Konstruktsija imediatnogo predshestvovaniya v jazyke gban. Nabroski k tipologii imediatnosti (Конструкция имедиатного предшествования в языке гбан. Наброски к типологии имедиатности) // E. M. Deviatkina (Ed.). Problems of language: Collection of articles on the materials of the First conference-school “Problems of language: the view of young scientists” (Moscow, September 20–22, 2012, Institute of Linguistics, RAS). Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2012. P. 316–343.
5. *Fossali, P.B., Colas-Blaise M & Rémi-Giraud S.* The paradigm concept in the sciences of language. Signata. 2021. <https://doi.org/10.4000/signata.1342>
6. *Green, Christopher R.* A survey of word-level replacive tonal patterns in Western Mande Mandenkan 59. 2018. P. 67–108.

¹⁰ As Nikitina showed, the order of the elements in the sentence, S (DO) V (IO) “brings the verb group closer to the nominal one”; “only the direct object is included in the verb group, while the indirect one is added as a weakly integrated ‘appendage’ to the entire sentence” [17, p. 34–35]. This and some other features of the syntax of the Mande languages (the absence of ditransitive verbs, lack of distinction between pronouns of the “accusative” and “genitive” series) is a consequence of the fact that the TAM verb forms are etymologically nominal.

7. *Hyman, Larry.* Morphological tonal assignments in conflict: Who wins? In: Enrique Palancar & Jean Léo Léonard (eds), Tone and inflection: New facts and new perspectives. Berlin/Boston: De Gruyter Mouton. 2016. P. 15–39.
8. *Khachatryan, Maria.* Inclusory pronouns in Mande: The emergence of a typological rarum Folia Linguistica 2019; 53(1): 87–123 <https://doi.org/10.1515/flin-2019-2005>
9. *Khachatryan, Maria.* Grammaire du mano. Mandenkan 54: 2015. P. 1–252.
10. *Konoshenko, Maria.* Wordlevel replacive tonal patterns in Mande nominal constructions: On Christopher Green’s binary typology. Mandenkan 59. 2018. P. 109–120.
11. *Konoshenko, Maria.* Kpelle jazyk (Кпелле язык). Jazyki mira: Jazyki mande (Valentin Vydrin, Julija Mazurova, Andrej Kibrik, Tltna Markus (Eds). Saint-Petersburg: Nestor-Istorija. 2017. P. 284–243.
12. *Konoshenko, Maria.* Lichno-chislovoje markirovanije v jazyke kpelle: k tipologii soglasovaniya po litsu i chislu (Лично-числовое маркирование в языке кпелле: к типологии согласования по лицу и числу). Voprosy jazykoznanija 2013. № 1. P. 95–114.
13. *Kuznetsova, Natalia.* Morfologija lichnykh mestoimenij v jazyke guro (Морфология личных местоимений в языке гуру) // African collection — 2007 (Valentin Vydrin (Ed.). Saint-Petersburg: Nauka. 2008. P. 367–409.
14. *Kuznetsova, Olga V.* Glagol v jazyke guro (Глагол в языке гуру). PhD dissertation (Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук). Saint-Petersburg. 2013.
15. *Makeeva, Nadezhda.* Grammaticheskij stroj jazyka kla-dan v tipologicheskom kontekste rodstvennykh jazykov (Грамматический строй языка кла-дан в типологическом контексте родственных языков): PhD dissertation (Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук). Moscow: Institute of Linguistics < RAS. 2012.
16. *Nikitina, Tatiana.* Verb phrase external arguments in Mande: New evidence for obligatory extraposition. Natural Language and Linguistic Theory, Springer Verlag, 2019, ff10.1007/s11049-018-9417-0ff. fhalshs-01870547f
17. *Nikitina, Tatiana.* Pra-Mande i Niger-Kongo: predvaritel’nyje zamechanija k rekonstruktsii sintaksisa (Пра-манде и нигер-конго: предварительные замечания к реконструкции синтаксиса) // E. Perekhvalskaya, A. Zheltov (eds.). Le Monde Mandé. Festschrift for Valentin Vydrin. Materials of the expedition to West Africa [K 50-летию Валентина Фео-досьевича Выдрины. Материалы экспедиции в Западную Африку]. 2011. P. 33–39.
18. *Paperno, Denis.* Grammatical description of Beng, a Mande language spoken in Côte d’Ivoire. Mandenkan 51. 2014.
19. *Saussure, Ferdinand de.* Écrits de linguistique générale, Paris, Gallimard, 2002 (1894).
20. *Vydrin, Valentin.* Jeshcho raz o «sub»jektnykh mestoimenijakh» v juzhnykh mande: mestoimenija ili predikativnyje pokazateli? (Ещё раз о «субъектных местоимениях» в южных манде: местоимения или предикативные показатели? // Viktor Vinogradov (Ed.). Fundamentals of African Linguistics: The syntax of noun and verb groups. Moscow: Academia, 2010. P. 385–400.
21. *Vydrin, Valentin.* Lichnyje mestoimenija v juzhnykh jazykakh mande (Личные местоимения в южных языках манде). Acta Linguistica Petropolitana. 2(2). 2006. P. 327–413.
22. *Vydrin, Valentin.* The neutral aspect in Eastern Dan. Language in Africa 1(1). 2020, 93–108.
23. *Vydrin, Valentin.* Soglasovanije mestoimennogo predikativnogo pokazatelia s podlezhashchim v dan-gueta (Согласование местоименного предикативного показателя с подлежащим в дан-гуэта) // African Collection — 2013 (Aleksandr Zheltov (Ed.). Saint-Petersburg: Kunsamera, 2013. P. 263–285.

24. *Vydrina, Aleksandra*. Kakabe jazyk (Какабе язык). Jazyki mira: Jazyki mande (Valentin Vydrin, Julija Mazurova, Andrej Kibrik, Tltna Markus (Eds). Saint-Petersburg: Nestor-Istorija. 2017. P. 172–213.
25. *Vydrin, Valentin*. Tonal inflection in Mande languages: The cases of Bamana and Dan-Gwæetaa. In: Enrique Palancar & Jean Léo Léonard (eds), Tone and inflection: New facts and new perspectives. Berlin/Boston: De Gruyter Mouton. 2016. P. 83–104.

Author's information

Elena V. Perekhvaskaya — Doctor of Sciences in Philology, Main research fellow, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences.

Email: elenap96@gmail.com

Информация об авторе

Елена Всеволодовна Перехвальская — доктор филологических наук, главный сотрудник Института лингвистических исследований РАН.

Email: elenap96@gmail.com

УДК 94(47)

Alexander S. Zdanevich

Saint-Petersburg State University

Manifestation of an archaic worldview in traditional African culture

Summary: This article is an attempt to mark the approaches to the problem of defining the boundaries between the archaics and the modern times within the space of African culture. The author thinks that in Africa one can still find a path to the truth and return our common Civilization to square one. The study of the rhythmic structure of the cultural space of African peoples in the era of the crisis of modern World is one of the simplest and at the same time complex options for moving the science towards the direction of creation. The transition from archaics to neo-traditionalism will become a kind of background for us, favorably shading truth from fiction, challenging the millennial traditions of African archaic societies. This will allow us to identify the signs of the crisis of African culture and outline ways of solving the contemporary problems of the continent.

Keywords: culture space; mythology; traditional African culture; archaic; modern times

A.С. Зданевич

Санкт-Петербургский государственный университет

Проявление архаического мировосприятия в традиционной африканской культуре

Аннотация: Данная статья представляет собой попытку обозначить подходы к проблеме определения границ между архаикой и современностью в пространстве африканской культуры. Автор считает, что в Африке еще можно найти путь к истине и вернуть нашу общую Цивилизацию на круги своя. Изучение ритмической структуры культурного пространства африканских народов в эпоху кризиса современного Мира — один из простейших и в то же время сложных вариантов продвижения науки в направлении созидания. Переход от архаики к неотрадиционализму станет для нас своеобразным фоном, выгодно отделяющим истину от вымысла, бросая вызов тысячелетним традициям архаичных африканских обществ. Это позволит выявить признаки кризиса африканской культуры и наметить пути решения современных проблем континента.

Ключевые слова: пространство культуры, мифология, традиционная африканская культура, архаика, современность

Archaics is an element that inevitably postulates irrationality in everyday life. No other cultural and historical space is more intriguing and attractive for us today in all respects.

Here we initiate an attempt to identify the origins and determine the patterns and boundaries of interaction between the observer and the object of study within the space of African culture. Fundamental concepts as stability and variability of archaic structures of the cultural space, the existence of a traditional society within the triad of chaos, equilibrium & space are taken as the basis. In this article we will take an archaic (traditional) African society — the carrier of archaic consciousness — as the “object of research”.

The range of problems facing the researcher in the proposed context is quite wide. Methodologically, it is maintained and anticipated by the works of those scientists who conduct research in various fields of knowledge, directly or indirectly associated with the present and past of the African continent and archaics as it is, in Russia and abroad. Let us mention just a few: John S. Mbiti, Umberto Eco, Mircea Eliade, Vladimir R. Arsenyev, Victor V. Bocharov, Thomas Widlok, Linda James Myers, Neil ten Kortenaar.

Thus, we can focus on a number of issues that have been repeatedly discussed in scientific circles, and, nevertheless, require rethinking, in our opinion:

- the mythologization of the past and the present;
- the problem of “African time”;
- the structuring pictures of reality in African culture;
- the manifestation of archaics in everyday life;
- African myth & reality;

In the framework of this article, we will try to determine the optimal approaches to the problem. “Neo-traditionalism, which forms the opposite (rational) side of society’s interaction with reality in relation to the archaics” (Bocharov V., 2016, p.32), will also be taken into consideration.

It is difficult to characterize the centuries-old history consequences of cultural interaction & reality perception that took place on the African continent unambiguously. To form a more complete picture, researchers are forced to consider not only the historical retrospective, but also a number of problems accompanying the changes that traditional society faced at a new round of evolution, in the era of acquaintance with European civilization. The East-West dichotomy, taken as a basis by the European cultural tradition in the 20th century, mitigates misunderstanding, but only for those who invented it — the Europeans. However, as a tool for transition from globalism to populism nowadays, it does not stand up to criticism.

“Most contemporary Africans find it difficult to adjust between their primitive beliefs in certain aspects of their culture and the supposedly modern mode of accepted behaviour. For instance, how does the African explain disasters, deaths, accidents and other misfortunes in the family? A new convert of the Christian church would run to the church for explanation and comfort, but if the church’s reaction is not immediate or prompt, the person may turn, in secret, to the native medicine man for immediate remedies. If the relief comes, he finds himself having to hold dual allegiance — one to his new found faith, and the other to his primitive beliefs. This form of dichotomy goes beyond misfortunes and permeates most aspects of the person’s life.” (Idang, Gabriel E., 2015, p.107).

It should be noted that with the development of postcolonial discourse, the Africans have taken up the tendency to oppose themselves to the Europeans within the framework of the gaining popularity of the Pan-Africanist movement. In the 21st century, the idea of a special path for an independent Africa, based on the memory of ancestors, finds an increasing response in the hearts of its inhabitants. It reconciles African youth to reality.

Changes cover all spheres of existence of a traditional society, determining its survival. The mechanics of interaction within the framework of tradition are changing before our own eyes. Globalism is replaced by populism, archaics — by neo-traditionalism as it is.

It is difficult to dispute the fact that the rational view of the World around, inherent in the representatives of the Western world, prevails over the “sensual” irrational perception of reality inherent in the countries of the East. It would seem that the victory of the New over the Old is obvious. But, nevertheless, as researchers being involved into African everyday life, we still can feel the irresistible desire of a person to return to the foundations of the World order. Traditional values of archaic societies “penetrate” into everyday life or even shape it, ordering the chaos around us.

“The synergetic nature of the society that allows people to build houses and work on farms together is directly opposite to the Western individualistic model. <...> But today, we see people adopting more and more nuclear family patterns and the individualistic life style of the West. <...> Kinship ties and love are what characterised the traditional African culture. <...> In this respect, the synergetic nature of African culture is what made the society very amiable. (Idang, Gabriel E., 2015, p.108).

The role of Culture in this context can hardly be overestimated. This is not only and not so much about visual means. When we cite art as an example as the embodiment of the mass perception of the archaics, it is necessary to understand that this is done only with the aim of making the example more “convex”.

So, we witness the need to understand the origins of the discussed problems, to form approaches and methods of interaction. In many respects, our future, the future of the Culture of African peoples, which allows us to return to the basic levels of knowledge of our past, present, and future, depends on success in this area.

The patterns of transformation of the developing economies, which, for a number of reasons, the overwhelming majority of African states belong to, are determined by the results of the fourth technological revolution. The lack of reproduction of material culture in the mentioned part of the ecumene defines completely new tasks, both for the societies themselves and for researchers studying the historically determined features of the development of these societies.

The role of the researcher in the process of forming the cultural space of the African continent and even changing the latter is still not fully defined. The result of analytical processing and extrapolation of the knowledge gained to the whole variety of existing approaches to the subject and object of a research, as well as the generalization of the results of field work, leaves not many options for the scenario of filling the information vacuum.

An attempt to merge with an object using the inclusive observation method, by far, gives the most informative, tangible result. So, in theory, we come to the hypothesis that determines the situational nature of the restrictions that arise in the course of obtaining knowledge about the object as such. It is formulated as follows: when an observer appears, the integrity or equilibrium of “the system” is destroyed. It should also be noticed, that in this particular case we consider surrounding world as “the system”. All its components change irreversibly. In this case, if an excluded observation method is chosen, the information is interpreted, but if it is about included observation, the received amount of data is legitimized. Thus, the quality of what is sought is lost — the reliability of the data obtained, which seems to be the most important.

At the basic research level, we will focus on trying to trace how stable and at the same time changeable archaic structures of traditional African culture are in the space of modernity.

The basis of the archaic perception of the world is sensory perception — the sphere of sensations. A person becomes a perceiving being, a conductor of energy coming from the surrounding world, a translator of this energy within the framework of society. Collective thinking becomes a guarantee of the stable existence of the system. A unified view of things eliminates the possibility of contradictions, minimizes the possibility of conflict.

Harmonization of consciousness becomes a consequence of a rhythmically organized reality, human involvement in the natural course of things (change of day and night, change of seasons,

birth and death). The principle of sufficiency becomes a guarantee of a reasonable distribution of roles in traditional society, limits the efforts of the individual, smoothly integrating the result of individual actions into the paradigm of common interests. This ensures the stability of archaic structures as they are.

The system of building relationships with ancestors deserves special attention. Within the framework of a traditional society, every action at the present moment in time is inevitably questioned, looking for some kind of justification or confirmation of the correctness of each step. The search for a precedent is the prerogative of the oldest representatives of society — the elders. It is them who become mediators between the visible, tangible world and the world of ancestors. Thus, the connection of times is achieved; there is a combination of points in space and time, which are significantly distant from each other.

“People move forward, not by turning their backs to past generations, but by following their ancestors who walk in front of them, following past precedent so to speak.” (Widlok, T. & Knab, J., 2021, p.3).

As a result, the researcher (if he or she is lucky enough), sitting by the fire in a tiny African village, listening to the smooth speech of an old man telling fairy tales to kids, in practice observes the implementation of a part of Einstein’s theory of relativity. The plurality becomes a unity. A person realizes himself present in the future through a kind of collective memory. Theoretically, the researcher can even proceed to the formation of, so to say, an “event horizon” in the mind of the object in the past and future.

“<...> parallelism between supernatural otherworlds and empirically experienced places could also be created through ritual by identifying movement to or from that place with movement between worlds.” (Frog., 2020, p. 462).

In Africa we take archaics as the bedrock on which the form and method of research work is based. Moreover, a deep understanding of traditional cultures implies that the researcher is forced, at least for a while, to become an integral part of the archaic perception of the world, to become one with it, to merge with it. If all the necessary conditions are met, understanding or awareness of the true reality comes. That very “special” view is being formed through the prism of culture, which is alien to us, concealed for the time being.

African studies, as a complex of methodological approaches to the study of traditional societies of the African continent, allow you to maximize the range of research techniques. Since the study of the continent and the peoples inhabiting it is by no means an easy matter, the sphere of our interests engaged in field work includes a whole range of areas.

When we talk about Africa, peoples living on the continent, when we try to find the best methods for studying the complex, multi-level structures of the societies of the past, formed millennia ago, it is at this moment that we inevitably come to those layers of knowledge where the intersection points of the archaics and modernity. We get to know ourselves.

Archaic people were and remain incredibly close to nature. It fell to them, for the first time in the history of mankind, to structure the semantics of every human action in society, to comprehend its role in the Universe, to invent and apply in practice non-verbal systems for the transmission of complex images that combine all the accumulated experience, knowledge and skills until then.

“<...> the African cooperates with nature and does not try to conquer it. <...> This system, whether it was founded on myth or not, had a way of preserving and conserving nature.” (Idang, Gabriel E., 2015, p.108).

It is worth to be mentioned here, that the experience in question is considered, first of all, as a set of skills necessary for survival in a society. The mythologization of the surrounding reality is inherent to a greater extent in the archaics than in modernity, but by no means alien to the

latter; it presupposes a different view that cannot be ignored. And, nevertheless, there is a very definite pluralism of opinions in this context.

“Primitive thinking is indifferent to experience, because there is a myth — a true reality — that explains everything” (Korsakova A., 2013, p.101).

“<...> myth is not just a product of human imagination but a direct expression of reality.” (Jones M. Jaja, 2012, p.10)

“Generally, a myth is a story which is believed to be true and has its origin in the far distant past history of a people. <...> they are historical information transmitted orally by processes peculiar to each community. Myths are man-made stories that play explanatory functions in the African understanding of reality.” (Jones M. Jaja, 2012, p.9)

Immersion in the archaic space of culture — work with the most complex systems related to the sphere of socio-cultural interaction. With regard to the African substratum, we are sometimes forced to replenish the terminological base with new terms in an attempt to explain, structure, and rethink reality.

“Reducing the complex to the simple — primitive, in order to ensure the *all-connectedness* (emphasis added) of the circumstances of place, time and space, the *all-unity* (emphasis added) of the processes of sociocultural synthesis and the *comprehensiveness* (emphasis added) of the surrounding world, the whole variety of knowledge and skills — is the highest level of self-knowledge that is inaccessible to us — modern people, but has become a daily reality for people of archaics” (Arseniev V., 2009, p. 15).

“Myth is a wholeness attained to the world as a whole because those who live in myth and are guided by it are engaged on many different planes with the whole of which the myth is an integral part. <...> myth reveals the knowledge of the whole. <...> it embraces the whole of life. Myth reveals the knowledge for which philosophy in a proper sense looks. But it does not disclose this knowledge without appropriate devotional engagement. Myth is completed already at the beginning, whereas philosophy seeks to be completed at the end. Mythical societies live in eternity rather than in historical time. <...> Myth corresponds to eternity, philosophy to the discovery of history.” (Jones M. Jaja, 2012, p.10)

“<...> African culture embraces the totality of the African way of life in all its forms and ramifications.” (Idang, Gabriel E., 2015, p.101).

It is worth citing the statement of the Russian philosopher Y. E. Golosovker, who formulated the difference between the logic of myth and everyday life as accurately as possible — “one perceives *the reality* (emphasis added) by the imagination”. (Danilevsky I., 2011, p. 7).

If we turn to the present, the range of issues will be somewhat different. Why do we return to our own past over and over again? Do we try to find answers to fundamental questions regarding the structure of the world around us? What can connect us today with the events of the past? Are we able to turn the linearity of the perception of events into cyclicity, like our ancestors did? We can easily follow stereotypical “Eurocentric” or “progressive” view but still, concerning the archaics, it’s not as simple as it might seem. Take “African time issue” as an example mentioned below:

“African time” is one option in a repertoire that is available not only to Africans but to everyone else. As a stereotype, it is used to discredit alternative forms of organising things, which depart from the dominant visions of development. We show that the state and other powerful players are not neutral in this. Their interests lie in getting things “lined up” and organised “according to plan”. But opening up the future for everyone starts with opening up to the diverse ways of thinking about time.” (Widlok, T. & Knab, J., 2021). (accessed 23.11.2021)

The answer is partly that the cultural space is really a “living” substance, with all the attributes inherent in living matter. It is flexible and reacts flexibly to changing situations. But, it is also, like a “living” substance, is born and dies. This circumstance should inevitably be taken into consideration.

The space of culture has transparent structure that allows primary (archaic) cultural elements to pass through time freely, manifesting them in the fabric of modernity. Self-permeability of formations is one of its distinctive features.

Modern man is so divorced from nature and the essence of the processes surrounding him, that sometimes he is not able to decipher the simplest coding in the opinion of his primitive ancestor. This is an inevitable consequence of the development of individual consciousness, alien to the archaics. Often, we are able to see, but not observe, look, but not contemplate, not empathize with what is happening.

For millennia, under the influence of a series of circumstances, the cultural space has been subjected to external influences. Voluminous layers saturated with information “collapsed”, changed, internal connections were torn, and fabric of time was spreading.

“The transition to individualization makes it possible to leave the group, to oppose oneself to the world. <...> the world becomes external for the first time. <...> becomes a set of objects that are indifferent to a man, it becomes objective in the true sense of the word.” (Korsakova A., 2013, p.101).

To some extent, the problem of finding traces of the archaics in modern times is associated with the information component. Modern man tries to subjugate the world around him to his will.

All which was naturally, intelligently regulated by ancestors has led to an overload of images at the modern stage of human evolution as a species. The imagery of thinking has passed into a new quality, the momentary has replaced eternity, and pragmatism has replaced the principle of sufficiency.

On the one hand, images as such, the ability to think and operate with them is the basis of an important component for society such as art, on the other hand, immersion in the world of illusions — the global information network Internet — becomes our frightening reality.

The distinctive mark of the present time is the primacy of individualism. The collective awareness of what is happening, which for thousands of years saved our ancestors, is now giving way to hypertrophied narcissism, the inability to even imitate the creative principle. However, a kind of “imitation game” is what we encounter on a daily basis. Imitation of spirituality, harmonious physical development, mental development — populism in the broadest sense of the word, leads to the fact that we lose our bearings, are unable to set priorities that could, at least to some extent, reverse the destructive processes of the collapse of society.

It should be noted, that the desire to justify some actions still remains. But the lack of initially correct goal-setting leads to false conclusions. One of the responses to the cultural crisis of our time is the “invented archaics”, just like neo-traditionalism is a product of the conscious activity of certain circles of society interested in stabilizing one or another development model.

“The need to respond to the challenges of the time requires the formation of a specific response strategy in a critical situation. An appeal not just to history, but precisely to ancient, possibly mythological times, to the archaics, is a powerful source of assertion of one’s own cultural “-self””. (Sergeev D., 2010, p.188).

Modern man is surrounded by a much more intense rhythmic background than that which our ancestors had to deal with. Technological breakthroughs of the late 19th and early 20th centuries have changed even such a seemingly indestructible thing as the change of day and night. Time itself seemed to falter. It was fixed with the lenses of television cameras, squeezed and stretched, split into thousandths.

The calendar, which was of tremendous importance for the ancients, reflecting all life cycles, is now just a colorful poster on the wall for us. The linearity of perception of the universe has replaced cyclicality, or harmoniously supplemented it.

The change of epochs did not reflect in the best way on the state of our consciousness. It has not been collective for a long time. Individualism leads to disunity, isolation, refusal to

communicate. It alienates us from everything that makes us human. Much, if not all, in our life is subject to temptations, momentary laws of fashion, and the imaginary advantages of immediate benefits.

In search of a fulcrum, we form new myths — the myths of our time.

“Nevertheless, the myth and the invented archaics <...> the process, which consists of the conscious resurrection of the lost or even forgotten elements of culture <...>, having similarities, are not identical, since a myth is a worldview based on special laws of explaining the world, but an invented archaics is a complex structure, a product of intellectual thought aimed at overcoming a crisis situation” (Sergeev D., 2010, p. 189).

However, one cannot but agree that: “Culture is a constant crisis. <...> The crisis is a necessary condition for its development” (Sanchez-Vallejo M.A., 2016).

The ordering of reality, the opposition of each action to the space of chaos (the prototype of creative disorder, or the absence of order as such), became a condition of survival for archaic people. Through the prism of such experiences, the ancestors realized the higher categories of the rhythm of events. Gradually, step by step, the understanding came that the new can be generated by chaos.

“Mythologization provides a complementary concept for addressing how people engage with <...>, distinguishing cases where people see the <...> construct as “how things really are,” contest that model, accept it as the fictional story world of a good novel, and view the use of otherworlding strategies as mere rhetoric or perhaps simply as misrepresentation. Otherworlding offers a new lens for looking at diverse phenomena, from mythological realms to science fiction and racist discourse.” (Frog., 2020, p. 469).

However, modernity carries a different meaning. We seem to strive for chaos, but, unfortunately, in this action there is not even a hint of creation, an attempt to rethink reality. Thus, archaics and modernity are closely intertwined, forming a complex conglomeration of ideas, intentions, opinions, actions; allowing researchers to address the designated range of problems repeatedly, in the hope to unravel this tangle of contradictions one day.

Traditional African culture carries a tremendous charge of creative energy capable of changing the worldview of modern people — us. One of the most illustrative examples, in my opinion, is the “discovery” of African art by Europe in the 1920s. Truly, polysemantism, volume, expressiveness and dynamism are inherent in African art like no other. It is only important to remember that archaic structures, which so easily penetrate into our modern world, are as fragile as they are stable.

References

1. *Arsenyev, Vladimir*. “ELEPHANT” AS WORLD AND WORLD AS “ELEPHANT”: conceptual and trivial aspects of seeing the world and living in it. “Society. Environment. Development (Terra Humana)”, Issue No. 1; 2009. “*Slon*” kak Mir I Mir kak “*Slon*”: *konceptual`nye I trivial`nye storony videniya mira I dvizheniya v n`em*. (In Russian). <https://cyberleninka.ru/article/n/slon-kak-mir-i-mir-kak-slon-kontseptualnye-i-trivialnye-storony-videniya-mira-i-dvizheniya-v-nyom/viewer> (accessed 25.11.2021)
2. *Bocharov, Victor*. On the cultural and psychological origins of neo-traditionalism in the East: power and taboo. “Bulletin of St. Petersburg State University”. Ser. 13. Issue 3; 2016. “O kul`turno-psikhologicheskikh istokah neotraditsionalizma na vostokey vlast` I tabu”. (In Russian). <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kulturno-psihologicheskikh-istokah-neotraditsionalizma-na-vostokey-vlast-i-tabu/viewer> (accessed 25.11.2021)
3. *Danilevsky, I.* What is “quantum culture”? “Analytics of Cultural Studies”. No. 19/2011. “Chto takoe “kvantovaya kul`tura”?”. “Analitika kul`turologii”, № 19/2011. (In Russian).

- <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-kvantovaya-kultura/viewer> (accessed 25.11.2021)
4. Frog, “Otherworlding: Othering Places and Spaces through Mythologization”, University of Helsinki, Finland, <https://www.journals.uchicago.edu/doi/pdf/10.1086/710159> (accessed 23.11.2021)
 5. Idang, Gabriel E. “AFRICAN CULTURE AND VALUES” *UNISA Phronimon* Vol.16, Number 2, pp. 97–111, 2015 DOI:10.25159/2413–3086/3820 (accessed 06.12.2021)
 6. Jones M., Jaja. “Myth in African concept of reality”, *International Journal of Educational Administration and Policy Studies*, vol. 6(2), 2014, pp. 9–14) DOI: 10.5897/IJEAPS11.060 ISSN 2141–6656 © 2014 Academic Journals <http://www.academicjournals.org/IJEAPS> (accessed 23.11.2021)
 7. Korsakova, A. Social specificity of mythological consciousness. “Culture, spirituality, society”. No. 5. 2013. “Social`naya specifika mifologicheskogo soznaniya”, № 5. 2013. (In Russian). <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-spetsifika-mifologicheskogo-soznaniya/viewer> (accessed 25.11.2021)
 8. Myers, Linda James. “The Deep Structure of Culture: Relevance of Traditional African Culture in Contemporary Life”, *Journal of Black Studies*, Vol.18, issue 1, page(s) 72–85, 1987, Sage Publication Inc. <https://doi.org/10.1177%2F002193478701800105> (accessed 23.11.2021)
 9. Sánchez-Vallejo, María Antonia. “Umberto Eco: Culture is not in crisis; it is a constant crisis”. «El Pais», Spain. “Umberto Eco: kul`tura ne nahoditsya v krizise; ona sama — postoyanniy krizis. (In Russian). <https://inosmi.ru/world/20160222/209379533.html> (accessed 25.11.2021)
 10. Sergeev, D. “The main content of the invented archaic as a strategy for overcoming the cultural crisis”. “Humanitarian vector. Series: Pedagogy, Psychology “. Vol. 1. 2010. “Osnovnoye sodержanie izobretennoi arkhaiki kak strategii preodoleniya kul`turnogo krizisa”. “Gumanitarnyi vector. Seriya: Pedagogika, psikhologiya”. T.1. 2010. (In Russian). <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnoe-soderzhanie-izobretennoy-arhaiki-kak-strategii-preodoleniya-kulturnogo-krizisa1/viewer> (accessed 25.11.2021)
 11. ten Kortenaar, Neil. “Chinua Achebe and the Question of Modern African Tragedy.” *Philosophia Africana*, vol. 9, no. 2, Penn State University Press, 2006, pp. 83–100 <https://www.jstor.org/stable/10.5325/philafri.9.2.0083>. (accessed 23.11.2021)
 12. Widlok, Thomas & Knab, Joachim. “Why the idea of ‘African time’ keeps on ticking”, *The Conversation*, 2021) <https://theconversation.com/why-the-idea-of-african-time-keeps-on-ticking-169791> (accessed 23.11.2021)
 13. Widlok, T., Knab, J. & van der Wulp, C. #African Time: Making the Future Legible, *African Studies*, 2021) <https://doi.org/10.1080/00020184.2021.1942786> (accessed 29.11.2021)

Author’s Information

Alexander S. Zdanevich — PhD in History, Department of Asian & African Studies, Saint-Petersburg State University.

Email: azdanevich78@gmail.com

Информация об авторе

Александр Сергеевич Зданевич — кандидат исторических наук, Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета.

Email: azdanevich78@gmail.com

УДК 94(47)

С.В. Григорьева

Нижегородский государственный университет

Африканская политика России в советской художественной литературе: Ю.В. Давыдов «Судьба Усольцева»: проблемы источниковедческого анализа

Аннотация: Цель статьи — выявить источниковедческие возможности повести Ю. В. Давыдова «Судьба Усольцева», посвященной истории российского колониального проникновения на Африканский континент в XIX в. Данное художественное произведение впервые анализируется как исторический источник. Источниковедческий анализ осуществляется в трех аспектах. Первый касается истории изучения африканской политики Российской империи. Делается вывод о большой информативной ценности данного художественного произведения, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки на архивные материалы, записки и дневники участников событий, материалы дореволюционной прессы; использование исторической терминологии конца XIX в.; высокая степень проникновения Ю. В. Давыдова в описываемую эпоху, овладение ее духом и стилистикой. Во-вторых, данное художественное произведение есть отражение ментальности 70-х гг. XX в. Оно позволяет реконструировать определенные исторические типы поведения, мышления, восприятия, в том числе и африканской политики Советского Союза, свойственные советской эпохе, что проявляется в подаче исторического материала, бессознательных ментальных привычках, характерных логических приемах, типичных темах, которые доминировали в мышлении поколения советских людей 1970-х гг. Третий аспект источниковедческого анализа повести связан с вопросами ее восприятия читателями XXI в., которые обращаются к данному произведению сквозь призму собственных актуальных тем, тревог и интересов. Современные постмодернистские концепции активизировали стремление историков и литераторов к новому герменевтическому прочтению исторических текстов. В этом смысле «Судьба Усольцева» предоставляет возможность обратиться к извечным для каждого поколения человеческого общества проблемам: что есть человек, в чем его предназначение, каковы его отношения с властью и государством, какова судьба России и его место в ней. Библиография: 30 наименований

Ключевые слова: Ю. В. Давыдов, «Судьба Усольцева», колониальная политика, Россия, Африка, художественная литература как исторический источник

Svetlana V. Grigor'eva

The African policy of Russia in Soviet fiction: Y. V. Davydov «The Fate of Usoltsev»: problems of source analysis

Summary: The purpose of the article is to reveal the source-study possibilities of Y. V. Davydov's book «The Fate of Usoltsev», dedicated to the history of Russian colonial penetration into the African continent in the XIX century. This work of fiction is analyzed as a historical source for the first time. The source study analysis is carried out in three aspects. The first concerns the history of the study of the African policy of the Russian Empire. The conclusion is made about the great informative value of this work of art, as evidenced by numerous references to archival materials, notes and diaries of participants in the events, materials of the pre-revolutionary press; the use of historical terminology of the late XIX century; a high degree of penetration of Y. V. Davydov into the described era, mastering its spirit and style. Secondly, this work of art is a reflection of the mentality of the 70s of the twentieth century. It allows us to reconstruct certain historical types of behavior, thinking, perception, including the African policy of the Soviet Union, peculiar to the Soviet era, which is manifested in the presentation of historical material, unconscious mental habits, characteristic logical techniques, typical themes that dominated the thinking of the generation of Soviet people of the 1970s. The third aspect of the source analysis of the story is related to the issues of its perception by readers of the XXI century, who turn to this work through the prism of their own topical themes, anxieties and interests. Modern post-modern concepts have intensified the desire of historians and writers for a new hermeneutic reading of historical texts. In this sense, «The Fate of Usoltsev» provides an opportunity to address the age-old problems for generation of human society: what is a person, what is his purpose, what is his relationship with the authorities and the state, what is the fate of Russia and his place in it. Refs 30 naim.

Keywords: Yu. V. Davydov, «The Fate of Usoltsev», colonial policy, Russia, Africa, fiction literature as a historical source

Введение. Общеизвестно, что исторические представления большинства людей формируются не только под воздействием работ профессиональных историков, которые читают немногие, но и опираются на произведения художественной литературы. Как отмечает отечественный специалист в области источниковедения С. О. Шмидт:

«Историк и писатель воспринимались (иногда воспринимаются и в наши дни) массовым читателем в одном ключе, так как задача и историка, и писателя показать, как было на самом деле и так, чтобы ему поверили. Историк исходит из данных исторических источников (подтверждая это цитатами, научным аппаратом) и методического опыта исследователя (или популяризатора). А писатель в воображении своем из представлений о том, как могло быть на самом деле. При этом историк не может знать все факты и вынужден домысливать, восстанавливая недостающие фрагменты картины, подчас прибегая к типизации по стандартам. А писатель во многом опирается на подлинные документы, реальные жизненные ситуации и разговоры (нередко из своей же жизни...)» [Шмидт, 2002: 44]

Его позиция созвучна с мнением американского философа и историка А. Ю. Лавджоя, который, говоря словами Л. П. Репиной, «попытался вывести интеллектуальную историю в «общекультурное пространство»» [Репина, 2009: 253] и утверждал, что произведения писателей второго и третьего ряда являются важными для понимания разноуровневого интеллектуального ландшафта эпохи, поскольку они отражали набор идей, которыми оперировали просто образованные люди, за пределами «круга избранных», и популяризировали в адаптированном виде новые идеи [Лавджой, 2001].

Тема использования художественных произведений в качестве исторических источников неоднократно поднималась исследователями [Борозняк, 2014; Гумилев, 1972; Курбак, 2010; Манкевич, 2007; Миронец, 1976; Предтеченский, 1964; Сенявская, 2002; Смирнова, 2011; Шершнева, 2014; Шмидт, 2002]. Большинство историков считает, что при всей специфичности и сложности литературного материала «художественно-историческое произведение может быть рассматриваемо как источник для изучения тех событий и явлений, которые современны созданию этого произведения, а также тех, которые в нем отражены» [Предтеченский, 1964: 76]. Представители «новой исторической науки» пошли еще дальше, утверждая, что хоть и вопрос о том «Как было?» не лишился своей значимости, полно ответить на него профессиональный историк может только, предварив этот вопрос другим: «Как это было записано?» [Анисимова, 2009: 102]. Поэтому в работах многих представителей данного направления вымышленные тексты анализируются наравне с документальными [Анисимова, 2010: 46].

Целью данной статьи является источниковедческий анализ повести советского писателя Ю. В. Давыдова «Судьба Усолецва». Анализ облегчал тот факт, что африканская авантюра царского правительства и дореволюционная российская политика в зоне Африканского Рога, то есть те события, которым посвящена повесть, были предметом моего научного исследования [Григорьева, 1999, 2014]. Кроме того, данное произведение Ю. В. Давыдова не было предметом пристального изучения историков.

Опираясь на современные методологические подходы и тенденции, существующие в источниковедении, мне представилось возможным выделить три аспекта.

Первый аспект. Во-первых, это произведение имеет под собой историческую почву. Неслучайно литературоведы относят повесть к исторической прозе [Андреева, 2017; Сидоров, 2009]. Автор описывает реальные события из жизни реальных исторических персонажей: Н. И. Ашинова, С. И. Ашиновой, С. Н. Самусева, С. Кантемира, В. Ф. Машкова, А. К. Булатовича, Л. К. Артамонова и др. Повесть посвящена мало известному в СССР эпизоду русской экспансии в Африку — предпринятой в 1888–1889 гг. Н. И. Ашиновым попытке создать русскую колонию на побережье Красного моря. Материал для написания

повести был почерпнут автором из настоящих исторических источников: архивных материалов, записок и дневников участников событий, о чем свидетельствует содержание повести и многочисленные комментарии и ссылки, приводимые в повести.

В частности, Ю. В. Давыдов ссылается на бумаги и воспоминания капитана Н. Я. Нестерова [Давыдов, 1984: 456, 461, 466, 470, 471, 494, 570 и др.], хранящиеся в Ленинградском отделении Архива Института народов Азии АН СССР¹, опубликованные дневники А. К. Булатовича [Давыдов, 1984: 566], материалы прессы тех лет — газету «Правительственный вестник» [Давыдов, 1984: 566], «Петербургскую газету» [Давыдов, 1984: 446], «Одесский вестник» [Давыдов, 1984: 436] и «Газету А. Гатцука» [Давыдов, 1984: 436], «Русский инвалид» [Давыдов, 1984: с. 369]. Он неоднократно обращается к фондам и документам Центрального военно-исторического архива (ЦГВИА СССР)² [Давыдов, 1984: 368, 513, 543, 545, 551, 555, 557, 564, 566], архива Всесоюзного географического общества³ [Давыдов, 1984: 369, 543, 569], Центрального государственного архива Военно-морского флота (ЦГАВМФ СССР)⁴ [Давыдов, 1984: 573], Центрального государственного исторического архива (ЦГИА СССР)⁵ [Давыдов, 1984: 413, 503, 574].

Чувствуется трепетное отношение Ю. В. Давыдова к историческому материалу, глубокое проникновение в рассматриваемую проблему. До написания повести «Судьба Усольцева» автор достаточно долго и глубоко занимался историей российского проникновения на Черный континент, о чем свидетельствует цикл его более ранних произведений «О друзьях твоих, Африка» [Давыдов, 1962], которые Ю. В. Давыдов посвятил русским исследователям Черного континента — А. Норову, В. Юнкеру, А. Елисееву, А. Булатовичу и др.

Писатель — историк по образованию, окончивший исторический факультет Московского государственного университета, посвятивший свою жизнь историческому жанру, в повести «Судьба Усольцева» достаточно точно воспроизводит исторические события, рисующие основные моменты российского проникновения в Северо-Восточную Африку в 1880–1890-е гг.: экспедицию Н. И. Ашинова, деятельность в Эфиопии санитарного отряда Русского общества Красного Креста и Полумесяца, показывает роль в развитии русско-эфиопских отношений В. Ф. Машкова, Н. С. Леонтьева, А. К. Булатовича, Л. К. Артамонова, с которыми главному герою Н. Н. Усольцеву «выпало счастье» встретиться на чужбине. Пытается автор показать существенные различия в колониальной политике европейских держав, плетущих интриги при дворе императора Менелика II и преследующих меркантильные интересы, и российских представителей, в большинстве своем решающих реальные задачи государственного строительства Эфиопской империи. Герой повести становится очевидцем итало-абиссинской войны 1895–1896 гг., поэтому ее описанию посвящено несколько страниц повести, что позволяет говорить о том, что Ю. В. Давыдов был знаком не только с российскими, но и с зарубежными исследованиями [Давыдов, 1984: 532–533].

Интересно, что в произведении «Судьба Усольцева» Ю. В. Давыдов впервые применил свой основной творческий метод — повествование от лица вымышленного персонажа в форме дневника или переписки, в данном случае дневника-воспоминания земского врача Николая Николаевича Усольцева, что свидетельствует о прекрасном владении автором методикой работы с источниками личного происхождения, понимании их специфических особенностей. Сам главный герой замечает в повести, что спустя время он многие события понимает «не совсем так, а то и совсем не так, как прежде, то есть когда они

¹ С 2007 г. выделен в отдельный институт — Институт восточных рукописей РАН (ИВР РАН).

² С 1992 г. называется Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

³ Современное название — Русское географическое общество.

⁴ Современное название — Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ).

⁵ С 1992 г. называется Российский государственный исторический архив (РГИА).

совершались», отсюда трудности «в соблюдении линии, пропорции» [Давыдов, 1984: 410], что «процесс припоминания или записывания есть вместе и процесс уяснения, то есть как будто бы некоторое утоление жажды ясности» [Давыдов, 1984: 515]. Неторопливое, скрупулезное, с описанием множества мелочей и деталей жизни повествование дневников Усольцева, содержащее в тоже время размышления и философствование, по своему содержанию, стилю, манере написания очень сильно напоминает подобные документы XIX столетия. И хотя главный персонаж повести Н. Н. Усольцев — лицо вымышленное, оно действует в реальных исторических условиях, переживает реальные исторические события, его окружают реальные исторические персонажи.

В «разговорной» и «письменной» речи Усольцева видна высокая степень проникновения Ю. В. Давыдова в описываемую эпоху, овладение ее духом и стилистикой. Для большего погружения читателя во времена пореформенной России писатель использует и комментирует вышедшие из употребления в советский период понятия и выражения XIX в.: «хождение в кусочки»⁶ [Давыдов, 1984: 451], авизо⁷ [Давыдов, 1984: 474], гантируются⁸ [Давыдов, 1984: 502], эпuzzy⁹ [Давыдов 1984: 502], берсальеры¹⁰ [Давыдов 1984: 546] и др.

Поэтому это произведение вполне может служить вспомогательным историческим источником для рассмотрения истории внешней политики царской России на Африканском континенте в последней четверти XIX в.

Второй аспект состоит в том, что писатель, как, впрочем, и любой историк, не способен полностью воссоздать прошлое, поскольку на него неизбежно давит груз знаний и представлений своего времени. С этой точки зрения данное произведение есть отражение ментальности 70-х гг. XX в. Оно позволяет реконструировать определенные исторические типы поведения, мышления, восприятия, т.е. воспроизвести субъективные аспекты социальной реальности.

Ю. В. Давыдов был человеком непростой судьбы. По нему катком прошли тяжелые вехи советского времени: война, послевоенное восстановление, сталинские репрессии, реабилитация периода «оттепели», жесткая цензура эпохи застоя, либерализм перестроечных и постперестроечных времен.

В 1942–1945 гг., будучи курсантом Выборгского военно-морского училища, он принимал участие в боевых действиях Балтийского и Северного флотов, где и начал заниматься литературным творчеством. Затем в 1945–1948 гг. служил в газете «Красный балтиец». В 1944 г. поступил на заочное отделение исторического факультета ЛГУ, откуда перевелся в МГУ, который окончил в 1949 г. Был членом КПСС с 1947 г. В 1949 г. он был арестован и осужден по обвинению в антисоветской деятельности; освобожден в 1954 г. и реабилитирован в 1957 г.

Посвященная определяющему для России периоду 1861–1917 гг. проза Ю. В. Давыдова на протяжении четверти века, с середины 1960-х до конца 1980-х гг., была для массового читателя одним из основных источников сведений по отечественной истории; по степени популярности его книги были сравнимы с произведениями В. С. Пикуля и Н. Я. Эйдемана [Гордин, 2016].

В 1990-е гг. Ю. В. Давыдов был секретарем Союза писателей Москвы (1991–1995), членом редсоветов журнала «Дружба народов» и «Вопросы литературы», альманаха «Кольцо А» (с 1994 г.). Помимо Государственной премии СССР (1987 г.) Ю. В. Давыдов

⁶ «Хождение в кусочки» — жители неурожайных деревень отправлялись зимой собирать хлеб.

⁷ Ави́зо — во французском флоте обозначался корабль, несущий разведывательную и посыльную службу.

⁸ Гантируются — носят перчатки.

⁹ Эпuzzy — жены.

¹⁰ Берсальеры — солдаты отборных пехотных частей итальянской армии.

был удостоен Большой премии им. А. Григорьева (1993 г.), премий им. А. Д. Сахарова «За мужество в литературе» (1995 г.) и «Триумф» (1997 г.) [Гордин, 2016].

Его повесть «Судьба Усольцева», написанная в начале 1970-х гг. не могла не отражать «партийные установки», требования цезуры советской эпохи, иначе она вряд ли была опубликована.

Ю. В. Давыдов — не только сам своего рода продукт эпохи, он отличный мастер слова, ориентирующийся на свою аудиторию, пишущий на понятном ей хорошем литературном языке, использующий понятия, термины и метафоры, свойственные советской эпохе. Текстовые комментарии автора можно рассматривать как способ контекстуализации зрительского восприятия.

Действительно, читая повесть трудно не увидеть эти «метки» советского времени. В частности, повествование идет от имени народника, земского доктора Н. Н. Усольцева, душою радеющего за народ, за мужика деревенского, ищущего свободы и равенства, ярого антимонархиста, надеющегося на Черноморском побережье построить поселение вольных казаков Новая Москва.

На страницах повести звучит одна из наиболее популярных тем русской литературы — тема лишнего человека, тема русского интеллигента, вечно страдающего, ищущего, ощутившего на собственной судьбе тяготы и несправедливость существующего строя. Н. Н. Усольцев, побывавший и гимназистом, и студентом, и земским врачом, видевший и ощутивший на своей шкуре неустройство общественной жизни, несносность администрации и ее неперестанного во все вмешательства, осознавший свою и общую небезопасность правом и уже не верящий в их близкую осуществимость [Болдырев, 1984: 590], решает круто изменить свою судьбу, отправившись в неизвестную страну во имя великой святой цели — найти «град Китеж», где царят справедливость, равенство и благополучие. Однако «искать град Китеж» можно, отыскать — невозможно, — вывод, к которому в итоге приходит Усольцев. «И канат обрублен, якорь утерян. Вокруг все выжжено, безмолвие вокруг и пустыня» [Давыдов, 1984: 582]. В конце повести главный герой разочаровывается в содеянном, ему горько и стыдно за то, что пришлось пережить.

В судьбе Усольцева, по мнению советских литературных критиков, была воплощена судьба целого поколения русских интеллигентов 1860-х гг., которые:

«уже дотянулись, прорвались к культуре, но еще не выработали спокойного достоинства, не выдавили из себя рабов; начинены мечтами, замыслами, планами, но еще не умеют разобраться в их значимости и исполнимости, не умеют рассчитать собственные силы, и потому быстро выдыхаются и устают, тем более что силы уже подорваны предыдущим тяжким трудом образования. Это культурные люди без культурных традиций, которым еще предстояло образоваться» [Болдырев, 1984: 592].

Именно такое отношение к народникам, как к идеологам крестьянской демократии, озлобленным жадой решения вопросов социальной правды, как к «тираноборцам и народолюбцам» формировала советская историческая наука [Троицкий, 1976, 1978, 1983]. Это чувствуется и в повести.

Вместе с тем, Н. Н. Усольцев — своего рода интернационалист, бескорыстно лечащий эфиопов, видящий в них «черных братьев», осуждающий вероломство колонизаторов. Тем самым Ю. В. Давыдов поднимает в своем произведении еще одну тему, популярную в отечественной историографии — тему национально-освободительной борьбы народов Африки за свободу и независимость.

В повести автор пытается показать вероломство европейцев, преследующих в Африке свои корыстные интересы:

«Бросается в глаза отсутствие интереса сынов старого континента к сынам Черного континента, — пишет автор. — География — да, торговля — да, племенные

отношения — да. Интерес к Африке несомненен, но это, повторяю, не интерес к самому африканцу, к африканской душе» [Давыдов, 1984: 527].

И далее: «Современная Европа, этот серенький, жирненький мещанский «рай» может продавать орудия убийства, но она не может снабдить Абиссинию орудиями добра. Когда-нибудь перед Африкой, перед Абиссинией возникнет роковой вопрос: какое наследство принять, а какое не принимать... И кто знает, может быть именно здесь, под здешним небом сумеют не повторить страшные ошибки европейского развития...» [Давыдов, 1984: 531].

Как перекликаются эти слова с политикой СССР в отношении Эфиопии, делающей в 1970-х гг. свой выбор между капитализмом и социализмом. Как актуальны рассуждения автора о том, что у Эфиопии и России много общего: это и борьба за независимость в столкновении с внешними и внутренними врагами; необходимость преодоления социально-экономической и политической отсталости от западноевропейских стран; религиозная близость [Давыдов, 1984: 531]. Как важны и значимы эти рассуждения Ю. В. Давыдова в условиях обострения «холодной войны», для обоснования активизации советской помощи «вставшей на социалистический путь Народной Демократической Республике Эфиопия».

Думаю, что публикация книги в издательстве «Известия» в 1984 г. отчасти была обусловлена возросшим в СССР интересом к этой африканской стране, с которой в конце 1970 — начале 1980-х гг. развивались бурные связи.

Еще одна метка времени — тема глобального противостояния великих держав, Европы и России присутствует на протяжении всего романа: сначала это итальянские шпионы, сопровождающие переселенцев на океанском пароходе «Амфитрида», и европейские газеты, пишущие о российском завоевании колоний; потом это разное понимание своих задач в Африке, вылившееся в вооруженное противостояние между «вольными казаками» и французскими властями Обока; во второй части повести диаметрально противоположные цели при дворе эфиопского монарха европейских и российских представителей. Действительно, в условиях нового витка «холодной войны» было трудно себе представить какой-то иной формат подачи материала: «мир империализма» (в повести Европа и ее представители) и «мир социализма» (русские переселенцы) могли «мирно сосуществовать», но не могли иметь схожие взгляды и представления.

В связи с этим показателен спор Н. Н. Усольцева и коменданта Обока француза Лягарда о судьбе Парижской коммуны. Если француз был ее решительным противником, считал примером «дикого деспотизма, до которого доходят под знаменем свободы», полагал, что она олицетворяет «разнузданность, злобу и месть», то Усольцев однозначно был на стороне коммунаров, «на стороне тех, кто трудится», что «не Париж двинулся на Версаль, а Версаль — на Париж». Это парижские власти довели рабочий люд до такого состояния, что их перестал устраивать существующий порядок [Давыдов, 1984: 566–568].

Таким образом, повесть «Судьба Усольцева» можно считать продуктом советской эпохи, дающим исследователю немало пищи для размышлений об истории 70–80 гг. XX в. В свое время Лавджой предложен типологию факторов, действующих в различных областях интеллектуальной жизни общества, среди которых он отметил, во-первых, «скрытые или неявно выраженные допущения» или «бессознательные ментальные привычки», то есть такие способы мышления, которые кажутся настолько естественными и неизменными, что они не подвергаются критическому рассмотрению». Во-вторых, сложившийся вследствие влияния этих «мыслительных привычек» некий «логический лейтмотив», привычный ход рассуждений, характерные логические приемы, которые доминируют в мышлении индивида, целого поколения, эпохи [Лавджой, 2001]. Эти скрытые, бессознательные привычки и характерные приемы мы наблюдаем в творчестве Ю. Давыдова.

Третий момент. Новая веха в эволюции источниковедческого «образа» художественной литературы связана с постструктуралистскими идеями. Введение Ю. Кристевой [Кристева, 2004] и Р. Бартом [Барт, 1989] в широкий научный оборот понятия «интертекстуальность» по существу лишило литературный текст — «мозаику цитаций» «бессознательных и автоматических» — как реальных, так и виртуальных границ. Отрицая волю автора и утверждая свою — читательскую, постструктурализм разоблачил претензии языка на «истинность» в виду «иллюзорного характера любого высказывания» [Ильин, 1996: 4]. Так, «текст–письмо», трансформируясь в «текст–чтение», приобрел бесчисленное число вариаций, зависящих от вкусовых ассоциаций и тезауруса «читающего». Постмодернистские тенденции в развитии мировой культуры XX в. повлекли серьезные изменения в методологии гуманитарного знания. Обращение европейских гуманитариев нового поколения к культурно-антропологическому, социально-психологическому, лингвистическому измерению прошлого активизировало стремление отечественных историков к новому герменевтическому прочтению исторических текстов [Манкевич, 2002: 22].

Поколение читателей XXI в. по-своему читает повесть Ю. Давыдова, ибо, как утверждает Л. П. Репина «те вопросы, которые каждое поколение историков ставит перед прошлым, неизбежно отражают интересы и тревоги этого поколения» [Репина, 2009: 268]. Если посмотреть на повесть Ю. В. Давыдова с этих позиций, глазами читателя XXI в., можно сказать, что автор своим произведением предоставляет читателю возможность всерьез подумать о судьбе России, ее истории, задуматься о своей собственной судьбе, поскольку именно объяснение настоящего является главной причиной обращения к прошлому. По мнению одного из современных российских литературных критиков Е. А. Ермолина Ю. В. Давыдов не устарел, поскольку в давних перипетиях «искал и находил либо нечто извечное, либо что-то высшее — константы социальной жизни, типы и вершины человеческого опыта, мышления и поведения» [Ермолин, 2002].

«Воссоединение» истории с литературой пробудило у современных исследователей повышенный интерес к способам производства, сохранения и передачи исторической информации и манипулирования ею [Репина, 2009: 261]. Повесть «Судьба Усольцева» может быть интересна историкам с точки зрения постижения процесса исторического познания и формирования традиций, изучения творческой лаборатории, исследовательской психологии и практики, общей культуры писателя-историка, который живет в обществе и зависит от его установок и перипетий. Проживший долгую жизнь в литературе, испытавший немало поворотов на своем творческом и жизненном пути Ю. В. Давыдов вписал в свое творчество этот личностный аспект, аккумулировал через свои произведения вызовы времени и ответы на них. Таким образом, его произведения могут быть интересны еще не одному поколению историков, поскольку дают пищу для размышлений, позволяют глубже понять те процессы, которые определяли развитие исторического знания и исторической науки в советский период, сопоставляя их с современными им тенденциями и достижениями.

Список литературы

1. Андреева С.Л., Бедрикова М. Л. Жанровые признаки антиутопии в повести Ю. Давыдова «Африканский вариант» // Вестник Томского государственного университета. Филология, 2017. — № 49. — С. 113–135.
2. Анисимова А.Э. «Новый историзм»: науковедческий анализ. — М.: ИНИОН РАН, 2010. — 153 с.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс, 1989. — 616 с.

4. Болдырев Ю. Ю. Послесловие. Взыскующие града / Давыдов Ю. В. Две связки писем. Судьба Усольцева. — М.: Известия, 1984. — С. 583–604.
5. Борозняк А.И. «Их борьба, их страдания не были напрасны». Ганс Фаллада и его роман «Каждый умирает в одиночку» // Новая и новейшая история. 2014. — № 1. — С. 135–156.
6. Гордин Я. А. Феномен Юрия Давыдова / Гордин Я. А. Пушкин. Бродский. Империя и судьба. Т. 2. Тем, кто на том берегу реки. М.: из-во Агтау Литагент «Время», 2016. URL: <https://biography.wikireading.ru/272829> (дата обращения: 20.03.2021)
7. Григорьева С. В. Русские частные и государственные инициативы в отношении Эфиопии в 80–90-е гг. XIX века. — Дис... канд. ист. наук. Нижний Новгород: из-во Нижегородского госуниверситета, 1997. — 210 с.
8. Григорьева С. В. Русско-эфиопские отношения: страницы прошлого. — Нижний Новгород: из-во Нижегородского госуниверситета, 2014–200 с.
9. Гумилев Л. Н. Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? // Русская литература. — 1972. — № 1. — С. 73–82.
10. Давыдов Ю. В. Две связки писем. Судьба Усольцева. — М.: Известия, 1984. — С. 409–582.
11. Давыдов Ю.В. О друзьях твоих, Африка. — М.: Детская литература, 1962. — 240 с.
12. Ермолин Е. А. Узы совести и зов свободы // Континент. — 2002. — № 112. URL: <https://magazines.gorky.media/continent/2002/112/uzy-sovesti-i-zov-svobody.html>
13. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. — М.: Интрада, 1996. — 255 с.
14. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Пер. с франц. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 656 с. (Серия «Книга света»)
15. Курбак М.С. ЮАР в 1960–1990-х годов в романах нобелевского лауреата Дж. М. Кутзее // Новая и новейшая история. 2010. № 2. С. 171–183.
16. Лавджой А. Великая цепь бытия. История идеи. / Пер. с англ. В. Сафронова-Амтомони — М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. URL: <http://psylib.org.ua/books/lovejoy/txt01.htm>
17. Манкевич И. А. Литературно-художественное наследие как источник культурологической информации // Обсерватория культуры. — 2007. — № 5. — С. 17–23.
18. Миронец Н. И. Художественная литература как исторический источник: к историографии вопроса // История СССР. — 1976. — № 1. — С. 125–176. (141)
19. Нечкина М. В. Функция художественного образа в историческом процессе. — М.: Наука, 1982. — 321 с.
20. Предтеченский А. В. Художественная литература как исторический источник // Вестник Ленинградского Университета. Серия истории, языка, литературы. — Л. 1964. — Вып. 3. — № 14. — С. 76–85.
21. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. — М.: изд-во ЛКИ, 2009. — 320 с.
22. Сенявская Е. С. Литература фронтового поколения как исторический источник // Отечественная история. — 2002. — № 1. — С. 101–109.
23. Сидоров А. В. Историческая проза Ю. Давыдова 1980-ых-2000-ых гг.: жанрово-стилевые доминанты // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2008. — № 20. — С. 126–134.
24. Сидоров А. В. Историческая проза Ю. Давыдова 1960-ых-2000-ых гг.: проблематика и поэтика: автореф. дис... канд. филолог. наук. — Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского госуниверситета, 2009. — 19 с.

25. Смирнова И. В. Художественный образ и реальность: «окопная жизнь» на Западном фронте (1914–1918 гг.) в письмах солдат и романах военного поколения // Вестник Московского университета. Серия 8. История.— 2011.— № 4.— С. 102–118.
26. Троицкий Н. А. Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма, 1866–1882 гг. — М.: Мысль, 1978.— 335 с.
27. Троицкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом (1880–1891). — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983.— 428 с.
28. Троицкий Н. А. Царские суды против революционной России (Политические процессы 1871–1880 гг.). — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976.— 408 с.
29. Шершнева С. В. Гражданская война в США в романе Джона Дефореста «Мисс Равенел уходит к северянам» // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. Санкт-Петербург, 2014.— № 12.— С. 179–195.
30. Шмидт С. О. Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история.— 2002.— № 1.— С. 40–49.

References

1. Andreeva S.L., Bedrikova M. L. Genre signs of dystopia in the story «African version» by Y. Davydov // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologičeskii žurnal*, 2017.— № 49.— P. 113–135.
2. Anisimova A.Ė. «New historicism»: a scientific analysis. — М.: INION RAN, 2010.— 153 p.
3. Bart R. *Selected works: Semiotics. Poetics*. — М.: Progress, 1989.— 616 p.
4. Boldyrev IŪ. IŪ. Afterword. Seeking the city / Davydov IŪ.V. *Dve sviāzki pisem. Sud'ba Usol'tseva*. — М.: Izvestiia, 1984.— P. 583–604.
5. Borozniak A. I. «Their struggle, their suffering were not in vain». Hans Fallada and his novel «Everyone dies alone» // *Novaiā i novejšaiā istoriā*. 2014.— № 1.— P. 135–156.
6. Gordin IĀ.A. The phenomenon of Yuri Davydov / Gordin IĀ.A. *Pushkin. Brodskii. Imperiā i sud'ba. T. 2. Tem, kto na tom beregu reki*. М.: Array Litagent «Vremiā» Publ., 2016. URL: <https://biography.wikireading.ru/272829> (Data obrashcheniā: 20.03.2021)
7. Grigor'eva S. V. *Russian private and state initiatives in relation to Ethiopia in the 80–90s of the XIX century*. — Dis...kand. ist. nauk. Nizhniĭ Novgorod: Nizhniĭ Novgorod University Press, 1997.— 210 p.
8. Grigor'eva S. V. *Russian-Ethiopian relations: pages of the past*. — Nizhniĭ Novgorod: Nizhniĭ Novgorod University Press, 2014–200 p.
9. Gumilev L. N. Could a work of belles-lettres be a historical source? // *Russkaiā literatura*.— 1972.— № 1.— P. 73–82.
10. Davydov IŪ.V. *Two bundles of letters. Usoltsev's fate*. — М.: Izvestiia, 1984.— P. 409–582.
11. Davydov IŪ.V. *About your friends, Africa*. — М.: Detskaiā literatura, 1962.— 240 p.
12. Ermolin E. The bonds of conscience and the call of freedom // *Kontinent*.— 2002.— № 112. URL: <https://magazines.gorky.media/continent/2002/112/uzy-sovesti-i-zov-svobody.html>
13. Il'in I. P. *Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism*. — М.: Intrada, 1996.— 255 p.
14. Kristeva IŪ. *Selected works: The Destruction of poetics* / Per. s frants. — М.: ROSSPĖN Publ., 2004.— 656 p. (Seriā «Kniga sveta»)
15. Kurbak M. S. South Africa in 1960–1990-s in the novels of Nobel laureate J. M. Coetzee // *Novaiā i novejšaiā istoriā*.— 2010.— № 2.— P. 171–183.

16. Lavdzhoi A. *The great chain of being. The history of the idea*. / Per. s angl. V. Safronova-Amtomoni — М.: Dom intellektual'noĭ knigi, 2001. <http://psylib.org.ua/books/lovejoy/txt01.htm>
17. Mankevich I. A. Literary and artistic heritage as a source of cultural information // *Observatoriā kul'tury*.— 2007.— № 5.— P. 17–23.
18. Mironet's N. I. Fiction as a historical source: towards the historiography of the question // *Istoriā SSSR*.— 1976.— № 1.— P. 125–176.
19. Nechkina M. V. *The function of the artistic image in the historical process*. — М.: Nauka Publ., 1982.— 321 p.
20. Predtechenskii A. V. Fiction as a historical source // *Vestnik Leningradskogo Universiteta. Seriiā istorii, iāzyka, literatury*. — L. 1964.— No. 3.— № 14.— P. 76–85.
21. Repina L.P. «New historical scienc» and social history. — М.: LKI Publ., 2009.— 320 p.
22. Seniāvskaiā E. S. Frontline generation literature as a historical source // *Otechestvennaiā istoriā*.— 2002.— № 1.— P. 101–109.
23. Sidorov A. V. Historical prose by Y. Davydov of the 1980s — 2000s: genre and style dominants // *Problemy istorii, filologii, kul'tury*.— 2008.— № 20.— P. 126–134.
24. Sidorov A. V. *Historical prose by Y. Davydov of the 1960s — 2000s: problems and poetics*: avtoref. dis... kand. filolog. nauk. — Magnitogorsk: Magnitogorsk University Press, 2009.— 19 p.
25. Smirnova I. V. Artistic image and reality: «Trench life» on the Western Front (1914–1918) in letters of soldiers and novels of the war generation // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriiā 8. Istoriiā*.— 2011.— № 4.— P. 102–118.
26. Troitskii N. A. *The madness of the brave: Russian revolutionaries and the punitive policy of tsarism, 1866–1882*. — М.: Mysl' Publ., 1978.— 335 p.
27. Troitskii N. A. «Narodnaya Volya» before the Tsarist court (1880–1891). — Saratov: Saratov University Press, 1983.— 428 p.
28. Troitskii N. A. *Tsarist Courts against Revolutionary Russia (Political processes of 1871–1880)*. — Saratov: Saratov University Press, 1976.— 408 p.
29. Shershneva S. V. The Civil War in the USA in John Deforest's novel «Miss Ravenel goes to the Northerners» // *Trudy kafedry istorii Novogo i novejšego vremeni*. Sankt-Peterburg, 2014.— № 12.— P. 179–195.
30. Shmidt S. O. Monuments of fiction as a source of historical knowledge // *Otechestvennaiā istoriā*.— 2002.— № 1.— P. 40–49.

Информация об авторе

Светлана Валерьевна Григорьева — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия).

Email: svetl-grigor@yandex.ru

Author's information

Svetlana V. Grigor'eva — PhD in History, Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.

Email: svetl-grigor@yandex.ru

УДК 39, 398

О.Ю. Завьялова

Санкт-Петербургский государственный университет

Клятва охотников как часть устной традиции манден

Аннотация: Данная статья посвящена анализу Клятвы охотников манден. Клятва охотников — один из наиболее обсуждаемых документов устной традиции Западной Африки. Это устный документ, созданный согласно традиции в 1222 году и записанный известным малийским историком Юсуфом Тата Сиссе в 1963 году. Клятва зафиксирована на языке манинка и состоит из 7 частей. Она ассоциируется с Хартией манден, и иногда ее так и называют, так как Клятва провозглашает отмену охоты на людей для превращения их в рабов, а также осуждение насилия над людьми. Охотники призывают всех манден прекратить голод, рабство и мучения. Однако для XIII века Африки документ звучит слишком смело в частности благодаря его переводу на французский язык самим Сиссе. При анализе текста на манинка текст оказывается более традиционным. В статье приведены сравнения клятвы и других произведений устной традиции манден.

Ключевые слова: манден, охотники, устная традиция

Olga Yu. Zavyalova

Saint Petersburg State University

The Hunters' Oath as a part of the Manden oral tradition

Summary: This article is devoted to the analysis of the Oath of the Manden hunters. The Hunter's Oath is one of the important texts of the oral tradition in West Africa. It is an oral document created according to the tradition in 1222 and recorded by the renowned Malian historian Yousuf Tata Cisse in 1963. The Oath is recorded in the Maninka language and consists of 7 parts. It is associated with the Charter of Manden, and it is sometimes called so, as the Oath proclaims the abolition of the hunt for people to turn them into slaves, as well as condemnation of violence against people. The Hunters call upon all Manden to end hunger, slavery, and torment. However, for Africa of the 13th century, the document sounds too bold, in particular thanks to its translation into French by Cisse himself. When analyzing the text in Maninka, the text turns out to be more traditional. When analyzing a text in the Maninka language, the text turns out to be more traditional. The article compares the Oath with other texts of the Manden oral tradition.

Keywords: Manden, hunters, oral tradition

«Манден живут в любви, свободе и братстве, что означает, что нет больше притеснения народов (расизма) в Манден. Это наша старая война. Поэтому дети Санене и Контрона заявляют на все 12 сторон света, во имя всех манден...

Охотники заявляют:

*Вся человеческая душа (жизнь)¹ есть душа (жизнь).
Верно, что одна душа (жизнь) появляется (из дыхания)
ранее другой души (жизни),
Но одна душа (жизнь) не старше другой,
И одна душа (жизнь) не лучше другой,
2.*

Охотники заявляют:

*Все души (жизни) есть души (жизни),
Любой вред, причиненный душе (жизни), требует возмещения.
Следовательно,
Пусть никто не нападает на своего ближнего,
Пусть никто не причинит вреда ближнему,
Пусть никто не станет мучить своего ближнего.
3.*

Охотники заявляют:

*Пусть каждый присматривает за своим ближним,
Пусть каждый почитает своих родителей,
Пусть каждый растит своих детей,
Пусть каждый обеспечит нужды
Членов своей семьи.
4.*

Охотники заявляют:

*Пусть каждый хранит землю своих отцов.
Если мы слышим Родина, это страна.*

Но это прежде всего люди:

*Потому что, если люди исчезают из страны, с ее поверхности,
Эта страна и земля впадет в тоску.
5.*

Охотники заявляют:

*Голод — это нехорошо
Рабство тоже нехорошо;
Нет ничего хуже, чем голод и рабство,
В нашем мире у нас.
Пусть у нас будут колчан и лук в руках,
Голод никого не убьет в Манде,
Если случится засуха.*

*Война никогда больше не разрушит деревню в Манден
Чтобы взять там рабов;*

*Это означает, что впредь никто не будет помещать
Узду в рот своему ближнему,
Чтобы пойти и продать его;
В Манде также никого не побьют,
И тем более не убьют,
Сказав, что он сын раба.*

¹ Ni — 'душа, жизненное начало, жизнь'. Согласно мифологии это часть души — ее жизненная сила (подробнее см. [1]).

6.

*Охотники заявляют:
Существование рабства сегодня прекращается,
От стены до стены Манден;
Рейдам (набегам) положен конец сегодня в Манден;
Ужасные страдания (нищета) закончились сегодня в Манден
Голод — это плохо.
У голодного человека нет стыда.
Нищета (страдания) — это плохо.
Нет перспективы (роли) у нищего человека.
Нигде в мире у раба нет достоинства (чести).*

7.

*Люди прежних времен говорят нам:
«Человек сам по себе,
Его кости и плоть,
Костный мозг и нервы,
Кожа и волосы,
Питается водой и пищей;
Но его душа, его дух живет тремя вещами:
Желанием видеть людей,
Желанием говорить,
Желанием действовать.
Если хотя бы в одной из этих вещей
Душа потерпит неудачу,
Она будет страдать,
И обязательно зачахнет.
Таким образом, охотники
заявляют:*

*Каждый свободен действовать (удовлетворение всеми деяниями в тебе самом),
Если это не будет нарушать запретов Родины,
Ты можешь действовать по своему усмотрению (получить все эти вещи).
Это клятва Манде.
Для ушей всего мира»² [2].*

Клятва охотников — один из легендарных документов устной традиции народов манден (Западная Африка), который стал известен миру благодаря малийскому историку и традиционалисту Юсуфу Тата Сиссе. Юсуф Сиссе сделал огромный вклад в изучение фольклора и истории манден. Клятва охотников была записана им в 1965 г. со слов Фаджимба Канте, патриарха кузнецов деревни Тегекоро и главы союза охотников округа Кангаба (Мали). По словам Фаджимба Канте, *Donsolu kalikan* (Клятва охотников) была торжественно провозглашена впервые в Дакаджалане, первой столице Мали. Эту клятву также называют *Dunya takilikan* (Призыв к миру) или *Manden kalikan* (клятва Манден). Юсуф Тата Сиссе также называл данный устный документ «уставом (Хартией) нового Манден» [3].

Юсуф Сиссе говорил, что данный устный документ можно квалифицировать именно как клятву, поскольку его произносили, как и клятву, которую охотники дают

² В аннотации к тексту говорится: «Приведенный ниже текст основан на версии, опубликованной Юсуфом Татой Сиссе в *La Charte du Mandé et autres traditions du Mali*, calligraphies d'Aboubacar Fofana, traduction Youssouf Tata Cissé et Jean-Louis Sagot-Duvauroux, Albin Michel, 2003. Язык данного текста — это форма малинке (манинка) гриотов из региона Кангаба в Мали.

во время своей инициации, прикладывая руку к земле. Ученый писал, что датировка не подлежит сомнению, так как устная традиция упоминает о прохождении кометы Галлея, которая тогда была видна в небе Мали. Значение данной кометы для манден отмечали Юсуф Сиссе и Ва Камиссоко в своем повествовании об образовании Мали. Всего она появлялась до 1986 г. 10 раз [4, с. 261, 396].

Хартия Манден и Клятва охотников

Очень часто данную Клятву охотников путают с Хартией манден, иногда ее даже так и называют. Оба документа говорят о прекращении охотничьих рейдов за рабами, однако, в остальном в них не так много схожего, но благодаря невнимательности ЮНЕСКО и спешки в признании текста нематериальным наследием человечества теперь эти два документа будут упоминаться только вместе.

Официальная реконструкция Хартии произошла в 1998 году во время семинара, организованного в Канкане (Гвинея). Гриоты рассказывают, что в 1236 году после битвы при Кирина и победы над войском сусу под предводительством кузнеца-колдуна Сумаоро Канте Сундьята, легендарный правитель империи Мали, вместе со всеми представителями основных родов Манден и союзниками встретились в Курукан Фуга вблизи Кангаба, где они приняли так называемую Хартию. Хартия — это свод законов и норм, который был создан при организации империи Мали.

В Абу-Даби в 2009 г. (28 сентября-2 октября) на 4-й сессии ЮНЕСКО включила Хартию Манден, провозглашенную в Курукан Фуга (округ Кангаба, Мали), в репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества. Но так как там очень неточно оказался описан сам документ, то и Клятва охотников, и Хартия подходят под его описание, что создает путаницу, так как неизвестно какой текст на самом деле попал в ЮНЕСКО под названием «Хартия». Это произошло из-за того, что малийские власти очень торопились опередить своих гвинейских коллег, объявив Хартию именно малийским наследием, хотя, как мы все понимаем, гриоты Куяте, хранители Хартии живут в Ньягассоля, а это Гвинея, и именно в Гвинее в Канкане произошла реконструкция Хартии. А вот Клятва была зафиксирована именно на территории Мали. «Таким образом, классификация, проведенная ЮНЕСКО в 2009 году, знаменует собой победу Мали над Гвинеей в сохранении наследия престижной средневековой империи», — пишет Франсис Симон [5, с. 34]. «Поскольку Юсуф Сиссе (малиец) называл Клятву охотников и «Клятвой», и «Хартией», судя по всему, в Юнеско попало или сразу два текста, соединенные воедино, или нечто смешанное (что и было объявлено культурным наследием человечества)», — как точно заметил Франсис Симон [там же].

Если о происхождении Клятвы было известно задолго до «открытия» Хартии, и к нему у ученых вопросов практически нет, то сама Хартия вызывает много вопросов, так как она была реконструирована из устной традиции группой гриотов — традиционных сказителей манден, что, впрочем, не убавляет ее значимости для всей Африки.

Таким образом, в данный момент есть два устных документа, один записан в 1965 году и датируется 1222 годом (до образования империи Мали), впервые провозглашен в Дакаджалан и принадлежит союзу охотников, а другой «восстановлен» в 1998 году и относится к 1236 году, провозглашен он был впервые в Курукан Фуга. Иногда их даже считают единым текстом или связанными текстами, хотя эти два устных документа различны и по форме и по содержанию, но схожи по духу.

Два этих текста связывают два постулата — право на жизнь и равенство жизней, и также запрет на охоту за рабами, которая велась повсеместно в Западной Африке в те времена, от чего страдали все народы. Юсуф Тата Сиссе говорил, что после провозглашения Хартии

были сформированы целые бригады охотников по борьбе с рабством [4] (на самом деле по борьбе с захватом рабов).

Положение рабов у манден варьируется в зависимости от способа приобретения, а также поколения в состоянии рабства. Есть рабы (общие, частные или правителя), захваченные на войне или во время набегов, и рабы, купленные, причем зачастую, в своей же деревне. Я сама встречала только потомков деревенских рабов. В Гвинее рабы, как отдельная социальная группа, существовали до конца 60-х годов, если не позже. В Ньягассоля округ Сигири члены семья Таравеле приносили в жертву духу-покровителю деревни³ (свидетельство Абубакар Таравеле 63 года из Ньягассоля 13.02.1999), чем очень гордились все Таравеле из этой семьи. Вообще Таравеле — это воины, следовательно, данная семья была захвачена кем-то из Кейта из Ньягассоля. Изменение ценностей и пересмотр социальной истории сказались в том, что в повторный мой визит в 2014 году сын Абубуакра Таравеле уже заявил, что у них нет, и никогда не было рабов, и сами Таравеле рабами никогда не были!

Экономика империи Мали, стоявшей на пути между кочевыми народами Сахары и народами черной Африки, была основана на сельском хозяйстве, ремеслах, добыче золота и торговле черными рабами с арабскими народами. Согласно эпическим сказаниям, рабы часто выступали в роли помощника или посланников правителя, они могли играть важную роль при дворе правителя.

Охотники

«Не каждый владелец ружья — охотник», — гласит баманская пословица. Охотники были элитой армии, основными защитниками деревень от врагов и диких зверей, а также и от колдунов. Юсуф Тата Сиссе писал, что быть *donso* (охотником) означает быть примером моральной целостности, обладать глубоким чувством чести, достоинства, лояльности и смирения. Состояние охотника — это чистота, сила и удача (*sanuya, fâka* и *tere*) [6 Cissé 1964, с. 183]. Один из вариантов мифа о прародителях, основателях союза охотников Санене и Контороне, говорит именно о духовной и плотской чистоте охотников, рассказывает о первом охотнике, подобно тому, как мифы повествуют о первых людях на земле, однако, данный миф подозрительно много общего имеет с библейскими мотивами [6, с. 183].

Симбоны (*sinbon*) — высшая ступень иерархии охотничьих союзов, их элита. Это люди, удостоившиеся самого почетного и престижного для любого охотника титула. По словам Сиссе, Мамади Кани (дед основателя империи Мали Сундьяты) учредил сибо (симбон), своего рода орден охотников [6, с. 175]. Это один из вариантов легенд. Ниань же предлагал другой вариант легенды, в которой Мамади Кани изобрел свисток охотников под названием «симбон», и слово это, как титул, стало присваиваться выдающимся охотникам [7, с. 15]. Однако и сам Мамади Кани, и его братья изначально уже назывались так в сказании Фадиги Сиссоко «*Son-jaga*», где упоминались первые предки манден братья *Kanu Simbon*, *Kanu Nyogon Simbon* и *Lawali Simbon* [8, с. 2].

И сам Сундьята, и все правители, как и все выдающиеся люди манден, были охотниками. Сундьяту гриоты постоянно называют титулом «симбон». В деревне Бананинкорю у одного старого охотника (местного учителя) был записанный на аджами (арабицей) список всех местных симбонов.

Будучи во многом хранителями традиций всего социума, охотники имеют собственную богатую устную традицию. У охотников есть свои гриоты, но если обычный гриот бамана

³ Человеческие жертвоприношения требовали почти все духи-хозяева земель и духи-покровители, позже они были заменены на жертвоприношение быка.

или манника является таковым с рождения, то охотничий гриот выбирается согласно его таланту и может принадлежать к любому роду. При этом функции охотничьего гриота весьма широки: от исполнений охотничьих сказаний, хвалебных песен или мелодий до ведения ритуальных мероприятий и хранения истории охотников.

Сегодня одной из основ охотничьих традиций, как собственно и основ всего общества манден, считается Клятва охотников. Основные положения Клятвы охотников: это поддержание норм и правил социума, обеспечение пропитанием населения, запрет охоты на рабов, запрет на мучения и унижения других, объявление равенства жизней и упор на ценность человеческих жизней. Данные положения Клятвы берут свое начало и обоснование в мифе о первых охотниках, основателях и покровителях союза охотников Кондолон и Саане⁴. Существует более 20 известных версий данного мифа.

Текст Клятвы по духу во многом перекликается и с другими известными нам фольклорными произведениями охотников, в основном с легендами о происхождении союза охотников. Союз охотников — это древняя организация, существовавшая явно еще до появления империи Мали, судя по легендам, еще во времена Вагаду. Что касается двух основателей союза Саане и Кондолон, то разные легенды рассказывают о них по-разному: где-то это два брата, в других легендах это может быть мать и сын или жена и муж, сестра и брат, иногда Кондолон — это фетиш. Что касается именно Клятвы охотников, то она как раз пересекается во многом именно с основной легендой, записанный Сиссе, где Санене и Кондолон являются братьями [9]. В некотором смысле легенду можно считать художественным объяснением Клятвы. В самом мифе говорилось как охотники дали клятву (*kalikan*) в том, что они будут безобидны как дети, и установили обряды по защите любой души [9].

Именно на эту «безобидность» и установлен акцент, а также на повышение ответственности охотников перед остальными людьми, что в частности может объясняться тем, что именно правители и воины становятся охотниками, то есть те, кто реально обязан отвечать за безопасность остальных.

Основными положениями Клятвы являются: соблюдение норм и правил общества, обеспечение население едой, отмена пыток и унижения других, запрещения охоты на людей с целью захвата рабов, поддержка населения и забота о людях. Произнося присягу, охотники прикладывают руку к земле, чтобы оставить ее отпечаток, заверяя так свою Клятву.

Тем не менее, можно было бы усомниться в происхождении некоторых пунктов Клятвы охотников, в частности потому, что рабство, о запрещении которого якобы говорится в Клятве охотников (в Хартии оно, напротив, закрепляется «законодательно»), практически исчезло немногим более столетия назад. Однако стоит отметить, что это не рабство в понимании европейцев, а некоторый социально адаптационный механизм, входящий в так называемое «кастовое» деление общества.

«Охотники заявляют:

Существование рабства сегодня прекращается,

От стены до стены Манден;

Рейдам (набегам) положен конец сегодня в Манден».

Хотя в Клятве и говорится, что рабство прекращает свое существование, логично предположить, что имелось ввиду не отмена рабства как такового, а скорее отмена охоты на людей и продажи их в рабство другим народам (в частности сахельским маврам), что практиковалось в те времена в Западной Африке. Отметим, что это иное к тому же рабство, нежели то, что существовало до недавнего времени, когда рабы были просто одним из социальных классов в Манден, людьми, которые не владели землей, не могли на ней

⁴ Юсуф Тата Сиссе считает, что *Sanènè* и *Kònròn* восходят к *Muso koroni* и *Kèni*, то есть *Niakalè N'Djatara* и ее близнецу *Tèliko*, связанному с солнцем. В мифе, представленном у Юсуфа Сиссе, повествуется также и о происхождении имен *Kondolon* и *Saane*.

работать и жили в семье патронов. Еще интересная особенность — в своем переводе Сиссе постоянно упускает, что запреты на рейды и на рабство объявляются именно в Манден, что не мешает ловить рабов на чужих территориях. Полагаю, в этом и был смысл всех запретов.

Что говорит Хартия:

Статья 1: Общество Великого Манден разделено на шестнадцать кланов носителей колчана, пять кланов марабутов, четыре группы «ньямакала» и одну группу рабов. У каждого есть своя деятельность и роль.

Статья 20: Не обращайтесь с рабами плохо, дайте им один выходной в неделю и следите за тем, чтобы они прекращали работу в разумные часы. Мы хозяева раба, а не сумки, которую он носит [10].

Статья 20: Не заставляйте раба работать как животное, потому что он такой же человек, как и вы [11].

Статья 1 закрепляет рабство, а статья 20 соответствует духу Клятвы, запрещая жестокое обращение с рабами (стоит отметить, что в фольклоре не было упоминаний о жестоким обращении с рабами).

Таким образом, если Клятва прямо запрещает набеги с целью охоты на людей, запрещает бить и убивать рабов, то Хартия, напротив, узаконивает рабов как социальную группу, но определяет гуманное отношение к ним, как к определенной социальной группе, и наличие частной собственности у раба. Более того, Хартия говорит (и вся традиция также), что если в деревне живут одни рабы, то вождем может быть раб. Это просто низшая из групп, но не группа вне социума.

Клятва осуждает рабство: «Голод — это нехорошо, рабство тоже нехорошо; нет худшего бедствия, чем эти вещи». Что достаточно странно при том, что Хартия рабство закрепляет, а сами рабы были и при Сундьята⁵, и при его наследниках, и так было более, чем до середины XX века.

Еще более революционно звучат в клятве слова о равенстве жизней и о свободах, необходимых человеку. Но так они звучат в переводе Клятвы на французский и другие языки. Первоначально данный перевод представил сам Юсуф Сиссе. На манинка значение несколько меняется.

«Но его душа, его дух живет тремя вещами:

Желанием видеть людей, Желанием разговаривать, желанием действовать» (перевод с манинка).

Перевод же (на французском⁶), представленный Юсуфом Сиссе, звучит так: «Смотреть то, что он хочет видеть, говорить то, что он хочет сказать, и делать то, что он хочет делать» [4, с. 39].

При правильном переводе звучание Клятвы кардинально меняется, ни про какую свободу действий и вообще свободу речь не идет. Все звучит вполне традиционно и очень в гриотском духе.

В Хартии записано:

Статья 5: Каждый имеет право на жизнь и на сохранение физической неприкосновенности. Соответственно, любая попытка лишить жизни ближнего своего карается смертью [10]. Эта статья полностью подтверждает и аналогичные слова в Клятве охотников: «Любой вред, причиненный душе (жизни), требует возмещения.

Следовательно,

⁵ Как говорили мои информанты из Ньягассоля, Сундьята и сам участвовал в набегах по захвату рабов (1999 Ньягассоля, префектура Сигири, Гвинея).

⁶ Все другие переводы на остальные языки давались именно с него.

*Пусть никто не нападает на своего ближнего,
Пусть никто не причинит вреда ближнему,
Пусть никто не станет мучить своего ближнего».*

Посмотрев на текст Клятвы, можно сказать, что она слишком гуманизирована для того времени. Она говорит о ценности жизни, о запрете работорговли и обязанностях охотников. Именно воины были членами союза охотников, титул симбона носили практически все правители манден еще до Сундьята. Братья Симбоны, прародители мансаре (правителей) Манден, согласно Фа Диги Сиссоко, поселились в Вагаду, потом переселились в Кри Корони, все они были охотниками-мастерами [8, с. 23], что говорит о том, что именно охотники были прародителями правителей манден, и данное занятие считается основным и самым важным у манден. Также можно вспомнить и упоминание в легенде о происхождении охотников такие слова, что «два молодых каколо (предки манинка) — Сириман и Кадьяли или Симбон (потомки Дьяру) жили в Комби, столице Вагаду, именно они и основали потом союз охотников» [9].

По словам наших информаторов, придерживающихся традиции манден, только свободные (землепашцы), они же так называемые «хранители колчана», ранее могли стать членами Союза⁷, следовательно, данная Клятва относится к потенциальным или действующим воинам (материалы экспедиции 1999 г. Гвинея). Однако в мифе о Саане и Кондолон (версия Юсуфа Сиссе) упоминалось, что первые охотники не принадлежат ни к какому клану или нации, у них не было родины, они жили там, где жила дичь (сама Саане не была рождена и мужчин не знала, хотя и родила Кондолона) [6]. Следует отметить, что у манден есть концепция «Донсо» — охотника, члена Союза охотников, прошедшего обучение и прошедшего инициационный ритуал и «sikela»⁸ — землепашец, который не является членом союза, и может охотиться только на небольших животных птицы без энергии ньямы [6, 192].

Весьма примечательно, что многие положения, которые по логике должны были быть включены в Клятву охотников, нашли свое отражение только в Хартии, где им не совсем место. В Клятве нет ни слова о поддержании баланса с природой, защите саванны и об остальных важных для союза охотников вещах. Однако же мы найдем эти положения именно в Хартии.

Статья 40: Саванна — наше самое ценное достояние, каждый должен защищать и сохранять его для всеобщего счастья.

Статья (37): Факомбе назначается главным охотником [11].

Статья 41: Перед тем, как поджечь куст, не смотрите вниз на землю, поднимите голову в направлении верхушек деревьев.

Казалось бы, эти положения явно должны были найти место в Клятве охотников, особенно положение о человеке-основателе союза и первом его главе — Факомбе. Про Факомбе есть даже легенда, в которой говорится, что его спасли и воспитали духи, передав ему потом фетиш Кондорон, который помогает в управлении и охоте, Факомбе принес фетиш людям и стал первым главой союза охотников (подробнее см. [12]). Все это еще раз подчеркивает связь этих двух устных документов.

⁷ Надо отметить, что в деревнях округа Ньягассоля в основном и проживали Кейта, то есть «свободные», кастовых было по одной — две семьи на каждой профессии в деревнях, и, следовательно, охотниками действительно были только «свободные». Однако в современной Гвинее охотники могут быть представители любого джаму. Ю. Сиссе записал саму клятву со слов главы охотничьего союза, который был кузнецом (то есть кастовым) в 1965 г.

⁸ Так же манинка называли тех, кто просто умеет стрелять из ружья и охотиться на мелких животных (от *marifa ci* — стрелять из ружья).

Несоответствия в Клятве охотников

Если анализировать сам язык Клятвы, то он ближе к бамана, чем к манинка. В реальности исторически она должна бы была быть скорее на манинка, но записывали ее, разумеется, со слов баманца. В итоге Клятва охотников существует на диалекте равно близком и манинка, и бамана. Мали и Гвинея «поделили» «культурное наследие»: в Мали записали и сейчас продвигают Клятву охотников, называя ее часто Хартией, а в Гвинее саму Хартию. Первая особенность: нехарактерное для традиционного текста манден использование достаточно абстрактных понятий и большая художественность и образность. Получилось так, что в 1 и 7 частях клятвы употребляется слово *ni*, причем в первой части Сиссе переводит как «жизнь», в 7 как «душа», в словаре дан перевод «душа, жизненное начало, жизнь», скорее, судя по мифологии, *ni* — «часть души, жизненная сила человека» [13]. В те времена не должно было существовать в принципе понятия души в том значении, как сейчас. Если в словаре приведен пример: «*ni ó ni* — каждый человек», то в первой части перевод мог быть даже «все люди равны». Тем не менее, в 7-й части мы видим: *a ni* — «его (человека) душа», и различий быть не может, здесь *ni* выступает именно как душа. Именно седьмая, самая большая, часть настораживает подробным анатомическим описанием того, из чего состоит человек, чем гриоты никогда не увлекались. Весь текст Клятвы не слишком ориентирован именно на охотников (кроме части, говорящей о голоде), скорее именно на всех членов социума, нет нигде упоминаний, что должны делать именно охотники. Текст скорее напоминает то, что охотники велели делать всем остальным. Вступление Клятвы настораживает появлением слова *siyawoloma*, которое переводится как «расизм». Это сложное слово, обозначающее разделение по рождению (по расе, касте, этносу). Данное вступление позволило потом говорить о том, что Клятва выступает против расизма, что изначально звучит, по меньшей мере, странно для XIII века Африки (многие африканцы в глубине Гвинеи и в конце XX века не видели белых и пугались меня).

В данном случае необходимо учитывать, что, во-первых, это вступление, а не сама Клятва, а во-вторых это Клятва охотников и ориентирована она на охотников. Охотники же внутри союза не имеют никаких различий по джаму или этнической принадлежности. Союз Охотников — надэтническая организация, не коррелирующая с так называемыми кланами (джаму), по крайней мере, сегодня так. Тем не менее, отмена деления по рождению у манден звучала бы неестественно до середины XX-го, а в реальности до начала XXI-го века. Даже в большом городе Канкане (Гвинея) в университете студенты, которых мы анкетировали в ходе экспедиции 2014 года (январь-февраль), были убеждены, что есть кастовые запреты и предпочтения на брак. И сами они собирались им следовать.

Клятва и эпические сказания

Если мы обратимся к другим текстам устной традиции манден, а в частности к эпосу Баба Сиссоко, самого известного гриота Мали, «Заговор против Бакарджана», то увидим удивительно похожий отрывок:

«Высокое имя и высокий человек это не одно и то же.

Мир — это четыре истины:

люди не привязываются к человеку просто так,

человек не прекращает общение с человеком просто так,

человек не отказывается от человека просто так.

Мир — это такие четыре истины.

Наши баманцы говорят: «Мир — это три времени:

время говорить,

время делать,

время видеть.

В день, когда тебе придёт время действовать, действуй!

В день, когда тебе придёт время говорить, говори!

В день, когда придёт время видеть, смотри!»

Мир это такие три времени [14, с. 50].

Таким образом, мы видим слегка измененный текст Бамба Сиссоко (который в свою очередь явно использовал пословицы бамана в своем сказании). На бамана тексты звучат также похоже, использованы одни и те же слова (*fo* — говорить, *ke* — делать, *ye* — видеть), только вместо «времени» употребляется слово «желание», а глаголы использованы в переходном виде.

Клятва охотников:

Sago na tɔgɔ ye,

Sago na kuma fɔ,

Ani sago na ko ke.

Эпос «Заговор против Бакарджана»:

Fɔ tuma,

Ani ke tuma,

Ani ye tuma.

Стоит заметить, что в варианте Клятвы на манинка Статья 7 начинается словами *Folo tokolu ko* «древние люди говорили» (тогда как другие части начинались словами «охотники сказали»), что является как раз сноской на то, что эта речь принадлежит традиции.

Слова гриотов, особенно пословицы, всегда для манден являются источником мудрости и практически законом. Если посмотреть на Хартию Манден, то часть ее статей также представляют собой цитирование пословиц.

Хотя я и говорила, что Хартия и Клятва на первый взгляд абсолютно разные документы и по стилю и по содержанию, но по смыслу они не заменяют друг друга, а именно дополняют, создавая целостную картину утвержденного миропорядка и структуры ценностей у манден. При этом Клятва говорит о более общих вещах, и именно о запретах, тогда как Хартия, напротив, устанавливает законы и правила.

Союз охотников и миф об его основателях

Жизненные ценности манден сформировались во многом на основе охотничьих традиций, правила и положения их отражены в фольклоре и указывают на тесное взаимодействие человека с природой, сильная зависимость общества от мира природы и духов, которая, несмотря на исламизацию XXI века, по-прежнему актуальна.

Охотники стали самыми ревностными хранителями традиций. Места поклонения духов-покровителей кланов или деревень теперь забыты, но ритуалы охотников и места поклонения покровителей охотников по-прежнему актуальны, как мы выяснили во время экспедиции в 2014, 2016 г. (Гвинея, округ Сигири).

Основные задачи охотников, частично описанные в Клятве, частично зафиксированные в Хартии, описал Владимир Романович Арсеньев: «Быть *донсо*, что означает быть «знатоком» саванны, его естественной и сверхъестественной жизни, участвовать в трансцендентности вселенной, стать хранилищем магических сил и иметь право на жизнь и смерть живых существ. Это также означает ставить себя на службу обществу, защищать его от всего зла, поддерживать общественный порядок и обеспечивать существование своей семьи, обеспечивая ее дичью» [15].

У охотников очень богатая устная традиция, есть даже собственные гриоты. Союз охотников — это «государство в государстве», как бы союз, направляющий других людей и заботящийся о них. Владимир Романович Арсеньев называл охотников «социальными лидерами». Он писал, что «...и в новейшее время. Значительная часть «элит» армий и госаппарата связана прямым членством с деятельностью охотничьих союзов. И даже первые лица современных государств этого исторического пространства, если и не являются сами «донсоу», то поддерживают отношения «партнерства» с ними напрямую или через своих ближайших советников и соратников» [16]. Не удивительно, что первые идеи о необходимых переменах в жизни исходят именно от охотников. Но стоит учитывать, что запрет на отлов людей среди манден с целью продажи в рабство касался напрямую именно охотников. Полагаю, что именно охотники и промышляли ловлей людей: у них всегда было оружие, они умели им пользоваться, они уходили в дальние места, откуда и могли приводить рабов. Как говорили информанты, в те времена все охотились на людей, даже сам Сундьята.

Поскольку, как мы знаем, клятва была принята еще в 1222 году, то произошло это задолго до официального начала империи Мали (1236 г.), то есть бороться с рейдами среди своих манден начали задолго до победы Сундьяты⁹, Хартия же при этом не отменяла наличие рабов, но оговаривала гуманное отношение к ним. Таким образом, никто не говорил в принципе об отмене рабства, напротив, группа рабов была закреплена в Хартии. Таким образом, их и захватывали в боях и покупали. Согласно Клятве, запрет был на захват рабов среди своих, вне военных действий. Мы можем сомневаться в происхождении некоторых заявлений клятвы и соответствующих статей Хартии, но в целом картина выглядит достаточно гармонично. Например, рабство было раскритиковано обоими устными документами. Хотя запрета на него и не водилось, но было объявлено гуманное отношение к рабам, без поражения в их правах человека, система работала так, что рабство продержалось до середины прошлого века, если не более. Однако это не было рабство подобное европейскому. По смыслу это был социальный механизм адаптации, включенный в так называемую «кастовую» систему общества манден.

Обоснование некоторых утверждений Клятвы можно найти в мифе о первых охотниках, Кондолон и Саане, основателях и покровителях Союза охотников (в разных версиях они — муж и жена, или брат и сестра, или мать и сын, или два брата). Охотники у манден называются «детьми Санене и Конторона». Нам известно более 20 версий этой легенды.

Один из первых записанных вариантов мифа (хотя и весьма подверженный религиозному восприятию, что, впрочем, не мешает основному сюжету) был представлен Юсуфом Тата Сиссе [9]. Этот наиболее полный вариант дает версию происхождения имен главных персонажей охотничьей мифологии, а также объясняет истоки охотничьих традиций и норм поведения.

Миф о братьях — основателях союза охотников

Это было в Комби, столице Вагаду, там жили охотники Сириман и Кадьяли или Симбо. Они хотели создать настоящее братство охотников, проповедуя дедовскую отвагу, неустрашимость и честь. *Bida*, бессмертная змея (живущая в Вагаду, требовавшая человеческих жертвоприношений) тогда еще жила там. В эту заросшую саванну заходили только сфинксы, аватары великих правителей Вагаду и рыси.

⁹ Согласно многим источникам, первым обратил внимание на эту проблему Сумаоро Канте, глава империи Сосо, с которым и воевал Сундьята, и клятва была принята при нем. В частности Ва Камиссоко ассоциировал Сумангуру с противодействием рабству (см. Анализ этого утверждения Мораэсом Фариасом в контексте девятнадцатого века). Другие традиции также связывают [17] Сумангуру с борьбой против рабства, например, традиционалист Сулейман Канте [18, с. 167].

Эти молодые каколо (предки манинка) — Симбон и Сириман — пошли охотиться на рысь, чтобы показать, что, несмотря на враждебную окружающую среду, они оставались потомками своих предков *Diaguw*. На дороге они встретили женщину каколо, чьи родители жили на другом краю этих мест, она несла за спиной ребенка. Страдая от жажды, охотники убили ребенка и отняли у женщины ее калекасу с водой. Бог их наказал и рассорил, заставив сперва их собак перебить друг друга, а потом и их самих убить друг друга. Взбешенная женщина забросала камнями их тела, и покрыла их проклятиями, ругая и Бога. Тогда Бог у нее спросил, чего она хочет, ведь он для нее свершил правосудие, убив охотников и их собак. Но женщина ответила, что она никогда не сможет отомстить за убийство ее невинного ребенка. Тогда Бог снова вдохнул жизнь в тела обоих охотников. Охотники ожили и поклялись, что станут детьми для этой женщины. *Saa nè nè* и *Kòtòròn* означают соответственно «Холод смерти» и «Вернувшийся [в жизнь]».

Они проводили женщину в ее деревню и совершили ритуалы искупления и умилоствления для дичи, которую они ей будут приносить. Охотники в искуплении дают клятву (*kalikan*), что будут безобидны как дети, и устанавливают обряды, основанные на соблюдении и защите любой души.

Тело убитого ребенка было похоронено в месте, называемом *dankun*. Данное место соответствует пространству, принадлежащему одновременно трем областям: обитаемому пространству, диким зарослям, где жила дичь, и обработанным землям.

И с тех пор все охотники мира манден называются детьми *Sanene* и *Kòntòn*.

Таким образом, мы можем найти в мифе первые упоминания о Клятве охотников. Весь миф рассказывает о необходимости охотникам быть более сдержанными и в первую очередь служить людям, а не использовать свое преимущество в силе и оружие.

Клятва представлена на языке манинка, она выглядит ориентированной именно на свою аудиторию, в отличие от Хартии манден, которую не встретит на манинка, при этом она есть и на французском, и на английском. Главное, что сделал Сириман Куяте, — перевел Хартию на французский язык, что говорит о том, что она ориентирована, в первую очередь, на внешнюю (зарубежную) аудиторию. Тем не менее, в клятве также встречаются попытки говорить о свободе и равенстве, что в принципе не характерно для традиции манден. При строгом градировании общества по джаму, практически клановости, никогда в сказаниях, сказках или других фольклорных произведениях не было особых упоминаний о тяжести рабства, несправедливости или неравенстве, только о неравенстве богатых и бедных, правителей и простых людей. В эпических стихах можно было встретить у разных гриотов такие слова о неравенстве: «Вождь могущественнее бедняка, богач могущественнее вождя, благословеннее могущественнее проклятых». Гриоты часто говорили о тяжелой жизни бедняков, но про тяжесть жизни рабов ничего не говорилось.

В принципе странно слышать в традиционном тексте, что все жизни равны, но тут скорее имелось в виду право на жизнь. Все равны перед смертью. С другой стороны странно слышать (в переводе Юсуфа Сиссе) о свободе воли, если проповедуется полная зависимость человека от социума. И одновременно можно вспомнить заявление Таравеле, раба в прошлом, который гордился тем, что их приносили в жертву (о котором я писала выше), что было их служением социуму, их почетная обязанность. Он был уверен, что без их жертвы, без их семьи вся деревня не могла бы существовать.

Если мы обратимся к тексту клятвы в переводе Сиссе, то от него веет явным индивидуализмом, что противоречит жесткой коллективистской направленности всей традиции манден. Только герой мог обладать индивидуалистскими качествами, и только трикстер действовал на благо себя вопреки социуму. Но «герой хорош только во время войны», — гласит пословица бамана.

Клятва охотников и пословицы

Что касается утверждаемых Клятвой ценностей, то косвенно их подтверждение можно найти и в пословицах.

Ценность каждой жизни для социума.

Məgə kelen sàya te dugu cī, ñka ò b' à yoobo yaaba. Смерть одного человека не разрушит деревню, но она может ее расшатать (ослабить).

Большинство пословиц говорит о неравенстве в социуме.

В пословицах часто можно встретить и утверждения о тяжести жизни рабов.

Ala ma bolokəniw da kà ù kənyə. Аллах не создал пальцы равными.

Məgə Dakan ka kərcə jəñ ye. Судьба старше раба.

Səgen ka fisa jənyə ye. Бедность лучше рабства.

Bolokəni bēe ni à dayərcə dòn. У каждого пальца свое место.

Màsa t' a jè, jəñ kà à tije. Если правитель что-то не сможет сделать, раб вообще это испортит.

Следующие пословицы полностью совпадают с идеями клятвы охотников.

Ñè te dumuni sà. Добродетель не убивает голод.

Bololankolon te se kà məgəzəbēya kē. Бедный не может быть щедрым.

Kəngə te wəljiw dən. Голод не знает святых.

Cè bē cēfaga k' a soro i ma a malo. Воин может убить другого воина, не обязательно унизив его. В статье 41 Хартии Куруканфуга говорится: «Убивайте своего врага, не унижайте его».

Выше мы уже рассматривали связь Клятвы с гриотской традицией, Хартия прямо использует пословицы как отдельные свои статьи, например, статьи 10, 20, 22, 23, 26 [10].

Заключение

Необходимо понимать, что, невзирая на свою службу обществу и оберегание традиций, охотники вели отличную от обычных людей жизнь. Это люди, которые постоянно ходят в чужой мир, в саванну. Они постоянно сотрудничают с *soma* — колдунами и фетишерами. Особое внимание уделялось нравственной чистоте — перед охотой мужчины соблюдали некоторое время воздержание, уходя в саванну «чистыми», что можно было рассматривать как брак с природой. Одна из волнующих их проблем зафиксирована опять же в мифах и легендах — это соблюдение их женами верности. С житейской точки зрения проблема очевидна: охотники не бывают дома по несколько дней, часто ночуют в соседних деревнях. В легендах говорилось даже, что звери могли предупредить охотника о неверности жены, показав ему как бы случайно момент своего совокупления. Также для них было актуально и возможное предательство соратников. Но, как ни странно, все эти идеи нашли отражение в Хартии, но не в Клятве.

В моих беседах с охотниками мне говорили, что обучение охотников в большей степени связано с умением пользоваться магическими средствами, так как они постоянно имеют дело с высвобождающейся силой ньяма. Одна из самых старых деревень вблизи Ньягасоля, а именно Бананингоро была практически полностью заселена охотниками и *soma*, колдунами, точнее изготовителями магических средств *basi*, людьми, без которых охотники не могут удачно и безопасно охотиться. Я присутствовала на одном из собраний охотников, где они отчитывались о своих походах в саванну, и, в частности, обсуждали дела с экологией в бруссе: где пересох ручей, где упали деревья, где прошел пожар и так далее. Из всего этого видно было, что именно состояние природы представляет для них особый интерес, однако этого мы также не обнаружим в Клятве. Так как охотники упоминали, что они дают клятву заботиться о саванне, очевидно, что так называемая «Клятва охотников»,

не единственная, которую они дают во время посвящения. Более того, полагаю, что как раз ее и не дают во время посвящения, в этот момент дается клятва, содержащая конкретные пункты о соблюдении законов охотников, заботе о природе, поддержании баланса в ней и о службе своей деревне, обязанности снабжать мясом всех членов общины. Это то, что мне говорили все охотники. Сам же текст Клятвы, которая стала практически всемирно известна, был провозглашен только единожды. То есть произносили его только один раз, когда настала актуальная необходимость прекращения столь активных набегов с целью захвата рабов среди соседей и своих же манден. При этом ни о каком полном прекращении рабства речи не шло, рабы составляли довольно большой социальный слой и за свои права бороться не собирались. Напротив, родители часто отдавали или продавали своих детей в более богатые семьи, чтобы те там имели достаточно еды и воспитания. Вспомним, например, историю Буакарджана, который, согласно одноименному эпическому сказанию, был отдан своим отцом-приживалой Да Монсону и воспитывался у того в семье (XVIII век). В реальности история имеет некоторое соответствие в истории Мали, когда рабы-дружинники взяли власть в Сегу и правили так целый год.

Что касается Клятвы охотников, то мы можем ее рассматривать как интересный фольклорный материал, который стал сегодня столь популярным исключительно в контексте мировых событий и трансмиссии ценностей европейской современной цивилизации в другие культуры. Такое внимание к определенным текстам традиции меняет их. Давайте посмотрим, что написано в аннотации перевода Клятвы на язык мооре моси (Буркина Фасо): «Эта Хартия отменяет рабство в Малийской империи и предлагает другим странам мира присоединиться к ее борьбе против этнической или расовой дискриминации (отсюда ее название «Запрет на 12 частей света») [19].

Список литературы

1. Essai sur la religion Bambara. Par Germaine Dieterlen. Paris: Bibliothèque de Sociologie contemporaine; Presses Universitaires de France, 1952, 240 p.
2. Manden Donsolu Kalikan. 2014. <https://fasokan.wordpress.com/2014/02/03/manden-donsolu-kalikan/> (дата обращения 10.11.2021).
3. Cisse Youssouf Tata, Wa Kamissoko. Soundjata, la gloire du Mali. La grande geste du Mali — Tome 2. Karthala — Arsan, Paris, 1991. 305 p.
4. Cisse Youssouf Tata, Kamissoko Wâ. La grande geste du Mali. Karthala; Paris, 2000. T. 1. Des origines à la fondation de l'Empire. 416 p.
5. Francis Simonis, "L'Empire du Mali d'hier à aujourd'hui", *Cahiers d'histoire. Revue d'histoire critique* [Online], 128 | 2015, Online since 01 July 2015, connection on 15 May 2021. URL: <http://journals.openedition.org/chrhc/4561>; DOI: <https://doi.org/10.4000/chrhc.4561> (дата обращения 15.05.2021).
6. Youssouf Tata Cissé, « Notes sur les sociétés de chasseurs Malinké », in *Journal de la Société des Africanistes*, tome XXXIV, fascicule II, 1964, p. 175–226 https://www.persee.fr/doc/jafr_0037-9166_1964_num_34_2_1383(accessed: 27.11.2021)
7. Niane D. T. Soundjata ou l'épopée mandingue. Paris, Présence africaine, 1960, 155 p.
8. Johnson, John William. Fa-Digi. Son-Jara: the Mandé epic: Mandekan/English edition with notes and commentary. Bloomington: Indiana University Press, 2003. 331p.
9. Cissé Youssouf Tata. Le mythe des divinités tutélaires de la chasse: Sanènè et Kòntròn. Propos recueillis par Alexandre Mensah. *Africultures* — № 33, 2000. <http://www.africultures.com/php/?nav=article&no=1627> (дата обращения 29.09.2021).

10. La Charte de Kurukan Fuga. Version: Française et Caractères harmonisés Maninka. Radio rulale de Guinee, Kankan. 1998. <https://www.humiliationstudies.org/documents/KaboreLaCharteDeKurukafuga.pdf> (дата обращения 11.09.2021).
11. *Charte de Kouroukanfouga 1997 — Charte de Kouroukanfouga*. Auteur: Diakaria Diakite, Sources: Karamo Adama Dioubate, Griot traditionnaliste. Radio Rurale Kankan, Grande Rencontre des Griots de l’Afrique Mandingue en 1997 <http://www.mandiana.com/publications/la-charte-du-mandingue>. (дата обращения 19.10.2021).
12. Zavyalova O.Y., Nikiforova E. L. The legend about Kondolon. *Vestnik SPbSU. Asian and African Studies*, 2017, vol. 9, issue 2, pp. 220–229. DOI: 10.21638/11701/spbu13.2017.209.
13. Bamadaba — Bamadaba. *Bamanankan dapegafe / dictionnaire du Corpus bambara de référence*. <http://www.mali-pense.net/bm/lexicon/a.htm> (дата обращения 07.11.2021)
14. *Завьялова О. Ю. Эпические сказания Манден (опыт анализа структуры и поэтики). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Специальность 10. 01. 06. Санкт-Петербург, 1996.*
15. Arseniev Vladimir, « Les chasseurs Donso du Mali à l’épreuve du temps [*] », *Afrique contemporaine*, 2007/3–4 (n° 223–224), p. 341–361. DOI: 10.3917/afco.223.0341. URL: <https://www.cairn.info/revue-afrique-contemporaine-2007-3-page-341.htm> (дата обращения: 15.11.2021).
16. Арсеньев В. Р. Охотник бамбара как социальный лидер (методологические заметки) https://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-275-3/978-5-88431-275-3_16.pdf (дата обращения: 18.10.2021).
17. Moraes Farias, P.F. de, The oral traditionist as critic and intellectual producer: An example from contemporary Mali’, in: T. Falola (ed.) *African historiography: Essays in honour of Jacob Ade Ajayi* (Harlow [Essex], Longman), 1993, p. 14–38.
18. Conrad, D.C. ‘Reconstructing oral tradition: Souleymane Kante’s approach to writing Mande history’, *Mande Studies* 3, 2001, p. 147–200.
19. La Charte du Mande en mooré par Patrice Kouraogo mardi 21 novembre 2017, par Song Taaba <http://www.solinter-brest.net/associations/les-amis-du-musee-et-du/article/la-charte-du-mande-en-moore-par> (дата обращения 10.10.2021).

References

1. Essai sur la religion Bambara. Par Germaine Dieterlen. Paris: Bibliothèque de Sociologie contemporaine; Presses Universitaires de France, 1952, 240 p.
2. Manden Donsolu Kalikan. 2014. <https://fasokan.wordpress.com/2014/02/03/manden-donsolu-kalikan/> (дата обращения 10.11.2021).
3. Cisse Youssouf Tata, Wa Kamissoko. *Soundjata, la gloire du Mali. La grande geste du Mali — Tome 2. Karthala — Arsan, Paris, 1991. 305 p.*
4. Cisse Youssouf Tata, Kamissoko Wâ. *La grande geste du Mali. Karthala; Paris, 2000. T. 1. Des origines à la fondation de l’Empire. 416 p.*
5. Francis Simonis, “L’Empire du Mali d’hier à aujourd’hui”, *Cahiers d’histoire. Revue d’histoire critique* [Online], 128 | 2015, Online since 01 July 2015, connection on 15 May 2021. URL: <http://journals.openedition.org/chrhc/4561>; DOI: <https://doi.org/10.4000/chrhc.4561> (дата обращения 15.05.2021).
6. Youssouf Tata Cissé, « Notes sur les sociétés de chasseurs Malinké », in *Journal de la Société des Africanistes*, tome XXXIV, fascicule II, 1964, p. 175–226 https://www.persee.fr/doc/jafr_0037-9166_1964_num_34_2_1383(accessed: 27.11.2021)
7. Niane D. T. *Soundjata ou l’épopée mandingue*. Paris, Présence africaine, 1960, 155 p.

8. Johnson, John William. *Fa-Digi. Son-Jara: the Mande epic: Mandekan/English edition with notes and commentary*. Bloomington: Indiana University Press, 2003. 331p.
9. Cissé Youssouf Tata. Le mythe des divinités tutélaires de la chasse: Sanènè et Kôntrôn. *Propos recueillis par Alexandre Mensah. Africultures — № 33, 2000.* <http://www.africultures.com/php/?nav=article&no=1627> (дата обращения: 29.09.2021).
10. La Charte de Kurukan Fuga. Version: Française et Caractères harmonisés Maninka. Radio rulale de Guinee, Kankan. 1998. <https://www.humiliationstudies.org/documents/KaboreLaCharteDeKurukafuga.pdf> (дата обращения 11.09.2021).
11. *Charte de Kouroukanfouga 1997 — Charte de Kouroukanfouga*. Auteur: Diakaria Diakite, Sources: Karamo Adama Dioubate, Griot traditionnaliste. Radio Rurale Kankan, Grande Rencontre des Griots de l’Afrique Mandingue en 1997 <http://www.mandiana.com/publications/la-charte-du-mandingue>. (дата обращения 19.10.2021).
12. Zavyalova O. Y., Nikiforova E. L. The legend about Kondolon. *Vestnik SPbSU. Asian and African Studies*, 2017, vol. 9, issue 2, pp. 220–229. DOI: 10.21638/11701/spbu13.2017.209.
13. Bamadaba — Bamadaba. *Bamanankan dapegafe / dictionnaire du Corpus bambara de référence*. <http://www.mali-pense.net/bm/lexicon/a.htm> (дата обращения 07.11.2021)
14. Zavyalova O. Yu., *Manden Epic Stories (experience in analysis of structure and poetics). Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Spetsial’nost’ 10. 01. 06. Sankt-Peterburg, 1996.*
15. Arseniev Vladimir, « Les chasseurs Donso du Mali à l’épreuve du temps [*] », *Afrique contemporaine*, 2007/3–4 (n° 223–224), p. 341–361. DOI: 10.3917/afco.223.0341. URL: <https://www.cairn.info/revue-afrique-contemporaine-2007-3-page-341.htm> (дата обращения 15.11.2021).
16. Арсеньев В. Р., Бамбара hunter as a social leader (methodological notes) https://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-275-3/978-5-88431-275-3_16.pdf (дата обращения: 18.10.2021).
17. Moraes Farias, P.F. de, The oral traditionist as critic and intellectual producer: An example from contemporary Mali’, in: T. Falola (ed.) *African historiography: Essays in honour of Jacob Ade Ajayi* (Harlow [Essex], Longman), 1993, p. 14–38.
18. Conrad, D.C. ‘Reconstructing oral tradition: Souleymane Kante’s approach to writing Mande history’, *Mande Studies* 3, 2001, p. 147–200.
19. La Charte du Mande en mooré par Patrice Kouraogo mardi 21 novembre 2017, par Song Taaba <http://www.solinter-brest.net/associations/les-amis-du-musee-et-du/article/la-charte-du-mande-en-moore-par> (дата обращения: 10.10.2021).

Информация об авторе

Ольга Юрьевна Завьялова — кандидат филологических наук, доцент, Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет.

Email: jontan@mail.ru

Author’s Information

Olga Yu. Zavyalova — PhD in Philology, Associate Professor, Faculty of Asian and African Studies, Saint-Petersburg State University.

Email: jontan@mail.ru

УДК: 930+281

Е.Н. Меццерская

Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности рассказа о крещении Эфиопии в «Церковной истории» Руфина (IV в.)

Аннотация: В статье анализируется отрывок из «Церковной истории» христианского писателя Руфина, в котором рассказывается об обращении в христианство царского дома и жителей Эфиопии. Приводятся сведения различных источников (эпиграфических, географических, юридических и патристических), подтверждающие не только уникальность этого описания, но и его реалистичность. Библиография: 26 наименований.

Ключевые слова: христианизация, Эфиопия, исторический источник, интерпретация источника

Elena N. Mescherskaya

Saint-Petersburg State University

Features of the Story about the baptism of Ethiopia in “The Ecclesiastical History” of Rufinus (IV c.).

Summary: The article analyzes an excerpt from the “The Ecclesiastical History” of the Christian writer Rufinus, which tells about the conversion to Christianity of the royal house and the inhabitants of Ethiopia. Information from various sources (epigraphic, geographical, legal and patristic) is presented, confirming not only the uniqueness of this description, but also its realism. (Refs. 26)

Keywords: Christianization, Ethiopia, historical source, source interpretation

Топоним Эфиопия, который фигурирует в названии нашей статьи, восходит к греческому языку II тысячелетия до н.э. и приобрел в нем значение «люди с обожженными лицами» или «люди с горящими, сияющими лицами». Термин закрепился уже в Септуагинте, первом переводе Библии на греческий язык, где он фигурирует в формах Ἰθίοψ и Ἰθιοῦσία и является эквивалентом древнееврейского наименования Куш. Употребляя термины Эфиопия и эфиопский язык, мы следуем традиции, сложившейся в отечественной научной литературе, когда эти наименования применяются для характеристики государства и языка, возникшего на территории Африканского Рога, видимо, еще в I тысячелетии до н.э., но ставшего известным другим странам и народам в период своего расцвета IV–VI вв.н.э. — это Аксумское царство, занимавшее в древности север современной Эфиопии¹. В это время господство аксумских правителей простиралось от Нубии на севере до вершин Эфиопского нагорья на юге и от Южной Аравии на востоке (в отдельные моменты истории с включением и ее территории) до реки Атбара на западе. Именно с этим государством связан начальный период эфиопского христианства. В отличие от некоторых других народов, у которых процесс христианизации и перевода Библии на язык крещаемого народа сопровождался созданием новой письменности, для Аксумского государства эти два процесса пока нельзя связать напрямую. Хотя, возможно, что установление всех обстоятельств, приведших к знакомству аксумитов с христианством, позволят сделать вывод именно о такой взаимозависимости.

Источники по истории христианизации Эфиопия весьма разнообразны. Мы хотим обратить внимание на христианские источники. Эти источники, из которых можно почерпнуть сведения о крещении Эфиопии, делятся на две группы. Первая — раннехристианская группа — Деяния апостолов 8:26–39 — история об обращении вельможи кандакии (царицы) Эфиопской², литература апостольских деяний, приписывающая христианизацию Эфиопии разным апостолам — Матфею (Socr. Schol., Hist eccl. 1,19). Варфоломею (Gel. Kiz. Hist. eccl. 3, 9), Андрею, как писал Епифаний Кипрский [24, p. 108], также не вызывает уверенности в их подлинности. Более реальные исторические факты получили описание в византийской литературной традиции, начиная с конца IV в. Но в этих источниках, а их два основных — «Церковная история» Руфина и «Церковная история» Филосторгия — ученые видят противоречие в вопросе о том, кто и когда обратил в христианство аксумитов. Мы постараемся показать, что такого противоречия нет, и сопоставление сведений этих двух исторических сочинений дает достаточно полную картину начального периода эфиопского христианства.

Первым интересным для нас свидетельством является рассказ из «Церковной истории» Руфина Туранского. Руфин (ок. 345–410) — римский церковный деятель и писатель, на литературное поприще вступил около 397 г. Он известен, прежде всего, как переводчик на латинский язык грекоязычных авторов, в том числе Оригена. По призыву некоего «достопочтенного отца Хроматия» из Аквилеи он предпринял перевод на латынь знаменитой «Церковной истории» Евсевия Кесарийского, дополнив ее двумя книгами и доведя изложение до 395 г., года смерти императора Феодосия. Эти две дополнительные книги были написаны им после 402 г. и являются ценными источниками по истории христианства, поскольку донесли до нас уникальную информацию о некоторых событиях. Сам Руфин полагал, что его записи содержат «часть из старейших традиций, часть из того, что удержала наша память». К числу таковой относится его рассказ о христианизации «дальней» или «противоположной» Индии, так Руфин называл Эфиопию, противопоставляя ее «ближней» или «посюсторонней» Индии т.е. Южной Аравии. Согласно этому повествованию при императоре Константине I (ок.330 г.) один философ из Тира по имени Меропий

¹ Исследования по истории Аксумского государства см.: [7;15].

² Это свидетельство относится не к Аксуму, а к Мероэ. Кандака (царица-мать) — титул цариц. См.: [3, с. 28].

отправился в путешествие с целью исследовать Индию. Он взял с собой двух отроков — Фрументия и Эдезия, о которых заботился и которых обучал разным наукам. На обратном пути корабль остановился в одной из гаваней Красного моря, чтобы пополнить запасы. Но на команду корабля напали местные жители, всех убили, а мальчиков взяли в плен и преподнесли в качестве дара своему царю. Юноши расположили к себе царя, им были доверены высокие посты в государстве. Хотя после смерти царя им была дарована свобода, они остались при дворе и воспитывали маленького царевича. Один из братьев, Фрументий, много сделал для насаждения в стране христианства. После того, как царевич подрос, Эдезий вернулся в Тир, а Фрументий отправился в Александрию, где, благодаря поддержке Афанасия Великого, был рукоположен епископом и стал главой эфиопской Церкви. [21, р. 971–973]. Этот рассказ Руфина с некоторыми вариациями повторяли многие византийские историки — Сократ Схоластик (Socr. Schol. Hist. eccl. 1.19), Созомен (Sozom. Hist. eccl. 1.24), Феодорит Киррский (Theodoretus. Hist. eccl. 1.22). Из более поздних авторов его подробно излагает Никифор Каллист Ксантопуло — византийский церковный писатель XIV в. (Nikeph. Kall. Hist. eccl. 8.35). Ученые неоднократно высказывали сомнения в исторической ценности этого рассказа и указывали на трудности в его интерпретации из-за уникальности его данных. Так, еще В. В. Болотов говорил о «неблагоприятном» с точки зрения источниковедения впечатлении от этой истории. [4, с. 273]. Ряд современных ученых тоже полагают, что свидетельства этого рассказа требуют дополнительных изысканий. [26, р. 37–83].

На первый взгляд это повествование по своему содержанию и по форме близко к особому разряду апокрифических сказаний, посвященных теме обращения в христианство иноверного монарха. Цепь таких рассказов открывает история об осроэнском владыке Авгаре, его переписке с Христом и последовавшем затем его обращении в христианство. Она получила свое первоначальное литературное оформление в конце II в. в документе, хранившемся в Эдессе в архиве царей. Именно данное повествование вызвало появление последующих аналогичных историй. Такова, например, легенда о крещении Константина Великого, известная из «Деяний Сильвестра», рассказ в «Житии Феодора Эдесского» об обращении халифа Багдада Моавии и исконно русское предание о переходе в новую веру князя Владимира, вошедшее в состав «Повести временных лет» под 6496 (988) г. [8, с. 35]. Такие же по своему типу повествования содержатся в апокрифических деяниях апостолов (например, в Деяниях Иуды Фомы) [9, с. 136–137, 190–191]. Но для всех этих сказаний характерен один общий, важный в смысловом отношении мотив — чудесное исцеление обращаемого от болезни или даже иногда его воскрешение апостолом Христа. Такой мотив получал символическое истолкование — недуг — язычество, исцеление или воскрешение — освобождение от греховного заблуждения. Эти идеи и символы характерны для всех разноязычных литератур христианского круга и восходят они к новозаветному рассказу о прозрении и крещении Савла (Деян 9:17–18).

Рассказ Руфина начинается зачином, характерным именно для такого жанра апокрифических апостольских деяния — повествуется о том, как апостолы по жребию определяют себе регионы для проповеднической работы. Но после этого сообщения традиция прерывается. Повествование Руфина, в отличие от этих сказаний, имеет ряд особенностей, когда автор отступает от традиционной формы религиозной легенды, и история развивается как рассказ о совершенно реальных событиях. Обращение в христианство Аксумского царства происходит благодаря примеру одного молодого по возрасту человека, который не совершает каких-либо чудес или исцелений, а завоевывает расположение народа, в среде которого он по воле случая оказался, своим умом и высокими нравственными достоинствами. Повествование Руфина, по его собственному свидетельству, основывается на рассказе

очевидца и участника событий и содержит вполне реальные черты, которые подтверждаются историческими свидетельствами.

Предпринятое жителем приморского Тира философом Меропием путешествие в Индию не было каким-то уникальным и из ряда вон выходящим событием. Руфин пишет, что он совершал свою экспедицию по примеру Метродора. Деятельность этого античного ученого, философа, ритора и государственного деятеля, именовавшегося Метродор из Скепсиса, известна нам по «Географии» Страбона (64/63 г. до н.э.— 23/24 г.н.э.). Описывая Эфиопию, Страбон ссылается на книгу Метродора «О привычке», хотя выражает недоверие тому, что там написано (Strab. XVI. 4. 16).

Вообще, о путешествиях и торговых поездках из Средиземноморья в Красное море и Индийский океан в римское и ранневизантийское время нам известно по самым разным источникам, и эта проблема получила исчерпывающее освещение в научной литературе (назовем работы М. М. Хвостова [16], Н. В. Пигулевской [11], И. Ирмшера [5] и др.). Самый показательный литературный источник — «Перипл Эритрейского моря», анонимное сочинение второй половины I в.н.э. [22]. Основываясь на его данных, можно проследить путь, по которому осуществлялись рейсы из Средиземноморья в Красное море. Из Александрии по Нилу товары довозились до Коптоса, откуда начиналась хорошо обустроенная караванная дорога через пустыню, построенная еще при Птолемах. Путь по ней до гаваней Суэцкого залива занимал 5–7 дней. В заливе было несколько гаваней, наиболее известны были две из них — Миос-Гормос (Мышиная гавань или Ракушечная гавань — от названия моллюска; также Гавань Афродиты), находившийся на восточном краю плато Абу Шар ал-Кибли, и Береника Троглодитская, где располагалась ставка должностных лиц, контролирующих торговлю Римской империи с восточноафриканским побережьем. Именно они описаны в «Перипле» (1, с. 93,100). В этих гаванях купцы с товарами грузились на корабли, по Красному морю плыли до Адена, затем могли двигаться и дальше. Идя вдоль южного и восточного побережья Аравии достигали Персидского залива, а затем, двигаясь вдоль Белуджистанского берега, доплывали до дельты Инда. Портом, в котором Меропий и его спутники сделали остановку для дозаправки продовольствием и водой, конечно был Адулис, расположенный в заливе Зула, хорошо защищенном проходе к Красному морю. «Перипл Эритрейского моря» также описывает этот порт. Говорится, что здесь располагается рынок, находящийся под покровительством закона, и что в восьми днях пути от этой гавани находится Аксум, метрополия аксумитов. Именно через Адулис Аксумское государство сносилось с греко-римским миром, что подтверждается найденными здесь греческими надписями, некоторые из которых, как и «Перипл», датируются I в.н.э. [20].

Конфликт, который разгорелся в гавани между командой корабля и местными жителями и который Руфин не вполне определенно объясняет «расторжением союза с ромеями», также имеет под собой реальную почву и может быть истолкован вполне адекватно. Римское государство, начиная со времени императора Константина, последовательно превращается в могущественную Византийскую империю. Этому способствуют целый ряд действий в идеологической и политической области. Но немаловажным условием превращения Римского государства в Византийскую империю была и четко выработанная линия развития в области экономики. Византия сделала ставку на развитие торговли с народами, жившими за пределами Империи. Но для того, чтобы сделать такую торговлю с варварами выгодной, постепенно, начиная со второй половины IV в., законодательством вводится целый ряд ограничений. Так, для того чтобы сохранить важные для ромеев продукты питания в границах империи, устанавливается запрет на продажу варварам вина, оливкового масла и соленой рыбы (закон 370–375 гг.) [11, с. 67; 19, р.178]. В целях военной безопасности империи запрещалась продажа варварам оружия (в законе, изданном при императоре Маркиане — 455–457 гг., оно перечислено:

панцири, щиты, стрелы, мечи, всякое другое оружие и железо вообще) [11, с. 67; 19, р. 179]. В 374 г. вышел указ, который запрещал платить варварам за их товары золотом, поскольку утечка золота за пределы империи вызывала финансовые трудности внутри страны [11, с. 67–68; 19, р. 188]. Эти законы были сформулированы и приняты позднее, чем происходили события, описанные Руфином. Однако интенция к их принятию наметилась, конечно, раньше и ограничения в торговле возникали стихийно и спонтанно, когда каждый купец, стремясь добиться лично для себя выгоды, защищал и интересы государства. Поскольку в рассказе Руфина говорится о том, что корабль сделал остановку, чтобы пополнить запасы провианта, т.е. для покупки, а не продажи, вооруженное столкновение экипажа с аборигенами, скорее всего, было вызвано отказом расплатиться за полученные от них товары золотом.

В рассказе Руфина исторически достоверным следует признать и ту его часть, где говорится о поездке Фрументия в Александрию и его рукоположении там у архиепископа Афанасия Александрийского. Руфин не указывает дату этого события, но она может быть восстановлена, поскольку о жизни знаменитого отца Церкви Афанасия Александрийского мы знаем достаточно много и по документам, и по его собственным литературным трудам [12, 705–707; 10]. Его деятельность в сане александрийского епископа протекала в период с 328 по 373 гг. Но за эти 45 лет его руководство александрийской кафедрой прерывалось несколько раз, так как он неоднократно был гоним властями за свою последовательную и непримиримую борьбу со сторонниками еретического арианского движения. Один из таких перерывов длился с 335 по 346 гг. Но с 346 г. начинаются 10 лет мира в его жизни. 21 октября 346 г., после 7-летнего отсутствия, Афанасий Великий возвращается в Александрию, встреченный народом с небывалой торжественностью [12, с. 714]. Наибольшего успеха и расцвета работа Афанасия Александрийского получила в период с конца 346 г. до января 350 г., так как именно в это время он приобрел мощную государственную поддержку в лице своего покровителя, сторонника никейского вероисповедания, императора Константа, правившего Италией. Константин был убит в начале 350 г., и после его смерти положение Афанасия резко ухудшилось. Вряд ли мудрый Фрументий пошел бы на то, чтобы получить епископский сан от Афанасия тогда, когда он утратил поддержку властных структур. Ведь он действовал не для своей пользы, а в интересах государства, которым фактически управлял в течение нескольких лет. Таким образом, можно предположить, что рукоположение Фрументия и утверждение в Аксуме епископии произошло между 346 и началом 350 гг.

Надо отметить, что личность Фрументия, как она описана у Руфина, плохо соответствовала традиционным представлениям о церковном харизматическом лидере. Это ощущали византийские историки, и, например, Никифор Каллист дополняет характеристику Фрументия следующими, более уместными для крестителя народа фразами: «Говорят, что он был прославлен до такой степени, что заслужил почести, равную апостольской. Именно его Бог объявил наиболее выдающимся, украсив знаменами и знаками необычайными, ибо одаренный богатством благодати, множество храмов Богу он воздвиг. Целителем же душ и тел поставленный, он у врачевал долговременные раны» [21, col. 133]. Т.е. Никифор восстанавливает символику целительства, присущую христианским рассказам о крещении.

О том, что активная христианизация Аксума начинается именно в середине IV в., косвенно свидетельствуют и другие источники. Прежде всего, следует упомянуть стелы с надписями, найденные там и хорошо известные ученым уже с XIX в. [20, р. 97–100; 2, с. 161–179]. Некоторые из них, по мнению большинства ученых, приписываются Эзане, царю Аксума, правившему около середины IV в. и отождествляемому с маленьким царевичем, воспитанным братьями Фрументием и Эдезием. Установленные Эзаной стелы рассказывают о его военных победах, одержанных в битвах с целью сохранить торговые пути,

от которых зависело благосостояние Аксума. Одна из этих стел, написанная по-гречески и обнаруженная в 1969 г. в пристройке церкви Марьям Цейон на территории совр.г. Аксум, христианская по своему содержанию. Приведем начало этой надписи в переводе Г. М. Бауэра: «(Пребывая) в вере в Б[ога и] могущество [От]ца, и Сына, и [Свя]то[г]о духа; Тому, [Кто с]охранил мне ца[рс]тво ради веры в Сы[на] Его, Иисуса Христа, Тому, Кто приходил мне на помощь и Кто всегда приходит мне на помощь, я — Азана, басилевс аксумитов и омери[тов]..., сын Элле Амиды, раб Христов, возношу благодарность Господу, [Богу] моему; и не в силах я рассказать полностью о благодеяниях Его, ибо не в силах уста мои и разум мой [сделать это] относительно всех благодеяний, которые Он оказал мне. Ибо да[ро]вал Он мне силу и власть и воздал мне именем великим через Сына [С]воего, в Которого я верую; и Он сделал меня по[во]дырем всего моего царства из-за вер[ы] в Христа, волею [Е]го и силою Христа, ибо Он ведет меня, и в Него я верую» [2, с. 178]. Датировочная формула надписи дефектна, в ней нет указания на год, а даны лишь число, месяц и день недели — 4 марта, суббота. По мнению издателей стелы, 4 марта могло приходиться на субботу в 349, 355 и 360 годах [2, с. 179]. В этой надписи, содержащей тринитарную формулу, выражено вероопределение, соответствующее Никейскому символу веры и отстаивающее единосущие Бога Отца и Сына, т.е. именно то, за что боролся Афанасий Александрийский. Таким образом, следует признать, что христианство, ставшее государственной религией Аксума в середине IV в., было православным.

О том, как события развивались дальше, мы знаем благодаря «Церковной истории» Филосторгия или Филосторга (ок. 368–433) [23]. Свой исторический труд этот писатель закончил между 425 и 433 гг. Догматические взгляды Филосторгия шли вразрез с православием. Будучи сторонником арианства, он в своем труде положительно отзывался исключительно о тех императорах, которые поддерживали это вероучение. Когда после поражения арианства при Феодосии I арианские церковные историки стали оппозиционерами, их сочинения были уничтожены. Поэтому «Церковная история» Филосторгия сохранилась лишь в отрывках, собранных в «Библиотеке» патриарха Фотия (IX в.) [14]. В этих отрывках есть рассказ о том, как в правление Констанция в государства Красного и Эритрейского морей было направлено посольство, во главе которого находился Феофил Инд, уроженец острова Диоскоридов, как полагал В. В. Болотов его можно идентифицировать с Сокотрой [4, с. 264]. Дипломатическая миссия должна была способствовать христианизации региона и имела место в 356 г. Филосторгий подробно пишет об успехах посольства и сообщает о закладке христианских храмов в Тафаре, столице южно-аравийского государства Химьяр, в Адане — порту на южном побережье Аравии и в так называемом «Персидском эмпории», расположенном в устье Персидского залива, т.е. в центрах пересечения караванных путей [23, р. 34]. Завершив свою работу в Аравии, Феофил «направился к эфиопам, называемым аксумитами», где также должен был выполнить какие-то поручения императора Констанция [23, р. 35]. После этого он возвратился в Константинополь и удостоился императорских почестей. Судя по тому, что Филосторгий говорит о результате своей деятельности у аксумитов одной обтекаемой фразой («устроил как должно их дела») и ничего не сообщает об успехах церковного строительства (в прямом и переносном смысле) в Аксуме, [23, р. 35] склонить аксумитов перейти на сторону ариан ему не удалось. В противном случае Филосторгий не удержался бы от описания подробностей этого предприятия.

О неудаче миссии Феофила свидетельствует еще один документ — «Послание императора Констанция». Оно сохранилось в составе сочинения Афанасия Александрийского «Апология к императору Констанцию», написанном ок. 357 г. [12, с. 726; 16, col. 631–637]. Послание было составлено от имени императора Констанция, одного из трех сыновей Константина I, который после смерти отца в 337 г. получил в управление восточную часть

римской империи. В результате борьбы за престол со свои братьями, борьбы, которая выражалась и в религиозном противостоянии, Констанций в 353 г. принял власть над всем государством в целом [6, с. 170]. Одним из самых сложных вопросов периода его правления стал церковный вопрос. Констанций выступил сторонником вероучения Ария и считал необходимым, чтобы это направление христианства выступало в качестве официального. Он систематически боролся с никейцами и изгнал православных епископов и из Константинополя, и из Александрии. Как уже было сказано, преследованию подвергся, в том числе и архиепископ Афанасий, как один из главных оппонентов Ария. В 356 г. состоялось его очередное смещение после того, как Констанций с помощью императорских войск подавил в Египте антиправительственное выступление народных масс, возглавленное Афанасием. На епископской кафедре был утвержден Георгий Каппадокиец, сторонник арианства, который прибыл в Александрию 24 февраля 357 г. [12, с. 716]. «Послание» Констанция было написано вскоре после вступления Георгия в должность епископа Александрии. Оно было адресовано правителям Аксумского государства Эзану и Ша'зану (имя соправителя Эзаны известно и из Аксумских надписей) и должно было способствовать тому, чтобы Фрументий, рукоположенный Афанасием и являвшийся его сторонником, принес покаяние и заново был бы возведен в сан епископом-арианином Георгием. Но судя по дальнейшему развитию событий, аксумиты не посчитались с мнением Констанция, и Фрументий остался главой эфиопской Церкви. Он и его паства одержали победу, и это подтверждается тем, что имя этого основоположника первого в тропиках христианского государства вошло в христианский месяцеслов западной Церкви под 7 октября [17, р. 257–270], а восточной Церкви под 30 ноября [13, III, с. 489]. Трудно сказать, как долго Аксум придерживался того типа христианства, какое было насаждено в нем Фрументием. Скорее всего, эта традиция, которая держалась на авторитете конкретного харизматического лидера, была утрачена с его кончиной. К сожалению, когда точно это произошло, мы не знаем, хотя месяцеслов указывает на дату около 380 г. [13, II, с. 371]. Но, суммируя сведения разных источников, мы представляем себе, как развивались события в Аксуме в начальный период его христианской истории.

Список литературы

1. *Бауэр Г. М.* Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря», (1–18) // История Африки в древних и средневековых источниках. Хрестоматия. / Ред. О. К. Дрейер, сост. С. Я. Берзина, Л. Е. Куббель. 2 изд., М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, — 1990. — С. 99–110.
2. *Бауэр Г. М.* Надписи ранних царей Аксума // История Африки в древних и средневековых источниках. Хрестоматия. / Ред. О. К. Дрейер, сост. С. Я. Берзина, Л. Е. Куббель. 2 изд., М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, — 1990. — С. 161–179.
3. *Берзина С. Я.* Мероэ и окружающий мир в I–VIII вв. н.э. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, — 1992. — 352 с.
4. *Болотов В. В.* Лекции по истории древней церкви. Т. II. История церкви в период Константина Великого / Под. ред. А. Бриллиантова. — СПб.: Тип. М. Меркушева, — 1910–474 с.
5. *Ирмиер И.* Византия и Индия. // Византийский временник. — 1984 — Т. 45. М.: Наука, — с. 66–71.
6. История Византии. Т. 1. М.: Наука. — 1967–524 с.
7. *Кобищанов Ю. М.* Аксум. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, — 1966. — 294 с.

8. *Мещерская Е. Н.* Легенда об Авгаре — раннесирийский литературный памятник. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, — 1984. — 252 с.
9. *Мещерская Е. Н.* Деяния Иуды Фомы. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, — 1990. — 248 с.
10. *Павловская А. И.* Афанасий, архиепископ Александрийский, и его епархия. — Вестник Древней истории. — 2001 — № 1. — С. 60–87.
11. *Пигулевская Н. В.* Византия на путях в Индию. — М. — Л.: Наука, — 1951. — 413 с.
12. *Сагарда Н. И., Сагарда А. И.* Полный корпус лекций по патрологии. 1-е изд., СПб.: Воскресение, — 2004.
13. *Сергий (Спасский), архиеп.* Полный месяцеслов Востока. Т. I–III. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», — 1997. — 402; 399; 702 с.
14. *Удальцова З. В.* Филосторгий — представитель еретической церковной историографии. // Византийский временник. — 1983 — Т. 44. М.: Наука, — с. 3–17.
15. *Французов С. А.* Аксумское царство // Православная энциклопедия. — М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», — 2000. — С. 415–417.
16. *Хвостов М. М.* Исследования по истории обмена в эпоху эллинистических монархий и Римской империи. I. История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р.Х. — 284 г. н. Р.Х.). — Казань: Типо-литография Императорского университета, — 1907. — 479 с.
17. Acta sanctorum. Octobris. T.XII. Bruxellis: Typis Francisci Vromant, — 1867–1024 p.
18. *Athanasius.* Apologia ad Constantium imperatorem // Patrologiae cursus completus. Series graeca / Ed. J. P. Migne. Paris: Ex typis J. P. Migne, — Т. 25–1884. — Col. 631–637.
19. Corpus juris civilis, t. II. Codex Justinianus. / Ed. P. Krueger. — Berolini: Weidmannos, — 1877 — XIV + 513 S.
20. *Drewes A. J.* Inscriptions de l’Ethiopie antiaque. — Leiden: Brill, — 1962–112p.
21. *Nikephoros Kallistos.* Historia ecclesiastica. Lib. VIII, cap. 35 // Patrologiae cursus completus. Series graeca / Ed. J. P. Migne. Paris: Ex typis J. P. Migne. — Т. 146–1865. — 1274 col. (in Greek, Latin)
22. The Periplus of the Erythraean Sea by unknown Author, with some Extracts from Agatharkhides «On the Erythraean Sea» / Trnsl., ed. By G. W. B. Huntingford. — London, — 1980 (Harluyt Society, 2 Ser., № 151).
23. *Philostorgius.* Kirchengeschichte. / Hrsg. J. Bidez. — Leipzig: J. C. Hinrichs’sche Buchhandlung, — 1913. — CLXVIII + 340 S. (Die griechischen Christlichen Schriftsteller).
24. Prophetarum vitae fabulosae. / Ed. T. Schermann. — Lipsiae: B. G. Teubner, — 1907. — 255 S. (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
25. *Rufinus Turranius,* Historia ecclesiastica. Lib. X, cap. 9–10 // Eusebius Werke. Bd. 2. / Hrsg. E. Schwartz, dearb. Th. Mommsen. — Leipzig: J. C. Hinrichs’sche Buchhandlung, — 1908. — S. 971–973.
26. *Thélamon F.* Païens et Chrétiens au IV siècle. — P., 1981 — 533 p. (Etudes augustinienes 320).

References

1. Acta sanctorum. Octobris. T.XII. Bruxellis: Typis Francisci Vromant. — 1867–1024 p. (in Latin)
2. *Athanasius.* Apologia ad Constantium imperatorem // Patrologiae cursus completus. Series graeca / Ed. J. P. Migne. Paris: Ex typis J. P. Migne, — Т. 25–1884. — Col. 631–637. (in Greek, Latin)

3. Bauer G. M. *Neizvestnogo avtora «Peripl Eritreiskogo morya», (I–18) // Istoriya Afriki v drevnih i srednevekovih istochnikah. Hrestomatiya. / Red. O. K. Dreier, sost. S. YA. Vvyu Berzina, L. E. Kubbel. 2 izd., M.: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoi literaturi,— 1990. — S. 99–110. (in Russian)*
4. Bauer G. M. *Nadpisi rannih carei Aksuma // Istoriya Afriki v drevnih i srednevekovih istochnikah. Hrestomatiya. / Red. O. K. Dreier, sost. S. Y. Berzina, L. E. Kubbel. 2 izd., M.: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoi literaturi,— 1990. — S. 161–179. (in Russian)*
5. Berzina S. Y. *Meroe i okruzhayush'ii mir v I–VIII vv.n.e. — M.: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoi literature,— 1992.— 352 s. (in Russian)*
6. Bolotov V. V. *Lekcii po istorii drevnei cerkvi. T. II. Istoriya cerkvi v period Konstantina Velikogo / Pod. red. A. Brilliantova. — SPb.: Tip. M. Merkusheva,— 1910–474 s. (in Russian)*
7. *Corpus juris civilis, t. II. Codex Justinianus. / Ed. P. Krueger. — Berolini: Weidmannos — 1877 — XIV + 513 S. (in Latin)*
8. Drewes A. J. *Insriptions de l'Ethiopie antiaque. — Leiden: Brill,— 1962–112p. (in French)*
9. Francuzov S. A. *Aksumskoe carstvo // Pravoslavnaya enciklopediya. — M.: Cerkovno-nauchnii centr «Pravoslavnaya enciklopediya»,— 2000. — S. 415–417. (in Russian)*
10. Hvostov M. M. *Issledovaniya po istorii obmena v epohu ellinisticheskikh monarhii i Rimskoi imperii. I. Istoriya vostochnoi trgovli greko-rimskogo Egipta (332 g. do R.H.— 284 g. po R.H.). — Kazan: Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta.— 1907.— 479 s. (in Russian)*
11. Irmsher I. *Vizantiya i Indiya // Vizantiiskii vremennik.— 1984 — T. 45. M.: Nauka. — S. 66–71. (in Russian)*
12. *Istoriya Vizantii. T. 1. M.: Nauka,— 1967–524 s. (in Russian)*
13. Kobish'anov YU. M. *Aksum. M.: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoi literature,— 1966.— 294 s. (in Russian)*
14. Mesh'erskaya E. N. *Legenda ob Avgare — rannesiriiskii literaturnii pamyatnik. — M.: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoi literature,— 1984.— 252 s. (in Russian)*
15. Mesh'erskaya E. N. *Deyaniya Iudi Fomi. — M.: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoi literature,— 1990.— 248 s. (in Russian)*
16. Nikephoros Kallistos. *Historia ecclesiastica. Lib. VIII, cap. 35 // Patrologiae cursus completus. Series graeca / Ed. J. P. Migne. Paris: Ex typis J. P. Migne. — T. 146–1865.— 1274 col. (in Greek, Latin)*
17. Pavlovskaya A. I. *Afanasii, arhiepiskop Aleksandriiskii, i ego eparhiya. — Vestnik Drevnei istorii.— 2001 — № 1. — S. 60–87. (in Russian)*
18. *The Periplus of the Erythraean Sea by unknown Author, with some Extracts from Agatharkhides «On the Erythraean Sea» / Trnsl., ed. By G. W. B. Huntingford. — L.,—1980 (Harluyt Society, 2 Ser., № 151).*
19. Philostorgius. *Kirchengeschichte. / Hrsg. J. Bidez. — Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung. 1913. — CLXVIII +340 S. (Die griechischen Christlichen Schriftsteller). (in Greek, German)*
20. Pigulevskaya N. V. *Vizantiya na putyah v Indiyu. — M. — L.: Nauka — 1951.— 413 s. (in Russian)*
21. *Prophetarum vitae fabulosae. / Ed. T. Schermann. — Lipsiae: B. G. Teubner,— 1907.— 255 S. (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).*
22. Rufinus Turranius, *Historia ecclesiastica. Lib. X, cap. 9–10 // Eusebius Werke. Bd. 2. / Hrsg. E. Schwartz, dearb. Th. Mommsen. — Leipzig.— 1908. — S. 971–973. (in Greek, Latin, German)*
23. Sagarda N. I., Sagarda A. I. *Polnii korpus lekci po patrologii. 1-oe izd., SPb.: Voskresenie,— 2004. (in Russian)*

24. Sergii (Spasskii), arhiep. *Polnii mesyaceslov Vostoka. T. I–III. M.: Cerkovno-nauchnii centr «Pravoslavnaya enciklopediya»,— 1997.— 402; 399; 702 s. (in Russian)*
25. Thélamon F. *Païens et Chrétiens au IV siècle. — P., 1981–533 p. (Etudes augustiniennes 320). (in French)*
26. Udalcova Z. V. *Filostorgii — predstavitel ereticheskoi cerkovnoi istoriografii. // Vizantiiskii vremennik.— 1983 — T. 44. M.: Nauka, — s. 3–17. (in Russian)*

Информация об авторе

Елена Никитична Мещерская — доктор исторических наук, профессор кафедры библеистики, Санкт-Петербургский государственный университет.

Email: syriac@inbox.ru

Author's Information

Elena N. Mescherskaya — Doctor of Sciences in History, Professor, Saint Petersburg State University.

Email: syriac@inbox.ru

Проблема идентичности в постколониальных исследованиях

Аннотация: Статья посвящена отражению проблемы идентичности в постколониальных исследованиях. Процессы деколонизации стран Азии и Африки во второй половине XX в. внесли существенные изменения в сложившийся порядок и социальную структуру. Колониальное наследие породило множество этнорегиональных сложностей, способствовало утрате чувства этнической общности и возникновению противоречий самого различного уровня, что привело к обострению проблемы идентичности.

В поле зрения автора оказались произведения ведущих идеологов и теоретиков постколониализма: Э. Саида, Ф. Фанона, Н. ва Тхионго, Ч. Ачебе, Х. Бабы, Л. Ганди и др., для которых поиски идентичности стали ключевой темой творчества. Интеллектуалы, писатели, публицисты, в большинстве своем родившиеся в странах Азии и Африки и проявившие себя профессионально в Европе или США, они сами словно оказались на перепутье между двух миров и включились в процесс конструирования идентичности жителями бывших колонизированных территорий и выходцами из стран Востока. Их внимание сконцентрировалось на вопросах культурной самобытности, самовыражения, аутентичности, тождестве личности и др. Их восприятие проблемы идентичности было различным, что обусловило появление множества концепций, таких как: бинарных идентичностей, гибридной идентичности, культурного пограничья и др.

В статье сделан акцент на проблеме выбора языка как официального средства коммуникации. Отсутствие единства в данном вопросе привело к конфликту между сторонниками использования языка колонизаторов, позволяющего ориентироваться на международную аудиторию, и приверженцами применения родного языка, призванного обеспечить историческую связь поколений. Споры вокруг языковой проблемы и сегодня являются центральным пунктом дискуссии между исследователями постколониальной эпохи.

В современном мире с увеличением числа иммигрантов, активизацией мобильности и процессов глобализации, появлением гибридных наций и стран с различным культурным разнообразием проблемы поиска идентичности актуализировались и требуют пристального внимания и обсуждения.

Библиография: 22 наименования.

Ключевые слова: идентичность, постколониализм, колониализм, Восток, гибридность, миграции

The problem of Identity in Postcolonial research

Summary: The article is devoted to the reflection of the problem of identity in postcolonial studies. The processes of decolonization of the countries of Asia and Africa in the second half of the 20th century changed the existing order and social structure. The colonial legacy created ethno-regional complexities that exacerbated the identity problem.

The author studied the works of the leading ideologists and theorists of postcolonialism: E. Said, F. Fanon, N. wa Thiongo, C. Achebe, H. Baba, L. Gandhi and others. Intellectuals, writers, publicists, most of them were born in Asian countries and Africa and have proven themselves professionally in Europe or the USA. They seemed to be at a crossroads between two worlds and were involved in the process of constructing an identity. Their perception of the problem of identity was different, which led to the emergence of many concepts, such as: binary identities, hybrid identity, cultural frontier, etc.

The article focuses on the problem of choosing a language as an official means of communication. The lack of unity on this issue led to a conflict between the supporters of the use of the language of the colonialists and the adherents of the use of the native language, designed to ensure the historical connection of generations.

In the modern world, with the intensification of mobility and globalization processes, the emergence of hybrid nations, the problems of finding identity have become actualized and require close attention and discussion.

Refs 22.

Keywords: Identity, Postcolonialism, Colonialism, East, Hybridity, Migration

На протяжении последних десятилетий постколониальные общества прошли через множество сложных и неоднозначных трансформаций. В колониальный период Восток и Африка были волонтаристски разделены, и этносы, племена и кланы оказались по разные стороны государственных границ, что способствовало утрате чувства этнической общности. Процессы, происходившие в афро-азиатском мире, отождествлялись с вестернизацией, имитацией инородных форм общественно-политического и экономического развития. Новые административные рамки и институты, новые принципы и методы управления, навязываемые колониальными державами, меняли привычную иерархическую структуру, игнорировали этнические интересы, пытались блокировать вовлечение местных этносов в политику. Колониальная идеология навязывала ценности доминирующей культуры, различные формы явного и скрытого противостояния, заостряя внимание на проблематике культурной ассимиляции и гибридизации [Африка, 2020].

Соприкосновение привнесенных и традиционных норм и отношений породили множество серьезных противоречий, которые не только не исчезли после обретения независимости, но, ничем не сдерживаемые, часто перетекали в конфликты и столкновения [Кассае Ньгусие, Ивкина, 2020: 25]. Жители молодых государств далеко не всегда приходили к согласию, выбирая политический и культурный путь развития, провоцируя тем самым проблему легитимации нового политического статуса. Этнорегиональные сложности, порожденные колониальным наследием, привели к обострению проблемы идентичности, являющейся основой стабильности общественно-политической, экономической и социокультурной системы государства.

Поиски идентичности — ключевая тема постколониальных исследований [Гавристова, 2020: 82]. Особое внимание в них уделено динамичности и незавершенности идентичности субъекта постколониального общества, свойственным ему мозаичной фрагментарности различных «я» и феномену двойственного, «расщепленного» сознания. Такие люди чувствовали себя жителями двух миров, теряли ощущение тождества личности, проявляли неспособность найти ответы на вопросы о целях, смыслах, ценностях жизни. Их сомнения в идентичности являются «производным продуктом» колониализма и очень важной темой постколониальных исследований.

Большинство теоретиков постколониализма разделяют идентичности колонизатора и колонизированных на противоположные бинарные элементы (например, Эдвард Саид¹, Нгути ва Тхионго²). Родоначальник постколониального дискурса Э. Саид утверждал, что истинная идентичность жителей колонии проявлялась в противостоянии колониальному влиянию [Саид, 2006: 513]. Только в условиях сопротивления они могли отбросить навязанный колонизаторами образ жизни и осознать свою культурную самобытность. В поисках компромисса между традиционным прошлым и новым порядком они застревали где-то посередине, в промежуточном пространстве, теряя ощущение тождества личности [Саид, 2007: 44.]. Они словно остановились на полпути к идентичности.

В отличие от Э. Саида, чьи рассуждения, по большей части, касались политического дискурса, Франц Фанон³, идеолог борьбы с колониализмом, акцентировал свое внимание на психологических проблемах. Он подчеркивал пагубное влияние белого человека на самоуважение африканцев. По мнению Ф. Фанона, колонизированный человек, столкнувшись лицом к лицу с культурой метрополии, под впечатлением от превосходства европейцев, мог прийти

¹ Эдвард Вади Саид (1935–2003 гг.) — американский интеллектуал, историк, литературовед палестинского происхождения, профессор Колумбийского университета. Автор множества произведений, в том числе и основополагающего труда в области постколониальных исследований «Ориентализм».

² Нгути ва Тхионго (Джеймс Нгути) (род. в 1938 г.) — кенийский писатель, публицист, драматург.

³ Франц Омар Фанон (1925–1961 гг.) — философ, психоаналитик, революционер из Вест-Индии, одна из важнейших фигур борцов с колониальным режимом. Автор знаменитого произведения «Черная кожа, белые маски» (1952 г.), в которой жестко обличал колониализм и расизм.

к выводу, что единственный способ преодолеть «отсталость» — уподобиться колонизаторам и отказаться от своей культуры. В стремлении быть похожим на них, он отказывался от собственной индивидуальности, терял свою культурную самобытность [Fanon 2008: 69].

В книге «Черная кожа, белые маски» Ф. Фанон писал: «Каждый колонизированный народ, другими словами, каждый народ, в душе которого был создан комплекс неполноценности в результате смерти и захоронения его местной культурной самобытности, сталкивается лицом к лицу с языком цивилизованной нации; т.е. с культурой метрополии» [Fanon 2008: 9]. Принимая чужие культурные стандарты, «колонизированный человек возвышается над своим статусом <...> Он становится белее, когда отказывается от своей черноты, от своих джунглей» [Fanon 2008: 9]. Ф. Фанон описал уроженца Антильских островов, который, выучив французский язык и приняв французскую культуру, абстрагировался от своего цвета кожи и своего родного языка и начал воспринимать себя белым или, по крайней мере, белее, чем другие темнокожие люди, которые не ассимилировались с французами в такой степени, как он. Дистанцировавшись от представителей своей национальности, он ощутил себя более цивилизованным, похожим на белого человека. Такое восприятие содействовало еще большему распространению среди колонизированных ощущения собственной иррациональности, некультурности, чувства неполноценности.

Ф. Фанон призывал к выстраиванию независимой идентичности и культуры на национальной почве посредством обращения к прошлому и реконструкции динамичной африканской истории, а также путем поиска самостоятельного пути развития в будущем. В построении национальной идентичности и культуры ведущую роль он отводил интеллектуалам и политическим лидерам. Интересен тот факт, что Ф. Фанон не предлагал полностью отвергать все без исключения европейские ценности, но допускал возможность включить позитивные идеи, не забывая о «преступлениях Европы» [Fanon 2001: 256]. Такая позиция позволила профессору Н. Дункану, президенту Психологического общества Южной Африки, говорить о гибкости, присущей идентичности в интерпретации Ф. Фанона. Он пришел к выводу, что для Ф. Фанона «идентичность — это всегда динамические переговоры с окружающим миром, всегда по отношению к другим людям, структурам и условиям, и всегда остается потенциально изменчивой» [Ratele, Duncan 2007: 122].

Кенийский писатель Нгути ва Тхионго отмечал, что окончание физической колонизации еще не означает завершение ментального порабощения, поскольку разум колонизированного человека все еще справляется с последствиями колонизации. В своей книге «Деколонизация разума» он пояснял, что Кения теряет свою идентичность в пользу Запада. По мнению Нгути ва Тхионго, африканцы по-прежнему стараются подавить свои собственные языки и идентичность, прославляя западные языки и идентичность. Он утверждал, что лишить людей их культуры — значит лишить их инструментов самоопределения в отношениях с другими людьми [Ngugi, Thiong'o Wa 1994a: 102].

Для иллюстрации данного процесса как нельзя кстати подходит цитата американского профессора истории и культуры Кэрролл Смит-Розенберг: «Колонизированный другой, лишенный основных характеристик субъективности, не только уступает свою сущность колонизатору, но и превращается в темное зеркало, которое отражает и подтверждает силу колонизатора» [Smith-Rosenberg 2010: 202].

Попытку сблизить бинарные идентичности колонизатора и колонизированных, предполагая их сосуществование, сделал американский профессор индийского происхождения Хоми Баба⁴. Он описывал идентичность как подвижную, гибридную и постоянно меняющуюся.

⁴ Хоми Баба (Бхабха) (род. в 1949 г.) — один из идеологов постколониализма индийского происхождения. Профессор английского и американского языка и литературы в Гарвардском университете, директор Центра гуманитарных исследований. Автор многих ключевых понятий современной постколониальной теории, таких как гибридность, мимикрия и амбивалентность.

ощуюся. Согласно Х. Бабе, не может быть никаких претензий на подлинную или чистую идентичность, поскольку в результате растущей глобализации, миграции и смешанных браков границы фиксированной идентичности размываются. В произведении «Местонахождение культуры» [Bhabha 2004] Х. Баба интересовался пространством взаимодействия, находящимся между колониальным и антиколониальным мышлением, проявляющимся при переходе от колониального состояния к постколониальному.

Центральное место в его теории занимает идея культурного пограничья и связанное с ним понятие «внедомности» — ощущения непринадлежности ни к одной из культур, осознание себя в постоянном поиске, которое возникает из-за травмы культурной дислокации [Bhabha 2004: 9]. Человеку, оказавшемуся на перепутье между двух миров, по его мнению, кроме гибридности, присуща амбивалентность, возникающая в результате соприкосновения колониального наследия и доколониальной национальной культуры.

С идеей культурного пограничья и гибридностью связана концепция «мимикрии». Природа мимикрии двойственна. С одной стороны, колонизатор стремился улучшить Другого по своему образу и подобию. С другой стороны, стратегия преобразования построена таким образом, чтобы намеренно сохранялись определенные различия. Угроза мимикрии заключается не в сокрытии реальной идентичности за маской, а в ее двойном видении: житель колонии никогда не станет колонизатором или белым человеком, но в попытке обрести его свойства потеряет и свою исконную идентичность.

Теория Х. Бабы не является его уникальным изобретением: она имеет связь с постструктуралистскими и деконструктивистскими теориями личности. Однако именно он придал ей новое звучание в рамках постколониального дискурса.

Известный ученый Ли́ла Ганди⁵, соглашаясь с Х. Бабой, приняла идею гибридности, подчеркивая, что не существует чистой идентичности колонизатора или колонизированного, а есть преемственность между двумя видами идентичности. Колониальное столкновение привело к взаимному преобразованию как колонизатора, так и колонизированного. Она также отмечала, что гибридность обычно сопровождается дестабилизацией колонизированной культуры. При этом она акцентировала внимание на том факте, что доминирующая культура колонизатора поглощает маргинализованную культуру и колонизатор преуспевает в своем стремлении подавить то, что он всегда считал второстепенным, другим. Нигерийский писатель Чинуа Ачебе⁶, сторонник гибридной идентичности, как и Х. Баба, выступал за использование языка колонизаторов в своем творчестве.

Для теоретиков постколониализма характерно наличие разногласий в вопросах идентичности. Х. Баба и Ч. Ачебе подвергались критике за поддержку гибридной идентичности со стороны Чандры Моханти⁷, Бениты Пэрри⁸, Аяза Ахмада⁹ и др. за тягу к абстрактным построениям, игнорирующим специфику конкретных культурных ситуаций, экономические условия развития, социальное противостояние.

⁵ Ли́ла Ганди (род. в 1966 г.) — известный ученый в области постколониальной теории, профессор гуманитарных наук и английского языка в Брауновском университете. Является правнучкой М. Ганди.

⁶ Чинуа Ачебе (1930–2012 гг.) — нигерийский писатель, стоявший у истоков современной литературно-художественной традиции в Нигерии и Африке.

⁷ Чандра Талпаде Моханти (род. в 1955 г.) — американский социолог индийского происхождения, заслуженный профессор женских и гендерных исследований, декан-профессор гуманитарных наук Сиракузского университета (штат Нью-Йорк). Выступала за включение транснационального подхода в изучение опыта женщин во всем мире.

⁸ Бенита Парри (1931–2020) — почетный профессор английского языка и сравнительного литературоведения в Уорикском университете. Автор трудов, содержащих критику постколониальных исследований.

⁹ Аяз Ахмад (род. в 1932 г.) — один из самых известных индийских ученых-марксистов, философ, теоретик литературы. Руководит кафедрой сравнительной литературы гуманитарной школы Калифорнийского университета.

С темой идентичности непосредственно связана проблема языка. Образование в колонизированных странах включало навязывание языка метрополии как официального средства коммуникации, что практически неизбежно влекло за собой языковой конфликт. Авторы текстов встали перед выбором: на каком языке писать (родном или языке колонизаторов)? Правильно ли отказываться от своего родного языка в пользу чужого? [Чау, 2020].

Конфликт мнений, представленный писателями Чинуа Ачебе и Нгуги ва Тхионго, был сформулирован в 70–80-е гг. XX в. и на протяжении долгого времени являлся центральным пунктом дискуссии между исследователями постколониальной эпохи. Для Ч. Ачебе язык колонизаторов (английский) — не столько инструмент идеологического подчинения, сколько выгодное средство для того, чтобы быть услышанным. Его выбор, безусловно, является данью времени: писатель, пишущий на английском языке, в значительной мере ориентирован на международную аудиторию. Ч. Ачебе утверждал, что «лучше разорвать все связи с родиной ... и одним гигантским прыжком стать универсальным человеком» [Achebe 1994: 434]. Подобные мысли высказывал сомалийский писатель Нуруддин Фара¹⁰, для которого английский язык открыл «доступ к необъятному, многообразному миру» [Farah 1998: 709].

Нгуги ва Тхионго ратовал за использование родного языка как носителя определенной культурной информации, призванного установить взаимозависимость культуры прошлого и будущего. Для него язык колонизаторов представлялся официальным орудием принуждения и демонстрировал принадлежность к колониальной элите [Ngugi, Thiong'o Wa1994b: 439].

На фоне многочисленных психологических и культурноантропологических исследований, посвященных проблемам идентичности, выделяется позиция профессора и писательницы нигерийско-британского происхождения Амины Мамы¹¹. Она подчеркнула необходимость серьезно относиться к вопросам идентичности, не только как к некоему психологическому артефакту или культурному достоянию, но как к вопросу глубокой политической, экономической и военной стратегии. Она предложила глубоко переосмыслить подход к идентичности с позиции силы и сопротивления, связав ее с темой власти, целостности и безопасности, борьбой за материальное перераспределение и справедливость. Иначе говоря, конструированию идентичности нужно придать практический импульс для решения вопросов глобальной и региональной политической экономии. Адекватно бороться с бедностью, являющейся, по мнению А. Мамы, самой серьезной угрозой целостности и безопасности во всем мире, с помощью культурной стратегии, выражающейся лишь на словах, нельзя. Именно идентичность должна стать барьером на пути высокотехнологичного финансового, политического и информационного натиска, которому подвергаются страны Востока со стороны прогрессивного Запада. При этом А. Мама призывает не ограничиваться искусственными рамками теорий, в которых вопросов — больше, чем ответов, не заикливаться на возможных конфликтах, порождаемых процессом выстраивания идентичности, а сконцентрироваться на экономических и политических задачах [Мама 2001: 13–14].

¹⁰ Нуруддин Фара (род. в 1945 г.) — сомалийский писатель, автор первого сомалийского романа. Под его пером вышли три трилогии несколько повестей и множество публицистических произведений (статей, очерков, эссе, интервью). Является лауреатом нескольких литературных премий. Провел в изгнании большую часть жизни: жил в разных странах Африки, Европы, Северной Америки, преподавал в университетах Судана, Гамбии. Сам писатель называет себя на английский манер: Фара. В Сомали его фамилия произносилась бы иначе: Фарах.

¹¹ Амина Мама (род. в 1958 г.) — исследовательница, феминистка британско-нигерийского происхождения. Профессор кафедры гендерных исследований в Университете Кейптауна (Южная Африка) и заслуженный заведующий кафедрой женского лидерства в колледже Миллс в Окленде (США). Руководила созданием Африканского гендерного института при Кейптаунском университете, основала журнал гендерных исследований «Феминистская Африка».

В настоящее время управление этническим разнообразием в рамках сохранения границ является главной задачей постколониальных обществ. Новые обстоятельства, присущие эпохе глобализации, такие как: увеличение количества мигрантов и повсеместная доступность и распространение современных средств коммуникации — сохранили актуальность проблемы идентичности и создали благодатную почву для ее обсуждения в ходе постколониального дискурса. Трансграничное взаимодействие различных культурных и языковых практик повлекло за собой появление специфических групп, вырабатывающих по мере эволюции собственную систему стандартов поведения, ценностей и норм.

Возросшая мобильность способствовала потере чувства принадлежности, искажению идентичности постколониального общества. В современном глобализованном мире субъекты постколониальных обществ оказались перед еще более острой дилеммой относительно своей сопричастности западному миру, что предпочесть: традиционную идентичность, которая не может соответствовать новому мировому порядку, или западные обычаи, которые им чужды?

Миграция стала маркером нового мирового порядка, она растет с каждым днем и является основной причиной быстрых изменений, происходящих в современном мире [Мильто, 2018: 20]. Миграция привела к экспорту постколониальных идей понимания Другого в большой мир, а глобализация содействовала импорту западных путей развития в постколониальные общества. Данные процессы обусловили появление постколониальных граждан с новыми идентичностями, которые не являются ни полностью оригинальными (чистыми), ни западными из-за высокой скорости перемен, которые претерпевает мир.

По мнению Н. Фары, сегодня «человека преследует неопределенность: он рождается в неопределенности, живет в неопределенности, умирает в неопределенности. Он попал в ловушку и не может выбраться из нее, пока не обретет себя. Он живет в займы у будущего, поскольку его настоящее неопределенно» [Meuer 1999: 2]. Еще сложнее положение эмигрантов. Став беженцами или перемещенными лицами, многие утрачивают свое определенное социальное положение и средства к существованию. Семьи распадаются, морально-этические ценности и приоритеты подвергаются значительной трансформации. Они живут «на грани» — на грани континентов, государств, культур, цивилизаций [Farah 2000: 103].

Миграция изменила статичное восприятие мира и принесла понятие смешения культур, повлияв на формирование гибридных литературных и культурных произведений, которые не имеют конкретной территориальной принадлежности, а кажется, присутствуют во многих местах в одно и то же время. Новое поколение постколониальных писателей пытается строить свою культурную идентичность, основываясь на том, что у него нет «четкого ощущения дома». Их сочинения как бы блуждают из одного места в другое, создавая ощущение движения. Для них идентичность не имеет границ и не может быть определена границами; не существует таких терминов, как центр и периферия, доминирующий и маргинализированный.

Таким образом, возможности мобильности, которыми пользуются мигранты, помогают им создавать произведения без цензуры и государственного контроля; не подчиняясь условностям, которыми опутаны многие другие писатели. Они освобождены от одностороннего взгляда на окружающий мир. Известный писатель и ученый Сунетра Гупта¹², родившаяся в Индии, в детстве проживавшая в Эфиопии и Замбии, получившая образование в США и Англии, подчеркнула, что человеку необязательно находиться дома:

¹² Сунетра Гупта (род. в 1965 г.) — известный британский ученый, писатель и публицист индийского происхождения. Является профессором теоретической эпидемиологии на факультете зоологии Оксфордского университета. Параллельно занимается литературной деятельностью. Автор пяти романов, за которые получила несколько престижных премий.

«мы должны признать, что мы будем постоянно скитаться <...> Даже если мы сидим дома, мы вынуждены путешествовать только из-за того, что происходит вокруг нас» [Williams 1999].

Миграция привела к появлению иной точки зрения на идентичность. Вопрос идентичности, изучаемый постколониальными мигрантами, больше не связан с вопросами национальности или этнической принадлежности. Смешение различных традиций, межкультурные контакты, которые писатели-мигранты поддерживают с Западом, изменили понятие принадлежности и привели к гибридности самих литературных текстов. Дихотомическое противопоставление Восток-Запад утратило свою стабильность.

Постколониальные идеологи связывают будущее «третьего мира» с множественной идентичностью. Само понятие «множественная идентичность» не новое. Ч. Ачебе еще в середине XX в. говорил: «Мы жили на перекрестке культур. И продолжаем делать это сегодня» [Achebe 2012: 234]. Однако, в большинстве своем, писатели пытались найти решения, позволяющие избежать многокультурности и восстановить «подлинную идентичность» (к примеру, Нгуги ва Тхионго). Сегодня признание множественной идентичности воспринимается как естественный аспект, присущий родившимся и живущим на рубеже культур [Тлостанова, 2000: 136].

Постколониальные произведения изображает реальность постколониальных субъектов, находящихся в постоянном поиске своей идентичности. В большинстве своем авторы раскрывают свои собственные блуждания в поисках идентичности. Это подтверждает тот факт, что реальность постколониальной литературы неотделима от реальности постколониального общества. Все это поле исследований может быть использовано для дальнейших дискуссий о постколониализме в целом и постколониальной литературе в частности.

Список литературы

1. Африка: постколониальный дискурс / Отв. ред. Т. М. Гавристова, Н. Е. Хохолькова. — М.: Институт Африки РАН, 2020. — 248 с.
2. Гавристова Т. М. Африка: «Постколониальная библиотека» // Азия и Африка сегодня. — 2020. — № 3. — С. 80–85.
3. Кассае Ныгусие В. М., Ивкина Н. В. Особенности политического развития Африки в постколониальный период // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2020. — Т. 20. — № 1. — С. 22–38.
4. Мильто А. В. Социокультурные проблемы миграции и адаптации (на примере сомалийских мигрантов) // Уральский исторический вестник. — 2018. — № 3 (60). — С. 16–23.
5. Саид Э. Культура и империализм. — Киев: Критика, 2007. — 736 с.
6. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А. В. Говорунова. — СПб.: Русский Мир, 2006. — 637 с.
7. Тлостанова М. В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. — М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. — 400 с.
8. Чау Р. Не как на родном языке. Использование языка как постколониальный опыт / Пер. с англ. Д. Тимофеева // Новое литературное обозрение. — 2020. — № 1 (161). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/ (дата обращения: 20.07. 2021).
9. Achebe Ch. Dead Men's Path // *The Broadview Anthology of Short Fiction* / Ed. By J. Gaunce, S. Mayr, D. LePan, M. Mather, B. Miller. — 2nd ed. — Peterborough: Broadview Press, 2012. — P. 232–234.

10. Achebe Ch. *The African Writer and the English Language // Colonial Discourse and Postcolonial Theory: A Reader* / Ed. P. Williams and L. Chrisman. — N.-Y.: Columbia University Press, 1994. — P. 428–434.
11. Bhabha H. K. *The Location of Culture*. — L., N.-Y.: Routledge Classics, 2004. — 408 p.
12. Fanon F. *Black Skin, White Masks*. — N.-Y.: Grove Press, 2008. — 206 p.
13. Fanon F. *The Wretched of the Earth* / Trans. by Constance Farrington. — L.: Penguin Classics, 2001. — P. 252–255.
14. Farah N. Celebrating Differences: the 1998 Neustadt lecture. Focus on Nuruddin Farah: The 1998 Neustadt Prize. Norman, 1998 // *World Literature Today*. — 1998. — Vol. 72, № 4. — P. 709–712.
15. Farah N. *Yesterday, Tomorrow. Voices from the Somali Diaspora*. — L. & N.-Y.: Cassell, 2000. — 198 p.
16. Mama A. Challenging Subjects: Gender and Power in African Contexts // *Identity and Beyond: Rethinking Africanity*. — Uppsala: Nordiska Afrikainstitutet, 2001. — P. 9–18.
17. Meyer L.A Somali writer dissects his country's civil war, dictatorial past, and neocolonial present // *Los Angeles times*. — 1999. — March 11. — P. 2.
18. Ngugi Thiong'o Wa. *Decolonising the Mind: The Politics of Language in African Literature*. Harare: Zimbabwe Publishing House, 1994. — 114 p.
19. Ngugi Thiong'o Wa. *The Language of African Literature // Colonial Discourse and Postcolonial Theory: A Reader* / Ed. P. Williams and L. Chrisman. — N.-Y.: Columbia University Press, 1994. — P. 435–456.
20. Ratele C., N. Duncan. *Social psychology: identities and relationships*. — Lansdowne: UCT Press, 2007. — 420 p.
21. Smith-Rosenberg, C. *This Violent Empire — The Birth of an American National Identity*. — The University of North Carolina Press, 2010. — 512 p.
22. Williams B.T. “A State of Perpetual Wandering”: Diaspora and Black British Writers // *Jouvert: A Journal of Postcolonial Studies*. — 1999. — Vol. 3. — Issue 3. URL: <https://legacy.chass.ncsu.edu/jouvert/v3i3/willia.htm> (дата обращения: 06.11. 2021).

References

1. Africa: postcolonial discourse / Ed. ed. T. M. Gavristova, N. E. Khokholkova. Moscow: Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, 2020. 248 p. (In Russian)
2. Gavristova T. M. Africa: “Postcolonial Library” // *Aziia i Afrika segodnia*. 2020. no. 3, pp. 80–85. (In Russian)
3. Kassae Nygusie V. M., Ivkina N. V. Features of the political development of Africa in the postcolonial period // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Series: International Relations*. 2020, vol. 20, no. 1, pp. 22–38. (In Russian)
4. Milto A. V. Socio-cultural problems of migration and adaptation (on the example of Somali migrants) // *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 2018, no. 3 (60), pp. 16–23. (In Russian)
5. Said E. Culture and imperialism. Kiev: Criticism, 2007. 736 p. (Rus. Ed.)
6. Said E. V. Orientalism. Western concepts of the East / Per. from English A. V. Govorunova. SPb.: Russian Mip, 2006. 637 p. (Rus. Ed.)
7. Tlostanova M. V. The problem of multiculturalism and US literature at the end of the 20th century. M.: IMLI RAN, “Heritage”, 2000. 400 p. (In Russian)
8. Chau R. Not as a native language. The use of language as a postcolonial experience / Transl. from English D. Timofeeva // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2020, no. 1 (161). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/ (accessed: 20.07.2021). (In Russian)

9. Achebe Ch. *Dead Men's Path // The Broadview Anthology of Short Fiction* / Ed. By J. Gaunce, S. Mayr, D. LePan, M. Mather, B. Miller. — 2nd ed. — Peterborough: Broadview Press, 2012, pp. 232–234.
10. Achebe Ch. *The African Writer and the English Language // Colonial Discourse and Postcolonial Theory: A Reader* / Ed. P. Williams and L. Chrisman. N.-Y.: Columbia University Press, 1994, pp. 428–434.
11. Bhabha H. K. *The Location of Culture*. L., N.-Y.: Routledge Classics, 2004. 408 p.
12. Fanon F. *Black Skin, White Masks*. N.-Y.: Grove Press, 2008. 206 p.
13. Fanon F. *The Wretched of the Earth* / Trans. by Constance Farrington. L.: Penguin Classics, 2001, pp. 252–255.
14. Farah N. Celebrating Differences: the 1998 Neustadt lecture. Focus on Nuruddin Farah: The 1998 Neustadt Prize. Norman, 1998 // *World Literature Today*. 1998, vol. 72, no 4, pp. 709–712.
15. Farah N. *Yesterday, Tomorrow. Voices from the Somali Diaspora*. L. & N.-Y.: Cassell, 2000. 198 p.
16. Mama A. Challenging Subjects: Gender and Power in African Contexts // *Identity and Beyond: Rethinking Africanity*. Uppsala: Nordiska Afrikainstitutet, 2001, pp. 9–18.
17. Meyer L.A Somali writer dissects his country's civil war, dictatorial past, and neocolonial present // *Los Angeles times*. 1999. March 11, pp. 2.
18. Ngugi Thiong'o Wa. *Decolonising the Mind: The Politics of Language in African Literature*. Harare: Zimbabwe Publishing House, 1994. 114 p.
19. Ngugi Thiong'o Wa. *The Language of African Literature // Colonial Discourse and Postcolonial Theory: A Reader* / Ed. P. Williams and L. Chrisman. N.-Y.: Columbia University Press, 1994, pp. 435–456.
20. Ratele C., N. Duncan. *Social psychology: identities and relationships*. Lansdowne: UCT Press, 2007. 420 p.
21. Smith-Rosenberg, C. *This Violent Empire — The Birth of an American National Identity*. The University of North Carolina Press, 2010. 512 p.
22. Williams B.T. “A State of Perpetual Wandering”: Diaspora and Black British Writers // *Jouvert: A Journal of Postcolonial Studies*. 1999, vol. 3, issue 3. URL: <https://legacy.chass.ncsu.edu/jouvert/v3i3/willia.htm> (accessed: 06.11. 2021).

Информация об авторе

Анна Валентиновна Мильто — кандидат исторических наук, доцент кафедры «Менеджмент и общегуманитарные науки», Финансовый университет при правительстве Российской Федерации (Ярославский филиал).

Email: avmילו@fa.ru

Author's Information

Anna V. Milto — PhD in History, Associate Professor, Department of Management and Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation (Yaroslavl Branch).

Email: avmילו@fa.ru

Кино как инструмент официальной колониальной пропаганды

Аннотация: В данной статье рассматривается каким образом и с помощью каких инструментов и выразительных средств колониальная идеология транслировалась в британском колониальном кино. Этот процесс делает кинофильм одновременно как инструментом установления Империи и ее идеи, так и ее зеркалом, что повышает историческую ценность колониальной документалистики. Материалом для исследования стали документальные фильмы, снятые в британских колониях в Африке во второй половине XX века, преимущественно в 1960-х гг. Статья написана в русле постколониальных исследований и с использованием методов работы с кинофильмом как с аудиовизуальным историческим источником.

Анализ фильмов жанра колониального кино показывает каким образом в кино материализуется идея Британской Империи. Среди приемов, которые используют авторы фильмов, — включение в фильм определенных сюжетов, использование противопоставлений в качестве выразительного средства, объединяющей риторики в нарративе фильма, стратегии умалчивания о конфликтах и истории зависимых стран. В рассматриваемых фильмах встречаются сюжеты о королевских турах, которые включают определенный набор ритуалов (торжественная встреча, ликующая толпа, христианская церковь и ее прихожане, социальные учреждения, объекты промышленности и сельского хозяйства) и демонстрируют масштабность и знаковость визита представителя королевской семьи.

Авторы подчеркивают связи колонии (или бывшей колонии, а ныне страны — члена Содружества) и метрополии. При этом, исторический контекст существования колонии до начала колониальной зависимости либо частично замалчивается, либо становится фоном для подчеркивания позитивного вклада метрополии в технологическое и социальное развитие колоний. Это дает повод авторам фильмов транслировать ответственность Британии за колонии, иногда используя кино, как способ показать, почему страна не готова к независимости.

В статье представлен общий исторический контекст бытования рассматриваемых фильмов и проанализированы общие и специфические черты пропагандистского кино. Библиография: 15 наименований.

Ключевые слова: документалистика, документальное кино, монтаж, кино как исторический источник, колониальная политика

Cinema as an agent of colonial propaganda

Summary: This article presents how colonial ideology was broadcasting in British colonial cinema. This process makes a movie both the agent of the Empire and its mirror at the same time. The source for the research is documentary films filmed in the British colonies in Africa in the second half of the 20th century, mainly in the 1960s. The article was written in the mainstream of postcolonial studies with methods of using cinema as an audiovisual historical source.

The analysis of films of the colonial cinema genre shows how the idea of the British Empire materializes in cinema. Among the techniques that films use are the inclusion of various plots in the film, the use of contrasts in expressive means, uniting rhetoric in the film's narrative, the strategy of keeping silent about conflicts and the history of dependent countries.

Colonial cinema emphasizes the links between the colony (or former colony, now a member of the Commonwealth) and the metropolis. At the same time, the historical context of the existence of the colony before the onset of colonial dependence is either partially hushed up or becomes a background for emphasizing the positive contribution of the metropolis to the technological and social development of the colonies. This gives the filmmakers an opportunity to emphasize Britain's responsibility for the colonies.

The article presents the general historical context of the existence of the films under consideration and analyzes the general and specific features of propaganda cinema (Refs 15.).

Keywords: documentaries, film editing, cinema as historical source, colonial policy.

Исследователь колониального кино Том Райс, описывая знаковость закрытия «Колониал фильм юнит» в 1955 году, пишет, что миссией их фильмов было «продвигать, сохранять и заново определять Британскую империю для колониальной аудитории» [Rice 2019] (в случае смены основной пропагандистской идеи, которой поддерживалась идея Британской империи). В данной статье предлагается исследовать британское колониальное кино, снятое о британских колониальных владениях (в том числе бывших) в Африке преимущественно во второй половине двадцатого века с точки зрения использования его в качестве инструмента официальной колониальной пропаганды. При этом следует заметить, что фильмы, выпущенные в первые годы после обретения колониями независимости, сохраняли колониальную риторику, что позволяет говорить в их отношении о колониальной пропаганде.

Студия «Колониал фильм юнит» (самая крупная британская колониальная студия кино) проецировала колониальную идеологию через свои фильмы, которые оправдывали свое существование интеллектуальным превосходством британского колониста, выставляя его на передний план в своих фильмах. Колониальное кино, таким образом, выступает частью колониального процесса. «Первоначально созданная для мобилизации колониальной поддержки войны, студия «Колониал фильм юнит» позже сделала приоритетом благосостояние и развитие послевоенных колоний и, наконец, подготовила почву для независимости». Действительно, по мере приближения независимости в послевоенную эпоху студия помогла создать ряд местных подразделений, в первую очередь в Западной Африке и Карибском бассейне, многие из которых будут существовать и после получения независимости. Фильмы были одновременно и хроникой, и агентом Империи, приближая колонии к Британии: они проецировали британский приоритет и идеалы на колонии. Таким образом, правительство метрополии использовало фильмы как способ «дотянуться» до отдаленных частей империи, институализируя ее.

Как пишет Чарлз Рид, королева Елизавета вместе с короной унаследовала ряд практик, которые развились вокруг института королевской власти в Англии в течение девятнадцатого века. Одна из них — это королевские туры по территории Британской империи [Reed 2017]. Королевские туры были призваны обеспечить лояльность короне подданных со всего земного шара. Первый такой визит состоялся еще в 1860 году. Члены королевской семьи путешествовали в качестве солдат, моряков, послов — принцы и принцессы должны были больше узнать об империи, которой им предстояло управлять. Дэвид Кеннедайн, британский историк, в своем эссе, которое вошло в сборник «Изобретение традиций» под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера, пишет о том, что королевские ритуалы были практикой, порожденной европейскими правящими элитами с целью легитимизировать и увековечить свою политическую, социальную и политическую власть [Cannadine 2012]. В ритуальном пространстве королевского тура британская имперская культура создавалась и переделывалась множеством различных исторических акторов Британии и Империи [Reed 2017].

В коллекции документального кино о колониях много фильмов посвящены официальным визитам, которые представители британской королевской семьи наносили в колонии и, впоследствии, в страны Содружества. Названия фильмов образованы по большей части по одной модели: название страны или региона — обозначение визита («тур», «приветствует», «салютует») и титул или имя представителя или представительницы королевской семьи. Самый ранний фильм снят в 1925 году — «С его королевским высочеством принцем Уэльским в Южной Африке» (немой)¹. Немой фильм использует те же визуальные

¹ «С его королевским высочеством принцем Уэльским в Южной Африке» («With his Royal highness the Prince of Wales in South Africa», African Film Productions, 1925).

приемы, что и более поздние звуковые фильмы, например, общие и дальние планы, детские образы, определенную лексику (в титрах).

Также богатый видеоматериал оставили королевские визиты в Нигерию, Ньясаленд, Сьерра-Леоне, Гамбию и Уганду в 1950-х и 1960-х годах. В производстве этих фильмов задействованы Центральная служба информации, британское отделение «Пате-журнал», студии «Центр Африкан фильм юнит», «Бритиш моветон ньюс», а также местные колониальные киностудии.

Подробный анализ и сопоставление между собой отдельных единиц (планов), в том числе сюжетных, фильмов, в которых поднимается тема королевского тура, позволили выделить в нарративном построении несколько общих черт. Они будут подробно описаны ниже.

Синописис фильма включает следующий набор эпизодов: торжественная встреча королевской делегации на пристани или в аэропорту с участием высокопоставленных местных чиновников, демонстрация ликующей толпы, которая приветствует делегацию, посещение христианской церкви, социальный визит (посещение госпиталя, открытие колледжа и т.п.), визит на объект промышленности и/или сельского хозяйства, дарбар (ассамблея локальных властей, которая сочетается с демонстрацией локальной культуры)².

Авторы фильма подчеркивают масштабность и знаковость освещаемых событий. Это достигается за счет использования дальних и общих по крупности планов, панорам, массовых сцен, маршевой и торжественной музыки, соответствующей лексики («памятный день», «знаковый день», «впервые», «это история» и т.д.) — создатели стремятся «вложить» события в культурную память как колонии (или бывшей колонии), так и метрополии.

Анализ составляющих кадров позволяет увидеть доминирование в кадре британцев (первыми делегацию приветствуют британские чиновники, в части эпизодов приветствующая толпа одета в большинстве своем по-европейски, во время визитов на предприятия делегацию окружают британцы — проводят экскурсии и т.д.). При этом британцы и высокопоставленные чиновники (президент или премьер-министр страны) одеты в европейскую одежду, на местных жителях (как и на представителях местных властей) традиционные одеяния, иногда нарочито традиционные — когда зрителю показывают подготовку к встрече с королевской свитой или моделируют в кадре повседневную жизнь деревни или школы.

Также можно отметить, что в кадре часто появляются военные — в эпизодах встречи, специально проводимых парадов, торжественных смотров и подготовки к ним. Например, в фильме «Сьерра-Леоне приветствует королеву» королева посещает военный парад Первого батальона Королевского полка Сьерра-Леоне (1st Battalion Royal Sierra Leone Regiment). Королева принимает парад и презентует батальону новый флаг³.

Авторы фильмов активно эксплуатируют детские образы⁴. Например, в качестве перебивки между эпизодами — маленький ребенок, бедно одетый, машет ручкой, приветствуя оператора, что воспринимается зрителями как приветствие, обращенное к ним. Также дети встречают королевскую семью во время торжественной встречи в госпитале, в школе.

² Дурбар, дарбар — торжественный приём, употреблялся в этом значении в колониальной Индии. Использование этого термина по отношению к африканским странам может вызвать вопросы, но в данном случае мы следуем за авторами фильмов, которые, предположительно, переносят на Африку культурный опыт Индии.

³ «Сьерра-Леоне приветствует королеву» («Sierra Leone greets the Queen», Central Office of Information, British Pathé News, 1961) — 03.00–03.50.

⁴ См. например: «Принцесса Маргарет на Маврикии и в Восточной Африке» («Princess Margaret in Mauritius and East Africa», 1957) — 01.50, 05.53, 8.45, 09.42 и др., «Сьерра-Леоне приветствует королеву» («Sierra Leone greets the Queen», Central Office of Information, British Pathé News, 1961) — 2.43–02.28, «Барабаны для королевы» («Drums for a queen», Associated British Pathé, Ashwood Terry, Stone Sidney, 1961) — 00.16–00.25.

Если перейти от анализа образов к общему сюжету фильмов о королевских турах, можно видеть, что кинематографисты используют бинарные противопоставления в ассоциативных рядах: город (ассоциируется с Британией) и деревня (соответственно, с Африкой), прогресс (Британия) и природа (Африка), новая демократическая Африка (Британия) и старая или историческая Африка — Африка периода работорговли и междоусобных войн (Африка). Например, в фильме «Барабаны для королевы» описывается неформальный визит королевской четы на руины острова Джеймс — британского форпоста и порта, который был задействован в работорговле. Диктор относит к этому месту фразу «старая Африка, которой больше нет». В то время как «новая пробуждающаяся Африка» — это парламент по британской модели⁵.

Также авторы подчеркивают связь между Британией и королевой и той страной, которую она (или ее представители) посещает (например, посредством фразы «увидит своих людей»), вплоть до использования феодальной лексики («оммаж»). При этом в тех же фильмах мы видим приемы, которые отделяют Африку от метрополии, а именно использование экзотического, этнографического образа Африки. Например, фильм «Барабаны для королевы» полностью построен на этом: эпизоды дарбара, народные инструменты, танцы, ремесла в кадре.

Помимо общих черт можно выделить особенности некоторых фильмов о королевских турах, которые выделяются из описанного выше общего ряда.

Фильм «Принцесса Маргарет на Маврикии и в Восточной Африке» («Princess Margaret in Mauritius and East Africa») вышел в 1957 году. Сюжет фильма — протокольное путешествие принцессы Маргарет по странам Африки, которое состоялось в 1956 году: Маврикий (стал независимым государством в 1968 году), Занзибар (1964), Танганьика (1961 год) и Кения (1963). Таким образом, на момент съемок фильма Маврикий и Восточная Африка имели статус зависимых территорий. В фильме нет титров с указанием на авторов и продюсеров, однако, по данным Британского института кино, фильм снят по заказу Центральной службы информации при участии Министерства иностранных дел, Министерства по делам колоний и Министерства Содружества⁶.

Фильм открывается эпизодом, в котором принцесса прибывает в Момбасу (Кения). Первые кадры задают общий тон фильма: планы короткие, быстро сменяют друг друга, сопровождаются быстрой, веселой по тональности музыкой. В закадровом тексте диктор подчеркивает, что принцессе пришлось преодолеть огромное расстояние, чтобы попасть в Момбасу и совершить путешествие по Восточной Африке.

В качестве сопровождающего звука используется музыка (преимущественно), закадровый текст, интершум. В первом эпизоде (Момбаса) кадры сопровождается веселая музыка, которая меняет тон, когда в кадре появляется здание христианской церкви и Маргарет приветствует священник. Громкость музыки меняется — авторы фильма используют звук, чтобы разделить эпизоды.

В большей части эпизодов присутствует элемент локальной культуры. Обычно он представлен масштабными театральными представлениями, которые даются специально в честь принцессы. Таким образом, местной культуре в фильме отводится развлекательная роль.

Эпизоды разделяются по локациям, которые посещает британская делегация во главе с принцессой. Темы таких отдельных сюжетов внутри эпизодов по большей части совпадают с темами, которые картируются в коллекции британского колониального кино

⁵ «Барабаны для королевы» («Drums for a queen», Associated British Pathé, Ashwood Terry, Stone Sidney, 1961) — 08.32–08.34, 08.39–08.42

⁶ Princess Margaret in Mauritius and East Africa (1957) // British Film Institute URL: <https://www.bfi.org.uk/films-tv-people/50c3079c5f955> (дата обращения: 22.10.2018).

в целом: образование (открытие колледжа)⁷, гендерные роли в обществе (присутствие на парадном собрании женского общества)⁸, религия (проповедь в церкви)⁹, медицина (открытие ортопедического госпиталя¹⁰), экзотика (ритмичные народные танцы на церемонии встречи принцессы)¹¹, индустрия (посещение производства)¹².

Закадровый текст постоянно подчеркивает историческую значимость этого визита, используя такие лексические конструкции, как «знаменательный день» («memorable day»). Интересен сюжет на десятой минуте фильма, когда в Танганьике принцессу Маргарет встречают и одаривают цветами три маленькие девочки: европейской, азиатской и африканской внешности. Такой сюжет заявляет тему содружества наций внутри империи.

«Британская семья говорит на многих языках»¹³, — говорит священник в церкви. Тем не менее во время визита на фабрику по производству сахара, которую нам описывают как самую современную на Маврикии, мы видим в кадре только «белых» работников¹⁴. Это контрастирует с другим эпизодом, в котором принцесса посещает предприятие с местными сотрудниками: сидят на земле, в африканской одежде, работают руками, а не на станках.

Фильм «Сьерра-Леоне приветствует королеву» («Sierra Leone greets the Queen») вышел в 1961 году — в том же году страна получила независимость. Это съемка протокольного визита королевы Елизаветы II и принца Филиппа в Сьерра-Леоне. По данным карточки фильма в коллекции колониального кино, визит состоялся 25 ноября — 1 декабря 1961 года. При этом с 27 апреля Сьерра-Леоне официально получила независимость по результатам конференции в Лондоне, состоявшейся годом ранее. Королева посещает страну в качестве главы Содружества. Фильм снят по заказу Центральной службы информации, съемку осуществляла компания «Бритиш Пате Ньюс» (British Pathé News).

На третьей минуте фильма мэр столицы — Фритауна передает королеве ключ от города¹⁵. У местных жителей зачастую нет «голоса» в кадре — их снимают сбоку или со спины, таким образом, мы не видим их полностью. Вообще для таких фильмов характерно редкое использование крупных, портретных планов, возможно, это связано с тем, что визуальный ряд не должен противоречить закадровому тексту, так план королевы на третьей минуте, по-видимому, случайно выдает ее скуку и желание поскорее закончить протокольное приветствие (перевод взгляда, поднятые с усилием уголки губ)¹⁶. Исключением можно назвать фильм «Барабаны для королевы», который в целом создает более гуманистическое, антропоцентричное впечатление (о нем будет рассказано чуть подробнее ниже).

На четвертой минуте фильма королева посещает строительную площадку дамбы (Guma Dam) — индустриальный объект¹⁷. Дамба строится совместно правительством Сьерра-Леоне и Корпорацией развития, которая в закадровом тексте фильма все еще называется

⁷ См. например: «Принцесса Маргарет на Маврикии и в Восточной Африке» («Princess Margaret in Mauritius and East Africa», 1957) — 03.35.

⁸ Там же — 01.55, 04.13, 11.04.

⁹ Там же — 04.30.

¹⁰ Там же — 05.20.

¹¹ Там же — 01.40, 06.10, 09.05, 09.44, 11.08, 12.08, 16.00.

¹² Там же — 05.04.

¹³ Там же — 04.30.

¹⁴ Там же — 05.04.

¹⁵ «Сьерра-Леоне приветствует королеву» («Sierra Leone greets the Queen», Central Office of Information, British Pathé News, 1961) — 02.07–02.17

¹⁶ Там же — 02.35–02.37

¹⁷ Там же — 03.50–04.42

колониальной¹⁸. «Сьерра–Леоне — небогатая страна», — утверждает диктор. Здесь также проскальзывает крупный план главной героини фильма — на этот раз ее мимика показывает искренний интерес к тому, что ей рассказывают¹⁹. Также королева посещает месторождение алмазов и место добычи железной руды. В последнем эпизоде явно подчеркивается технологичность — оборудование, много машин в кадре, это особенно заметно на фоне того, как добываются алмазы (ручной труд).

Также королева посещает то, что в описании фильма названо «сельскохозяйственной выставкой» (Eastern Province agricultural show). Диктор рассказывает, что на выставке в честь королевского визита смоделировали настоящую деревню, чтобы «их Королева могла видеть, как живут некоторые из ее подданных в Сьерра–Леоне».

Интересно, что в этом фильме королева всегда появляется в кадре с букетом цветов. Эпизод, в котором повествование возвращается во Фритаун, интересен тем, что во время рассказа о колледже (University College) подчеркивается его историчность («старейший» — основан в 1827 году) и связь с британским университетом, а также гендерная открытость («каждый третий студент — женщина»)²⁰. В этом фильме помимо закадрового текста появляется прямая речь королевы, записанная отдельной аудиодорожкой²¹.

Эпизод, снятый на заседании парламента, призван подчеркнуть связь между местным и британским правительствами²². Это прямо проговаривается в закадровом тексте: «Церемония усиливает связи между парламентом в Вестминстере и новым энергичным членом Содружества», а также показывается с помощью визуальных образов: парламентарии Сьерра–Леоне, которые заседают в президиуме вместе с королевой, одеты в европейские мантии и парики. Королева возглавляет заседание парламента.

Заканчивается фильм фразой, обращенной к королеве: «До свидания, да благословит тебя Господь и возвращайся скорее».

Фильм «Барабаны для королевы» («Drums for a Queen») вышел в 1961 году, за производство отвечала «Ассошийтед Бритиш Пате» («Associated British Pathé»), так же, как и в случае с фильмом «Сьерра–Леоне приветствует королеву». Этот фильм фиксирует королевский тур по странам Западной Африки — Гана (бывший Золотой берег), Либерия, Сьерра–Леоне, Гамбия. Фильм начинается не с прибытия королевской делегации, а с ее отправления с британской земли. Здесь мы видим самолет и аэродром — до этого нам показывали прибытие к африканским берегам на яхте. Нам показывают диспетчера, кабину пилотов, технические особенности полета, снимают разгон самолета и его взлет²³. Как только самолет покидает британскую землю и уходит в туман — мы слышим этническую музыку и, таким образом, сразу переходим к мотиву экзотики, который является ведущим для этого фильма. Когда самолет прибывает в Африку, диктор сообщает: «Королевская особа спускается с небес»²⁴, что создает очень яркую метафору.

«Черная звезда Ганы развеивается для королевы» (речь идет о флаге Ганы) — подчеркивает диктор²⁵. Королева осуществляет этот визит как глава Содружества. Этнографич-

¹⁸ Корпорация развития Содружества — британская организация развития, сотрудничающая со многими биржами Южной Африки, а также участвующая в благотворительных акциях.

¹⁹ «Сьерра–Леоне приветствует королеву» («Sierra Leone greets the Queen», Central Office of Information, British Pathé News, 1961) — 11.20–12.13

²⁰ Там же — 16.20–17.30

²¹ Там же — 17.30–18.20

²² Там же — 18.22–19.03

²³ «Барабаны для королевы» («Drums for a queen», Associated British Pathé, Ashwood Terry, Stone Sidney, 1961) — 00.01–2.11

²⁴ Там же — 04.35

²⁵ Там же — 03.10

ность фильма проявляется с первых минут: зритель видит рынок, салон красоты (дамы делают новые прически и маникюр по особому поводу — для встречи с королевой). Это более сложная картина встречи — до этого мы видели только массовые сцены с флагами и приветствиями на дальнем плане, здесь картина ближе к некоторым личным историям. При этом фильм использует и стандартные стереотипы — например, готовность войск к параду проверяет белый офицер²⁶. При этом в фильме умалчивается о том, что в 1960-е годы в Гане получает новое рождение panaфриканизм, что было связано с идеей, разработанной первым президентом Ганы Кваме Нкрума, создания единого государства на Африканском континенте (Соединенных Штатов Африки)²⁷.

В этом фильме, в отличие от других, очень много крупных планов, причем не только королевских особ, но и обычных людей. Отличает его также и звуковой ряд — здесь присутствует живая запись звучания народных африканских инструментов.

В повествовании фильма впервые появляется спортивное мероприятие — лодочная регата²⁸. Также королевская делегация посещает лошадиные скачки. «Почти Аскот», — говорит диктор и отмечает, — «какими похожими становятся разные люди»²⁹. На пятнадцатой минуте фильма в кадре женщина держит баннер «Сердечное приветствие Лиззи» — трудно представить в других фильмах политической тематики такой способ выразить поддержку королеве.

Когда место действия фильма переносится в Сьерра–Леоне, мы видим, что авторы повторно используют одни и те же съемки в разных фильмах («Сьерра–Леоне приветствует королеву») — те же места, та же одежда героев кадра. Отличается повествование и выборка кадров — например, фокус не на представителей делегации, а на сборщиках алмазов. Отличаются также музыка (этническая, а не маршевая) и тон диктора (менее торжественный). Мы снова слышим королевскую речь, возможно, это та же самая речь, произнесенная королевой в парламенте Сьерра–Леоне. Если при создании предыдущего фильма режиссер выбрал ту часть, в которой королева говорит о прогрессе страны и ее будущем, то здесь мы слышим, как она благодарит жителей Сьерра–Леоне за теплый прием.

Если мы посмотрим на фильмы, проанализированные выше, то заметим, что историческая тема в них практически не возникает, разве что подчеркивается значимость некоторых социальных объектов за счет их «историчности» — «старейший» университет, госпиталь и т.д. Также история используется в бинарных построениях: противопоставляется «историческая» Африка (опасная, нестабильная, слабо развитая, природная) и «современная» (ассоциированная с Британией). Но это нельзя назвать полноценным историческим сюжетом.

Эта черта — отсутствие истории как темы, предмета фильма при ее имплицитном присутствии в закадровом тексте, а иногда и в визуальном ряду фильма — характерна для всего корпуса африканского документального кино, который рассматривается в этом исследовании. Анализ показывает, что историческая тема в более серьезном объеме упоминалась всего в двух фильмах из рассматриваемых. Это фильмы «Историческая Родезия» («Historic Rhodesia») и «Африканский стоунхендж» («African stonehenge») ³¹.

²⁶ Там же — 3.53–3.56

²⁷ Подробнее см. Мазов С. В. Кваме Нкрума // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2013. — Т. 4. — Выпуск 3 (19) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840000467-2-1/> (дата обращения: 29.01.2021).

²⁸ «Барабаны для королевы» («Drums for a queen», Associated British Pathé, Ashwood Terry, Stone Sidney, 1961) — 11.40–2.37

²⁹ Там же — 13.10–14. 25

³⁰ «Историческая Родезия» («Historic Rhodesia», Rhodesia Information Service, 1970)

³¹ «Африканский стоунхендж» («African stonehenge», 1965)

Фильм «Африканский стоунхендж» вышел в 1965 году. Назвать его сюжет историческим можно с некоторой степенью допущения: он описывает экспедицию к древним каменным кругам неизвестного происхождения, расположенным на территории Сенегала и Гамбии³². Поэтому в равной степени сюжет фильма можно охарактеризовать как посвященный природе, экспедиции (травелог), так и исторический (первобытная история). В числе спонсоров фильма — программа «Премия герцога Эдинбургского» («Duke of Edinburgh's Award Scheme»), участники которой задействованы в экспедиции. Следует отметить, что при поддержке этого фонда были сняты несколько фильмов, в которых зритель знакомится с выпускниками образовательной программы.

Также в коллекции документального кино об Африке имеется фильм «Историческая Родезия», он датирован приблизительно 1970 годом. О фильме не сохранилось данных, он вместе с другими был передан авторам коллекции колониального кино оператором студии «Централ Африкан фильм юнит» Генри Берриффом. Можно предположить, что производство фильма не было завершено, поэтому мы не можем его анализировать в рамках данного исследования. Но стоит обратить внимание на год — съемки велись в период, когда Родезия переживала кризис.

Если мы вернемся к использованию истории в противопоставлениях, то станет понятно, что исторические события или факты иногда становятся фоном для подчеркивания позитивного вклада метрополии в технологическое и социальное развитие колоний.

Существенная часть колониальных фильмов в той или иной степени затрагивает две темы, которые представляются важными в рамках официальной колониальной пропаганды. Одна из них — вклад метрополии в технический, научный, политический прогресс зависимых территорий. Эта тема поднимается более чем в 60 фильмах, это множество пересекается со множеством фильмов, в которых поднимается вторая тема: трансляция знаний от метрополии в колонии — 51 фильм. Зачастую вклад метрополии в развитие колоний в фильмах обеспечивается как раз интеллектуальным вкладом, образовательной компонентой.

Наиболее ранний фильм в этой подборке снят в 1925 году — «Басутоленд и его люди» («Basutoland and its people»)³³, съемки таких фильмов продолжались вплоть до конца 60-х годов. Производством занимались такие студии, как специализирующиеся на документалистике жанра «фильм-инструкция» «Бритиш Инстракшнл Фильмс» (British Instructional Films) и «Гомон-Бритиш Инстракшнл» (Gaumont-British Instructional), а также студии и ведомства, известные фильмами официальной пропаганды, — «Колониал фильм юнит» (Colonial Film Unit) и местные студии, основанные под ее эгидой, «Центральная служба информации» (Central Office of Information) и некоторые другие.

В колониальных фильмах также поднимается тема передачи знаний в самых разнообразных сферах: сельское (природосообразное) хозяйство, экология, добыча полезных ископаемых и производство, медицина, образование (начальное, среднее и высшее), политика (общественное устройство, сбор налогов), судебная система, домашнее хозяйство, гигиена и здоровое питание и т.д. Особенно много времени на экране получает сфера образования. Блага образования, которые приходят вместе с британским правлением, противопоставляются невежеству африканцев и вере в колдунов («witch doctors»).

Анализ тем и контента фильмов, в которых транслируется идея вклада метрополии в колонии и передачи знаний, помог выявить общие черты. Авторы постулируют ответственность Британии за колонии ради их блага (пресловутое «бремя белого человека»).

³² Сенегамбийские каменные круги, установленные над захоронениями — объект Всемирного наследия ЮНЕСКО. Точная датировка и назначение этих кругов неизвестны. Подробнее см. Stone Circles of Senegambia // UNESCO's World Heritage Centre URL: <https://whc.unesco.org/en/list/1226/> (дата обращения: 20.02.2021).

³³ «Басутоленд и его люди» («Basutoland and its people», British Instructional Films, 1925)

«Колонии — ответственность британской нации» — это первые слова лирического героя, от имени которого ведется повествование в фильме «Это Золотой берег» (1947). Исторически Британия защищает Золотой берег от работорговцев, а сейчас приносит современную промышленность, медицину, образование. Этот посыл играет и на английскую аудиторию, для которой лейбористское правительство показывает свои усилия в социальных переменах, и на американскую — служит защитой и оправданием британскому удержанию послевоенной «Африканской империи». Местные жители в своей одежде представлены как слияние африканских и европейских тенденций — их образ нацелен на западных зрителей.

Для подтверждения этого посыла используются также конкретные и подробные аспекты местной жизни, в том числе изображения болезней и голода (включая выбор для монтажа шокирующих кадров, манипулирующих эмоциями зрителей, — изможденные тела людей и животных в эпизоде о голоде)³⁴.

Помимо прямых утверждений в нарративе фильма, авторы часто используют метафорическое противопоставление в качестве основного способа повествования в фильмах. Интересно, что зритель может видеть два типа противопоставления в этих фильмах:

а. Сравнение страны в доколониальный период (с негативной окраской — примитивная, рабовладельческая страна) и во время британского правления (с позитивной окраской — прогресс, машины, демократия). Оно формируется как визуальными образами, так и прямыми указаниями в закадровом тексте и подается зрителю «напрямую». В этом противопоставлении лежит обоснование необходимости британского вмешательства. Причем этот мотив мы видим, как в фильмах, рассчитанных на африканскую аудиторию, так и в тех, которые создавались для британцев (с целью объяснить необходимость вмешательства и, соответственно, бюджетных трат). Таким образом, прогресс в фильмах неотделим от британского вмешательства.

В фильме «Прогрессивное фермерство в Басутоленде» («Progressive farming in Basutoland»), снятом в 1963 году, в одном из первых эпизодов проявляется негативная характеристика страны: «перенаселенная, без полезных ископаемых, без инвесторов, торгующая людьми»³⁵, не способная «производить продукт достаточного качества»³⁶. Формально «Прогрессивное фермерство в Басутоленде» не является государственной пропагандой: он снят по заказу благотворительной организации Оксфам³⁷, но обнаруживает те же черты, что и фильмы, снятые по государственному заказу. Это можно объяснить тем, что в случае конкретного фильма цели у государства и Оксфам совпадали — обоснование вмешательства и финансовых затрат.

Отдельно стоит сделать акцент на истории работорговли, которую часто вспоминают в подобных противопоставлениях. В фильме «Вызов Нигерии» («Challenge in Nigeria»), выпущенном в 1948 году, диктор рассказывает, что Великобритания пришла в Нигерию «чтобы покончить с работорговлей»³⁸. Вину на работорговлю автор закадрового текста возлагает на предков местных жителей (причем речь идет о тех, кто менее продолжительное время находится в юрисдикции метрополии).

³⁴ «Это Золотой берег» («Here is the Gold Coast», Central Office of Information, Page John 1947) — 6.50–7.30

³⁵ «Прогрессивное фермерство в Басутоленде» («Progressive farming in Basutoland», John Abbott Productions, Christie Ernest, 1963) — 00.06–00.15.

³⁶ Там же — 00.40–00.45.

³⁷ Международное объединение из 17 организаций, работающих в более чем 90 странах по всему миру и базируется в Оксфорде. Целью деятельности объединения является решение проблем бедности и связанной с ней несправедливостью во всем мире. На момент съемки фильма организация имела всего два отделения — британское и канадское.

³⁸ «Вызов Нигерии» («Challenge in Nigeria», This Modern Age Ltd., 1948) — 2.05.

б. Сравнение британцев и колониальных жителей (или сравнение африканцев и европейцев в целом). Несмотря на склонность к риторике, объединяющей всех жителей Империи, о которой будет сказано дальше, в фильмах иногда прослеживается имплицитное отделение жителей колоний. Например, о них могут говорить: «это требует большой работы и высшего образования убедить этих людей принять новые методы»³⁹. В фильме «Вызов Нигерии» мы видим такое сочетание видеоряда и закадрового текста: в кадре — народные танцы, за кадром — риторический вопрос «Когда Нигерия будет сама управлять своей страной?».

Интересный эпизод сравнения представлен в фильме «Это Золотой берег»: сравниваются территории, которые разные периоды находились под британским правлением (Мамруси и столица).

Для визуального сравнения и разделения жителей колоний и метрополии очень часто используются национальные костюмы.

С точки зрения образов конкретных персонажей кажется интересным явное присутствие женщин в визуальном пространстве фильма, причем женщины также являются акторами, от которых зависит будущее Африки: они учатся, заняты в социальной сфере, участвуют в политических делах колонии⁴⁰. Это подчеркивается как в закадровом тексте (диктор высоко оценивает женщин), так и визуально (крупные портретные планы учениц). Но, конечно, относиться к этому стоит аккуратно: показательно, что в фильме «Золотой берег» подчеркивается, что все блага доступны и мужчинам, и женщинам, но «большинство наших женщин станут женами и матерями, им нужно научиться вкусно готовить и стирать».

Это может быть связано с тем, что часть фильмов, рассматриваемых в этом разделе, снята в 1960-е годы, когда, после сексуальной революции, образ женщин стал утверждаться в общем культурном и научном контексте, в том числе и в кино. Более ярко трансформацию образа женщины в колониальном кино можно проследить на материале художественных колониальных фильмов, об этом можно почитать, например, в статье Е. Е. Ибраева «Историческая трансформация образа английской женщины в «колониальном» кино Великобритании» [Ибраев, 2015]. Также положение женщины в Британской империи помогают лучше понять работы, написанные в русле постколониального феминизма, например работы Мадины Тлостлановой, изучающей деколониальный поворот в критической мысли⁴¹.

Возвращаясь к риторике закадрового текста и видеоряду фильмов, транслирующих идею вклада метрополии в колонии, можно наблюдать, что фильм «работает» на объединяющую идею, несмотря на показ экзотических сюжетов и образов. Общий посыл заключается в необходимости (продолжения) сотрудничества.

Иллюстративным здесь может быть фильм «Африканские гости в лондонском Тауэре» («African Visitors to the Tower of London»), 1949 год, — африканские сановники в национальных одеждах приезжают с экскурсией к одной из главных достопримечательностей столицы метрополии. Они привлекают всеобщее внимание, но при этом гости Лондона показаны в окружении европейцев, которые также приехали в Тауэр в качестве визитеров.

В ракурсе визуальной составляющей этой риторики можно отметить использование массовых сцен (в фильме «Вызов Нигерии» зритель видит массовую сцену исполнения

³⁹ «Прогрессивное фермерство в Басутоленде» («Progressive farming in Basutoland», John Abbott Productions, Christie Ernest, 1963) — 8.46–09.00.

⁴⁰ Там же-2.20–2.24.

⁴¹ См. например, Тлостанова М.В. Деколониальные гендерные эпистемологии. — М.: ООО «ИПЦ «Маска», 2009. — 386 с.

религиозного обряда⁴², также мы можем наблюдать толпы на рынке или во время выборов). В этом же фильме диктор прямо проговаривает эту идею в закадровом тексте: «Британец и африканец, работающие вместе». Также на объединяющую идею может работать подчеркивание полиязычности, мультирелигиозности страны. Источником этой риторики могут быть фильмы, которые появляются в результате необходимости обосновать дополнительные траты или отчитаться о проделанной работе.

Так, фильм «Африканская конференция в Лондоне» («African conference in London») 1948 года маркировал перестройку империи, как отмечает Том Райс⁴³, в связи с потерей колоний в Южной Азии. Значение Африки возросло и возросло ее присутствие в колониальном кино. Поскольку фильм был нацелен на африканцев, то он показывал метрополию, ее достопримечательности и стереотипы. Критики находят здесь отсылку к травелогам, в которых экзотический мир Африки демонстрировался зрителям Британии⁴⁴.

Анализируя построение причинно-следственных связей в рассматриваемых фильмах, мы можем отметить, что, с точки зрения авторов, источником проблем, которые требуют вмешательства метрополии, является природа, а также устаревшее, неприродосообразное сельское хозяйство. Например, Оксфам в фильме «Прогрессивное фермерство в Басутоленде» решает проблему эрозии почвы через образование — фермеров обучают передовым методам и создают поддерживающую образовательную экосистему для них⁴⁵.

Интересно появление фигуры лирического героя в документальных фильмах. Таким героем может быть житель колоний (при этом фильм рассчитан не на местную аудиторию, а на британскую, что, например, хорошо показывает негативная реакция жителей Ганы на фильм об этой стране «Это Золотой берег»⁴⁶) или кто-то другой, например в ленте «Прогрессивное фермерство в Басутоленде» текст читает местный руководитель Оксфамы. Это делает повествование в фильмах более личным, более близким к зрителю: «Я живу на этой ферме, знаю этих мужчин и женщин, и работу, которую они делают».

Возможно, с появлением лирического героя связано более подробное (в сравнении с фильмами других тематик) повествование: в этих фильмах чаще используются инфографика, конкретные факты, примеры — насколько выросла урожайность, как вырос доход и т.д. В частности, в «Прогрессивном фермерстве в Басутоленде» представлены, возможно, самые яркие иллюстрации противопоставления страны до и после британского вмешательства: пестициды для отпугивания птиц против женщины с железками, которая играет роль живого чучела⁴⁷. В «Вызове Нигерии» также активно используются инфографика, карты.

При этом демонстрация прогресса, достигнутого колонией, не мешает авторам фильмов использовать повторяющийся мотив «Мы не готовы к независимости». Яркий пример — фильм «Вызов Нигерии»: в самом начале диктор прямо задает вопрос «Каковы препятствия на пути к становлению Нигерии как самостоятельной страны внутри Британского Содружества?» Среди таковых авторы называют нехватку коммуникаций между племенами, слишком быстрорастущее население, примитивное сельское хозяйство и как

⁴² «Вызов Нигерии» («Challenge in Nigeria», This Modern Age Ltd., 1948) — 2.34–2.56.

⁴³ Context of «African conference in London» // Colonial Film URL: <http://www.colonialfilm.org.uk/node/1007> (дата обращения: 23.05.2016).

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ «Прогрессивное фермерство в Басутоленде» («Progressive farming in Basutoland», John Abbott Productions, Christie Ernest, 1963) — (2.10–2.20)

⁴⁶ Context of «Here is the Gold Coast» // Colonial Film URL: <http://www.colonialfilm.org.uk/home> (дата обращения: 23.05.2016).

⁴⁷ «Прогрессивное фермерство в Басутоленде» («Progressive farming in Basutoland», John Abbott Productions, Christie Ernest, 1963) — 11.10–11.29

следствие этого проблемы с экологией и болезнью. Самым сильным вызовом диктор называет преодоление невежества.

Утверждение о неготовности к независимости можно рассматривать как использование средств манипуляции эмоциями зрителей, к ним также относится напряженная музыка, шокирующий видеоряд в рассматриваемых фильмах. Такие средства используются в контексте сюжетов о голоде (в сельском хозяйстве) и медицине. Можно предположить, что использование таких приемов связано с необходимостью обосновать финансовые вложения в колонии из бюджета метрополии (необходимые для развития природосообразного сельского хозяйства, образования, медицины и т.д.).

Источники

1. «Африканский стоунхендж» («African stonehenge», 1965)
2. «Барабаны для королевы» («Drums for a queen», Associated British Pathé, Ashwood Terry, Stone Sidney, 1961) — 00.16–00.25.
3. «Басутоленд и его люди» («Basutoland and its people», British Instructional Films, 1925)
4. «Вызов Нигерии» («Challenge in Nigeria», This Modern Age Ltd., 1948) — 2.05.
5. «Историческая Родезия» («Historic Rhodesia», Rhodesia Information Service, 1970)
6. «Принцесса Маргарет на Маврикий и в Восточной Африке» («Princess Margaret in Mauritius and East Africa», 1957)
7. «Прогрессивное фермерство в Басутоленде» («Progressive farming in Basutoland», John Abbott Productions, Christie Ernest, 1963)
8. «С его королевским высочеством принцем Уэльским в Южной Африке» («With his Royal highness the Prince of Wales in South Africa», African Film Productions, 1925).
9. «Сьерра-Леоне приветствует королеву» («Sierra Leone greets the Queen», Central Office of Information, British Pathé News, 1961)
10. «Это Золотой берег» («Here is the Gold Coast», Central Office of Information, Page John 1947) — 6.50–7.30

Список литературы

1. Cannadine, D. (2012). The Context, Performance and Meaning of Ritual: The British Monarchy and the «Invention of Tradition», с. 1820–1977. In E. Hobsbawm & T. Ranger (Eds.), The Invention of Tradition (Canto Classics, pp. 101–164). Cambridge: Cambridge University Press.
2. Ficawoyi D.–A. Colonialism ties and stock markets: Evidence from Sub-Saharan Africa // Research in International Business and Finance.– 2019.– № 47. — p. 327–343.
3. Magu S. M. Post-Colonialism, Europe and Africa: Changing Policyscapes // Great Powers and US Foreign Policy towards Africa. Palgrave Macmillan, Cham, 2018. — pp. 87–112.
4. Reed V. C. Introduction in Royal tourists, colonial subjects and the making of a British world, 1860–1911. — Manchester: Manchester University Press, 2017.– 253 p.
5. Reynolds G. Colonial Cinema in Africa: Origins, Images, Audiences. McFarland, 2015–240p.
6. Rice T. Films for the Colonies. Cinema and the Preservation of the British Empire. The University of St Andrews, 2019.
7. Shaka, F. O. Instructional Cinema in Colonial Africa: An Historical Reappraisal // Ufahamu: A Journal of African Studies.– 1991.– № 27. Режим доступа: <https://escholarship.org/uc/item/533716nn> (дата обращения: 01.04.2021)
8. Smyth R. Grierson, the British Documentary Movement, and Colonial Cinema in British Colonial Africa // Film History.– 2013.– № 25. — pp. 82–113.

9. Ибраев Е. Е. Историческая трансформация образа английской женщины в «колониальном» кино Великобритании // Вестник Челябинского государственного университета.– 2015.– № 16 (371). — С. 108–114.
10. Мазов С. В. Кваме Нкрума // Электронный научно-образовательный журнал «История».– 2013. — Т. 4. — Выпуск 3 (19) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840000467-2-1/> (дата обращения: 29.01.2021).
11. Остапенко Г. С. Британские консерваторы и деколонизация / Г. С. Остапенко. — М.: Ин-т всеоб. истор. РАН, 1995.– 173 с.
12. Прожико Г. С. Экран мировой документалистики: очерки становления языка зарубежного документального кино. — М.: Всероссийский гос. ун-т кинематографии им. С. А. Герасимова, 2011.
13. Пронин А. А. Документальный фильм как публицистический нарратив: структура, функции, смысл: диссертация ... доктора Филологических наук: 10.01.10 / Пронин Александр Алексеевич; [Место защиты: ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный университет], 2017.– 360 с.
14. Тлостанова М. В. Деколониальные гендерные эпистемологии. — М.: ООО «ИПЦ «Маска», 2009.– 386 с.
15. Эйхенбаум Б. М. Поэтика кино. Теоретические работы 1920-х гг. — М. Альма-матер, Академический проект, 2016–504 с.

References

1. Cannadine, D. (2012). The Context, Performance and Meaning of Ritual: The British Monarchy and the «Invention of Tradition», с. 1820–1977. In E. Hobsbawm & T. Ranger (Eds.), The Invention of Tradition (Canto Classics, pp. 101–164). Cambridge: Cambridge University Press.
2. Ficawoyi D.–A. Colonialism ties and stock markets: Evidence from Sub-Saharan Africa // Research in International Business and Finance.– 2019.– № 47. — p. 327–343.
3. Magu S. M. Post-Colonialism, Europe and Africa: Changing Policyscapes // Great Powers and US Foreign Policy towards Africa. Palgrave Macmillan, Cham, 2018. — pp. 87–112.
4. Reed V. C. Introduction in Royal tourists, colonial subjects and the making of a British world, 1860–1911. — Manchester: Manchester University Press, 2017.– 253 p.
5. Reynolds G. Colonial Cinema in Africa: Origins, Images, Audiences. McFarland, 2015–240p.
6. Rice T. Films for the Colonies. Cinema and the Preservation of the British Empire. The University of St Andrews, 2019.
7. Shaka, F. O. Instructional Cinema in Colonial Africa: An Historical Reappraisal // Ufahamu: A Journal of African Studies.– 1991.– № 27. Режим доступа: <https://escholarship.org/uc/item/533716nn> (дата обращения: 01.04.2021)
8. Smyth R. Grierson, the British Documentary Movement, and Colonial Cinema in British Colonial Africa // Film History.– 2013.– № 25. — pp. 82–113.
9. Ibraev E. E. Istoricheskaya transformaciya obraza anglijskoj zhenshchiny v «kolonial'nom» kino Velikobritanii // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta.– 2015.– № 16 (371). — S. 108–114.
10. Mazov S. V. Kwame Nkruma // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya».– 2013. — T.4.– № 3 (19) URL: <https://history.jes.su/s207987840000467-2-1/> (data obrashcheniya: 29.01.2021).
11. Ostapenko G. S. Britanskije konservatory i dekolonizaciya / G. S. Ostapenko. — M.: In-t vseob. istor. RAN, 1995.– 173 s.

12. Prozhiko G. S. Ekran mirovoj dokumentalistiki: ocherki stanovleniya yazyka zarubezhnogo dokumental'nogo kino. — М.: Vserossijskij gos. un-t kinematografii im. S. A. Gerasimova, 2011.
13. Pronin A. A. Dokumental'nyj fil'm kak publicisticheskij narrativ: struktura, funkcii, smysl: dissertaciya ... doktora Filologicheskix nauk: 10.01.10 / Pronin Aleksandr Alekseevich; [Mesto zashchity: FGBOU VO Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet], 2017.— 360 s.
14. Tlostanova M. V. Dekolonial'nye gendernye epistemologii. — М.: ООО «IPC «Maska», 2009.— 386 s.
15. Ejhenbaum B. M. Poetika kino. Teoreticheskie raboty 1920-h gg. — М. Al'ma-mater, Akademicheskij proekt, 2016—504 s.

Информация об авторе

Марина Сергеевна Муращенко — соискатель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Институт общественных наук, кафедра Всеобщей истории.

Email: mzvonareva-16@edu.ranepa.ru

Author's information

Marina S. Murashchenko — PhD student, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Institute for social sciences, Department of General History.

Email: mzvonareva-16@edu.ranepa.ru

УДК 94(674.3)

В.А. Носов

Санкт-Петербургский государственный университет

Чадский конфликтный конундрум: особенности формирования и пути разрешения

Аннотация: Изучение истории гражданской войны в Чаде является актуальной в политическом и научном плане задачей — поиск путей урегулирования комплексных конфликтов, в которых социальные, экономические и политические факторы действуют в разных комбинациях и влияют друг на друга, представляется исключительно важным. Между тем этот конфликт довольно слабо освещен, как в целом, так и в деталях: мало изучены как процесс построения и функционирования ныне действующей модели политического устройства, сумевшей, в отличие от прежних проектов государственного строительства, обеспечить и эффективный контроль за территорией и ресурсами и беспроблемную передачу власти, так и важные аспекты предыдущих попыток построить систему государственного управления и порожденные ими конфликты. Актуальность темы определяет и научную проблему работы — выявление особенностей и испробованных путей постройки устойчивых политических систем в Чаде. Цель и задачи исследования: определить, каковы истоки политической культуры, как она обуславливает и трансформирует конфликт, рассмотреть влияние внешних факторов на эти процессы. Предметом исследования являются проблемы создания, трансформации и функционирования политических систем в условиях фрагментированного и подвергающегося внешнему воздействию различной интенсивности общества, их исторические и социальные корни. Для исследования был избран комплексный проблемно-исторический подход с опорой как на материалы, напрямую связанные с чадскими проблемами, так и сосредоточенные на других сюжетах, но позволяющие создать объемную картину проблемы. Работа выявляет сходство и различия политических режимов в независимом Чаде, исторические предпосылки их формирования и практик функционирования, обращая внимание и на влияние внешнеполитической обстановки, поскольку ослабление давления извне явно поспособствовало понижению интенсивности конфликтов. Основной вывод работы — необходима постепенная трансформация чадской политической культуры и отход от укоренившейся практики рассматривать политику как игру с нулевой суммой. Функционирование построенной Идрисом Деби административной системы указывают на существование такой возможности. (Библиогр. 37 назв.)

Ключевые слова: Чад, межобщинные конфликты, гражданская война

Vladimir A. Nosov
Saint-Petersburg State University

Chadian Conflict Conundrum: Formation and Ways of Dismantling

Summary: Studying the history of the civil war in Chad is a very actual task — finding ways to resolve complex conflicts in which social, economic and political factors act in different combinations and influence each other is extremely important. Meanwhile, this conflict is rather poorly covered, both in general and in detail: the process of building and functioning of the current model of the political system, which, unlike previous state-building projects, was able to ensure both effective control over territory and resources and a problem-free transfer of power, was little studied, as well as important aspects of previous attempts to build a system of public administration and the conflicts generated by them. The relevance of the topic also determines the scientific problem of the work — identifying the features and tried-and-tested ways of building stable political systems in Chad. The purpose and objectives of the study was to determine where are the origins of political culture lie, how it conditions and transforms the conflict, to consider the influence of external factors on these processes. The subject of the research is the problems of creation, transformation and functioning of political systems in a societies that was fragmented and exposed to external influence of varying intensity, historical and social antecedents of such a fragmentation. For the study, a comprehensive problem-historical approach was chosen based on materials directly related to Chadian problems and focused on other topics as well, and this allow to create a 3D picture of the problem. The work reveals the similarities and differences of political regimes in independent Chad, the historical prerequisites for their formation and functioning practices, paying attention to the influence of the foreign countries influences, since the weakening of external pressure has clearly contributed to a decrease in the intensity of conflicts. The main conclusion of the work is that a gradual transformation of Chadian political culture and a departure from the entrenched practice of considering politics as a zero-sum game is necessary. The functioning of the administrative system built by Idris Deby indicates the existence of such a possibility. (Refs 25.).

Keywords: Chad, inter-communal conflicts, civil war

Одна из самых бедных стран мира, Чад, стала ареной гражданской войны, с разной интенсивностью ведущейся на протяжении более чем полувека. Состоящий, по существу, из нескольких конфликтов, и характеризуемый постоянной их трансформацией, чадский конфликт остается самым длительным в Африке новейшего времени как из продолжающихся, так и из уже окончившихся. Причиной его, на наш взгляд, стало складывание и закрепление конфликтогенных практик взаимодействия культур, религий, этносов, политических групп, ставшее результатом сперва истории доколониального периода, потом практик и последствий французского колониального управления, и, наконец, неудачных и непродуманных действий постколониальной элиты. Порожденные этим склонность политической элиты к оппортунизму, неготовность ее представителей договариваться, устанавливать полноценное сотрудничество, не позволяли ответственно и адекватно делить ответственность и полномочия, сказались на развитии ситуации самым негативным образом, и не предоставляли возможности создавать эффективно действующие коалиционные органы власти, направляя развитие конфликтов по самому разрушительному пути. Результатом стало оформление и существование до наших дней чадского конфликтного конундрума, или, иными словами, набора конфликтов, связанных и переплетенных друг с другом различными способами, оказывающими взаимное влияние, к тому же происходящими в условиях крайне ограниченной ресурсной базы и под давлением внешних игроков, имеющих свои интересы.

Багаж, с которым Чад начинал свое существование как независимое государство, на наш взгляд, весьма способствовал именно такому развитию событий. Это одно из многих африканских государств, появившихся в результате демонтажа колониальной системы и автоматического превращения проведенных для удобства администрирования, эксплуатации ресурсов или из политических соображений разного рода линий разграничения подчиненных метрополии областей в государственные границы. Регионы его слабо связаны и исторически, и экономически, и даже географически. Более того, у разных общин несхожие культурные комплексы и практики, а если говорить об общей исторической судьбе, то больше, чем что бы то ни было другое, их связывают давние антагонизмы.

В период до обретения независимости история северной части нынешнего Чада характеризовалась конфликтным взаимодействием множества относительно недолговечных и трех долговременных политических образований, для лидеров которых ведение войны являлось не только обычным занятием, но и ожидаемым, отказ от проведения новых кампаний трактовался в местной политической культуре как признак неспособности править, а политические договоренности не считалось нужным соблюдать [Azevedo 1998:37; Chad 1990:8]. Борьба как между кандидатами на престол, так и представителями элит в самих государственных образованиях отличалась исключительной интенсивностью и протекали бескомпромиссно [Chad 1990:7–8]. Одной из характерных черт этой борьбы являлась готовность лидеров прибегать к помощи внешних игроков, а когда это оказывалось выгодно, вступать с ними же в антагонистические отношения. Подобная практика не является чем-то характерным только для этого региона, но стоит отметить для целей нашей работы, что подобные эпизоды можно в большом количестве найти в истории доколониального и раннего колониального периода Чада.

Население лесной зоны по всем основным характеристикам ближе к населению современных ЦАР и Камеруна, в общим и целом разделяя с ними и экономический комплекс, и социальные отношения. Его политическая история известна в куда меньшей степени, но не отмечена таким количеством драматических поворотов и развязок, именно, скорее всего, в силу специфики региона и народов, его населяющих. Автор считает возможным согласиться с заявлением, что на территории нынешнего Чада сложилось две разных политических культуры: построенная в целом вокруг фигуры лидера общины на большей

части и ацефальная в южной [Azevedo 1998:1, 15]. И следует, на наш взгляд, особо отметить, что в значительной степени облик южного региона определился вызванным набегами работорговцев с севера масштабными миграциям на юг, имеются культурные следы этих процессов, и это значительно осложняет взаимодействие.

Вот эти общины, со всеми их противоречиями между собой и внутри них самих и оказались в границах, созданных французами ради удобства управления в конкретных условиях и для специфических надобностей. Специалисты сходятся во мнении, что в основном при экспансии в этот регион Францию мотивировало его стратегическое положение, а экономически эта территория интересовала ее только как поставщик неквалифицированной рабочей силы для инфраструктурных проектов, и, в куда меньшей степени, как источник хлопка [См. Decalo 1997; Сагоян, 1993; Chad 1990], формы активности империи сводилась к экономической эксплуатации [Decalo 1997:287]. Вполне соответствовали значению колонии для Франции и характер и формы администрирования: управляла неадекватная задачам даже по численности горстка чиновников, зачастую направленных сюда в порядке наказания [Chad 1990:13], так что не следует удивляться широко освещенным в профильной литературе многочисленным эпизодам злоупотреблений.

Не было никаких попыток выработать и проводить политику, направленную на интеграцию общин хотя бы во французскую империю для совместных усилий на благо метрополии, не говоря уж про национальную консолидацию — даже если бы такие задачи вообще ставились колониальными властями. С таким багажом Чад вошел в новую эпоху, после Второй мировой, когда населению колоний Франции стали предоставлять политические права. Естественно, что в таких условиях и с таким наследством политическая культура формировалась совершенно определенным образом: формирующаяся элита воспроизводила практики контроля и управления из доколониальных порядков, из французских методов управления колониями и их взаимодействия, поскольку ее исторический опыт только ими и ограничен.

Политическая жизнь первых пятнадцати лет после Второй мировой войны и вплоть до получения Чадом независимости охарактеризована оппортунизмом и беспринципностью всех игроков. Особенно показательным является период длиной шесть месяцев, когда сменилось четыре кабинета, причем несколько раз полностью поменялась расстановка сил [См. Decalo 1997:361; Chad 1990:15], и актом окончательного оформления политической сцены перед получением независимости стала интрига в оказавшейся на тот момент у руля партии, стоявшая кресла ее же создателю [Chad 1990:18].

11 августа 1960 года Чад получил независимость. Вошел в эту новую эпоху своей истории он, повторимся, получив как и многие африканские страны, произвольно проведенные по усмотрению колониальных администраторов границы, будучи обременен серьезным багажом внутренних противоречий, и вдобавок в хронически тяжелом экономическом положении.

В нашей статье мы полагаем нужным подробнее остановиться на истории создания и особенностях получившейся политической системы, поскольку она, на наш взгляд, позволяет объяснить многие аспекты функционирования последующих режимов. Новая администрация отдала дань требованиям времени, была принята конституция, причем декларировалась многопартийность [Сагоян, 1993:46–47], но в течение пяти следующих лет оппозиционные политические группировки кооптированы в правящую партию, затем в конституции зафиксировано наличие только одной партии, под предлогом необходимости обеспечить таким способом процесс слияния народов Чада воедино [Middle East, 1968:170; Chad, 1990:18; Сагоян, 1993:48]. Баланс между выходцами с юга и севера, если измерять его исключительно количественными показателями представленности в органах власти, соблюдался, но действенность этой меры нивелировалось тем, что всю кадровую

политику контролировал президент и на ключевые посты назначал своих соплеменников-южан [Azevedo 1998:70–71; Africa 1992:348]. Весь период его правления, растянувшегося на пятнадцать первых лет периода существования независимого Чада, характеризовался все большей концентрацией власти в руках президента. По существу, имела место попытка построить весьма типичную для Тропической Африки авторитарную модель управления. И опять же, в соответствии с обычной практикой вопросы о деволуции полномочий и передаче власти поднимались и всегда безрезультатно [Decalo 1997:149–150, 165, 262].

В целом режим, получив полноту власти на севере после вывода французских войск, поставил там своих ставленников, никак не подготовленных для порученной им миссии, которые постоянно отличались эксцессами и ошибками, возмущавшими местное население [Chad 1990:18–19; Azevedo 1998:65]. Показательна, видимо, история Кичидеми Уэддея, одного из будущих виднейших лидеров повстанческого движения, члены клана которого контролировали в регионе проживания судебную ветвь власти, а президент страны посчитал нужным в обход традиции назначить на должность судьи в регионе человека по своему выбору, что в итоге повлекло переход сторонников Уэддея в оппозицию [Chad 1990:63; Decalo 1997:401; Azevedo 1998:66]. Многие акции администраторов и военных руководителей сильно напоминали уже упоминавшиеся эксцессы французского правления, и, по-видимому, можно говорить о воспроизведении ими единственного доступного образца поведения. На севере выступали в защиту своих традиционных институтов и образа жизни [Сагоян, 1993:49; Chad 1990:19], но совершенно безуспешно, и общее отсутствие каких-либо положительных подвижек повлекло радикализацию. Причем все выступления центральной властью истолковывались как попытки штурвал страны передать султанам и трибальным вождям [Middle East 1968:170–171; Decalo 1997: xxxix, 186; Chad 1990:18] — налицо игра на глубоко сидящих предрассудках и опасениях. Вот из этого набора факторов, а именно притеснений по религиозной, этнической, общинной принадлежности, отказа от учета интересов общин, а потом и прямое их ущемление, и возникло повстанческое движение, причем в двух очагах независимо друг от друга [Chad 1990:188–189; Azevedo 1998:66; Исмагилова 1973:258]. Они и стали отправной точкой масштабного и комплексного конфликта. На этом этапе (середина 60-х — конец 70-х) деятельность появившихся повстанческих группировок была, в сущности, не слишком масштабна [Azevedo 1998:73], но к 1969 на севере власти контролировали только крупнейшие населенные пункты [Chad 1990:20]. Для понимания дальнейших событий необходимо отойти от хронологической последовательности изложения и сделать экскурс в историю повстанческого движения, а затем кратко остановиться на основных внешних игроках, оказавших значительное влияние на развитие событий.

Основным оппонентом правительства на этом этапе считалось движение ФРОЛИНА (“Фронт национального освобождения Чада”), подверженное значительному фракционализму. Повстанцев одолевали всевозможные разногласия: борьба за власть и контроль над денежными потоками и вооруженными отрядами, конфликтующие интересы различных общин, распределение выгод и тягот между различными группами участников борьбы, несходство взглядов на вопросы тактики и стратегии, и это повлекло множество расколов [Chad 1990:20–26; Decalo 1997:191–193; Buijtenhuijs 1987]. Наиболее известны группировки, которые возглавили Кичидеми Уэддей и Хиссени Хабре — происходящие из одного племени, но из разных его кланов [Chad 1990:26], и жестоко враждовавшие между собой. Именно они и стали основными игроками чадской жизни 1980-х. Немаловажным следует признать то обстоятельство, что все группировки, вышедшие из ФРОЛИНА, опирались на обитателей северной части страны, никак не пытаясь наладить отношения с южанами [Decalo 1997:191–192].

На события следующей за началом открытой повстанческой борьбы четверти века серьезное влияние оказали внешние игроки, и вряд ли без их участия ситуация могла бы развиваться так, как это произошло. Страна, оказавшими наибольшее влияние на конундрум весь период его существования, следует назвать Ливию, Судан и Францию, эпизодически и США.

Очень сложно складывались отношения Чада с Ливией. Вдобавок к территориальным спорам [См. Chad, 1990; Сагоян, 1993; St. John, 2006], с начала 70-х выдвигавшая претензии на статус гегемона в регионе и особую роль в Тропической Африке Ливия вступила в конфронтацию с другими политическими силами, имевшими интересы в регионе. Суммируя, насколько вообще возможно вычленять и суммировать мотивы действий ливийской администрации в 1970–1980-е, что, вмешиваясь в чадский конфликт, она преследовала три цели: водворить в Нджамене про-ливийски настроенного лидера; расширить свою сферу влияния; сократить таковую у европейцев [Chad 1990; Burr 1999]. Добиваясь своих интересов, часто меняла свои взгляды, поддерживая то правительство в Нджамене, то ФРОЛИНА, а иногда и французов, в зависимости от ситуации, побывав основным спонсором повстанцев, борцом с повстанческими движениями и снова спонсором повстанцев, а также защитниками суверенитета Чада и претендентами на часть его территории и даже подчинения ее целиком.

В помощи мятежникам замечен Судан, на территории которого первое время укрывался и функционировал административный аппарат ФРОЛИНА [Middle East 1968:171–172; Decalo 1997:192]. В 60–70-е страна претерпела несколько переворотов и смен идеологических ориентиров, в т.ч. и несколько раз ее руководство меняло свои взгляды на роль Ливии в регионе, и ее руководство в состоянии было оказывать существенное влияние на события в Чаде [См. Sudan, 1992; История Судана, 1984; Sidahmed 2005; Chad 1990; Burr 1999].

Наибольшую роль сыграла в конфликте Франция, руководствовавшаяся в своем поведении и геополитическими и геостратегическими соображениями. На позицию Парижа оказывали влияние такие факторы, как ход и характер споров французских нефтяников с ливийцами, оружейные контракты с Ливией, а также общественное мнение, периодически очень серьезно склонявшееся на позиции необходимости прекратить интервенции в Африке [Vandewalle 2012:129–132; Azevedo 1998:102; Arnold 2008:86]. В разное время в отношении разных администраций страны Франция выступала в роли защитников правящей группы, опекуна ее противников, миротворческой третьей силы и нейтрального арбитра. В силу комплексности факторов, определяющих политику страны, французы на одном из этапов оказались поддерживающими обе противоборствующие стороны конфликта [Chad 1990:159]. Не имея возможности углубиться в серьезную дискуссию и должным образом осветить все перипетии франко-чадских и франко-ливийских отношений, автор считает возможным согласиться с заявлением, что вмешивалась бывшая метрополия в региональную политику в основном из представлений о необходимости сохранить регион под своим контролем и помешать ливийцам расширять их сферу влияния [Arnold 2008:177].

С конца 70-х включались, и все серьезнее, в происходящие на территории Чада и в регионе вокруг него процессы США, руководствуясь как императивом сдерживать распространение ливийского влияния, так и своими собственными соображениями, и их заинтересованность в регионе стала сказываться и на позициях всех остальных игроков [См. Chad 1990:166; Schmidt 2013:186; Azevedo 1998:110].

И при таком количестве заинтересованных внешних сил, обладающих как ресурсами, так и готовностью их тратить на поддержку, множественность повстанческих групп легко объяснима: воевать было выгодно, поскольку любому, кто объявлял себя повстанцем,

были практически гарантированы поддержка, в зависимости от декларируемых целей, либо от Ливии, либо от США и Франции.

В 70-е годы повстанческое движение значительно усилилось, в т.ч. и благодаря вовлечению в чадский конфликт новых игроков в лице соседних стран, в состоянии было совершать и рейды в окрестности Нджамены [Azevedo 1998:69]. Конфликт интенсифицировался благодаря событиям на внутривосточной сцене в начале 70-х, когда в условиях все более серьезного экономического кризиса поведение Томбалбая стало все более и более угрожать его же позициям, спорные экономические и политические решения влекли все усиливающуюся эрозию основ режима, и выступления групп, выдвигавших социальные, экономические и политические требования и дававших выход фрустрации в массовых акциях [Azevedo 1998:67–68; Decalo 1997:220, 445; Chad 1990:23]. Все более хаотичные решения затронули и силовой аппарат, репрессивные меры против отдельных сегментов которого в итоге и вызвали государственный переворот 1975 года, результатом которого стали свержение и смерть Томбалбая [Decalo 1997:200; Chad 1990:24; Azevedo 1998:70]. На наш взгляд, важным фактором, предприведшим итог этого строительства, являлась излишняя негибкость президента, порой неуместная в условиях жестокого кризиса и обострения межобщинной розни, его неготовность к серьезному, значимому диалогу и проведению последовательной политики кооптации.

Полный анализ всех перипетий чадской гражданской войны не входит в задачи нашей работы и не может сколько-нибудь удовлетворительно быть проделан в формате одной статьи, но для наших целей достаточно обозначить основные тенденции и закономерности событий последующих полутора десятилетий.

Результатом переворота стал дальнейший рост нестабильности, продиктованный в том числе и ошибками новой администрации. Попытка создания коалиционного правительства с самой крупной фракцией повстанцев на фоне их успехов в боевых действиях, явно задуманная с целью вывести их из борьбы, закончилась, как теперь можно суммировать, катастрофически. Хиссени Хабре в роли премьер-министра выполнял скорее роль деструктивную [Decalo 1997:18; Azevedo 1998:74; Chad 1990:28], в результате совершил государственный переворот, повлекший массовые столкновения на межобщинной почве, а потом размежевание общин [Africa 1992:349; Chad 1990:28; Azevedo 1998:75; Clodfelter 1992:1004], затем обострились противоречия между различными группами северян, в первую очередь между повстанческими формированиями, подчиненными Хиссени Хабре и Гукуни Уэдею, которых в разное время поддерживали внешние игроки, и борьба именно в таком формате в основном и определяла положение в Чаде в 1980-е годы. Масштабные боевые действия, развернувшиеся на участке чадской территории между столицей и северной границей, сопровождавшиеся массовыми межобщинными столкновениями, вызвавшие полный развал экономики, деградацию инфраструктуры, потоки беженцев, сопровождалась, впрочем, попытками достичь согласия. Несколько раз при посредничестве региональных и бывших колониальных держав удавалось достичь договоренностей о разделе полномочий, и весьма, на бумаге, инклюзивных по духу. Но никакого серьезного успеха попытки достичь компромисса не имели, созданные структуры быстро распадались, не будучи в состоянии примирить разнонаправленные интересы противоборствующих групп [См. Chad 1990; Decalo 1997; Africa 1992; Azevedo 1998; Сагоян 1984; Burr 1999]. Примечательно, что по ходу дела полностью сменилась идеологическая парадигма, которую внедряет центральная администрация страны. Если в первые годы независимости проповедовался «возврат к корням», под чем понимались трибальные практики организации общественной жизни, принятые к югу от Сахары, то итогом конфликта на данном этапе стало навязывание обществу арабизации и маргинализация южан. И то и другое повлекли серьезное

обострение конфликтных процессов. Формально включали в переходные и временные правительства и южан, но в реальности южная часть страны функционировала как де факто отдельное государство, силой противодействуя попыткам поставить регион под контроль [Africa 1992:350], обсуждался даже проект создать государство Логония, куда вошли бы южная часть Чада и ЦАР [Decalo 1997:236]. Причем параллельно конфронтации с северянами — самого по себе тяжелейшего конфликта — разразился конфликт между различными группами населения [Africa 1992:352; Decalo 1997:236; Debos, 2016], что ясно говорит нам об отсутствии у элиты какого-либо стратегического мышления и умения идти на компромиссы. В середине 80-х Хиссени Хабре, к тому времени занявший пост президента, воспользовался этим расколом, силой положил конец выступлениям на юге и маргинализировал затем всю общину южан [См. Azevedo 1998:78; Africa 1992:352–353; Decalo 1997:185; Clayton 2003:161; Chad 1990:195].

Борьба Хиссени Хабре за право занимать первый пост в государстве, в разное время приводившая его к союзам и с французами и с ливийцами и с любыми фракциями, которые могли обеспечить реализацию его амбиций, увенчалась успехом в конце 80-х. Впервые за десятилетие власть перешла в руки одного лидера на сколько-нибудь продолжительный период времени, и можно сделать некоторые выводы о его стратегии: принята новая конституция с набором соответствующих времени деклараций; создана укрупненная с учетом региональных интересов законодательная ассамблея, но с минимальными полномочиями, поскольку власть сосредоточена в руках президента; строилась правящая партия, в которую включали фракции, отпавшие от повстанческих движений и оппозиционных группировок, с присутствием южан в политбюро [Decalo 1997; Chad 1990; Africa 1992; Political Handbook 1990] — на наш взгляд, налицо воспроизведение уже правлению Томбалбая административных практик. Отходом от этой практики стали попытки кооптировать оппонентов в форме совмещения «политики протянутой руки» и репрессий [Сагоян 1993:60; Azevedo 1998:79–80; Decalo 1997:293]. Такая стратегия позволила добиться к концу десятилетия устранения крупных оппозиционных группировок и превращения их во множество мелких организаций, неспособных всерьез угрожать Нджамене и ее контролю за ресурсами, хотя в полной мере управляемость северными районами восстановить так и не удалось, и генерировали проблемы такие практики новой власти, как попытки жесткой централизации управления, распространение коррупционных практик на всех уровнях, злоупотребления сотрудников силовых ведомств, репрессии в отношении инакомыслящих [Chad 1990:174; Decalo 1997:102], все это прямой угрозы режиму не представляло, но влекло эрозию потенциальной базы сторонников.

Внезапное и быстрое разрушение созданной системы вызвано фракционализмом в самой новой элите, в первую очередь процессом выдвижения на высокие посты родни и соплеменников нового лидера, перераспределение ресурсов с целью заручиться лояльностью бывших оппонентов, ущемлявшее интересы тех, кто помог Хиссени Хабре прийти к власти. Заговор бывших верных соратников президент смог парировать, но с помощью суданцев, ливийцев и отчасти французов, преследовавших свои цели, на территории Судана создано и окрепло повстанческое движение во главе с одним из давних союзников Хабре, Идрисом Деби. Скорость, с которой затем развивались события, просто поразительна — между началом формирования вооруженных подразделений и их входом в Нджамену прошло чуть более года [Africa 1992:356–358; Arnold 2008:144; Azevedo 1998:80; Burr 2003:14; Chad 1990: xxiv; Clayton 2003:162; Decalo 1997:21–22, 148–149, 228]. В трудный момент вся структура власти сложилась как карточный домик, процесс этот сопровождался массовым дезертирством и силовиков, и администраторов при нейтралитете основной массы населения.

Наблюдатели в один голос констатировали, что новый глава государства вступает в должность в крайне сложных условиях — глубоко укоренилась практика братья за оружие в случае любых несогласий с правительством в Нджамене.

В значительной степени Идрис Деби сохранил политическую систему, унаследованную от Хабре, даже оформил формальный переход власти именно в соответствии с декларированными конституцией принципами [Decalo 1997:49], затем политическую надстройку победившей группировки преобразовали в партию, идеологическая окраска которой совершенно неразличима, в нее включили и включали в дальнейшем перешедшие на сторону правительства оппозиционные группировки [Political Handbook 1997:156; Africa 1992:357; Political Handbook 2007:193, 201]. В программных заявлениях нового режима была обещана многопартийная демократия, и затем в духе времени одобрено создание более чем дюжины альтернативных партий. Проводились выборы президента и парламента с применением практик, знакомых внимательному наблюдателю за жизнью Африки после 1990 года [Africa 1992; Сагоян 1993; Africa 2001; May 2002; May 2004; Africa 2011]. Поскольку изначально принятая новой властью конституция предусматривала пребывание на посту президента не более чем два срока, то в 2003 году был принят набор поправок в нее, отменявший лимит на количество президентских сроков, утвержденный референдумом, несмотря на возражения оппозиции [Europa 2005:1097; Political Handbook 2007:189, 193] — это тоже вполне знакомая стратегия, примеров ее применения в регионе тоже можно найти немало.

Важным новшеством явилась готовность новой власти идти навстречу пожеланиям своих оппонентов и кооптировать их в органы власти, выделяя им и премьерский пост, и министерство иностранных дел и даже министерство обороны, хотя это процесс не линейный и не односторонний: в разное время немало высокопоставленных деятелей администрации Деби и его соратников по борьбе перешло в оппозицию, и многие получившие было ответственные посты оппозиционеры возвращались на прежние политические позиции [Decalo 1997:28, 146, 199; Political Handbook 1997:159; Africa 2001:330, 332; Africa 2011:275; Chad 2009:17]. Однако эта политика проводится куда более последовательно и грамотно, чем аналогичные действия при Хабре.

Этого, правда, как оказалось, не вполне достаточно для того, чтобы полностью устранить угрозу со стороны вооруженной оппозиции: постоянно группировки, руководство которых заключило с центральным правительством мирное соглашение, незамедлительно вслед за этим делятся на фракции, часть которых продолжает противодействие [Africa 2011. London 2010; Azevedo 1998; Vuijtenhuijs 1987; Decalo 1997]. По-видимому, следует признать, что на данном этапе подобная практика является частью политической культуры. Удалось и справиться с вновь вспыхнувшей в начале 90-х борьбой южан за автономию частично за счет применения сил, частично благодаря политике кооптации оппонентов, однако ситуация в регионе по-прежнему остается сложной [См. Decalo 1997; Africa 2001; Africa 2004; Political Handbook 2007; Azevedo 1998; Political Handbook 2015; Chad 2009; Виноградова, 2017]. Хотя повстанческие группы обычно не представляют обычно серьезной угрозы — исключая рейд на Нджамену в 2008 году, да и то предпринятый не без помощи внешних игроков, больших акций за ними не числится [Africa 2011:276–277; Africa 2008:212, 215], но их существование не дает добиться окончательного замирения.

Повстанческие движения в 90-е годы не достигали той интенсивности, что в предыдущем десятилетии, на наш взгляд, отчасти поскольку действовала система кооптации недовольных, а отчасти поскольку завершение Холодной войны повлекло исчезновение многих возможностей получить поддержку извне и заставило скорректировать свою политику все заинтересованные стороны из рядов международного сообщества. К числу таких следует отнести и отказ Ливии от широкого участия в жизни стран Тропической Африки

в результате военных неудач, ухода с геополитической арены основного союзника и пресинга со стороны стран Запада. Судан выступил сперва как верный сторонник Деби, потом как его непримиримый оппонент, и в 2000-е стороны регулярно обменивались обвинениями в поддержке повстанцев на территории соседей [Azevedo 1998:115; Political Handbook 2007:191; Clayton 2003:162], и влияние оказывали события в ЦАР, власти которой в разное время побывали с администрацией в Нджамене в отношениях от вражды до союза [Chad 1990:165; Political Handbook 2007:169; Central African Republic 2007:13, 15, 17; Gumedze 2008:64–65; World 2013:1205], но их возможности относительно невелики.

Несмотря на по-прежнему тяжелое экономическое положение и необходимость постоянно уделять внимание борьбе с вооруженной оппозицией и поддерживать баланс в органах власти, Идрис Деби сумел удержаться у власти на протяжении тридцати лет и лишь по трагической случайности не пробыл на посту президента дольше. И, несмотря на все трудности, в отличие от предшественников Идрис Деби смог выстроить систему управления таким образом, что она не дала сбоев даже после ухода своего создателя и обеспечила гладкий переход власти по наследству.

Автор полагает, что покойный президент обязан долговечностью своего правления и устойчивостью системы умелым маневрированием, готовности кооптировать оппонентов в систему администрирования государства и предоставлять им долю ресурсов, а также ослаблением внешнего давления. Подобное развитие событий, свидетельствующее о наличии консенсуса в элите, и ослабление конфликтного взаимодействия оставляют надежду на то, что закрепление подобной практики как основного метода ведения дел в местной политической жизни позволит со временем выйти из порочного круга, сформированного традициями, тяжелым историческим наследием и действиями внешних сил.

Список литературы

1. Виноградова Н.В., Сагоян Л. Ю. Республика Чад. Москва, Институт Африки РАН, 2017.— 188 с.
2. Исмагилова Р. Н. Этнические проблемы современной Тропической Африки. Москва, Наука, 1973.— 416 с.
3. История Судана в новое и новейшее время. Москва, Наука, 1992.— 289 с.
4. Сагоян Л. Ю. Два десятилетия гражданской войны в Чаде. — Москва, б/и., 1984.— 44 с.
5. Сагоян Л. Ю. Республика Чад. Москва, Восточная литература, 1993.— 149 с.
6. Arnold G. Historical Dictionary of Civil Wars in Africa. Metuchen, Scarecrow Press, 2008.— 491 p.
7. Azevedo M. Roots of Violence: A History of War in Chad. London-New York, Routledge, 2005.— 151 p.
8. Buijtenhuijs R. Le Frolinat et les guerres civiles du Tchad (1977–1984). Paris, Editions KARTHALA, 1987.— 479 p.
9. Burr J., Collins R. Revolutionary Sudan. Hasan al-Turabi and the Islamist State, 1989–2000. Leiden, Brill, 2003.— 300 p.
10. Burr J., Collins R. Africa's Thirty Years War: Libya, Chad and Sudan, 1963–1993. Boulder, Westview Press, 1999.— 320 p.
11. Central African Republic: Anatomy of a Phantom State. Brussels, International Crisis Group, 2007.— 43 p.
12. Chad. A Country Study (2nd ed.). Washington, Government Printing Office, 1990.— 254 p.
13. Chad: Escaping from the Oil Trap. Brussels, International Crisis Group, 2009.— 22 p.
14. Clayton A. Frontiersmen: Warfare in Africa Since 1950. London, UCL Press, 2001.— 260 p.

15. Clodfelter M. Warfare and armed conflicts. V. 2. London, McFarland, 1992.— 1300 p.
16. Debos M. Living by the Gun: Combatants, Impunity, and State Formation. London, Zed Books, 2016.— 255 p.
17. Decalo S. Historical Dictionary of Chad (3rd ed.). London, Scarecrow Press, 1997.— 586 p.
18. Gumedze E. Elimination of Mercenarism in Africa. Pretoria, Institute for Security Studies, 2008.— 227 p.
19. May R., Massey S. Presidential and Legislative Elections in Chad, 2001–2002 // *Electoral Studies*, V. 22, Issue 4. 2004. Pp. 765–772. [https://doi.org/10.1016/S0261-3794\(03\)00034-9](https://doi.org/10.1016/S0261-3794(03)00034-9).
20. May R., Massey S. The 1996 and 1997 elections in Chad // *Electoral Studies*, V. 20, Issue 1. Pp. 127–135. 2002. [https://doi.org/10.1016/S0261-3794\(00\)00021-4](https://doi.org/10.1016/S0261-3794(00)00021-4)
21. Schmidt E. Foreign Intervention in Africa. Cambridge, Cambridge University Press, 2013.— 267 p.
22. Sidahmed A.S., Sidahmed A. Sudan. London, Routledge, 2005.— 208 p.
23. St. John R. Historical Dictionary of Libya (4th ed.). Lanham, Scarecrow Press, 2006.— 403 p.
24. Sudan. A Country Study (4th ed.). Washington, Library of Congress, 1992.— 336 p.
25. Vandewalle D. A History of Modern Libya (2nd ed.). Cambridge, Cambridge University Press, 2012.— 256 p.

Справочные материалы

1. Africa South of the Sahara. 1992. London, Europa Publications, 1991.— 1147 p.
2. Africa South of the Sahara. 2001. London, Europa Publications, 2000.— 1279 p.
3. Africa South of the Sahara. 2004. London, Europa Publications, 2003.— 1431 p.
4. Africa South of the Sahara. 2011. London, Routledge, 2010.— 1582 p.
5. Africa Yearbook. 2008. Leiden, Brill, 2008.— 551 p.
6. Europa World Yearbook. 2005. V. 1. London-New York, Routledge, 2005.— 1018 p.
7. Middle East and North Africa. 1968–69. London, Europa Publications, 1968.— 975 p.
8. Political Handbook of Africa. 2007. Washington, CQ Press, 2007.— 1131 p.
9. Political Handbook of the World. 1990. New York, CSA Publications, 1991.— 956 p.
10. Political Handbook of the World. 1997. New York, CSA Publications, 1998.— 1220 p.
11. Political Handbook of the World. 2015. New York, SQ Press. 2015.— 1869 p.
12. World Year Book. 2013. V. 1. New York, Routledge, 2013.— 2569 p.

References

1. Arnold G. Historical Dictionary of Civil Wars in Africa. Metuchen, Scarecrow Press, 2008.— 491 p.
2. Azevedo M. Roots of Violence: A History of War in Chad. London-New York, Routledge, 2005.— 151 p.
3. Buijtenhuijs R. Le Frolinat et les guerres civiles du Tchad (1977–1984). Paris, Editions KARTHALA, 1987.— 479 p.
4. Burr J., Collins R. Africa's Thirty Years War: Libya, Chad and Sudan, 1963–1993. Boulder, Westview Press, 1999.— 320 p.
5. Burr J., Collins R. Revolutionary Sudan. Hasan al-Turabi and the Islamist State, 1989–2000. Leiden, Brill, 2003.— 300 p.
6. Central African Republic: Anatomy of a Phantom State. Brussels, International Crisis Group, 2007.— 43 p.
7. Chad. A Country Study (2nd ed.). Washington, Government Printing Office, 1990.— 254 p.
8. Chad: Escaping from the Oil Trap. Brussels, International Crisis Group, 2009.— 22 p.
9. Clayton A. Frontiersmen: Warfare in Africa Since 1950. London, UCL Press, 2001.— 260 p.

10. *Clodfelter M.* Warfare and armed conflicts. V. 2. London, McFarland, 1992.— 1300 p.
11. *Debos M.* Living by the Gun: Combatants, Impunity, and State Formation. London, Zed Books, 2016.— 255 p.
12. *Decalo S.* Historical Dictionary of Chad (3rd ed.). London, Scarecrow Press, 1997.— 586 p.
13. *Gumedze E.* Elimination of Mercenarism in Africa. Pretoria, Institute for Security Studies, 2008.— 227 p.
14. *History of Sudan in Modern Times.* Moscow, Nauka, 1992.— 289 p. (In Russian)
15. *Ismagilova R. N.* Ethnic Problems of Contemporary Tropical Africa. Moscow, Nauka, 1973.— 416 p. (In Russian)
16. May R., Massey S. Presidential and Legislative Elections in Chad, 2001–2002 // *Electoral Studies*, V. 22, Issue 4. 2004. Pp. 765–772. [https://doi.org/10.1016/S0261-3794\(03\)00034-9](https://doi.org/10.1016/S0261-3794(03)00034-9).
17. May R., Massey S. The 1996 and 1997 elections in Chad // *Electoral Studies*, V. 20, Issue 1. Pp. 127–135. 2002. [https://doi.org/10.1016/S0261-3794\(00\)00021-4](https://doi.org/10.1016/S0261-3794(00)00021-4)
18. *Sagoyan L. Y.* Republic of Chad. Moscow, Oriental Literature, 1993.— 149 p. (In Russian)
19. *Sagoyan L. Y.* Two Decades of Civil War in Chad. Moscow, w/p, 1984.— 44 p. (In Russian)
20. *Schmidt E.* Foreign Intervention in Africa. Cambridge, Cambridge University Press, 2013.— 267 p.
21. *Sidahmed A.S., Sidahmed A.* Sudan. London, Routledge, 2005.— 208 p.
22. *St. John R.* Historical Dictionary of Libya (4th ed.). Lanham, Scarecrow Press, 2006.— 403 p.
23. *Sudan. A Country Study* (4th ed.). Washington, Library of Congress, 1992.— 336 p.
24. *Vandewalle D.* A History of Modern Libya (2nd ed.). Cambridge, Cambridge University Press, 2012.— 256 p.
25. *Vinogradova N.V., Sagoyan L. Y.* Republic of Chad. Moscow, African Institute of RAN, 2017.— 188 p. (In Russian)

Информация об авторе

Владимир Александрович Носов — магистрант, кафедра конфликтологии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

Email: troghil@yandex.ru

Author's Information

Vladimir A. Nosov — M.A. in History, Master Student MPhil, Department of Conflictology in Institute of Philosophy of St. Petersburg State University.

Email: troghil@yandex.ru

СЕКЦИЯ 7. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ДРЕВНЕГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Древнеегипетские nDsw: историографическая сказка про белого бычка

Аннотация: Уже более века в описаниях общественного строя древнего Египта времени Первого переходного периода и Среднего царства говорится о складывании там «социального слоя» неджесов (nDsw), якобы владевших земельными наделами и потому экономически независимых от царской власти. Эта гипотеза широко распространена в современном египтологическом историописании несмотря даже на то, что она не получила подтверждения в Берлинском словаре (1928) и была убедительно опровергнута О. Д. Берлевым (1978) и Д. Франке (1998). В предлагаемой статье рассматриваются обстоятельства её распространения и причины её неоправданной востребованности. В конечном счете это обусловлено тем, что имеющийся объем надежно установленных фактов и доказанных суждений о социально-экономическом строе Египта указанного времени все еще совершенно недостаточен для его обобщенного концептуального описания. Вследствие этого египтологам, желающим или вынужденным такие описания создавать, приходится ссылаться на «параллели» других эпох или стран, обращаться к «изошренным методам и теориям, заимствованным из социальных наук» (Х. К. Морено Гарсия) — иными словами, прибегать ко множеству допущений и предположений. Во многих таких повествованиях об общественном строе Первого переходного периода и Среднего царства гипотеза «социального слоя» неджесов занимает одно из ключевых мест, и её утрата будет для них невозможна. Вместе с тем ученым с подобными исследовательскими установками кажется допустимым пользоваться гипотезами и концептами без доскональной проверки их достоверности по всем доступным источникам. Можно поэтому ожидать, что даже после доказательных опровержений гипотеза «социального слоя» неджесов еще долго будет повторяться в египтологических публикациях наподобие нескончаемой «сказки про белого бычка». Библиография: 34 наименования.

Ключевые слова: египтология, Древний Египет, Первый переходный период, Среднее царство, социальная структура, О. Д. Берлев

Ancient Egyptian nDsw: a Historiographic Merry-go-round

Summary: The hypothesis of the social “class” of *nedjesu* (nDsw)— “free citizens” who allegedly owned plots of land and were therefore economically independent from the state — has been figuring in the descriptions of the social system of Middle Kingdom Egypt already for more than a century. It recurs in current Egyptology even despite the fact that it was not supported in the “*Wörterbuch der ägyptischen Sprache II*” (1928), and was exhaustively refuted by O. D. Berlev (1978) and D. Franke (1998). The present article traces the history of this hypothesis and discusses factors of its unjustified longevity. The root cause of the latter is the grave deficiency of our sources and knowledge about the social system of the Middle Kingdom which makes it impossible to compose its generalized conceptual descriptions based only on well-established facts and well-proven assertions. Therefore, the scholars who must or want to create such descriptions have to recourse to “parallels” of other epochs and countries, to “sophisticated methods and theories borrowed from social sciences” (J. C. Moreno Garcia) — in other words, to assumptions and speculations. For a number of these descriptions, the theory of the “class” of *nedjesu* is indispensable, while their authors, accustomed to such research attitudes, consider it permissible to use a hypothesis or concept without scrupulously checking it against all available sources. Hence one can expect that, even despite all the refutations, the hypothesis in question will still recur for a long time in egyptological publications in merry-go-round manner (Refs. 34).

Keywords: Egyptology, Ancient Egypt, First Intermediate Period, Middle Kingdom, social structure, O. D. Berlev

The great tragedy of Science — the slaying of a beautiful hypothesis by an ugly fact.
Т. Н. Huxley

Вот уже более века в описаниях общественного строя древнего Египта времени Первого переходного периода и Среднего царства (XXIII–XVIII вв. до н.э.) то и дело упоминается «социальный слой» неджесов (nDsw). По мнению ряда специалистов, его появление стало главным новшеством в социальной структуре Египта Среднего царства и даже оказало большое влияние на его духовную культуру. Но в действительности, гипотеза «социального слоя» неджесов ошибочна. В предлагаемой статье будут рассмотрены обстоятельства её распространения и причины её неоправданной востребованности.

Гипотеза «социального слоя» nDsw

Древнеегипетская лексема неджес (nDs), о которой далее пойдет речь, употреблялась в синтаксической функции прилагательного «маленький», «малый» и в синтаксической функции существительного «маленький (человек)». Семантическое содержание существительного было впервые специально рассмотрено в 1928 г. составителями «Берлинского словаря», выделившими два основных аспекта: (I) «возрастной» — малый человек по росту и возрасту, т.е. мальчик, молодой человек, юноша и т.п. [Wörterbuch, 1928, S. 385. 5–9]; (II) «социальный» — человек невысокого общественного положения; социально «малый», в противоположность «великим (wtw)» и «большим (aAw)» [Wörterbuch, 1928, S. 385.10, 12, 13]. Кроме того, в рамках «социального» аспекта было предложено изредка понимать nDs «auch allgemein: Bürger» [Wörterbuch, 1928, S. 385.11].

Хоть из более чем трех десятков контекстов, учтенных в «Словаре», перевод «Bürger» допускался только для четырех, в дальнейшем это значение стало постулироваться египтологами и в подавляющем большинстве других случаев. Еще в 1906 г. Дж. Г. Брэстед утверждал, что в контрактах номарха Джефаихапи со жрецами асыутских храмов неджесы предстают «классом (class)» свободных египтян («citizens») [Breasted, 1906, p. 259], а Р. Антес в 1928 г. счел такое толкование пригодным для всех упоминаний неджесов в хатнубских граффити [Anthes, 1928, S. 90, 119]. Встречающиеся в источниках упоминания о пашнях неджесов породили догадку о них как о социальном слое мелких землевладельцев, возможно, крестьян-общинников [Breasted, 1906, p. 259]. А поскольку слово вошло в обиход в пору смут Первого переходного периода, появление этого слоя свободных землевладельцев стали объяснять большей экономической свободой, будто бы наступившей после гибели централизованной бюрократической монархии Старого царства. Вместе с тем, с удивлением заметив, что «справными (iqr)» или «доблестными (qn)» неджесами себя называли даже высокопоставленные чиновники, некоторые египтологи предположили, что со временем слой неджесов «сумел выделить из себя верхушку, своего рода средний слой, зажиточный и влиятельный, который либо, в отдельных случаях, сливался со знатью, либо сделался настолько популярным, что вынудил знать, так сказать, рядиться под неджесов» [Берлев, 1978, с. 75; см. напр., Рубинштейн, 1948, с. 183–184]. Слыть преуспевающим простолюдином-неджесом в Среднем царстве будто бы стало так модно и престижно, что даже знатные вельможи принялись называть себя в кладбищенских жизнеописаниях «справными» или «доблестными» неджесами. И хотя эти предположения были высказаны в трудах по иным вопросам, так сказать, мимоходом, без специальных исследований содержания слова и без аргументированной полемики со «Словарем», к середине XX в. они составили communis opinio и в СССР даже вошли в вузовские учебники по истории древнего Востока (напр., [Авдиев, 1948, с. 193]).

Всестороннее исследование семантического содержания существительного неджес было предпринято лишь через полвека после выхода соответствующего тома «Словаря» — в монографии О. Д. Берлева «Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства» [Берлев, 1978, с. 73–125]. С исчерпывающей полнотой учтя контексты слова в Первом переходном периоде и Среднем царстве, автор показал полную безосновательность сложившейся «легенды о nDsw» [Берлев, 1978, с. 74].

Применительно к социальному аспекту значения слова Берлев установил, что «маленькие» — понятие относительное, связанное с конкретным положением говорящих о них: для человека со скромным общественным положением — это одни, для знатного — другие, и в том числе все эти средние. Стало быть, «маленькие люди» — это не определенный слой в египетском обществе, а все незначительные по своему общественному весу, все бедные, убогие и т.д. Существенного значения для социальной истории страны, следовательно, слово не имеет, и описывать социальную структуру Египта в подобных категориях так же трудно, как невозможно представить себе современные нам общества Запады в категориях «богатые» и «бедные», «слабые» и «сильные» и подобных» [Берлев, 1978, с. 89]. Таким образом, никакого особого «социального слоя» неджесов — «общинников», «свободных землевладельцев» и т.д. — в Египте не существовало.

В остальных же случаях слово употреблялось в тесно связанных «возрастном» и «воинском» аспектах его значения: «юноша», «молодой мужчина», «молодец», что во времена частых междоусобиц и разбойных нападений подразумевало также «защитник», «воин». В кладбищенских хвалебных самоаттестациях эпитеты nDs iqr и nDs qn указывают не на принадлежность к определенному социальному слою, а означают нечто вроде «справный парень» («добрый» молодец», «витязь»). Именно это, очень лестное, значение эпитетов привело к тому, что их охотно применяли к себе как люди среднего ранга, так и настоящие вельможи, скажем, номархи [Берлев, 1978, с. 101–119]. При этом О. Д. Берлев подтвердил наблюдение Ю.Я. Перепелкина, что распространение существительного nDs в письменности пришлось главным образом на смутное время — с конца Старого царства до окончательного восстановления централизованной монархии при Сенусерте I. Затем слово вышло из употребления вплоть до следующего времени смут — до Второго переходного периода [Берлев, 1978, с. 75–83].

Однако поскольку за рубежом фундаментальный труд О. Д. Берлева остался практически неизвестен¹, домыслы о неджесах продолжали множиться. В конце 80-х-90-е гг. XX в. А. Лоприено объяснил расцвет древнеегипетской литературы эпохи Среднего царства складыванием «класса «свободных граждан (a class of “free citizens”)» —неджесов. Владея земельными наделами и будучи поэтому «экономически независимыми», неджесы будто бы стремились к «интеллектуальной эмансипации (intellectual emancipation)», чем создавалась благоприятная среда и для литературного творчества [Loprieno, 1988, S. 86–88; 1991, p. 213; 1996, p. 545–546]. По существу, данная гипотеза была попыткой применить к Египту Среднего царства общеизвестную историческую схему вызревания идейных предпосылок буржуазных революций: складывание класса частных собственников и предпринимателей («третье сословие»), присущее им свободомыслие и т.д. Но как раз в силу привычности данной исторической модели суждения Лоприено многим показались убедительными — во второй половине 90-х гг. похоже писали Х. К. Морено-Гарсия, Р. Паркинсон, З. Моренц, и др.²

¹ Книга О. Д. Берлева была с купюрами переведена на французский язык на средства и для личного пользования Г. Андрё, которая затем дала прочитать её нескольким коллегам. К началу 1990-х гг. на эту работу Берлева за рубежом сколько-нибудь активно ссылались лишь С. Квёрк и Д. Франке.

² См. [Morenz, 1996, 107–109; Moreno García, 1997, p. 32–58; Parkinson, 1997, p.6].

О том, что гипотеза «социального слоя» неджесов давно опровергнута, большинство зарубежных египтологов узнало лишь в 1998 г., когда Д. Франке кратко пересказал по-немецки основные выводы О. Д. Берлева. В этой же статье Франке доказал их применимость к упоминаниям о неджесах, выявленным уже после выхода труда Берлева, и отметил беспочвенность догадок о существовании в Среднем царстве «класса» стремившегося к «интеллектуальной эмансипации» [Franke, 1998]. Последний тезис был вскоре поддержан С. Квёрком [Quirke, 2004, p. 38].

Однако и статья Д. Франке не привела ко всеобщему отказу от опровергнутой гипотезы, и после примерно десятилетнего замешательства ряд египтологов сочли возможным к ней вернуться³. Поразительная черта большинства таких публикаций состоит в том, что, уважительно упомянув статью Франке и не полемизируя с ней открыто, авторы затем повторяют отвергнутые в ней устаревшие домыслы. Р. Энмарч, к примеру, пишет: «In the Middle Kingdom nDs ('little man'), was a general term for a social level between the highest elite and the lower orders (Franke 1998c: 46)... who appears to have been free property owners...» [Enmarch, 2008, p. 78]. Между тем, на указанной странице статьи Франке написано прямо противоположное: «Dem Lexem nDs "der Kleine" kommt keine soziologisch exact definierbare Bedeutung als Bezeichnung einer Schicht oder Klasse zu» [Franke, 1998, S. 46]. В рецензии на книгу Энмарча С. Квёрк отметил это как недоразумение [Quirke, 2010, p. 404], но в действительности перед нами сложившаяся практика. Тоже сославшись на статью Франке, Х. К. Морено Гарсия затем определяет неджесов как «лиц, чьи средства к существованию не зависели от службы государству, не принадлежавших к элите, но при этом достаточно зажиточных для того, чтобы демонстрировать высокий социальный статус внутри своих сообществ». Повторяет Морено Гарсия и тезис о том, что «социальная и экономическая автономность» неджесов стала со временем столь престижной, что так стали называть себя даже высокопоставленные чиновники [Moreno García, 2016, p. 501–502; 2022, p. 70–72, 88].

Открыто вступить в полемику с Д. Франке пока решился только Э. Броварски — через двадцать лет после выхода упомянутой статьи Франке и уже после смерти её автора. И полемическая позиция Броварски, к сожалению, не выглядит ни убедительной, ни даже просто добросовестной. Достаточно отметить следующее:

(а) Д. Франке подчеркивал, что его суждения о неджесах основаны на исчерпывающем и детальном анализе данной проблемы в монографии О. Д. Берлева. Но подробно пересказать в статье все ее доводы, занимающие больше полусотни страниц, он, конечно, не мог, да и не счел нужным, полагая, что заинтересованные египтологи поспешат ознакомиться с этим трудом. Броварски, однако, книгу Берлева в этой связи даже не упоминает, представляя дело так, будто все имеющиеся аргументы против гипотезы «социального слоя» неджесов изложены только в статье Франке;

(б) но даже и аргументы, представленные в последней, Броварски объявляет слишком многочисленными для того, чтобы их проанализировать или хотя бы только пересказать⁴;

(в) в результате Броварски фактически замалчивает вывод Берлева и Франке о том, что в хвалебных самоаттестациях nDs iqr или nDs qn означало нечто вроде «справный парень», «добрый молодец», и уверяет читателей, будто социальное значение "citizen" является единственно мыслимым в подобных контекстах [Brovarski, 2018, p. 279–281];

(г) и даже главный вывод статьи искажен Броварски до полной противоположности. Франке полагал, что «неджес», «малый» может обозначать всех мужчин, стоящих социально ниже чиновной элиты, но выше класса рабов (bAk.w) и зависимых (mrjyt, nj-Dt)»

³ См. также [Stefanović, 2007, 226–228; Morenz, 2010, S. 519–521].

⁴ «His argumentation is too detailed to summarize here», — [Brovarski, 2018, p. 280].

(подчеркнуто мной, — А.Д.)⁵. Броварски же приписывает ему утверждение, что существительное неджес «могло обозначать всех людей, и социальную элиту гражданской службы, и класс рабов (bAk.w), и сервов, и вассалов (mrjyt, nj-Dt)» (подчеркнуто мной, — А.Д.)⁶. После этого, якобы нанося сокрушительный удар по аргументации Франке, Броварски пишет, что применительно к рабам и зависимым обозначение неджес не зафиксировано [Brovarski, 2018, p. 280, nt. 3].

Таким образом, часть египтологического сообщества остается верна гипотезе «социального слоя» неджесов несмотря на давно представленные доказательства её ошибочности. Чем объясняется такая косность?

Причины востребованности гипотезы «социального слоя» неджесов

Вопрос о причинах неоправданной востребованности устаревшей гипотезы был впервые поднят видными исследователями Среднего царства С. Квёрком и В. Граджетцки, связавшими это с особенностями социального положения западных египтологов. Будучи в большинстве своем выходцами из так называемого «среднего класса», некоторые из них затем делают престижную академическую карьеру, проникают в интеллектуальную элиту общества, и таким образом словно повторяют историю предполагаемого возвышения неджесов. По мнению Кверка и Граджетцки, в рассматриваемой гипотезе помимо прочего запечатлены «героизированные представления египтологов о самих себе (a heroic self-image of Egyptologists themselves)» [Quirke, 2004, p. 38; Grajetzki, 2020, 6–12].

Кроме того, В. Граджетцки отметил, что особенно после гибели «мировой системы социализма» в египтологическом сообществе возобладало неолиберальное мировоззрение, связывающее прогресс и величайшие достижения цивилизации с развитием рыночных отношений, индивидуальной свободы, предпринимательства т.д. [Grajetzki, 2020, 6–12; 2022, p. 897]. Для сторонников подобных воззрений естественно думать, что социальной предпосылкой выдающихся интеллектуальных достижений Среднего царства могло стать появление некоего экономически независимого «креативного класса». Гипотеза «социального слоя» неджесов идеально согласуется с таким предположением [Grajetzki, 2020, p. 25, nt. 92].

К этим объяснениям можно добавить, что большинство пишущих о неджесах зарубежных египтологов так и не дали себе труд изучить русскоязычную монографию О. Д. Берлева, раскрывающую ошибочность устаревшей гипотезы с максимальной полнотой. С последней трети XX в. резкий рост числа египтологических публикаций сделал почти невозможным исчерпывающее знакомство египтологов с литературой по всем аспектам исследования. Как сетовал еще в конце 1980-х гг. Е. С. Богословский, «это стало настоящим бичом нашей науки: непрерывно публикуются новые оригинальные и доказанные наблюдения, а в науку они не входят» [Богословский, 1991, p. 189, 193]. Естественно, что чаще других при этом игнорируются труды на непривычных для египтологии языках, в т.ч. на русском. Вдобавок к этому в последние десятилетия заметно укрепился стереотип ущербности наук о Древнем Востоке, в т.ч. египтологии, в странах социалистического лагеря⁷: подчеркивается «узость исследовательских подходов, навязанная сталинизмом и застойной марксистской традицией», отсутствие специализированных библиотек

⁵ «nDs "der Kleine" kann in diesem Kontext alle Männer bezeichnen, die sozial unter der Elite der Beamtenschaft und über der Klasse der "Sklaven (bAk.w)" und "Horigen" (mrjyt, nj-Dt) stehen...», — [Franke, 1998, S. 46].

⁶ «He concludes that nDs in this context can designate all men, both the socially elite of the civil service and the class of 'slaves' (bAk.w), serfs and vassals (Horigen) (mrjyt, ny-Dt)», — [Brovarski, 2018, p. 279–280].

⁷ См., напр., [Fitzenreiter, 2008, III–V; Haldon, 2006; cp. Grajetzki, 2020, 5, 9–12].

и доступа к крупнейшим собраниям египетских древностей и т.д. [Moreno García, 2011, 251–252]. Подобный снобизм, естественно, не побуждает западных ученых к прочтению русскоязычных трудов, и принцип “*rossica non leguntur*” остается неизблемым даже в эпоху электронных переводчиков.

Однако и это объяснение не выглядит достаточным, если учесть, что к гипотезе «социального слоя» неджесов прибегают и отечественные египтологи, с трудом Берлева несомненно знакомые [Прусаков, 2001, с. 114–115], и она даже вернулась в отечественные вузовские учебники [История, 2009, с. 177–178; Захаров, 2016, с. 95].

Приходится признать, что главной причиной востребованности гипотезы «социального слоя» неджесов является само крайне неудовлетворительное состояние египтологического историописания по социально-экономической проблематике III и первой половины II тысячелетия до н.э. В то время как общепринятые представления о задачах исторической науки требуют доказательных систематизированных описаний социально-экономического строя древней цивилизации и его развития от эпохи к эпохе, в действительности, ни источниками, ни знаниями достаточными для достижения этой цели, египтология пока не обладает. Как справедливо отметил один из патриархов современной египтологии Д. Б. Редфорд: «В то время как в других сферах историческое знание часто углубляется в деконструкцию, или пост-модернистские, или нео-марксистские подходы, египтология все еще поглощена изысканиями первичного уровня — публикацией и интерпретацией исходных свидетельств... Мы все еще очень далеки от того времени..., когда сможем позволить себе роскошь, усевшись поудобнее, обдумывать имеющиеся сведения, раскладывать их по полочкам, оценивать и затем встраивать их в некую сложившуюся историческую картину» [Redford, 2008, p. 23]. «Негласная мудрость гласит, — признается Д. Б. Редфорд, — что писать историю Египта преждевременно» [Redford, 2008, p. 25], и это мнение особенно справедливо применительно к социально-экономической проблематике III и первой половины II тысячелетия до н.э. [Helck, 1975, S. VII; Luft, 2019, S. 631–632].

Прийти к сколько-нибудь надежно доказанным выводам позволяет главным образом лексикографический анализ социально-профессиональной терминологии этого времени, но его результаты пока совершенно недостаточны для создания синтетической обобщающей картины (ср. [Bolshakov, 2021, 367]). Даже осуществив блестящее лексикографическое исследование ключевых социально-профессиональных обозначений трудового населения Среднего царства, О. Д. Берлев был вынужден признать, что «доступный нам материал все еще скуден и слишком разнокалиберен, чтобы дать нам полную картину... Многие важные аспекты пока остаются невыясненными, и видимо будут оставаться такими более или менее продолжительное время» [Берлев, 1972, с. 5]. Показательно также, что, с небывалой тщательностью рассмотрев в двух монографиях все письменные источники, так или иначе затрагивающие социальный слой «царских *Hmw*», О. Д. Берлев так и не опубликовал запланированную третью книгу, в которой «проблема этого социального разряда будет исчерпана» [Берлев, 1978, с. 329]. На принципиальную ограниченность возможностей лексикографических исследований древнеегипетской социально-профессиональной терминологии указывал Е. С. Богословский, отметив, что «египтяне по уровню общественного самосознания и строю мышления не могли охватить всю социально-экономическую структуру общества в целом, а тем более — её механику и развитие» [Богословский, 1979, с. 147].

В этих условиях египтолог, желающий или вынужденный создать сколько-нибудь обобщённое описание социально-экономического строя Египта Старого или Среднего царства обычно вынужден трактовать имеющиеся данные и восполнять их нехватку на основе сопоставлений с другими цивилизациями, «изоощренных методов и теорий, заимствованных из социальных наук»⁸ — иными словами, прибегать ко множеству допущений

⁸ [Moreno García 2018a, p. 10, 187–202; 2018b].

и предположений. В результате, как подчеркивают К. Эйр и В. Граджетски, в подобных описаниях находит отражение не столько социальный строй древнего общества, сколько особенности мировоззрения и научного кругозора их авторов [Eyre, 1999, p. 34; Grajetzki, 2020, p. 19]. К примеру, с 1990-х гг. Египту Среднего и Нового царства стали приписывать «докапиталистическую рыночную экономику» [Warburton, 1997, p. 103, 108, 129, 300] и даже «зарождающийся капитализм» с «наемным трудом», «производством продукции на рынок» и т.д. [Warburton, 1997, p. 80; Moreno García 2018b; Grajetzki 2020, p. 10].

Для многих таких описаний социального строя Среднего царства гипотеза «социального слоя» неджесов имеет ключевое значение, так что её утрата будет для них невозможна. Вместе с тем, ученым с подобными исследовательскими установками кажется допустимым пользоваться гипотезами и концептами без доскональной проверки их достоверности на материале всех доступных источников. Можно поэтому ожидать, что даже после доказательных опровержений, гипотеза «социального слоя» неджесов еще долго будет повторяться в египтологических публикациях напоподобие нескончаемой «сказки про белого бычка».

Список литературы

1. Авдиев В. И. История Древнего Востока. М.: Государственное издательство политической литературы, 1948.— 588 с.
2. Берлев О. Д. Трудовое население Египта эпохи Среднего царства. М.: Наука, 1972.— 364 с.
3. Берлев О. Д. Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М.: Наука, 1978.— 366 с.
4. Богословский Е. С. «Слуги» фараонов, богов и частных лиц. М.: Наука, 1979.— 236 с.
5. Богословский Е. С. M. Gutgesell. Die Datierung der Ostraka und Papyri aus Deir el-Medineh und ihre ökonomische 1 Interpretation. Hildesheim, 1981; M. L. Bierbrier. The tomb-builders of the Pharaohs. New York, 1984; D. Valbelle. «Les ouvriers de la tombe». Deir el-Médineh a l'époque ramesside. Paris, 1985; R. Ventura. Living in a city of the dead. Freiburg, Schweiz; Göttingen, 1986 // Вестник древней истории. 1991. № 1. С. 188–198.
6. Захаров А. О. История Древнего Востока. Курс лекций. М.: НОЧУ ВПО «Ин-т стран Востока», Ин-т востоковедения РАН, 2016.— 286 с.
7. История Древнего Востока: учебное пособие для вузов / М. Д. Бухарин, И. А. Ладынин, Б. С. Ляпустин, А. А. Немировский; под ред. Б. С. Ляпустина. М.: Дрофа, 2009.— 623 с.
8. Прусаков Д. Б. Раннее государство в Древнем Египте. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2001.— 176 с.
9. Рубинштейн Р. И. Внутренняя политика фараона Ахтоя Уахкара // Вестник древней истории. 1948. № 4. С. 177–187.
10. Anthes R. Die Felseninschriften von Hatnub nach den Aufnahmen G. Möllers. Leipzig: Hinrichs, 1928. 120 S., 33 Taf.
11. Breasted J. H. Ancient Records of Egypt: historical documents from the earliest times to the Persian conquest. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1906. Vol. 1. 400 p.
12. Bolshakov A. O. Russia // The History of World Egyptology / Ed. A. Bernadski, A. Dodson, S. Ikram. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 354–368.
13. Brovarski E. Naga ed-Dêr in the First Intermediate Period. Atlanta, GA: Lockwood Press, 2018. 656 p., 77 pl.

14. Eyre C. The village economy in Pharaonic Egypt // *Agriculture in Egypt: From Pharaonic to Modern Times* / Ed. A. Bowman and E. Rogan. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 33–60.
15. Fitzenreiter M. Vorwort des Herausgebers // Andrassy P. *Untersuchungen zum ägyptischen Staat des Alten Reiches und seinen Institutionen*. London: Golden House Publications, 2008. S. I–VIII.
16. Franke D. Kleiner Mann (nDs) — was bist Du? // *Göttinger Miszellen*. Beiträge zur ägyptologischen Diskussion. 1998. Ht. 167. S. 33–48.
17. Graetzki W. The People of the Cobra Province in Egypt. Oxford: Oxbow Books, 2020. 278 p.
18. Grajetzki W. Egypt's Middle Kingdom: Perspectives on Culture and Society // // *The Oxford History of the Ancient Near East*. Vol. II / Ed. K. Radner, N. Moeller, D. T. Potts. New York: Oxford University Press, 2022. P. 854–924.
19. Haldon J. The Paths of History, Igor M. Diakonoff // *Historical Materialism*. 2006. Vol. 14. P. 169–201.
20. Helck W. *Wirtschaftsgeschichte des Alten Ägypten im 3. Und 2. Jahrtausend vor Chr.* Leiden; Köln: Brill, 1975. VII, 307 S.
21. Loprieno A. Topos und Mimesis: Zum Ausländer in der ägyptischen Literatur. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1988. VIII, 125 S.
22. Loprieno A. The Sign of Literature in the Shipwrecked Sailor. Religion und Philosophie im Alten Ägypten. Festgabe für Philippe Derchain zu seinem 65 Geburtstag am 24. Juli 1991 / Hrg. U. Verhoeven, E. Graefe. Leuven: Department oriëntalistiek; Uitgeverij Peetres, 1991. P. 209–218.
23. Loprieno A. Loyalty to the King, to God, to Oneself // *Studies in Honor W. K. Simpson* / Ed. P. Der Manuelian. Boston: Museum of Fine Arts, 1996. Vol. II. P. 533–552.
24. Luft U. Die Sozialstruktur der unteren Bevölkerungsschicht im Mittleren Reich // *En detail — Philologie und Archäologie im Discurs*. Festschrift für Hans-Werner Fischer-Elfert // Hrg. M. Brose, P. Dils, F. Naether, L. Popko, D. Raue. Berlin; Boston: de Gruyter, 2019. S. 631–674.
25. Moreno García J. C. Études sur l'administration, le pouvoir et l'idéologie en Égypte, de l'Ancien au Moyen Empire. Liège: C.I.P.L., 1997. IV, 174 p.
26. Moreno García J. C. Dienstverpflichtung im Alten Ägypten während des Alten und Mittleren Reiches by Ingelore Hafemann // *Journal of Egyptian Archaeology*. 2011. Vol. 97. P. 251–253.
27. Moreno García J. C. Social inequality, private accumulation of wealth, and new ideological values in late 3rd millennium BC Egypt // *Rich and Poor — competing for resources in prehistoric societies: 8th Archeological Conference of Central Germany October 22–24, 2015 in Halle (Saale)* / Ed. H. Meller, H. P. Hahn, R. Jung, R. Risch. Halle (Saale): Landesamt für Denkmalpflege und Archäologie Sachsen-Anhalt — Landesmuseum für Vorgeschichte Halle (Saale), 2016. P. 491–512.
28. Moreno García J. C. *The State in Ancient Egypt*. London; New York; Oxford; New Dehli; Sydney: Bloomsbury Academic, 2018. 232 p.
29. Moreno García J. C.: Warburton, D.A. — The Fundamentals of Economics. Lessons from the Bronze Age Near East, Grand-Saconnex, 2016 // *Bibliotheca Orientalis*. 2018. Bd. 74. S. 59–65.
30. Moreno García J. C. Egypt in the First Intermediate Period // *The Oxford History of the Ancient Near East*. Vol. II / Ed. K. Radner, N. Moeller, D. T. Potts. New York: Oxford University Press, 2022. P. 47–120.

31. Morenz L. Beiträge zur Schriftlichkeitskultur im Mittleren Reich und in der 2. Zwischenzeit. Wiesbaden: Harrassowitz, 1996. 245 S.
32. Morenz L. Die Zeit der Regionen im Spiegel der Gebelein-Region. Leiden: Brill, 2010. XX, 685 S.
33. Parkinson R. B. *The Tale of Sinuhe and Other Ancient Egyptian Poems 1940–1640 BC*. Oxford: Oxford University Press, 1997. 298 p.
34. Quirke S. *Egyptian literature 1800 BC: questions and readings*. London: Golden House Publications, 2004. 226 p.
35. Quirke S. A World Upturned: Commentary on and Analysis of The Dialogue of Ipuwer and the Lord of All by Roland Enmarch // *Orientalia*. 2010. T. 79. P. 401–407.
36. Redford D. B. *History and Egyptology// Egyptology Today* /Ed. R. H. Wilkinson. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2008. P. 23–35.
37. Stefanović D. DAMw in the Middle Kingdom // *Lingua Aegyptia*. 2007. Vol.15. P. 217–229.
38. Warburton D. A. State and economy in ancient Egypt: fiscal vocabulary of the New Kingdom. Freiburg: University Press; Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1997. 380 p.
39. *Wörterbuch der aegyptischen Sprache im Auftrage der Deutschen Akademien* / Hrg. A. Erman und H. Grapow. Bd. II. Leipzig: Hinrichs'sche Buchhandlung, 1928. 506 S.

References

1. Anthes R. *Die Felseninschriften von Hatnub nach den Aufnahmen G. Möllers*. Leipzig: Hinrichs' Publ., 1928. 120 S., 33 Taf. (in German).
2. Avdiev V. I. *The History of the Ancient East*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1948. 588 p. (in Russian).
3. Berlev O. D. *The Working Population of Egypt in the Middle Kingdom*. Moscow: Nauka Publ., 1972. 364 p. (in Russian).
4. Berlev O. D. *The Social Relations in Egypt in the Middle Kingdom*. Moscow: Nauka Publ., 1978. 366 p. (in Russian).
5. Breasted J. H. *Ancient Records of Egypt: historical documents from the earliest times to the Persian conquest*, vol. 1. Chicago, University of Chicago Press, 1906. 400 p.
6. Bolshakov A. O. Russia. *The History of World Egyptology* / Ed. A. Bernadski, A. Dodson, S. Ikram. Cambridge, Cambridge University Press, 2021, pp. 354–368.
7. Bogoslovskii E.S. 1979: *Servants' of Pharaohs, Gods and Private Persons*. Moscow: Nauka Publ., 1979. 236 p. (in Russian).
8. Bogoslovskiy E.S. M. Gutgesell. Die Datierung der Ostraka und Papyri aus Deir el-Medineh und ihre ökonomische Interpretation. Hildesheim, 1981; M. L. Bierbrier. The tomb-builders of the Pharaohs. New York, 1984; D. Valbelle. «Les ouvriers de la tombe». Deir el-Médineh a l'époque ramesside. Paris, 1985; R. Ventura. Living in a city of the dead. Freiburg, Schweiz; Göttingen, 1986. *Vestnik drevnei istorii*, 1991, no. 1, pp.188–198 (in Russian).
9. Brovanski E. *Naga ed-Dêr in the First Intermediate Period*. Atlanta, GA: Lockwood Press, 2018. 656 p., 77 pl.
10. Bukharin M.D., Ladynin I. A., Liapustin B. S., Nemirovskii A. A. *The History of the Ancient East: study guide for universities*. Ed. B. S. Liapustin. Moscow: Drofa Publ., 2009. 623 p. (in Russian).
11. Eyre C. The village economy in Pharaonic Egypt. *Agriculture in Egypt: From Pharaonic to Modern Times* / Ed. A. Bowman and E. Rogan. Oxford: Oxford University Press, 1999, pp. 33–60.

12. Fitzenreiter M. Vorwort des Herausgebers // Andrassy P. *Untersuchungen zum ägyptischen Staat des Alten Reiches und seinen Institutionen*. London: Golden House Publications, 2008, pp. I–VIII. (in German)
13. Franke D. Kleiner Mann (nDs) — was bist Du? *Göttinger Miszellen. Beiträge zur ägyptologischen Diskussion*, 1998, Ht. 167. pp. 33–48 (in German).
14. Graetzki W. *The People of the Cobra Province in Egypt*. Oxford: Oxbow Books, 2020. 278 p.
15. *Graetzki W. Egypt's Middle Kingdom: Perspectives on Culture and Society // // The Oxford History of the Ancient Near East. Vol. II / Ed. K. Radner, N. Moeller, D. T. Potts. New York: Oxford University Press, 2022. P. 854–924.*
16. Haldon J. The Paths of History, Igor M. Diakonoff // *Historical Materialism*, 2006, vol. 14, pp. 169–201.
17. *Helck W. Wirtschaftsgeschichte des Alten Ägypten im 3. Und 2. Jahrtausend vor Chr.* Leiden; Köln: Brill, 1975. VII, 307 S.
18. Loprieno A. *Topos und Mimesis: Zum Ausländer in der ägyptischen Literatur*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Publ., 1988. VIII, 125 p. (in German).
19. Loprieno A. The Sign of Literature in the Shipwrecked Sailor. *Religion und Philosophie im Alten Ägypten. Festgabe für Philippe Derchain zu seinem 65 Geburtstag am 24. Juli 1991 / Hrg. U. Verhoeven, E. Graefe*. Leuven, Department orientalistiek; Uitgeverij Peetres, 1991, pp. 209–218.
20. Loprieno A. Loyalty to the King, to God, to Oneself. *Studies in Honor W. K. Simpson / Ed. P. Der Manuelian*. Boston, Museum of Fine Arts, 1996, vol. II, pp. 533–552.
21. *Luft U. Die Sozialstruktur der unteren Bevölkerungsschicht im Mittleren Reich // En detail — Philologie und Archäologie im Discurs. Festschrift für Hans-Werner Fischer-Elfert // Hrg. M. Brose, P. Dils, F. Naether, L. Popko, D. Raue*. Berlin; Boston: de Gruyter, 2019. S. 631–674.
22. Moreno García J. C. *Études sur l'administration, le pouvoir et l'idéologie en Égypte, de l'Ancien au Moyen Empire*. Liège, C.I.P.L. Publ., 1997. IV, 174 p. (in French).
23. Moreno García J. C. Dienstverpflichtung im Alten Ägypten während des Alten und Mittleren Reiches by Ingelore Hafemann. *Journal of Egyptian Archaeology*, 2011, vol. 97, pp. 251–253.
24. Moreno García J. C. Social inequality, private accumulation of wealth, and new ideological values in late 3rd millennium BC Egypt // *Rich and Poor — competing for resources in prehistoric societies: 8th Archeological Conference of Central Germany October 22–24, 2015 in Halle (Saale) / Ed. H. Meller, H. P. Hahn, R. Jung, R. Risch*. Halle (Saale): Landesamt für Denkmalpflege und Archäologie Sachsen-Anhalt — Landesmuseum für Vorgeschichte Halle (Saale), 2016, pp. 491–512.
25. Moreno García J. C. *The State in Ancient Egypt*. London; New York; Oxford; New Delhi; Sydney, Bloomsbury Academic, 2018. 232 p.
26. Moreno García J. C. Warburton, D.A. — The Fundamentals of Economics. Lessons from the Bronze Age Near East, Grand-Saconnex, 2016. *Bibliotheca Orientalis*, 2018, vol. 74, pp. 59–65.
27. *Moreno García J. C. Egypt in the First Intermediate Period // The Oxford History of the Ancient Near East. Vol. II / Ed. K. Radner, N. Moeller, D. T. Potts*. New York: Oxford University Press, 2022. P. 47–120.
28. Morenz L. *Beiträge zur Schriftlichkeitskultur im Mittleren Reich und in der 2. Zwischenzeit*. Wiesbaden, Harrassowitz Publ., 1996. 245 p. (in German).
29. Morenz L. Die Zeit der Regionen im Spiegel der Gebelein-Region. Leiden, Brill, 2010. XX, 685 p. (in German).

30. Parkinson R. B. *The Tale of Sinuhe and Other Ancient Egyptian Poems 1940–1640 BC*. Oxford, Oxford University Press, 1997. 298 p.
31. Prusakov D. B. *The Early State in Ancient Egypt*. Moscow, Institut vostokovedeniia RAN, 2001. 176 p.
32. Quirke S. *Egyptian literature 1800 BC: questions and readings*. London: Golden House Publications, 2004. 226 p.
33. Quirke S. A World Upturned: Commentary on and Analysis of The Dialogue of Ipuwer and the Lord of All by Roland Enmarch. *Orientalia*, 2010, vol. 79, pp. 401–407.
34. Redford D. B. History and Egyptology // *Egyptology Today / Ed. R. H. Wilkinson*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2008, pp. 23–35.
35. Rubinshtein R. I. The Internal Policy of Pharaoh Akhtoi Wahkara. *Vestnik drevnei istorii*, 1948, no. 4, pp. 177–178 (in Russian).
36. Stefanović D. DAMw in the Middle Kingdom. *Lingua Aegyptia*, 2007, vol.15, pp. 217–229.
37. *Warburton D. A. State and economy in ancient Egypt: fiscal vocabulary of the New Kingdom*. Freiburg: University Press; Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1997. 380 p.
38. *Wörterbuch der aegyptischen Sprache im Auftrage der Deutschen Akademien / Hrsg. A. Erman und H. Grapow*. Bd. II. Leipzig: Hinrichs'sche Buchhandlung, 1928. 506 S.
39. Zakharov A. O. *The History of the Ancient East. Lecture course*. Moscow: NOChU VPO “Institut stran Vostoka”, Institut vostokovedeniia RAN, 2016. 286 p.

Информация об авторе

Аркадий Евгеньевич Демидчик — доктор исторических наук, профессор кафедры Древнего Востока Санкт-Петербургского государственного университета; профессор кафедры всеобщей истории Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Email: a.demidchik@spbu.ru

Author's information

Arkadiy E. Demidchik — Dr. Sci. in History, Professor at the Department of History of the Ancient East Countries, St. Petersburg State University; Professor at the Department of General History, Novosibirsk National Research State University.

Email: a.demidchik@spbu.ru

Наименования черепах и голубей в шумерских и аккадских клинописных текстах¹

Аннотация: В статье рассмотрены проблемы и методология идентификации бионимов, засвидетельствованных в текстах на шумерском и аккадском языках, на примере наименований черепах и голубей. Для выявления компонентов значения бионимов могут привлекаться источники, дающие прямые или косвенные указания на характеристики растения или животного (особенности внешнего вида, поведения, среды обитания и др.), и источники, в определенном смысле классифицирующие представителей фауны и флоры (лексические списки и списки описаний животных и растений). В текстах, написанных на шумерском языке, засвидетельствован целый ряд наименований черепахи, разграничить семантику которых не представляется возможным. В аккадском языке два основных термина — *šeleppû* и *raqqu* — разграничивались, вероятно, в первую очередь по внешним признакам и в меньшей степени по месту обитания животных. Три основных аккадских лексемы, обозначающих виды голубей, — *summatu*, *sukannīnu*, *uršānu/amuršānu*. Их шумерскими эквивалентами являются tum_{12} , $tum_{12}-gur_4$ и $ir_7saĝ/amar-saĝ$, соответственно. Большинство других наименований (как аккадских, так и шумерских) засвидетельствованы только в лексических списках и являются орфографическими или фонетическими вариантами данных терминов. Конкретизирующими семами для аккадских и шумерских терминов в данном случае могли быть следующие: возможность одомашнивания, размер особи, биотоп. По последнему критерию *uršānu*, по-видимому, отличается от своего шумерского эквивалента, что может указывать на наличие семантических сдвигов. Библиография: 30 наименований.

Ключевые слова: бионимы, аккадский язык, шумерский язык, лексические списки, черепахи, голуби

Turtle and Dove names in Sumerian and Akkadian cuneiform texts

Summary: This paper deals with the problems and methods of identification of plant and animal names attested in Sumerian and Akkadian texts by the case of turtle and dove names. The components of meaning are identified using sources that give direct or indirect indications of the characteristics of the plant or the animal (aspects of appearance, behaviour, habitat, etc.) as well as classification sources (lexical lists and descriptive texts). In Sumerian, several turtle names are attested, yet it is hard to distinguish between their semantics. The two main Akkadian terms, *šeleppû* and *raqqu*, were probably distinguished primarily by external features and to a lesser extent by the habitat of the animals. The three main Akkadian lexemes for dove species are *summatu*, *sukannīnu* and *uršānu/amuršānu*. Their Sumerian equivalents are tum_{12} , $tum_{12}-gur_4$ and $ir_7saĝ/amar-saĝ$, respectively. Most of the other known lexemes (Akkadian as well as Sumerian) are attested only in lexical lists and are spelling or phonetic variants of these names. The differentiating semes of Akkadian and Sumerian lexemes are the possibility of domestication, size, and biotope. *uršānu* seems to differ from its Sumerian equivalent on the last criterion, which may indicate semantic shifts. (Refs 30.)

Keywords: plant and animal names; Akkadian language; Sumerian language; lexical lists; turtles; doves

¹ Научная публикация выполнена при поддержке Ассоциации выпускников СПбГУ.

Идентификация и соответственно перевод многих шумерских и аккадских бионимов представляют немалую трудность по нескольким причинам. Во-первых, известно лишь несколько случаев употребления той или иной лексемы, часто в затруднительных для понимания контекстах; могут отсутствовать какие-либо источники и конкретные описания, которые могли бы дать конкретизирующие семы, то есть признаки, компоненты значения. Во-вторых, наблюдаются различия в семантике возможных когнатов в других семитских языках, где тождественные лексемы — в ряде случаев, вероятно, заимствования — развивали собственное значение². В-третьих, отсутствуют адекватные эквиваленты в современных языках по причине различия между научной картиной мира и языком обывателя, между текстами разных жанров и периодов; схожая проблема наблюдается повсеместно и в современных живых языках³. В-четвертых, писцовая традиция в Месопотамии была чрезвычайно консервативна: тексты многих жанров, особенно литературные произведения и лексические списки, копировали на протяжении многих столетий, нередко воспроизводя устаревшие или изменившие свое значение термины⁴.

Привлекаемые для идентификации бионимов в шумерском и аккадском языках источники можно поделить на три следующие группы. **Первую группу** составляют те источники, где лексема употреблена в определенном контексте и имеются прямые указания на характеристики животного или растения, в частности: места распространения, особенности внешнего вида и поведения (например, цвет, характерный звук или суточные циклы), а также образ в культуре. Сведения такого рода можно почерпнуть, прежде всего, из литературных памятников (художественных текстов). В текстах исторического содержания, в том числе в царских надписях, бионимы можно встретить, например, при описании царских военных походов⁵. Конкретизирующие семы можно выявить благодаря медицинским текстам (часто в сравнениях, описывающих симптомы), заклинаниям и текстам предсказаний.

Среди литературных произведений одним из важнейших источников в изучении бионимов в аккадском языке оказывается 5-я таблица стандартной версии Эпоса о Гильгамеше (1-я пол. 1-го тыс. до н.э.). Она содержит подробное описание флоры и фауны Кедрового леса, куда прибывают главные герои Гильгамеш и Энкиду. Это описание, ставшее по большей части известным благодаря опубликованному лишь в 2014 г. списку MS ff, включает сцену «птичьего базара» с перечислением различных кричащих, щебечущих и стрекочущих животных [Al-Rawi, George 2014]. В целом в 5-й таблице, занимающей 300 строк, к бионимам можно отнести 21 лексему, из которых 15 употребляются по одному разу, 5 по два раза, и слово «кедр» (акк. *erēnu*) 11 раз.

Ко **второй группе** клинописных источников можно отнести так наз. лексические списки и описания животных и растений. В лексических списках, как правило, не приводится

² Ср. акк. *zizānu* «цикада, сверчок», араб. *زيزان* *zīzān* (мн.ч. *زيزان* *zīzān*) «цикада» в противоположность др.-евр. *zīz* (собирательный термин для мелких животных, живущих в поле) [SED II: 324].

³ Например, в севернорусских говорах наблюдается четкое противопоставление наименований слепня и овода, в меньшей степени свойственное литературному словоупотреблению; при этом в одних севернорусских диалектах дериваты с корнем *слеп-* используются для наименования слепня, в то время как в других — для наименования овода [Попов, 2008].

⁴ Таковы многие тексты 1-го тыс. до н.э.: например, серия лексических списков Ura = *hubullu*, первая редакция которой сохранилась в копиях старовавилонского периода (1-я пол. 2-го тыс. до н.э.) [Veldhuis 2014: 149], или некоторые сюжеты в так наз. стандартной версии Эпоса о Гильгамеше, основанные на редакции старовавилонского периода [George 2003: 17–22].

⁵ Ср., например, Sg. II 065 (Письмо царя Саргона II богу Ашшуру), стк. 26: *ibilē imērē bilti kīma turāhī tarbīt šadi ištaḥḥīū zuqtīša* «верблюды (и) тягловые ослы перепрыгивали ее (горные) вершины, словно козлы-*turāhu*, выросшие в горах»; стк. 135: *šēri kīdi bamāte ašruba illūriš* «(их кровью, словно рекой, я залил ущелья и пропасти,) степь, равнину, поле я окрасил красным, будто растением-*illūru*» [RINAP 2: Q006546].

описание животного или растения, однако бионим чаще всего отнесен к определенной группе видов, подобно современным таксономическим системам. Бионимы представлены, главным образом, в двуязычных лексических списках, где аккадские лексемы указаны наряду с шумерскими лексическими эквивалентами⁶, или таких, где они сопровождаются аккадскими синонимами. Также названия животных и растений могут упоминаться в списках знаков, где приводится название шумерского знака и его аккадское прочтение. В лексических списках термины сгруппированы по тому или иному принципу: по схожести звучания, написания или означаемого [Cavigneaux 1980–1983; Veldhuis 2014: 6–14]. В серии лексических списков, условно называемой по первой строке Ura = *hubullu* (также Ur₅-ra или H₂AR-ra = *hubullu*, сокр. Ura или H₂h.), растения делились, прежде всего, на деревья (*giš*, Ura III), тростники (*gi*, Ura VII–IX), травы (*ú*) и «садовые» растения, т.е. сельскохозяйственные культуры (SAR, Ura XVII); в других лексических списках представлены в основном сельскохозяйственные культуры или лечебные растения [Stol 2003–2005: 503]. Животные в соответствующих лексических списках классифицируются по трем основным признакам: по среде обитания (биотопу), функции и внешнему сходству. С точки зрения биотопа, объединялись обитатели неба и воды. Так, перечни бионимов под леммой *mušēn* (шум. «птица») и *ku₆* (шум. «рыба») собраны в Ura XVIII, отдельно от млекопитающих, рептилий и членистоногих, которые объединены в сборник Ura XIII–XIV. По функции различаются, прежде всего, домашние (Ura XIII) и дикие (Ura XIV) животные; кроме того, в целом в клинописи можно выделить группу составных шумерограмм для обозначения тягловых животных с первым элементом *anše* (шум. «осел»), например, *anše.kur.ra* «лошадь» (досл. «осел гор», то есть «чужой страны») и *anše.a.ab.ba* «(одногорбый) верблюды» (досл. «осел моря», то есть Приморья, с побережья Персидского залива). По принципу морфологического сходства многие животные в Ura XIV объединены в группы, среди которых: *muš* «змеи» (включая угрей, стк. 2–46), *am* «быки» (включая слонов, стк. 48–56), *ur* и *nig* «собаки» (включая больших кошек, стк. 61–103), *sa-a* (малые) «кошки» (стк. 108–115), *šaḥ* «кабаны, свиньи» (стк. 159–180), *reš* «мышь» (стк. 184–199), *buru₅* «саранча» (стк. 227–244) и другие [Streck 2014: 17; MSL 8/2: 7–43].

Помимо лексических списков известно несколько примеров систематических описаний представителей флоры и фауны на аккадском языке. Описания растений содержатся в тринадцати сохранившихся лишь частично списках серии *Šammu šikinšu* (акк. «Растение, его форма») ⁸. Тексты этой серии, как и серий *Abnu šikinšu* (акк. «Камень, его форма»), *Uruanna*⁹ и некоторых других, представляли собой, вероятнее всего, практическое руководство для лекарей и изгоняющих злых духов экзорцистов. В текстах серии *Šammu šikinšu* приведены краткие описания внешнего вида растения и его особенностей (часто в виде сравнения одних растений с другими): корней, плодов, цветений, побегов, семян, листьев, ветвей, «оружия» (*giš.tukul*), усиков, кожицы, сока, смолы; кроме того, нередко указывается применение растения [Stol 2003–2005: 505; Böck 2015: 25–26; Stadhouders 2011]. Так, например, описывается растение *sikillu*, I 46'–47': *šammu [šikinšu] arātūšu kīma ḥašḥūr-āpi*

⁶ Вероятно, эти шумерские эквиваленты могли быть построены искусственно и не являлись реально существовавшими в обиходе шумерскими словами (подобно латинским наименованиям в современной научной классификации), ср. Ura XIV 234: *buru₅.id.da = ku-li-lum* [MSL 8/2: 28] «(шум.) «саранча реки» = (акк.) подёнка».

⁷ Детерминативом «птица» в клинописных текстах нередко сопровождаются обозначения летучих мышей, а детерминативом «рыба» термины для черепах и жаб; тем не менее, многие водные животные упоминаются и среди сухопутных в сборнике Ura XIV [Streck 2014: 17].

⁸ Согласно Э. Райнер, *šikinšu* указывает скорее на «природу», чем на «форму», так как описания могут затрагивать не только внешний вид растения, но и его практическое применение [см. Mirelman 2015: 170].

⁹ Серия лексических списков, в которых перечислены виды лечебных растений, условно называется по первой строке *ú.uru-an-na = ú.maštaka* («мыльнянка») [Cavigneaux 1980–1983: 630].

*sur[ru]rā in[ib]šu kīma i[nib ...] / šammu šū sikillu šumšu šammi tēlilt[u šammi kišp]ī pašāri ina ūm-b[ubbuli ki.min⁹] [Stadhouders 2011: § 19’] «растение, [его форма:] его листья словно листья растения *hašhūr-āpi* (досл. «тростниковое яблоко») свисает⁹, его плод словно плод [...] / название этого растения — *sikillu*, растение для очищения¹⁰, [растение для] снятия [колдовства], в день новолуния [(применяется) так же⁹]». Для животных известен только один подобный памятник (K.4206+), содержащий список видов птиц и два коротких списка описаний BALAĜ *šikinšu* и *Šēru šikinšu* («Птица» и «Змея, ее форма») [Mirelman 2015].*

К **третьей группе** можно отнести тексты, которые содержат лишь косвенные указания на характеристики животных и растений. Упоминания бионимов в административно-хозяйственных документах и письмах, как правило, лишены подробных описаний упоминаемых животных или растений, но могут содержать важную информацию о его использовании и роли в социально-экономической сфере. Что касается археоботаники, археозоологии, а также изобразительных источников, то такие данные могут быть использованы при отождествлении бионимов лишь отчасти: остатки многих видов животных (например, насекомых) и растений не могли сохраниться, а изображения (например, на рельефах из ассирийских дворцов) часто носят схематичный характер. Кроме того, подобные материальные свидетельства по большей части невозможно сопоставить с текстовыми данными.

Наименования черепах в клинописных текстах

При небольшом видовом разнообразии черепах в Месопотамии в шумерских текстах засвидетельствован целый ряд наименований для этих животных. Прежде всего, это лексема *ba*, среди других наименований — *ba-za*, *ba-al-gi*¹¹, *(ba-)gír-LAGAB* и *ba-ús*, а также *SU-ŪH*; с конца 3-го тыс. до н.э. используется также термин *níg-bún-na*¹² [Weszeli 2009: 179; MSZ: s.v. *ba*]. Употребление перечисленных лексем в шумерских текстах нельзя назвать последовательным, поэтому определить конкретизирующие семы для этих шумерских зоонимов остается на данный момент практически невозможным. В шумерском литературном произведении «Цапля и черепаха» внешность черепахи *níg-bún-na* сравнивается со змеей, ее укус похож на укус щенка, ее лапы маленькие, (стк. 51–55//91–95¹³), она ловит рыбу, разбивает чужие яйца, набрасывается на карпов и жаб (стк. 26–31). Черепаха живет в огородах (стк. 57) и любит проводить время в грязи; вероятно, в связи с этим она сравнивается с «кирпичом (в/из) печи (для обжига)» (стк. 56//96: sig₄ *udun-na*), с «мотыгой, что проводит время в земле» (стк. 58//98: *ġiš.al-gin₇ im-ma ud zal-la*) и с «немытой пыльной корзиной (для переноски глины)» (стк. 59//99: *ġiš.dusu sahar-ġa nu-luġ-ġa*) [Афанасьева, 1997: 317; ETCSL: 5.9.2].

В аккадском языке известны два основных термина для черепах: *šeleppû* и *raqqu*¹⁴, которые в основном соответствуют шумерским *níg-bún-na*.(*ku*₆) и *bal-gi/ba-al-gi*.(*ku*₆). В двуязычном лексическом списке Ура XIV виды черепах представлены после группы «ящериц» (шум. *eme*) и перед ракообразными; *muš.níg.bún.na = šeleppû* упоминается также в другой части списка среди представителей большой группы «змей»-*muš*. Вместе

¹⁰ Название растения *sikillu*, вероятно, восходит к шум. *sikil* «чистый» (= акк. *ellu*).

¹¹ Варианты написания: *bal-gi*, *ba-al-gu₇*, *ba-al-gi*.(*ku*₆), *ba-gi* [ePSD2: <http://oracc.org/epsd2/o0024887>].

¹² ES *še-en-bún-na*, *áġ-bún-na* [MSZ: s.v. *níg-bún-na*].

¹³ *igi-ni-ta igi muš-a-ke₄ ... / ka-ga₄-ni ka muš-a-ke₄ ... / eme-ni eme muš-a-ke₄ ... / gug-ni gug ur tur-ra-ke₄ / šu sal-sal-e me-[ri] sal-sal-e* [ETCSL: 5.9.2].

¹⁴ Ср. араб. سُلْحَفَاءُ (*sulḥafāt*-) «черепаха» и رَقْقٌ (*raqq*-) «(большая) черепаха» и их варианты [SED II: 252, 265–266].

с тем *šeleppû* встречается среди «рыб»-*ku*₆ (Ura XVIII)¹⁵. Сохранившийся отрывок серий *Šēru šikinšu* и *BALAĜ šikinšu* («Змея, ее форма» и «Птица, ее форма») содержит мало-понятное описание некоего животного *muš.níg.bún.na* (досл. шум. ‘змея-черепаха’), K.4206+ стк. 23–25: [*muš ġar-šú k]i² tag.ga me.lám al.mu₄.mu₄ [...] / [... s]u² su muš.bi kur. kur g[i]l.li [d.ġuš¹.ki.ʿa¹ / [... am]ar kab²¹(EN)-su-ti ú-[id] muš.níg.bún.na mu.ni* [Mirelman 2015: 177] «[Змея, ее форма:] земли² она касается, в сияние-меламму она одета, [...] / [...] ... эта змея — разрушение² стран (от) Нергала; / [...] свернувшегося² детеныша² она родила²; *muš.níg.bún.na (= šeleppû²)* — ее имя». Вполне возможно, что в этом случае под «змеей» названа разновидность черепахи (ср. упоминание змеи «с четырьмя ногами» 4 *ġir.meš-šú*, стк. 26; при этом в Ura XIV 13 *muš.níg.bún.na* упоминается среди змей *muš*); однако остается неясным, можно ли сопоставить *muš.níg.bún.na* в данном тексте с *šeleppû* в других памятниках.

В нескольких текстах упоминается, что *šeleppû* и *raqqu* обитают в реках и каналах: [*bal.gi.ku₆ níg.bún.na.ku₆ ku₆.me id ana nābali išalli* «река выбросит [черепах-*raqqu*], черепах-*šeleppû* и рыб на сушу»¹⁶; *šumma ina nāri níg.bún.na.ku₆ išbat* «если он поймал в реке черепаху-*šeleppû*» (Ассирийский сонник C rev. ii 50); *bal.gi.ku₆.meš ša ki.min (= id.buranun)* «черепахи-*raqqu* из Евфрата» (KAR 61 r 16) [см. CAD Š2: 271; R: 173]. Описания этих животных как живущих в пресной воде позволяют отождествлять данные два бионима, прежде всего, с пресноводными черепахами, встречающимися на территории Месопотамии: каспийской черепахой (*Mauremys caspica*) и евфратским триониксом (*Rafetus euphraticus*) [Weszeli 2009: 180].

В текстах различных жанров *šeleppû* и *raqqu* часто упоминаются вместе. Например, в 5-й таблице стандартной версии Эпоса о Гильгамеше страж Кедрового леса Хумбаба говорит, обращаясь к Энкиду, другу и напарнику царя Гильгамеша: *Enkidu mār nūni ša lā idū abašu // atam raqqu u šeleppe ša lā īniqu šizib ummīšu* (SB Gilg. V 118¹⁷) «Энкиду, рыбный сын, что не знал своего отца, // Детеныш черепахи-*šeleppû* и черепахи-*raqqu*, что не сосал молока своей матери» [George 2003: 606; Лопатин, 2020].

В одном вавилонском заклинании 1-й пол. 2-го тыс. до н.э. желто-зеленый цвет слюны уподоблен окрасу черепахи *šeleppû*: *ellētušu kīma še-li-pi-im līr[iq]* «пусть его слюна станет желто-зеленой, словно *šeleppû*» (UET 5, 85 6)¹⁸; в списке синонимов *Malku = Šarru* она называется «разноцветной, пестрой»: *bitrāmu = šeleppû* (*Malku* V 59) [CAD Š2: 271]. Можно было бы предположить, что эта лексема указывала на каспийскую черепаху, которая обитает также и в Месопотамии и которой более других местных видов черепах свойственен этот окрас. В одном из описаний внешних уродств людей говорится: *šumma šēp bal.gi.ku₆ šakin // ša šēpāšu kašbāma kišir ubānāti lā išū* «если имеется нога (как у) черепахи-*raqqu* // ноги которого укороченные¹⁹ и который не имеет

¹⁵ Ura XIV 13: *muš.níg.bún.na = še-lep-pu-ú*;

Ura XIV 216–217: *uġ = še-lep-pu-ú / níg.bún.na = min (= še-lep-pu-ú)*;

Ura XIV 220: *bal.gi = raq-qu*;

Ura XVIII 22–23 :: [*uġ*].*ku₆ = še-lep-pu-ú / [níg.bún.n]a.ku₆ = min (= še-lep-pu-ú)* [MSL 8/2: 7, 25, 102].

Ср. также двуязычный словарь из Эблы (соврем. Тель-Мардих, Сирия; сер. III тыс. до н.э.), MEE 4 12 obv. iv 2–3: *níg.niġbuna₆(bād).na = ša-la-bū-um* [DCCLT: MEE 04, 012].

¹⁶ K.6534 стк. 2 и копии: K.2170+3629 стк. 4, Sm. 1510 r 5²; в CAD указано, что эти фрагменты текстов относятся к комментариям к астрологической серии *Enūma Anu Enlil* [CAD Š2: 271]; согласно данным ССР, это комментарии к серии *Šumma Šin ina tāmartīšu* [ССР: 3.2.u3.A.b, 3.2.u3.A.c, 3.2.u5].

¹⁷ Приведенная нумерация строк учитывает текст списка MS ff [Al-Rawi, George 2014].

¹⁸ Тем не менее, возможно чтение *še-li-bi-im* от *šēlebu* «лиса».

¹⁹ Значение акк. глагола *kašābu* интерпретируют по-разному: «to cut off» [CAD K: 257], «etwa “mindern”» [АНw: 456]; в данном контексте, вероятно, речь идет об «укороченных» конечностях (ср. «stunted» [CAD K: 257]).

сустава (сочленения) пальцев» [CAD R: 172]. Из этого описания можно сделать вывод о том, что черепахи *raqqu* характеризовали короткие лапы без видимых суставов пальцев. Данные особенности строения тела в большей степени свойственны евфратскому триониксу. В заклинании 1-го тыс. до н.э. обнаруживается противопоставление *ruqqētu ša nāri šeleppūtātu ša tābalu* «черепахи-*raqqu* реки, черепахи-*šeleppū* суши» (SpTU 2, 24 22) [CAD R: 416]. Высказывалось предположение, что *šeleppū ša tābalu* «черепахи-*šeleppū* суши» являлся особым термином для сухопутной черепахи (по всей видимости, средиземноморской черепахи *Testudo graeca ibera*) [Weszel 2009: 180], однако в таком случае употребленное в этом же контексте выражение *raqqu ša nāri* «черепахи-*raqqu* реки/канала» не имеет смысла, поскольку *raqqu* фигурирует в известных контекстах именно как речное животное.

Можно предположить, что под зоонимом *šeleppū* подразумевались как пресноводная каспийская черепаха, так и сухопутная средиземноморская, которые должны были отличаться от *raqqu* (по-видимому, евфратского трионикса), прежде всего, своим внешним видом. Возможно, как раз эта «двузначность» нашла отражение в лексическом списке Ura XIV, где *šeleppū* упоминается в двух местах: с одной стороны, среди перечня *muš* «змей», с другой — вместе с черепахой-*raqqu*.

Наименования голубей в клинописных текстах

Согласно А. Салонену и М. П. Штреку, в аккадском языке можно выделить шесть терминов, обозначающих представителей семейства голубиных: 1. *summatu* (*summu*); 2. *sukannīnu*; 3. *uršānu* (*ursānu*); 4. *amuršānu* (*amursānu*, *amarsānu*); 5. *amursigu* (*amursikku*, *ammarsīgu*, с вероятным вариантом *usigu*); 6. *suššuru* (*šuššuru*) [Streck 2012; Salonen 1973: 251, 257]. Последние две лексемы практически нигде не засвидетельствованы кроме лексических списков и комментариев к ним. *suššuru* приравнен к *amuršānu* в Murgud D III 323 [MSL 8/2: 175] и упоминается в списке описаний криков птиц (так наз. «Birdcall Text»)²⁰. В Ura XVIII наименования *usigu* и *amursigu* встречаются по два раза: сразу после перечня голубей (Ura XVIII 253–254) и среди других птиц (Ura XVIII 351–352), в связи с чем можно предположить, что в первом случае это лишь лексические или орфографические варианты *uršānu* и *amuršānu* [MSL 8/2: 136–137]. Кроме Ura XVIII, термин *usigu* упоминается в старовавилонском списке птиц Edubba'a 7, 100 (IM 90646) стк. ii 9; в этом же тексте, в стк. i 8–10 указаны три вида голубей: *tum₁₂.mušen* (= *summatum*), *uršānum.mušen*, *suka'nīnum* [Black, Al-Rawi 1987: 122–124]. Поскольку в этом списке *usigu* стоит отдельно от наименований голубей, можно предположить, что здесь эта лексема обозначает другую птицу.

Согласно Б. Ландсбергеру, *amuršānu* (= [amar.]saḡ Ura XVIII 252) является лишь вариантом *uršānu*, в то время как разделение этих двух лексем в комментариях²¹ следует считать вторичным. На это также могут указывать когнаты в родственных семитских языках: сир. *waršānā* «вяхирь» и араб. *warašān-* «вяхирь, клинтух» [Landsberger 1966: 267–268; Streck 2012]²². В комментарии к лексическому списку Ura XVIII (Murgud C, K.4318 + K.12935, стк. 29–30) *amursānu* и *ursānu* помещены в разных строках, при этом

²⁰ STT 341 6 // KAR 125 14: *šu-ú-šu-ru. mušen* [mušen] *an-šár ki-ki-'muš-šur-u gù. gù-si* [Lambert 1970: 112] «*šuššuru*, птица Аншара, кричит: “*kīkī muššur*” (досл. “как заброшен!”)» // *su-uš-šu-ru. mušen iṣ-šur d. en-me-šár-ra ke-ke-e* [...] [Lambert 1970: 114] «*suššuru*, птица Энмешарры, [кричит:] “*kēkē* [...]” (досл. “как [...]”)».

²¹ Серия комментариев к лексическим спискам под заглавием Murgud, B 253–254, C 29–30, D 322–323 [Landsberger 1966: 267–268].

²² В. фон Зоден считает *uršānu* заимствованием из шумерского [AHw: 1434].

ursānu отождествляется с термином *tamšīlu*²³: [amar.]saḡ¹.mušen = *a-mur-sa-nu* = *a-mur-sa-nu* / [ir₇].saḡ¹.mušen = *ur-sa-nu* = *ta-am-ši-lu* [Mirelman 2015: 176]. При этом шумерский эквивалент *amar-saḡ*, вероятно заимствованный в аккадский язык как *amuršānu*, в шумерских текстах 3-го тыс. до н.э. имел значение «птенец» и употреблялся, главным образом, в отношении уток (один раз засвидетельствован в отношении ворона). В шумерских текстах старовавилонского периода (1-я пол. 2-го тыс. до н.э.) в значении «птенец» употребляется лексема *amar* «теленки; детеныши»²⁴ [Veldhuis 2004: 218]. По всей видимости шумерская лексема *amar-saḡ*, изначально семантически не связанная с голубями, была заимствована в аккадский язык, где позднее слилась с *uršānu* и использовалась в том же значении, хотя в серии комментариев к лексическим спискам Murgud отделялась от *uršānu*.

Таким образом, число основных обозначений голубей в аккадском языке можно свести к трем: *summatu*, *sukannīnu*, *uršānu* (и варианты). Именно эти три лексемы стоят в одном ряду в старовавилонском списке птиц Edubba'a 7, 100 (IM 90646) (см. выше). В Ura XVIII 249–252а и других лексических списках эти лексемы отождествляются с шум. *tum₁₂(TU)*, *tum₁₂.gur*²⁵, *ir₇(KASKAL).saḡ*, соответственно [MSL 8/2: 135]. Эти три шумерских зоонима встречаются вместе и во многих шумерских текстах, обозначая, по-видимому, разные виды [von der Osten-Sacken 2015 300]. По каким признакам можно было бы разделить эти зоонимы и сопоставить с известными на территории Месопотамии (Ирак, Сирия) представителями голубиных?

Прежде всего, это вопрос возможности одомашнивания того или иного вида. Все три лексемы или их шумерские эквиваленты засвидетельствованы в списках выдачи корма²⁶, что указывает на факт разведения этих птиц. По этой причине Б. Ландсбергер исключал возможность соотнесения какой-либо из названных трех лексем с горлицей обыкновенной (*Streptopelia turtur*), которая не поддается одомашниванию [Landsberger 1966: 268]. Однако, по мнению Э. фон дер Остен-Закен, содержание в неволе не обязательно является следствием domestikации: отловленных птиц могли доставлять в храм или дворец, где их откармливали и затем убивали [von der Osten-Sacken 2015: 293]. Известны, например, египетские изображения откармливаемых горлиц [von der Osten-Sacken 2015: 283–284]. В то же время в тексте предсказания 1-го тыс. до н.э. упоминаются голуби-*summatu* белого цвета, что является однозначным признаком одомашнивания вида [von der Osten-Sacken 2015: 300], *šumma ālu* T.88 (CT 39 32 30–31 и др.) 30–31: *šumma summatu* (*tum₁₂.mušen*) *pešītu* (*babbar*) *ša kala zumrīša pešū ina ūr ekalli innamir ... šumma summatu pešītu ša kala zumrīša pešū ina libbi āli innamir* [Mittermayer, Boddy 2021: 11] «если белого голубя, тело которого целиком белое, увидели на крыше дворца ... если белого голубя, тело которого целиком белое, увидели посреди города». При этом уже само появление в доме или

²³ Лексема *tamšīlu* образована от того же корня, что и глагол *mašālu* «быть подобным, быть равным, быть наполовину», и имеет основное значение «подобие, изображение, эквивалент», однако В. фон Зоден и составители CAD выделяли особое значение *tamšīlu* (*ta-am-ši-lu* и *tam-šil.mušen*) как обозначения одного из видов птиц; в этом значении термин мог упоминаться в комментарии Murgud C стк. 30 и в «Ниневийском практическом словаре» (ADD 777 г 6), а также, вероятно, в трех новоассирийских списках продуктов питания (SAA 7 148 iii 7', 159 i 14, 160 i 2') [CAD T: 148–149]. Вероятно, лексема *tamšīlu* являлась свойственным только новоассирийскому диалекту наименованием одного из видов голубей.

²⁴ Ср., однако, упоминание *amar-saḡ* в значении «птенец» в шумерском заклинании старовавилонского периода (YOS 11 69 rev. 3') [см. Veldhuis 2004: 300].

²⁵ Варианты написания: *tum₁₂-gur₄/₈(.mušen)*; *tum₁₂-gur.mušen*; *tum₁₂.mušen-gur₈(.mušen)*; *tum₁₂.gan₂* / *hur* / *kur₂*.mušen; *tum₁₂-gar-gar.mušen*; *tum₁₂-gur₃.mušen* [ePSD2: <http://oracc.org/epsd2/o0040632>].

²⁶ Например, в документе конца 3-го тыс. до н.э. из Гирсу TCTI II 2814 указано количество корма, выданного различным птицам, среди которых упомянуты гуси, утки, турачи и голуби *tum₁₂-gur₄.mušen* (~0,07 л зерна) и *ir₇.mušen* (~0,1 л зерна) [von der Osten-Sacken 2015: 293; Veldhuis 2004: 234–235].

городе²⁷ *uršānu/amuršānu* и, возможно, *sukannīnu* (без указания на особые отличительные признаки) воспринималось как особое предзнаменование, что может указывать на относительную редкость этих птиц в черте города. Таким образом, можно предположить, что под *summatu* подразумевали сизого голубя (*Columba livia*), который легче всего поддается domestikации и чаще других обитает в городах; в пользу этой идентификации говорят и упоминания мест гнездования его шумерского эквивалента *tum₁₂* в литературных текстах: *tum₁₂.mušen-bi ab-lāl-ba še hé-ni-in-ša₄* «его (города) голуби в своих нишах² пусть плачут»²⁸ («Проклятие Аккада», стк. 219); *bād-si-an-na tum₁₂.mušen dú-gu-na-bi* «на его (храма) карнизе, где обитают голуби» (Gudea Syl. A XXIX 7–8) [von der Osten-Sacken 2015: 298]. При этом, однако, в «Нанше и птицы» D7 встречается противопоставление *tum₁₂* и *tum₁₂-gur₄*, которое, по мнению Н. Вельдхейса, характеризует *tum₁₂* как диких, обитающих в «поле», а *tum₁₂-gur₄* как одомашненных, питающихся на «гумне»: [t]um₁₂.mušen-e gana₂ daḡal-la ki bi-ib-[ri-ri-ge] / tum₁₂-gur₄.mušen-e kislāḡ lugal-l[a-ka] kib_x(GIG) ban.min bi-ib-[gu₇-(e)] «The dove [pecks at] the ground in the broad field; / while the pigeons [eat?] 2 ban of wheat at the threshing floor of the king» [Veldhuis 2004: 121, 140–141]. Тем не менее, кормящиеся на гумне *tum₁₂-gur₄* могли быть пойманными в дикой природе и откармливаемыми при дворе птицами.

Б. Ландсбергер, считая термины *ir₇-saḡ / uršānu (amuršānu)* и *tum₁₂-gur₄ / sukannīnu* обозначениями поддающихся domestikации птиц (в отличие от Э. фон дер Остен-Закен), предлагает идентифицировать их как вяхиря (*Columba palumbus*) и клинтуха (*Columba oenas*), соответственно, на основании упоминания их места обитания в кипарисовых и можжевеловых лесах: *ašar amuršānu qinnu qan[nu] sukannīnu malū gapnu* «где вьет гнезда *amuršānu*, *sukannīnu* наполняет деревья²⁹» [Landsberger 1966: 267–268; CAD A2: 95]. В лесу живут эти голуби и в 5-й таблице Эпоса о Гильгамеше, SB Gilg. V 21: [*idamm*]um *uršānu sukannīnu itappal* [Al-Rawi, George 2014: 76] «(в Кедровом лесу) стонет *uršānu*, *sukannīnu* ему отвечает»³⁰. С другой стороны, птицы *ir₇-saḡ (= uršānu)*, согласно шумерской пословице (UET 6/2 244 // SP 6.32), обитают в садах, вблизи человека, что больше похоже на горлицу обыкновенную, чем на клинтуха: *ir₇-saḡ.mušen ugu-bi ḡiš.kiri₆ me-te-bi // ir₇-saḡ.mušen gu dé-dé ḡiš.kiri₆ me-te-bi* «(ir₇-saḡ, голова³ его — украшение садов» // «голос ir₇-saḡ — украшение садов» [Veldhuis 2004: 257; von der Osten-Sacken 2015: 297; ETCSL: 6.1.02, 6.2.3].

Многочисленные упоминания трех основных терминов для голубей в хозяйственных, религиозных текстах и царских надписях известны с конца 3 тыс. до середины 1 тыс. до н.э.; эти памятники свидетельствуют об их отлове, откармливании, употреблении в пищу и принесении в жертву [von der Osten-Sacken 2015: 292–299]. Эти упоминания редко сопровождаются описанием внешнего вида, среды обитания или характера поведения птиц. Косвенным указанием на размер птицы могут служить упоминания в списках выдачи корма голубям: в хозяйственных документах периода 3-й династии Ура голуби *ir₇(saḡ)* получают больше корма, чем *tum₁₂-gur₄*. В связи с этим Э. фон дер Остен-Закен, считая одомашненный *tum₁₂ / summatu* сизым голубем (*Columba livia*), идентифицирует оставшиеся два обозначения диких голубей сообразно размерам представителей

²⁷ *ana bit amēli/libbi āli trub(am)* [CAD A2: 95; S: 354; U-W: 251].

²⁸ Шум. *ab-lāl*, переведенное здесь как «ниши», интерпретируют по-разному: «Mauerlöchern» [von der Osten-Sacken 2015: 300, прим. 1199]; «nooks» [Veldhuis 2004: 289]; «nest; nook; cranny, opening» [ePSD2: <http://oracc.org/epsd2/o0023385>]; «Fenster, Loch, Taubenschla Taubenschlag» [MSZ: s.v. *ab-lal₃*].

²⁹ Перевод следует интерпретации Б. Ландсбергера; В. фон Зоден понимает лексему *gapnu* как «кусты, заросли» («Strauch») [АНw: 281].

³⁰ В 11-й Таблице стандартной версии Эпоса о Гильгамеше, в которой содержится рассказ о Великом потопе выжившего после него человека по имени Утнапишти, упоминается голубь-*summatu* (*tum₁₂.mušen*), выпущенный с корабля после Потопа на поиски суши (SB Gilg. XI 148–150) [George 2003: 712].

семейства голубиных, встречающихся в Месопотамии: *ir₇-saḡ / uršānu* как более крупного вяхиря (*Columba palumbus*), а *tum₁₂-gur₄ / sukannīnu* как горлицу обыкновенную (*Streptopelia turtur*). Появляющегося в Месопотамии только зимой клинтуха (*Columba oenas*) и совсем редких малую и кольчатую горлиц (*Streptopelia senegalensis* и *Streptopelia decaocto*) Э. фон дер Остен-Закен исключает из своей идентификации как не имевших большого значения для экономики Древней Месопотамии [von der Osten-Sacken 2015: 301–302].

Вместе с тем под одним зоонимом, наряду с важными в хозяйственной жизни видами, вполне могли подразумеваться животные, встречающиеся в регионе гораздо реже. Разграничить семантику данных зоонимов позволяют конкретизирующие семы, из которых письменные источники позволяют выделить следующие оппозиции:

1. более «одомашненный» (городской) vs. дикий, т.е. *summatu* (привычный, иногда белого цвета) vs. *uršānu* и *sukannīnu* (редкие для городов);
2. более крупного размера vs. меньшего размера, т.е. получающие разное количество корма *ir₇-saḡ* vs. *tum₁₂-gur₄*;
3. обитающие в различных биотопах: город (постройки) / леса / поля, открытая местность.

Последний критерий вызывает наибольшие трудности. С одной стороны, в постройках обитает *tum₁₂ / summatu*, что более свойственно сизому голубю, хотя есть упоминание *tum₁₂* в поле. С другой стороны, *tum₁₂-gur₄ / sukannīnu* чаще обитает в лесах (подобно вяхирю или клинтуху), как и голубь *uršānu/amuršānu*. Все это, с учетом второго критерия, позволяет разграничить *sukannīnu* как гнездящегося в дуплах клинтуха и *uršānu/amuršānu* как более крупного, чем клинтух, вяхиря. При этом птица *ir₇-saḡ* (шумерский эквивалент *uršānu*) обитает скорее в садах, что больше похоже на горлицу.

Перечисленные конкретизирующие семы позволяют определить семантику шумерских и аккадских наименований голубей следующим образом:

- tum₁₂ (= summatu)* — (сизый) голубь (более привычный для городских жителей);
- ir₇-saḡ* — либо вяхирь (более крупный, чем клинтух), либо (живущая в садах) горлица, а *uršānu* — только (крупный, живущий в лесах) вяхирь;
- tum₁₂-gur₄ (= sukannīnu)* — либо горлица (менее крупная и часто отлавливаемая), либо клинтух (менее крупный, чем вяхирь, и обитающий в лесах).

Заключение

В ряде работ, затрагивающих проблему идентификации бионимов в клинописных текстах, основное внимание уделялось вопросу соотношения шумерских и аккадских наименований с научной терминологией современной биологии [Landsberger 1966: 267–268; Weszeli 2009; von der Osten-Sacken 2015: 300–303]. Более перспективным методом при идентификации шумерских и аккадских бионимов может оказаться нацеленность на определение компонентов значения термина (так наз. конкретизирующие семы). Конкретизировать наименование животного или растения могут такие критерии, как: характерные черты его морфологии, поведения, среды обитания; причисление к определенной группе подобных ему разновидностей животных и растений. При этом, с одной стороны, языковое сознание не фиксирует все возможные конкретизирующие семы одновременно. В связи с этим одни компоненты значения могут оказываться менее существенными, чем те, которые определяют роль животного или растения в культуре или хозяйственной жизни. С другой стороны, могут наблюдаться расхождения компонентов значения в разных контекстах, как это происходит в случае описаний биотопов черепах и голубей. Подобные различия могут указывать как на возможные изменения в семантике бионима, так и на разницу между современной биологической классификацией и представлениями

об окружающем мире носителей шумерского и аккадского языков. Противоречивыми эти расхождения назвать нельзя, так как противоречат они не сами себе, но только современному биологическому знанию.

Список литературы

1. *Афанасьева В. К.* От начала начал. Антология шумерской поэзии. — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1997. — 496 с.
2. *Лопатин М. Д.* Черепаха и Эпос о Гильгамеше // *Ex oriente lux: Четвёртая международная студенческая конференция востоковедов и африканистов.* Санкт-Петербург, 1–2 ноября 2019 г.: сборник избранных статей конференции / Отв. ред.: А. В. Челнокова. — СПб.: Скифия-принт, 2020. — С. 158–163.
3. *Попов А. А.* Мотивационная основа наименований слепня и овода в севернорусских говорах // *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008 / Ин-т лингв. исслед.* — СПб.: Наука, 2008. — С. 327–330.
4. АНw: *von Soden W.* *Akkadisches Handwörterbuch.* — Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1965–1974. — XVI, 1592, XV S.
5. *Al-Rawi F. N. H., George A. R.* Back to the Cedar Forest: The beginning and end of Tablet V of the Standard Babylonian Epic of Gilgameš // *Journal of Cuneiform Studies.*— 2014. — Vol. 66. — P. 69–90.
6. *Black J. A., Al-Rawi F. N. H.* A Contribution to the Study of Akkadian Bird Names // *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie.*— 1987. — Bd. 77. — S. 117–126.
7. *Böck B.* Shaping Texts and Text Genres: On the Drug Lore of Babylonian Practitioners of Medicine // *Aula Orientalis.*— 2015. — Vol. 33, 1. — P. 21–37.
8. CAD: The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago / The University of Chicago. — Chicago, 1956–2010. — Vol. A1–Z.
9. *Cavigneaux A.* Lexikalische Listen // *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie.* — Bd. 6. — Berlin, New York: de Gruyter, 1980–1983. — S. 609–641.
10. CCP: *Frahm E., Jiménez E., Frazer M., Wagensonner K.* Cuneiform Commentaries Project. — Yale University, 2013–2022. — URL: <https://ccp.yale.edu/>.
11. DCCLT: Digital Corpus of Cuneiform Lexical Texts / DCCLT Project. — University of California, Berkeley, 2003–. — URL: <http://oracc.museum.upenn.edu/dcclt/>.
12. ePSD2: The Electronic Pennsylvania Sumerian Dictionary 2.5 (2021–12–21) / The Pennsylvania Sumerian Dictionary Project, 2017–. — URL: <http://oracc.museum.upenn.edu/epsd2/>.
13. ETCSL: *Black J. A., et al.* The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature. — Oxford, 1998–2006. — URL: <http://etcsl.orinst.ox.ac.uk/>.
14. *George A. R.* The Babylonian Gilgameš Epic: Introduction, Critical Edition and Cuneiform Texts. — Oxford: Oxford University Press, 2003. — xxxv, 741 p., iii, 743–986 p., 147 pl. — Vol. 1–2.
15. *Lambert W. G.* The Sultantepe Tablets (cont.): IX. The Birdcall Text // *Anatolian Studies.*— 1970. — Vol. 20. — P. 111–117.
16. *Landsberger B.* Einige unerkant gebliebene oder verkannte Nomina des Akkadischen (Fortsetzung) // *Die Welt des Orients.*— 1966. — Bd. 3, H. 3. — S. 246–268.
17. *Mirelman S.* Birds, Balaḡs, and Snakes // *Journal of Cuneiform Studies.*— 2015. — Vol. 67. — P. 169–186.

18. *Mittermayer C., Boddy K.* Preliminary edition of *Šumma ālu* T.88 // *Édition de la série divinatoire Šumma ālu.*— 2021. DOI: 10.13097/archive-ouverte/unige:151347 — URL: <https://archive-ouverte.unige.ch/unige:151347>.
19. MSL 8/2: *Landsberger B., Draffkorn Kilmer A.* The Fauna of Ancient Mesopotamia. Second Part. HAR-ra = hubullu Tablet XIV and XVIII. — Rome: Pontificium Institutum, 1962. — V, 103 p.
20. MSZ: Münchner Sumerischer Zettelkasten / Betreut von W. Sallaberger.— 2020. — URL: https://www.assyriologie.uni-muenchen.de/forschung/zettelkasten/msz_2020.pdf.
21. *von der Osten-Sacken E.* Untersuchungen zur Geflügelwirtschaft im Alten Orient. — Fribourg, Göttingen: Academic Press, Vandenhoeck & Ruprecht, 2015. — XVI, 670 S.
22. RINAP: The Royal Inscriptions of the Neo-Assyrian Period / RINAP online. — University of Pennsylvania, 2011–. — URL: <http://oracc.museum.upenn.edu/rinap/>.
23. *Salonen A.* Vögel und Vogelfang im Alten Mesopotamien (mit 95 Tafeln). — Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 1973.— 374 S., 95 Taf.
24. SED II: *Militarev A., Kogan, L.* Semitic etymological dictionary. Vol. II: Animal Names — Münster: Ugarit-Verlag, 2005. — xci, 415 p.
25. *Stadhouders H.* The Pharmacopoeial Handbook *Šammu šikinšu* — An Edition // *Le Journal des Médecines Cunéiformes.*— 2011. — Vol. 18. — P. 3–51.
26. *Stol M.* Pflanzenkunde. A. Nach schriftlichen Quellen // *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie.* — Bd. 10. — Berlin, New York: de Gruyter, 2003–2005. — S. 503–506.
27. *Streck M. P.* Taube (pigeon, dove). A. I. In Mesopotamien // *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie.* — Bd. 13, 5./6. Lieferung. — Berlin, Boston: de Gruyter, 2012. — S. 478–479.
28. *Streck M. P.* Tierwelt (fauna) // *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie.* — Bd. 14, 1./2. Lieferung. — de Gruyter, 2014. — S. 16–19.
29. *Veldhuis N.* Religion, literature, and scholarship: the Sumerian composition Nanše and the birds, with a catalogue of Sumerian bird names. — Leiden, Boston: Brill, Styx, 2004. — xii, 405 p.
30. *Veldhuis N.* History of the Cuneiform Lexical Tradition. — Münster: Ugarit-Verlag, 2014. — xiv, 524 p.
31. *Weszele M.* Schildkröte // *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie.* — Bd. 12; 3./4. Lieferung. — Berlin, New York: de Gruyter, 2009. — S. 179–182.

References

1. Afanas'eva V. K. *From the very beginnings. Anthology of Sumerian poetry.* St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 1997. 496 p. (In Russian)
2. АНw: von Soden W. *Akkadisches Handwörterbuch.* Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 1965–1974. XVI, 1592, XV S.
3. Al-Rawi F. N. H., George A. R. Back to the Cedar Forest: The beginning and end of Tablet V of the Standard Babylonian Epic of Gilgameš. *Journal of Cuneiform Studies*, 2014, vol. 66, pp. 69–90.
4. Black J. A., Al-Rawi F. N. H. A Contribution to the Study of Akkadian Bird Names. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie*, 1987, Bd. 77, S. 117–126.
5. Böck B. Shaping Texts and Text Genres: On the Drug Lore of Babylonian Practitioners of Medicine. *Aula Orientalis*, 2015, vol. 33, 1, pp. 21–37.

6. Cavigneaux A. Lexikalische Listen. *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*, Bd. 6, Berlin, New York, de Gruyter, 1980–1983, S. 609–641.
7. CAD: *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. The University of Chicago, Chicago, 1956–2010, Vol. A1–Z.
8. CCP: Frahm E., Jiménez E., Frazer M., Wagensonner K. *Cuneiform Commentaries Project*. Yale University, 2013–2022. URL: <https://ccp.yale.edu/>.
9. DCCLT: Digital Corpus of Cuneiform Lexical Texts / DCCLT Project. University of California, Berkeley, 2003–. URL: <http://oracc.museum.upenn.edu/dcclt/>.
10. ePSD2: *The Electronic Pennsylvania Sumerian Dictionary 2.5* (2021–12–21) / The Pennsylvania Sumerian Dictionary Project, 2017–. URL: <http://oracc.museum.upenn.edu/epsd2/>.
11. ETCSL: Black J. A., et al. *The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature*. Oxford, 1998–2006, URL: <http://etcsl.orinst.ox.ac.uk/>.
12. George A. R. *The Babylonian Gilgamesh Epic: Introduction, Critical Edition and Cuneiform Texts*. Oxford, Oxford University Press, 2003, vol. 1–2. xxxv, 741 p., iii, 743–986 p., 147 pl.
13. Lambert W. G. The Sultantepe Tablets (cont.): IX. The Birdcall Text. *Anatolian Studies*, 1970, vol. 20, pp. 111–117.
14. Landsberger B. Einige unerkannt gebliebene oder verkannte Nomina des Akkadischen (Fortsetzung). *Die Welt des Orients*, 1966, Bd. 3, H. 3, S. 246–268.
15. Lopatin M. D. Turtle and the Epic of Gilgamesh. *Ex oriente lux: the 4th International Student Conference on Asian and African Studies. St. Petersburg, November 1–2, 2019: Collection of Selected Conference Articles*. St. Petersburg, «Skifia-print», 2020, pp. 158–163. (In Russian)
16. Mirelman S. Birds, Balaḡs, and Snakes. *Journal of Cuneiform Studies*, 2015, vol. 67, pp. 169–186.
17. Mittermayer C., Boddy K. Preliminary edition of Šumma ālu T.88. *Édition de la série divinatoire Šumma ālu*. 2021, URL: <https://archive-ouverte.unige.ch/unige:151347>.
18. MSL 8/2: Landsberger B., Draffkorn Kilmer A. *The Fauna of Ancient Mesopotamia. Second Part. HAR-ra = ħubullu Tablet XIV and XVIII*. Rome: Pontificium Institutum, 1962. V, 103 p.
19. MSZ: *Münchener Sumerischer Zettelkasten*. Betreut von W. Sallaberger. 2020, URL: https://www.assyriologie.uni-muenchen.de/forschung/zettelkasten/msz_2020.pdf.
20. von der Osten-Sacken E. *Untersuchungen zur Geflügelwirtschaft im Alten Orient*. Fribourg, Göttingen, Academic Press, Vandenhoeck & Ruprecht, 2015. XVI, 670 S.
21. Popov A. A. Motivational basis for the horsefly and botfly names in Northern Russian Dialects. *Leksicheskiĭ atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniia) 2008*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, pp. 327–330. (In Russian)
22. RINAP: The Royal Inscriptions of the Neo-Assyrian Period / RINAP online. University of Pennsylvania, 2011–. URL: <http://oracc.museum.upenn.edu/rinap/>.
23. Salonen A. *Vögel und Vogelfang im Alten Mesopotamien* (mit 95 Tafeln). Helsinki, Academia Scientiarum Fennica, 1973. 374 S., 95 Taf.
24. SED II: Militarev A., Kogan L. *Semitic etymological dictionary. Vol. II: Animal Names*. Münster, Ugarit-Verlag, 2005. xci, 415 p.
25. Stadhouders H. The Pharmacopoeial Handbook *Šammu šikinšu* — An Edition. *Le Journal des Médecines Cunéiformes*, 2011, vol. 18, pp. 3–51.
26. Stol M. Pflanzenkunde. A. Nach schriftlichen Quellen. *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*, Bd. 10, Berlin, New York, de Gruyter, 2003–2005, S. 503–506.

27. Streck M. P. Taube (pigeon, dove). A. I. In Mesopotamien. *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*, Bd. 13, 5./6. Lieferung, Berlin, Boston, de Gruyter, 2012, S. 478–479.
28. Streck M. P. Tierwelt (fauna). *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*, Bd. 14, 1./2. Lieferung, de Gruyter, 2014, S. 16–19.
29. Veldhuis N. *Religion, literature, and scholarship: the Sumerian composition Nanše and the birds, with a catalogue of Sumerian bird names*. Leiden, Boston, Brill, Styx, 2004. xii, 405 p.
30. Veldhuis N. *History of the Cuneiform Lexical Tradition*. Münster, Ugarit-Verlag, 2014. xiv, 524 p.
31. Weszeli M. Schildkröte. *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*, Band 12; 3./4. Lieferung. Berlin, New York, de Gruyter, 2009. S. 179–182.

Информация об авторе

Матвей Денисович Лопатин — аспирант, Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет.

Email: m.lopatin@spbu.ru

Author's information

Matvei D. Lopatin — PhD student, Faculty of Asian and African Studies, Saint Petersburg State University.

Email: m.lopatin@spbu.ru

От почитания царя Гильгамеша к Успению Пресвятой Богородицы

Аннотация: В клинописных текстах III–I тыс. до н.э. содержатся свидетельства существования коллективных поминальных ритуалов месяца Абу (5-й месяц «стандартного месопотамского» лунного календаря; июль-август), в том числе посвященных обоженному царю г. Урука Гильгамешу, который почитался в качестве одного из правителей Загробного мира. Среди них упоминается особый ритуал массовых кулачных боев в 9-й день месяца Абу. Очевидно, что после того, как в середине I тыс. до н.э. переселенцы из Иудеи переняли вавилонский календарь, поминальные традиции месяца Абу трансформировались в иудейский «Траур 9-го дня месяца Ава» по разрушенному Иерусалимскому храму, а впоследствии — в так называемом прообразовательном христианском богородичном богословии — в траур по усопшей Деве Марии. Основанием последнего послужило то, что, согласно христианским богословам, Иерусалимский храм (как и ветхозаветный Ковчег завета со скрижалями) символизировал Богородицу. В свою очередь 15 августа Юлианского календаря (29 августа по Григорианскому летоисчислению) закрепился в качестве принятого в христианской традиции соответствия иудейскому 9-му Ава (А. А. Алексеев). Апокрифический цикл на сирийском языке «Исход Марии» содержит установления о поминовении Девы Марии трижды в году, в частности, в месяц Ав (август). Главное содержание всех трех дат — обращенная к Богоматери молитва о спасении от всякого рода напастей (непогода, нашествие саранчи, голод, мор). Не в последнюю очередь на это могло повлиять уходящее корнями в глубокую древность отношение именно к месяцу Абу как к наиболее опасному в году, чреватому масштабными природными и социальными бедствиями. В конечном счете основным днем поминовения Богородицы (Успение) остался как раз тот, который приходится на август, т.е. на исторический Абу/Ав. (Библиогр. 43 назв.)

Ключевые слова: Вавилония, Гильгамеш, месяц Абу, Иерусалимский храм, 9-е Ава, Богородица, Успение

From worshipping king Gilgameš to the Virgin Mary's Dormition

Summary: This paper traces the three historical stages of one of the oldest cultic traditions in the world which was originated in Ancient Mesopotamia as a festival commemorating the dead in the month of Abu (the fifth month of the Standard Mesopotamian calendar; July-August). Public rituals of this month comprised, in particular, special wrestling rites of 'the ninth day' (otherwise 'nine days') of Abu (Astrolabe B) in honour of Gilgameš who was worshipped as a ruler of the Netherworld. After Judean exiles adopted the Standard Mesopotamian calendar in the mid-first millennium BC, mourning rites of Abu transformed into Jewish «mourning of the ninth of Av» for the destruction of the Temple, and ultimately (fifth-sixth century AD) into Christian mourning for the deceased Virgin, which was based on the theological idea that the Temple symbolized the Virgin. Another Christian tradition is that 15th August of the Julian calendar (29th August of the Gregorian calendar) corresponds to the ninth of Av (A. Alexeev). The apocryphical Syriac cycle «Virgin Mary's Exodus» (E. Meshcherskaya) devoted to the Dormition comprises an apostolic decree on the three dates a year dedicated to the Virgin Mary, one of them falls on Av. All the three were intended for prayers to the Virgin for salvation from natural disasters, which may have gone back particularly to ancient traditions of the month of Abu as the most dangerous timespan in the year. As a result, the principal date for commemorating the Virgin (Dormition/Assumption) is still celebrated in August. (Refs. 43).

Keywords: Babylonia, Gilgameš, the month of Abu, the Jerusalem Temple, 9 Av, the Virgin Mary, Dormition

*And some things that should not have been forgotten, were lost.
History became legend, legend became myth.*
J. R. R. Tolkien¹

Опираясь на исследования по клинописным источникам, с одной стороны, и раннехристианской традиции, с другой, автор прослеживает этапы существования одной из древнейших в истории современной цивилизации памятных религиозно-календарных дат (поминовение усопших в жаркий месяц Абу/Ав, (июль-) август), которая, претерпев ряд трансформаций, сохранилась до сегодняшнего дня в виде иудейского траура по разрушению Иерусалимского храма и христианского Успения Пресвятой Богородицы. Благодаря письменным источникам на разных языках (шумерский, аккадский, древнееврейский, греческий, армянский, сирийский, грузинский) этапы эволюции и непрерывную историческую преемственность этой традиции удастся проследить от ранней древности до Средних веков.

Древнемесопотамская традиция Абу (месяц поминовения усопших)

Относительно происхождения названия вавилонского месяца Абу выдвигались различные предположения, ни одно из которых, по-видимому, невозможно признать единственно верным: «The meaning of the term abuum has never been satisfactory resolved. A major source of the problem may be a confluence of several netherworld observances and terms that sound alike» [Cohen 2015: 271]. В этой связи весьма заманчивым представляется мнение виднейшего ассириолога современности Николаса Постгейта, который, судя по ссылке на устное сообщение, возводит этот термин к составной шумерской лексеме a.pa₄ ('вода' + 'глиняный желоб, канал')², усматривая в этом прямое соответствие значению: «In much of the current literature, this month is written 'Abum', but the derivation is from the Sumerian a.pa₄, the word for libation pipe and so should be read as Arum (Postgate, pers.comm.). The month name references the offerings on the ground (or at the grave)» [MacDougal 2014: 162].

Из документов эпохи 3-й династии Ура (2112–2004 гг. до н.э.), происходящих непосредственно из г. Ура, следует, что Абу — это особое торжество в честь покойных царей Ура, которое устраивалось в период с 4-го по 6-й месяц года и сопровождалось приношениями в специальном «месте водопития» (шум. kianaĝ), для чего выделялось пиво, мука, специи. Одновременно с этим в ряде региональных календарных систем «Абу» — это название месяца [Sallaberger 1993: 205–206]. В документе из г. Сиппара, датированном 25-м днем **5-го месяца** 11 года правления вавилонского царя Самсуилуны (1739 г. до н.э.), упоминается, что в специальное место под названием Абу/Апу выливают мед, масло, вино, а также зерновую кашу (*šīrpitīm*)³. В одноименном месте, находившемся в храмах города-государства Эмар (городище Тель-Мескене, Сирия,

¹ Цитируется по: [Steinkeller 2018: 149].

² шум. pa₄ 'канал'; шум. a-pa₄ '(глиняная) труб(к)а/желоб для воды' (нем. «Wasserröhre; Tonröhre, Rinne») [MSZ].

³ *šīrpitīm* 'porridge' (YOS 12345) [Cohen 2015: 272], ср.: *šerpētu* 'barley soup with milk or oil' [CDA: 336]. Любопытно, что этот обычай, очевидно, уходящий в глубокую древность, сохранился вплоть до современности (как и поминки на 9-й день), например, в виде ритуальной кутьи у славян, которые, возможно, заимствовали этот обычай из Византии. «Варево» с тем же названием (*širpeti*) упоминается в магическом ритуале (табличка I тыс. до н.э.), где, в частности, фигурируют **девять** чаш с этим кушаньем, предназначенным для некоего духа: ud.3.kam 9 *kurummassu utul širpeti ana panīšu tašakkan* 'on the third (day) you place before it (magic figurine) nine dishes of š as its food ration' (KAR 184 obv. (!) 6) [CAD Š: 208]; несколько иначе: «For three days, you put out nine dishes of barley gruel» [Scurlock 2006: 534].

среднее течение Евфрата), жидкие приношения лили в 27-й день месяца Абу [Cohen 2015: 272–273]. В табличке начала II тыс. до н.э. из г. Мари, датированной месяцем Абу, упомянута солидная продовольственная выдача плакальщицам (^{mi.mes} *bakitim*) объемом в 3600 л зерна [Kutscher 1990: 40].

Во II тыс. до н.э. специальные обряды поминовения усопших (*kispum*)⁴ проводились в кругу семьи практически круглогодично в конце каждого месяца, а то и дважды в месяц (Мари). Однако общественное, официальное (дворцовое) поминовение усопших происходило именно в месяц Абу. Так, вавилонский царь Амидитана (правл. 1683–1647 гг. до н.э.) для этих нужд запрашивал молоко (шум. ga / акк. *šizbum*) и топленое (сливочное) масло (шум. i.nun / акк. *himētum*) [CAD K: 425–426 (TCL 1 7:6); MacDougal 2014: 163–166], а один из его преемников, царь Самсудитана (правл. 1625–1595 гг. до н.э.), потребовал отловить черепах⁵ двух разновидностей: *raqqu* (шум. ba.al.gi.ku₆.hi.a) и *šeleppū* (шум. níg.bú.na.ku₆.[hi.a]) [CAD R: 173; Cohen 2015: 298 (VAS 16 51, AbB 6 51)]. В г. Сиппаре, по-видимому, именно при царях 1-й Вавилонской династии⁶ празднество, именуемое Абу, было сдвинуто **на 5-й месяц** (в северомесопотамских городах приходилось, преимущественно, на четвертый) и объединено с ритуалами «факелоносного» месяца *neizigar*:

The placement at Sippar of the *abum* festival in the fifth month (rather than in the fourth month as in the more northerly cities) may have been a conscious rearrangement to enable the *abum* and the *neizigar* ceremonies to merge into one major observance for the dead. Sippar was strongly influenced by the Southern Sumerian cities as witnessed by its parallel usage of the Southern-Mesopotamian Sumerian calendar. There may have been a division among the Sippar population, some elements observing the *neizigar* paternalia from the south, others the *abum* festival from the north. To resolve the issue the Sippar calendar may have been altered by moving *abum* one month later to coincide with the paternalia of the fifth month in the Southern-Mesopotamian Sumerian calendar [Cohen 2015: 298].

Зачастую значение имела целая череда дней месяца Абу, в особенности, на протяжении последней лунной фазы, когда луна постепенно убывает и полностью исчезает (26–29-й дни). Свидетельства именно такой календарной привязки соответствующих ритуалов выходят на первый план, прежде всего, в документах 2-й половины II тыс. до н.э. из Эмара [Fleming 2000: 186–189]. Конец месяца воспринимался как время дурных предзнаменований и наибольшей активности духов умерших, что могло проявиться, например, в том, что человек, почувствовав недомогание, продолжает болеть и на 27-е Абу. Как сказано в тексте одного из заговоров, причиной такого недуга могло

⁴ Одно из писем царя Хаммурапи указывает на то, что поминальный обряд *kispum* не ограничивался поминками по предкам, а мог совершаться по пропавшему без вести родственнику (*kīma mītim* 'как (по) умершему'), в данном случае это был сын, о судьбе которого его отец ничего не знал в течение восьми лет и который, как выяснилось, был жив [MacDougal 2014: 152–153; Charpin 2015: 147].

⁵ Не ясно, имел ли этот запрос узко религиозный смысл или, чего нельзя исключать, мясо черепах (вероятно, вполне деликатесное) предназначалось для поминальных торжеств (пиршеств), явно имевших большое значение для царей 1-й династии Вавилона [Tsukimoto 1985: 42].

⁶ По мнению исследователей, широкий официальный размах, который поминальные торжества (*kispum*) получили при последних царях 1-й династии Вавилона (XVII в. до н.э.), имел политический смысл: «in order to propagate the care and feeding of the ancestors and members of Hammurabi's dynasty, as well as soldiers who died in his service and dead former subjects without surviving relatives <...> *The Death of Gilgamesh* probably alludes to the practice». Судя по табличке с текстом «Заклинание Уту» («Incantation to Utu»), колофон которой указывает на начало правления царя Аммицадуки (правл. 1646–1626 гг. до н.э.), в это время поминальные ритуалы скорее связывали с богом Солнца Уту (Шамашем) как верховным судьей Подземного мира, нежели с богом Думузи [Peterson 2007: 520].

быть пагубное воздействие духа покойных отца или матери. К 29-му Абу, когда духи умерших отчаянно стремятся подняться к живым, против них были приурочены заклинания и специальные ритуалы [Scurlock 1995: 93, 95; MacDougal 2014: 166–168].

С обрядами поминовения усопших были, в частности, связаны ритуалы в честь полубогини царя г. Урука Гильгамеша⁷, героя эпоса на шумерском (где читается как Bilgames) и аккадском языках⁸. Обожествленный Гильгамеш почитался в качестве одного из правителей Загробного (Подземного) мира⁹, считаясь одним из важнейших хтонических божеств наряду с богом Думузи/Таммузом [Scurlock 1995: 102; George 2003: 124–135]. Еще в глубокой древности в городах Южной Месопотамии существовал объединенный заупокойный культ высших должностных лиц (правителей, храмовых служителей обоего пола), которые, как считалось, составляли после своей смерти «человеческую» правящую элиту Подземного мира (существовала параллельно с божествами Подземного мира). Эта «загробная» элита именовалась по-разному, как то: «коллегия Гильгамеша» (шум. *gú^dBilāgames* «the collegium/assembly of Gilgameš»); «место коллегии» (шум. *kigú* «the place of the assembly»); «усопшие (властители-‘эны’)» (шум. (*enen*) *ku.kune* «sleeping (lords)»). Лучше всего этот объединенный культ засвидетельствован в отношении Лагаша 2-й половины III тыс. до н.э. [Steinkeller 2005: 23, прим. 26; Steinkeller 2017: 3031, прим. 41]. В документах из Лагаша (сер. III тыс. до н.э.) упоминается особое место «берег Гильгамеша» (шум. *gú^dbil.gi₁₁.mes.ka* «the river-bank of Bilgames»), где во время поминальных торжеств в честь покойных правителей Лагаша, их родственников и других высокопоставленных лиц Гильгамешу совершались отдельные жертвоприношения [George 2003: 124; Cohen 2015: 43–44]. В Уруке в III тыс. до н.э. 5-й месяц именовался «празднеством Гильгамеша» (шум. *ezem-^dBil-ga-mes*) [Cohen 2015: 213–216]. Магические ритуалы месяца Абу (списки I тыс. до н.э.) включали молитвы, обращенные к Гильгамешу [Scurlock 1995: 103–104].

⁷ Историчность Гильгамеша (Бильгамеса) неоднократно подвергалась сомнению с большей [Steinkeller 2017: 30] или меньшей [George 2003: 91–92] категоричностью, хотя определенные основания видеть в нем реального правителя 28–27 в. до н.э., вероятно, тоже существуют [Козырева, 2016: 75, 107 (прим. 14)]. «Until contemporary evidence comes to light, Gilgameš’s historicity is impossible to ascertain. It remains that Mesopotamians believed him to be a historical figure» [Gadotti 2014: 1].

⁸ Под «Эпосом о Гильгамеше» обычно имеют в виду грандиозную художественную композицию, состоящую из 11 таблиц (акк. *éš.gar^dGIŠgimmaš* ‘серия Гильгамеша’; англ. Standard Babylonian epic/version), созданную на аккадском языке в I тыс. до н.э. Еще одна, 12я Таблица по содержанию является самостоятельным произведением, присоединенным к законченной композиции из 11 таблиц. Она представляет собой переложенную на аккадский язык шумерскую поэму «Гильгамеш (Бильгамес) и Подземный мир / Гильгамеш, Энкиду и Подземный мир» [George 2003: 47–54; Gadotti 2014: 1] и посвящена встрече Гильгамеша с духом его умершего друга Энкиду, призванным из Загробного мира богом Эйа (Энки) по просьбе Гильгамеша. Колофон одного из списков 12-й Таблицы указывает на то, что этот список был сделан ближайшим царедворцем Саргона II, потомственным царским писцом и ученым Набу-зуккуп-кену в г. Кальху. Список датирован 27-м днем месяца Таммуза от 17-го года правления Саргона (в статусе) царя Ассирии и от 5-го года Саргона (в статусе) царя Вавилона, то есть в 705 г. до н.э. Поскольку 27-е Таммуза — это день поминовения бога Думузи, а, возможно, и поминальных ритуалов в целом (в том числе по погибшим), то полагают, что этот список Набузуккупкену посвятил произошедшей незадолго до этого (в том же месяце 705 г. до н.э.) безвестной гибели царя [George 2003 53–54; Frahm 2005].

⁹ «Gilgameš is designated as either “king” (*lugal*) or “general” (*šagina*) or “governor” (*énsi*) of the nether world» [Steinkeller 2005: 23, прим. 27].

В двуязычном шумеро-аккадском тексте так наз. «Астролябии В»¹⁰ Абу назван «месяцем Гильгамеша», во время которого молодые люди упражняются в рукопашном бое¹¹: *iti.giš.gim.maš tušu’ú ūmi eḫlūtu ina bābīšunu umāšubāri ultēšū* «(the month of Abu is) the month of Gilgameš, on the ninth day the young men vie with each other in their neighborhoods in wrestling and sport» [CAD T: 497]. Указанное здесь обстоятельство времени (шум. *ud 9.kam* // акк. *tušu’ú uDMI*)¹² переводят по-разному: «на девятый день» или «девять дней». В любом случае это указание на время заслуживает особого внимания.

Тема *девяти дней (девятого дня)* в контексте поминальных обрядов оказывается очень древней. Так, в табличке эпохи 3-й династии г. Ура (XXII–нач. XXI вв. до н.э.) упоминается выдача довольствия профессиональным плакальщикам, поминающим царя (*ki.ḫul lugal*) именно в течение такого периода [George 2003: 53]. Посещая крупнейшие города Шумера в год своего воцарения, царь Ибби-Син (правл. 2028–2004 гг. до н.э.) вечером *9-го дня* 10-го месяца устроил в Уре — в честь своего покойного отца, царя Шу-Сина (правл. 2037–2029 гг. до н.э.) — поминальный ритуал *neiziḡar*. В г. Ниппуре название этого ритуала носил 5-й месяц¹³ *neiziḡar* «(месяц) жаровен и факелов», которому в дальнейшем соответствовал вавилонский месяц Абу [Cohen 2015: 140]. В Мари (городище Тель-Харири, Сирия) месяц Абу (4-й месяц местного календаря) в целом ознаменовывался обрядами в честь бога Думузи. В табличке из Мари, датированной *9-м днем* 5-го месяца, речь идет о выдаче масла «для Думузи, когда он вернулся» (*ana Dumuzi inūta itū[ru]*), что могло подразумевать либо возвращение статуи бога Думузи из ритуального путешествия, либо мифологическое возвращение божества (*tīrum*) из Загробного мира [Cohen 2015: 319]. В тексте поэмы на шумерском языке «Гильгамеш, Энкиду и Подземный мир»¹³ в качестве дня поминок опять же фигурирует *9-й день* (здесь это поминки по родителям Гильгамеша):

10'. *aaḡu₁₀ à amaḡu₁₀ a si'igga nagzéen'*
“Father of mine and mother of mine, drink clear water!”
<...>

12'. *^dbil-ga-mes-e ki ḫul-a ba-an-šub*
Gilgameš performed the funerary rites.
13'. *ud 9-kam ki ḫul-a ba-an-šub*

¹⁰ Этот текст (KAV 218 A) характеризуют как двуязычную менологию («bilingual menology») [George 2003: 125; Horowitz 2011: 155–156, 160]; табличка KAV 218 происходит из собрания табличек, датированных 12–11 вв. до н.э. [Horowitz 2011: 155]; М. Коэн ссылается на этот текст как на описание праздника I тыс. до н.э. («Assyrian Astrolabe B describes the first-millennium festival of Gilgameš in month v») [Cohen 2015: 216]. По поводу Абу здесь также сказано следующее: «Месяц Абу, Сириус (*kak.si.sá* / акк. *šukūdu* ‘Стрела’), бог Нинурта, жаровни (будут) разожжены (*uttappaḡa*), факел (будет) поднят/вынесен для богов Анун(ак)ов, (бог огня) Гирра спустится с неба и будет соревноваться (*išanaan* ‘сравнивается’) с Солнцем» [CAD N1: 269; Kolev 2013: 154–155; Cohen 2015: 419].

¹¹ Сохранилось несколько каменных булав (III тыс. до н.э.) с шумерскими посвятельными надписями, обращенными к Гильгамешу, в которых его именуют «царем молодых людей/воинов» (*lugal guruš(e)ne* «king of young men/warriors») [Steinkeller 2018: 155–156]. Что касается рукопашного боя в реальной жизни, то многократное упоминание о нем в хозяйственных документах эпохи 3-й династии Ура свидетельствует о его действительной немалой популярности в древности [Steinkeller 2018: 160, прим. 28].

¹² *tušū'a* ‘Neunfaches’ [GAG: § 16m*] // *tušu'a* ‘ninefold’ (OB), *tušu'ú* adv. ‘on the ninth day’ (JB); *tušu'ú* adj. ‘the ninth’ (SB) [CDA: 411] // «на девятый день» [Коган, Нуруллин, 2012: 232, прим. 191] // ‘for nine days’ [George 2003: 126; Kolev 2013: 155, 159; Cohen 2015: 419].

¹³ Дошло более 70 учебных табличек («school tablets»), содержащих фрагменты этой литературно-художественной композиции, которые происходят из разных городов Древней Месопотамии, прежде всего, из Ниппура, а также из Ура, Урука, Исина и Сиппара; все они старовавилонского периода и датируются приблизительно XVIII в. до н.э. [Gadotti 2014: 129–132].

(Until) the ninth day, he performed the funerary rites¹⁴ [Gadotti 2014: 161, 169].

Здесь будет уместным вспомнить библейский фрагмент, изображающий картину осквернения Иерусалимского храма (Иезекиил 8:14–16). Пророк Иезекииль, живущий в Вавилонии (вскоре после захвата вавилонянами Иерусалима в 586 г. до н.э.), в своем видении наблюдает ритуалы, связанные с Таммузом-Думузи и Солнцем-Шамашем, которые совершаются непосредственно в Иерусалимском храме:

(14) И (Господь) подвёл меня ко входу в ворота Дома Господа, что к северу, а там женщины сидят, оплакивая Таммуза (*hattammūz*). (15) И сказал мне: видишь ли?! Вдобавок ты увидишь ещё большие мерзости, чем эти. (16) И (Господь) ввёл меня во внутренний двор Дома Господа. И тут (у) входа (в) Святилище Господа, между террасой и жертвенником, — около двадцати пяти человек: задний их (ряд) — к Святилищу Господа, а передний — на восток, простёршись на восток к Солнцу (*laššāmāš*).

Соположение Думузи и Шамаша в видениях пророка Иезекииля хорошо согласуется с вавилонскими представлениями: бог солнца Шамаш почитался в Древней Месопотамии как верховный судья Подземного мира¹⁵, под началом которого пребывают все хтонические божества включая Думузи и Гильгамеша¹⁶, а также духи умерших [George 2003: 127, 134].

В I тыс. до н.э. астрономическо-астрологическая традиция Ассирии и Вавилонии связывала месяц Абу с созвездием «Повозка» (^{mul}mar.gíd.da / акк. *ereqqu*), т.е. Большая Медведица (Ursa Major) [Kolev 2013: 167]. В ее «хвосте» (акк. *zarû* ‘рычаг’) находилась «звезда Лисица» (^{mul}ka₅.a / акк. *šēlebu* — одно из семи наименований «красной планеты Марс» / ^{mul}udu.idim sa₅^{mul}šalbatanu), отождествляемая, в свою очередь, с Эррой¹⁷, богом опустошительных бедствий, как то: бури, голод, эпидемии, мор, мятежи [Cooley 2008: 184–185]. В астрономическом сборнике-справочнике «Муль-Апин» годовое перемещение солнца-Шамаша по путям (*harrānu*) трех верховных богов — Ану, Энлиля и Эйи — делится на четыре периода/сезона (по три месяца каждый) с указанием типичных природных явлений. Месяцем Абу завершается 2-й период — месяцы Сиван(iii)–Таммуз(iv)–Абу(v), — который в целом определяется как «урожай и жара» (*ebūru u uššu*)¹⁸.

Месяц Абу — месяц поминовения и дурных предзнаменований — это к тому же время активных военных действий. Так, по свидетельству Вавилонской хроники, ассирийские войска потерпели сокрушительное поражение от Вавилоно-мидийской коалиции под

¹⁴ Ur6 (UET 6/1 60, rev 1'–18') [Gadotti 2014: 161, 169, 312]; шум. ki-ḫul интерпретируется либо как ‘погребальные обряды’ (the funerary rites), либо как ‘место (ритуала) оплакивания’ (mourning place) [Gadotti 2014: 161, 307].

¹⁵ Обращение к богу Шамашу в одной из молитв на аккадском языке (I тыс. до н.э.) выглядит так: ^dUTU AN u ki₁i / DI.KUD BA.ÚŠ u TI.LA attama «Шамаш! Ты судья неба и земли (= Подземного мира, «the netherworld»), судья мертвых и живых (досл. ‘мертвого и живого’))» [Abusch 1987: 27, прим. 40; CAD M2: 141].

¹⁶ В «стандартном месопотамском» календаре Таммуз/месяц Думузи является 4-м месяцем, предшествуя Абу, «месяцу Гильгамеша».

¹⁷ Согласно астрономическому справочнику MUL.APIN / «(звезда) Плуг» (созвездие Кассиопеи), бог Эрра был связан с Марсом и созвездием Плеяд (Sibitti «(созвездие) Семи»), которые предвещали летние эпидемии и голод [Scurlock 2018: 414, прим. 19]. Бог Эрра — главный герой одного из крупнейших литературных произведений на аккадском языке I тыс. до н.э., именуемого исследователями либо «Эпосом об Эрре» [Вавилина, 2015], либо поэмой «Эрра и Ишум» [Cooley 2008].

¹⁸ [DIŠ] UD 1 KAM šá^{ti}SIG₄ EN UD 30 KAM šá^{ti}IZI^dUTU // ina KASKAL šuut^dENLil GUBma BURU₁₄ u uššú «From the 1st day of Month III until the 30th day of Month V, the Sun stands in the path of those of Enlil: harvest and heat» [Hunger, Steele 2019: 148–149]; вариант перевода: «From the 1st of Sivan to the 30th of Ab, the Sun travels (*illakma*) in the Path of Enlil; harvest and heat» [Horowitz 2011: 172–173]. Каждое из слов — *ebūru(m)* ‘урожай’ и *umšū(m)/uššu* ‘жара’ — могло, вероятно, употребляться в значении «лето» [CDA: 422; CAD U/W: 137].

командованием вавилонского царя Набупалассара (правл. 626–605 гг. до н.э.) в месяце Абу (ⁱⁱNe), в 10-й год его правления (616 г. до н.э.). В 14-й год правления Набупалассара (612 г. до н.э.) опять же в месяце Абу была захвачена и разграблена столица Ассирийской державы г. Ниневия [Glassner 2004: 218–223]. Согласно Ассирийской хронике чиновников-эпонимов, ассирийский царь Синаххериб (правл. 705–681 гг. до н.э.) вззошел на престол в 12-й день месяца Абу, вскоре после того, как пропал без вести в военном походе на территории Табала (центральная Анатолия) его отец Саргон II (правл. 721–705 гг. до н.э.) [Glassner 2004: 174–175].

Иудейская традиция 9-го Ава

О переселенцах из Иудеи, проживавших в городах Вавилонии в I тыс. до н.э. и вернувшихся при персах в Палестину, в талмудическом трактате «Рош хаш-Шана» / «Новый год» (*j. Roš Haš.* 1.56d) сказано: «Из Вавилонии они принесли с собой названия месяцев» [VanderKam 1992: 814–820].

В Библии, с одной стороны, засвидетельствовано числовое обозначение месяцев: «И пристал Ковчег в 7-й месяц в 17-й день (этого) месяца к горам Арарата/Урарту (*hru ṛrt*)» (Бытие 8:4). С другой стороны, в ветхозаветных книгах персидского периода, таких как Ездра, Неемия, Есфирь и Захария встречается комбинированное обозначение месяцев, когда числовой порядок следования дополняется названием по так наз. «стандартному месопотамскому» календарю (the Standard Mesopotamian calendar / standard Nisannu series), который начинается Нисаном (март-апрель) и заканчивается Адаром (февраль-март): «В 1-й месяц, это месяц Нисан, в 12-й год царя Ахашвероша (т.е. Ксеркса), бросал(и) пур, это жребий, перед Аманом изо дня в день из месяца в месяц — до 12-го, это месяц Адар» (Есфирь 3:7).

Вполне очевидно, что традиция скорби вавилонского месяца Абу трансформировалась в иудейский траур **9-го Ава** (евр. *tiš'a bə'ab*) по разрушенному Первому иерусалимскому храму (храму царя Соломона); впоследствии — Второму (отстроенному царем Иродом в I в. до н.э.). Примечательно, что 9-е Ава считается кульминацией **девятидневного** периода «частичной скорби» [Wiesenberg 2007: 714]. При этом дата «9-е Ава» усредненная. Согласно пророку Иеремии (52:12), Храм Соломона был разрушен Навуходоносором в 10-й день Ава (586 г. до н.э.); согласно 4-й кн. Царств (25:8–9), это был 7-й день Ава. По Иосифу Флавию («Иудейская война», 6:249–250) Второй храм разрушен римлянами именно в 10-й день месяца Ава, что совпадает с указанием пророка Иеремии относительно храма Соломона; этой же даты придерживается караимская традиция [Ydit 2007: 714].

Талмудическое предписание в отношении ритуалов 9-го Ава (трактат Та'анит, «Пост») заключается в следующем: человек должен в этот день соблюдать всё то, что принято в качестве **обрядов поминовения усопшего соплеменника**. Примечательно, что ритуальные ограничения (запреты) 9-го Ава (не мыться, не применять умощения и благовония, не вступать в интимные отношения, не носить кожаной обуви) [Ydit 2007: 714–715] практически совпадают с предостережениями, которые делает Гильгамеш — в упоминавшейся выше поэме на шумерском языке «Гильгамеш, Энкиду и Подземный мир» — своему слуге Энкиду, спускающемуся в Подземный мир: не надевать чистую одежду, не умощаться благовонным маслом, не надевать сандалии, не целовать жену (строки 185–199) [Gadotti 2014: 157, 165]. Если в случае 9-го Ава упомянутые самоограничения представляются этическим отказом от всякого удовольствия и радости в знак глубочайшей скорби, то в шумерской литературной композиции цель предостережений весьма практическая — не привлекать внимание духов умерших к вполне живому Энкиду, который, будучи умытым,

умашенным, чисто и хорошо одетым, будет выглядеть как только что погребенный¹⁹ [Gadotti 2014: 273]. Проигнорировав предостережения Гильгамеша, Энкиду своим нарядным видом и благоуханием неизбежно привлекает к себе духов умерших и в течение семи дней не может выбраться из Подземного мира.

Еще одну параллель между месопотамской традицией и обычаями месяца Абу составляет иудейский праздник, отмечавшийся в так называемую эпоху Второго храма (VI в. до н.э. – I в.н.э.) *15-го Ава* и связанный с началом сбора винограда в Палестине, который как будто несколько неожиданно ознаменовывался *зажжением факелов* и приношением деревьев (дров, хвороста для растопки) в Иерусалимский храм [Ydit 2007: 714]. Не исключена вероятность того, что эти «огненные» ритуалы восходят к обрядам месопотамского Абу, «(месяца) жаровен и факелов» (ⁱⁱⁱneiziġar), а именно: к факельным процессиям (возможно, для освещения дороги духам умерших) и ритуалам *Maqlū* (акк. ‘сжигание’), направленным на защиту живых от опасных духов [George 2003: 126–127; Cohen 2015: 135140; 419–421].

Христианская традиция (прообразовательное богословие)

Под «прообразовательным богословием» подразумевают христианское толкование иудейских ветхозаветных реалий и понятий на основании их символического переосмысления. Ветхозаветными символами Богородицы христианская традиция считает «Ковчег завета» и сосуд с манной. Истоки символического представления о Богородице как о сосуде с манной исследователи раннехристианской традиции обнаруживают в трактате отца Церкви IV в. Епифания Кипрского (ум. 403 г.) «О мерах и весах (у древних евреев)». Греческий текст трактата сохранился лишь частично, его содержание восстанавливается по дошедшим сирийским и грузинским версиям. В грузинской версии содержится, в частности, толкование Епифания на стихи из ветхозаветной кн. Исход (16:33–34), где упоминается сосуд с манной, в котором, по его мнению, скрыты все тайны Пятикнижия и Евангелий. «Сосуд — это Богородица, которая несет в себе хлеб небесный (манну) — Иисуса Христа. Епифаний Кипрский, будучи евреем по рождению, получил до своего крещения традиционное еврейское образование, хорошо знал раввинистическую экзегезу и использовал ее для создания новой христианской символики» [Мещерская, 2013: 127–128]. По поводу логики христианского календаря, сопряженной с историческим контекстом его формирования, А. А. Алексеев резюмирует:

По своей дате 6 августа Преображение входит в круг праздников, которые, так или иначе, отражают осенние праздники иудаизма, связанные с Храмом. Оно соседствует с Успением Богородицы (15 августа), которое совпадает с 9 аба, днём разрушения Храма, и опережает на 40 дней Воздвижение Креста (14 сентября). В свою очередь дата 14 сентября соответствует 10 тишри еврейского календаря — дню освящения первого и второго Храма (3 Цар. 8 и Неем. 8). Если «катакомбный» период в истории христианства был окрашен стремлением к освобождению от наследия иудаизма, к обретению собственной почвы под ногами, то «императорский» посвящен установлению связей христианского храмовоздания с иерусалимским наследием [Алексеев, 2020: 145].

Христианское прообразовательное богословие нашло отражение и в литургии. В Богородичные праздники читается, например, паримия (т.е. фрагмент) кн. Иезекииля (43:27–44) — «Восточные ворота святилища», смысл которой Иероним Блаженный (342–420 гг.)

¹⁹ Некоторые исследователи видят здесь этиологический миф, обосновывающий поминальные обряды, существовавшие в Древней Месопотамии [Gadotti 2014: 273]. На наш взгляд, одно не исключает другого.

комментирует так: «некоторые под затворенными воротами, чрез которые один Господь Бог Израилев входит, разумеют Марию Деву, которая и прежде рождения и после рождения осталась Девою». В праздник Введения Богородицы во Храм читаются паримьи (Исход 40:1–5, 9, 11, 34–35; 3-я Царств 8:1, 3–7, 9–11), посвященные «Скинии собрания» (< евр. ^hhl mw^d) и внесению в нее «Ковчега завета» (< евр. ^rrwn h^ddwt), которые связывают данное празднество богородичного цикла с ветхозаветным Храмом, чем подчеркивается аллегорическое осмысление Богородицы как Храма [Алексеев, 2008: 97, 166–167].

Связь между христианской традицией празднования Успения Богородицы (вост.-христ.), или Триумфа Девы Марии (зап.-христ.) и иудейской традицией траура по разрушению Иерусалимского храма прослежена А. А. Алексеевым [Alexeev 2013]. Официально титул Богородицы (Theotokos) утвердил Эфесский Вселенский собор (431 г.). Согласно как иудейско-раввинистическим²⁰ [Blidstein 2007: 112], так и новозаветным представлениям, разрушение Иерусалимского храма должно было служить сигналом прихода в мир Мессии. Именно эта богословская концепция послужила основанием для установления даты главного богородичного праздника — духовного рождения Богородицы, то есть Успения. В качестве дня празднования Успения дата *15 августа* впервые появляется в армянских источниках V в., а затем в сирийских благодаря влиянию эдесского епископа Раббулы (ум. 435 г.), яркого поборника иерусалимских богослужебных традиций. В итоге в христианской традиции дата *15 августа* (по Юлианскому летоисчислению) закрепились в качестве соответствия *9-му Ава*, иудейскому трауру по разрушенному Иерусалимскому храму [Alexeev, 2013: 180].

В контексте исторической преемственности поминальных дат особого упоминания заслуживает апокрифический цикл на сирийском языке, условно именуемый исследователями «Исход Марии», который представляет собой компиляцию нескольких источников и дошел в нескольких версиях и списках. Повествование свидетельствует о хорошем знакомстве его составителей — христианских богословов-книжников — с разнообразными текстами на греческом, сирийском и древнееврейском языке, а также о том, что они свободно ориентировались в ветхозаветных апокрифах и в раввинистической традиции истолкования библейских текстов и сюжетов, т.е. в мидрашах [Мещерская, 2011: 175; Мещерская, 2017]. В основу повествования «Исхода Марии» легли древние апокрифы, переведенные с греческого на сирийский, предположительно, в III в. Символическое христианское переосмысление ветхозаветного «Ковчега завета» как воплощения Богородицы объясняет логику включения в апокрифические повествования о смерти и погребении Девы Марии сюжета об Исходе евреев из Египта, что в результате привело к восприятию Успения как радостного праздника «Богородичной Пасхи» [Мещерская, 2013: 128, 131]. По мнению Е. Н. Мещерской, в целом этот цикл мог сложиться среди сторонников патриарха Нестория, который активно участвовал в формировании культа Девы Марии (выступая при этом против ее именованья «Богородицей» в пользу титулованья «Христородицей»), был осужден на Эфесском Вселенском соборе и умер по пути на Халкидонский Вселенский собор (451 г.), где собирался получить оправдание и поддержку своих инициатив [Мещерская, 2011: 180–181; Мещерская, 2013: 132]. Важным для нашей темы является то, что «Исход Марии» включает так наз. апостольское постановление о трех памятных днях, посвященных Деве Марии:

- 1) 8-й день месяца *Канун-второй* (январь), чтобы «благословлялись плоды земные»;
- 2) 15-й день месяца *Ияр* (май) — «из-за семян, которые сеются (в это время) и для изобилия пшеничного должно быть поминовение и службы Христу и Владычице Марии»

²⁰ Некоторые ритуальные ограничения 9-го Ава после полудня снимаются, так как считается, что 9-е Ава — это не только траур, но еще и праздник, поскольку в этот день должен родиться Мессия (Talmud Jerushalmi / «Палестинский Талмуд», трактат Berachot/«Благословения» 2:4)» [Ydit, 2007: 715].

(пространная версия). «Да будет поминовение Блаженной в ияре месяце из-за семени засеянного, и чтобы саранча, летающая и ползающая, не наступала и не истребляла тварь так, что начинался голод и гибель народов» (сокращенная версия);

3) 13-й день месяца *Ав* (август), когда «находят тучи... несущие “камни гнева” (т.е. град) и губящие деревья, и плоды их, и виноградники, и гроздь их. И те, кто едят их, от них заболевают. И будет мор ужасный на земле. И будет он убивать отцов в присутствии детей и детей в присутствии отцов. И из-за саранчи ползающей нельзя забираться на деревья и снимать плоды их» [Мещерская, 2011: 177–178, 184]. Относительно третьего праздника в рукописи XIII в. содержится пояснение: «*13 или 15 день*». По церковному календарю современной Ассирийской церкви Востока Успение празднуется 28 Авг [Мещерская, 2011: 178, 180].

Таким образом, основное содержание всех трех богородичных праздников — это молитва к Деве Марии *о спасении от всевозможных напастей*: «И постановили апостолы: «Да будет поминовение Марии в эти три месяца, дабы были спасены люди от горестей тяжелых» [Мещерская, 2011: 184]. По поводу общей мотивации указанных трех праздничных дат богородичного цикла Е. Н. Мещерская отмечает, что все три связаны «не с событиями христианской истории, а с циклом сельскохозяйственных работ, который издревле сложился в сиро-палестинском регионе» [Мещерская, 2011: 178]. Не исключено, что эта сельскохозяйственная мотивация могла носить дополнительный, расширительный характер, ведь основным днем поминовения Богородицы — праздником Успения — так и осталась дата, приходящаяся на август, т.е. на исторический месяц Абу/Ав, за которым на Ближнем Востоке с древности тянулся шлейф наиболее зловещего месяца в году, чреватого широкомасштабными бедствиями. Эту предшествующую тысячелетнюю древневосточную традицию знойного летнего месяца Абу/Ава мы и постарались пунктирно проследить в настоящей статье.

Заключение

Письменная история человеческой цивилизации, начавшаяся во 2-й половине IV тысячелетия до н.э. на Ближнем Востоке, в нашем случае позволяет воссоздать древнейшие этапы существования религиозной, отчасти официально-политической традиции коллективного (порой протяженного) ритуала поминовения усопших (предков, родственников, высокопоставленных должностных лиц). Неоднократно пережив за несколько тысяч лет серьезную трансформацию, эта традиция дожила до нашего времени. Рассмотренный сюжет служит наглядным примером того, какие обширные перспективы для изучения непрерывной истории культурных традиций открыла миру дешифровка древнейших письменностей, отмечающая в 2022 г. двойной юбилей: 200 лет назад, в сентябре 1822 г., в Париже Жан-Франсуа Шампольон (1790–1832) сделал гениальное открытие²¹,

²¹ Ключом к подлинному чтению египетских текстов (а не отгадыванию значения отдельных иероглифов, как в основном делалось до него) стала идея Шампольона о важной роли в египетском письме фонетической составляющей на фоне сочетания звукового и идеографического принципов использования знаков египетского письма. Блестящим подтверждением этого прозрения стали в прямом смысле прочитанные им 14 сентября 1822 г. подлинные египетские (а не греко-римские) царские имена. Первым из них стало имя «Рамсес» (в разных вариантах написания) на скопированных иероглифических надписях 2-й половины II тыс. до н.э., вопреки распространенному в широких кругах представлению — весьма упрощенному и во многом превратному, — которое сильно преувеличивает значение в истории дешифровки Розеттского камня (II в. до н.э.). Детальному анализу истории и принципов дешифровки египетского письма и, что не менее важно, египетского языка был посвящен опубликованный доклад «Гениальное открытие Шампольона», прочитанный И. Г. Франк-Каменецким (1880–1937; египтолог, семитолог, с 1933 г. — профессор кафедры семито-хамитской филологии ЛГУ) на «I-м Съезде русских египтологов по поводу столетнего юбилея дешифровки иероглифов Шампольоном»; текст доступен в сети Интернет по ссылке: <http://www.egyptology.ru/lang/Frank.pdf> (дата обращения: 09.02.2022).

положившее начало научной египтологии [Петровский, 1978: 22–25], а 165 лет назад, в мае 1857 г., в Лондоне Королевским Азиатским обществом (the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland) была признана успешно доказанной дешифровка ассиро-вавилонской клинописи, что ознаменовало собой рождение новой фундаментальной научной дисциплины о древности — ассириологии [Talbot et al. 1861].

Список литературы

1. *Алексеев А. А.* Библия в богослужении. Византийско-славянский лекционарий. СПб.: Нестор-История, 2008.
2. *Алексеев А. А.* Преображение: богословие и иконография // Библия и христианская древность: научный журнал / Московская духовная академия, «Центр изучения патристики и христианской древности». № 2 (6). Сергиев Посад: Изд-во Московской духовной академии, 2020. С. 132–154.
3. *Вавилина Д. А.* Вавилонская поэма о боге чумы Эрре: проблема датировки и установления исторического контекста // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 13. Вып. 1. С. 63–72.
4. *Коган Л.Е.* (вступ. ст.), *Нуруллин Р. М.* (пер. с акк., коммент.). Гильгамеш И. М. Дьяконова: попытка реставрации (продолжение) // Вестник Древней Истории. 2012. № 4. С. 220–263.
5. *Козырева Н. В.* Очерки по истории Южной Месопотамии эпохи ранней древности (VII тыс. до н.э. — середина II тыс. до н.э.). СПб.: Контраст, 2016.
6. *Мещерская Е. Н.* Времена года и богородичные праздники в сирийском апокрифе «Исход Марии» // Алексеева Е. Л. (ред.). Библистика. Славистика. Русистика: К 70-летию заведующего кафедрой библистики проф. А. А. Алексеева. СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2011. С. 168–186.
7. *Мещерская Е. Н.* Апокрифы о Моисее и Успение Богородицы // Битнер К. А., Лукинцова Л. А. (ред.). Иудаика и библистика: Материалы Второй ежегодной конференции по иудаике и востоковедению. СПб.: Петербургский институт иудаики, 2013. С. 124–138.
8. *Мещерская Е. Н.* Ветхозаветные апокрифы и «Исход Марии» // Христианский Восток: серия, посвященная изучению христианской культуры народов Азии и Африки. Т. 8(XIV). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. С. 283–296.
9. *Петровский Н. С.* Звуковые знаки египетского письма как система. М.: Наука, 1978.
10. *Франк-Каменецкий И. Г.* Гениальное открытие Шампольона // Новый Восток. 1923. № 2. С. 456–493.
11. *Abusch I. Tz.* Alaktu and Halakhah, Oracular Decision, Divine Revelation // The Harvard Theological Review. Vol. 80. № 1. 1987. P. 15–42.
12. *Alexeev A. A.* On Jerusalem Vestiges of the Byzantine Gospel Lectionary // Spronk K. et al. (eds.). Catalogue of Byzantine Manuscripts in Their Liturgical Contexts: Subsidia I. Turnhout: Brepols Publ., 2013. P. 173–182.
13. The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Vol. A1–Z. Chicago: The University of Chicago, 19562010. [CAD]
14. *Black J., George A., Postgate N.* A Concise Dictionary of Akkadian. 2nd (corrected) printing. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2000. [CDA].
15. *Blidstein G. J.* Messiah in Rabbinic Thought // Skolnik F., Berenbaum M. (eds.). Encyclopaedia Judaica. 2nd ed. Detroit, New York: Keter Publ. House, 2007. Vol. 14. P. 112–113.

16. Charpin D. *Gods, Kings, and Merchants in Old Babylonian Mesopotamia*. Leuven, Paris, Bristol: Peeters, 2015.
17. Cohen M. E. *Festivals and Calendars of the Ancient Near East*. Bethesda, Maryland: CDL Press, 2015.
18. Cooley J.L. “I Want to Dim the Brilliance of Šulpaē!” Mesopotamian Celestial Divination and the Poem of “Erra and Išum” // *Iraq*. 2008. Vol. 70. P. 179–188.
19. Fleming D. *Time at Emar: the Cultic Calendar and the Rituals from the Diviner’s Archive*. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2000.
20. Frahm G. Nabû-zuqup-kēnu, Gilgamesh XII and the rites of Du’uzu // *Nouvelles assyriologiques brèves et utilitaires*. 2005/1. № 5. P. 4–5.
21. Gadotti A. ‘Gilgamesh, Enkidu, and the Netherworld’ and the Sumerian Gilgamesh Cycle. Boston, Berlin: De Gruyter, 2014.
22. George A. R. *The Babylonian Gilgamesh Epic. Introduction, Critical Edition and Cuneiform Texts*. Vol. 1–2. Oxford: Oxford University Press, 2003.
23. Glassner J.-J. *Mesopotamian Chronicles*. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2004.
24. Horowitz W. *Mesopotamian Cosmic Geography*. 2nd Printing with Corrections and Addenda. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2011.
25. Hunger H., Steele J. *The Babylonian Astronomical Compendium mul.apin*. London, New York: Routledge, 2019.
26. Kolev R. K. *The Babylonian Astrolabe: The Calendar of Creation*. Helsinki: The Neo-Assyrian Text Corpus Project, 2013.
27. Kutscher R. *The Cult of Dumuzi/Tammuz* // Klein J., Skaist A. (eds.). *Bar-Ilan Studies in Assyriology dedicated to Pinhas Artzi*. Ramat Gan: Bar-Ilan University Press, 1990. P. 29–44.
28. MacDougal R. *Remembrance and the Dead in the Second Millennium BC Mesopotamia*. PhD thesis. University of Leicester, 2014.
29. MSZ: Münchner Sumerischer Zettelkasten / Betreut von W. Sallaberger. 2020. — URL: https://www.assyriologie.uni-muenchen.de/forschung/zettelkasten/msz_2020.pdf.
30. Peterson J. *A Study of Sumerian Faunal Conception with a Focus on the Terms Pertaining to the Order Testudines*. PhD thesis. University of Pennsylvania, 2007.
31. Sallaberger W. *Der Kultische Kalender der Ur III-Zeit*. Berlin, New York: De Gruyter, 1993.
32. Scurlock J. A. *Magical uses of Ancient Mesopotamian Festivals of the Dead* // Meyer M., Mirecki P. (eds.). *Ancient Magic and Ritual Power*. Leiden, New York, Köln: Brill, 1995.
33. Scurlock J. A. *Magico-medical Means of Treating Ghost-induced Illnesses in Ancient Mesopotamia*. Leiden, Boston: Brill, 2006.
34. Scurlock J.A. ‘Enūma eliš’ meets the so-called Babylonian Map of the World // Attinger P. et al. (eds.). *Text and Image. Proceedings of the 61^e Rencontre Assyriologique Internationale, Geneva and Bern, 22–26 June 2015*. Leuven, Paris, Bristol: Peeters, 2018. P. 411–422.
35. von Soden W. *Grundriss der akkadischen Grammatik*. 3. ergänzte Auflage unter Mitarbeit von W. R. Mayer. Roma: Pontificio Instituto Biblico, 1995. [GAG].
36. Steinkeller P. *Of Stars and Men: The Conceptual and Mythological Setup of Babylonian Extispicy* // Gianto A. (ed.). *Biblical and Oriental Essays in Memory of William L. Moran*. Rome: Biblica et Orientalia, 2005. P. 11–47.
37. Steinkeller P. *History, Texts and Art in Early Babylonia: Three Essays*. Boston, Berlin: De Gruyter, 2017.
38. Steinkeller P. *The Reluctant En of Inanna — or the Persona of Gilgameš in the Perspective of Babylonian Political Philosophy* // *Journal of Ancient Near Eastern History*. 2018. Vol. 5(1–2). P. 149–177.

39. Talbot F.W.H., Hincks E., Oppert J., Rawlinson H. C. *Comparative Translations // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1861. Vol. 18. P. 150–219.
40. Tsukimoto A. *Untersuchungen zur Totenpflege (kispum) im Alten Mesopotamien*. Kevelaer: Butzon & Bercker, 1985.
41. VanderKam J. C. *Calendars. Ancient Israelite and Early Jewish* // Freedman D. N. (ed.). *The Anchor Bible Dictionary*. New York: Doubleday, 1992. Vol. 1. P. 814–820.
42. Wiesenberg E. J. Av // Skolnik F., Berenbaum M. (eds.). *Encyclopaedia Judaica*. 2nd ed. Detroit, New York: Keter Publ. House, 2007. Vol. 2. P. 713–714.
43. Ydit M. Av, The Ninth of // Skolnik F., Berenbaum M. (eds.). *Encyclopaedia Judaica*. 2nd ed. Detroit, New York: Keter Publ. House, 2007. Vol. 2. P. 714–716.

References

1. Abusch I. Tz. Alaktu and Halakhah, Oracular Decision, Divine Revelation. *The Harvard Theological Review*, 1987, vol. 80/ 1, pp. 15–42.
2. Alexeev A. A. *The Bible in the Liturgy. The Byzantine-Slavonic Lectionary*. St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2008 (in Russian).
3. Alexeev A. A. On Jerusalem Vestiges of the Byzantine Gospel Lectionary / Spronk K. et al. (eds.). *Catalogue of Byzantine Manuscripts in Their Liturgical Contexts: Subsidia I*. Turnhout: Brepols Publ., 2013, pp.173–182.
4. Alexeev A. A. Transfiguration: Theology and Iconography. *Bible and Christian Antiquity. Scientific Journal of Biblical Studies, Patristics and the History of Christian Thought*. 2020, no. 2 (6), pp. 132–154 (in Russian).
5. *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Vol. A1–Z. Chicago: The University of Chicago, 19562010. [CAD]
6. Black J., George A., Postgate N. *A Concise Dictionary of Akkadian*. 2nd (corrected) printing. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2000. [CDA].
7. Blidstein G. J. Messiah in Rabbinic Thought / Skolnik F., Berenbaum M. (eds.). *Encyclopaedia Judaica*. 2nd ed. Detroit, New York: Keter Publ. House, 2007, vol. 14, pp. 112–113.
8. Charpin D. *Gods, Kings, and Merchants in Old Babylonian Mesopotamia*. Leuven, Paris, Bristol: Peeters, 2015.
9. Cohen M. E. *Festivals and Calendars of the Ancient Near East*. Bethesda, Maryland: CDL Press, 2015.
10. Cooley J.L. “I Want to Dim the Brilliance of Šulpaē!” Mesopotamian Celestial Divination and the Poem of “Erra and Išum”. *Iraq*, 2008, vol. 70, pp. 179–188.
11. Fleming D. *Time at Emar: the Cultic Calendar and the Rituals from the Diviner’s Archive*. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2000.
12. Frahm G. Nabû-zuqup-kēnu, Gilgamesh XII and the rites of Du’uzu. *Nouvelles assyriologiques brèves et utilitaires*, 2005/1, no. 5, pp. 4–5.
13. Frank-Kamenetsky I. G. The Ingenious Discovery of Champollion. *Novij Vostok*, 1923, no. 2, pp. 456–493 (in Russian).
14. Gadotti A. ‘Gilgamesh, Enkidu, and the Netherworld’ and the Sumerian Gilgamesh Cycle. Boston, Berlin: De Gruyter, 2014.
15. George A. R. *The Babylonian Gilgamesh Epic. Introduction, Critical Edition and Cuneiform Texts*. Vol. 1–2. Oxford: Oxford University Press, 2003.
16. Glassner J.-J. *Mesopotamian Chronicles*. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2004.
17. Horowitz W. *Mesopotamian Cosmic Geography*. 2nd Printing with Corrections and Addenda. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2011.

18. Hunger H., Steele J. *The Babylonian Astronomical Compendium mul.apin*. London, New York: Routledge, 2019.
19. Kogan L.E. (Introd.), Nurullin R. M. (Transl., Comment.). I. M. Diakonoff's Gilgamesh: A Reconstruction (the End). *Vestnik drevnei istorii*, 2012, no. 4, pp. 220–263 (in Russian).
20. Kolev R. K. *The Babylonian Astrolabe: The Calendar of Creation*. Helsinki: The Neo-Assyrian Text Corpus Project, 2013.
21. Kozyreva N. V. *Studies in the History of Southern Mesopotamia in Early Antiquity (from the 7th to the middle of the 2nd millennium BC)*. St. Petersburg: Contrast, 2016 (in Russian).
22. Kutscher R. The Cult of Dumuzi/Tammuz / Klein J., Skaist A. (eds.). *Bar-Ilan Studies in Assyriology dedicated to Pinhas Artzi*. Ramat Gan: Bar-Ilan University Press, 1990, pp. 29–44.
23. MacDougal R. *Remembrance and the Dead in the Second Millenium BC Mesopotamia*. PhD thesis. University of Leicester, 2014.
24. Meshcherskaya E. N. Seasons of the Year and the Virgin Mary's Festivals in a Syriac Apocryphal Work "Virgin Mary's Exodus" / Alexeeva E. L. (ed.). *Bibleistika. Slavistika. Rusistika: In Honour of prof. Anatolij Alexeev on his 70th Birthday*. St. Petersburg: Filologicheskij Fakultet (SPbSU), 2011, pp. 168–186 (in Russian).
25. Meshcherskaya E. N. Apocrypha about Moses and the Dormition / Buettner K. A., Lukintsova L. A. (eds.). *Judaika i Bibleistika. The Proceedings of the 2nd Academic Conference on the Jewish and Eastern studies*. St. Petersburg: Peterburgskiy Institut Judaiki, 2013, pp.124–138 (in Russian).
26. Meshcherskaya E. N. Old Testament Apocrypha and "Virgin Mary's Exodus". *Christian Orient: Journal of Studies in the Christian Culture of Asia and Africa*. St. Petersburg: the State Hermitage Publ., 2017, vol. 8(XIV), pp. 283–296 (in Russian).
27. MSZ: *Münchner Sumerischer Zettelkasten*. Betreut von W. Sallaberger. 2020, URL: https://www.assyriologie.uni-muenchen.de/forschung/zettelkasten/msz_2020.pdf.
28. Peterson J. *A Study of Sumerian Faunal Conception with a Focus on the Terms Pertaining to the Order Testudines*. PhD thesis. University of Pennsylvania, 2007.
29. Petrovsky N. S. *The Sound-Signs of the Egyptian Writing as a System*. Moscow: Nauka, 1978 (in Russian).
30. Sallaberger W. *Der Kultische Kalender der Ur III-Zeit*. Berlin, New York: De Gruyter, 1993.
31. Scurlock J. A. Magical uses of Ancient Mesopotamian Festivals of the Dead / Meyer M., Mirecki P. (eds.). *Ancient Magic and Ritual Power*. Leiden, New York, Köln: Brill, 1995.
32. Scurlock J. A. *Magico-medical Means of Treating Ghost-induced Illnesses in Ancient Mesopotamia*. Leiden, Boston: Brill, 2006.
33. Scurlock J.A. 'Enūma eliš' meets the so-called Babylonian Map of the World // Attinger P. et al. (eds.). *Text and Image. Proceedings of the 61e Rencontre Assyriologique Internationale, Geneva and Bern, 22–26 June 2015*. Leuven, Paris, Bristol: Peeters, 2018, pp. 411–422.
34. von Soden W. *Grundriss der akkadischen Grammatik*. 3. ergänzte Auflage unter Mitarbeit von W. R. Mayer. Roma: Pontificio Instituto Biblico, 1995. [GAG].
35. Steinkeller P. Of Stars and Men: The Conceptual and Mythological Setup of Babylonian Extispicy / Gianto A. (ed.). *Biblical and Oriental Essays in Memory of William L. Moran*. Rome: Biblica et Orientalia, 2005, pp. 11–47.
36. Steinkeller P. *History, Texts and Art in Early Babylonia: Three Essays*. Boston, Berlin: De Gruyter, 2017.
37. Steinkeller P. The Reluctant En of Inanna — or the Persona of Gilgameš in the Perspective of Babylonian Political Philosophy. *Journal of Ancient Near Eastern History*, 2018, vol. 5(1–2), pp. 149–177.

38. Talbot F.W.H., Hincks E., Oppert J., Rawlinson H. C. Comparative Translations // *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1861, vol. 18, pp. 150–219.
39. Tsukimoto A. *Untersuchungen zur Totenpflege (kispum) im Alten Mesopotamien*. Kevelaer: Butzon & Bercker, 1985.
40. VanderKam J. C. Calendars. Ancient Israelite and Early Jewish / Freedman D. N. (ed.). *The Anchor Bible Dictionary*. New York: Doubleday, 1992, vol. 1, pp. 814–820.
41. Vavilina D. A. Babylonian Poem about Erra, the God of Disaster: the Problem of Dating and Identifying Historical Background. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo Universiteta. Vostokovedenie i Afrikanistika*, 2015, series 13, iss. 1, pp. 63–72 (in Russian).
42. Wiesenberg E. J. Av / Skolnik F., Berenbaum M. (eds.). *Encyclopaedia Judaica*. 2nd ed. Detroit, New York: Keter Publ. House, 2007, vol. 2, pp. 713–714.
43. Ydit M. Av, The Ninth of / Skolnik F., Berenbaum M. (eds.). *Encyclopaedia Judaica*. 2nd ed. Detroit, New York: Keter Publ. House, 2007, vol. 2, pp. 714–716.

Информация об авторе

Адель Владимировна Немировская — кандидат филологических наук, доцент кафедры Древнего Востока, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: a.nemirovskaya@spbu.ru

Author's Information

Adel V. Nemirovskaya — PhD in Philology, Associate Professor, Department of History of the Ancient East Countries, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University.

E-mail: a.nemirovskaya@spbu.ru

Проскинеза в Ахеменидской империи в освещении древнегреческой традиции и древнеперсидских изобразительных источников¹

Аннотация: В статье рассматриваются основные контексты упоминания ритуала *проскинезы* в Ахеменидской империи в древнегреческой традиции, и делается попытка соотнесения их с древневосточными практиками на материале изобразительных источников с территории Ахеменидской империи. На основании рассмотрения особенностей упоминания о *проскинезе* в религиозном контексте делается вывод о том, что данный контекст был первоначальным, в рамках которого сложилось определенное понимание *проскинезы*. Из понимания *проскинезы* как религиозного действия исходит и понимание этого термина в церемониальном контексте, как дворцовой практики почитания царя на Востоке. Это было обусловлено пониманием греками того, что в восточных монархиях царя почитали за бога. Однако очевидно также, что *проскинеза* как церемониальная практика, направленная на почитание царя, не только могла осуществляться в присутствии самого монарха, но очевидно и перед изображением царя. В древнегреческих источниках говорится также о почитании персами сакрального двойника царя — его *даймона* (авестийского *fravashi*, возможно персонифицированного в виде мужской фигуры в царском облачении в центре крылатого диска — символа Ахеменидов). *Проскинеза даймону* царя может быть связана как с культом уже умершего царя, так и с почитанием изображения живого царя. Кроме того, античные авторы также сообщают о совершении *проскинезы* в социальном контексте, не связывая его ни с религией, ни с почитанием царя, но считая его разновидностью приветствия между людьми, находящими на разных ступенях социальной иерархии. Что касается изобразительных источников с территории Ахеменидской империи, то глиптика Персеполя, содержащая изображение религиозной процессии, участники которой держат руку у рта, может быть свидетельством совершения *проскинезы* в религиозном контексте, рельефы ападаны Персеполя со сценами аудиенции с царем — в церемониальном контексте, а рельефы с изображением процессии знатных персов и мидян — в социальном контексте. Библиография: 42 наименования.

Ключевые слова: Персия, Ахемениды, *проскинеза*, Геродот, ритуал, церемония

Proskynesis in the Achaemenid Empire according to the Ancient Greek tradition and Ancient Persian visual sources

Summary: the article presents the main contexts of mentioning the ritual of *proskynesis* in the Achaemenid Empire according to the ancient Greek tradition, and an attempt is made to correlate them with ancient Eastern practices based on the material of visual sources from the territory of the Achaemenid Empire. It is concluded that the religious context was the original, within which a certain understanding of *proskynesis* was formed. The understanding of *proskynesis* as a religious action also proceeds from the understanding of this in a ceremonial context, as a court practice of worship to the king in the East. This was due to the understanding by the Greeks that in the Eastern monarchies the king was revered as a god. However, it is also obvious that *proskynesis* as a ceremonial practice aimed at worship to the king carried out also in the front of image of the king. The classical authors also report of the performance of *proskynesis* in a social context, do not associate it with either religion or the veneration of the king, but consider it a kind of greeting between people of different social ranks. As for visual sources, the glyptic of Persepolis, containing the images of a religious processions, can be evidence of the performance of *proskynesis* in a religious context, the reliefs of the Apadana of Persepolis with scenes of an audience with the king may show *proskynesis* in a ceremonial context, and reliefs depicting a procession of noble Persians and Medes attest of *proskynesis* in a social context. Refs 44.

Keywords: Persia, Achaemenids, *proskynesis*, Herodotus, ritual, ceremony

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20–18–00374, выполняемый на базе ННГУ им. Н. И. Лобачевского).

Введение

Слово *προσκύνησις* происходит от древнегреческого глагола *προσκυεῖν*, который дословно переводится «целовать перед собой» (глагол *κυεῖν* означает «целовать», а префикс *προσ-* указывает на направленность действия). На основании семантики глагола *προσκυεῖν* предполагают, что первоначально он применялся для обозначения совершения ритуального поцелуя как бы направляемого перед собой при поднесении руки ко рту (Horst 1932: 10–11), но в дальнейшем этот глагол, по всей видимости, стал полисемантическим. Так, например, в древнегреческо-русском словаре И. Х. Дворецкого приводятся три основных варианта перевода (а по своей сути — интерпретации) глагола *προσκυεῖν*: 1) падая ниц (и целуя край одежды) приветствовать, отвешивать земной поклон; 2) благоговейно преклоняться, поклоняться, воздавать почести, чтить; 3) благоговейно молить, заклинать (ДРС. ст. *προσκυέω*).

Со времен Древней Греции и до периода Византийской империи существовала давняя традиция использования слова *προσκυεῖν* в церемониальном аспекте, описывающего поклонение правителю со стороны подданных. Однако этот же глагол также использовался античными авторами для описания не только поклонения правителям, но и поклонения богам (Aesch. *Pers.* 500; *Prometh.* 936; *Soph. Phil.* 533, 657, 776, 1408; *Elect.* 1374; *OT* 1327; *OC* 1654; F. 738 TGF; *Ag. Plut.* 771–3). Берта Марти пришла к справедливому выводу, что греки и римляне использовали для поклонения правителям слова, которые также использовались для поклонения богам, по двум причинам: 1) отношение персов к своим правителям напоминало об их собственном жесте поклонения Земле с падением ниц и поцелуем; 2) поскольку они думали, что персы считали своих царей богами, греки и римляне приписывали церемонии поклонения подобный дух почтения, и поэтому *προσκυεῖν* выражал как жест, так и чувства, которые они приписывали своим восточным соседям [Martí 1936: 282].

Некоторые историки считают, что обычай *проскинезы* предполагал, в основном, жест посылания поцелуя рукой (*hand-kissing*; *Kußhand*: [Scott 1921/2; Taylor 1927: 53; Frye 1972: 106; Wolfgang 1972: 1189; Wiesehöfer 2003: 448; Matarese 2013: 76–79; 2014: 122]), другие, — что он относился к поклону, преклонению колен или падению ниц — *прострации* [Tarn 1948: 359; Bickerman 1963; Cotesta 2012; Lozano 2020]. Существует также мнение, что любые жесты преклонения или же поклонения также могли быть названы *проскинезой*. Хью Боуден, например, отмечает: «Ясно, что это слово не использовалось последовательно для описания одного конкретного жеста или действия» [Bowden 2013: 59]. Точно так же Такудзи Абэ утверждает, что термин *προσκύνησις* не обозначает какую-либо одну позу, а используется для обозначения ряда различных действий [Abe 2018: 4]. Во многих современных переводах классических авторов *проскинеза* интерпретируется как *прострация*, поклон, преклонение, поклонение, приветствие, почтение и т.д. [Doležal 2009: 137]. Причем, в значительном большинстве современных исследований *проскинеза* рассматривается исключительно в ахеменидском контексте, однако, и египтологи, и ассириологи иногда также используют это слово для обозначения ритуальных действий, направленных на почитание богов или правителей в иных странах Передней Азии [Fischer 1982; Seidl 2006–2008].

Однако персидский контекст заметно преобладает в работах современных историков. Например, Пьер Бриан отмечает, что если мы сравниваем греческие источники, сообщающие о *проскинезе*, со свидетельствами персидской иконографии, изображающей сцены с *проскинезой*, между ними возникает явное противоречие:

Тем не менее, сравнение классических текстов и рельефов представляет собой проблему интерпретации. Что именно должно было выполнить лицо, получившее

аудиенцию? Другими словами, что означает слово *proskynēsis*? На барельефах для публичного обозрения важный человек перед царем наклоняется вперед и посылает воздушный поцелуй. Но у многих греческих авторов очень ясно упоминается действие, также известное на доахеменидском Ближнем Востоке и у парфян, состоящее в падении ниц или в преклонении колен перед царским тронem [Briant 2002: 222].

Ричард Фрай предположил, что различное представление персидского обычая *проскинезы* на барельефах Персеполя и в классических источниках может быть связано с использованием разных жестов для разных целей. Этот автор отмечает, что для знати *проскинеза* была поклоном с поцелуем при помощи собственной руки, как изображено на барельефах в Персеполе, или со сгибанием колен, или даже, в случае мольбы или просьбы, полным земным поклоном, особенно для слуг [Frye 1962: 96]. Киара Матарезе предполагает, что описание *проскинезы* как *прострации* в античной традиции было недоразумением, которое можно легко объяснить в контексте их мнения о персидских царях и их подданных. Она полагает, что центральной частью *проскинезы*, которую следует рассматривать как отдельный аспект дворцового церемониала Ахеменидов, был поцелуй; и мы не говорим о *проскинезе*, если не рассматриваем поцелуй [Matarese 2014: 132–133]. В своей более ранней статье она даже утверждает, что под *проскинезой* следует понимать поцелуй, который отличается от обычного поцелуя: это был поцелуй, посланный рукой на расстоянии [Matarese 2013: 78–79]. По словам Матарезе, то, что можно найти на барельефах из Персеполя, не является признаком *прострации* вместе с *проскинезой*. Тем не менее, она также отмечает интересный момент, что *прострация* могла быть способом приближения к царю, наряду с *проскинезой*, только в случае глубокого социального разрыва между двумя персами или чужеземцами, такими как греки, а это означает, что ни аристократы, ни персидские чиновники не были принуждены падать ниц перед царем, а они посылали поцелуй ему [Matarese 2014: 133]. Такудзи Абэ также утверждает, что особой формой *проскинезы*, который обычно исполнялся при персидском дворе, был поклон с поднятой рукой ко рту [Takujī Abe 2018, 4].

Исследователи также дискутируют о значении *проскинезы* в Ахеменидской империи. Еще Гео Виденгрэн полагал, что ритуал *проскинезы* подразумевал воздание божественных почестей царю [Widengren 1959], однако, большинство современных исследователей оспаривают эту интерпретацию. Ричард Фрай отмечает, что для Ахеменидов *проскинеза* не означала унижительного смирения перед богом, а скорее знак уважения к царскому достоинству [Frye 1962: 96]. Ллойд Ллевеллин-Джонс пишет: «Неверное понимание персидского акта *проскинезы* как почитания божественной монархии (на что никогда не претендовали сами ахеменидские цари и чего не понимали сами персы) объясняет несколько греческих рассказов, в которых высказывается отвращение к этому акту социального подчинения» [Llewellyn-Jones 2013: 72]. Артур Кивни также заключает: «*Проскинеза* — это жест уважения, который один перс проявляет к другому, которого он считает высшим в их иерархическом обществе. Царь, конечно же, находится на самой вершине этого общества и поэтому очень часто упоминается в наших источниках как удостоенный этой чести» [Keaveney 2012: 37]. И, наконец, Фридерикомария Муччиоли полагает, что в ахеменидском обществе *проскинеза* более относится к социальной, чем религиозной сфере. Он подразумевает особую дворцовую социальную систему, подчеркивая различие между царем и его подданными, начиная с элиты, окружавшей ахеменидского династа [Muccioli 2016: 43].

Данная работа является логическим продолжением прежних исследований феномена *проскинезы* в Ахеменидской Персии. В одной из работ практика *проскинезы* рассматривалась в тесной связи с дискуссией о существовании царского культа в Персидской империи

Ахеменидов [Рунг, 2016]; другая была в основном посвящена исследованию невербальных аспектов исполнения *проскинезы* при царском дворе [Rung 2020]; третья статья связывала *проскинезу* с интерпретацией новой надписи на гробнице Дария I в Накш-и Рустаме [Рунг, 2021]. В данной работе, в отличие от предыдущих, предполагается выделить основные контексты, в которых античные авторы использовали глагол *προσκυνεῖν* и его производные, в том числе существительное *προσκύνησις*, для обозначения древневосточных реалий. Среди таких контекстов обозначим три основных: религиозный, церемониальный и социальный. И, наконец, в работе обращается внимание на то, что изобразительные источники с территории Ахеменидской империи, позволяющие соотнести представленное на них с описанием *проскинезы*, также поддерживают заключение о трех контекстах бытования этого ритуала в Персии.

1. Проскинеза в религиозном контексте

Впервые применительно к варварам глагол *προσκυνεῖν* в религиозном контексте присутствует в «Персах» Эсхила при описании отступления персидских войск через Фракию, в суровых погодных условиях, после понесенного поражения:

К горе Пангею, вышли. Бог не вовремя
Послал мороз той ночью, и сковало льдом
Поток священный Стримон. И не чтившие
Богов дотолу тут с молитвой истовой
К земле и небу в страхе принялись взывать.
(досл.: земле и небу совершая *проскинезу*
— γαῖαν οὐρανόν τε προσκυνῶν — Э.Р.)

Молились долго. А когда закончило
Молитву войско, реку перешло по льду (*Pers.* 495–502; пер. С. К. Апта).

Упоминание о совершении *проскинезы* варварами в процессе принесения молитвы присутствует и в «Законах» философа Платона:

Они (т.е. афиняне) видели, как их родители с величайшим тщанием относились к принесению жертв, обращаясь за самих себя и за своих детей с молитвами и просьбами к божествам и этим показывая свое глубокое убеждение в бытии богов. Они знают понаслышке, да и видят сами, что эллины и все варвары как при различных несчастьях, так и при полном благополучии преклоняют колени и повергаются ниц (досл.: совершают *проскинезу* — Э.Р.) при восходе и закате Солнца и Луны (ἀνατέλλοντός τε ἡλίου καὶ σελήνης καὶ πρὸς δυσμὰς ἰόντων προκυλίσεις ἅμα καὶ προσκυνήσεις ἀκούοντές τε καὶ ὀρώντες Ἑλλήνων τε καὶ βαρβάρων πάντων ἐν συμφωραῖς παντοίαις ἐχομένων καὶ ἐν εὐπραγίαις), показывая этим не только полную свою уверенность в бытии богов, но и то, что у них на этот счет даже не возникает сомнения (Plato. *Leg.* 887e; пер. А. Н. Егунова).

«Отец истории» Геродот (VII.136.1) не связывает непосредственно *проскинезу* с религией, однако, при упоминании отказа на аудиенции с царем Ксерксом спартанских посланников Сперфия и Булиса совершить это ритуальное действие, он ссылается на их обычай не исполнять *проскинезу* человеку (οὐτε γὰρ σφι ἐν νόμῳ εἶναι ἄνθρωπον προσκυνεῖν). Однако Ксенофонт в «Киропедии» (II.4.19) упоминает совершение Киром *проскинезы* Зевсу Царю (προσεκύνησε Δία βασιλέα). В «Анабасисе» (III.2.13) же Ксенофонт говорит, что во время похода Ксеркса греки совершали *проскинезу* не человеку, повелителю, а только богам (οὐδένα γὰρ ἄνθρωπον δεσπότην ἀλλὰ τοὺς θεοὺς προσκυνεῖτε). И, наконец, Плутарх в своей биографии Артаксеркса (*Art.* XXIII.7) повествует, что сам этот царь совершил *проскинезу* богине Гере, прикоснувшись к земле руками (τῇ Ἥρᾳ προσκυνῆσαι μόνην θεῶν

ἐκεῖνην, ταῖς χερσὶ τῆς γῆς ἀψάμενος), а позже призывал и других персов исполнить *проскинезу* Солнцу (τὸν Ἥλιον προσκυνῆσαι) (Plut. *Art.* XXIX.12). Различие между почестями людям и почестями богам приводит Арриан в речи Каллисфена по поводу введения *проскинезы* Александром Великим во время своего восточного похода:

Люди, однако, провели строгую границу между почестями, которые воздаются людям, и теми, которые воздают богам: им строят храмы, ставят статуи, выделяют для них священные участки, приносят жертвы и совершают возлияния, сочиняют в их честь гимны, а для людей пишут хвалебные песни. Особо важен обряд преклонения (ἀτὰρ οὐχ ἥκιστα τῷ τῆς προσκυνήσεως νόμῳ). Люди, здороваясь, целуют друг друга, но божество пребывает высоко над нами, и прикасаться к нему кощунство. Поэтому мы величаем его, склоняясь перед ним (досл.: совершая перед ним *проскинезу* — Э.Р.) (τοὺς μὲν γὰρ ἀνθρώπους φιλεῖσθαι πρὸς τῶν ἀσπασμένων, τὸ θεῖον δέ, ὅτι ἄνω που ἰδρυμένον καὶ οὐδὲ ψαῦσαι αὐτοῦ θέμις, ἐπὶ τῷδε ἄρα τῇ προσκυνήσει γεραίρεται); в честь богов устраивают хоры, в честь богов поют пеаны. Нет ничего удивительного в том, что разных богов, клянусь Зевсом, и чтят по-разному; героям воздают ведь тоже почести иные, чем богам. Не подобает все это перемешать и привести в полный беспорядок, возводя людей на недостижимую высоту и оказывая им преувеличенные почести, и в то же время низвергать и принижать, по крайней мере насколько это от нас зависит, богов, почитая их наравне с людьми (Arr. *Anab.* IV.11.3; пер. М. Е. Сергеев).

Таким образом, представляется, что религиозный контекст был первоначальным, в рамках которого сложилось определенное понимание *проскинезы* (правда, Х. Боуден необоснованно считает религиозный контекст *проскинезы* вторичным: [Bowden 2013: 60]).

2. Проскинеза в церемониальном контексте

Итак, из понимания *проскинезы* как религиозного действия исходит и понимание этого явления в церемониальном контексте, как дворцовой практики почитания царя на Востоке. Здесь следует оговориться, что обозначение церемонии приветствия царя словом *προσκυνεῖν* и его производными было обусловлено пониманием того, что в восточных монархиях царя почитали за бога. В драме Эсхила «Персы» Ксеркс называется «равным богу» (80: ἰσόθεος), а царица — «супругой бога персов» и «матерью бога» (158: θεοῦ μὲν εὐνάτειρα Перσῶν, θεοῦ δὲ καὶ μήτηρ). Очевидно, что сами греки с иронией относились к такого рода сравнениям царя с божеством. Геродот (VII.56), в частности, рассказывает о том, что, когда Ксеркс переправлялся с войском через Геллеспонт, какой-то геллеспонтиец воскликнул: «Зевс! Почему ты в облике перса, приняв имя Ксеркса, желаешь опустошить Элладу и ведешь с собой полчища всего мира? Ведь это ты мог бы совершить и без них». Псевдо-Лонгин в своем трактате «О возвышенном» (3.2) считал смешным замечание софиста Горгия из Леонтин, которое может быть парафразой приведенного Геродотом сравнения Ксеркса с Зевсом (ταύτη καὶ τὰ τοῦ Λεοντίνου Γοργίου γελᾶται γράφωντος Ἐέρξης ὁ τῶν Перσῶν. Ζεὺς?). Псевдо-Аристотель в своем трактате «О мире» пишет, что благодаря многочисленным своим прислужникам, окружавшим его, сам царь, называемый господином и богом (δεσπότης καὶ θεὸς ὀνομαζόμενος), все видел и все слышал. Автор трактата замечает:

Но персидскому царю так же далеко до властвующего в космосе божества, как до него самого — слабой и ничтожной твари. И если нечестиво полагать, что Ксеркс лично всем занимается и сам выполняет свои прихоти, во все вникая, то тем менее подобает это Богу ([Arist]. *De mundo.* 398a).

Плутарх (*Them.* XXVII) передает слова, обращенные Артабаном к Фемистоклу: «...у нас хоть и много прекрасных законов, но прекраснее всех тот, чтобы чтить царя и совершать ему *проскинезу*, как перед подобием бога, хранителя всего (τιμᾶν βασιλέα καὶ προσκυνεῖν ὡς εἰκόνα θεοῦ τοῦ τὰ πάντα σφύζοντος)». Напротив, древнеперсидские тексты не столь категоричны в определении сакрального статуса Великих царей [Рунг, 2016: 178]. По крайней мере, не известны документы, где бы персидские монархи напрямую назывались богами, ассоциировались с конкретными божествами или признавались равными богу, как это следует из сообщений античных авторов. Как раз на этом основании многие современные исследователи приходят к негативным заключениям в отношении практики обожествления царей в Персии и существовании царского культа в Ахеменидской империи [Дандамаев, Луконин, 1980: 330; Wiesehöfer 1994: 30; Garrison 2011: 16; Briant 2002: 241; Rollinger 2011: 46]. Однако античные авторы на основании своей убежденности в том, что персы считали своего царя богом, полагали, что они воздавали своим царям и божественные почести, включая исполнение *проскинезы*, и, в этом направлении интерпретируя этот ритуал, зачастую сознательно отказывались следовать ему во время аудиенций с персидскими царями.

2.1. Проскинеза как способ приветствия царя

Впервые *проскинезу* как церемониальное действие перед царем описывает Геродот в ходе своего рассказа о пребывании спартанцев Сперфия и Булиса при дворе Ксеркса:

Телохранители прежде всего приказали им пасть ниц и поклониться царю до земли (досл.: совершить *проскинезу* поклонившись царю — Э.Р.) (προσκυνεῖν βασιλέα προσπίπτοντας) и хотели принудить их к этому силой. Однако они наотрез отказались, даже если их поставят на голову. Ведь, по их словам, не в обычае совершать *проскинезу* человеку... (οὔτε γάρ σφι ἐν νόμῳ εἶναι ἄνθρωπον προσκυνεῖν) (Hdt. VII.136.1; пер. Г. А. Стратановского).

Далее Геродот дает понять, что несмотря на отказ совершить *проскинезу*, послы были допущены к царю и выступили перед ним с речью. Вообще же в «Истории» Геродота большинство случаев упоминания о *проскинезе* связано с исполнением этого действия перед лицом царя, хотя и не обязательно во время дворцового приема. В одном месте историк сообщает, что шесть персов, когда Дарий был избран царем, соскочили со своих лошадей и приветствовали его исполнением *проскинезы* (III.86.2) (προσεκύνεον τὸν Δαρεῖον). В другом месте Геродот говорит, что персы радовались и совершали *проскинезу* перед Ксерксом (κεχαρηκότες προσεκύνεον) после того, как стало известно его решение об экспедиции в Грецию (VII.13.3). И, наконец, «отец истории» передает рассказ о спасении Ксеркса во время его возвращения на корабле из Греции в Азию (VIII.118.4). Согласно сообщению историка, шторм грозил уничтожить корабль, который был полон персами; царь испугался и крикнул кормчему, есть ли какой-нибудь способ избавления от опасности. Кормчий же ответил Ксерксу, что они должны избавиться от множества людей, которые были на борту. Ксеркс сказал персам о необходимости доказать заботу о своем царе. После этого персы совершили *проскинезу* (προσκυνέοντας) и прыгнули в море, а корабль благополучно прибыл в Азию.

Ксенофонт в «Киропедии» рассказывает, что пленники совершили *проскинезу* перед Киром (IV.4.13). Евнух Гадат, командующий крепостью в Вавилонии, перешел на сторону Кира и также приветствовал его посредством *проскинезы*, совершив его согласно обычаю (τῷ νόμῳ προσκυνήσας) (V.3.18). После захвата Вавилона оба военачальника, Гадат и Гобрый, по словам историка, приблизившись к Киру, сначала приветствовали богов

проскинезой, а затем поцеловали руки и ноги царя (VII.5.32). Упоминание *проскинезы* встречается в описании процессии Кира:

При виде Кира все простерлись ниц (досл.: совершили *проскинезу* — Э.Р.) (πάντες προσεκύνησαν), может быть, по примеру некоторых, кому так было приказано, а может быть, и от впечатления, произведенного роскошным облачением и величественным видом Кира. До того никто из персов не падал перед Киром ниц (досл.: не совершал *проскинезу* — Э.Р.) (πρόσθεν δὲ Περσῶν οὐδεὶς Κύρον προσεκύνει) (Xen. Cyr. VIII.3.14; пер. В. Г. Боруховича, Э. Д. Фролова).

В «Анабасисе» Ксенофонт говорит, что последователи Кира Младшего обрадовались и встретили его *проскинезой* (ἠδόμενος καὶ προσκυνούμενος), как будто он уже был царем (I.8.21). Плутарх в своей биографии Фемистокла (*Them.* XXVII.3–4) сообщает, что этот афинский политик, приближаясь к царю, совершил *проскинезу*, сказав, что своим примером он побудит других греков совершить это действие (καὶ δι' ἐμὲ πλείονες τῶν νῦν βασιλέα προσκυνήσουσι). Элиан (*VH.* I.21) пишет о посещении фиванцем Исмением царского двора в Сузах вместе с другим фиванским посланником, Пелопидом. Он сообщает, что Исмений хотел сам поведать царю о цели своего посольства, но хилиарх Тифравст, чья должность заключалась в том, чтобы сообщать о делах царю, сказал ему, что закон персов гласит, что предстоящий перед лицом царя не должен говорить с ним, пока не совершит ему *проскинезу* (νόμος ἐστὶν ἐπιχώριος Πέρσαις, τὸν ἐς ὀφθαλμοὺς ἐλθόντα βασιλέως μὴ πρότερον λόγου μεταλαγχάνειν πρὶν ἢ προσκυνῆσαι αὐτόν). Поэтому, если Исмений лично пойдет к царю, он должен сделать то, что требует закон (τὰ ἐκ τοῦ νόμου δρᾶν); в противном случае о его деле сообщит сам хилиарх. Исмений согласился с этими условиями и получил доступ к царю.

Оба автора, Плутарх (*Artax.* XXII.4) и Элиан (*VH.* I.21), описывают поведение Исмения при царском дворе, которое они считают льстивым, и тем самым судят по поводу *проскинезы* как ритуала поклонения царю. Эти авторы передают любопытную историю о том, как Исмений, когда ему было приказано совершить *проскинезу* царю, бросил свое кольцо на землю перед ним, а затем наклонился и поднял его, будто совершая *проскинезу* (ταχέως ἐλικύψας, ὡς δὲ προσκυνῶν, πάλιν ἀνείλετο; κύψας ἀνείλετο καὶ παρέσχε δόξαν προσκυνούντος).

Непот и Юстин также отмечают, что афинянин Конон получил такой же прием со стороны персов, когда отправился к царю. Согласно Непоту (*Conon* 3.2–4), по прибытии Конон пришел по персидскому обычаю (*ex more Persarum*) к хилиарху Тифравсту, который занимал второе место в государстве, и дал понять, что желает обратиться к царю. Тифравст ответил ему, что с его стороны нет возражений, но Конону следует подумать, лучше ли будет для него лично поговорить с царем или сообщить тому о своем деле письмом. И если он явится лично к царю, ему будет необходимо исполнить *проскинезу* царю; в противном случае Конон может заявить о своем деле через него. Конон ответил, что для него нет ничего плохого в том, чтобы оказать честь царю, но он боится, что это будет нежелательно для его страны. Поэтому он письменно передал царю то, что хотел сообщить. Как также сообщает Юстин, Конон не был допущен к аудиенции с царем, потому что он не оказывал ему почтения по персидскому обычаю (*Iust. Epit.* VI.2.12–16).

2.2. Проскинеза как почитание культа сакрального двойника царя

Однако очевидно также, что *проскинеза* как церемониальная практика, направленная на почитание царя, не только могла осуществляться в присутствии самого монарха, но очевидно и перед изображением царя. В древнегреческих источниках говорится также о почитании персами сакрального двойника царя — его *даймона*. Под *даймоном* же иногда видят авестийского *fravashi* и связывают его с символом Ахеменидов — мужской фигуре

в царском облачении в центре крылатого диска — символа солнца и олицетворения Ахурмазды [Taylor 1927: 53–62], хотя существуют и иные точки зрения по поводу интерпретации символического значения мужской фигуры в центре крылатого диска [Kuhrt 2010: 92; Root 1979: 169; 2013: 37; Shabbazi 1974: 135–144; 1980: 119–147; Soudavar 2010: 120–125].

Почитание *даймона* царя может быть связано как с культом уже умершего царя, так и с почитанием изображения живого царя. Одним из действующих персонажей трагедии Эсхила «Персы» (620–621) является *даймон* Дария, правда, это лишь тень умершего правителя. В то же время в ряде греческих источников говорится о почитании персами *даймона* живого царя. Исократ (IV.151) отмечает, что варвары совершают *проскинезу* простому смертному и почитают его *даймон*. Плутарх (*Artax.* XV) рассказывает о пире, где присутствовали знатные персы и на котором хозяин дома призывал пить и есть, совершая *проскинезу даймону* царя (τὸν βασιλέως δαίμονα προσκυνούντες). Л. Тейлор полагает, что Плутарх говорил о *проскинезе*, вероятно, перед изображением царя [Taylor 1927: 53–62]. С этим наблюдением, кажется, следует согласиться. Существуют свидетельства поклонения божеству правящих царей, а также героического культа умерших царей [Rollinger 2011: 44–46].

Версия рассказа об Эсфири, приведенная в лексиконе «Суда» (s.v. Ἐσθήρ), отмечает, что царь Артаксеркс I провозгласил своим царским указом, что евреи должны отказаться от поклонения Богу, заменив его *проскинезой* перед его собственным изображением (προσκυνεῖν δὲ τὴν ἑαυτοῦ εἰκόνα). Но другие факты скорее подтверждают то, что *даймон* царя рассматривался персами как некая духовная сущность. Фрагмент Феопомпа, на который ссылался Афиней (VI. 60 = *FrGrHist.* 115. F. 124), свидетельствует в пользу такого восприятия *даймона* царя. В названном отрывке рассказывается о поведении в Персии Никострата, предводителя аргосских наемников во время кампании Артаксеркса III против Египта: «Каждый день, когда Никострат собирался пообедать, отдельно он готовил стол, призывая *даймон* царя, наполняя его хлебом и другими продуктами, слыша о том, что так поступают находящиеся у дверей персы, и надеясь вследствие этой услужливости снискать царскую милость». Но из приведенного свидетельства совсем не следует тот факт, что персы не преклонялись перед царским изображением, являвшимся воплощением *даймона* живого царя.

Что касается восприятия греками *проскинезы* вне персидской церемониальной практики, то следует привести свидетельство Геродота (II.121) о том, что в Египте совершали *проскинезу* перед грандиозной статуей Рампсинита [Рамсеса II?]. Диодор Сицилийский называет *проскинезой* почитание самого царя в Египте:

Вообще говорят, что египтяне больше других народов с благодарностью относятся к какому-либо благодетелю, считая величайшей для жизни пользой воздать благодарностью благодетелям... По этой причине египтяне считают, что нужно поклоняться своим царям (букв.: совершать *проскинезу* — Э.Р.) и чтить их так, как будто те воистину боги (Αἰγύπτιοι τοὺς ἑαυτῶν βασιλεῖς προσκυνεῖν τε καὶ τιμᾶν ὡς πρὸς ἀλήθειαν ὄντας θεοῦς), полагая [с одной стороны], что те получили свою власть над всеми не без промысла некоего божества, а [с другой], считая, что желающие и могущие оказывать величайшие благодетельства, причастны божественной природе (Diod. I.90.2–3; пер. О. П. Цыбенко).

Таким образом, Диодор традиционно связывает исполнение *проскинезы* египетскому царю с восприятием египтянами своего царя в качестве бога.

3. Проскинеза в социальном контексте

Таким образом, почитание царя посредством исполнения ритуала *проскинезы* вполне находится в рамках религиозной практики применения этого действия. Однако античные авторы также сообщают о совершении *проскинезы* в социальном контексте, не связывая его ни с религией, ни с почитанием царя, но считая его разновидностью приветствия между людьми, находящимися на разных ступенях социальной иерархии. Это еще одно объяснение значения *проскинезы* присутствует в труде Геродота:

При встрече двух персов на улице по их приветствию легко можно распознать, одинакового ли они общественного положения: ведь в таком случае вместо приветствия они целуют друг друга в уста. Если один лишь немного ниже другого по положению, то целуются в щеки. Если же один гораздо ниже другого, то низший кланяется высшему, падая перед ним ниц (досл.: падая ниц, совершает *проскинезу*—Э.Р.) (προσπίπτων προσκυνεῖ τὸν ἕτερον) (Hdt. I.134.1; пер. Г. А. Стратановского).

Геродот (II.80) отмечает и египетский обычай совершения *проскинезы* как способ приветствия прохожих: «на улице вместо обычного приветствия они совершают *проскинезу* друг другу, опуская руку до колена» (ἀντὶ τοῦ προσαγορεύειν ἀλλήλους ἐν τῆσι ὁδοῖσι προσκυνεῖν κατιέντες μέχρι τοῦ γούνατος τὴν χεῖρα). Страбон (XV.3.20) также сообщает, что при встрече на улице со знакомыми и людьми, равными себе по положению, персы подходят и целуют их. Людям менее значительным они сами подставляют щеку для поцелуя. Люди низшего положения только совершают *проскинезу* (οἱ δ' ἔτι ταπεινότεροι προσκυνεῖν μόνον).

Ксенофонт (*Anab.* I.6.10) же сообщает об исполнении *проскинезы* по отношению к «обычному» знатному персу Оронту, осужденному на смерть судьями. Смертный приговор Оронту стал известен другим персам, очевидно тем, которые были значительно ниже того по социальному статусу: «А когда его увидели люди, которые прежде исполняли *проскинезу*, они исполнили *проскинезу* и теперь, хотя и знали, что его ведут на смерть» (ἐπεὶ δὲ εἶδον αὐτὸν οἵπερ πρόσθεν προσεκύνοιν, καὶ τότε προσεκύνησαν, καίπερ εἰδότες ὅτι ἐπὶ θάνατον ἄγοιτο). И, наконец, в «Книге Эсфирь» Септуагинты (III.5; IV.17d) говорится об отказе Мордехая совершить *проскинезу* перед персидским официальным лицом Аманом.

Весьма примечательно также сообщение Афиней о распространенности *проскинезы* среди женского окружения царицы:

У персов царица терпит вокруг себя множество наложниц, — во-первых, потому что царь у них полный хозяин своей жене, а, во-вторых, потому что, как рассказывает Динон в книгах «О Персии», наложницы с царицей почтительны и падают перед ней ниц (досл.: совершают ей *проскинезу* — Э.Р.) (προσκυνεῖν γοῦν αὐτήν) (Athen. XIII.556B = *FrGrHist.* 690. F.27; пер. Н. К. Голинкевича).

Поцелуй был распространен среди персов как способ приветствия (и прощания тоже). Так, согласно Ксенофону (*Cyr.* I.4.27), когда Кир уезжал, его родственники попрощались с ним по персидскому обычаю, поцеловав его в губы, и этот обычай сохранился, как отмечает историк, вплоть до его времени (λέγεται, ὅτε Κύρος ἀπῆει καὶ ἀπὸ ἀπὸ ἀλλήλων, τοὺς συγγενεῖς φιλοῦντας τῷ στόματι ἀποπέμπεσθαι αὐτὸν νόμῳ Περσικῷ καὶ γὰρ νῦν ἔτι τοῦτο ποιοῦσι Πέρσαι. Арриан (*Anab.* VII.11.1, 7) же рассказывает, что Александр призвал избранных персов и установил правило, согласно которому только те, кого он провозгласил своими родственниками, должны иметь честь приветствовать его поцелуем (τούτοις δὲ νόμιμον ἐποίησε φιλεῖν αὐτὸν μόνοις). Таким образом, эти два сообщения свидетельствуют, что поцелуй как способ приветствия был распространен между царем и его родственниками. Но не только. Античные авторы подтверждают, что такой способ

приветствия практиковался и среди персов не царского окружения [Pontier 2012]. По словам Ксенофонта (*Ages*. V.4), «у персов же принято целовать тех, кого они особенно любят и почитают». Это также указывает на то, что ритуал *проскинезы* мог проецироваться на отношения внутри персидского социума. Это выглядит логично, в свете того, что говорят Геродот и Страбон: *проскинезу* совершают только те, которые значительно отличаются по своему социальному статусу.

4. Проскинеза и свидетельства изобразительных источников

В завершении статьи следует охарактеризовать свидетельства изобразительных источников с территории Ахеменидской империи, которые могут интерпретироваться как исполнение *проскинезы*. Кратко охарактеризуем эти свидетельства по трем группам, обозначенным выше:

1. *Проскинеза в религиозном контексте*. Свидетельства изобразительных источников в отношении невербального способа исполнения персами молитвы богам представлены на оттисках печатей из Персеполя, содержащих изображения религиозных процессий, участники которых стоят перед алтарем с огнем и держат правую руку у рта [Garrison 2017: 277–278; 403–412].

2. *Проскинеза в церемониальном контексте*.

2.1. *Проскинеза на сценах аудиенции царя с подданными*. На рельефах Ахеменидов приветствие царя изображено только как процедура поднесения руки ко рту, а не как прострация или преклонение колен. Самыми известными являются барельефы Ахеменидов из тронного зала — ападаны в Персеполе, которые изображают сцены из жизни двора, когда царь принимает одного из чиновников мидийской этнической принадлежности, возможно, *хилиарха* или докладчика, который изображен выполняющим церемонию приветствия путем легкого поклона и поднесения своей руки ко рту [Schmidt 1953: 164]. Подобные сцены персидского двора обнаружены на буллах из Даскилия [Kartan 2002, I: 33; II: 165, 167–168].

2.2. *Проскинеза и культ умершего царя*. Рельефы на правой боковой стороне фасада гробниц Дария I, Ксеркса, Артаксеркса I и Дария II из Накш-и Рустама и Артаксеркса II и Артаксеркса III из Персеполя изображают персов, молящихся царю, поднося руку ко рту. Р. Шмитт считал их «плакальщиками» (*Mourners*) [Schmidt 1970: 87, 93, 95, 98, 100, 106]. Недавно обнаруженная трехязычная ахеменидская надпись с гробницы Дария I позволяет нам отказаться от мнения, что люди, изображенные на рельефах с поднятыми руками ко рту, были «плакальщиками», но вместо этого мы можем предположить, что эти персы воздавали почтение царю, а учитывая тот контекст, в котором они были изображены, рельефы могут свидетельствовать об исполнении посмертного культа царя [Rung 2021: 258].

3. *Проскинеза в социальном контексте*. Персепольские рельефы с лестницы ападаны показывают процессии знатных мидийцев и персов, где некоторые их участники приветствуют друг друга посредством поднесения руки ко рту, но без наклона тела вперед, какой мы видим на упомянутых сценах аудиенции царя из ападаны [Schmidt 1953: 84, 111]. Примечательно, что на одной булле из Даскилия изображена женская фигура, подносящая руку ко рту, перед мужской фигурой [Kartan 2002, II: 205, fig. 249], что может свидетельствовать об исполнении *проскинезы* вне религиозного или церемониального контекстов. Таким образом,

данные рельефные изображения могут подтверждать сообщения античных авторов о социальном контексте бытования ритуала *проскинезы* в Ахеменидской империи.

Заключение

Если обратиться к античной традиции, объясняющей *проскинезу* как жест поднесения руки ко рту, а не прострацию или поклон, то стоит привести глоссу Гезихия:

Иногда варварские народы кладут большой палец себе под подбородок и, разгибая пальцы, совершают *проскинезу* своим правителям» (ἐνία τῶν βαρβάρων ἔθνῶν τοὺς ἀντίχειρας ὑποτιθέντα τοῖς γενεῖοις καὶ τοὺς δακτύλους ἐκτείνοντα προσκυνεῖ τοὺς ἡγουμένους αὐτῶν) (Hesych, s.v. ἀντίχειρε).

Таким образом, греки также допускали подобную интерпретацию ритуала *проскинезы*, хотя греческие современники Ахеменидской империи упоминали только об одном способе совершения *проскинезы*: о падении ниц или поклоне. Поскольку такие жесты *проскинезы*, как поднесение руки ко рту, прострация или поклон имеют истоки, восходящие к периоду истории Древней Передней Азии, предшествующему времени существования Ахеменидской империи, то представляется целесообразным, вслед за античными авторами, говорить о ритуалах совершения *проскинезы* в Древнем Египте, а также в Древней Месопотамии и Эламе, хотя нам и не удалось пока обнаружить употребление древнегреческого глагола *προσκυνεῖν* и его производных античными авторами в контексте истории Вавилона или Ассирии.

Список литературы

1. Дандамаев М.А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. — М.: Наука, 1980. — 419 с.
2. Рунг Э. В. Культ царя в Ахеменидской державе // «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом и постэллинистическом мире / Ред. С. Ю. Сапрыкин, И. А. Ладынин. — СПб: Изд-во РХГА, 2016. — С. 174–190.
3. Рунг Э.В., Орлов В. П. Новая надпись с гробницы Дария I в Накш-и Рустаме и церемония проскинесиса в Ахеменидской империи // Восток (Oriens).— 2021.— № 3.— С. 249–263.
4. Abe T. Proskynēsis: From a Persian Court Protocol to a Greek Religious Practice // Tekmeria.— 2018.— Vol. 14.— P. 1–45.
5. Bickerman E.J. À propos d'un passage de Chares de Mytilène // Parola del Passato.— 1963.— Vol. 18.— P. 241–255.
6. Bowden H. On Kissing and Making Up: Court Protocol and Historiography in Alexander the Great's Experiment with Proskynēsis // Bulletin of the Institute of Classical Studies.— 2013.— Vol. 56.2.— P. 55–77.
7. Briant P. From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire. — Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2002.— 1216 p.
8. Cotesta V. Kings into Gods: How Prostration Shaped Eurasian Civilizations (International Studies in Sociology and Social Anthropology). — Leiden; Boston: Brill, 2015.— 164 p.
9. Doležal S. Some remarks on the origin of προσκύνῃσις at the Late Antique Imperial Court // Byzantion.— 2009.— Vol. 79.— P. 136–149.
10. Fischer H. G. Proskynese // Lexikon der Ägyptologie.— 1982.— Bd. IV.— S. 1125–1127.
11. Frye R. N. The Heritage of Persia. — London: Weidenfeld and Nicolson, 1962.— 317 p.
12. Frye R. N. Gestures of Difference to Royalty in Ancient Iran // Iranica antiqua.— 1972.— Vol. 9.— P. 102–107.

13. *Garrison M. B.* By the Favor of Auramazdā. Kingship and the Divine in the Early Achaemenid Period // More than Men, less than Gods. Studies on Royal Cult and Imperial Worship: Proceedings of the International Colloquium organized by the Belgian School at Athens (November 1–2, 2007) / Ed. P. P. Iossif, A. S. Chankowsky, C. C. Lorber. — Leuven; Paris, Walpole, MA.: Peeters, 2011. — P. 15–104.
14. *Garrison M. B.* The Ritual Landscape at Persepolis: Glyptic Imagery from the Persepolis Fortification and Treasury Archives. — Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 2017. — 448 p.
15. *Horst J.* Proskynein. Zur Anbetung im Urchristentum nach ihrer religionsgeschichtlichen Eigenart. — Gütersloh: Bertelsmann, 1932. — 327 S.
16. *Kaptan D.* The Daskyleion Bullae: Seal Images from the Western Achaemenid Empire. — Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 2002. — Vol. I. — 240 p.; — Vol. II. — 246 p.
17. *Keaveney A. P.* The Trial of Orontas: Xenophon, Anabasis I, 6 // L'Antiquité Classique. — 2012. — Vol. 81. — P. 31–41.
18. *Kuhrt A.* Achaemenid Images of Royalties and Empire // Concepts of Kingship in Antiquity: Proceedings of the European Science Foundation Exploratory Workshop held in Paduva, November 28th–December 1st 2007 / Ed. G. B. Lanfranchi, R. Rollinger. — Padova: S.A.R.G.O.N., 2010. — P. 87–105.
19. *Llewellyn-Jones L.* King and Court in Ancient Persia 550 to 331 BCE. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013. — 272 p.
20. *Lozano R. M.* The Proskynesis of Jesus in the New Testament: A Study on the Significance of Jesus as an Object of “Proskuneo” in the New Testament Writings (The Library of New Testament Studies, 609). — London; New York; Oxford; New Dehli; Sydney: Bloomsbury, 2020. — 228 p.
21. *Marti B. M.* Proskynēsis and Adorare // Language. — 1936. — Vol. 12. — P. 272–282.
22. *Matarese C.* Proskynēsis and the Gesture of the Kiss at Alexander’s Court: The Creation of a New Élite // Palamedes. — 2013. — Vol. 8. — P. 75–85.
23. *Matarese C.* Sending a Kiss to the King: The Achaemenid Proskynēsis between explanations and misunderstandings // Ancient World. — 2014. — Vol. 45. — P. 122–145.
24. *Muccioli F.* Classical sources and proskynesis. History of a Misunderstanding // Alexander’s Legacy. Atti del Convegno Università Cattolica del Sacro Cuore Milano 2015 / Ed. C. Bearzot, F. Landucci. — Roma: L’Erma di Bretschneider, 2016. — P. 41–59.
25. *Pontier P.* Xenophon and the Persian Kiss // Xenophon: Ethical Principles and Historical Enquiry / Ed. F. Hobden, C. J. Tuplin. — Leiden: Brill, 2012. — P. 611–630.
26. *Rollinger R.* Herrscherkult und Königsvergöttlichung bei Teispiden und Achaimeniden: Realität oder Fiktion? // Studien zum vorhellenistischen und hellenistischen Herrscherkult: Verdichtung und Erweiterung von Traditionsgeflechten / Ed. L.-M. Günther, S. Plischke. — Berlin: Verlag Antike, 2011. — S. 23–40.
27. *Root M. C.* The King and Kingship in Achaemenid Art. — Leiden: Brill, 1979. — 357 p.
28. *Root M. C.* Defining the Divine in Achaemenid Persian Kingship: The View from Besitun // Every Inch a King. Comparative Studies on Kings and Kingship in the Ancient and Medieval Worlds / Ed. L. Mitchell, C. Melville. — Leiden; Boston: Brill, 2013. — P. 23–65.
29. *Rung E. V.* The Gestures of proskynēsis in the Achaemenid Empire // Klio. — 2020. — Bd. 102 (2). — P. 405–444.
30. *Schmidt E. F.* Persepolis. — Vol. I: Structures. Reliefs. Inscriptions. — Chicago: The University of Chicago Press, 1953. — 205 p.
31. *Schmidt E. F.* Persepolis. — Vol. III: The Royal Tombs and Other Monuments. — Chicago: The University of Chicago Press, 1970. — 198 p.

32. *Scott J. A.* The Gesture of Proskynēsis // Classical Journal. — 1921/2. — Vol. 17. — P. 403–404.
33. *Seidl U.* Proskynese // Reallexikon für Assyriologie. — 2006–2008. — Bd. XI. — S.11–12.
34. *Shabbazi A. Sb.* An Achaemenid Symbol. I. A Farewell to “Fravahr” and “Ahuramazda” // Archäologische Mitteilungen aus Iran. — 1974. — Bd. 7. — P. 135–144.
35. *Shabbazi A. Sb.* An Achaemenid Symbol. II. Farnah “God (Given) Fortune” Symbolized // Archäologische Mitteilungen aus Iran. — 1980. — Bd. 13. — P. 119–147.
36. *Soudavar A.* The Formation of Achaemenid Imperial Ideology and its Impact on the Avesta // The World of Achaemenid Persia: History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East / Ed. J. Curtis, St. J. Simpson. — London; New York: I. B. Tauris, 2010. — P. 111–138.
37. *Tarn W. W.* Alexander the Great. II: Sources and Studies. — Cambridge: Cambridge University Press, 1948. — 477 p.
38. *Taylor L. R.* The ‘Proskynēsis’ and the Hellenistic Ruler Cult // Journal of Hellenic Studies. — 1927. — Vol. 47. — P. 53–62.
39. *Widengren G.* The Sacral Kingship of Iran // La regalità sacra — The Sacral Kingship. Contributi al tema dell’VIII Congresso Internazionale di Storia delle Religioni (Roma, Aprile 1955) — Contributions to the Central Theme of the VIIIth International Congress for the History of Religions (Rome, April 1955) / Ed. C.-M. Edsman. — Leiden: Brill, 1959. — P. 242–257.
40. *Wiesehöfer J.* Ancient Persia from 550 BC. to 650 AD. / Tr. A. Azodi. — London; New York: I. B. Tauris, 1994. — 344 p.
41. *Wiesehöfer J.* “Denn ihr huldigt nicht einem Menschen als eurem Herrscher, sondern nur den Göttern”: Bemerkungen zur Proskynese in Iran // Religious Themes and Texts of Pre-Islamic Iran and Central Asia: Studies in Honour of Professor Gherardo Gnoli / Ed. C. Cereti, M. Maggi, E. Provasi. — Wiesbaden: Dr Ludwig Reichert Verlag, 2003. — S. 447–452.
42. *Wolfgang F.* Proskynesis // Der Kleine Pauly. — 1972. — Bd. IV. — S. 1189.

References

1. Abe T. Proskynēsis: From a Persian Court Protocol to a Greek Religious Practice. *Tekmeria*, 2018, vol. 14, pp. 1–45.
2. Bickerman E.J. À propos d’un passage de Chares de Mytilène. *Parola del Passato*, 1963, vol. 18, pp. 241–255 (in French).
3. Bowden H. On Kissing and Making Up: Court Protocol and Historiography in Alexander the Great’s Experiment with Proskynēsis. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 2013, vol. 56.2, pp. 55–77.
4. Briant P. *From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire*. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2002. 1216 p.
5. Cotesta V. *Kings into Gods: How Prostration Shaped Eurasian Civilizations (International Studies in Sociology and Social Anthropology)*. Leiden; Boston: Brill, 2015. 164 p.
6. Dandamayev M.A., Lukonin V. G. *The culture and economy of ancient Iran*. Moscow: Nauka Publ., 1980. 419 p. (in Russian).
7. Doležal S. Some remarks on the origin of προσκύνησις at the Late Antique Imperial Court. *Byzantion*, 2009, vol. 79, pp. 136–149.
8. Fischer H. G. Proskynese, *Lexikon der Ägyptologie*, 1982, vol. IV, pp. 1125–1127 (in German).
9. Frye R. N. *The Heritage of Persia*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1962. 317 p.

10. Frye R. N. Gestures of Difference to Royalty in Ancient Iran, *Iranica antiqua*, 1972, vol. 9, pp. 102–107.
11. Garrison M. B. By the Favor of Auramazdā. Kingship and the Divine in the Early Achaemenid Period. In P. P. Iossif, A. S. Chankowsky, C. C. Lorber (eds.). *More than Men, less than Gods. Studies on Royal Cult and Imperial Worship: Proceedings of the International Colloquium organized by the Belgian School at Athens (November 1–2, 2007)*. Leuven; Paris, Walpole, MA.: Peeters, 2011, pp. 15–104.
12. Garrison M. B. *The Ritual Landscape at Persepolis: Glyptic Imagery from the Persepolis Fortification and Treasury Archives*. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 2017. 448 p.
13. Horst J. *Proskynein. Zur Anbetung im Urchristentum nach ihrer religionsgeschichtlichen Eigenart*. Gütersloh: Bertelsmann, 1932. 327 p. (in German).
14. Kaptan D. *The Daskyleion Bullae: Seal Images from the Western Achaemenid Empire*. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 2002, vol. I. 240 p.; vol. II. 246 p.
15. Keaveney A. P. The Trial of Orontas: Xenophon, Anabasis I, 6. *L'Antiquité Classique*, 2012, vol. 81, pp. 31–41.
16. Kuhrt A. Achaemenid Images of Royalties and Empire. In G. B. Lanfranchi, R. Rollinger (eds.). *Concepts of Kingship in Antiquity: Proceedings of the European Science Foundation Exploratory Workshop held in Paduva, November 28th-December 1st 2007*. Padova: S.A.R.G.O.N., 2010, pp. 87–105.
17. Llewellyn-Jones L. *King and Court in Ancient Persia 550 to 331 BCE*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013. 272 p.
18. Lozano R. M. *The Proskynesis of Jesus in the New Testament: A Study on the Significance of Jesus as an Object of "Proskuneo" in the New Testament Writings (The Library of New Testament Studies, 609)*. London; New York; Oxford; New Dehli; Sydney: Bloomsbury, 2020. 228 p.
19. Marti B. M. Proskynēsis and Adorare. *Language*, 1936, vol. 12, pp. 272–282.
20. Matarese C. Proskynēsis and the Gesture of the Kiss at Alexander's Court: The Creation of a New Élite. *Palamedes*, 2013, vol. 8, pp. 75–85.
21. Matarese C. Sending a Kiss to the King: The Achaemenid Proskynēsis between explanations and misunderstandings. *Ancient World*, 2014, vol. 45, pp. 122–145.
22. Muccioli F. Classical sources and proskynesis. History of a Misunderstanding. In Ed. C. Bearzot, F. Landucci (eds.). *Alexander's Legacy. Atti del Convegno Università Cattolica del Sacro Cuore Milano 2015*. Roma: L'Erma di Bretschneider, 2016, pp. 41–59.
23. Pontier P. Xenophon and the Persian Kiss. In F. Hobden, C. J. Tuplin (eds.). *Xenophon: Ethical Principles and Historical Enquiry*. Leiden: Brill, 2012, pp. 611–630.
24. Rollinger R. Herrscherkult und Königsvergöttlichung bei Teispiden und Achaimeniden: Realität oder Fiktion? In L.-M. Günther, S. Plischke (eds.). *Studien zum vorhellenistischen und hellenistischen Herrscherkult: Verdichtung und Erweiterung von Traditionsgeflechten*. Berlin: Verlag Antike, 2011, pp. 23–40.
25. Root M. C. *The King and Kingship in Achaemenid Art*. Leiden: Brill, 1979. 357 p.
26. Root M. C. Defining the Divine in Achaemenid Persian Kingship: The View from Besitun. In L. Mitchell, C. Melville (eds.). *Every Inch a King. Comparative Studies on Kings and Kingship in the Ancient and Medieval Worlds*. Leiden; Boston: Brill, 2013, pp. 23–65.
27. Rung E. V. The Cult of King in the Achaemenid Empire. In S. Yu. Saprykin, I. A. Ladynin (eds.). *"Gods among Men". The Cult of Ruler in Hellenistic and Post-Hellenistic World*. St. Petersburg: RHGA Publ., 2016, pp. 174190 (in Russian).
28. Rung E. V. The Gestures of proskynēsis in the Achaemenid Empire. *Klio*, 2020, vol. 102 (2), pp. 405–444. DOI: 10.1515/klio-2019-1001.

29. Rung E.V., Orlov V. P. A New Inscription from the Tomb of Darius I in Naqsh-e Rostam and the Ceremony of Proskynesis in the Achaemenid Empire. *Vostok (Oriens)*, 2021, No. 3, pp. 249–263 (in Russian). DOI: 10.31857/S086919080014889-4
30. Schmidt E. F. *Persepolis, vol. I: Structures. Reliefs. Inscriptions*. Chicago: The University of Chicago Press, 1953. 205 p.
31. Schmidt E. F. *Persepolis, vol. III: The Royal Tombs and Other Monuments*. Chicago: The University of Chicago Press, 1970. 198 p.
32. Scott J. A. The Gesture of Proskynēsis. *Classical Journal*, 1921/2, vol. 17, pp. 403–404.
33. Seidl U. Proskynese. *Reallexikon für Assyriologie*, 2006–2008, vol. XI, pp.11–12 (in German).
34. Shabbazi A. Sb. An Achaemenid Symbol. I. A Farewell to "Fravahr" and "Ahuramazda". *Archäologische Mitteilungen aus Iran*, 1974, vol. 7, pp. 135–144.
35. Shabbazi A. Sb. An Achaemenid Symbol. II. Farnah "God (Given) Fortune" Symbolized. *Archäologische Mitteilungen aus Iran*, 1980, vol. 13, pp. 119–147.
36. Soudavar A. The Formation of Achaemenid Imperial Ideology and its Impact on the Avesta. In J. Curtis, St. J. Simpson (eds.). *The World of Achaemenid Persia: History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East*. London; New York: I. B. Tauris, 2010, pp. 111–138.
37. Tarn W. W. *Alexander the Great. II: Sources and Studies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1948. 477 p.
38. Taylor L. R. The 'Proskynēsis' and the Hellenistic Ruler Cult. *Journal of Hellenic Studies*, 1927, vol. 47, pp. 53–62.
39. Widengren G. The Sacral Kingship of Iran. In C.-M. Edsman. *La regalità sacra — The Sacral Kingship. Contributi al tema dell'VIII Congresso Internazionale di Storia delle Religioni (Roma, Aprile 1955) — Contributions to the Central Theme of the VIIIth International Congress for the History of Religions (Rome, April 1955)*. Leiden: Brill, 1959, pp. 242–257.
40. Wiesehöfer J. *Ancient Persia from 550 BC. to 650 AD*. London; New York: I. B. Tauris, 1994. 344 p.
41. Wiesehöfer J. "Denn ihr huldigt nicht einem Menschen als eurem Herrscher, sondern nur den Göttern": Bemerkungen zur Proskynese in Iran, In C. Cereti, M. Maggi, E. Provasi. *Religious Themes and Texts of Pre-Islamic Iran and Central Asia: Studies in Honour of Professor Gherardo Gnoli*. Wiesbaden: Dr Ludwig Reichert Verlag, 2003, pp. 447–452.
42. Wolfgang F. Proskynesis. *Der Kleine Pauly*. 1972, vol. IV, p. 1189.

Информация об авторе

Эдуард Валерьевич Рунг — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет.

Email: Eduard.Runf@kpfu.ru

Author's information

Eduard V. Rung — Dr. Sci. in History, professor, Chair of the Department of Archaeology and World History, Institute of International Relations, Kazan Federal University.

Email: Eduard.Runf@kpfu.ru

Старовавилонская печать с пятью богинями из коллекции Государственного Эрмитажа

Аннотация: В Государственном Эрмитаже хранится цилиндрическая печать начала 2 тыс. до н.э. ДВ-6450 с нестандартным изображением. На ней представлены пять богинь, при этом на первый взгляд не ясно, кто из них является центральным персонажем. В стандартной для старовавилонской глиптики сцене богиня изображалась либо в качестве одного из божеств-покровителей, либо стояла рядом со своим супругом, который занимал в сцене позицию главного божества.

На печати ДВ-6450 единственной мужской фигурой является «обнаженный герой» лахму, держащий в руках жертвенного козленка. Роль этого персонажа в данной сцене также нуждается в пояснении. При всей унификации облика каждая из богинь имеет небольшие различия: поза, костюм, головной убор и прическа, а также немногочисленные атрибуты (жезл, животное). Тщательность и детализация проработки персонажей свидетельствует о происхождении печати из мастерских Сиппара. Поскольку надпись на печати отсутствует, то понять, кто эти богини, можно только проанализировав иконографию каждой из них, а также обратившись за аналогиями к коллекциям других музеев.

Печати такого типа, вероятно, могли принадлежать жрицам-надиту, которые служили при храме бога Шамаша и его супруги Аيي. На сиппарских документах старовавилонского времени эти жрицы часто упоминались в качестве свидетелей. Такая приписка могла сопровождаться оттиском печати, иконография которой во многом напоминала печать ДВ-6450. Библиография: 17 наименований.

Ключевые слова: цилиндрические печати, богини Месопотамии, жрица-надиту, религия Вавилонии, глиптика древней Передней Азии, Сиппар

Old Babylonian seal with five goddesses from the State Hermitage Museum

Summary: There is an Old Babylonian seal at the State Hermitage Museum with unique representation of five goddesses. It is not obvious what Goddess is the central character of the representation. The standard for Old Babylonian glyptic scene includes the head male deity placed rightwards with several minor intercessor deities and human worshippers to the left. Goddess could be represented either as one of intercessors, or as a spouse of the head deity staying behind him. But there are some exceptions. On the seal from the Hermitage the sole male figure is “a nude hero” laḫmu with sacrificial kid. The significance of this character in the scene has to be clarified. Apart from the original likeness of the Goddesses presented here each of them has its own distinctive features. They are posture, costume, headgear and several attributes (staff, accompanying creature). The details cut very carefully are evidence of the seal origination from Sippar’s workshop. The seal is not inscribed. To identify these Goddesses we have to analyze the iconography of each figure and to search for analogues and similarities in world museums’ collections.

This seals likely to be refer to *naditu*-priestesses, who dedicated themselves to the temple of sun-god Shamash and her spouse Aya. These priestess’ used to be mentioned in Sippar documents as witnesses who could rolled their cylinder seals on the documents. (Referens. 17)

Keywords: cylinder seals, Ancient Near Eastern seals, *naditu*-priestess, Mesopotamian goddesses, Babylonian religion, Sippar

Основной сложностью на пути изучения музейных коллекций древней переднеазиатской глиптики всегда является отсутствие информации о происхождении большей части предметов. Десятилетиями музеи прирастали предметами из частных коллекций. Коллекции пополнялись и археологами, но печати с археологическим происхождением всегда в десятки раз проигрывали по числу печатям без провенанса. Даже в крупнейших музеях с долгой археологической историей, таких как Британский музей и Лувр, дела обстоят ничуть не лучше.

Задачей данного исследования является изучение одной печати из коллекции Государственного Эрмитажа как полноценного памятника истории и искусства. Основной целью исследования поставлена как можно более точная атрибуция предмета, что не всегда возможно в случае полного отсутствия провенанса. Отталкиваясь от аналогий из других музейных коллекций, я предполагаю детально описать и пояснить изображение, имеющее религиозное значение. Полагаясь на публикации клинописных документов с оттисками печатей старовавилонского периода, я хочу исследовать функциональность подобных печатей и с большой долей вероятности узнать место бытования и изготовления печати ДВ-6450.

В собрание древних печатей Передней Азии Государственного Эрмитажа входят предметы, самый ранний из которых датируется началом 4 тыс. до н.э. и относится к периоду Убейд, а самый поздний временем Ахеменидского владычества на Ближнем Востоке, т.е. VI–IV вв. до н.э. Порядка трети коллекции составляют печати II тыс. до н.э., они имеют отношение к эпохе правления династии Хаммурапи в Вавилонии. Эти цилиндрические печати по большей части вырезаны из очень твердого камня — гематита. На цилиндры нанесен углубленный рельеф — *intaglio*. В принятой терминологии такие печати называют старовавилонскими. К названной группе относится и предмет данного исследования.

В Отдел Востока печать попала в начале 1930х годов из расформированного Отделения Глиптики, куда древневосточная глиптика вошла еще раньше в 1918 году из Отделения древностей. Более ранняя история печати затеряна в веках.

Инвентарный номер: ДВ-6450¹

Размер: 2,7 x 1,6 см

Материал: гематит

Цилиндрическая печать старовавилонского типа несет на себе изображение шести человеческих фигур (рис. 1). Клинописная надпись², привычная для этой эпохи, полностью отсутствует. Все поле изображения заполнено фигурами, но на пустых местах нет символов, которыми обычно заполняли пространство между персонажами³.

Исходя из типологии Ламии аль-Гальяни Верр эрмитажная печать происходит из города Сиппара и была изготовлена там в Мастерской I. Об этом свидетельствует наличие большого

¹ Данная статья является первопубликацией печати ДВ-6450. Ранее она демонстрировалась во время доклада на Международном конгрессе ближневосточной археологии ICAANE 2018, но в сборник так и не вошла [15, р.69].

² В старовавилонский период в Вавилонии надписи являются важной частью рельефа цилиндра. Стандартная надпись на старовавилонской печати содержит имя и профессию владельца и/или имя божества. Встречаются и более распространенные надписи, содержащие что-то вроде короткой молитвы, призванной оберегать владельца печати [6, р. 105].

³ Символы в старовавилонский период были важной частью изображения печати. Они заполняли все пустое пространство между фигурами в сцене, часто заполняя даже в сектор с надписью. Такими символами могли быть атрибуты конкретных божеств: лев — символ Иштар, козлырыб — символ Эа, львиный жезл — символ Нергала и т.д. Были также символы, не имеющие прямой аналогии с божествами вавилонского пантеона. Семантика таких знаков неясна, названия были даны им лишь исходя из внешнего сходства с отдельными животными, предметами и общеизвестными символами европейской культуры: черепаха, змея, скорпион, шар-и-палка, крест, омега и т.д. [5, р. 47].

количества мелких деталей, требующих тщательной проработки, а также использование для резьбы по камню сверла [1].

Из шести изображенных на печати фигур лишь одна мужская, остальные женские. Все персонажи носят головные уборы, увенчанные рогами, но разной высоты и формы. Рогатый головной убор в древней Месопотамии был знаком божественного происхождения его носителя. Из чего можно заключить, что все представленные персонажи являются божествами.

Описание сцены (Рис. 1)

Первый персонаж: Обнаженный мужчина. Лицо изображено фронтально. Борода. Прическа персонажа состоит из двух локонов с каждой стороны лица. На голове плоская шапочка с одним рядом рогов. В руках держит козленка. Обращен вправо⁴. На верхней части туловища — портупея/опоясывание.

Второй персонаж: Женская фигура стоит на двух композитных существах⁵. На ней плоский головной убор с одной парой рогов. В ушах массивные серьги, на шее ожерелье из многочисленных обручей. Лицо изображено фронтально. Верхняя часть обнажена. Руки сложены на груди. Ниже пояса юбка со струящимися складками.

Третий персонаж: Женская фигура изображена в профиль. Руки подняты на уровне груди. На голове высокий головной убор с несколькими рядами рогов. Прическа собрана в косицу сзади. На шее ожерелье из многочисленных обручей. На запястьях парные браслеты. Складчатое многоярусное платье покрывает оба плеча. Обращена вправо.

Четвертый персонаж: Женская фигура изображена анфас. Правая рука приподнята, левая покоится на талии. На голове плоский убор с рядом рогов и плоским навершием. В ушах массивные серьги. На шее ожерелье из рядов обручей. Длинное многоярусное складчатое платье полностью покрывает руки и плечи, но оставляет открытой грудь. Обращена влево.

Пятый персонаж: Женская фигура изображена фронтально. Руки сложены на талии. Головной убор плоский с одним рядом рогов. Сари-подобное одеяние открывает шею, плечи и левую часть груди, при этом укутывая правую руку по запястью. Складчатый многоярусный подол наряда спускается к самым ступням женщины. Обращена вправо.

Шестой персонаж: Женская фигура изображена анфас. В правой руке держит двузубый жезл, левая рука лежит на талии. Голову венчает высокий убор с несколькими рядами рогов. На плечи спускаются две косы по обе стороны лица. Шею украшают многочисленные обручи. Одеяние оставляет левую руку, плечо и грудь открытыми, полностью покрывают правую сторону груди и руку до запястья, ярусами спускается к ступням. На правом плече изображена ветвь или растение (?). Обращена влево.

Трактовка образов и аналогии

Фигуры 1–2. Первая богиня (Рис. 2) стоит на двух композитных существах. Печать в месте изображения этих животных повреждена, поэтому не все детали их облика кажутся очевидными. По правому созданию видно, что его задняя часть представляет собой рыбий

⁴ Так как пятеро из шести персонажей изображены анфас, то их направление можно выяснить только по расположению ступней. В какую сторону повернуты носки ступней, туда и “смотрит” персонаж.

⁵ Композитные существа, англ. *Fantastic/composite creatures*, нем. *Mischwesen* — часто бывают атрибутами и спутниками месопотамских божеств. Как правило, их облик состоит из нескольких черт (частей тел) различных существ, причем нередко сочетаются черты животных, относящихся к разной среде обитания — туловище сухопутного млекопитающего и рыбий хвост, кошачье и крылья и т.д. Чаще всего такие существа изображаются как раз на печатях [17, S.222–246], [8, S. 246–264.]

хвост, а голову украшают маленькие козлиные рожки. У левого задняя часть тела пострадала сильнее, но спереди сохранились маленькие козлиные ножки и длинная шея.

Юбка богини изображена с помощью четырех змееподобных линий, вероятно имитирующих струи воды. Божеством водной стихии в вавилонском пантеоне первой четверти 2 тыс. до н.э. был бог Эа (шум. Энки). Он был божеством пресной воды, подземных источников и магии. Начиная с периода 3 династии Ура одним из его распространенных символов и атрибутов было существо — наполовину козел, наполовину рыба⁶.

Сам бог Эа в старовавилонский период мог изображаться стоящим на двух козлорыбах или двух человекорыбах. Так он изображен на эрмитажной печати ДВ-6451 (Рис. 3)⁷. Эа стоит на спинах человекорыба (справа) и козлорыба (слева). В правой руке он держит сосуд, из которого истекают струи воды и попадают в сосуд в руках человекорыба и в сосуд, стоящий на голове козлорыба. Над головой божества также два его символа — человекорыб (справа) и некое существо с рыбьим туловищем и львиной пастью⁸ (слева). Слева от Эа изображен обнаженный герой, держащий в руках сосуд, подобный тому, что держит божество. На печати ДВ-6451 герой так же изображен фронтально, как и на печати ДВ-6450.

На печати ДВ-6451 обнаженный герой предстает с жертвенным козленком в руках. Обычно в такой позе встречается другой персонаж — царь-адорант, которого мы можем видеть на печати ДВ-6451 (Рис. 3). Обнаженный герой обычно изображается в трех ситуациях: в сцене сражения, держащим сосуд и с руками, сложенными на талии⁹. Присутствие обнаженного героя на печати ДВ-6450 рядом со второй богиней хоть и не привычно для него в этой позе, тем не менее, очень показательно. Вокруг богини сконцентрированы символы, присущие богу воды Эа: обнаженный герой, струи воды, которые стекают по ее юбкам, два композитных существа, которые, скорее всего, являются козлорыбами. Образ богини прочно связан с символикой воды, и следующие аналоги помогут нам узнать ее имя.

На оттиске печати из Сиппара (Рис. 2) [2, п.206.с] изображен сидящий на троне бог воды. Ноги божества и основание трона покоятся на спинах двух композитных существ — козлорыбов. В правой руке Эа держит сосуд. Из плеч его ниспадают струи, которые падают на голову правому козлорыбу. Перед богом стоит обнаженный герой с козленком на руках, позади божества фигура богини с воздетой правой рукой. Между ними на уровне глаз символ — черепаха. Печать согласно клинописной надписи принадлежала человеку по имени Энки-мансум. Себя он называет слугой Энки и Дамгальнуны¹⁰. Эта печать является редким примером памятника, в котором изображение иллюстрирует надпись, а надпись поясняет изображение. Явная символика водного божества в совокупности с надписью на печати, упоминающая Энки/Эа, делает трактовку изображения на печати гораздо проще. Владелец печати упоминает божественную пару супругов Энки и Дамгальнуна, из чего можно предположить, что на печати они также должны быть изображены парой. Богиня позади Эа, протягивающая к нему руку, это ли есть его супруга Дамгальнуна/

⁶ В ассириологической литературе это существо принято называть “goat-fish” англ., «козлорыб» рус. в аккадском языке — *suhurmašu(m)*. Подробнее о существе сурхурмашу и его символике [4, pp.113–114].

⁷ Печать ДВ-6451 из коллекции Государственного Эрмитажа ранее никогда не публиковалась.

⁸ В англоязычной литературе этого монстра принято называть lion-fish или demon-fish [4, p. 122]. Чаще всего встречается на печатях старовавилонского времени [5, pp. 119, 121, 122, 389, 401, 437, 438, 451, 461–467, 472, 550].

⁹ Примеры печати с изображением героя в сцене сражения и героя со сложенными руками [5, pp. 112, 148]. Единственным известным мне примером, когда герой на печати изображен с жертвенным козленком — это оттиск печати на старовавилонском документе из коллекции Лувра инв. номер АО1651 [2, п.206.с].

¹⁰ Энки и Дамгальнуна — шумерский вариант имен Эа и Дамкины.

Дамкина? Но почему ее образ не дополняет водная атрибутика как на печати ДВ-6450 (Рис. 2)?

На печати ДВ-6450 (Рис. 2) атрибуты бога воды Энки присущи первой богине. Может ли она изображать супругу Энки — Дамгальнуна?

Следующий пример происходит также из архивов города Сиппара. Оттиск на документе (рис. 5), который сейчас находится в собрании Лувра, показывает нам сцену с богиней, стоящей на козлорыбах. Вокруг нее плавают рыбки, а на уровне головы изображен человекорыб. Связь водной богини с образом Энки на этом изображении еще очевиднее. Богиня здесь изображена вместе с атрибутами, традиционно сопровождавшими бога Энки/Эа еще со староаккадского периода — рыбами, резвящимися в струях воды, бьющих из плеч Энки.

Все примеры, предложенные в качестве аналогий к персонажу, изображенному на эрмитажной печати, имеют археологическое происхождение. Мы знаем, когда и на какой территории печати с похожими изображениями бытовали. В случае с печатью (Рис. 4) известен даже ее владелец, который, судя по имени и эпитету, имел непосредственное отношение к супругам Энки и Дамгальнуна. Оттиски из Лувра были оставлены на документах из Сиппара, датированных временем правления царя Син-мубаллита и царя Хаммурапи. Согласно Ламии аль-Гальяни Верр, на печатях из Сиппара изображение водного божества (Эа) встречалось в основном во времена правления Хаммурапи. Образ Дамкины появляется чаще всего так же на печатях из Сиппара времени Хаммурапи. Она всегда изображается анфас, стоящей на козлорыбах с руками, сложенными на талии. Голову венчает убор с одним рядом рогов [2, p. 38].

В Сиппаре времени Хаммурапи было небольшое святилище, посвященное Эа, однако оно никогда не играло сколь-нибудь значимой роли в духовной жизни города. Внезапный всплеск популярности водных божеств в иконографии этого времени — исключительный для региона случай [10].

Фигура 3. Третья фигура (Рис. 2) представляет собой, вероятно, самый популярный персонаж в старовавилонской глиптике. Богиня-заступница¹¹, или богиня лама, встречается в большинстве сцен адорации и сцен представления. Как персонаж она появляется еще на печатях 3 династии Ура. Ее образ продолжает активно использоваться в глиптике вплоть до конца касситского периода. В сцене представления она подводит адоранта за руку к верховному божеству. В сценах адорации — стоит позади адоранта. Также она может стоять лицом к лицу с верховным божеством в многофигурных или парных сценах.

Когда лама не ведет за руку адоранта, она всегда изображается с поднятыми руками. На ней высокий головной убор со многими рядами рогов. Одевание длинное, многослойное.

В сцене на печати ДВ-6450 (Рис. 2), лама обращена лицом к третьей богине.

Фигура 4. Третья богиня (Рис. 2) имеет четкую иконографию — это богиня Айя, супруга бога-солнца Шамаша. Как и ее супруг, Айя связана с сиппарским пантеоном. Чаще всего ее образ можно встретить именно на печатях из Сиппара. Она всегда изображается фронтально. На ее голове чаще всего высокий рогатый венец с квадратным навершием. Правая рука ее воздета. Она протягивает ее в сторону обращенного к ней персонажа. На печати ДВ-6540 (Рис. 2) это богиня-заступница лама.

Фигура 5. Часто на печатях Айя изображена обращенной к еще одной богине. Ее руки всегда сложены на талии, голову венчает убор с одним рядом рогов, а грудь обнажена. Эта богиня представлена и на печати ДВ-6450 (Рис. 2). Аналогичную фигуру можно увидеть на документе из Сиппара (рис. 6). Айя протягивает к ней руку.

¹¹ Частота изображения богини ламы на примере крупнейшего каталога старовавилонской глиптики см. [5, p. 25].

На ряде печатей из Британского музея эта богиня может стоять позади бога солнца Шамаша [5, п. 356, 359]. Из чего можно сделать предположение, что эта богиня имеет близкое отношение к богу солнца и его супруге.

В сиппарском пантеоне у бога Шамаша была дочь — богиня сновидений Маму. Ее матерью была богиня Айя. На сиппарских документах ее имя наравне с именем матери упоминается в качестве свидетелей сделок [16, 115].

На печати ДВ-6450 (Рис. 1) образ младшей богини подчеркнута прост. На ней нет высокого головного убора и тяжелых украшений, ее не сопровождают символы. Даже ее обнаженная грудь изображена едва обозначенной, как у девочки-подростка. Собенно это видно в сравнении с другими богинями, обнаженная грудь которых — показатель их фертильности и сексуальной привлекательности. На печати из I сиппарской мастерской такие тонкости гораздо заметнее, благодаря предельному вниманию к деталям со стороны мастера.

Фигура 6. Замыкает сцену пятая богиня (Рис. 2), именно на нее смотрит юная богиня Маму. На фигуре высокий венец с несколькими рядами рогов, что говорит о ее весьма высоком положении в пантеоне. Она единственная, кто держит в руке атрибут. У нее в руках жезл с двумя зубьями. Традиционно с жезлом о двух львиных головах изображалась богиня Иштар. Для региона Сиппара иконография Иштар преимущественно представляла ее в образе богини-воительницы, одной ногой попирающей льва или обеими ногами стоящей на львах или грифонах¹²

Ближе всего к нашей печати иконография Иштар (?) представлена у Эвелин Кленгель-Брандт [13, S.275, f. 15c] (рис. 7). Богиня в высокой тиаре с рогами обращена к младшей богине (Маму?). В правой руке Иштар двуголовый жезл, нечто среднее между оригинальным львиноголовым жезлом [Black 2004, 97] и жезлом с эрмитажной печати. Богиня не стоит на льве, но выше в поле изображения между двумя фигурами изображен лежащий лев. Доминик Колон пишет, что удивительным образом на сиппарских печатях некоторые символы могут упрощаться, не смотря на то, какой высокий уровень детализации изображения был возможен в сиппарских мастерских [5, р. 52]. Возможно печать ДВ-6450 (рис. 1) как раз пример такого упрощения.

Богиня Иштар тем не менее самый подходящий персонаж для завершения сцены, где предположительно изображены богиня Айя и богиня Маму. Айя и Маму были женой и соответственно дочерью главы сиппарского пантеона — богасолнца Шамаша. Культ Шамаша в Сиппаре предполагал поклонение не только ему самому, но и его ближайшим родственникам. Иштар же, согласно вавилонскому пантеону, была его сестрой.

Джулия М. Эшер Грив предлагает похожую «родственную» трактовку изображению на печати из Британского Музея [2, п.358]. В многофигурной сцене царь-адорант подносит к Шамашу жертвенного козленка. Шамаш стоит в традиционной позе с ножом, опираясь ногой на символически изображенную гору¹³. Позади него две богини. Одна с руками, сложенными на талии, стоит на постаменте, другая стоит на двух львах. Первая богиня — Айя, вторая соответственно — Иштар. Поле изображения согласно Эшер-Грив является ни чем иным, как сиппарским храмом Эбббар, где стоят статуи Шамаша и его божественных родственников. Царь-адорант приносит жертвенного козленка именно в храм, куда его сопровождает богиня-заступница [3, pp. 270–272]. Э. Джордж предполагал, что статуя Иштар действительно могла стоять в этом храме [7, р.70].

На печати ДВ-6540 действительно мог быть отражен некий космический сюжет, изображавший богинь-родственниц главы сиппарского пантеона — Шамаша. И только образ первой богини, предположительно Дамкины, жены бога Эа, не соответствует приведенной

картине. Она не была родственницей бога Шамаша. Ее культ, как и культ ее супруга, был в Сиппаре второстепенным.

Пояснить ее присутствие рядом с родственницами богасолнца можно только, дав богине другое имя. Джулия М. Эшер-Грив дает интересную трактовку оттиску печати Нур-Мардука, который сохранился, по меньшей мере, на трех документах (Рис. 9).

Сидящая на троне богиня интерпретируется как богиня Айя, госпожа-покровительница Сиппара. Имя «Айя» записано тремя клинышками позади ее трона. У нее в руке двузубый жезл, напоминающий жезл Иштар. В Сиппаре Иштар почиталась в храме Э-эддина под именем «Госпожа Сиппара» [7, п. 244]. Образ этих двух богинь мог слиться воедино в образе Айи-покровительницы Сиппара. Стоящую перед сидящей Айей богиню Джулия М. Эшер-Грив отождествляет как Айю — персонификацию рассвета, а богиню с рыбками и струями воды рядом с обнаженным героем, как Айю-богиню изобилия [3, pp. 266–268].

Трактовать подобным образом изображение на ДВ-6450 (Рис. 1) более проблематично. Композиция помимо фигур не содержит символов и надписей. Единственными атрибутами обладают как раз фигуры Иштар (жезл) и фигура Дамкины (козлорыбы), в то время как фигура Айи напротив атрибутов лишена. Отождествить ее с образом Айи, а соседнюю фигуру с образом Маму, удалось лишь, отталкиваясь от аналогичных изображений в более знаковых сценах. На мой взгляд, трактовать сцену на печати ДВ-6450 (Рис. 1) следует так: богини-родственницы Айя, Маму и Иштар вместе с богиней-заступницей ламой и богиней-воды Дамкиной.

Выводы

Даже невозможность интерпретировать персонаж богини-воды как родственницу Шамаша не умоляет значимости печати ДВ-6450 (Рис. 1) для культа бога-солнца в Сиппаре. Преобладание в изображении женских персонажей наводит на мысль, что печать могла принадлежать женщине. И не просто женщине, а женщине весьма высокого статуса, имеющей возможность распоряжаться своим или храмовым имуществом, а также выступать в сделках в качестве свидетеля. В Сиппаре времен Хаммурапи такими женщинами могли быть жрицы-надиту Шамаша.

Жрицы-надиту бога Шамаша в Сиппаре жили специальными закрытыми общинами. Выход во внешний мир был строго регламентирован, однако общаться через корреспонденцию не возбранялось. Благодаря этой практике в архивах были найдены многочисленные письма, которые жрицы писали родным, друзьям и агентам. Девочки, посвящавшие свою жизнь служению Шамашу, часто происходили из высокопоставленных семей. После посвящения они не теряли своего привилегированного положения и своего имущества [11, pp.305–307].

Жрицы-надиту Шамаша не могли выходить замуж и рожать детей, однако, многочисленные документы из архивов жриц-надиту говорят о том, что они могли усыновлять\удочерять детей, чтобы иметь возможность передать по наследству собственное имущество. Связь с родной семьей жрицы также не теряли, многие сделки, подтвержденные юридическими документами, свидетельствуют о том, что жрицы-надиту могли совершать куплю-продажу имущества, рабов и земли в интересах семьи [10].

Благодаря социальной, экономической и юридической активности жриц-надиту до нас дошли целые архивы документов, имеющих отношение к этому классу женщин. Ривка Харрис пишет о существовании специальных архивов в общине, где жили надиту [10, pp.153–154]. Однако документы, относящиеся к жрицам-надиту Шамаша, могли оказываться и за пределами общины. Юридическая практика старовавилонского периода часто

¹² Изображение Иштар на двух львах [2, pl.XXV, pp.1–9]. Иштар попирающая льва [5, pp. 385, 401]

¹³ Подробнее об изображении Шамаша с ножом, восходящего на гору см. [14].

предусматривала создание нескольких экземпляров договоров, особенно в случае, если они касались аренды и вопросов наследования [16, p.110].

Большинство жриц-надиту Шамаша безусловно владело печатями. Они могли использовать их не только во время «подписания» собственных документов, но и когда выступали в качестве свидетеля. На сиппарских документах старовавилонского времени жрицы-надиту часто упоминались в качестве свидетеля сделки [16, p.114].

В исследовании 1996 года Беатрис Тессьер рассматривает документы из Сиппара, относящиеся к жрицам-надиту Шамаша [16]. В этой работе опубликовано 424 оттиска печатей, многие из которых могли принадлежать жрицам-надиту. Изображения на этих оттисках во многом перекликаются с печатью ДВ-6450 (Рис. 1). На большей части печатей представлены сцена адорации. Персонажи могут варьироваться: это и лама, Иштар, Айя, Маму и даже богиня воды [16, p. 112]. Все документы с оттисками датируются временем правления Хаммурапи.

Печать ДВ-6450 содержит необычное для старовавилонской иконографии изображение сразу пять богинь. Эти богини были значимы для сиппарского божественного пантеона периода царствования Хаммурапи. Точных аналогий нашей печати среди печатей из коллекций других музеев найти не удалось, как не удалось найти их и среди оттисков с документов из Сиппара. Все элементы изображения печати ДВ-6450 (Рис. 2) активно использовались в глиптике Сиппара времени Хаммурапи, часто на печатях жриц-надиту Шамаша, однако ни разу не объединялись в одну сцену на одной печати. Печать ДВ-6450 содержит сразу пять изображений важных для Сиппара богинь. Три из них являются женой, дочерью и сестрой главы пантеона города Сиппара бога Шамаша. Печать с таким изображением безусловно должна была принадлежать жрице-надиту бога Шамаша.

Список рисунков

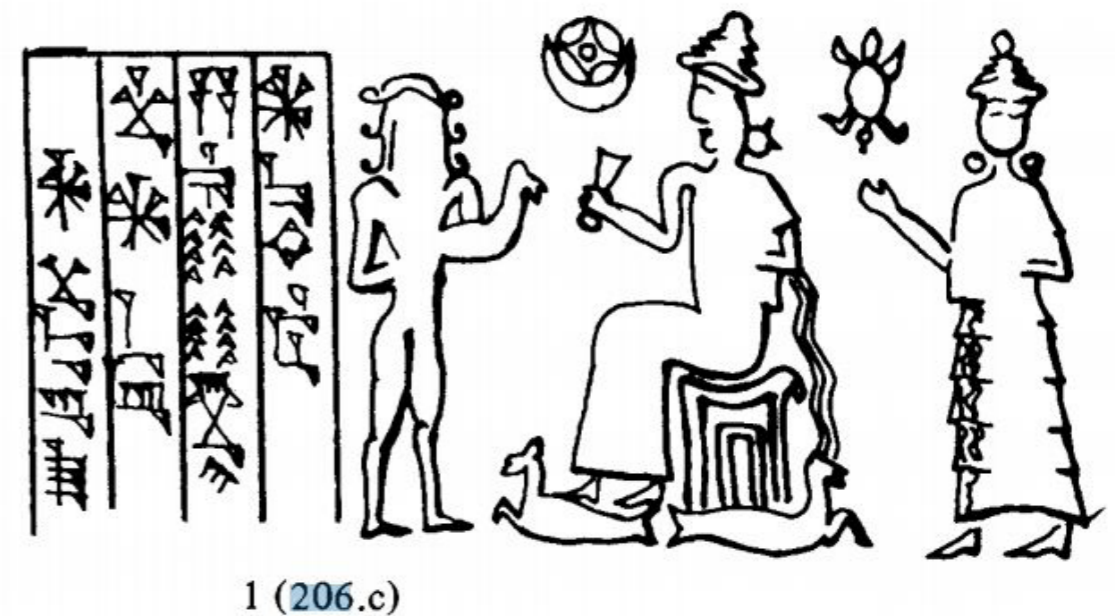
Рис. 1. Печать ДВ-6450 с оттиском. Государственный Эрмитаж

Рис. 2. Прорисовка печати ДВ-6550. Государственный Эрмитаж. Художник С. Скиба

Рис. 3. Печать ДВ-6451 с оттиском. Государственный Эрмитаж

1 (206.c)

Рис. 4. Прорисовка оттиска с документа по [2, п.206.c]

7 (198.f)

Рис. 5. Прорисовка оттиска с документа по [2, n.198.f]

3 (237.c)

Рис. 6. Прорисовка оттиска с документа по [2, n. 237. c]

Рис. 7. Прорисовка оттиска с документа по [13, S.275, f. 15c]

Рис. 8. Прорисовка оттиска с документа по [12, S.67, Abb.1]

Список литературы

1. Al-Gailani Werr L. The Sippar Workshop of Seal Engraving// American Journal of Archaeology.— 1986. — Vol. 90. No. 4 — P. 461–463
2. Al-Gailani Werr L. Studies in the Chronology and Regional Style of Old Babylonian Cylinder Seals. Bibliotheca Mesopotamica, 23. — Malibu: Undena Publications, 1988. — p. 111
3. Ashere-Greve J.M., Goodnick Westenholz J. Goddess in Context. On Divine Powers, Roles, Relationships and Gender in Mesopotamian Textual and Visual Sources. Orbis Biblicus Et Orientalis. — Fribourg: Academic Press Fribourg. Vandhoeck & Ruprecht Göttingen, 2013–460 p.
4. Black J., Green A. Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia. An Illustrated Dictionary — London: The British Museum Press, 2004.— 192 p.
5. Collon D. Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum. Cylinder Seals III: Isin-Larsa and Old Babylonian Periods. — London: British Museum Press, 1986.— 241 p.
6. Collon D. First Impressions: Cylinder Seals in the Ancient Near East. — London: British Museum Press, 1987.— 208 p.
7. George A. R. House Most High. The Temples of Ancient Mesopotamia. Mesopotamia Civilization 5. — Eisenbrauns, 1993.— 240 p.

8. Green A. Mischwesen B. Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie. Band 8. 1/2 Lieferung. — Berlin, 1993. — S. 246–264.
9. Harris R. The Archive of the Sin Temple in Khafadjeh// *Journal of Cuneiform Studies*. —1955. — Vol.9. No.2. — P. 31–58
10. Harris R. The Organization and Administration of the Cloister in Ancient Babylonia. // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*.— 1963. — Vol. 6. No. 2. — P. 121–157
11. Harris R. Ancient Sippar. A Demographic Study of an Old-Babylonian City (1894–1595 B.C.). Publications de l'Institut historique-archéologique néerlandais de Stamboul XXXVI. — Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 1975. — P. 424
12. Klengel-Brandt E. Siegelabrollungen auf altbabylonische Tontafeln aus Babylon. // *Altorientalische Forschungen*.— 1983. — Vol. 10. — S. 65–106
13. Klengel-Brandt E. Altbabylonische Siegelabrollungen (VS VII–IX0). // *Altorientalische Forschungen*.— 1989. — Vol. 16. — S. 253–356
14. Sologubova M. V. Old Babylonian Cylinder Seals with the Images of the god Shamash in the State Hermitage Collection//*Reports of the State Hermitage Museum* — 2016. — Vol. LLXIII. — pp. 5–13
15. Sologubova M. V. Family values in Old Babylonian pantheon. Image of the god's spouse in Old Babylonian glyptic. Abstracts ICAANE 2018. — München: Ludwig-Maximilians-Universität München Presse, 2018. — p. 69
16. Tessier B. Sealing and Seals: Seal-Impressions from the Reign of Hammurabi on Tablets from Sippar in the British Museum// *Iraq*.— 1998. — Vol. 60. — P. 109–186
17. Wiggerman F.A.M. Mischwesen A. Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie. Band 8. 1/2 Lieferung. — Berlin, 1993. — S. 222–246

References

1. Al-Gailani Werr L. The Sippar Workshop of Seal Engraving. *American Journal of Archaeology*, 1986, vol. 90, no. 4. pp. 461–463
2. Al-Gailani Werr L. *Studies in the Chronology and Regional Style of Old Babylonian Cylinder Seals*. Bibliotheca Mesopotamica, 23. Malibu, Undena Publications. 1988. p. 111
3. Ashere-Greve J.M., Goodnick Westenholz J. Goddess in Context. On Divine Powers, Roles, Relationships and Gender in Mesopotamian Textual and Visual Sources. *Orbis Biblicus Et Orientalis*. Fribourg, Academic Press Fribourg. Vandhoeck & Ruprecht Göttingen, 2013. p. 460
4. Black J., Green A. *Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia. An Illustrated Dictionary*. London, The British Museum Press, 2004. p. 192
5. Collon D. *Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum. Cylinder Seals III: Isin-Larsa and Old Babylonian Periods*. London, British Museum Press, 1986. p. 241
6. Collon D. *First Impressions: Cylinder Seals in the Ancient Near East*. London, British Museum Press, 1987. — p.208
7. George A. R. House Most High. The Temples of Ancient Mesopotamia. *Mesopotamia Civilization 5*. — Eisenbrauns, 1993. — p. 240.
8. Green A. *Mischwesen B*. Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie. Band 8. 1/2 Lieferung. Berlin, 1993. S. 246–264.
9. Harris R. The Archive of the Sin Temple in Khafadjeh// *Journal of Cuneiform Studies*, 1955, vol.9, no.2. pp. 31–58

10. Harris R. The Organization and Administration of the Cloister in Ancient Babylonia. // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, 1963, vol. 6, no. 2. pp.121–157
11. Harris R. Ancient Sippar. *A Demographic Study of an Old-Babylonian City (1894–1595 B.C.)*. Publications de l'Institut historique-archéologique néerlandais de Stamboul XXXVI. — Leiden, Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 1975. p.420
12. Klengel-Brandt E. Siegelabrollungen auf altbabylonische Tontafeln aus Babylon. // *Altorientalische Forschungen*,1983, vol. 10. S. 65–106
13. Klengel-Brandt E. Altbabylonische Siegelabrollungen (VS VII–IX0). // *Altorientalische Forschungen*, 1989, vol. 16. S. 253–356
14. Sologubova M. V. Old Babylonian Cylinder Seals with the Images of the god Shamash in the State Hermitage Collection//*Reports of the State Hermitage Museum*, 2016, vol. LLXIII. pp. 5–13
15. Sologubova M. V. Family values in Old Babylonian pantheon. Image of the god's spouse in Old Babylonian glyptic. Abstracts ICAANE 2018. München: Ludwig-Maximilians-Universität München Presse.p. 69
16. Tessier B. Sealing and Seals: Seal-Impressions from the Reign of Hammurabi on Tablets from Sippar in the British Museum// *Iraq*, 1998, vol. 60. pp. 109–186
17. Wiggerman F.A.M. *Mischwesen A*. Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie. Band 8. 1/2 Lieferung. Berlin, 1993. S. 222–246

Информация об авторе

Мария Вячеславовна Сологубова — научный сотрудник Отдела Востока, Государственный Эрмитаж.

Email: sologubova@hermitage.ru

Author's Information

Maria V. Sologubova — Researcher of the Oriental Department, The State Hermitage Museum.

Email: sologubova@hermitage.ru

СЕКЦИЯ 8.
ЯЗЫКИ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

Пополнение китайского словаря отраслевой лексики в эпоху модернизации языка¹

Аннотация: На пути развития любого естественного языка обнаруживаются периоды бурного притока неологизмов извне. В странах так называемого иероглифического ареала на Дальнем Востоке пик этого процесса пришелся на конец XIX в. — начало XX в., когда модернизация ощутимо затронула не только разные сферы жизни общества, но и область языка, в особенности его лексический пласт. Начиная с эпохи Мэйдзи через японский язык в китайский пришли сотни новых лексических единиц, транслировавших реалии и понятия, присущие западной цивилизации. В статье анализируются пути и способы пополнения отраслевого словаря китайского языка, обновлявшегося и расширявшегося усилиями самих носителей и европейских миссионеров, но в большей степени за счет заимствований из японского языка, где неологизмы из западных языков появлялись преимущественно в форме канго, что способствовало их скорой рецепции остальными языками иероглифического ареала.

Эти единицы в современном китайском языке представляют собой отдельный лексический пласт, очевидно отличающийся от заимствований из других языков, а потому заслуживающий отдельного внимания, однако в силу определенных причин довольно скудно описан и в отечественной, и в западной синологии.

Анализ словарей показывает, что по сфере употребления заимствования из японского языка не были ограничены исключительно отраслевой лексикой и узкоспециальными терминами, многие из них со временем вошли в базовый словарь, при этом, как это часто бывает при освоении опосредованно заимствованной лексики и имело место в случае с китайским языком, высока вероятность семантического сдвига, поэтому часть заимствованных слов в языке-реципиенте расширила или изменила исходную семантику. Библиография: 16 наименований.

Ключевые слова: японские заимствования в китайском языке; японизмы; обратные заимствования; вторичные заимствования; графические заимствования; лексическая деархаизация; лексикология китайского языка; китайский язык

Lexical expansion of Chinese language during the era of language modernisation

Summary: The development of any natural language is hampered by the periods of introduction of new words from other languages. In the Far East countries with the ideographic writing system (Japan, China and Korea) the peak of this process occurred at the mid-19th century when the Meiji Restoration and Modernization started. It affected each and every sphere of the life in Japan, including the Japanese language and its lexis. Since the Meiji era, hundreds of new lexical units have entered Chinese through the Japanese language, introducing new realities and concepts of Western civilization. The article examines the ways and the means of enriching the Chinese vocabulary. Though in China some word-coining and translations were also conducted by European missionaries and well-educated native speakers, most of the borrowings came to the country from the Japanese language. There new terms that were originated from the Western languages appeared at first mainly in characters contributing to their early adoption by the other languages of the region. These units in modern Chinese form a separate lexical layer, obviously different from the loanwords of other languages. Due to the fact this layer for some reasons is poorly described in Russian and Western Synology, we assume it needs special attention.

Language data shows that, in terms of usage, borrowings from the Japanese language were not restricted exclusively to the specialized vocabularies and terms, and later many of the new words became a part of basic lexicon. However, in the case of Chinese, as it often happens with implicitly borrowed vocabulary, there was a semantic shift after the borrowing, so that some of the loanwords in the recipient language have expanded or changed its original semantics. (Refs 16.)

Keywords: Japanese loanwords in Chinese; Japanese borrowings; japanism; borrowed words; reborrowing; returning loanwords; lexical borrowings; graphic loanwords; dearchaizing vocabulary; Chinese lexicology; the Chinese language

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта JTI 2019: A Study of Japanese borrowings in the Chinese language in the Meiji era. Автор выражает свою благодарность prof. Mareshi SAITO (*University of Tokyo, Japan*) и И. С. Ибрагим (*СПбГУ*) за помощь в организации сбора материала.

Введение

Изучение заимствований в китайский язык из японского, включая и сам процесс, и его результаты, на протяжении XX века не отличалось ни системностью, ни глубиной, ни широтой охвата, что, однако, присуще не только отечественному востоковедению, но и собственно китайской науке. На современном этапе, когда стало наблюдаться более тесное взаимодействие между двумя соседствующими языками — китайским и японским, объединяемыми еще и типом используемой письменности, когда ощущается всплеск интереса к исследованию активизировавшегося теперь уже на рубеже XX–XXI вв. процесса заимствования лексических единиц, эта область лексикологии все чаще стала попадать в сферу научного интереса лингвистов по всему миру, однако в отечественной науке, в особенности в синологии, очевидно недостает внимания исследователей к данной проблеме.

Китай и Япония относятся к странам так называемого «иероглифического ареала», члены которого используют общую иероглифическую систему письма, при этом если до второй половины XIX в. языковое влияние, носившее преимущественно односторонний характер, было направлено на восток — из Китая в Японию, то на рубеже XIX–XX вв. вектор влияния сменился на обратный, и уже японский язык из реципиента превратился в донора. Связано это было с политической, экономической и социальной ситуацией в двух странах. В отличие от цинского Китая, долгое время пребывавшего сначала в состоянии самоизоляции, затем в полукOLONIALной зависимости от иностранных государств, Япония, выйдя из самоизоляции, в эпоху Мэйдзи 明治時代 (1868–1912) сделала серьезный рывок вперед, главным образом за счет целенаправленной политики привлечения с Запада передовых технологий и инноваций, а также модернизации политической и экономической систем страны. Эти процессы имели своим следствием активное пополнение японского языка соответствующей научно-технической и инновационной для того времени терминологией, из которого, в свою очередь, за счет заимствования новых лексических единиц в иероглифической форме началась дальнейшая их рецепция в другие языки Дальнего Востока, где они уже получали собственное (например, китайское или корейское) произношение. При этом могло иметь место расширение значения или семантический сдвиг, или даже их последующее вытеснение другим термином, заимствованным напрямую из западных языков [Ito et al. 2006: 66].

Лексические революции эпохи модернизации

Кардинальные изменения в словарном фонде японского языка, которые Е. В. Маевский назвал «лексической революцией Мэйдзи» [Маевский, 2005: 248], в равной степени относятся и к остальным языкам иероглифического ареала — китайскому и корейскому. Начавшись в первой половине XIX века еще до начала реставрации Мэйдзи и заняв несколько десятилетий, этот процесс представлял собой словотворчество отдельных языковых личностей, за которым затем следовало длительное «вживание» неологизма в ткань китайского языка. Вестернизация лексической подсистемы японского языка в тот период шла как синоцентрический по форме процесс, поскольку иностранные понятия облекались в форму канго 漢語 как новые языковые единицы, составленные из компонентов китайского происхождения и отражаемые иероглифическими знаками, что отличает освоение иноязычных слов того времени от заимствований в японский язык на современном этапе, когда пополнение словарного фонда идет в значительной мере за счет гайрайго 外来語 [Маевский, 2005].

Постепенный прирост канго в японском языке наблюдался и ранее, однако именно в XIX веке темпы увеличения их количества ощутило пошло вверх. На фоне явного «бума канго» в эпоху Мэйдзи имелось и отторжение иероглифики, вплоть до инициативы отменить использование иероглифических знаков вовсе [Аракава, 2018]. До начала этого бума сфера использования канго была ограничена определенными социальными группами

в зависимости от уровня и качества полученного ими образования. Так, употребление этих единиц было типично, в частности, для самураев, тогда как язык торговцев и ремесленников, усваивавшийся в рамках иной образовательной системы и учебных материалов с более практической направленностью, в меньшей степени изобиловал канго, не говоря уже о недоступности слов, записанных иероглифическими знаками, для необразованных социальных низов японского общества [Rubinger 2000].

Стратегия заимствования ранее не имевшихся в японском языке понятий и записи их с помощью иероглифических знаков позволяла приблизить носителя языка, и без того пребывавшего в состоянии культурного шока, к крайне чужеродным для традиционной восточной культуры представлениям, пришедшим с Запада, придав им привычный для культур иероглифического ареала книжно-ученый флер, который всегда был в почете у образованных слоев населения, воспитанного в духе конфуцианства. С целью дифференциации массово появлявшихся в период Мэйдзи языковых единиц от обычных канго в японоведении их стали называть синканго 新漢語 'новые канго'. Возникнув в среде прогрессивной молодежи и интеллектуалов, синканго вошли в язык государственных служащих, а затем постепенно расширили сферу бытования и до широких слоев населения Японии, включая необразованных крестьян. В итоге мода на использование канго и широкая кампания по переводу западных понятий со временем привели к признанию этих единиц стандартом японского языка, вплоть до приписывания им статуса более приоритетных, чем исконно японские лексические единицы [Аракава, 2018: 43].

При этом вживание новых слов в японский язык, осмысление ранее не имевшихся понятий и реалий «западной учёности», принятие факта существования (речь не шла об усвоении) инокультурных ценностей отнюдь не проходили гладко. Мэйдзийские неологизмы возникали и бытовали некоторое время в разных вариантах, однако со временем «неудачные, нетерминологичные, дезориентирующие, требующие от читателя такого радикального переосмысления привычных слов, к которому он не готов и о необходимости которого даже не догадывается» [Маевский, 2005: 249], отбрасывались и постепенно отмирали.

Выбор языковых единиц в языке перевода зависел от индивидуальных предпочтений словотворцев, которые могли предлагать разные способы фиксации в японском языке ранее отсутствовавших понятий. История японского языка знает немало примеров, когда для трансляции западных смыслов в японскую культуру переводчик использовал разный набор знаков для нового слова. Видный японский просветитель, писатель и переводчик Ниси Аманэ 西岡, видевший свою миссию в знакомстве страны с достижениями европейской науки и внедрении западной философии в традиционную систему ценностей Японии, с этой целью пополнивший словарь академической терминологии в японском языке почти тремя тысячами неологизмов, часть которых продолжает использоваться и сегодня, включая такие привычные современному человеку категории, как «реальность», «феномен», «история», «сознание», «мысль», «идея», «философия», «психология», «впечатление». Ключевое для науки понятие европейской философии Ниси Аманэ пытался передать разными способами: и фонетической транскрипцией, и разными вариантами иероглифической записи, обсуждение см. [Скворцова, Луцкий, 2018; Демич, Костыркин, 2020]. Со временем из всех предложенных вариантов широкое распространение получал какой-то один, признанный наиболее удачным, он и закреплялся за соответствующим понятием.

Эти неологизмы, будучи представлены в иероглифике, естественно практически сразу попадали в лексикон восприимчивых ко всему новому и модному студентов из Китая, обучавшихся в тот период в Японии и приобщавшихся к западной культуре и науке во многом через переводную литературу на японском, а далее через них эти слова проникали уже в речь прогрессивной интеллигенции в самом Китае.

Активизация номинативной деятельности в Китае

В этот период шел процесс перевода работ европейских ученых и философов и, естественно, содержащейся в этих трудах терминологии и напрямую на китайский язык. Исторически в подобную деятельность были в большей степени вовлечены европейские миссионеры, чем сами носители языка.

Начиная с составленного в начале XIX века первого англо-китайского и китайско-английского словаря 華英字典 первого протестантского миссионера из Британии Роберта Морриса (Robert Morrison 馬禮遜), чья деятельность продолжила практику пионеров европейского миссионерства в Китае в лице Маттео Риччи, Николя Триго и др., оставивших после себя описание языка страны пребывания, лексикографическая деятельность западных миссионеров продолжалась весь XIX век. К 1919 году составленные иностранцами словари китайского языка, до XIX века доступные на португальском, латинском, испанском и французском языках, пополнились словарями и справочниками на английском, немецком и русском. Кроме того, активно шел процесс создания диалектных словарей Китая, включая кантонский, нанкинский, нинбоский и другие диалекты.

Среди важнейших лексикографических и терминотворческих источников анализируемого периода, значимых для целей настоящего исследования, особое место занимают двуязычные словари Вилема Лобшайда и Карла Хемелинга.

Лексикографическая деятельность лютеранского миссионера немецкого происхождения Вилема Лобшайда (Wilhelm Lobscheid 罗存德) (1822–1893) сыграла важную роль в становлении англо-китайских переводных эквивалентов и формировании китайского словаря модернизации рубежа XIX–XX вв. Составленный им англо-китайский словарь 《英华字典》, опубликованный в Гонконге в 1866–1869 гг., был первым полным двуязычным словарем, в котором были представлены многие термины из сферы политики и социальных наук, ранее отсутствовавшие в китайском языке. Тем самым В. Лобшайд внес значительный вклад в распространение в Китае научных знаний, в частности популяризации лексики из сферы политики [Wong 2017].

Первый тираж словаря В. Лобшайда был небольшим, поэтому довольно скоро встал вопрос о его переиздании. Этот проект был осуществлен в Японии в 90-х гг. XIX века по инициативе предпринимателя Ф. Кингселла, отца известного китайского революционера Фэн Цзыю 馮自由, позднее описавшего события той эпохи в «Неофициальной истории революции» [Feng 2009]. Китаец по происхождению Фунг Кингселл 馮鏡如 (1844?-1913), в японский период своей предпринимательской деятельности, взявший себе англоязычный псевдоним Kingsell, был владельцем типографии и канцелярского магазина в Иокогама. Как один из ярых сторонников идей Сунь Ятсена он предоставлял помещения над своим магазином для тайных встреч китайских патриотов и возглавлял региональное отделение Общества возрождения Китая (兴中会 Revive China Society) в Иокогама [Chen, Zhang 2020]. Фунг Кингселл выпустил обновленную и дополненную версию словаря В. Лобшайда 《新增华英字典》, предисловие к которому написал известный издатель и публицист цинской эпохи Ван Каньянь 汪康年.

Вторым по значимости англо-китайским словарем, включавшим новую терминологическую лексику, был English-Chinese Dictionary of the Standard Chinese Spoken Language 《官话》 and Handbook for Translations, including Scientific Technical Modern, and Documentary Terms, составленный в 1916 году Карлом Хемелингом (K. Hemeling 赫美玲), который в свою очередь опирался на позднее (1905 года) переиздание словаря A Chinese and English Vocabulary in the Pekinese Dialect 《漢英合璧相連字彙》 известного переводчика китайской литературы Джорджа Картера Стента (George Carter Stent 司登得) (1833–1884), состоявшего в цинском Китае на службе в Морской таможне.

Сами носители китайского языка взялись за составление иноязычных словарей, отражающих новую лексику и терминологию, лишь в начале XX века. Так, например, в 1908 году

в Шанхайском отделении издательства The Commercial Press вышел двухтомный англо-китайский словарь An English and Chinese Standard dictionary 《英華大辭典》, подготовленный дипломатом и политиком Янь Хуэйцином 顏惠慶. В названии именно этого издания впервые был использован ныне общепринятый термин 辭典 ‘словарь’, тогда только-только вошедший в оборот опять же через японский язык. В предшествующий период подобного рода лингвистические сборники, в том числе переводные, в Китае было принято называть 字典 и 字彙.

Переводческая деятельность велась и самими носителями китайского языка. Среди ратовавших за знакомство своей страны с достижениями западной науки и техники были Вэй Юань 魏源, Лян Цичао 梁啟超, Янь Фу 嚴復 и многие другие передовые ученые, мыслители и реформаторы, однако по масштабам эта работа очевидно уступала усилиям по переводу терминов в среде прогрессивной интеллигенции Японии, где подобная переводческая и словотворческая деятельность носила массовый характер, поскольку довольно много узкоспециальной и отраслевой западной литературы переводилось на китайский язык не с языка-оригинала (как первоисточника), а опосредованно — с японского.

Лингвистические особенности заимствований конца XIX – начала XX вв.

Из тысяч японских неологизмов в период модернизации языка на рубеже XIX–XX вв. несколько сотен новых слов были заимствованы в китайский язык. Со временем этот лексический пласт органично вписался в систему языка и стал важной частью китайского словаря, причем иностранное происхождение этих лексических единиц, попавших в китайский язык опосредованно через японский, в дальнейшем оказалось затуманенным даже для самих китайцев. Иероглифическая форма записи минимизировала процесс их ассимиляции.

В истории языка имеются примеры, когда возникший в японском языке лексический вариант нового слова «выдавливал» из китайского языка терминологические дублеты, предлагавшиеся переводчиками-носителями. Так, государственный и общественный деятель и философ Лян Цичао предлагал для передачи понятия «экономика» варианты 資生學, 富國學 и 平准學, китайский писатель и переводчик Янь Фу сконструировал слово 計學 [Кульнева, 2018]. Переводные словари давали такие варианты, как 家政, 理財學, 理財家政學. В итоге за ‘экономикой’ закрепился появившийся в Японии термин 經濟, которому было отдано предпочтение по сравнению с вариантами, предложенными китайскими интеллектуалами.

В отличие от современных заимствований, значительную часть которых составляют стилистически маркированные коллоквиализмы и отдельные группы узкотематических неологизмов, в том числе и арготическая лексика (манго, аниме и прочее), процесс рецепции новых слов во второй половине XIX–начале XX вв. привел к появлению лексических единиц, большинство которых сегодня относят к основному словарному фонду и устойчиво актуальной лексике в любом языке. Модернизация и открытие стран Востока, стремление внедрить достижения мировой науки и техники или, как это называлось в Японии, «приобщение к цивилизации» запустили активное словотворчество, обусловленное необходимостью назвать средствами соответствующих языков тысячи ранее неизвестных понятий и объектов внеязыковой действительности.

Значительная часть неологизмов того периода была призвана обслуживать номинативные процессы, всякий раз неизбежно сопровождающие промышленную революцию, пополнив значительным количеством ранее не существовавших лексических единиц не только словарь академической терминологии, но и основной словарный фонд языка, называя новые реалии, типа 塗料 ‘краска’, 電車 ‘трамвай’, 學期 ‘семестр’, 工業 ‘промышленность’ и т.п.

Эти единицы не относились к базовой лексике того периода, весьма немногочисленному в целом пласту, однако появившись в условиях модернизации страны эти слова составили важный и неотъемлемый элемент обиходного языка последующего периода. За несколько десятилетий произошло массивное приращение японского, а следом и китайского, и корейского языков за счет лексики, которая «расценивается скорее как «книжная» по стилю и «ученая» по смыслу, ... которая всем известна, но усваивается не дома, а в школе» [Маевский, 2005: 246].

Процессы рецепции понятий и словотворчества в языке носили отчетливо персонифицированный характер, и для некоторых из них имеющиеся источники позволяют довольно четко отследить авторство того или иного термина. Так, для привычного сегодня понятия 'наука' в японском и китайском языках используется бином 科学, возникший в недрах японского просветительского общества «Мэйрокуся» (明六社), на протяжении трех лет своего существования объединявшего передовые умы Японии. Их обсуждения важнейших для национального развития вопросов и последующая публикация итогов этого обмена мнениями на страницах журнала «Мэйроку дзасси» (明六雜誌) имели целью просветительскую деятельность и были призваны помочь соотечественникам обрести новое знание. В журнале публиковались переводы и комментарии работ европейских ученых и философов, осуществленные участниками общества «Мэйрокуся» [Braisted 1976].

Один из членов «Мэйрокуся», писатель и переводчик Фукудзава Юкити (福澤諭吉) (1835–1901) в своей книге «Призыв к учению» (1871) (学問のすゝめ) охарактеризовал принцип организации знаний в Европе как 一科一学 'каждому предмету своя наука'. Эта формулировка позднее была через опущение числительных сокращена до кагаку 科学 и использована другим членом общества «Мэйрокуся», уже упоминавшимся выше Ниси Аманэ на страницах периодического журнала общества, тем самым подхватив и развив терминологическую инициативу Фукудзава Юкити.

Сформировавшийся в японском языке пласт лексических единиц, отражавших процесс рецепции западных понятий, через прогрессивных студентов быстро пришедших в китайский язык, был довольно гетерогенен. Наиболее авторитетный из имеющихся «Словарь иностранных слов китайского языка» (1984) содержит 892 лексические единицы, помеченные как слова японского происхождения. При этом не указывается, что, начиная с эпохи Мэйдзи часть этих единиц попала в японский язык из европейских, то есть не является прямым заимствованием, которое должно описывать явления традиционной японской культуры, а транслирует реалии и понятия, присущие западной цивилизации, попавшие в китаезычную среду опосредованно через японский язык. На современном этапе подобный подход встречается в китайской лингвистике все чаще, так, Цэнь Цисян 岑麒祥 в предисловии к своему словарю иностранных слов называет заимствования рубежа XIX–XX вв. из японского языка в китайский непрямыми заимствованиями 间接外来词 [Ceng 1990: 3], поскольку здесь имеет место результат опосредованной рецепции лексики европейских языков, при которой японский язык выступил лишь языком-посредником, но никак не собственно донором. Для заимствований такого опосредованного типа можно говорить о заимствовании из исходного языка-донора путем калькирования и перенимании графической формы в языке-посреднике. Эта особенность процесса заимствования в западной синологии получила закрепление в соответствующей терминологии, в частности фигурируя как *graphic loans* «графические заимствования» в [Masini 1993] и *symbolic loans, emblematic loans* «символьные заимствования» в [Cook 2018] в противопоставлении фонематическим (*phonemic loans*)/ фонетическим (*phonetic loans*) заимствованиям.

Эти единицы, пришедшие в Китай через японский язык, где они были записаны иероглификой, в китайском языке представляют собой отдельный лексический пласт, несмотря на то, что эти единицы очевидно отличаются от заимствований из других языков и представляют

большой интерес для лингвистов как особый тип заимствований, довольно скудно описаны в отечественной и западной синологии. Основной причиной этого, по-видимому, является слабый интерес к этой теме со стороны самих носителей. Еще в 50-х гг. в работах многих китайских исследователей, в том числе корифея китайской лингвистики и истории китайского языка Ван Ли, не раз высказывалась идея о том, что слова, созданные из компонентов китайского языка по китайским словообразовательным моделям, не могут считаться заимствованиями. Так, в «Истории китайского языка» (1957) китайский лингвист поясняет:

«эти слова отнюдь не являются исконными для японского языка, это всего лишь воспринятая с Запада лексика. Как правило, нам нет необходимости заимствовать имеющиеся в японском языке слова, поскольку новые слова требуются только для выражения впервые возникших понятий, тогда как новые понятия невозможно было передать теми словами, что уже имелись в японском языке. Японцы создали новые слова для выражения новых понятий, которые пришли в Японию с Запада, мы же только воспользовались уже готовым японским переводами, чтобы все не начинать с нуля» [Wang 2013: 505].

Действительно многие новые термины по своей внутренней структуре оказались ближе к тому, что имеется в морфемном строе китайского языка, чем к их японским аналогам, и по набору элементов, и по принципам их организации. Например, слова 出訴 'обратиться в суд', 動員 'мобилизовать', 衛生 'заботиться о здоровье' построены по модели VO (глагол + постпозитивное имя в роли объекта), тогда как для синтаксиса японского языка типична препозиция объекта и линейный порядок OV.

Ван Ли уже тогда отмечал, что для передачи новых реалий в японском использовались канго. На основании структурных особенностей этих единиц исследователь выделяет два их типа. Прежде всего, это лексические единицы древнекитайского языка, которым присваивается новое, ранее не свойственное им значение. Этот тип, как нам представляется, являет собой результат лексической деархаизации, при которой слова или отдельные их элементы (морфемы), когда-то бытовавшие в древних китайских текстах, получили в Японии конца XIX–начала XX вв. новую жизнь. В качестве примеров китайский лингвист приводит такие единицы, как 革命 'революция' (для передачи англоязычного термина *revolution*), 教育 'образование' (для *education*), 文学 'литература' (*literature*), 文化 'культура' (*culture*), 机会 'возможность' (*opportunity*), 唯一 'единственный' (*unique*), 同志 'товарищ' (*comrade*), 精神 'дух' (*spirit*), 社会 'общество' (*society*), 意味 'значить' (*signify, mean*) и ряд других, снабдив их контекстами употребления в первоисточниках из древнекитайской литературы и пояснениями исходно имевшейся у данных единиц семантики.

Второй тип, выделяемый китайским исследователем, — это новое слово, полученное путем комбинации двух имеющихся в китайском языке единиц (для которых Ван Ли использует термин 漢字 'иероглиф') в их исходном значении. Поскольку иероглифика изначально имеет китайское происхождение, мало кто в Китае знает, что эти единицы «пришли с Запада через Японию» [Wang 2013: 508]. Этот многочисленный класс слов Ван Ли иллюстрирует примерами различной частеречной принадлежности:

Существительные:

哲學 'философия' для передачи *philosophy*, 化學 'химия' для *chemistry*, 歷史 'история' для *history*, 系統 'система' для *system*, 警察 'полиция' для *police*, 反應 'реакция' для *reaction, response*, 目的 'цель' для *aim*, 出版 'издание' для *publication*, 條件 'условие' для *condition* и др.

Прилагательные:

絕對 'абсолютный' для передачи *absolute*, 抽象 'абстрактный' для *abstract*, 肯定 'утвердительный' для *affirmative*, 否定 'отрицательный' для *negative*, 積極 'положительный' для

positive, 消極 ‘негативный’ для *negative*, 主觀 ‘субъективный’ для *subjective*, 客觀 ‘объективный’ для *objective*, 直接 ‘прямой’ для *direct*, 間接 ‘косвенный’ для *indirect*.

Глаголы:

改良, 改善 ‘улучшать, совершенствовать’ для передачи *improve*, 解放 ‘освобождать’ для *liberate*, 批評, 批判 ‘критиковать’ для *criticize*, 概括 ‘обобщать’ для *generalize*, 制約 ‘сдерживать’ для *condition*, 調整 ‘налаживать, подгонять’ для *adjust* [Wang 2013: 509].

Появление некоторых терминов было призвано восполнить лакуны, имевшиеся с точки зрения формальной логики в лексической системе языка, так, в пару к уже имевшемуся в языке слову 精神 ‘дух’ было создано слово 物質 ‘материя’, 相對 ‘относительный’ дополнено антонимичным ему 絕對 ‘абсолютный’ [Shi, Zhang 2021: 104].

Таким образом, избранные в качестве объекта исследования японские заимствования в китайском языке представляют собой интересное явление, иллюстрирующее возможные пути модернизации языковых систем, использующих общую письменность. Идеографический тип письма, с одной стороны, облегчает и ускоряет процесс рецепции неологизмов в другие языки иероглифического ареала, зачастую затрудняя идентификацию этих единиц как изначально иноязычных даже самими носителями языка, как имело место в случае с китайским. С другой стороны, номинативные процессы носили массовый характер и были обусловлены прежде всего экстралингвистическими причинами. Это привело к развитию синонимии в отраслевой лексике и появлению терминологических дублетов. Изучение тенденций становления и дальнейшего отбора лексических единиц в узкоспециальных областях науки и техники позволяет глубже уяснить логику процесса заимствования и механизм освоения иноязычных понятий в языках с идеографическим типом письма. Отдельный интерес представляет классификация этих необоснованно игнорировавшихся на протяжении XX века лексических единиц, статус которых в словарном фонде все еще далек от единообразной трактовки.

Словари и справочники

1. Cen Qixiang 岑麒祥 A Dictionary of Loanwords in Chinese 《汉语外来语词典》1990.
2. Hemeling, K. English-Chinese Dictionary of the Standard Chinese Spoken Language 《官话》 and Handbook for Translations, including Scientific, Technical, Modern and Documentary Terms. 1916.
3. Kingsell, F. A Dictionary of the English and Chinese Language, with the Merchant and Mandarin Pronunciation. 1899.
4. Liu Zhengtan. 刘正焱. A Dictionary of Loanwords in Chinese. 《汉语外来词词典》1984.
5. Lobscheid, W. An English and Chinese dictionary, with the Punti and Mandarin pronunciation. 1866–1869.
6. Morrison, R. A Dictionary of the Chinese Language: Chinese and English Arranged According to the Radicals. 1822.
7. Stent, G. C. A Chinese and English Vocabulary in the Pekinese Dialect. 《漢英合璧相連字彙》1905.
8. Yen, W. W. An English and Chinese Standard dictionary. 《英華大辭典》1908.

Список литературы

1. Аракава Ё. Неологизмы эпохи Мэйдзи как зеркало общества // Япония: 150 лет революции Мэйдзи. Исследования российских и зарубежных учёных, посвящённые 150-й годовщине революции Мэйдзи. Вопросы японоведения», No 7. СПб, Изд-во Art-xpress, 2018. С. 42–53.
2. Демич К.И., Костыркин А. В. Особенности становления современной японской философской терминологии в эпоху Мэйдзи по лексикографическим данным // Труды

Института востоковедения РАН. Проблемы общей и востоковедной лингвистики. Язык меняющийся: семантические и грамматические изменения в языках Азии и Африки. № 29. 2020. С. 167–178. DOI: 10.31696/2587–9502–2020–29–167–178

3. Кульнева П. В. Экономическая терминология в японском и китайском языках: сходство и различия // Японские исследования. 2018. No 4. С. 24–43. DOI: 10.24411/2500–2872–2018–10026.
4. Маевский Е. В. Лексическая «Революция Мэйдзи» // Актуальные вопросы японского и общего языкознания: памяти И. Ф. Вардуля. М., 2005. С. 245–255.
5. Скворцова Е.Л., Луцкий А. Л. О воззрениях японского просветителя Ниси Аманэ // Вопросы философии. 2018. № 3. С. 176–186.
6. Braisted, W. R. Meiroku Zasshi: Journal of the Japanese Enlightenment. Harvard University Press, 1976.
7. Chen, Haiyi, Zhang, Yating 陈海懿, 张雅婷著 Sun Yat-sen and Feng Ziyou 《孙中山与冯自由》 Nanjing: Nanjing University press, 2020. (In Chinese).
8. Cook, A. A typology of lexical borrowing in Modern Standard Chinese // Lingua Sinica. 2018. 4:6. DOI: 10.1186/s40655–018–0038–7
9. Feng, Ziyou. 冯自由 An Unofficial History of the Revolution 《革命逸史》 Beijing: New Star Publishing House, 2009. (In Chinese)
10. Ito, Chiyuki, Kang, Yoonjung, Kenstowicz, M. The adaptation of Japanese loanwords into Korean. // Studies in Loanword Phonology. MIT Working Papers in Linguistics 52, 2006. Pp. 65–104
11. Masini, F. The Formation of Modern Chinese Lexicon and Its Evolution Toward a National Language: The Period from 1840 to 1898. Berkeley: Journal of Chinese Linguistics Monograph Series No. 6, 1993.
12. Rubinger, R. Who Can't Read and Write? Illiteracy in Meiji Japan. Monumenta Nipponica, 55(2), 2000. Pp. 163–198. DOI: 10.2307/2668426
13. Shen, Guo-Wei. 沈国威 A History of Vocabulary Exchanges between Japan and China in the Modernization Process: Emergence and Adoption of the New Chinese Language 近代日中語彙交流史: 新漢語の生成と受容 改訂新版新装版. Tokyo: Kasamashoin. 2017. (In Japanese).
14. Shi, Wei-guo, Zhang, Ye 史维国 张焯 Research on the Chinese Assimilation of Loan Words from Japanese in the Late Qing and Early Republic of China Based on Corpus. 基于语料库的清末民初日源外来词汉化研究. Foreign Language Research 外语学刊. 2021. No. 1. Serial No. 218. Pp. 103–107. DOI:10.16263/j.cnki.23–1071/h.2021.01.015 (In Chinese).
15. Wang, Li. 王力 A History of Chinese Language 《汉语史稿》 Beijing: Zhonghua Book Company, 2013. (In Chinese).
16. Wong, Tsz. Decoding the Translations of Political Terms in the Nineteenth-Century Chinese–English Dictionaries — Lobscheid and his Chinese–English Dictionary. Comparative Literature: East & West, 2017, 1:2. Pp. 204–215. DOI: 10.1080/25723618.2017.1387975

References

1. Arakawa, Yo. Meiji neologisms as a mirror of society // Japan: 150 years of the Meiji revolution. Research by Russian and foreign scientists dedicated to the 150th anniversary of the Meiji revolution. Issues of Japanology. No. 7. SPb, Art-xpress Publ, 2018. Pp. 42–53. (In Russian).
2. Demich K. I., Kostyrkin A. V. Features of the formation of modern Japanese philosophical terminology in the Meiji era according to lexicographic data // Trudy Instituta vostokovedeniia RAN. Problemy obshchei i vostokovednoi lingvistiki. Iazyk

- meniaiushchiisia: semanticheskie i grammaticheskie izmeneniia v iazykakh Azii i Afriki.* № 29. 2020. Pp. 167–178. DOI: 10.31696/2587–9502–2020–29–167–178. (In Russian).
3. Kul'neva P. V. Economic terminology in Japanese and Chinese languages: similarities and differences. *Yaponskiye issledovaniya.* 2018, 4. Pp. 24–43. (In Russian). DOI: 10.24411/2500–2872–2018–10026 (In Russian).
 4. Mayevsky E. V. Lexical “Meiji Revolution. *Aktual'nye voprosy iaponskogo i obshchego iazykoznanii: pamiati I. F. Vardulia.* M., 2005. Pp. 245–255. (In Russian).
 5. Skvortsova E. L., Lutsky A. L. On the views of the Japanese educator Nishi Amane. *Voprosy filosofii.* 2018. No. 3. P. 176–186. (In Russian).
 6. Braisted, W. R. *Meiroku Zasshi: Journal of the Japanese Enlightenment.* Harvard University Press, 1976.
 7. Chen, Haiyi, Zhang, Yating 陈海懿, 张雅婷 著 *Sun Yat-sen and Feng Ziyou.* 孙中山与冯自由. Nanjing: Nanjing University press, 2020. (In Chinese).
 8. Cook, A. A typology of lexical borrowing in Modern Standard Chinese // *Lingua Sinica.* 2018.4: 6. DOI: 10.1186/s40655–018–0038–7
 9. Feng, Ziyou. 冯自由 *An Unofficial History of the Revolution* 《革命逸史》 Beijing: New Star Publ., 2009. (In Chinese).
 10. Ito, Chiyuki, Kang, Yoonjung, Kenstowicz, M. The adaptation of Japanese loanwords into Korean. // *Studies in Loanword Phonology. MIT Working Papers in Linguistics* 52, 2006. Pp. 65–104.
 11. Masini, F. *The Formation of Modern Chinese Lexicon and Its Evolution Toward a National Language: The Period from 1840 to 1898.* Berkeley: Journal of Chinese Linguistics Monograph Series No. 6, 1993.
 12. Rubinger, R. Who Can't Read and Write? Illiteracy in Meiji Japan. *Monumenta Nipponica.* 2000, 55 (2). Pp. 163–198. DOI: 10.2307/2668426
 13. Shen, Guo-Wei. 沈国威 *A History of Vocabulary Exchanges between Japan and China in the Modernization Process: Emergence and Adoption of the New Chinese Language.* Tokyo: Kasamashoin. 2017. (In Japanese).
 14. Shi, Wei-guo, Zhang, Ye 史维国 张焱 Research on the Chinese Assimilation of Loan Words from Japanese in the Late Qing and Early Republic of China Based on Corpus. 基于语料库的清末民初日源外来词汉化研究. *Foreign Language Research* 外语学刊. 2021. No. 1. Serial No. 218. Pp. 103–107. DOI: 10.16263/j.cnki.23–1071/h.2021.01.015 (In Chinese).
 15. Wang, Li. 王力 *A History of Chinese Language* 《汉语史稿》 Beijing: Zhonghua Book Company, 2013. (In Chinese).
 16. Wong, Tsz. Decoding the Translations of Political Terms in the Nineteenth-Century Chinese — English Dictionaries — Lobscheid and his Chinese — English Dictionary. *Comparative Literature: East & West.* 2017, 1: 2. Pp. 204–215. DOI: 10.1080/25723618.2017.1387975.

Информация об авторе

Елена Николаевна Емельченкова — кандидат филологических наук, доцент кафедры китайской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Email: e.emelchenkova@spbu.ru

Author's Information

Elena N. Emelchenkova — PhD in Philology, Associate professor, Department of Chinese Philology, Saint-Petersburg State University.

Email: e.emelchenkova@spbu.ru

УДК 81.521

Н.Ф. Клобукова (Голубинская)

НИУ Высшая школа экономики

Японские заимствования в Дневниках Святого равноапостольного Николая Японского и проблемы их идентификации и перевода

Аннотация: В данной статье анализируются японские заимствования в Дневниках Святителя Николая Японского (1836–1912), которые охватывают события практически всей эпохи модернизации Японии, именуемой периодом Мэйдзи (1868–1912). При написании дневников Святитель часто вставлял в текст, написанный по-русски, японские слова и термины. Местные легенды и верования, старинные наименования географических местностей и объектов, обряды и обычаи, человеческие занятия, характеры и профессии, названия птиц, зверей, цветов, деревьев, пословицы, поговорки и даже народные песни — всё попадало в круг внимания и интереса Николая Японского. «Японизмы», делающие литературную речь Дневников живой и образной, представляют, однако, немалую трудность для читателей, не знающих японского языка. Поэтому при подготовке нового издания Дневников для Полного собрания сочинений Святителя Николая Японского, начатого в 2019 г., было принято решение о составлении японско-русского словаря слов и имен собственных, упоминаемых в Дневниках. В настоящее время вышел первый том Дневников (1870–1888 гг.) и готовится к печати второй (1889–1895 гг.). Автор настоящей статьи, будучи составителем словаря, хотел бы привести примерную классификацию заимствованных японских слов, а также рассказать о трудностях их атрибуции и перевода, возникающих из-за устаревшей транскрипции японских слов на русский язык, из-за трудночитаемого почерка Святителя и связанной с этим неопределенности толкований в силу большой степени омонимичности японской лексики. Для истолкования многих слов пришлось поднимать значительные пласты японской истории и культуры и консультироваться у японских специалистов. Составление словаря из кажущейся поначалу рутинной работы превратилось в большой труд, связанный с изысканиями в самых различных областях знаний о Японии. Библиография: 16 наименований.

Ключевые слова: Святитель Николай Японский, Дневники, эпоха Мэйдзи, японизмы, транскрипция

Natalia F. Klobukova (Golubinskaya)
National Research University Higher School of Economics

Japanese Borrowings in the Diaries of St. Nicholas of Japan Equal to the Apostles and Problems of its Identification and Translation

Summary: This article analyzes the Japanese borrowings in the Diaries of St. Nicholas of Japan (1836–1912), which cover the events of almost the entire era of Japan's modernization, called the Meiji period (1868–1912). When writing his diaries, the Saint often inserted Japanese words and terms into the text written in Russian. Local legends and beliefs, ancient names of geographical areas and objects, rituals and customs, human activities, characters and professions, names of birds, animals, flowers, trees, proverbs, sayings and even folk songs — everything fell into the circle of attention and interest of Nicholas of Japan. “Japonisms”, which make the literary speech of the Diaries lively and imaginative, present, however, a considerable difficulty for readers who do not know the Japanese language. Therefore, when preparing a new edition of the Diaries for the Complete Works of St. Nicholas of Japan, which began in 2019, it was decided to compile a Japanese-Russian dictionary of words and proper names mentioned in the Diaries. At present, the first volume of the Diaries has been published (1870–1888) and the second is being prepared for publication (1889–1895). The author, being the compiler of the dictionary, would like to give an approximate classification of borrowed Japanese words, as well as talk about the difficulties of their attribution and translation, arising from the obsolete transcription of Japanese words into Russian, due to the hard-to-read handwriting of the Saint and the associated uncertainty interpretations due to the high degree of homonymy of Japanese vocabulary. For the interpretation of many words, it was necessary to raise significant layers of Japanese history and culture and consult with Japanese specialists. The compilation of a dictionary from a seemingly routine work has turned into a big work associated with research in various fields of knowledge about Japan. Refs.16.

Keywords: Saint Nicholas of Japan, Diaries, Meiji era, Japonism, transcription

Дневники Святого Равноапостольного Николая Японского (1836–1912) (далее — Дневники), которые он вел на протяжении более сорока лет, охватывают события практически всей эпохи модернизации Японии, именуемой периодом Мэйдзи (1868–1912). Этапы строительства нового японского общества, реформы различных сторон его жизни, множество событий и людей, — все это можно найти на страницах Дневников, благодаря чему они по праву считаются уникальным историческим документом. Дневники обладают также немалой литературной ценностью, поскольку Святитель был наделен несомненным писательским даром, живым и ярким слогом, художественным видением происходящего. Святитель свободно владел японским языком, и в своих записях, ведшихся по-русски, часто использовал японские слова и термины, а также описывал различные исторические и современные ему события японской жизни с участием известных личностей. Местные легенды и верования, старинные наименования географических местностей и объектов, обряды и обычаи, человеческие занятия, характеры и профессии, названия птиц, зверей, цветов, деревьев, пословицы, поговорки и даже народные песни — всё попадало в круг внимания и интереса Николая Японского, свято соблюдавшего главный принцип миссионера: знать и уважать историю, религию и культуру той страны, в которой ты проповедуешь.

«Японизм», делающие литературную речь Дневников живой и образной, представляют, однако, немалую трудность для читателей, не знающих японского языка. В первом издании Дневников 2004 г. словарь японско-русских слов, составленный профессором Кэнноскэ Накамурой, неполон, неточен и не содержит иероглифических написаний¹. Поэтому при подготовке нового издания Дневников для Полного собрания сочинений Святителя Николая Японского, начатого в 2019 г. Николо-Угрешской духовной семинарией, было принято решение о составлении полного японско-русского словаря слов и имен собственных, упоминаемых в Дневниках. В настоящее время вышел первый том Дневников (1870–1888 гг.) и готовится к печати второй (1889–1895 гг.)². Рукописные тексты Дневников были вновь вычитаны, благодаря чему удалось заполнить многие лакуны, имеющиеся в первом издании, уточнить фразы, выявить и исправить ошибки.

Автор данной статьи непосредственно занималась составлением японско-русского словаря, поэтому хотелось бы рассказать о трудностях распознавания и перевода японских слов, а также привести их примерную тематическую классификацию.

Трудности, возникавшие при атрибуции того или иного слова или термина, были связаны с разными причинами, среди которых — трудночитаемый почерк Святителя, устаревшая транслитерация японских слов, бытовавшая на рубеже XIX–XX вв., а также неопределенность их значений в силу омонимичности японской лексики. Добавим, что многие из японских слов, которые в исследуемый период были общепотребительны, к настоящему времени устарели или обрели новые смыслы, поэтому для их истолкования приходилось поднимать значительные пласты японской истории и культуры и консультироваться у японских специалистов. Составление словаря из кажущейся поначалу рутинной работы превратилось в большой труд, связанный с изысканиями в самых различных областях знаний о Японии³.

Конечно, большую помощь в составлении словаря оказало издание Дневников 2007 г. на японском языке. Переводчики под руководством проф. Накамуры проделали гигантскую работу, благодаря которой стало возможным уточнить расшифровку и написание многих непонятных терминов, топонимов, названий, имен собственных, используя их иероглифические написания. Однако встретилось довольно много случаев, перед которыми японские

¹ См. [16].

² Соответственно тт. 4 и 5 данного издания.

³ В качестве источников информации были использованы труды отечественных авторов и сборники статей, названия которых приведены в Библиографии. См. [6, 7, 8, 11, 13]. См также литературу о Святителе Николае Японском и истории Японской православной церкви на русском и японском языках [1, 2, 4, 5, 9, 10, 12, 14, 15].

переводчики оказались бессильны; непонятное слово они записывали знаками катаканы (слоговой азбуки для заимствованных слов) и в скобках писали, что смысл слова неясен. Мы постарались истолковать и перевести эти непонятные места; в ряде случаев нам это удалось, однако встретились и нечитаемые слова, которые просто ставили редакторов в тупик. Святитель обладал своеобразным, самобытным письменным слогом; кроме того, он писал эти Дневники для себя, для своей памяти, выражая свои мысли кратко, стремительно и настолько оригинально, что порой было трудно понять даже, на каком языке написано то или иное нечитаемое слово. К счастью, нерасшифрованных слов очень и очень немного.

По приблизительным прикидкам, в тексте Дневников около 40–45% японизмов, включая топонимы и персоналии, выделенные в отдельные указатели. Приведем краткую классификацию терминов, вошедших в японско-русский словарь, а также несколько примеров их истолкований.

1. Термины, связанные с православной церковью.

В эту группу вошли названия церковных учреждений, должностей, служб, молитв, богослужебных и духовных книг, реалий приходской жизни и т.д. Например, сэйтай рэйги — Божественная Литургия, тэцуюто — Всенощное бдение⁴, дэнкё: ся — катехизатор, симбоккай — церковное собрание для установления дружбы, рэйтан — охладевший к учению и т.д. Многие из этих терминов, придуманные и введенные Святителем, используются Японской православной церковью по сей день, однако есть и вышедшие из употребления. К ним можно отнести, например, статьи церковных доходов. Приведем их в виде таблицы.

Таблица 1. Статьи церковных доходов.

Из данной таблицы видно, что доходы японской православной церкви подсчитывались и распределялись тщательно и скрупулезно в зависимости от источника их поступления. Святитель уделял этой стороне церковной деятельности очень большое внимание, поскольку ему необходимо было понять, возможно ли молодой Японской православной церкви существовать автономно, без субсидий русского Священного Синода, на свои собственные средства⁵. Обращает на себя внимание тот факт, что ежемесячный взнос на содержание церкви, который была обязана уплачивать каждая православная семья (эта традиция сохранилась по сей день), назывался итимонсэн или гацунохин. В настоящее время для наименования этих взносов используются термин тэйгаку кэнкин (定額, фиксированная сумма церковных пожертвований) или просто кё: кю: (供給, обеспечение), как говорят старые японские прихожане. Интересно, что термином кэнкин (добровольное пожертвование) по сей день называют церковную кружку. Возможны местные варианты: например, в храмах Вознесения Господня г. Итиноэки и г. Сакари в преф. Иватэ сохранились старинные церковные кружки (ящички для пожертвований) с надписями соответственно кэнкинсё и сандо кэнкин.

Уточним также, что истолкование термина ифи-кин (не имеющего смысла) как ирикин (ежемесячное зачисление денег прихожанами, в настоящее время чаще используются термины ню-кин или ири-ганэ) далось автору с некоторым трудом и только после консультаций с о.Николаем Оно, японским священником, кандидатом богословия, обучавшимся в Николо-Угрешской духовной семинарии и одинаково хорошо ориентирующимся как в русском, так и в японском православном лексиконе. В сложных случаях неоценимую помощь оказывали также профессор ун-та г. Кобэ, специалист по русской литературе Тосиюки (Игорь) Симидзу и исследовательница истории японского православия Сумирэ Ямасита, за что автор приносит им самую горячую благодарность.

2. Термины, связанные с католической и протестантской церковью.

Таких терминов немного, несмотря на то, что записей, касающихся деятельности католических и протестантских миссионеров, в Дневниках встречается достаточно. В качестве

⁴ В настоящее время используется термин банто.

⁵ Известно, что в 1917 г. субсидии прекратились, и ЯПЦ пришлось существовать только на взносы и пожертвования прихожан. Автономию ЯПЦ обрела только в 1970 г.

примера приведем название протестантского университета До: сися (同志社). Это старейший христианский университет в Японии; основан в 1875 г. Дзё (Джозефом Харди) Ниидзима в г. Киото как учебное заведение протестантского «Общества единомышленников». Святитель был лично, хоть и не близко, знаком с Ниидзимой, однако о его деятельности часто отзывался скептически.

3. Термины, связанные с буддийским и синтоистским верованиями.

Святитель всегда живо интересовался историей религий Японии и очень жалел, что не располагает достаточным временем для исследовательской работы. «Много раз манила меня на свое поле наука: японская история и вся японская литература, — совершенно непочатые сокровища» [1, р.55]. Однако в Дневниках можно встретить упоминания самых разнообразных реалий, связанных с синто и буддизмом, от имен божеств до философских понятий. Приведем примеры:

Таблица 2. Буддийские и синтоистские термины.

4. Исторически сложившиеся наименования сословных титулов, должностей и рангов, бытовавшие в Японии в эпоху Токугава и упраздненные в эпоху Мэйдзи, но сохранившиеся в обиходной речи.

Реалии жизни были таковы, что четырёхсословная система, известная как **си-но-ко-сё** и делившая японское общество на самураев, крестьян, ремесленников и торговцев, хоть и была отменена в 1869 г., продолжала сохраняться в сознании людей и зачастую определяла их общественное поведение. Святитель в своих Дневниках зачастую оценивает шансы на успех христианской проповеди в каком-либо районе, исходя из его социального состава и прежних отношений главенства и подчиненности. Приведем примеры исторических наименований, существовавших в период Токугава (1600–1868) и встречающихся в Дневниках:

Таблица 3. Сословные титулы, должности и ранги.

Интересна в этой связи запись в Дневнике от 12 октября 1889 г. о ситуации в Мориока: «К молитве собираются семь человек в субботу и воскресенье. Весьма мало. Говорит: Елисей, Секи, Минамото и Сесся охладели христиан, побуждаем, но без успеха, — плохо же! Лука Накасато, у которого я остановился, совсем охладел. Как их поднять? Господь весть...» [3, Vol.2, р. 366]. Известно, что словом сесся (сэся, 拙者), в переводе с яп. яз. личное местоимение «я», называли себя некоторые самураи эпохи Эдо; в языке слово сохранилось в значении «хвастливый, самовлюбленный, заносчивый». В данном случае Святитель называет так бывших самураев и их потомков, проживающих в данной местности, которые не желают подчиняться в полной мере законам вероисповедания и склоняют к этому других.

5. Термины, связанные с повседневной жизнью японских горожан и крестьян: названия транспортных средств, предметов одежды, архитектурных деталей и т.д. Приведем некоторые примеры.

Таблица 4. Термины, связанные с повседневной жизнью.

К этому разделу, на наш взгляд, можно отнести также названия профессий и термины, связанные с производством (например, с шелководством или с сельским хозяйством).

Таблица 5. Названия профессий.

Интересна в этой связи запись в Дневниках от 23 мая/4 июня 1893 г, сделанная в г. Сакари (преф. Иватэ): «*Лошадей в Кодзирохама не нашли и так отправились пешком до Есибама, 3 ри от Кодзирохама, чрез огромный горный перевал; два человека несли наши чемоданы. В Есибама также все лошади заняты возкой травы на поля для удобрения (кари-сики); должны были отправиться до Сакари, 5 ри, тоже пешком; но здесь насилу нашли людей для несения чемоданов: кузнец с женой взяли за это*» [3, Vol.3, р.32].

Святитель описывает один из старинных методов агротехники под названием кари-сики (刈敷, «срезать-расстелить»). Это метод удобрения рисовых полей срезанными стеблями и листьями горных и прибрежных трав. Их срезают весной, расстилают на полях тонким

слоем и затапывают в землю перед посадкой риса, прогоняя по полю лошадой или коров; этим занимаются также сильные мужчины. В результате гниения трав в земле получается компост, служащий удобрением для будущего урожая. Подобные познания помогали Святителю глубоко вникать в повседневную жизнь своей паствы и лучше понимать ее, без чего, по его мысли, никакая, даже самая горячая, проповедь не будет иметь успеха.

Однако среди упоминаемых в Дневниках японских профессий одна пользовалась неизменной неприязнью. Речь идет о женщинах для развлечений, с которыми Святителю приходилось сталкиваться во время миссионерских поездок по стране и которых он именуется «гейками» (очевидно, от гэйко, или гэйся («человек искусства»), — женщина, профессионально развлекающая посетителей чайных домов танцами, пением и беседой). Вот запись в Дневниках от 19 июня/1 июля 1881 г.: «Японские постоялики [постоялые дворы] пренесносные тем, что в них шуму и гаму не оберешься. Дом полон народу, остановившегося на ночлег; вероятно, всем хочется спать в это время, в 11-м часу; но одному выпившему пришла фантазия позвать геек, и он позвал, и все вместе там в комнате брэнчат и орут песни, хохот и гвалт, и все должны терпеть, приговаривая лишь, как мой Стефан Эсасика, «якамасии»; почем знать, может, завтра же всякому другому придет фантазия куролесить еще больше, и его будут терпеть так же» [3, Vol.2, p.71].

В этой записи от 19 июня/1 июля 1881 г. интересно также употребление японского слова *якамасии*, что означает «шумно». Подобным образом Святитель часто реагирует на различные реалии японской жизни (обстоятельства, ситуации, человеческие характеры и их особенности, внешность и манеры поведения людей и т.д.), если японское слово или выражение оказывается более образным или первым приходит на ум. Этот эффект частичного смешения или наложения языков, то есть билингвальная интерференция, знаком каждому человеку, живущему на протяжении долгого времени вдали от родины и вынужденному много общаться на чужом языке. К этой категории «японизмов» можно отнести также употребление Святителем японских пословиц и поговорок. Приведем несколько примеров.

Таблица 6. Японские пословицы и поговорки.

Как человек, живо интересующийся всем, что происходит вокруг него, Святитель не оставлял без внимания и различные диалектизмы, неизбежно встречающиеся в речи представителей различных регионов Японии. Вот, например, запись от 7/19 мая 1882 г., сделанная в г. Кагосима (о-в Кюсю, южный р-н страны): «У Иоанна Накадзима внушал его матери Марии, чтобы простила невестку и пустила ее опять в дом к себе; сын любит ее и желает жить с ней, и у них уже дитя есть, а мать не хочет простить за то, что невестка, как-то рассердившись, ушла из дому, сказав, — «не приду больше». Не знаю, послушает ли, — обещалась подумать. Говорят, «касира варукатта», я думал, — у невестки голова не в порядке; оказывается, как подсказал Онума, — «хадзимекоре — варукатта», — язык кагосимский не вдруг поймешь» [3, Vol.2, p.84]. Слово *касира*, которое обычно означает «голова», на кагосимском диалекте имеет также значение «начало» (*хадзимэ*), из чего следует, что у Марии Накадзима в отношениях с невесткой с самого начала что-то пошло не так.

Большую группу японских терминов составляют названия объектов флоры и фауны, в частности, цветов, деревьев и кустарников, причем Святителя всегда особо интересовали те из них, которые участвуют в каком-либо производстве. К таким растениям можно отнести, например, катакури⁶ или кая⁷. Также встречаются на страницах Дневников названия

⁶ Кандык японский — травянистое луковичное растение с красивыми цветами ярко-розового цвета; в настоящее время сажается как декоративное. В старину его клубни использовались для изготовления крахмала (по-японски катакурико).

⁷ Китайский мискант, т.ж. императа цилиндрическая или аланг-аланг — растение семейства злаковых с длинными узкими листьями с острыми краями. Применяются для покрытия кровли, а также в качестве декоративного растения из-за винно-малиновой окраски листьев.

известных объектов туристического или паломнического интереса (дворцов, храмов, памятников, гор, водопадов, рек и т.д.), которые зачастую фигурируют в каких-либо историях или легендах. Святитель живо интересовался ими во время миссионерских поездок по отдаленным японским приходам и не упускал возможности расспросить о них местных жителей.

Топонимы (названия местностей, географических объектов, городов, деревень, областей и т.д.), а также упоминаемые в Дневниках персоналии (исторические личности, литературные герои, современники) выделены, как уже было сказано, в отдельные подробные указатели, однако об одном случае «установления личности» хочется сказать особо. В дневнике от 10/22 июня 1881 г., будучи в Камаиси (преф. Иватэ), Святитель записывает: «Католиков в Камаиси 7–8 человек. Есть их проповедник здесь. Иностраный проповедник Римариса (?) иногда приходит. В прошлом году в Камаиси один из слушавших учение у Ильи Накахары ушел от него к католикам (каким-то образом — чтобы избежать домашнего гонения за веру) и сделался у них зерном их общества здесь; он хлопочет привлекать к ним и других. Еще у них хлопочет один врач, человек не совсем хороший, которого о. Иоанн Сакай прогнал, так как дальние пустых разговоров (чабанаси) никогда не шел» [3, Vol.2, p.92].

Под непонятным именем Римариса скрывается не кто иной как Жан-Мари-Луи Лемарешаль (Jean-Marie-Louis Lemaréchal, 1842–1912), католический священник, который служил и проповедовал в г. Мориока (недалеко от Камаиси) в описываемое время, т.е. в 1879–1882 гг. Лемарешаль известен как переводчик католических гимнов на японский язык и как составитель целого ряда сборников молитвенных песнопений, которые используются в японской католической церкви по сей день.

Завершая краткий обзор японских заимствований в Дневниках Святого Равноапостольного Николая Японского, можно заключить, что тексты Дневников представляют собой уникальный лингвистический микст, в котором русский и японский языки рисуют яркую, выразительную, образную картину японской жизни периода модернизации и строительства нового государства.

Список литературы

1. Архиепископ Антоний (Мельников). Святой равноапостольный архиепископ Японский Николай // Богословские труды, 1975, № 14. С. 55.
2. Бесстремьяная, Г. Е. Христианство и Библия в Японии. Исторический очерк и лингвистический анализ. Т. 1 // М.: Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата, 2006.— 318 с.
3. Дневники Святого Николая Японского. В 5 т. / Сост. К. Накамура // СПб: Гиперион, 2004. 5 т.
4. Духанин, В. Н. Основные идеи и принципы миссионерской деятельности святителя Николая Японского // Духовное наследие равноапостольного Николая Японского: К столетию со дня преставления. Сборник трудов научной конференции, 2012. С. 59.
5. Избранные ученые труды святителя Николая, архиепископа Японского / Святитель Николай // М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006.— 174 с.
6. История Японии. Т. I. С древнейших времен до 1868 г. / Отв. ред. А. Е. Жуков // М.: Институт востоковедения РАН, 1998.— 659 с.
7. Лещенко, Н. Ф. Япония в эпоху Токугава // М.: Крафт+, 2010.— 384 с.
8. Мещеряков, А. Н. Император Мэйдзи и его Япония // М.: Наталис: Рипол Классик, 2006.— 736 с.

9. Саблина, Э.Б. 150 лет Православия в Японии. История Японской Православной Церкви и ее основатель Святитель Николай // М.: АИРО-XXI; СПб: «Дмитрий Буланин», 2006.— 528 с.
10. Святитель Николай Японский в воспоминаниях современников / Сост. Г. Е. Бесстремьянная // Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2012.— 527 с.
11. Синто — путь японских богов: В 2 т. Т. 1. Очерки по истории синто // СПб: Гиперион, 2002. С. 261.
12. Суханова, Н. А. История Японской Православной Церкви в XX веке. Путь к автономии // СПб: Алетейя, 2013.— 376 с.
13. Трубникова Н.Н., Бачурин А. С. История религий Японии IX–XII в. // М.: Наталис, 2009.— 560 с.
14. Шаталов, О. В. Святитель Николай (Касаткин) в первый период деятельности Российской православной миссии в Японии (1861–1875) // Исторический вестник, 2000. Вып. 3–4 (7–8). С. 63.
15. Наганава, Мицуо. *Никорай-до но хитобито. Нихон киндайси-но нака-но Росиа сэйкёкай (Люди храма св. Николая. Русская Православная Церковь в современной японской истории)* // Токио: Гэндай Кикаку-сицу, 1989.— 257 с.
16. Сэнкёси Никорай-но дзэн никки. Дзэн кю кан (Дневники Равноапостольного Николая Японского в девяти томах). Под редакцией Накамура Кэнноскэ // Токио: Кёбункан, 2007.

References

1. Archbishop Anthony (Melnikov). Holy Equal-to-the-Apostles Archbishop Nicholas of Japan // Theological Works, 1975, no. 14. P. 55 (in Russian).
2. Besstremyannaya, G. E. Christianity and the Bible in Japan. Historical sketch and linguistic analysis. Vol. 1 // Moscow: Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate, 2006. 318 p. (in Russian).
3. Diaries of St. Nicholas of Japan. In 5 volumes / Comp. K. Nakamura // St. Petersburg: Hyperion, 2004. 5 vol. (in Russian).
4. Dukhanin, V. N. The main ideas and principles of the missionary activity of St. Nicholas of Japan // Spiritual heritage of the Equal-to-the-Apostles Nicholas of Japan: On the centenary of his repose. Proceedings of the scientific conference, 2012. P. 59 (in Russian).
5. History of Japan. Vol. 1. From ancient times to 1868 / Ed. by A. E. Zhukov // Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 1998. 659 p. (in Russian).
6. Leshchenko, N. F. Japan in the Tokugawa era // Moscow: Kraft +, 2010. 384 p. (in Russian).
7. Meshcheryakov, A. N. Emperor Meiji and his Japan // Moscow: Natalis: Ripol Classic, 2006. 736 p. (in Russian).
8. Sablina, E.B. 150 years of Orthodoxy in Japan. History of the Japanese Orthodox Church and its founder St. Nicholas // Moscow: АИРО-XXI; St. Petersburg: “Dmitry Bulanin”, 2006. 528 p. (in Russian).
9. Selected scientific works of St. Nicholas, Archbishop of Japan / St. Nicholas // Moscow: Orthodox St. Tikhon University for the Humanities, 2006. 174 p. (in Russian).
10. Shatalov, O. V. St. Nicholas (Kasatkin) in the first period of the Russian Orthodox Mission in Japan (1861–1875) // Historical Bulletin, 2000. Vol. 3–4 (7–8). P. 63. (in Russian).
11. Shinto — the path of the Japanese gods: In 2 volumes. Vol. 1. Essays on the history of Shinto // St. Petersburg: Hyperion, 2002. 261 p. (in Russian).
12. St. Nicholas of Japan in the memoirs of his contemporaries / Comp. G. E. Besstremyannaya // Holy Trinity Lavra of St. Sergius, 2012. 527 p. (in Russian).

13. Sukhanova, N. A. History of the Japanese Orthodox Church in the XX century. The path to autonomy // St. Petersburg: Aleteya, 2013. 376 p. (in Russian).
14. Trubnikova N.N., Bachurin A. S. History of religions in Japan in the 9th-12th centuries // Moscow: Natalis, 2009. 560 p. (in Russian).
15. Diaries of Equal-to-the-Apostles Nicholas of Japan in nine volumes. Ed. by Nakamura Kennosuke // Tokyo: Kyobunkan, 2007. (in Japanese).
16. Naganawa Mitsuo. The people of the church of St. Nicholas. Russian Orthodox Church in modern Japanese history // Tokyo: Gendai Kikaku-shitsu, 1989. 257 p. (in Japanese).

Информация об авторе

Наталья Федоровна Клобукова (Голубинская) — кандидат культурологии, приглашенный преподаватель НИУ ВШЭ, Факультет мировой экономики и международной политики, Школа востоковедения.

Email: nklobukova@hse.ru, nklobukova@gmail.com

Author's Information

Natalia F. Klobukova (Golubinskaya) — PhD in Cultural Studies, Visiting lecturer, National Research University Higher School of Economics, Faculty of World Economy and International Affairs, School of Oriental Studies.

Email: nklobukova@hse.ru, nklobukova@gmail.com

Таблица 1. Статьи церковных доходов.

Написание в Дневнике	Современная транскрипция	Иероглифическое написание	Значение
Цунагу моцу	Цунагу моцу	繋ぐ持つ、つなぐもつ	Имущество и денежные средства, находящиеся в распоряжении церкви
Гацуноо-кин	Гацуно: кин	月納金、がつのうきん	Ежемесячный взнос на содержание церкви
Идзи-кё-кин	Идзикёкин	維持醸金、いじきよきん	Деньги, собираемые с большого количества людей по подписке
Иодо-кин	Ё: докин	用度金、ようどきん	«Снабженческие деньги», добровольные взносы, расходуемые на уголь для отопления Церкви, керосин для освещения и т.д.
Ифи-кин	Ирикин	入り金、いりきん	Ежемесячное зачисление денег прихожанами
Ицимонсен	Итимонсэн	一門錢、いちもんせん	Еженедельный (ежемесячный) взнос на нужды Церкви
Кен-кин	Кэнкин	献金、けんきん	Добровольные денежные пожертвования
Кенсай-кин	Кэнсайкин	献賽金、けんさいきん	Деньги из церковного ящика для пожертвований (церковной кружки)
Риндзи-кин	Риндзикин	臨時金、りんじきん	Непредвиденные (экстренные) расходы

Написание в Дневнике	Современная транскрипция	Иероглифическое написание	Значение
Цуми-кин	Цумикин	積金、つみきん	«Нагрузочные деньги», ежемесячный добровольный взнос по желанию; собранные деньги тратятся по усмотрению общины

Таблица 2. Буддийские и синтоистские термины.

Написание в Дневнике	Современная транскрипция	Иероглифическое написание	Значение
Акиха Сандзяку-боу	Акиба Сандзякубо:	秋葉三尺坊、あきばさんじゃくぼう	Бог огня; известен как демон-дайтэнгу, обитающий на г. Акиба
Гонген	Гонгэн	権現、ごんげん	Термин синкретической синто-буддийской доктрины, согласно которой синтоистские божества ками являются аватарами (временными проявлениями) будд и бодхисаттв. В честь таких божеств возводили часовни и храмы.
Дайдиоха	Тайсяха, тж. тайсякё:	大社派、たいしやは 大社教、たいしやくきょう	«Братство почитания ками Идзумо». Синтоистская конфессия, основанная в 1882 г. в святилище Идзумо тайся в г. Идзумо, преф. Симанэ, под руководством Сэнгэ Такатоми (1848–1918)
Дзин-дайери	Дзиндай ёри	神代より、じんだいより	Считая от «века богов» — периода до прихода к власти первого императора Японии Дзимму (VII в. до н.э.). Время сотворения боже-ствами японских островов описано в мифологических сводах «Кодзики» («Записи о деяниях древности») и «Нихон сёки» («Анналы Японии»)
Монтосиу	Монтосю:	門徒宗、もんとしゅう	«Школа приверженцев» — старинное название буддийской школы Дзё: до
Тайко-тадаку сюси (Хокке)	Тайко татаку сю: си (Хоккэ)	太鼓叩く宗旨 (法華)、たいこたたくしゅうし (ほっけ)	«Вероучение бьющих в барабан». Имеется в виду буддийская школа Нитирэн-сю: (日蓮宗, тж. Хоккэ), основанная монахом Нитирэн (1222–1282) и состоящая в поклонении Сутре Лотоса (Хоккэ: 法華経). Молитва в Нитирэн сопровождается ритмичными ударами в утивадайко (団扇太鼓), ручной рамочный барабан в форме круглого веера

Таблица 3. Сословные титулы, должности и ранги.

Написание в Дневнике	Современная транскрипция	Иероглифическое написание	Значение
Байсин	Байсин	幕臣、ばいしん	Вассал, имевший двойное подчинение — сёгуну и местному даймё
Кароо	Каро:	過労、かろう	Главный вассал даймё
Кациу	Катю:	家中、かちゅう	Вассал, подданный даймё
Квазоку	Кадзоку	華族、かぞく	Аристократ
Керай	Кэрай	家来、けらい	Вассал, подданный
Курамай	Курамай	蔵米、くらまい	Самураи, получавшие жалованье рисом
Матакациу	Матакатю:	又家中、またかちゅう	Вассал вассала
Сизоку	Сидзоку	士族、しぞく	Сословие нетитулованной знати, существовавшее в 1869–1947 гг; состояло в основном из бывших мелких и средних самураев
Керай	Кэрай	家来、けらい	Вассал, подданный
Русуи	Русуи	留守居、るすい	Здесь: человек, присматривающий за домом в отсутствие хозяев; тж. Должностное лицо, заменявшее даймё в Эдо, когда он находился в своем княжестве

Таблица 4. Термины, связанные с повседневной жизнью.

Написание в Дневнике	Современная транскрипция	Иероглифическое написание	Значение
Бася	Бася	馬車、ばしや	Повозка, запряженная лошастью
Канготатеба	Каготатэба	籠立て場、かごたてば	Место стоянки носилок и паланкинов (портшезов), от яп. «каго» — корзина (специальные носилки с сиденьем для пассажира в виде плетеной корзины, для дальних переходов)
Нагая	Нагая	長屋、ながや	Одноэтажный многоквартирный дом
Убуюиси	Убуюиси	産湯石、うぶゆいし	Каменный сруб колодца для первого купания новорожденного
Гесику	Гэсику	下宿暮、げしく	Гостиница низшего разряда
Дзенка	Дзэнка	全家、ぜんか	Целый дом, вся семья целиком
Екция	Сития	質屋、しちや	Ломбард
Кари-нососики	Кари-но со: сики	仮りの葬式、かりのそうしき	Здесь: «предварительная», «условная» похоронная церемония

Таблица 5. Названия профессий.

Написание в Дневнике	Современная транскрипция	Иероглифическое написание	Значение
Гетая	Гэтая	下駄屋、げたや	Изготовитель гэта — японских деревянных сандалий
Комея	Комэя	米屋、こめや	Здесь: хозяин закусочной, где подаются блюда из риса
Собая	Собая	蕎麦屋、そばや	Здесь: хозяин закусочной, где подается лапша из соба — гречневой муки
Сомея	Сомэя	染屋、そめや	Здесь: красильщик тканей, хозяин мануфактурной лавки
Тофуя	То: фуя	豆腐屋、とうふや	Здесь: хозяин магазина, торгующего тофу (соевым творогом); тж. Мастер по изготовлению тофу

Таблица 6. Японские пословицы и поговорки.

Написание в Дневнике	Современная транскрипция	Иероглифическое написание	Значение
Ки-ни ханаретору сару	Ки ни ханарэ-тору сару	木に離れとる猿、きにはなれとるさる	«Обезьяна, разлученная с деревом». Смысл высказывания в том, что японские обезьяны обитают преимущественно на деревьях
Нагано хетидании	Хэта но нагаданги	下手の長談義、へたのながだんぎ	Длинная неумная речь; японская поговорка. Русский аналог: «из пустого в порожнее»
Некони кобан	Нэко ни кобан	猫に小判、ねこにこばん	«Дать кошке золотой». Яп. поговорка; русский аналог: «метать бисер перед свиньями».
Нукани куги	Нука ни куги	糠に釘、ぬかにくぎ	Букв. «забивать гвозди в рисовые отруби». Здесь: зря трудиться, заниматься бесполезным делом, толочь воду в ступе

УДК 811.214

Е.А. Костина
 Санкт-Петербургский государственный университет
 Е.П. Лекарева
 Санкт-Петербургский государственный университет

Прономинальные атрибутивные модели в хинди и бенгальском языке

Аннотация: Несмотря на то, что разнообразие структур, в которых роль опорного слова выполняет местоимение, невелико, в грамматических очерках их описания приводятся разрозненно, поскольку они получают разный статус: словосочетания, аппозитивные сочетания, неделимые сочетания и т.п. Использование предложенного В. Г. Гузевым понятия «атрибутивная синтаксическая модель» позволяет совокупно рассмотреть все прономинальные структуры «уточняемое + уточняющее», вне зависимости от того, соответствуют ли они критериям, используемым для определения словосочетаний.

Хинди и бенгальский языки представляют существенный интерес для сравнительного исследования, поскольку, несмотря на генетическое родство и сходство лексики, они заметно различаются как по морфологическому строю, так и по способу кодирования актантов.

В данной статье на основе функционального подхода описаны основные прономинальные атрибутивные модели хинди и бенгальского языков с опорой на современные, преимущественно художественные тексты (56 наименований). Исходя из разряда местоимения-уточняемого, все рассмотренные модели поделены на 3 группы: модели с главным словом-неопределенным или вопросительным местоимением; модели, образованные на основе личных и указательно-личных местоимений (в том числе, аппозитивные); модели на основе субстантивированных местоимений. При описании учитываются частеречная принадлежность уточняющего компонента, тип связи между компонентами атрибутивной структуры и их взаимное расположение, а также морфологические характеристики компонентов атрибутивных сочетаний.

Рассмотренный текстовый материал продемонстрировал, в первую очередь, значимость прономинальных структур для текстов на бенгальском и хинди, и необходимость их дальнейшего систематического изучения. Несмотря на имеющиеся различия в синтаксисе, оба языка демонстрируют сходные стратегии построения прономинальных сочетаний; выявленные расхождения преимущественно объясняются спецификой грамматического строя каждого из языков. Также намечены направления дальнейшей разработки темы. Библиография: 15 наименований.

Ключевые слова: бенгальский язык, хинди, местоименное сочетание, прономинальная модель, прономинальная конструкция, функциональный синтаксис

Ekaterina A. Kostina
Saint-Petersburg State University
Eva P. Lekareva
Saint-Petersburg State University

Attributive pronominal phrase models in Hindi and Bangla

Summary: despite the fact that the variety of structures in which the role of the reference word is played by the pronoun is not large, they receive different status, i.e., phrases, appositive combinations, indivisible combinations, etc. and thus are often described separately. Using the concept of “attributive syntactic model”, proposed V. G. Guzev, allows to consider all pronominal structures collectively.

Hindi and Bengali languages are of significant interest for comparative research, since, despite the genetic relationship and similarity of vocabulary, they differ markedly both in morphological structure and in the way they encode their actants.

In this article, on the basis of a functional approach, we describe the basic pronominal models of Hindi and Bengali, with the evidence from literary texts. All the models under consideration have been divided into 3 groups: indefinite or interrogative pronoun-oriented; personal and demonstrative-personal pronoun-oriented (including the appositive ones); and those based on substantivized pronouns. The description takes into account the part-of-speech affiliation of the specifying component, the type of connection between the components of the attributive structure and their mutual arrangement, as well as the morphological characteristics of the components of attributive combinations.

The examined text material demonstrated, first of all, the importance of pronominal structures for texts in Bengali and Hindi and the need for their further systematic study. Despite the differences in syntax, both languages demonstrate similar strategies for constructing pronominal phrases; the revealed discrepancies are mainly explained by the specificity of the grammatical structure of each of the languages. (Refs 15.)

Keywords: Hindi, Bengali, pronominal phrase, syntactic model, functional syntax

Введение

Под «прономинальными атрибутивными моделями» мы понимаем построенные по атрибутивному принципу двух и более-компонентные синтаксические структуры с опорным словом-местоимением. К прономинальным структурам можно отнести:

- прономинальные словосочетания («кто-то из друзей», «мы с тобой»);
- аппозитивные сочетания («между нами, девочками»);
- неспособные выступать в роли самостоятельных единиц вне предложения комбинации местоимений с другими местоимениями, числительными и прилагательными типа «я сам», «вы оба», «кто-то чужой».

Обычно количество таких структур в языках мира невелико; они традиционно не привлекают особого внимания исследователей и бывают описаны фрагментарно в разных разделах грамматик. Так, например, О. Г. Ульциферов в монографии «Словосочетания в хинди» признает в качестве прономинальных словосочетаний только те, которые образуются на основе вопросительных и неопределенных местоимений [Ульциферов: 309]. В свою очередь автор очерка грамматики бенгальского языка Е. М. Быкова отмечает, что «В существующих грамматиках они (местоименные словосочетания — *Е.К.*) имеют название «сложных неопределенных местоимений»... Однако совершенно очевидно, что это синтаксические единицы, каждый из компонентов которых... в иной ситуации способен к самостоятельному употреблению» [Быкова: 84]. При этом Е. М. Быкова рассматривает только те прономинальные сочетания, в которых невозможно варьирование опорного местоимения с лексемами других классов, и значения которых не имеют в бенгальском языке иных средств выражения. В монографии В. А. Чернышева «Синтаксис простого предложения хинди» [Чернышев] некоторые виды прономинальных структур рассматриваются в разделах, посвященных соответствующим членам предложения (определение, приложение, обстоятельство).

Та же картина наблюдается в работе Х. Р. Томпсон *Bengali. A comprehensive grammar* [Thompson]: отдельные сочетания (личное + совокупное местоимение; неопределенное местоимение + *ār*) описаны в разделе 13 «Использование местоимений», другие — в разделе 20, посвященном глагольному имени, а также в разделе 30, где рассматривается употребление падежей. Индийские исследователи либо игнорируют прономинальные сочетания, либо просто приводят их списком, не производя какую-либо классификацию и не снабжая перечисление достаточным количеством примеров (см. [Pāṇḍe: 239], [Sahāy: 102]). Современные исследования синтаксиса хинди и бенгальского языков, такие как *Contrastive Analysis of English and Hindi Nominal Phrase* Б. К. Синха [Sinha] или *The Noun Phrase in Bengali: Assignment of Role and the Kāraka Theory* М. Гангопадхья [Gangopadhyay] с одной стороны, базируются на теории генеративной грамматики, а с другой — также не уделяют существенного внимания местоименным моделям.

Данное исследование основывается на принципах функционального синтаксиса. Термины «синтаксическая модель» и «синтаксическая конструкция» используются нами в том значении, в котором они были предложены В. Г. Гузевым для описания синтаксиса турецкого языка. Согласно этой концепции, модель является минимальной инвентарной единицей синтаксического строя языка, и именно на основании существующих в языке моделей происходит порождение соответствующих конструкций в речи (см. [Гузов: 20–24]). Атрибутивная конструкция состоит из уточняемого (определяемого, дополняемого или обстоятельственного уточняемого) и уточняющего (определение, дополнение или обстоятельство) [Гузов, 25]. Использование терминологии В. Г. Гузева позволяет избежать необходимости определять, какие из вышеперечисленных структур могут быть отнесены к числу словосочетаний, а какие — нет, а также не ограничиваться конструкциями, которые могут строиться только на основе местоимений, и, соответственно, рассмотреть прономинальные модели в совокупности.

Хинди и бенгальский относятся к индоарийской ветви индоевропейской семьи языков и демонстрируют достаточно высокую степень родства в отношении лексического состава, однако существенно разнятся типологически. В то время как для хинди характерно преобладание аналитического словоизменения [Зограф, Оранская: 55], бенгальский демонстрирует существенную тенденцию к агглютинации [Зограф, Крючкова, Мазурова: 402]. Разнятся рассматриваемые языки и с точки зрения стратегии кодирования глагольных актантов: как и другие языки центральной подгруппы хинди можно отнести к безаккузативно-эргативоидным, а бенгальский — к собственно безаккузативным языкам [Захарьин: 137–139, 154–158]. Исследование прономинальных структур в двух родственных, но типологически различных языках представляется интересным с точки зрения как регионального, так и общего языкознания.

Материалом исследования послужили тексты на хинди и бенгальском языках. При подборе примеров предпочтение отдавалось печатным изданиям и электронным версиям художественных произведений, однако в отдельных (специально оговариваемых) случаях были задействованы материалы иных интернет-источников.

Примеры на обоих языках приведены в транслитерации в соответствии со стандартом ISO 15919. Редуцируемый гласный *a* в целях удобства чтения опускается. Примеры снабжены переводом, выполненным авторами данной статьи, а также строкой глосс. Список использованных в глоссах сокращений приведен в конце статьи.

Описание и сравнение имеющихся в обоих языках прономинальных атрибутивных моделей производится по следующим основаниям:

- разряд местоимения-уточняемого (учитываются только семантические разряды; во всех рассматриваемых моделях в качестве опорного слова выступают местоимения-существительные, структуры на основе местоимений других лексико-грамматических классов могут стать темой отдельного исследования);
- частеречная принадлежность уточняющего;
- тип связи между компонентами атрибутивной структуры и их взаимное расположение;
- морфологические характеристики компонентов.

1. Атрибутивные конструкции на основе неопределенных, вопросительных и дистрибутивных местоимений

1.1. Конструкции с выделительным значением

В качестве опорного слова в такого рода структурах выступает неопределенное, дистрибутивное или вопросительное местоимение, в качестве зависимого слова — любая субстантивная, прономинальная или адъективная лексема. В обоих языках зависимое слово находится в препозиции по отношению к главному.

В языке хинди группа предметов, на фоне которых происходит выделение, оформляется при помощи послелога *mē* ‘в, среди’ (преимущественно используется в конструкциях превосходной степени) или составного послелога *mē se* ‘из (совокупности)’. Оформляемая послелогом лексема принимает форму общекошвенного падежа.

(1)
āp mē=se kuch itne bhāgyaśālī na bhī hō...
вы из некоторые такие удачливый не ЕМРН быть.OPT.PL
 «Если даже некоторые из вас не столь удачливы...» [Sangīt: 29].

(2)
tīn pañktiyō mē=se pratyek mē... ek gēd... rakhī=jāe
три ряд.PL.OBL из каждый в один мяч класть.PFV.
 F=УХОДИТЬ.OPT.SG

«В каждый из трех рядов следует поместить... один мяч» [Samanya Adhyayan: F-79].

(3)
uparyukt kathanō mē=se kaun-sā...
вышеперечисленный утверждение.PL.OBL из который
sahī hai?
правильный БЫТЬ.PRES.SG

«Какое из приведенных выше утверждений справедливо?» [Samanya Adhyayan: C-22]

В бенгальском языке зависимое слово, обозначающее совокупность, из которой осуществляется выделение, оформляется родительным падежом, а в конструкции, передающей значение превосходной степени, — родительным падежом с послелогом *madhye* ‘среди’.

(4)
tomāder keu keu gomukhī paryanta dekhecha
ТЫ.NEUT.GEN.PL кто-то кто-то Гомукхи вплоть=до видеть.PF.2.NEUT
 «Некоторые из вас видели даже Гомукхи» [Seely: 30].

(5)
samudrer prāñīder madhye ke beśi buddhimān?
океан.GEN.SG животное.GEN.PL среди кто больше умный
 «Кто из обитателей океана самый умный?» [Byāngāci: 83].

1.2. Конструкции с ограничительным значением

Конструкции, выражающие объектные отношения с оттенком ограничительного значения, строятся по аналогичной модели. В хинди вместо послелога *mē/mē se* используются послелоги (*ke*) *sivā* ‘кроме, помимо’ и (*ke*) *alāvā* / (*ke*) *atirikt* ‘кроме, за исключением’.

(6)
ghar mē pitā jī ke=sivā koī nahī thā
дом в отец НОН кроме кто-то не БЫТЬ.PAST.M.SG
 «В доме не было никого, кроме отца» [Indraprasth: 59].

(7)
kutte ke=alāvā pratyek ko lēge
собака.OBL.SG кроме каждый ACC брать.FUT.M.PL
 «Возьмём всякого, кроме собаки» [Navanīta: 183].

В бенгальском языке ограничительные структуры формируются с участием послелога *chāṛā*, присоединяемого к имени в прямом падеже.

(8)
mā chāṛā ke jāne
мать кроме кто знать.PRES.3.NEUT
 «Кто, кроме матери, знает?» [Bibekānand: 425].

1.3. Конструкции с квалификативным значением

Рассмотренные в предыдущем разделе ограничительные конструкции могут расширяться за счет лексем со значением «другой»: прилагательного *aur* (хин.) / *ār* (бенг.), местоимения *anya*, адъективированного числительного *dūsrā*.

Хинди:

(9)

arjun	kā	sāmnā	karṇ	ke=sivā	aur	koī
Арджуна	gen	противостояние	Карна	кроме	другой	кто-то
nahī	kar	saktā	thā			
не	делать	мочь.ipfv.m.sg	быть.past.m.sg			

«Никто иной, кроме Карны, не мог противостоять Арджуне» [Miśr B: 204].

Бенгальский:

(10)

e	kāj	o	chārā	ār	keu	kare	-ni
этот	дело	он	кроме	другой	кто-то	делать.PRES.3.NEUT	нет.PF

«Эту работу никто, кроме него, не выполнил» [Chaṭṭōpādhyāy: 86].

Образование квалификативных сочетаний возможно и вне ограничительных конструкций.

Хинди:

(11)

yadī	dūsrā	koī	na	mile	to	svayaṁ	hī
если	другой	кто-то	не	встречаться.OPT.3.SG	то	сам	EMPH
kar=lenā	cāhie						
делать	нужно						

«Если нет никого другого, надо делать самому» [Johaṛī: 21].

Бенгальский:

(12)

e	byāpāre	anya	keu	ki	jānta?
этот	дело.LOC	другой	кто-то	q	знать.HABIT.3.NEUT

«Кто-то другой знал об этом?» [Kiśor bhāratī: 178].

В языке хинди возможен любой порядок следования неопределенного местоимения и его определения. Несмотря на то, что в некоторых справочниках говорится о том, что «*aur koī* передает значение дополнительности, а *koī aur* — отличия» [Karūr: 63], на практике это наблюдение не всегда оказывается верным.

(13)

vah	vikramāditya	ke=sivā	aur	koī	nahī	ho	saktā
он	Викрамадитья	кроме	другой	кто-то	не	быть	мочь.IPFV.M.SG

«Он не может быть никем иным, кроме как Викрамадитьей» [Dvivedī: 205].

Ср.

(14)

vah...	arjun	ke=sivā	koī	aur	nahī	ho	saktā
он	Арджуна	кроме	кто-то	другой	не	быть	мочь.IPFV.M.SG

«Он не может быть никем иным, кроме как Арджуной» [Nīlkaṇṭhan: 231].

Подобные конструкции следует отличать от адъективных словосочетаний, в которых неопределенное местоимение выступает в роли определения к прилагательному:

(15)

phūlbāsan	ke=pās	koī	aur	cārā	na	thā
Пхулбасан	у	какой-то	другой	выход	не	быть.PAST.M.SG

«У Пхулбасан не было никакого иного выхода» [Yādav: 104].

В бенгальском языке квалификативный элемент должен предшествовать местоимению (16), а в случае обратного порядка слов *ār* относится не к местоимению, а к глагольной группе (17):

(16)

meyeṭir	ār	keu	nei
девушка.DEF.GEN	еще	кто-то	нет

«У девушки больше никого нет» [Huq: 144].

Ср. (17)

tārā	keu	ār	phire=āse	-ni
ОН.PL	кто-то	еще	возвращаться.PRES.3.NEUT	нет.PF

«Никто из них так и не вернулся» [Gaṅgorādhyaṅ: 17].

В этой связи любопытно рассмотреть структуры типа «неопределенное местоимение + другой + неопределенное местоимение» («кто-то еще что-то» или «никто больше ничего»).

Бенгальский язык диктует однозначное членение подобных высказываний (18), а для хинди толкование структуры будет зависеть от контекста и синтаксического окружения (19), (20):

(18)

kintu	keu	ār	kichu	balla	nā
но	кто-то	другой	что-то	говорить.PAST.3.NEUT	нет

«Но никто больше ничего не сказал» [Kiśor bhāratī 2021: 16].

(19)

koī	aur	kuch	nahī	karegā	māi	hī	karūṅgā
кто-то	ещё	что-то	не	делать.FUT.3.SG.M	я	EMPH	делать.FUT.1.SG.M

«Никто другой ничего не сделает. Сделаю только я» [Ārigarūḍi: 72].

Ср. (20)

vidyut	vibhāg	ko	kosne	ke=alāvā	koī	aur
электричество	департамент	DAT	ругать.OBL	кроме	кто-то	ещё

kuch	nahī	kartā
что-то	не	делать.IPFV.M.SG

«Никто не делает ничего иного, кроме как ругать департамент электричества» [Miśr R: 108].

В обоих языках неопределенные местоимения могут принимать и другие определения-прилагательные, которые в хинди располагаются перед главным словом (21) или после него (22) и образуют с ним единое целое. Для бенгальского языка более характерна препозиция прилагательного; прилагательное в постпозиции чаще входит в состав или в группу сказуемого (25).

(21)

banāras...	mē	nayā	kuch	hai	hī	nahī
Бенарес	в	новый	что-то	быть.PRES.3.SG	EMPH	нет

«В... Бенаресе ничего нового нет» [Sārikā: 7].

(22)

vahā	kuch	nayā	hai	hī	nahī
------	------	------	-----	----	------

там **что-то** **новый** быть.PRES.3.SG EMPH нет
«Там ничего нового нет» [Kahānī: 71].

(23)

āpni nutan kichu ār bhālo kichu karte pārben
вы.NON **новый** **что-то** и **хороший** **что-то** делать мочь.FUT.2.NON
«Вы сможете сделать что-то новое и хорошее» [Diamond Horoscope: 20].

(24)

kichu natun cāi, natun!
что-то **новый** хотеть.PRES.1 **новый**
«Хочу чего-то нового, нового!» [Āraśī].

Ср. (25)

kichu bhālo karle...
что-то **хороший** **делать**.CVB.COND
«Если сделать что-то хорошее...» или «Если сделать что-то хорошо/улучшить...» [Deś: 241].

Отдельный подвид qualificативных конструкций представляют сочетания, в которых второй компонент (в данном случае — неопределенное местоимение, соотносимое с неодушевленными предметами) имеет ослабленное лексическое значение, а определение выражает основное смысловое значение, см. [Быкова: 85]. В роли определения в таких структурах выступают преимущественно совокупные местоимения и кванторные прилагательные-наречия (о некоторых ограничениях, налагаемых на использование местоимений-определений в бенгальском языке, см. [Gangopadhyay: 37]).

В обоих языках в сочетании с относительными местоимениями неопределенные местоимения (соотносимые как с неодушевленными, так и с неодушевленными предметами) передают значение ‘всякий, кто/что’. Однако если в бенгальском такая структура способна выступать вне сложных предложений с определительными придаточными, для нормативного хинди такие употребления редки.

Хинди:

(26)

maine sab kuch soc=liyā hai
я.ERG **все** **что-то** обдумать.PFV.M.SG **быть**.PRES.3.SG
«Я все обдумал» [Miśr B: 92].

(27)

saṁsār kā bahut kuch dekhā
мир GEN **многий** **что-то** видеть.PFV.M.SG
sunā thā
слышать.PFV.M.SG **быть**.PAST.M.SG
«Многое в мире видел и слышал» [Miśr B: 30].

(28)

donō chātr jo kuch likh sake hāi
оба студент **который** **что-то** писать мочь.PFV.M.PL **быть**.PRES.3.PL
«Все, что смогли написать оба студента...» [Miśr R: 220].

Бенгальский:

(29)

āmi ta se-sab kichu jāni -ne

я то **тот-все** **что-то** знать.PRES.3.NEUT -нет.PF
«Я всего этого не знал» [Chaṭṭōpādhyāy: 446].

(30)

baīṭi samparke anek kichu jānā jāy
книга.DEF в=связи=с **многий** **что-то** знать идти.PRES.3.NEUT
«О книге можно многое узнать» [Deś: 394].

(31)

ye keu eṭi saṁgraha karte paren...
который **кто-то** это.DEF сбор делать мочь.PRES.3.NON
«Кто угодно может их собирать...» [Basu R, 1].

1.4. Атрибутивные модели «глагольное имя + местоимение»

В языке хинди инфинитив в косвенном падеже, оформленный дативно-аккузативным послелогом *ko* или послелогом цели *ke lie* ‘для’, выражает «одну из разновидностей qualificативных отношений — отношения назначения, когда опорный компонент называет субстанцию, а зависимый компонент — действие, для которого она предназначена» [Ульциферов: 167]. В качестве опорной лексемы в такого рода структурах может выступать не только имя существительное, но и неопределенное или вопросительное местоимение. Порядок следования компонентов сочетаний подобного рода может быть любым, но только в случае препозиции инфинитива (как в примерах (32) и (33)) конструкция однозначно может трактоваться как атрибутивная. Инфинитив, стоящий после опорного слова, может не относиться к нему, а являться частью сказуемого (34).

(32)

ab mere lie karne ko kyā hai
теперь мой.M.OBL для **делать**.OBL DAT **что** **быть**.PRES.3.SG
«Что мне теперь остается делать?» [Raghuvamś: 118].

(33)

khāne ko kuch ho to de=do
есть.OBL DAT **что-то** **быть**.OPT.SG то дать.IPV.NEUT
«Если есть что-то поесть, то дай» [Viśvanāth: 49].

(34)

kuch khāne ko ho to de=do
что-то **есть**.OBL DAT **быть**.OPT.SG то дать.IPV.NEUT
«Если есть что-то поесть, то дай» [Bhadbhade: 200].

Генитивное оформление инфинитива не является нормативным и носит нерегулярный характер. Так в примере (35) мы видим две однородные инфинитивные структуры, оформленные по-разному:

(35)

ghar mē khāne kā kuch nahī hai,
дом в **есть**.OBL GEN.M.SG **что-то** не **быть**.PRES.3.SG
ārām karne ko jagah nahī
отдых **делать**.OBL DAT место нет
«Дома нечего есть, нет места, чтобы отдохнуть» [Kovaprat: 182].

В бенгальском языке в роли зависимого слова выступает субстантивно-адъективная форма (герундий-причастие) в родительном падеже, которая факультативно может оформляться сопоставительным послелогом *mata* ‘словно’.

(36)
khāyār kichu āche to
 есть.GEN что-то быть.PRES.3.NEUT то
 «А поесть-то имеется что-нибудь?» [Śams-ud-din: 35].

(37)
egulite dekhār mata kichu nei
 этот.LOC.PL смотреть.GEN подобный что-то нет
 «Среди этих не на что посмотреть» [Tagbag: 93].

Конструкции с инфинитивом в роли зависимого слова в бенгальском встречаются преимущественно в переводных интернет-материалах и на настоящий момент могут расцениваться как калька с английского или других языков. Обычно подобные структуры сопровождаются другими нерегулярными или неправильными образованиями, указывающими на то, что перевод, вероятно, был выполнен автоматически (см. «национальные горы»).

(38)
satya-i dekhte kichu āche
 правда-EMPH смотреть.INF что-то быть.PRES.3.NEUT
gājakīya rāhār rahasyamaya guhā...
 национальный гора таинственный пещера
 «И правда есть, на что посмотреть: национальные горные <парки>, таинственные пещеры...» [Lāos].

В бенгальском языке атрибутивной можно считать только такую структуру со значением предназначения, в которой глагольное имя предшествует опорному слову. В противном случае инфинитив или субстантивно-адъективная форма входит в состав сказуемого с модальным значением [Thompson: 382]

(39)
kāuke much phuṭe kichu balār nay
 кто-то.DAT рот открыть.CVB.PFV что-то говорить.GEN не=быть.PRES.3.NEUT
 «Никто не хочет открыть рот и сказать что-нибудь» [Bandyopādhyāy Ś: 146].

2. Атрибутивные модели на основе личных и указательно-личных местоимений

2.1. Конструкции со значением уточненного количества

Местоимения множественного числа (для хинди — обладающие способностью указывать не только на один, но и на несколько предметов, подробнее см. [Костина: 94–96]) образуют конструкции со значением уточненного количества. В роли зависимого слова здесь выступают собирательные числительные, совокупные и дистрибутивные местоимения. В бенгальском языке возможно также использование неопределенных местоимений. Зависимое слово находится в постпозиции по отношению к главному.

Хинди:
 (40)
ham tñō... śarārātī vidyārthiyō mē=se the
 мы трое шаловливый ученик.PL.OBL из быть.PAST.M.PL
 «Мы трое... были из шаловливых учеников» [Kaśyap: 49].

(41)
tum sabhī iskī sahāyatā karnā
 вы.NEUT все.EMPH она.GEN.F помощь делать
 «Вы все помогайте ей» [Sarvagatānanda].

Бенгальский:
 (42)
ekṭi ām gācher nice āśray nila orā dujane
 один манго дерево.GEN под приют брать.PAST.3.NEUT он.PL оба.COLL
 «Они оба укрылись под манговым деревом» [Ghaṭak: 190].

(43)
āmṛā sakale sinemā dekhte yāba
 я.PL.NOM все.COLL кино смотреть идти.FUT.1
 «Мы все пойдем смотреть кино» [Seely: 104].

Особого рассмотрения заслуживает модификация местоимений хинди уточняющей количеством лексемой *log* ‘люди’. Поскольку местоимения 1 и 2 лица, требующие постановки сказуемого в форму множественного числа, могут указывать как на несколько, так и на один предмет, для уточнения количества возможно факультативное использование частично грамматикализованной лексемы *log* «люди». Эта лексема утрачивает категорию рода (мужской), и родовые окончания глагольной группы определяются исходя из контекста (род лексемы, заменяемой местоимением).

(44)
to ham log cale jāyēge
 то мы люди идти.PFV.M.PL уходить.FUT.3.PL
 «...то мы лучше пойдем» [Varmā: 155].

(45)
ab ham log calī jāyē...
 теперь мы люди идти.PFV.F уходить.OPT.3.PL
 «Теперь мы лучше пойдем...» [Prasād: 155].

Для указательно-личных местоимений необходимо различать структуры с опорным местоимением и уточняющим *log* (46) и субстантивные словосочетания, в которых местоимение играет роль определения (47).

(46)
jab ve log calī gāī
 когда они люди идти.PFV.F уходить.PFV.3.F.PL
 «Когда они ушли...» [Priyamvadā: 114].

Ср. (47)
nāzī yahūdiyō kā sarvanās karēge aur
 нацист еврей.OBL.PL GEN уничтожение делать.FUT.M.PL а
ye log... unkī sahāyatā kar=rahe hāī
 этот.PL люди они.GEN.F помощь делать.PROGR.M.PL быть.PRES.3.PL
 «...нацисты уничтожат евреев, а эти люди им помогают» [Śarmā].

Поскольку в бенгальском языке средства выражения категорий числа и субординации местоимений строго разделены, потребности в построении аналогичной структуры не возникает.

Специфической чертой бенгальского языка является способность образовывать структуры с уточняющим значением с участием дистрибутивных и неопределенных местоимений. В отличие от описанных ранее выделительных конструкций здесь опорным является личное или указательно-личное местоимение, стоящее в форме прямого падежа и выступающее контроллером согласования сказуемого:

(48)

āmrā aneke-i emanbhābe jībanyāpan kari
я.PL.NOM многие.COLL-EMPH так прохождение=жизни делать.PRES.1
 «Мы многие так живем» [Bhuiyan: 27].

(49)

tomrā keu lokṭike ceno?
ты.NEUT.PL.NOM кто-то человек.DEF.ACC знать.PRES.2.NEUT
 «Вы кто-нибудь знаете этого человека?» [Seely: 29].

С точки зрения семантики номинативная и генитивная структуры синонимичны, что находит отражение в окказиональной постановке глагола в форму, соответствующую личному, а не неопределенному местоимению (см. пример (4)).

2.2. Уточняющая структура с возвратным местоимением

В обоих языках личные и указательно-личные местоимения могут уточняться при помощи возвратного местоимения «сам». В хинди в качестве уточняющего выступают местоимение санскритского происхождения *svayaṁ*, заимствованное *khud*, а также местоимение собственно хинди *āp* (реже) и его расширенный вариант *apne āp* (ср. «сам по себе»).

(50)

maī svayaṁ jel pratham bār 1930 mē gayā
я сам тюрьма первый раз 1930 в идти.PFV.M.SG
 «Я сам первый раз попал в тюрьму в 1930 г.» [Tilak: 137].

В бенгальском языке местоимение уточняется теми же заимствованными *sbayaṁ* и *khud* (редко, преимущественно в текстах религиозного характера или для имитации урдуизированной речи), а также собственно бенгальским *nije*.

(51)

tārā nije granth prakāś karechila
он.PL свой.COLL книга издание делать.PFV.PAST.3.NEUT
 «Они сами издали книгу» [Seely: 100].

(52)

āmi khud giye darśan kare āstum
я сам уходить.CVB.PFV просмотр делать.CVB.PFV приходить.НАВИТ.1
 «Я бы сам пошел повидать...» [Mukhopādhyāy: 153].

2.3. Аппозитивные конструкции на основе личных и указательно-личных местоимений

Природа связи, возникающей между элементами аппозитивных сочетаний, не имеет однозначной интерпретации (подчинительная — номинативное примыкание, сочинительная, специфическая аппозитивная), однако в любом случае ее рассматривают как связь между приложением и определяемым существительным (см. [Дымарский: 65]). Тем

не менее, в обоих рассматриваемых языках нередко образуются аппозитивные сочетания на основе местоимений. В этом случае «нулевое субстантивное значение местоимения восполняется конкретизирующими приложениями» [Чернышев: 69]. В. А. Чернышев отмечает, что приложение (существительное или субстантивированное прилагательное) может относиться к личным местоимениям преимущественно в возвышенной или эмоционально окрашенной речи. По этой причине в обоих языках чаще всего можно встретить приложения со значением «бедный», «несчастный» и т.п., хотя это наблюдение нельзя считать универсальным.

(53)

ham garīb tere pīche na calēge
мы бедный твой.OVL позади не идти.FUT.1.PL
 «Мы, бедняки, за тобой не пойдём» [Chakalaka: 114].

В то время как для хинди характерна постпозиция приложения по отношению к местоимению, в бенгальском возможно его произвольное расположение:

(54)

akāraṇe prāṇ dhari āmi abhāginī
 беспричинно дыхание держать.PRES.1 **я несчастная**
 «Беспричинно задерживаю дыхание, несчастная я» [Muhabharut: 319].

(55)

abhāginī tumi bujhle nā āmār maner kathā
несчастливая ты понять.PAST.2.NEUT нет я.GEN сердце.GEN слово
 «Ты, несчастная, не поняла того, что у меня на сердце» [Abhāginī].

Аппозитивные сочетания необходимо отличать от т.н. «полупредикативных назывных конструкций». Такие структуры всегда тесно вписаны в контекст и либо называют известный ранее предмет, полное суждение о котором содержится в следующем предложении, либо содержат обобщение, объяснение причины того, о чем шла речь ранее (см. [Чернышев: 179]). Формальным отличием таких конструкций в хинди будет предшествование приложения:

(56)

oh, becārī maī!
 ох **бедный.Г я**
 «Ох, несчастная я!» [Singh: 160].

В бенгальском языке основным средством различения конструкций будет контекст, наличие междометий и преимущественно восклицательный характер высказывания.

(60)

haū, abhāginī āmi!
 ох **несчастливая я**
 «Ох, несчастная я!» [Ghoṣ: 72].

С другой стороны, аппозитивные сочетания с приложением в постпозиции в бенгальском необходимо отличать от предикативных структур с нулевой связкой:

(61)

āmi abhāginī // deber dharaṇī
я несчастная бог.GEN земля
 «Я несчастная, земля для бога» [Bhaṭṭacārya: 72].

3. Определительные модели на основе субстантивированного местоимения

Полноценное определение личное местоимение может принимать в случае частичной субстантивации. Такая ситуация наблюдается:

- В философской, психологической и лингвистической литературе:

(62)

yah to bhrānti vālā māi hai
 это то **ошибка** REL.M.SG **я** быть.PRES.3.SG

«Это же ошибочное “я”» [Āptavāṇī: 257].

- При указании на предмет в альтернативных обстоятельствах (в альтернативный временной период).

Хинди:

(63)

nae vakt aur purāne ham
 новый.M.PL время и **старый.M.PL** **мы**

«Новые времена и старые мы» [Sobṭī].

Бенгальский:

(64)

se-i sudūr chelebelāy āmi e-i ekhankār
 тот-EMPH далекий детство.LOC **я** этот-EMPH **нынешний.GEN**

‘āmi’ke ki kalpanā-o karte pārtum?
я.ACC Q предположение-EMPH делать мочь.НАВИТ.1

«В том далеком детстве разве я мог бы представить себе этого теперешнего меня?» [Basu B:152].

(65)

āmi ār purāno se-i āmi nei
я еще **старый** тот-EMPH **я** нет

«Я уже не тот прежний я» [Piṅās].

Заключение

Нами были рассмотрены различные типы атрибутивных моделей, по которым в хинди и бенгальском языке образуются конструкции с опорным словом-местоимением. Такие структуры до сих пор не получили систематического описания в исследованиях, однако анализ текстового материала на обоих языках показал, что они довольно популярны и разнообразны. Практически все они имеют эквиваленты в обоих языках и различаются ввиду специфики грамматики и синтаксиса каждого из них.

Особенностью бенгальского можно считать образование уточняющих структур типа «личное местоимение в прямом падеже + неопределенное местоимение», а также возможность использования конструкции «соотносительное местоимение + неопределенное местоимение» вне сложных предложений с определительным придаточным.

Можно также заметить, что хинди демонстрирует большую свободу в отношении порядка слов в определительных и дополнительных конструкциях, в то время как бенгальский допускает вариативность в расположении приложения. Вопрос порядка слов в конструкции «другой + неопределенное местоимение» нуждается в дополнительном исследовании,

поскольку сведения, содержащиеся в словарно-справочной литературе, не находят полного подтверждения в реально существующих текстах.

Ряд прономинальных моделей демонстрируют тенденцию к реализации в определенных контекстуальных условиях и имеют ограничения по употреблению.

Использованные сокращения

ACC — аккузатив
 COLL — собирательное
 CVB — конверб (деепричастие)
 DAT — датив
 DEF — определенный
 EMPH — эмфатическая частица
 F — женский род
 FUT — будущее время
 GEN — генитив
 HON — уважительный
 IPFV — несовершенное причастие
 IPV — императив
 M — мужской род
 NOM — номинатив
 NEUT — нейтральный
 OBL — косвенный
 OPT — оптатив
 PAST — ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ
 PF — ПЕРФЕКТ (ВРЕМЯ)
 PFV — СОВЕРШЕННОЕ ПРИЧАСТИЕ
 PL — МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО
 PRES — НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ
 Q — ВОПРОСИТЕЛЬНАЯ ЧАСТИЦА
 SG — ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Источники иллюстративного материала

2. Abhāginī. Facebook page <https://is.gd/b3Uf14> (дата обращения: 29.11.2021).
3. Āptavāṇī. Śreṇī 14, bhāg 1. — Dādā Bhagvan Foundation, 2019.— 352 p.
4. Āraśī. Nutan. <https://is.gd/zqYDs2> (дата обращения: 29.11.2021).
5. Ārigapūḍi. Caritravāna. — Bihār Granth Kuṭīr, 1966.— 230 p.
6. Bandyopādhyāy Ś. Tomār patākā. — Śaṅkar Prakāśan, 1975.— 390 p.
7. Basu B. Daśṭi upanyās. Manēr mata mēyē — Kalakātā: Dēja pābalīśir. — 670 p.
8. Basu R. Paraśurām galpasamagra. Mudrā o manēr sabhyatā. — M. C. Sarkar & Sons Pvt Ltd, 1969.— 832 p.
9. Bhadbhade S. Parasmaṇi. — Prabhat Prakashan, 2009.— 343 p.
10. Bhaṭṭacārya D. Pañch katha. — Sristisukh Prokashan LLP, 2015.— 236 p. <https://is.gd/cLGHJ2> (дата обращения: 29.11.2021).
11. Bhuiyan A. S. Sahaj Quran. 1 kh. — Dhaka: Adarsha, 2020.
12. Bibekānand S. Sbāmījīr bāṇī o racanā. 7 kh. Kabitā. — Kalikātā: Udbodhan kāryālay, 1367.— 481 p.
13. Byāṅgāci. Byāṅer chātār bijñān prakāśita. Samudra. Sēpṭēmar 2020. <https://is.gd/1QnRPI> (дата обращения: 29.11.2021).

14. *Chakalaka A.* Quest in Politics, 1969–2001: Political Letters in English & Poems in Hindi.— 2001.— 120 p.
15. *Chattōpādhyāy Ś.* Pather dābī. Digital edition by editionNEXT.com. 496 p. <https://is.gd/4sULny> (дата обращения: 29.11.2021).
16. Deś. 35 kh. 2 ank. — Ānandabājār patrikā grup, 1968.
17. Dhākāy klāb sanskr̥ti, mad, juṃyā niṃe sansade bitarke anśa neṃyā empirā kī cāichēn. 17 Jun 2021. <https://is.gd/eBjLsO> (дата обращения: 29.11.2021).
18. Diamond Horoscope 2016: Aries. <https://is.gd/szTYnY> (дата обращения: 29.11.2021).
19. *Dvivedī M.* Mahāvīraprasād Dvivedī racanāvalī. 8 kh. — Kitāb Ghar, 1995.
20. *Gaṅgopādhyāy S.* 25ṭi śrēṣṭha kiśor galpa. — Parul Prakashani Pvt Ltd, 2013.— 232 p.
21. *Ghaṭak A.* Atanur śumṃyōpōkā. — Kalkātā: Dīp prakāśan, 2018.— 632 p.
22. *Ghoṣ G.* Giriś racanābālī: samagra racanābālī, Volume 2. — Sāhitya Saṃsad, 1969.
23. *Huq R.* Alokto. — USA: Dream Books L. L.C.— 157 p.
24. Indraprasth bhāratī: hindī akādāmī kī traimāsik sāhityik patrikā. 18 kh. — Dillī: Hindī Akādāmī, 2006.
25. *Joharī K. N.* Ham svāsth kaise rahē. — Prabhat Prakashan, 2021.— 138 p.
26. Journal of the Department of Letters. 22 kh. — Calcutta: Calcutta University Press, 1932.
27. Kahānī. 6 kh. — Sarasvatī Pres.
28. *Kaśyap O. P.* Sonmachālī aur harī sīp. — Ālekh Prakashan, 2008.— 166 p.
29. *Khān M.B.A.* Māsikā Mohāmmadī. 34 kh. 1963.
30. Kiśor bhāratī 1426. Patra Bharati 2019. <https://is.gd/LA1552> (дата обращения: 29.11.2021).
31. Kiśor bhāratī 2021: Mahabharat E Nei. Patra Bharati 2021. <https://is.gd/I5c1iW> (дата обращения: 29.11.2021).
32. *Kovaprat P.* Hindī dalit sāhitya kā vikās. — Vani Prakashan, 2016.— 212 p.
33. Lāos — “sōnār” mandir eban manoram grāmagulir dēś. <https://is.gd/u5LKTJ> (дата обращения: 29.11.2021).
34. *Miśr B.* MaīBhīsm bol rahā hū. — Rajpal & Sons, 2005.— 216 p.
35. *Miśr R.* Ghumtā huā āinā. — Alekh Prakashan, 2008.— 280 p.
36. Muhabharut. 2 kh. Beng. ed.: Turkulunkar J. G., Dās K. — Serampore Press, 1836.— 521 p.
37. *Mukhopādhyāy B.* Bibhūtibhūṣaṇ Mukhopādhyāy racanābālī, Volume 12. — Mitra o Ghosh pābliśārs, 1973.
38. Navanīta. Kh. 22. — Bhāratīya Vidyā Bhavan, 1973.
39. *Nīlkaṇṭhan A.* Kali kā uday: Duryodhan kī Mahābhārat. — Manjul Publishing House, 2016.— 462 p.
40. Pānch Kathā: A Collection of Novels. Ed. by Bhattacharya D. — Śrīṣṭisukh Prakāśan LLP, 2015.— 235 p.
41. *Piyās B.* Āmi ār āger āmi nei. <https://is.gd/GIGIAe> (дата обращения: 29.11.2021).
42. *Prasād J.* Prasād ke sampūrṇ nāṭak evam ekāṅkī. — Lokbharti Prakashan, 2008—792 p.
43. *Priyamvadā U.* Rasran khambhe lāl dīvārē. — Rajkamal Prakashan, 2009—156 pages.
44. *Raghuvamś.* Vah alag vyakti. — Neśanal Pabliśiṅg Hāus, 1990.— 281 p.
45. Samanya Adhyayan. 23 Varsh CSAT. IAS Prarambhik Topic-wise Solved Papers (1995–2017). 7th edition. — Disha Publications, 2017.— 584 p.
46. *Śams-ud-dīn A. Z.* Bhāoṃyāla gaṛer upākhyān. 1 kh. — Upāyana Prakāśanī, 1963.— 442 p.
47. Sangīt. 55 kh. — Saṅgīta Kāryālaya, 1989.
48. Sārikā. 23 kh. — Tāims āf Inḍiyā Pres, 1983.
49. *Śarmā V.* Cinema aur sāhitya nāzī yatna śivirō kī trasad gāthā. — Vani Prakashan, 2019—256 p.
50. Sarvagatānanda S. Tum paramahaṃs ho jāoge. — Nagpur: Ramakrishna Math, 2018.— 95 p.

51. *Seely C. B.* Intermediate Bangla. Digital edition, 2006. <https://is.gd/X78npa> (дата обращения: 29.11.2021).
52. *Simgh P.* Ajāne melō mē. — Hind Yugm, 2014–208 p.
53. *Sobṭī K.* Samay sargam. — Rajkamal Prakāśan, 2021.— 158 p.
54. Tagbag utsab saṅkhyā 1424: A Juvenile Magazine Tagbag. <https://is.gd/K9ooyP> (дата обращения: 29.11.2021).
55. *Tilak Ś.* Yugpuruṣ. Gaṇeśsaṅkar vidyārthī. Vyaktitva aur kṛtitva. — Prabhat Prakāśan, 2013.— 539 p. <https://is.gd/K8X0Vy> (дата обращения: 29.11.2021).
56. *Varmā V.* Mṛganayanī. — Diamond Pocket Books (P) Ltd., 2003—268 p.
57. *Viśvanāth K.* Elementary Hindi Reader. — New Saraswati House, 2016.— 67 p.
58. *Yādav A.* Do rupaye aur do muṭṭhī cāval.— 2020.— 126 p.

Словари и справочники

1. *Kapūr B.* Hindī prayog koś / В. Kapūr. — Ilāhābād: Lokbhārtī Prakāśan, 2006.— 320 p.

Список литературы

1. Быкова Е. М. Бенгальский язык / Е. М. Быкова. — М.: Наука, 1966.— 141 с.
2. Гузев В. Г. Функциональный синтаксис современного турецкого языка: учебное пособие / Аврутина А. С., Гузев В. Г. — СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2013.— 72 с.
3. Дымарский М.Я. К типологии синтаксических связей (на материале русского языка) / М. Я. Дымарский // Проблемы функциональной грамматики. Принцип естественной классификации / Отв. ред.: А. В. Бондарко, В. В. Казаковская. — М.: Языки славянской культуры, 2013.— 512 с.
4. Захарьин Б. А. Типология языков Южной Азии / Б. А. Захарьин. — М.: ЛКИ, 2007.— 192 с.
5. Зограф Г. А. Бенгальский язык / Г. А. Зограф, Е. Р. Крючкова, Ю. В. Мазурова // Языки мира: Новые индоарийские языки / Ред. колл.: Т. И. Оранская, Ю. В. Мазурова, А. А. Кибрик, Л. И. Куликов, А. Ю. Русаков. — М.: Academia, 2011.— 896 с.
6. Зограф Г. А. Хинди язык / Г. А. Зограф, Т. И. Оранская // Языки мира: Новые индоарийские языки / Ред. колл.: Т. И. Оранская, Ю. В. Мазурова, А. А. Кибрик, Л. И. Куликов, А. Ю. Русаков. — М.: Academia, 2011.— 896 с.
7. Костина Е. А. Теоретическая грамматика языка хинди: морфология знаменательный частей речи: учебное пособие / Е. А. Костина. — СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018.— 308 с.
8. Ульциферов О. Г. Словосочетания в хинди / О. Г. Ульциферов. — М.: Наука, 1971.— 352 с.
9. Чернышев В. А. Синтаксис простого предложения в хинди / В. А. Чернышев. — М.: Наука, 1965.— 232 с.
10. *Gangopadhyay M.* The Noun Phrase in Bengali: Assignment of Role and the Kāraka Theory / M. Gangopadhyay. — Delhi: Motilal Banarsidass, 1990.— 357 p.
11. *Pāṇḍe H.* Samasāmayik hindī vyākaraṇ / H. Pāṇḍe. — Dillī: Granthlok, 2012.— 248 p.
12. *Sahāy C.* Hindī padvijñān / C. Sahāy. — Āgrā: Kumār prakāśan, 2007.— 608 p.
13. *Sinha B. K.* Contrastive Analysis of English and Hindi Nominal Phrase / B. K. Sinha. — Bahri Publications, 1986—194 p.
14. *Thompson H. R.* Bengali. A comprehensive Grammar / H. R. Thompson. — New York: Routledge, 2010.— 774 p.

References

1. Bykova E. M. *The Bengali Language*. Moscow, Nauka Publ., 1966. 141 p. (In Russian)
2. Guzev V.G., Avrutina A. S. *Functional Syntax of the Turkish Language*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2013. 72 p. (In Russian)
3. Dymarskii M. Ia. On the Typology of Syntactic Relations (evidence from Russian). *Problemy funkcional'noi grammatiki. Printsip estestvennoi klassifikatsii*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2013. 512 p. (In Russian)
4. Zakhar'in B. A. *Typology of South Asian Languages*. Moscow, LKI Publ., 2007. 192 p. (In Russian)
5. Zograf G.A., Kriuchkova E. R., Mazurova Iu. V. *The Bengali Language. Iazyki mira: Novye indoariiskie iazyki*. Moscow, Academia Publ., 2011. 896 p. (In Russian)
6. Zograf G.A., Oranskaia T. I. *The Hindi Language. Iazyki mira: Novye indoariiskie iazyki*. Moscow, Academia Publ., 2011. 896 p. (In Russian)
7. Kostina E. A. *Theoretical Grammar of the Hindi Language: Morphology of Content Words*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2018. 308 p. (In Russian)
8. Ul'tsiferov O. G. *Hindi Phrases*. Moscow, Nauka Publ., 1971. 352 p. (In Russian)
9. Chernyshev V. A. *The Syntax of Simple Sentences in Hindi*. Moscow, Nauka Publ., 1965. 232 p. (In Russian)
10. Gangopadhyay M. *The Noun Phrase in Bengali: Assignment of Role and the Kāraka Theory* Delhi: Motilal Banarsidass Publ., 1990. 357 p.
11. Panḍe H. *Modern Hindi Grammar*. Delhi, Granthlok Publ., 2012. 248 p. (In Hindi)
12. Sahay C. *Hindi Phrases*. Agra, Kumar Prakashan Publ., 2007. 608 p. (In Hindi)
13. Sinha B. K. *Contrastive Analysis of English and Hindi Nominal Phrase*. Bahri Publ., 1986. 194 p.
14. Thompson H. R. *Bengali. A Comprehensive Grammar*. New York: Routledge Publ., 2010. 774 p.

Информация об авторах

Екатерина Александровна Костина — старший преподаватель, кафедра индийской филологии, Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет.

Email: e.kostina@spbu.ru

Ева Павловна Лекарева — магистрант (2 курс), Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет.

Email: st064276@student.spbu.ru

Authors' Information

Ekaterina A. Kostina — MA, Senior Lecturer, Department of Indian Philology, Faculty of Asian and African Studies, Saint Petersburg State University.

Email: e.kostina@spbu.ru

Eva P. Lekareva — MA student, Faculty of Asian and African Studies, Saint Petersburg State University.

Email: st064276@student.spbu.ru

УДК 811.581

А.Н. Сбоев

Дальневосточный федеральный университет

Стратегии планирования речи в китаеязычной интернет-рекламе

Аннотация: Целью работы является выявление коммуникативных стратегий и тактик, используемых ведущими рекламных прямых эфиров в китайском интернет-пространстве. Материалом исследования послужили прямые трансляции популярных в Китае ведущих прямых эфиров Ли Цзяци (李佳琦/Остин Ли) и Вэйя (薇娅/Viya). Было исследовано семь рекламных видеороликов и прямых трансляций Вэйя, размещённых на платформе YouTube и Bilibili, общей продолжительностью 5 часов 47 минут, а также шесть видео прямых эфиров Ли Цзяци, размещённых на платформе Youtube, общей продолжительностью 7 часов 18 минут. Основными методами исследования стали коммуникативно-прагматический и описательный. Новизна исследования заключается в том, что работ, посвященных речевому воздействию в интернет-рекламе, реализуемой через прямые трансляции, крайне мало, тем не менее популярность таких стримов в Китае, как показывают ежегодные статистические отчеты, возрастает с каждым годом, а ведущие подобных прямых эфиров имеют многомиллионное количество фанатов, готовых покупать любой товар, рекламируемый их кумиром. В ходе работы были выявлены следующие коммуникативные стратегии, применяемые ведущими прямых эфиров: стратегия стимулирования к действию, реализуемая тактиками ограничения количества времени или товара и тактикой предложения очевидной выгоды; стратегия эмоционального воздействия, реализуемая через тактику сближения, тактику навязывания и тактику обращения к личному опыту; стратегия выражения преимущества, реализуемая через тактику открытого и скрытого сравнения, а также тактику представления достоверных фактов. Синтаксический анализ выявил, что Вэйя и Ли Цзяци в основном употребляют короткие нераспространенные предложения для описания характеристик товара и эффекта от его использования. Библиография: 40 наименований.

Ключевые слова: стратегическое планирование речи, речевые стратегии, речевые тактики, интернет-реклама, стримы, блогер Viya, блогер Austin Li

Aleksandr N. Sboev
Far Eastern Federal University

Speech planning strategy in Chinese web advertising

Summary: The purpose of the paper is to identify communication strategies and tactics used by Chinese e-commerce livestream salespersons. The materials of the study are the livestreams of the popular streamers in China as Li Jiaqi (李佳琦 / Austin Li) and Weiya (薇娅 / Viya). Seven of Weiya's advertising videos and livestreaming posted on YouTube and Bilibili, totaling 5 hours and 47 minutes, and six Li Jiaqi videos posted on Youtube, totaling 7 hours and 18 minutes, were examined. The main research methods are communicative-pragmatic and descriptive methods. The novelty of the study lies in the fact that there are very few works devoted for speech impact in e-commerce livestreaming; nevertheless, the popularity of such streams in China, as annual statistical reports shows, is constantly increasing, and live broadcasts hosts have a million number of fans who are ready to buy any product advertised by their idol. Through the research, we identified such communication strategies, used by the live streamers, as the strategy of action stimulation, implemented by tactics of limiting time or limiting an amount of goods, tactics of offering obvious benefits; the strategy of emotional impact, implemented through the tactics of rapprochement, tactics of imposition and tactics of referring to personal experience; the strategy of expressing advantage, implemented through the tactics of explicit and implicit comparison, as well as the tactics of presenting reliable facts. The parsing revealed that Weiya and Li Jiaqi mostly use short, uncommon sentences to describe the characteristics of a product and the effect of its use. (Refs 40.).

Keywords: speech planning strategy, speech strategy, speech tactics. Web advertising, stream, blogger Viya, blogger Austin Li

Введение

Быстрое развитие интернет-экономики, развитие платформ, на которых возможна трансляция прямых эфиров, а также распространенность программ для публикаций коротких видео дало многим людям возможность самим быть по ту сторону экрана, в тоже время у массовых потребителей появился новый канал, через который они могут узнать информацию о товарах и брендах. Электронная коммерция через прямые эфиры началась с рекламирования товаров интернет-знаменитостями, в последние годы данный вид коммерции развивается быстрыми темпами и обретает все больший масштаб, особенно в Китае. Новым путем завоевания доверия покупателей именно благодаря продажам в прямых эфирах является возможность взаимодействия покупателя и продавца в режиме реального времени, клиенты могут задавать вопросы в чате и тут же получать на них ответы [Guo et al. 2021: 1719]. Современные потребители не идут слепо за известным брендом, а выбирают только тот товар, который подходит именно им, таким образом, те, кто выступает ведущим в прямых эфирах, где рекламируются товары, не просто управляют мнением потребителей, но и получают доверие со стороны потребителей в связи с тем, что владеют большой информацией о товаре и бренде, в полной мере разбираются в специализации товаров. Такие люди становятся главным влияющим на выбор товара фактором потребителей, поэтому необходимо изучение речевых стратегий, с помощью которых они добиваются нужного результата.

Постановка проблемы. Реклама в интернете является одним из активно развивающихся типов рекламного дискурса, который характеризуется различием жанров, требующих специфический набор ключевых слов и использованием риторических средств. Исследуемая в данной работе реклама в прямых эфирах (стримах) китайских блогеров ставит перед собой задачу сформировать у зрителей убеждение в необходимости приобрести именно этот товар или товар этого бренда.

Чэн Чжичао и Чжан Исинь отмечают, что в связи с тем, что прямые трансляции, основываясь на высокой аутентичности, интерактивности и наглядности платформы используются для демонстрации того, как создаются и используются продукты, для демонстрации различных характеристик продукта, для ответа на вопросы клиентов в режиме реального времени и для организации мероприятий, которые развлекают и привлекают клиентов к покупке, поэтому факторы, влияющие на покупательское поведение пользователей, обязательно будут отличаться от традиционных реклам не в режиме прямых трансляций [Cheng 2020: 195].

Покупки в прямом эфире — это новое явление социальной коммерции с типичными коммерческими и социальными характеристиками. В прямом эфире продавцам разрешается раскрывать свои лица, офисы / дома и личности (то есть социальное присутствие), обеспечивая реальное межличностное взаимодействие между покупателями и продавцами в онлайн-мире [Chen 2021: 4]. Новые характеристики рекламы в прямом эфире предполагают и новые речевые стратегии для стимулирования продажи товара, ставшие предметом данного исследования.

История вопроса. Существуют десятки работ в области электронной коммерции [Zeithaml 1988; Childers, Carr, Peck, Carson 2001; Chiu, Wang, Fang, Huang 2014; Huang, Benyoucef 2013; Zhang, Benyoucef, 2016], в которых исследовались факторы, влияющие на поведение потребителей, такие как характеристики платформы (например, простота использования, качество системы), продукта (например, качество продукта, цена), продавца (например, репутация, качество обслуживания) и потребителя (например, сознание бренда / качества и полезность). Другие исследователи отмечали, что у прямой трансляции есть свои новые характеристики, она может работать, создавая временное виртуальное

сообщество, которым в режиме реального времени пользуются вещательные компании и обычные зрители [Zhou, Ding, Wang 2019].

Маркетинговые стратегии в прямых эфирах изучались с точки зрения стратегий «четырёх I (Individuality, Interests, Interaction, Interesting)» [Хэ, 2020] и «пяти T (Talkers, Topics, Tools, Taking part, Tracking)» [Гуань, 2019], а также в зависимости от организации взаимодействия ведущего прямого эфира со зрителями [Guo, Hu, Lu Ma 2021; Davison, Ou 2008], кроме того, проводился анализ путей неречевого воздействия на покупателя [Ma 2021; Guo, Zhang, Wang 2022; Дин, 2020; Лю, 2021].

Теоретической базой в области речевого воздействия послужили труды отечественных и зарубежных ученых, таких как Стернин И. А. [Стернин, 2001], Иссерс О. С. [Иссерс, 2008], Шелестюк Е. В. [Шелестюк, 2014], Блакар Р. М. [Блакар, 1987], Клюев Е. В. [Клюев, 1998], ван Дейк Т. А. [ван Дейк, 2000].

Однако работ, посвященных речевому воздействию в интернет-рекламе, реализуемой через прямые трансляции, крайне мало. Данные исследования проводили Су Боя [Су, 2020], Чжан Лу [Чжан, 2019], Ли Яньди [Ли, 2021], Цянь Лина, Ши Дань [Цянь, 2021], Тан Лоуминь [Тан, 2020], Хуан Хайянь, Ян Бломмарт, Эллен ван Прает [Huang et al. 2020].

Материал исследования. Материалом для данного исследования послужили прямые трансляции популярных в Китае ведущих стримов (прямых эфиров) Ли Цзяци (李佳琦/Остин Ли) и Вэйя (薇娅/Viya). Было исследовано семь рекламных видеороликов и прямых трансляций Вэйя, размещённые на платформе YouTube и Bilibili, общей продолжительностью 5 часов 47 минут, а также шесть видео прямых эфиров Ли Цзяци, размещённых на платформе Youtube, общей продолжительностью 7 часов 18 минут.

Методы исследования. Основными методами исследования стали коммуникативно-прагматический и описательный.

О понятии «речевая стратегия»

В нашей работе мы берем за основу теорию коммуникативных стратегий и тактик О. С. Иссерс, согласно которой речевой стратегией является «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс, 2011: 182]. Тем не менее, определение И. Н. Борисовой нам кажется более полным, по ее мнению, коммуникативная стратегия — это способ реализации замысла, она предполагает отбор фактов и их подачу в определенном освещении с целью воздействия на интеллектуальную, волевою и эмоциональную сферу адресата [Борисова, 1999: 85]. Говоря о понятии «речевая тактика» мы опираемся на определение И. В. Труфановой, согласно исследователю, речевая тактика представляет собой «приём реализации речевой стратегии» [Труфанова, 2001: 61].

Мы также согласны с А. В. Тюриным, который утверждает, что стратегии коммуникативного воздействия в рекламе включают «приемы выбора, структурирования и подачи в сообщении информации о рекламируемом объекте, подчиненные целям коммуникативного воздействия, выгодного для продвижения этого объекта на рынке» [Тюрин, 2005: 27].

Развитие стриминга в Китае

Согласно статистическим данным, в 2020 г. количество тех, кто смотрит прямые эфиры в Китае, выросло до 524 миллионов, темпы роста превысили 9,2% [Чэнь, 2020: 92]. На июнь 2020 г. в Китае уже насчитывалось 562 млн. стримеров, что составляет около 60% всех интернет-пользователей [Guo et al. 2022: 1]. Согласно отчету Информационного центра интернет-инфраструктуры Китая (CNNIC) по состоянию на декабрь 2020 г. в Китае насчитывалось 617 млн. стримеров, они составляют 62,8% всех пользователей

Сети. Тех, кто ведет прямые эфиры по продажам, насчитывается 388 млн., что больше на 123 млн. по сравнению с мартом 2020 г. (39,2% всех пользователей Интернета) [Лю, 2021: 27].

Согласно экологическому отчету о живой электронной коммерции в Китае за 2020 год, показатель GMV живой электронной коммерции в Китае (например, Taobao, Kuaishou и TikTok) радикально вырос в 2017–2019 годах [Wang et al. 2021]. В 2019 году доход от прямой трансляции электронной торговли достиг 433,8 миллиарда китайских юаней (61,4 миллиарда долларов), а в 2020 году этот показатель, по прогнозам, удвоится [Huang et al. 2020: 305].

О Ли Цзяци и Вэйя

Ли Цзяци имеет официальные аккаунты на таких платформах, как Taobao, Douyin, Sяохуншу, Вэйбо и Вэйсинь. Он начал вести трансляции на Taobao с 2017 года и с тех пор привлек миллионы подписчиков на своих прямых трансляциях [Huang et al. 2020: 310]. На этой платформе он ведет основные трансляции, обычно они длятся свыше двух часов, на которых представляет разнообразные группы товаров. На платформах Douyin и Sяохуншу выкладываются короткие ролики, где Ли четко и быстро описывает преимущества товара. На платформах Вэйбо и Вэйсинь Ли Цзяци главным образом привлекает зрителей различными призами и акциями при продаже товаров.

По данным консалтинговой компании iResearch в 2019 г. Ли Цзяци был первым в рейтинге лидеров мнений по товарам для ухода за кожей и косметике на площадке Douyin и восьмым на платформе Taobao [Су, 2020: 16]. Сейчас у Ли Цзяци количество подписчиков на платформе Douyin превышает 44 млн., а в Вэйбо — более 30 миллионов.

В 2018 году Ли продал 15 000 помад за 5 минут, победив основателя Alibaba Джека Ма в соревновании по продажам один на один. В 2019 году он установил рекорд Гиннеса, накрасив помадой губы четырех моделей всего за 30 секунд [Темирханова, 2021]. В 2019 г. во время стрима по случаю Дня холостяка (11 ноября) на платформе Taobao каждый час Ли Цзяци смотрели в среднем 530603 человек [Фань, 2020: 95].

Другой популярный стример Вэйя в мае 2016 г. вошла на площадку Taobao, а уже в 2019 г. сумма ее продаж превысила 2,3 млрд. юаней, рекорд по одновременному просмотру ее прямого эфира составил 43,1 млн. человек [Инь, 2021: 164]. В 2019 г. Вэйя продала товаров на сумму 500 млн. юаней, что выше общей суммы проданных ей товаров в дни распродаж 11 ноября и 12 декабря в 2018 г. [Ван, 2020: 51]. В 2020 г. в начале старта продаж по случаю Дня холостяка 20 октября Вэйя продала товаров на сумму 3,521 млрд. юаней, а ее стрим посмотрело всего почти 87 млн. человек [Инь, 2021: 165]. Сейчас у Вэйя более 18 млн. подписчиков в Вэйбо.

В 2020 г. в День холостяка на платформе Taobao было заключено сделок на сумму более 40 млрд. юаней, а Ли Цзяци и Вэйя сделали продажи на 19,37 млрд. от этой суммы [Guo et al. 2022: 1].

В 2021 г. трансляция Ли Цзяци длилась 12 часов, собрала почти 250 миллионов просмотров и привела к сбоям в работе Taobao. В итоге Ли продал товаров на сумму 10,7 млрд. китайских юаней (1,7 млрд. долларов). Вэйя в этот день продала товаров на сумму около 8,3 миллиарда китайских юаней (1,25 миллиарда долларов) за свой 14-часовой эфир [Темирханова, 2021].

Анализ материала и результаты исследования

Хотя Ли Цзяци иногда рекламирует и туалетную воду, и тональный крем, но все-таки основным его товаром является помада. Ли Цзяци представляет товар, описывая упаковку,

цвет, свойства и т.д., пытаясь оптимально рассказать о преимуществах товара, дает полное представление о товаре зрителям. Сфера косметики и товаров по уходу за кожей представляет широкий спрос на рынке и Ли Цзяци занял эту нишу [Гуань, 2019: 57]. Ван Жуньцзинь отмечает, что удивляет зрителей то, что Ли Цзяци знает информацию, особенности и преимущества каждой продаваемой помады, хоть их было уже около десяти тысяч. Он знает о них больше, чем 99% его женской аудитории [Ван, 2020: 52].

Вэйя также рекламирует широкий спектр товаров, она придерживается принципа «качество товара превыше всего», таким образом она рекомендует только те товары, которые считает хорошими, независимо от бренда [Ван, 2020: 52].

Вэйя и Ли Цзяци в стримах следуют трем шагам: представление товара, разыгрывание лотереи и стимулирование продаж. В первую очередь они должны как следует представить товар, рассказав о его достоинствах [Ли, 2021: 117].

Ведущие во время стрима не только профессионально представляют бренд, свойства товара и то, для кого этот товар подходит, но и дают разные рекомендации различным группам потребителей, делятся знаниями о средствах по уходу за кожей и косметике [Хэ, 2020: 13].

Го Линъюнь, Ху Сяюй и Ма Лин вслед за рядом ученых утверждают, что доверие клиентов к продавцу существенно влияет на доверие к бренду. В Китае гармоничные отношения покупателя с продавцом являются основой онлайн-бизнеса. На примере подписчиков Ли Цзяци исследователи отмечают, что из-за доверия к нему подписчики готовы наблюдать за ним почти каждую прямую трансляцию и покупать рекомендованные им продукты [Guo et al. 2021: 1725]. После установления доверительного контакта продавца со зрителями они будут уверены, что он не обманет их ради выгоды, а дополнительная информация, которую он вводит, является реальной и полезной. Кроме того, покупатели будут думать, что продукт, который он показывает и рекомендует, будет таким же в реальной жизни и им подойдет [Guo et al. 2021: 1727].

Речевые стратегии ведущих рекламных стримов на примере Ли Цзяци и Вэйя

Ведущие стримов применяют **стратегию стимулирования к действию**, реализуемую главным образом через тактику ограничения количества времени или товара. Во время прямого эфира Вэйя и Ли Цзяци сначала представляет достоинства рекламируемого товара, а также выгодную цену, объявляют на ограниченное количество времени акцию «купи и получи подарок», в некоторых случаях ограничено не время, а количество подарков, что также стимулирует их к покупке [Хэ, 2020: 13]. Ма Инъюнь считает, что создаваемая таким образом конкуренция со многими другими потребителями может также добавить удовольствия к покупкам в режиме реального времени [Ма 2021b: 4]. Приведем примеры:

我们今晚所有的产品都是‘秒杀’，大家一定要把握时机，错过就没有了！ «Все сегодняшние товары по флеш-распродаже, не упустите шанс купить, если не купите сейчас, больше такого не будет».

还有货吗？没有啦？！大家抓紧下单，我们不会再补货了！ «Есть ли еще товар? Нет? Давайте быстрее делайте заказы, мы не будем больше добавлять товар!»

Данная стратегия реализуется также через тактику предложения очевидной выгоды:

原价89块钱，双十一价53块9，今天在我们直播间38块9，买一送一。 «Первоначальная цена 89 юаней, цена в день холостяка — 53,9 юаней, а если купить сейчас во время нашего прямого эфира, то цена 38,9 юаней, при покупке вторая — в подарок».

Стратегия эмоционального воздействия реализуется через тактику сближения, коммуникативный ход «создание круга своих». Использование специальных обращений к своим подписчикам у Вэйя и Ли Цзяци как 薇娅的女人们 ‘Женщины Вэйя’ и 所有女生 ‘Все девушки’ соответственно, а также частое использование местоимения 我们 ‘мы’ говорит о близости стримеров со своей аудиторией. Кроме того, ведущие стримов используют местоимение второго лица единственного числа, что, по мнению ряда исследователей, позволяет общаться с потенциальными клиентами напрямую и лично, способствуя установлению тесных отношений с аудиторией и укреплению доверия [Huang et al. 2020: 319]:

我们打开看一下。喔！ «Давайте мы откроем и посмотрим, вау!»

我讲你，你试一下。 «Я тебе говорю, ты попробуй».

然后油点你的脸上，它很好的吸收。 «Затем намажь немного на лицо, он [крем] очень хорошо впитывается».

Стратегия эмоционального воздействия реализуется через тактику навязывания:

两个字，买它。 «Два слова — купи ее».

真的要买，一定要买。 «Действительно нужно купить, непременно нужно купить».

Данная тактика нередко реализуется через коммуникативный ход «повтор»:

买它买它买它。 «Купи, купи, купи».

Как отмечает Тан Лоуминь, фраза 买它 ‘купи его/ее’ является одной из самых популярных в стримах Ли Цзяци, в исследуемых Тан Лоуминь видео данная фраза занимает 14% от всех сказанных фраз Ли Цзяци [Тан, 2020: 29].

Тем не менее, А. В. Тюрин замечает, что «призыв «Купи!», выраженный напрямую, то есть эксплицитно, будет интерпретирован реципиентом (потенциальным покупателем) как попытка навязать ему чужую волю, и, скорее всего, будет отвергнут» [Тюрин, 2005: 28].

Приведем пример использования хода «повтор» у Вэйя:

这瓶洗发水的去屑功效超强，我们拿到的是今年新款，有效成分增加了两倍，它的原价是 199。但是，只有今天，只有在我们的直播间里，它的价格是 69，而且还买一瓶送一瓶！我再讲一遍，这一瓶超强去屑洗发水，原价 199 一瓶，现在不仅买一瓶送一瓶，还送 6 件旅行套装，只要多少钱？ 69！ «Этот шампунь крайне эффективен против перхоти, в марке, которая представлена у нас сегодня, количество полезных элементов увеличено втрое. Изначальная цена — 199 юаней, но только сегодня, только в нашем прямом эфире его цена — 69 юаней, к тому же с покупкой одного флакона — второй в подарок. Я повторю еще раз, этот шампунь суперэффективен против перхоти, изначально цена — 199 юаней за флакон, кроме того, при покупке сейчас в подарок второй, а еще в подарок 6 дорожных наборов, сколько за это нужно? 69!»

Данная стратегия реализуется также через тактику обращения к личному опыту. Как отмечает Ма Инъюнь: «Предполагается, что опыт стримеров положительно влияет на восприятие потребителями качества услуг» [Ма, 2021a: 12]. Вэйя всегда сама тестирует продукт, говорит свое мнение о нем, отмечает преимущества товара.

Во время прямых эфиров Вэйя нередко упоминает своих родных, таким образом, у зрителей создается образ Вэйя как любящей свою семью, расчетливой соседке, рассказывающей о своей жизни, поэтому начинают доверять ей [Хэ 2020: 14]. Смотри прямой эфир Вэйя, складывается ощущение, что она делится своей жизнью со зрителями, это очень приближено к жизни, таким образом, достигается еще больший эффект [Чэнь, 2020: 92]. Приведем примеры реализации данной тактики:

这款面膜我有用过，而且我把它推荐给了我妈，我妈现在每天都在用。 «Эту маску для лица я тоже пробовала и рекомендовала ее своей маме, она сейчас каждый день пользуется».

我买了很多次。《Я покупала много раз》。

Ведущие стримов применяют **стратегию выражения преимущества** в основном через скрытое и открытое сравнение. Как отмечает О. А. Филиппова, тактика скрытого сравнения реализуется через использование слов «единственный», «уникальный», «сверхновый», «новинка», «первый», таким образом «создается представление о неповторимости предмета, рядом с которым все остальные подобные товары, лекарства или еще что-то представляются хуже, менее ценными или полезными» [Филиппова, 2011: 256]:

然后有链条包、独一无二的那个猫神链条包，今晚也到了。不过数量只有两线个。这个没办法这个数量只有两线个。《Также есть сумка на цепочке. Уникальная сумка с кошкой. Также в наличии сегодня вечером. Но в наличии только две сумки. Здесь ничего не поделаешь, есть только две сумки》。

这种颜色真的我第一次见过它。《Этот цвет, правда, я впервые его увидел》。

今晚有很多的新，比如说衣服今晚也有的，然后鞋子也有的。《Сегодня вечером [в прямом эфире] будет много новинок, например, из одежды, обуви》。

Приведем примеры реализации тактики открытого сравнения:

人间水蜜桃就是你。《Сладкий персик среди людей — это ты》。

涂上你就是张曼玉。《Нанеся ее (помаду), ты сразу будешь как Мэгги Чун》。

涂上它，你就像从王家卫电影里走出来的女主角。《Нанеся ее, ты будешь как главная героиня из фильмов Вонг Карвая》。

像画报里的女郎。《Как девушка с обложки глянцевого журнала》。

星空的嘴巴，我的嘴巴是钻石。《Губы звездного неба, мои губы — это бриллианты》。

Помимо тактики сравнения, стратегия выражения преимущества может реализовываться через тактику представления достоверных фактов. Результаты некоторых исследований показывают, что потребители склонны формировать благоприятное отношение к покупкам в прямом эфире, когда стримеры делают достоверные и убедительные заявления о товарах во время прямых трансляций [Ma, 2021a: 24]:

就是露得清的A醇。因为A醇的话是被公认为有效的抗衰老的一个成分。《Витамин А от Neutrogena. Потому, что витамин А признан эффективным ингредиентом против старения》。

В представленном примере Вэйя рекламирует крем для лица и в качестве главного аргумента озвучивает название ингредиента, входящего в состав продукта, который, как известно, выполняет множество важных функций в организме человека. Словосочетание *被公认为有效* ‘признан эффективным’ подразумевает, что в науке его эффективность против старения доказана — это должно сформировать у зрителя положительное мнение об этом продукте.

Что касается синтаксиса, то ведущие стримов используют простые, часто нераспространенные предложения, например:

这也太好看了吧。《Это тоже так красиво!》

好看到“爆炸”。《Бомбически красиво》。

不用想，买！《Не думай. Покупай!》

Такие простые фразы убеждают зрителей в том, что товар хороший и его нужно покупать. Проводимые ранее исследования показали, что рекламные сообщения, содержащие менее шести слов, запоминаются в три раза лучше, чем более распространенные по синтаксической структуре предложения [Дилтс, 1997: 46].

Статистические данные, сделанные Тан Лоуминь на основе 269 рекламных видео Ли Цзяци, показывают, что короткая фраза *Oh, my God* встречается в 134 из 269 видео. Остальные наиболее часто употребляемые фразы Ли Цзяци также крайне коротки: *OMG* (45%), *我的妈呀* ‘ой, мама моя’ (17%), *好好用哦* ‘очень-очень подходящий’ (16%), *买它* ‘купи его/ее’ (14%), *高级* ‘высокое качество’ (8%) [Тан, 2020: 29].

Заключение

Проведенное исследование показало, что выявленные речевые стратегии, такие как стратегия стимулирования к действию, реализуемая тактиками ограничения количества времени или товара и тактикой предложения очевидной выгоды; стратегия эмоционального воздействия, реализуемая через тактику сближения, тактику навязывания и тактику обращения к личному опыту; стратегия выражения преимущества, реализуемая через тактику открытого и скрытого сравнения, а также тактику представления достоверных фактов, характерны обоим ведущим прямым эфирам, ставших объектом нашего исследования.

Через тактику сближения и обращения к личному опыту ведущие стримов располагают к себе аудиторию, делая их своими друзьями, затем, через тактики представления достоверных фактов, открытого и скрытого сравнения описывают преимущества рекламируемых товаров, в заключении реализуя тактики предложения очевидной выгоды, навязывания и ограничения количества времени или товара заставляют зрителей купить товар, при этом сам зритель чувствует удовлетворение, так как успел выгодно приобрести стоящий товар.

В дальнейших исследованиях предстоит выявить другие речевые стратегии и тактики ведущих прямых эфиров на китайских интернет-площадках, а также провести их количественный подсчет для выделения тех, которые используются больше всего.

Список литературы

1. *Блакар Р.* Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. Благовещенск: Благовещенский гуманитарный колледж им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. — С. 88–125.
2. *Борисова И. Н.* Категория цели и аспекты текстового анализа // Жанры речи, № 2, 1999. — С. 81–85.
3. *ван Дейк Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация. Б.: БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — 312 с.
4. *Дилтс Р.* Изменения убеждений с помощью НЛП. М.: Независимая фирма «Класс», 1997. — 330 с.
5. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография: Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 288 с.
6. *Иссерс О. С.* Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов вузов 4-е изд. М.: Флинта, 2011. — 221 с.
7. *Клюев Е. В.* Речевая коммуникация. М.: ПРИОР, 1998. — 224 с.
8. *Стернин И. А.* Введение в речевое воздействие: монография. Воронеж, 2001. — 226 с.
9. *Темирханова Л.* Китайский «король губной помады» за 12 часов продал товаров на \$1,7 млрд. // NUR.KZ, 26.10.2021. <https://www.nur.kz/world/1938902-kitayskiy-korol-gubnoy-pomady-za-12-chasov-prodal-tovarov-na-17-mlrd/> (дата обращения: 10.11.2021).
10. *Труфанова И. В.* О разграничении понятий: речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика // Филологические науки. — 2001. — № 3. — С. 56–65.
11. *Тюрин А. В.* Косвенные коммуникативные стратегии в рекламе. Психолингвистический аспект речевого воздействия (на примере французской рекламы) // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2005. — № 3. — С. 24–36.
12. *Филиппова О. А.* О некоторых приемах эмоционального речевого воздействия в рекламе // Сервис в России и за рубежом. — 2011. — № 7(26). — С. 252–259.
13. *Шелестюк Е. В.* Речевое воздействие: Онтология и методология исследования: монография. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. — 344 с.

14. *Chen H., Zhang S., Shao B., Gao W., Xu Y.* How do interpersonal interaction factors affect buyers' purchase intention in live stream shopping? The mediating effects of swift guanxi // *Internet Research*, Vol. ahead-of-print No., 2021. DOI: 10.1108/INTR-05-2020-0252
15. *Cheng Z., Gu T., Zhang Y., Zhang Z.* The Application of Multimedia Computer Technology in Live-stream Shopping — From the Perspective of User's Purchasing Behavior // *Proceedings — 2020 International Conference on Computer Science and Management Technology, ICCSMT 2020.* — pp. 195–198. DOI: 10.1109/ICCSMT51754.2020.00046
16. *Childers, T. L., Carr, C. L., Peck, J., Carson, S.* Hedonic and utilitarian motivations for online retail shopping behavior // *Journal of Retailing*, 77(4), 2001. — pp. 511–535. DOI: 10.1016/S0022-4359(01)00056-2
17. *Chiu, C.-M., Wang, E.T.G., Fang, Y.-H., Huang, H.-Y.* Understanding customers' repeat purchase intentions in B2C e-commerce: The roles of utilitarian value, hedonic value and perceived risk // *Information Systems Journal*, 24(1), 2014. — pp. 85–114. DOI: 10.1111/j.1365-2575.2012.00407.x
18. *Davison R.M., Ou C. X.* Guanxi, knowledge and online intermediaries in China // *Chinese Management Studies*, 2 (4), 2008. — pp. 281–302. DOI: 10.1108/17506140810910935
19. *Guo L., Hu X., Lu J., Ma L.* Effects of customer trust on engagement in live streaming commerce: mediating role of swift guanxi // *Internet Research*, 31 (5), 2021. — pp. 1718–1744. DOI: 10.1108/INTR-02-2020-0078
20. *Guo Y., Zhang K., Wang Ch.* Way to success: Understanding top streamer's popularity and influence from the perspective of source characteristics // *Journal of Retailing and Consumer Services*. 64, 2022. DOI: 102786. 10.1016/j.jretconser.2021.102786.
21. *Huang H., Blommaert J., Van Praet E.* “oh my god! buy it!” a multimodal discourse analysis of the discursive strategies used by chinese ecommerce live-streamer austin li // *22nd International Conference on Human Computer Interaction, HCI 2020.* — pp. 305–327. DOI: 10.1007/978-3-030-60152-2_24
22. *Huang, Z., Benyoucef, M.* From e-commerce to social commerce: A close look at design features // *Electronic Commerce Research and Applications*, 12(4), 2013. — pp. 246–259. DOI: 10.1016/j.elerap.2012.12.003
23. *Ma Y.* Elucidating determinants of customer satisfaction with live-stream shopping: An extension of the information systems success model // *Telematics and Informatics*, 65, art. no. 101707, 2021. DOI: 10.1016/j.tele.2021.101707
24. *Ma Y.* To shop or not: Understanding Chinese consumers' live-stream shopping intentions from the perspectives of uses and gratifications, perceived network size, perceptions of digital celebrities, and shopping orientations // *Telematics and Informatics*, 59, art. no. 101562, 2021. DOI: 10.1016/j.tele.2021.101562
25. *Wang H., Ding J., Akram U., Yue X., Chen Y.* An Empirical Study on the Impact of E-Commerce Live Features on Consumers' Purchase Intention: From the Perspective of Flow Experience and Social Presence. *Information*, 12 (8), 324, 2021. DOI: 10.3390/info12080324
26. *Zeithaml V. A.* Consumer perceptions of price, quality, and value: A means-end model and synthesis of evidence // *Journal of Marketing*, 52(3), 1988. — pp. 2–22.
27. *Zhang K. Z., Benyoucef M.* Consumer behavior in social commerce: A literature review // *Decision Support Systems*, 86, 2016. — pp. 95–108. DOI: 10.1016/j.dss.2016.04.001
28. *Zhou J., Ding Y., Wang H.* The magic of danmaku: A social interaction perspective of gift sending on live streaming platforms // *Electronic Commerce Research and Applications*, 34, art. no. 100815, 2019. DOI: 10.1016/j.elerap.2018.11.002
29. *Чэнь Хуэйли, Мао Кэцзинь* 陈慧利, 毛可进 休闲食品网络直播营销策略研究——以百草味为例 // *现代营销(经营版)*, 06期, 2020. 第92–93页. [Исследование маркетинг-стратегий в прямых интернет-эфирах по продаже снежков (на примере компании Be & Cheery) // *Сяньдай инсяо (цзиньбинбань)*, № 8, 2020. С. 92–93] (на кит. яз.) DOI: 10.19921/j.cnki.1009-2994.2020.06.044
30. *Дин Цин* 丁倩 直播带货与网红营销策略研究 // *城市党报研究*, 11期, 2020. 第44–46页. [Исследование рекламы товаров в прямых эфирах и маркетинг-стратегии интернет-знаменитостей // *Чэнши данбао яньцзю*, № 11, 2020. С. 44–46] (на кит. яз.)
31. *Фань Хуэйцзе* 樊慧杰 消费主义视野下直播带货主播“人设”的塑造——以李佳琦为例 // *新媒体研究*, 20期, 2020. 第95–97页. [Формирование «персонального имиджа» ведущего прямой трансляции по рекламированию товаров с точки зрения консьюмеризма (на примере Ли Цзяци) // *Синьмэйти яньцзю*, № 20, 2020. С. 95–97] (на кит. яз.) DOI: 10.16604/j.cnki.issn2096-0360.2020.20.026
32. *Гуань Ятин* 关亚婷 基于5T模型分析网红口碑营销策略——以“口红一哥”李佳琦为例 // *新媒体研究*, 10期, 2019. 第56–58页. [Анализ маркетинг-стратегий интернет-знаменитостей на основе модели 5T (на примере «Короля губной помады» Ли Цзяци) // *Синьмэйти яньцзю*, № 10, 2019. С. 56–58] (на кит. яз.) DOI: 10.16604/j.cnki.issn2096-0360.2019.10.020
33. *Хэ Цзинпин* 何竞平 基于4I原则的直播电商营销策略 // *上海商业*, 8期, 2020. 第12–15页. [Маркетинговая стратегия электронной коммерции в прямом эфире на основе принципа 4I // *Шанхай шанье*, № 8, 2020. С. 12–15] (на кит. яз.)
34. *Ли Яньди* 李彦迪 语域理论视角下电商主播言语社区语言特征探析——以淘宝主播薇娅和李佳琦为例 // *视听*, 2021.2. 第117–118页. [Анализ языковых особенностей видеоблогеров сферы электронной коммерции с точки зрения теории языковых регистров (на примере блогеров на площадке Таобао Вэйя и Ли Цзяци) // *Шитин*, 2021.2. С. 117–118] (на кит. яз.) DOI: 10.19395/j.cnki.1674-246x.2021.02.058
35. *Лю Цзялян* 刘嘉量 带货主播的营销策略研究——以李佳琦、薇娅为例 // *全国流通经济*, 08期, 2021. 第27–29页. [Исследование маркетинговых стратегий представления товара ведущих прямых эфиров (на примере Ли Цзяци и Вэйя) // *Цюаньго люгун цзинци*, № 8, 2021. С. 27–29] (на кит. яз.) DOI: 10.16834/j.cnki.issn1009-5292.2021.08.008
36. *Цянь Лина, Ши Дань* 钱丽娜, 石丹 薇娅VS李佳琦,“货”真“价”实的较量 // *商学院*, 01期, 2021. 第43–45页. [Вэйя против Ли Цзяци, сравнение цен и товаров // *Шансюэюань*, № 1, 2021. С. 43–45] (на кит. яз.)
37. *Су Боя* 苏博雅 “李佳琦”个人品牌传播策略研究 // *硕士学位论文*, 苏州大学, 2020. 87页. [Исследование коммуникативных стратегий бренда «Ли Цзяци» // *Сучжоуский ун-т*, диссертация на соискание степени магистра, 2020. 87 с.] (на кит. яз.) DOI: 10.27351/d.cnki.gsztu.2020.000803
38. *Ван Жуньцзинь* 王润锦 基于淘宝直播的网络营销策略研究 // *现代商贸工业*, 30期, 2020. 第51–52页. [Исследование стратегий интернет-маркетинга на основе прямых трансляций на платформе Таобао // *Сяньдай шанмао гунье*, № 30, 2020. С. 51–52] (на кит. яз.) DOI: 10.19311/j.cnki.1672-3198.2020.30.023
39. *Инь Сяонань, Чан Минь* 尹晓楠, 常敏 电商直播品牌的构建与传播策略——以淘宝直播品牌“薇娅viya”为例 // *视听*, 2021.3. 第164–165页. [Построение бренда и коммуникативные стратегии в прямых эфирах электронной коммерции (на примере ведущего прямых трансляций на платформе Таобао «Viya» // *Шитин*, 2021.3, С. 164–165] (на кит. яз.) DOI: 10.19395/j.cnki.1674-246x.2021.03.074
40. *Чжан Лу* 张璐 1分钟售罄14000支口红,“口红一哥”李佳琦是怎么做到的 // *成功营销*, Z2期, 2019. 第56–57页. [Распродать 14000 помад за одну минуту, как это сделал «Король губной помады» Ли Цзяци // *Чэнгун инсяо*, № Z2, 2019. С. 56–57] (на кит. яз.)

References

1. Blakar R. Language as an instrument of social power. *Iazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeistviia*. Blagoveshchensk, Blagoveshchensk Humanitarian College I. A. Baudouin de Courtenay Publ, 1998, pp. 88–125. (in Russian)
2. Borisova I. N. Category of purpose and aspects of textual analysis. *Zhanry rechi*, no. 2, 1999, pp. 81–85. (in Russian)
3. van Dijk T. A. *Language. Cognition. Communication*. Blagoveshchensk, Blagoveshchensk Humanitarian College I. A. Baudouin de Courtenay Publ., 2000, 312 p. (in Russian)
4. Dilts. R. *NLP Belief Change*. Moscow, Nezavisimaia firma “Klass”, 1997, 330 p. (in Russian)
5. Issers O. S. *Russian Communicative Strategies and Tactics*: monography, 7-thed. Moscow, LENAND, 2008, 288 p. (in Russian)
6. Issers O. S. *Speech Persuasion*: Textbook for university students, 4-thed. Moscow, Flinta, 2011, 221 p. (in Russian)
7. Kliuev E. V. *Speech communication*. Moscow, PRIOR, 1998, 224 p. (in Russian)
8. Sternin I. A. *Introduction to speech impact*: monography, Voronezh, 2001, 226 p. (in Russian)
9. Temirkhanova L. Chinese “The King of Lipstick” sold \$1.7 billion worth of goods live in 12 hours. *NUR.KZ*, 26.10.2021. <https://www.nur.kz/world/1938902-kitayskiy-korol-gubnoy-pomady-za-12-chasov-prodal-tovarov-na-17-mlrd/> (date of access: 10.11.2021). (in Russian)
10. Trufanova I. V. On the differentiation of concepts: speech genre, speech strategy, speech tactics. *Filologicheskie nauki*, no.3, 2001, pp. 56–65. (in Russian)
11. Tiurin A. V. Indirect communication strategies in advertising. Psycholinguistic aspect of speech impact (on the example of French advertising). *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniia rechevoi deiatel'nosti*, no. 3, 2005, pp. 24–36. (in Russian)
12. Filippova O. A. On some techniques of emotional speech impact in advertising. *Servis v Rossii i za rubezhom*, no. 7 (26), 2011, pp. 252–259. (in Russian)
13. Shelestiuk E. V. *Speech impact. Ontology and methodology of research*: monography, 2nd ed. Moscow, FLINTA: Nauka, 2014, 344 p. (in Russian)
14. Chen H., Zhang S., Shao B., Gao W., Xu Y. How do interpersonal interaction factors affect buyers' purchase intention in live stream shopping? The mediating effects of swift guanxi. *Internet Research*, Vol. ahead-of-print No., 2021. DOI: 10.1108/INTR-05-2020-0252
15. Cheng Z., Gu T., Zhang Y., Zhang Z. The Application of Multimedia Computer Technology in Live-stream Shopping — From the Perspective of User's Purchasing Behavior. *Proceedings — 2020 International Conference on Computer Science and Management Technology*, ICCSMT 2020, pp. 195–198. DOI: 10.1109/ICCSMT51754.2020.00046
16. Childers, T. L., Carr, C. L., Peck, J., Carson, S. Hedonic and utilitarian motivations for online retail shopping behavior. *Journal of Retailing*, 77(4), 2001, pp. 511–535. DOI: 10.1016/S0022-4359(01)00056-2
17. Chiu, C.-M., Wang, E.T.G., Fang, Y.-H., Huang, H.-Y. Understanding customers' repeat purchase intentions in B2C e-commerce: The roles of utilitarian value, hedonic value and perceived risk. *Information Systems Journal*, 24(1), 2014, pp. 85–114. DOI: 10.1111/j.1365-2575.2012.00407.x
18. Davison R.M., Ou C. X. Guanxi, knowledge and online intermediaries in China. *Chinese Management Studies*, 2 (4), 2008, pp. 281–302. DOI: 10.1108/17506140810910935
19. Guo L., Hu X., Lu J., Ma L. Effects of customer trust on engagement in live streaming commerce: mediating role of swift guanxi. *Internet Research*, 31 (5), 2021, pp. 1718–1744. DOI: 10.1108/INTR-02-2020-0078
20. Guo Y., Zhang K., Wang Ch. Way to success: Understanding top streamer's popularity and influence from the perspective of source characteristics. *Journal of Retailing and Consumer Services*. 64, 2022. DOI: 102786. 10.1016/j.jretconser.2021.102786.
21. Huang H., Blommaert J., Van Praet E. “oh my god! buy it!” a multimodal discourse analysis of the discursive strategies used by chinese ecommerce live-streamer austin li. *22nd International Conference on Human Computer Interaction*, HCII 2020, pp. 305–327. DOI: 10.1007/978-3-030-60152-2_24
22. Huang, Z., Benyoucef, M. From e-commerce to social commerce: A close look at design features. *Electronic Commerce Research and Applications*, 12(4), 2013, pp. 246–259. DOI: 10.1016/j.elerap.2012.12.003
23. Ma Y. Elucidating determinants of customer satisfaction with live-stream shopping: An extension of the information systems success model. *Telematics and Informatics*, 65, art. no. 101707, 2021. DOI: 10.1016/j.tele.2021.101707
24. Ma Y. To shop or not: Understanding Chinese consumers' live-stream shopping intentions from the perspectives of uses and gratifications, perceived network size, perceptions of digital celebrities, and shopping orientations. *Telematics and Informatics*, 59, art. no. 101562, 2021. DOI: 10.1016/j.tele.2021.101562
25. Wang H., Ding J., Akram U., Yue X., Chen Y. An Empirical Study on the Impact of E-Commerce Live Features on Consumers' Purchase Intention: From the Perspective of Flow Experience and Social Presence. *Information*, 12 (8), 324, 2021. DOI: 10.3390/info12080324
26. Zeithaml V. A. Consumer perceptions of price, quality, and value: A means-end model and synthesis of evidence. *Journal of Marketing*, 52(3), 1988, pp. 2–22.
27. Zhang K. Z., Benyoucef M. Consumer behavior in social commerce: A literature review. *Decision Support Systems*, 86, 2016, pp. 95–108. DOI: 10.1016/j.dss.2016.04.001
28. Zhou J., Ding Y., Wang H. The magic of danmaku: A social interaction perspective of gift sending on live streaming platforms. *Electronic Commerce Research and Applications*, 34, art. no. 100815, 2019. DOI: 10.1016/j.elerap.2018.11.002
29. *Chen Huili, Mao Kejin* 陈慧利, 毛可进 Xiuxian shipin wangluo zhibo yingxiao celüe yanjiu — yi Baicaowei weili 休闲食品网络直播营销策略研究——以百草味为例 (Research on the Marketing Strategy of Snack Food Live Broadcasting——On Example of Be & Cheery). — *Xiandai yingxiao (jingyingban)*, Vol. 06, 2020. — pp. 92–93. (In Chinese) DOI: 10.19921/j.cnki.1009-2994.2020.06.044
30. *Ding Qing* 丁倩 Zhibo daihuo yu wanghong yingxiao celüe yanjiu 直播带货与网红营销策略研究 (Research on Live Broadcasting and Internet influencers Marketing Strategies). — *Chengshi dangbao yanjiu*, Vol. 11, 2020. — pp. 44–46. (In Chinese)
31. *Fan Huijie* 樊慧杰 Xiaofei zhuyi shiyexia zhibo daihuo zhubo “renshe” de suzao — yi Li Jiaqi weili 消费主义视野下直播带货主播“人设”的塑造——以李佳琦为例 (The Forming of the “Personal Image” of the livestream salesperson from the Perspective of Consumerism——On example of Li Jiaqi). — *Xinmeiti yanjiu*, Vol. 20, 2020. — pp. 95–97. (In Chinese) DOI: 10.16604/j.cnki.issn2096-0360.2020.20.026
32. *Guan Yating* 关亚婷 Jiyu 5T moxing fenxi wanghong koubei yingxiao celüe — yi “kouhong yige” Li Jiaqi weili 基于5T模型分析网红口碑营销策略——以“口红一哥”李佳琦为例 (The 5T model analysis of the Internet influencers' marketing strategy——On example of “King of Lipstick” Li Jiaqi). — *Xinmeiti yanjiu*, Vol. 10, 2019. — pp. 56–58. (In Chinese) DOI: 10.16604/j.cnki.issn2096-0360.2019.10.020

33. *He Jingping* 何竞平 Jiyu 4I yuanze de zhibo dianshang yingxiao celüe 基于4I原则的直播电商营销策略 (Live e-commerce marketing strategy based on the 4I principle). — Shanghai shangye, Vol. 8, 2020. — pp. 12–15. (In Chinese)
34. *Li Yandi* 李彦迪 Yuyu lilun shijuexia dianshang zhubo yanyu shequ yuyan tezheng tanxi — yi Taobao zhubo Weiya he Li Jiaqi weili 语域理论视角下电商主播言语社区语言特征探析——以淘宝主播薇娅和李佳琦为例 (An Analysis of the Language Features of E-commerce live streamers' Speech Community from the Perspective of Register Theory——On example of Taobao streamers Weiya and Li Jiaqi). — Shiting, 2021.2. — pp. 117–118. (In Chinese) DOI: 10.19395/j.cnki.1674-246x.2021.02.058
35. *Liu Jialiang* 刘嘉量 Daihuo zhubo de yingxiao celüe yanjiu — yi Li Jiaqi, Weiya weili 带货主播的营销策略研究——以李佳琦、薇娅为例 (Research on the Marketing Strategy of livestream salesperson——On example of Li Jiaqi and Weiya). — Quanguo liutong jingji, Vol. 08, 2021. — pp. 27–29. (In Chinese) DOI: 10.16834/j.cnki.issn1009-5292.2021.08.008
36. *Qian Lina, Shi Dan* 钱丽娜, 石丹 Weiya VS Li Jiaqi, “huo” zhen “jia” shi de jiaoliang 薇娅VS李佳琦,“货”真“价”实的较量 (Weiya VS Li Jiaqi, “goods” and “prices” in a real contest). — Shangxueyuan, Vol. 1, 2021. — pp. 43–45. (In Chinese)
37. *Su Boya* 苏博雅 “Li Jiaqi” geren pinpai chuanbo celüe yanjiu “李佳琦”个人品牌传播策略研究 (Research on the Communication Strategy of “Li Jiaqi” Personal Brand). — Masters Dissertation, Suzhou University, 2020.— 87 p. (In Chinese) DOI: 10.27351/d.cnki.gszhu.2020.000803
38. *Wang Runjin* 王润锦 Jiyu Taobao zhibo de wangluo yingxiao celüe yanjiu 基于淘宝直播的网络营销策略研究 (Research on the Internet Marketing Strategy Based on Taobao Live Broadcast). — Xiandai shangmao gongye, Vol. 30, 2020. — pp. 51–52. (In Chinese) DOI: 10.19311/j.cnki.1672-3198.2020.30.023
39. *Yin Xiaonan, Chang Min* 尹晓楠, 常敏 Dianshang zhibo pinpai de goujian yu chuanbo celüe — yi Taobao zhibo pinpai “Weiya viya” weili 电商直播品牌的构建与传播策略——以淘宝直播品牌“薇娅viya”为例 (E-commerce live broadcast brand construction and communication strategy——On example of Taobao live broadcast brand “Viya”). — Shiting, 2021.3. — pp. 164–165. (In Chinese) DOI: 10.19395/j.cnki.1674-246x.2021.03.074
40. *Zhang Lu* 张璐 1 fenzhong shouqing 14000 zhi kouhong, “kouhong yige” Li Jiaqi shi zenme zuodao de 1分钟售罄14000支口红,“口红一哥”李佳琦是怎么做到的 (14,000 lipsticks sold out in 1 minute, how did “King of lipsticks” Li Jiaqi do it?). — Chenggong yingxiao, vol. Z2, 2019. — pp. 56–57. (In Chinese)

Информация об авторе

Александр Николаевич Сбоев — кандидат филологических наук; доцент кафедры китаеведения Восточного института — Школы региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет.

Email: sboev.an@dvfu.ru

Author's Information

Aleksandr N. Sboev — Ph.D. in Philological Sciences; associate professor of Chinese studies Department, Institute of Oriental Studies — School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University.

Email: sboev.an@dvfu.ru

СЕКЦИЯ 9. КРУГЛЫЙ СТОЛ «РОССИЯ И ВОСТОК: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ ДУГ НЕСТАБИЛЬНОСТИ»

УДК: 327.81
ББК: 85.113(3)

А.А. Забелла
РУДН

Инициатива «Один пояс, один путь» и выстраивание системы сотрудничества Китая со странами Африки

Аннотация: В статье анализируются особенности сотрудничества Китая с Африкой в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП). Центральное место во внешнеполитическом курсе КНР отводится реализации инициативы ОПОП. Применительно к Африке — это Морской Шелковый путь XXI в., а также различные вариации Шелкового пути. Помимо прочего, африканский вектор становится все более значимым в системе внешнеполитических приоритетов Китая, что в некоторой степени связано с усиливающимся соперничеством внешних игроков в регионе. Ввиду нарастающей конкуренции между КНР и США, в том числе на Африканском континенте, все большую актуальность приобретает теория «властного транзита» (Power transition theory). Методологическую основу составили труды А. Ф. Органски, Я. Куглера, Д. Лемке, Р. Таммена. Целью статьи является выявление методов привлечения стран Африки к участию в китайской инициативе «Один пояс, один путь» в современных реалиях. Внимание автора сосредоточено на нормативно-правовой базе, в частности Белых книгах, документах Китайского агентства сотрудничества в целях развития. Помимо прочего, особый фокус направлен на анализ заявлений руководящих лиц КНР в рамках восьмой министерской встречи Форума китайско-африканского сотрудничества 2021. По мнению автора статьи, Китай будет наращивать взаимодействие со странами региона именно по линии инициативы, а также посредством различных проектов в рамках форума. Особую актуальность приобретает медицинская дипломатия, а также усилия китайской стороны по помощи африканским коллегам в борьбе с Covid-19. Автор полагает, что несмотря на все сложности и противоречия продвижения китайской инициативы, важным представляется то, что африканские государства демонстрируют интерес к инициативе. Африка окажется бенефициаром, получив инфраструктуру, которая крайне важна для реализации целей устойчивого развития. Одновременно с получением китайских инвестиций, регион будет в большей степени привязан к Китаю. Библиография: 16 наименований.

Ключевые слова: Китай, Африка, «Один пояс, один путь», конкуренция за лидерство, медицинская дипломатия

Anastasia A. Zabella
RUDN

Building a system of cooperation between China and African countries in the context of the Belt and Road initiative

Summary: The purpose of the article is to identify methods of attracting African countries to participate in China's Belt and Road Initiative in modern realities. The implementation of the Belt and Road Initiative is being the main focus of the PRC's foreign policy. With regard to Africa, these are the Maritime Silk Road of the XXI century, as well as various variations of the Silk Road. The African trajectory is gaining importance in the system of China's foreign policy priorities, which is to some extent related to the increasing competition of external players in the region. In view of the growing competition between China and the United States, including on the African continent, the Power transition theory is gaining more and more relevance. The methodological basis was the works of A. F. Organski, J. Krgler, D. Lamke, R. Tammen. In this article the author is focused on the regulatory framework, in particular the White Papers, documents of the China Development Cooperation Agency. The author is pay particular attention to analysing the statements of the leaders of the PRC within the framework of the eighth ministerial meeting of the Sino-African Cooperation Forum 2021. According to the author of the article, China will increase interaction with the countries of the region in accordance with the guidelines of the initiative, as well as through various projects within the framework of the forum. Medical diplomacy, as well as the efforts of the Chinese party to help African colleagues in the battle against Covid-19, are getting particular relevance. The author believes that despite all the difficulties and contradictions in promoting the Chinese initiative, it is important that African states demonstrate interest in the latter. Africa will be the beneficiary of the infrastructure that is critical to the implementation of the sustainable development goals. Important to notice that receiving Chinese investments at the same time, will make the region more closely tied to China (Refs 16.)

Keywords: China, Africa, "Belt and Road", competition for leadership, medical diplomacy

Введение

Инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП), выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г., стала флагманским направлением внешней политики Китая. Важность ОПОП подтверждается и тем, что в 2017 г. на XIX съезде Коммунистической партии Китая данная инициатива была включена в Устав партии.

ОПОП является комбинацией двух проектов: «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морского Шелкового пути XXI века» (МШП). Именно последний охватывает территории от Южно-Китайского моря до Африканского континента.

Ввиду усиливающейся конкуренции традиционных (Англия, Германия, США, Франция) и новых (Бразилия, КНР, РФ, Турция, Япония) игроков на континенте, сопровождающейся нарастающей конкуренцией между КНР и США, постепенно схлестываются интересы внешних акторов в регионе. Зарубежные исследователи, как правило, изучая конкуренцию между США и КНР, фокусируются лишь на «свертывании сотрудничества (decoupling) в отдельных сферах, что не позволяет увидеть глубинные причины нарастающих противоречий и, по сути, перехода к 'новой биполярности'» (США — КНР) [Degterev 2019]. Все большую популярность в научном сообществе набирает идея неизбежности «ловушки Фукидида» [Allison 2017, Bergsten 2018; Johnston 2019; Han, Paul 2020; Wang 2019].

Методологической основой статьи служит сформированная А. Ф. Органски [Organski 1958] и продолженная Я. Куглером, Д. Ламке и Р. Тамменом, теория смены глобального лидерства в мировой системе. Помимо прочего, большое количество ученых в своих трудах анализируют возможность Китая стать гегемоном [Acharya 2014; Kai 2016; Zhang 2010, 2015].

В данном случае речь пойдет о смене лидера на континенте и о сопровождаемых этой сменой процессах. Последние десятилетия китайская сторона неизменно наращивала свое присутствие в регионе, в отличие от США, которые после поворота в 2011 г. к самообеспечению энергоносителями стали сокращать экспорт африканской нефти в США и африканский экспорт в целом. Д. Трамп, находясь у власти, так и не совершил визиты в государства континента, совершит ли поездки Д. Байден пока остается вопросом, но новое руководство уже заявило о пересмотре африканского внешнеполитического вектора. Примечательно, что с 2018 г. в стратегии США по Африке большой фокус направлен именно на противостояние в регионе КНР и РФ¹.

Однако уже сейчас можно сказать, что американская сторона негативно относится к усилению КНР в Африке. Ввиду этого нельзя игнорировать «фактор Феникса» — «находящаяся в руинах страна может практически полностью восстановиться и едва ли удержится от реванша» [Organski, Kugler 1980: 142–144].

ОПОП как флагманский проект Си Цзиньпина

Внешняя политика Си Цзиньпина характеризуется новаторством при сохранении приверженности ключевым внешнеполитическим принципам. Пожалуй, одним из успешных проектов «пятого поколения руководителей» является два мегапроекта в рамках ОПОП: ЭПШП и МШП. К пяти приоритетным направлениям сотрудничества относятся: 1) политическая координация (政策沟通 — чжэнцэ гоутун), которая предполагает

¹ Remarks by National Security Advisor Ambassador John R. Bolton on the The Trump Administration's New Africa Strategy // Official website of White House. 13.12.2018. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-national-security-advisor-ambassador-john-r-bolton-trump-administrations-new-africa-strategy/#:~:text=Under%20our%20new%20Africa%20strategy,nations%20move%20toward%20self%20reliance> (accessed: 15.01.2021).

посредством межгосударственных соглашений стимулировать выход китайских ТНК на внешние рынки; 2) взаимосвязь инфраструктуры (设施联通 — шэши ляньюн); 3) беспрепятственная торговля (贸易畅通 — маои чантун); 4) свободное передвижение капитала (资金融通 — цзыцзинь жунтун); 5) связь между народами (民心相通 — миньсинь сянтун).

Одной из задач ОПОП является вывод КНР из полупериферии мирового хозяйства и превращение ее в ядро. На данный момент этому мешают низкие показатели прибыли на душу населения, социальное расслоение, экологические проблемы и т.д. Внутренняя динамика, то есть внутренние финансовые проблемы, могут замедлить или отсрочить подъем КНР как гегемона [Breslin 2018:58]. В 2012 г. на XVIII съезде КПК было принято решение к столетию образования КНР (в 2049 г.) довести благосостояние населения до уровня развитых стран, тем самым создав среднезажиточное общество (小康 — сяокан). В истории были успешные примеры перехода из полупериферии в центр, например, Японии удалось посредством получения технологий и финансовой помощи из США продвинуть внутреннюю продукцию на международные рынки [Yeung 2017]. Таким образом, прослеживается грандиозность инициативы ОПОП.

Для финансирования ОПОП Китай создал Фонд Шелкового пути, в который он уже вложил 40 млрд. долл. Кроме того, в 2013 г. были образованы Азиатский банк инфраструктурных инвестиций со штаб-квартирой в Пекине и уставным капиталом в 100 млрд. долл., доля Китая в котором составляет 26.06%. Этим же целям служат Китайско-африканский фонд развития, а также Новый банк развития БРИКС со штаб-квартирой в Шанхае (уставный капитал — 50 млрд. долл., доля Китая — 20%) [Дейч, 2020:119].

Особую роль в продвижении инициативы на Африканском континенте будут играть государства Восточной Африки, так как через Эфиопию, Кению, Мозамбик, Мадагаскар и ЮАР пройдет МШП. Важность стран Восточной Африки подтверждается тем, что доля Китая в общемировых прямых инвестициях в данный регион составляет 16%².

Ввиду того, что одной из задач ОПОП является соединение КНР с государствами Европы, то страны Африки путем предоставления своих портов китайской стороне, будут играть возрастающую роль в контроле цепочек снабжения. Здесь также важно подчеркнуть заинтересованность КНР в портах Африки как в «хабах» для повышения своего геостратегического значения. На данный момент корабли Народно-освободительной армии КНР уже базируются в Джибути и Намибии (порт Уолфиш-Бей). В Танзании Китай осуществляет строительство крупнейшего в Восточной Африке порта в Багамо. Налаживание системы портов позволит китайской стороне расширить свое присутствие в Индийском океане — зоне противостояния между Китаем и Индией.

Страны Африки также заинтересованы в участии в инициативе ОПОП, так как это, во-первых, будет способствовать ускорению процессов устойчивого развития, во-вторых, даст толчок развитию производств, создаст рабочие места.

Китай также укрепляет свои позиции в Африке путем инвестиций в строительство железных и автомобильных дорог, социальных объектов, посредством реализации энергетических проектов, осуществления «мягкой силы», масочной дипломатии после начала эпидемии Covid-19. Примечательно, что многие проекты Китай осуществляет именно в рамках инициативы «Один пояс, один путь», например, строительство железной дороги Момбаса-Найроби и т.д. Учитывая сложную внутривнутриполитическую ситуацию в ряде африканских государств, многие страны активнее участвуют в инициативе и открывают Китаю доступ на свой рынок. На этом фоне стратегическое влияние Китая расширяется, тем

² Macroeconomic and Social Developments in Eastern Africa 2016–2017. United Nations Economic Commission for Africa. 2-th Intergovernmental Committee of Experts. Transformative Growth in Eastern Africa. Catalysts ND Constrains. Venue, Moroni, Union of Comoros, 2017. 61 p.

самым усиливая борьбу за гегемонистское влияние между Китаем и США [Gauttam, Singh, Kaur 2020: 319–320].

Тем не менее, существуют опасения, что государства Африки не смогут расплатиться по кредитам, которые Китай им предоставил, и попадут в «долговую ловушку». Согласно данным Школы международных исследований Университета Джона Хопкинса, по состоянию на апрель 2018 года страны Африки должны государственному и частному капиталу Китая более 29, 42 млрд. долл. США. Основными должниками являются: Эфиопия (долг составляет 13,73 млрд. долл.), Кения (9,8 млрд.), Уганда (2,96 млрд.), Танзания (2,34 млрд.) и др.³. Успешная реализация ОПОП в Африке повышает значимость промышленной продукции из Китая (цемент, сталь, уголь и др.) для континента. Однако импорт промышленных товаров странами Африки влечет за собой конкуренцию между китайской и африканской продукцией, и как следствие уменьшение конкурентоспособности африканской на континенте. Негативным оценкам подвергается китайская сторона из-за привлечения большого числа рабочей силы из Китая для реализации проектов в Африке.

Несмотря на сложности и противоречия продвижения ОПОП, Африка окажется бенефициаром, получив инфраструктуру, которая крайне важна для реализации целей устойчивого развития. Китайская сторона уделяет большое внимание стипендиальным программам в рамках ОПОП. Применительно к Африканскому континенту гранты в основном направляются на критически важные для региона направления специализации: медицинское дело, инженерия, строительство и т.д. Китайские специалисты активно направляются на континент для содействия африканским коллегам по вопросам повышения квалификации.

Помимо прочего, стоит отметить особую заинтересованность африканской стороны в развитии диалога по линии ОПОП по вопросу борьбы с бедностью. Так, в КНР в 2000 г. насчитывалось 49,8% населения, живущего за чертой бедности, а уже в 2020 г. этот показатель достиг 0%⁴. Однако стоит сделать небольшую оговорку касательно минимального дохода на душу населения, так как показатели ООН и КНР разнятся. По данным ООН, черта бедности определяется как уровень дохода в 1,9 долл. США в день; в Китае этот показатель равен 1,1 долл. США в день. Тем не менее, Китай демонстрирует Африке успешную модель ликвидации крайней бедности, что очень актуально для континента.

Нормативно-правовая база продвижения ОПОП в Африке

Прежде всего стоит сказать о двух основополагающих документах, на которых и выстраивается африканский вектор внешней политики КНР. Это Белые книги «Политика Китая в отношении Африки» от 2006 и 2015 гг.

Катализатором повышения интереса к ОПОП со стороны африканских государств, как, впрочем, и остальных иностранных стран, стали рекомендации Государственного комитета по развитию и реформам⁵. Согласно им львиная доля инвестиционных проектов КНР

³ Olingo A. Africa: China Plans to Sell off its African Infrastructure Debt to investors // The East African. 05.11.2018. URL: <https://www.theeastafrican.co.ke/tea/business/china-plans-to-sell-off-its-african-infrastructure-debt-to-investors-1405856> (accessed: 30.01.2021).

⁴ Ratio of residents living below the poverty line in China from 2000 to 2020 // Statista. 12.03.2021. URL: <https://www.statista.com/statistics/1086836/china-poverty-ratio/> (accessed: 30.01.2021).

⁵ 关于进一步引导和规范境外投资方向的指导意见[Директивы по дальнейшему руководству и регулированию направления исходящих иностранных инвестиций № 74] // Официальный сайт Государственной комиссии по реформам и развитию. 04.08.2017. URL: https://www.ndrc.gov.cn/fggz/lywzjw/zcfg/201708/t20170818_1047042.html?code=&state=123 (дата обращения: 10.10.2021).

за рубежом должна осуществляться именно в рамках ОПОП. Безусловно, большую роль по укреплению позиций ОПОП на континенте сыграли Белые книги 2011 и 2014 гг. «Помощь Китая внешнему миру». В 2013 г. Китай опубликовал Белую книгу «Китайско-африканское торгово-экономическое сотрудничество», где обозначил приоритетные направления торгово-экономического взаимодействия со странами Африки по линии ОПОП.

В 2021 г. вышла Белая книга 2021, в которой представлен не только анализ китайско-африканских отношений, но и направления сотрудничества на среднесрочную перспективу. В частности, в центре внимания Белой книги 2021 сотрудничество по линии «Юг-Юг» и ОПОП. Ключевая цель: оказание помощи другим развивающимся странам в реализации Повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г. Важное место в Белой книге отводится концепции Сообщества единой судьбы человечества, которое способствует продвижению взаимодействия между КНР и международным сотрудничеством. Фокус смещен на совместное решение глобальных проблем, особенно в области здравоохранения⁶.

Документы Форума китайско-африканского сотрудничества (FOCAC) играют крайне важную роль в расширении направлений взаимодействия между КНР и странами континента. На прошедшей в конце ноября 2021 г. в Дакаре (Сенегал) 8-й Министерской встрече FOCAC большое внимание уделялось совместному реагированию на вызовы и угрозы: эпидемия Covid-19, изменение климата, борьба с бедностью.

На Дакарской встрече были приняты следующие документы: Дакарская декларация, Дакарская программа действия на 2022–2024 гг., Декларация о сотрудничестве между КНР и Африкой в борьбе с изменениями климата, а также «Видение сотрудничества между КНР и Африкой на период до 2035 г.». Именно вышеуказанные документы будут определять характер китайско-африканских отношений на ближайшие годы.

В ходе министерской встречи председателем КНР Си Цзиньпином были названы 9 направлений, по которым будут в среднесрочной перспективе развиваться отношения между Китаем и Африкой: 1) медицина и здоровье; 2) борьба с бедностью и сельскохозяйственное развитие; 3) торговля; 4) инвестиции; 5) цифровые возможности; 6) зелёное развитие; 7) наращивание потенциала; 8) культурные обмены и обмены между людьми; 9) мир и безопасность⁷. Сравнивая эти программы сотрудничества с теми, что были объявлены в 2018 г. на саммите в Пекине, стоит отметить, что появилось новое направление — борьба с бедностью и сельскохозяйственное развитие; гуманитарные обмены были заменены на культурные обмены и обмены между людьми, а также исчезло такое направление, как развитие промышленности.

В Дакарской программе действий на 2022–2024 гг., указывается важность взаимодействия между сторонами в рамках ОПОП по вопросам продовольственной безопасности, в области зеленого развития, в области исследований и разработок зеленых технологий, энергосберегающих зданий и энергосберегающих объектов. Согласно документу, КНР предоставит 10 млрд. долл. США на поддержку африканского экспорта, создаст в Китае пилотную зону углубленного экономического и торгового сотрудничества, откроет в стране промышленный парк китайско-африканского сотрудничества «Один пояс, один путь».

Китай будет использовать демонстрационную учебную платформу по сотрудничеству в области здравоохранения «Один пояс, один путь» с целью проведения онлайн и офлайн обучения в области охраны здоровья матери и ребенка, общественного здравоохранения,

⁶ China's International Development Cooperation in the New Era // Xinhua. 10.01.2021. URL: http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202101/10/content_WS5ffa6bbbc6d0f72576943922.html (accessed: 30.01.2021).

⁷ Keynote speech by Chinese President Xi Jinping at opening ceremony of 8th FOCAC ministerial conference // Official website of FOCAC. 02.12.2021. URL: http://focac.org.cn/focacdakar/eng/hyqk_1/202112/t20211202_10461078.htm (accessed: 03.12.2021).

управления больницами. Достижение данных целей будет способствовать улучшению доступности основных медицинских услуг в странах Африки.

План действий по инновациям в области науки и технологий «Один пояс, один путь» и Программа 2.0. предполагают сокращение научно-технической бедности и оказание всесторонней поддержки и руководства технологическими инновациями для устойчивого экономического и социального развития Китая и Африки.

КНР намерена в ближайшие годы нарастить темпы обучения специалистов в аэрокосмической области для африканских стран в рамках Международной космической инновационной ассоциации «Один пояс, один путь».

Большое внимание в декларации уделяется диалогу в гуманитарной области, в частности поддержке проведению «форума деканов китайских и африканских институтов», продвижению сотрудничества между вузами. Помимо прочего, в фокусе внимания декларации находится создание новых бизнес-форматов ОПОП между КНР и Африкой в таких областях, как: цифровая экономика, умные города, чистая энергия, 5G и т. д.⁸

Стороны в Совместной декларации по борьбе с изменениями климата сфокусировали свое внимание на реализации Принципов зеленых инвестиций для ОПОП⁹.

В первом разделе «Видение сотрудничества между КНР и Африкой на период до 2035 г.» указаны направления и цели среднесрочного и долгосрочного сотрудничества для построения более тесного китайско-африканского сообщества с общим будущим. В данном разделе указаны три пункта: 1) КНР стал важным партнером в Повестке дня в области развития Африки; 2) Китай и Африка становятся более тесными партнерами в совместном строительстве ОПОП; 3) механизмы китайско-африканского сотрудничества на высшем уровне более обширны и полны. Согласно этому документу, КНР до 2035 г. инвестирует в страны Африки 60 млрд. долл. США¹⁰.

Таким образом, можно отметить всеобъемлющий характер китайско-африканских отношений, в том числе в рамках ОПОП. Нет сомнения в том, что сотрудничество в ближайшие годы будет лишь наращиваться, открывая новые сферы и направления для диалога.

Заключение

Проведенный анализ позволил выявить динамику китайско-африканского диалога в рамках ОПОП, причины заинтересованности стран Африки в инициативе, а также причины заинтересованности КНР в продвижении ОПОП. Благодаря анализу нормативно-правовой базы были выявлены основные направления сотрудничества в рамках инициативы, а также подтвердился тезис о важности и перспективности продвижения китайско-африканского сотрудничества по линии ОПОП. Китайская сторона заинтересована в налаживании более тесного сотрудничества с государствами Восточной Африки, вдоль которых проходит ОПОП, а также дуга нестабильности, вызванная внутренними и внешними геополитическими процессами, происходящими на восточном фланге континента. Не вызывает сомнения и факт того, что ОПОП стал важным внешнеполитическим направлением современного Китая, благодаря которому китайская сторона реализует индустриализацию

⁸ Dakar Action Plan (2022–2024) // Official website of Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 02.12.2021. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/kjzbdyyq_699171/202112/t20211202_10461174.shtml (accessed: 03.12.2021).

⁹ Declaration on China-Africa cooperation on combating climate change // Official website of Forum of China-Africa cooperation. 03.12.2021. URL: http://focac.org.cn/focacdakar/eng/hyqk_1/202112/t20211203_10461929.htm (accessed: 03.12.2021).

¹⁰ 2035 vision of China-Africa cooperation // Ministry of commerce. 08.12. 2021. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/EDljOQGNISqjVHc0NfGQuQ> (accessed: 08.12.2021).

полупериферийных и периферийных государств, с целью вывода Китая из полупериферии в ядро.

Список литературы

1. Дэйч Т. Л. Место Африки в инициативе Китая «Один пояс, один путь» // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 2. С. 118–127.
2. Allison G. *Destined for war: Can America and China escape Thucydides's trap?* Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.
3. Acharya A. Power shift or paradigm shift? China's rise and Asia's emerging security order // *International Studies Quarterly*. 2014. Vol. 58. No. 1. P. 158–173. <https://doi.org/10.1111/isqu.12084>
4. Bergsten C. F. China and the United States: The contest for global economic leadership // *China & World Economy*. 2018. Vol. 26. No. 5. P. 12–37. DOI: 10.1111/cwe.12254
5. Breslin S. Global reordering and China's rise: Adoption, adaption and reform // *The International Spectator*. 2018. Vol. 53. No. 1. P. 57–75. <https://doi.org/10.1080/03932729.2018.1401804>
6. Degterev D. A. Multipolar world order: Old myths and new realities // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2019. Vol. 19. No. 3. P. 404–419. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-3-404-419>
7. Gauttam P., Singh B., Kaur J. Covid-19 and Chinese Global Health Diplomacy: Geopolitical Opportunity for China's Hegemony // *Millennial Asia*. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 318–340.
8. Johnston A. I. China in a world of orders: Rethinking compliance and challenge in Beijing's international relations // *International Security*. 2019. Vol. 44. No. 2. P. 9–60. DOI: 10.1162/isec_a_00360
9. Han Z., Paul T. V. China's rise and balance of power politics // *The Chinese Journal of International Politics*. 2020. Vol. 13. No. 1. P. 1–26. DOI: 10.1093/cjip/poz018
10. Kai J. *Rising China in a changing world: Power transitions and global leadership*. Springer, 2016.
11. Organski A.F.K. *World politics*. New York: A. Knopf, 1958.
12. Organski A.F.K., Kugler J. *The war ledger*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
13. Wang W. Z. Destined for misperception? Status dilemma and the early origin of US—China antagonism // *Journal of Chinese Political Science*. 2019. Vol. 24. No. 1. P. 49–65. DOI: 10.1007/s11366-018-09596-6
14. Yeung H.W.C. Rethinking the East Asian Developmental State in its Historical Context: Finance, Geopolitics and Bureaucracy // *Area Development and Policy*. 2017. Vol. 2. No. 1. P. 1–23. DOI:10.1080/23792949.2016.1264868
15. Zhang B. Chinese foreign policy in transition: Trends and implications // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2010. Vol. 39. No. 2. P. 39–68. <https://doi.org/10.1177/186810261003900202>
16. Zhang J. China's new foreign policy under Xi Jinping: Towards 'Peaceful Rise 2.0'? // *Global Change, Peace & Security*. 2015. Vol. 27. No.1. P. 5–19. <https://doi.org/10.1080/14781158.2015.993958>

References

1. Allison G. *Destined for war: Can America and China escape Thucydides's trap?* Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.

2. Acharya A. Power shift or paradigm shift? China's rise and Asia's emerging security order. *International Studies Quarterly*, 2014, vol. 58, no. 1, pp. 158–173. <https://doi.org/10.1111/isqu.12084>
3. Bergsten C. F. China and the United States: The contest for global economic leadership. *China & World Economy*, 2018, vol. 26, no. 5, pp. 12–37. DOI: 10.1111/cwe.12254
4. Breslin S. Global reordering and China's rise: Adoption, adaptation and reform. *The International Spectator*, 2018, vol. 53, no. 1, pp. 57–75. <https://doi.org/10.1080/03932729.2018.1401804>
5. Degterev D. A. Multipolar world order: Old myths and new realities. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2019, vol. 19, no. 3, pp. 404–419. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-3-404-419>
6. Deich T. L. Africa's place in the Chinese initiative "One belt, one road". *World Economy and International Relations*, 2020, vol. 64, no. 2, pp. 118–127 (in Russian).
7. Gauttam P., Singh B., Kaur J. Covid-19 and Chinese Global Health Diplomacy: Geopolitical Opportunity for China's Hegemony. *Millennial Asia*, 2020, vol. 11, no. 3, pp. 318–340.
8. Johnston A. I. China in a world of orders: Rethinking compliance and challenge in Beijing's international relations. *International Security*, 2019, vol. 44, no. 2, pp. 9–60. DOI: 10.1162/isec_a_00360
9. Han Z., Paul T. V. China's rise and balance of power politics. *The Chinese Journal of International Politics*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 1–26. DOI: 10.1093/cjip/poz018
10. Kai J. *Rising China in a changing world: Power transitions and global leadership*. Springer, 2016.
11. Organski A.F.K. *World politics*. New York: A. Knopf, 1958.
12. Organski A.F.K., Kugler J. *The war ledger*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
13. Wang W. Z. Destined for misperception? Status dilemma and the early origin of US — China antagonism. *Journal of Chinese Political Science*, 2019, vol. 24, no. 1, pp. 49–65. DOI: 10.1007/s11366-018-09596-6
14. Yeung H.W.C. Rethinking the East Asian Developmental State in its Historical Context: Finance, Geopolitics and Bureaucracy. *Area Development and Policy*, 2017, vol. 2, no. 1, pp. 1–23. DOI:10.1080/23792949.2016.1264868
15. Zhang B. Chinese foreign policy in transition: Trends and implications. *Journal of Current Chinese Affairs*, 2010, vol. 39, no. 2, pp. 39–68. <https://doi.org/10.1177/186810261003900202>
16. Zhang J. China's new foreign policy under Xi Jinping: Towards 'Peaceful Rise 2.0'?. *Global Change, Peace & Security*, 2015, vol. 27, no. 1, pp. 5–19. <https://doi.org/10.1080/14781158.2015.993958>

Информация об авторе

Анастасия Александровна Забелла — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Email: zabella-aa@rudn.ru

Author's Information

Anastasia A. Zabella — PhD in History, Senior Lecturer. Department of Theory and History of International Relations, Department of Foreign Languages, RUDN.

Email: zabella-aa@rudn.ru

УДК: 327.8

ББК: 85.113(3)

Е.Ю. Каткова

РУДН

Внешняя политика Китая в период пандемии Covid-19

Аннотация: Статья посвящена изменениям, которые произошли во внешней политике Китая после начала пандемии Covid-19. Автором анализируются такие фундаментальные вопросы, как истоки современной внешней политики КНР и ее взгляда на мировой порядок, причины и тенденции изменения риторики западных стран в отношении Китая, а также ответные дипломатические меры Пекина и их нормативно-правовая база. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что перемены, происходящие во внешней политике Китая, сегодня затрагивают все страны в связи с тем, что КНР уже стала сверхдержавой, способной бросить вызов гегемонии США. Эти трансформации ведут к изменению баланса сил в региональной и мировой политике, что вызывает дестабилизацию мировой системы и соперничество между Китаем и Соединенными Штатами во всех регионах мира.

Основная цель исследования заключается в определении длительности современных трендов во внешней политике Китая. В качестве новизны исследования следует отметить применение концепции *Innenpolitik* к изучению особенностей внешней политики КНР при Си Цзиньпине. С ее помощью выделяются глубинные причины трансформации поведения Китая на международной арене. Кроме того, для анализа внешних факторов и истоков перемен отношения к Китаю со стороны западных либеральных демократий была применена теория «властного транзита» (*Power transition theory*), которая помогла оценить глобальные последствия отхода Китая от принципов «держаться в тени» Дэн Сяопина и «мирного сосуществования» Ху Цзиньтао. По итогам анализа автор приходит к выводу, что современные тренды во внешней политике Китая являются долговременными. Западные страны впервые за долгое время готовы жертвовать своими экономическими интересами для того, чтобы сдерживать Китай; а Пекин, в тоже время, не готов больше поступаться своими национальными интересами и ведет политику по реформированию международного порядка. Библиография: 18 наименований.

Ключевые слова: Китай, Covid-19, внешняя политика, санкции, США, мировая политика, трансформации

Evgeniya Yu. Katkova
RUDN

China's foreign policy during the Covid-19 pandemic

Summary: the article focuses on the changes occurring in China's foreign policy since the start of the Covid-19 pandemic. The author analyzes such fundamental issues as the origins of the China's modern foreign policy and its view of the world order; the reasons and trends in the rhetoric of Western countries towards China, as well as Beijing's diplomatic responses and its legal framework. The relevance of the research topic is due to the changes taking place in China's foreign policy and its influence on all countries since the PRC has already become a superpower capable of challenging US hegemony. These transformations are leading to a change in the balance of power in regional and world politics, which causes the destabilization of the world system and the rivalry between China and the United States in all regions of the world.

The main goal of the study is to determine the duration of current trends in China's foreign policy. The application of the *Innenpolitik* concept to the study of the peculiarities of the PRC's foreign policy under Xi Jinping should be noted as a novelty of the study. Using this concept, the author identifies the deep reasons for the transformation of China's behavior in the international arena. In addition, the author applies the Power transition theory to analyze external factors and the origins of changes in attitudes towards China on the part of Western liberal democracies. This theory helped to assess the global consequences of China's abandonment of the Deng Xiaoping's principles of "keeping in the background" and Hu Jintao's "peaceful coexistence". Based on the results of the analysis, the author comes to the conclusion that modern trends in China's foreign policy are long-term trends. Western countries are willing to sacrifice their economic interests to contain China for the first time in a long time; and Beijing at the same time is no longer ready to compromise its national interests and is pursuing a policy of reforming the international order.

Keywords: China, Covid-19, foreign policy, sanctions, US, world politics, transformations

Введение

С приходом к власти в КНР Си Цзиньпина внешняя политика Китая претерпела большие изменения. Тезис о том, что Китай стал «выходить из тени» прочно укоренился в рассуждениях экспертов при описании действий Китая на международной арене. «Мирное развитие», которое было сформулировано Ху Цзиньтао в качестве основы внешней политики Китая в 2005 г., уступило место «национальным интересам». Си Цзиньпин призвал не только следовать принципу мирного развития, но и подчеркнул важность защиты «основных интересов» как части дипломатических принципов Китая [Lida 2020: 4]. «Стремясь к мирному развитию, мы никогда не пожертвуем нашими законными правами или основными интересами» [Си Цзиньпин, 2014: 339]. Можно сказать, что Пекин начертил красные линии, заход за которые стал вызывать жесткий ответ Китая. Если раньше это были «предупреждения», то сейчас Китай предпринимает конкретные экономические и политические инструменты для демонстрации своего недовольства или несогласия с действиями своих внешнеполитических партнеров. Таким образом, дипломатия «мягкой силы» сменилась дипломатией «волков-воинов» (кит: 战狼外交) [Жирухина, Бочарова, 2020].

Пандемия Covid-19 стала большим испытанием для внешней политики Китая, кроме создания внутренних эпидемиологических и экономических проблем, связанных с замедлением роста экономики, что произошло впервые за последние 40 лет, она стала катализатором международных трендов по политизации Covid-19, складывающихся вокруг Китая в последние годы. Возвращение США в Азию, начавшееся в конце 2018 г. вызвало положительный отклик у многих стран региона. Так, бывший заместитель министра иностранных дел Южной Кореи Шин Как Су заявил о том, что «Южной Корее следует стремиться к региональному порядку посредством сотрудничества или же к возглавляемому США региональному порядку, всеми силами не допускать соперничества между США и КНР или же возглавляемому КНР региональному порядку» [Сунь, Ван, 2021]. Возвращение США в ЮВА усложнило отношения стран региона с Пекином и усилило региональные противоречия и конфликты. Пандемия вопреки ожиданиям не уменьшила, а лишь усилила данные противоречия, несмотря на все попытки Китая сформировать положительный образ, что вынудило правительство ужесточить свой внешнеполитический курс.

Влияние Covid-19 на внешнеполитический курс КНР

Первые месяцы появления нового вируса международное сообщество внимательно следило за развитием ситуации в Китае, сочувствуя и всячески подчеркивая прогресс в области транспарентности данных в КНР. Многие аналитики сравнивали новую эпидемию с эпидемией SARS 2003 г., отмечая, что действия Китая в 2020 г. стали более обдуманными, а доступ к данным более открытым. Однако с распространением вируса и появлением внутренних проблем, с которыми столкнулись страны по всему миру, риторика в отношении Китая изменилась. Все тренды и проблемы, существовавшие до пандемии, не сплотили страны, а стали поводом к ужесточению разногласий. Великие державы Международное сообщество не воспользовалось «окном возможностей» для налаживания диалога для мирного разрешения существующих вызовов и угроз, наоборот, они усилили кампанию по дискредитации правительства КНР, которое раньше всех справилось с пандемией у себя в стране, в то время как остальные правительства испытывали давления со стороны граждан из-за невозможности стабилизировать эпидемиологическую ситуацию.

В частности, больше всего пострадали отношения КНР со всеми странами альянса «Пять глаз» за исключением Новой Зеландии, которая традиционно занимает нейтральную позицию в отношении Китая. Так, внутренние проблемы Китая (протесты в Гонконге,

ситуация в СУАР и Тибете, а также вопросы, связанные с возникновением вируса) стали поводом для критики действий Китая со стороны стран т.н. «Англосферы». Первой страной, публично выступившей с критикой Китая, стала Австралия. Весной 2020 г. премьер-министр Скотт Моррисон и министр иностранных дел Мэрис Пэйн выступили в ВОЗ с предложением провести независимое расследование вспышки COVID-19. Несмотря на то, что официальные лица Австралии напрямую не обвинили Китай, тем не менее, они выразили убежденность, что вирус возник именно в Ухане [Lim, Attrill 2021: 419].

Вслед за этим усилилась критика Китая по нескольким основным направлениям- проблемам. Во-первых, обострилась информационная кампания против китайской инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП). Если в 2017–2018 гг. даже самые ближайшие партнеры США обсуждали возможности и формы присоединения к китайскому проекту, то в 2020–2021 гг. ситуация существенно изменилась. В частности, австралийский штат Виктория в 2018 г. подписал меморандум о вступлении в ОПОП, а уже в 2020 г., спустя год длительных дебатов внутри страны, правительство Австралии отменило этот договор [Hartcher 2021: 235]. На данный момент почти во всех регионах мира западные страны во главе с США предлагают свои альтернативные ОПОП инфраструктурные проекты: «Growth in the Americas» (Рост в Америке) для стран Латинской Америки, «Prosper Africa» (Процветающая Африка) — для Африки, «Blue Dot Network» (Сеть голубых точек) — для Юго-Восточной Азии, Pacific Step-up — австралийская инициатива для стран Южно-Тихоокеанского региона и т.д.

Во-вторых, усилилась критика западных стран в отношении ситуации в Гонконге и Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Если до пандемии правительства демократических стран с осторожностью высказывались в отношении проблемы Гонконга и СУАР, то в 2020 г. критика стала более явной. Так, в июле 2020 г. Великобритания выступила в Совете ООН по правам человека от имени 27 государств, раскритиковав новый Закон о национальной безопасности Гонконга [Benson 2021: 7]. Кроме того, Австралия, Великобритания и США упростили процедуру получения виз и гражданства для жителей Гонконга [Pan, Kogolev 2021: 130]. В качестве одной из мер страны также приостановили договоры об экстрадиции с Гонконгом.

Пример с Австралией особенно интересен тем, что на протяжении более 20 лет австралийское правительство проводило политику балансирования между КНР и США, в связи с тем, что от Пекина зависело экономическое благополучие страны, а Соединённые Штаты обеспечивали безопасность государства. По этой причине Канберра в последние десятилетия старалась не провоцировать Китай — крупнейшего торгового партнера, с целью сглаживания противоречий между странами. В связи с этим резкое изменение внешнеполитического курса страны для многих стало неожиданностью.

На примере Австралии можно проследить изменения во внешней политике Китая и то, как Пекин стал реагировать на международные вызовы. Если раньше политическая нестабильность никогда не влияла на китайско-австралийское торгово-экономическое сотрудничество, то в 2020 г., вслед за призывами С. Моррисона провести независимое расследование в отношении возникновения вируса Covid-19, Китай ввел 80% тариф на экспорт австралийского ячменя, и всего через несколько дней после этого запретил импорт говядины четырех крупных австралийских скотобоен. Впоследствии список санкций был расширен, Пекин запретил импорт австралийских лобстеров, хлопка и древесины, установил 212% пошлины на вино, а также ввел запрет на импорт угля и меди¹. Кроме этого, пострадал также австралийский сектор услуг. Министерство образования Китая выпустило

¹ Choudhury S. R. ASIA ECONOMY Here's a list of the Australian exports hit by restrictions in China //CNBC. 17.12.2021. URL: <https://www.cnbc.com/2020/12/18/australia-china-trade-disputes-in-2020.html> (accessed: 10.12.2021).

предупреждение, в котором говорилось о рисках, связанных с Covid-19, и росте дискриминации в отношении лиц азиатского происхождения в Австралии². Аналогичное заявление выпустило Министерство культуры и туризма, в котором говорится, что гражданам Китая ни в коем случае не следует ездить в Австралию из-за увеличения числа инцидентов расистского характера³. Ужесточение внешней политики Китая и экономические санкции привели к углублению противоречий, и 15 сентября 2021 г. Австралия, Великобритания и Соединенные Штаты объявили о создании в Азии трехстороннего оборонного альянса AUKUS, который представляет собой милитаризованный подход к сдерживанию Китая [Wesley-Smith, Finin 2021: 18].

В последние годы усилились также противоречия в отношениях Китая и стран Азии. В 2020 г. возобновился территориальный спор между Китаем и Индией. Министр иностранных дел Индии заявил, что отношения между странами находятся в «самой сложной фазе» за последние несколько десятилетий⁴. Кроме этого, Китай активизировал деятельность около спорных островов в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, а также в Тайваньском проливе.

Западные аналитики связывают агрессивную внешнюю политику КНР с внутренними проблемами, которые, как считается, вызывают недовольство в китайском обществе [Bishop 2020]. Вместе с тем, возможно, именно из-за более жесткой внешнеполитической риторики, которую взял Си Цзиньпин в начале своего председательства, сейчас КНР несет репутационные убытки. Политика Дэн Сяопина, провозглашающая «мирный подъем», которой придерживались все предшественники Си Цзиньпина, сглаживала турбулентность международной системы и не вызывала трений между «гегемоном» и «растущим лидером». Однако, когда Китай открыто бросил вызов США, начав реализацию более жесткого внешнеполитического курса, международная система дестабилизировалась, что стало причиной нынешних конфликтов и еще большего ужесточения китайской внешней политики.

Изменения концептуальной базы внешней политики Китая

В связи с международным давлением усилились тенденции в сторону более жесткой внешней политики КНР, которые появились с приходом к власти Си Цзиньпина. Опубликованный в 2013 г. Документ № 9 дает понять, что Китай взял курс на решительное противодействие и пресечение любых усилий по продвижению «западных» концепций, таких как конституционная демократия или универсальные ценности⁵. Таким образом, надежды европейских стран на то, что Китай демократизируется вслед за экономическим ростом, рухнули. Доминирующее институциональное устройство нынешнего международного порядка рассматривается Китаем как навязанное западными либерально-демократическими государствами во главе с Соединенными Штатами после Второй мировой войны, а успешное распространение западных идей и ценностей объясняется победой в «холодной войне»,

² 教育部发布2020年第1号留学预警 [Предупреждение № 1 об обучении за рубежом]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/202006/t20200609_464131.html (accessed: 01.12.2021).

³ 文化和旅游部: 切勿前往澳大利亚旅游 [Министерство культуры и туризма: Не езьте в Австралию]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-06/05/content_5517566.htm

⁴ India-China relations at 'most difficult phase in 30-40 years' // Al Jazeera. 10.12.2020. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/12/10/most-difficult-phase-india-china-relations-continue-to-sour> (accessed: 30.01.2021).

⁵ Communiqué on the Current State of the Ideological Sphere (Document No. 9) // China Copyright and Media. 22.04.2013. URL: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2013/04/22/communique-on-the-current-state-of-the-ideological-sphere-document-no-9/> (accessed: 01.12.2021).

когда на мировой арене не осталось альтернатив [Хуе 2021: 1]. Поскольку Китай на сегодняшний день способен бросить вызов нынешнему гегемону — Соединенным Штатам, это вызывает активные дискуссии о будущем международном порядке. Эксперты отмечают, что Китай ведет себя как ревизионист нынешнего международного порядка, возглавляемого США [Takeuchi 2019: 210]. Наиболее подходящей аналитической рамкой для изучения внешних факторов, влияющих на изменение поведения Китая на международной арене и трансформации подходов западных стран к позиционированию КНР в глобальной политике, является теория «властного транзита» (Power transition theory), согласно которой индикатором начала периода «властного транзита» считается достижение восходящим государством около 80% «силы» доминирующей сверхдержавы [Organski, Kugler 1980: 44]. Долгое время казалось, что Китай — это одна из тех великих держав, кто вполне удовлетворен статусом-кво, однако приход к власти Си Цзиньпина и его курс на отказ от западных идей и интерес к изменению мирового порядка привели к конфликтам с США и поддерживающими их западными странами [Дегтерев, Рамич, Цвык, 2021: 215, 2020]. Вместо «демократического мира», основанного на универсальных (западных) принципах и ценностях, Китай предлагает «плюралистический мир», где страны будут уважать особенности и специфику друг друга [Zhang 2011: 244].

В этой связи особый интерес представляет опубликованная 7 декабря 2021 г. Белая книга «Стремление к общечеловеческим ценностям — подход Китая к демократии, свободе и правам человека»⁶, в которой Китай предлагает миру свой подход к определению демократии. Согласно Белой книге, «ориентированный на Запад критерий демократии не должен быть единственным критерием оценки хорошего или плохого управления»; а одним из принципов реализации общечеловеческих ценностей является «самоопределение», которое подразумевает достижение демократии, свободы и прав человека с учетом национальных условий, т.к. «демократические преобразования, навязанные извне, нанесут бесконечный вред». Большая часть документа была посвящена роли партии и ее успехам в социально-экономической политике страны. Было подчеркнута, что КПК обеспечивает демократическое правление, т.к. вся власть в стране сконцентрирована в руках граждан. Главным достижением партии было названо создание стабильной политической системы, которая способствует формированию могущественного государства. Благодаря достижениям Китая в области управления, обеспечения безопасности, стабильности, роста и развития был сделан вывод, что самая лучшая и жизнеспособная демократия — это социалистическая демократия с китайской спецификой, которая благодаря успешному правлению партии стала реальностью и уже приносит пользу 1,4 миллиардам человек.

Из этого подхода возникают задачи, которые на сегодняшний день стоят перед китайскими дипломатами. Как утверждают китайские ученые, основными целями современной внешней политики КНР являются: во-первых, обеспечение безопасности существующего режима и главенствующей роли партии, во-вторых, обеспечение национальной безопасности с упором на поддержание суверенитета и территориальной целостности Китая, в-третьих, поддержание экономической и социальной стабильности и роста [Tsang 2020]. Таким образом, внутривластная ситуация сильно влияет на внешнюю политику КНР. Теория международных отношений, которая лучше всего объясняет китайскую внешнюю политику — это концепция *Innenpolitik*. Согласно данному подходу, внутренние факторы, такие как политическая и экономическая ситуация, идеология, национальный характер, партийная политика или социально-экономическая структура, определяют, как страны

⁶ Pursuing Common Values of Humanity — China's Approach to Democracy, Freedom and Human Rights // The State Council. 07.12.2021. URL: <http://english.www.gov.cn/atts/stream/files/61af4525c6d0cc300eea787a> (accessed: 12.12.2021).

ведут себя на международной арене [Rose 1998: 148]. В случае с КНР ее подход определяется, прежде всего, ее политической системой.

Если посмотреть на очерченные задачи, стоящие перед внешней политикой Китая, становится понятно, почему Пекин так жестко реагирует на критику западных стран в отношении ситуации с правами человека в СУАР и Гонконге, а также в отношении территориальных споров с Южно-Китайском морем, Тайване и т.д. Кроме того, Китай испытывает давление и при поиске рынков сбыта своих высокотехнологических товаров, т.к. вся мировая «периферия» уже давно поделена между развитыми странами, а существующие международные экономические структуры поддерживают существующий порядок, мешают Китаю укрепиться в этой сфере. В связи с этим, Пекин взял курс на поддержку тех международных институтов, которые служат его интересам, ослабляя или подрывая те, которые мешают в достижении его целей и создавая параллельные структуры там, где невозможно добиться желаемых результатов [Friedberg 2018: 24, 25]. Китай теперь готов возглавить реформу системы глобального управления [Nathan, Zhang 2021: 5].

В связи с усилением международной критики правительство КНР за последние два года приняло ряд мер, которые показывают, что в ближайшем будущем курс Китая на ужесточение ответных мер против враждебно настроенных стран вряд ли изменится. Пекин стал жестче реагировать на заявления и действия иностранных государств, касающиеся национальных интересов КНР. Сегодня китайские лидеры ведут политику «кнута и пряника», щедро инвестируя в государства, готовые к диалогу с Пекином, и применяя экономические санкции против стран, организаций и частных лиц, которые нанесли «серьезный ущерб суверенитету и интересам Китая и злонамеренно распространяли ложь и дезинформацию»⁷.

В ответ на обширную антикитайскую кампанию правительство в Пекине пересмотрело свою собственную систему введения санкций и экспортного контроля. Во-первых, были созданы механизмы для применения санкций к иностранным юридическим и физическим лицам, признанным «ненадежными»⁸. Во-вторых, Китай принял Закон об экспортном контроле, который позволяет накладывать ограничения на импорт целых групп иностранной продукции⁹. Таким образом, Китай создал нормативно-правовую базу для введения экономических мер против стран, проводящих антикитайскую политику, и можно ожидать, что в дальнейшем КНР будет активнее применять экономические меры принуждения в отношении иностранных государств, угрожающих интересам Пекина.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что пандемия Covid-19 стала катализатором усиления тех трендов, которые существовали в международных отношениях и внешней политике Китая до 2020 г. С одной стороны, западные страны, которые на протяжении последних десятилетий сглаживали разногласия с Китаем, получая огромные финансовые выгоды от его экономического роста, теперь изменили риторику и усилили публичную критику КНР. С другой стороны, Китай отошел от «мягкой политики» и стал активнее и жестче реагировать на внешнеполитические провокации. Ответом на критику стали экономические санкции со стороны Китая, от которых больше всего пострадала Австралия,

⁷ Foreign Ministry Spokesperson Announces Sanctions on Relevant EU Entities and Personnel. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/t1863106.shtml (accessed: 27.11.2021).

⁸ 商务部令2020年第4号 不可靠实体清单规定 [Приказ Министерства коммерции КНР № 4 от 2020 года «Положение о списке неблагонадежных лиц»]. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/b/fwzl/202009/20200903002593.shtml> (дата обращения: 27.11.2021).

⁹ 中华人民共和国出口管制法 [Закон Китайской Народной Республики об экспортном контроле]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-10/18/content_5552119.htm (дата обращения: 27.11.2021).

для которой Китай является крупнейшим торговым партнёром и экспортные отрасли которой в течение последнего десятилетия подстраивались под китайский спрос. Вслед за этим Пекин усилил свою нормативно-законодательную базу, которая теперь позволяет правительству вводить санкции против недружественных стран. В связи с этим, можно предположить, что Китай в дальнейшем продолжит политику «кнута и пряника», экономически поддерживая государства, готовые вести конструктивный диалог с Пекином, и применяя экономические санкции против стран, которые будут пытаться сдерживать Китай. Это будет вызывать разрастание дуги нестабильности, простирающейся от Тихого до Атлантического океана.

Список литературы

1. Дегтерев Д.А., Рамич М. С., Цвык А. В. США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. No. 2. С. 210–231. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231
2. Журухина Е., Бочарова А. Бейтс Гилл: Дипломатия «волков-воинов» в Китае — работает ли она? // Россия в глобальной политике. 2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/diplomatiya-volkov-voinov/> (дата доступа: 30.01.2021).
3. Си Цзиньпин. О государственном управлении. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2014.— 630 с.
4. 孙茹, 王付东. 美韩同盟涉华合作 // 现代国际关系. 2021. No. 8. P. 25–32. [Сунь Жу, Ван Фудун. Сотрудничество альянса США и РК по китайской проблематике // Современные международные отношения. 2021. No. 8. С. 25–32].
5. Benson M. Hong Kongers and the coloniality of British citizenship from decolonisation to ‘Global Britain’ // *Current Sociology*. 2021. P. 1–19. DOI:10.1177/00113921211048530
6. Bishop C. To Understand China’s Aggressive Foreign Policy, Look at Its Domestic Politics // Council on Foreign Relations. 08.10.2020. URL: <https://www.cfr.org/blog/understand-chinas-aggressive-foreign-policy-look-its-domestic-politics> (accessed: 30.01.2021).
7. Friedberg A. L. Competing with China // *Survival*. 2018. Vol. 60. No. 3. P. 7–64. DOI: 10.1080/00396338.2018.1470755
8. Hartcher P. *Red Zone: China’s Challenge and Australia’s Future*. Melbourne: Black Inc., 2021. 304 p.
9. Lim D.J., Attrill N. Australian debate of the China question: the COVID-19 case // *Australian Journal of International Affairs*. 2021. Vol. 75. No. 4. P. 410–431, DOI: 10.1080/10357718.2021.1940094
10. Nathan A.J., Zhang B. ‘A Shared Future for Mankind’: Rhetoric and Reality in Chinese Foreign Policy under Xi Jinping // *Journal of Contemporary China*. 2021. P. 1–15. DOI: 10.1080/10670564.2021.1926091
11. Organski A.F.K., Kugler J. *The war ledger*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 299 p.
12. Pan G., Korolev A. The Struggle for Certainty: Ontological Security, the Rise of Nationalism, and Australia-China Tensions after COVID-19 // *Journal of Chinese Political Science*. 2021. Vol. 26. No. 1. P. 115–138. DOI:10.1007/s11366-020-09710-7
13. Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // *World Politics*. 1998. Vol. 51. No. 1. P. 144–172. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0043887100007814>
14. Takeuchi H. Domestic politics of Chinese foreign policy: where will Xi Jinping bring China? // *Asian Security*. 2019. Vol. 15. No. 2. P. 205–213. DOI: 10.1080/14799855.2019.1594782

15. Tsang S. Party-state Realism: A Framework for Understanding China’s Approach to Foreign Policy // *Journal of Contemporary China*. 2020. Vol. 29. No. 122. P. 304–318. DOI: 10.1080/10670564.2019.1637562
16. Wesley-Smith T., Finin G. A. US-Pacific Engagement and the Biden Presidency: The Limits of a China-Centred Approach // *The Journal of Pacific History*. 2021. P. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1080/00223344.2021.1992268>
17. Xue Y. China’s rise, Guanxi, and primary institutions // *The Pacific Review*. 2021. P. 1–31. DOI: 10.1080/09512748.2021.1917645
18. Zhang X. A rising China and the normative changes in international society // *East Asia*. 2011. Vol. 28. No. 3. P. 235–246. DOI:10.1007/s12140-010-9131-y

References

1. Benson M. Hong Kongers and the coloniality of British citizenship from decolonisation to ‘Global Britain’. *Current Sociology*, 2021, pp. 1–19. DOI:10.1177/00113921211048530
2. Bishop C. *To Understand China’s Aggressive Foreign Policy, Look at Its Domestic Politics* // Council on Foreign Relations. 08.10.2020. URL: <https://www.cfr.org/blog/understand-chinas-aggressive-foreign-policy-look-its-domestic-politics> (accessed: 30.01.2021).
3. Degtarev D. A., Ramich M. S., Tsvyk A. V. SShA — KNR: “vlastnyi tranzit” i kontury “konfliktnoi bipoliarnosti”. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2021, vol. 21, no. 2, pp. 210–231. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231 (In Russian).
4. Friedberg A. L. Competing with China. *Survival*, 2018, vol. 60, no. 3, pp. 7–64. DOI: 10.1080/00396338.2018.1470755
5. Hartcher P. *Red Zone: China’s Challenge and Australia’s Future*. Melbourne: Black Inc., 2021. 304 p.
6. Lim D. J., Attrill N. Australian debate of the China question: the COVID-19 case. *Australian Journal of International Affairs*, 2021, vol. 75, no. 4, pp. 410–431, DOI: 10.1080/10357718.2021.1940094
7. Nathan A. J., Zhang B. ‘A Shared Future for Mankind’: Rhetoric and Reality in Chinese Foreign Policy under Xi Jinping. *Journal of Contemporary China*, 2021, pp. 1–15. DOI: 10.1080/10670564.2021.1926091
8. Organski A. F.K., Kugler J. *The war ledger*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 299 p.
9. Pan G., Korolev A. The Struggle for Certainty: Ontological Security, the Rise of Nationalism, and Australia-China Tensions after COVID-19. *Journal of Chinese Political Science*, 2021, vol. 26, no. 1, pp. 115–138. DOI:10.1007/s11366-020-09710-7
10. Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy. *World Politics*, 1998, vol. 51, no. 1, pp. 144–172. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0043887100007814>
11. 孙茹, 王付东. 美韩同盟涉华合作. 现代国际关系, 2021, no. 8, pp. 25–32. [Sun Ru, Wang Fudong. U.S.-South Korea Alliance China-related Cooperation. *Modern International Relations*, 2021, no. 8, pp. 25–32]. (In Chinese).
12. Takeuchi H. Domestic politics of Chinese foreign policy: where will Xi Jinping bring China?. *Asian Security*, 2019, vol. 15, no. 2, pp. 205–213. DOI: 10.1080/14799855.2019.1594782
13. Tsang S. Party-state Realism: A Framework for Understanding China’s Approach to Foreign Policy. *Journal of Contemporary China*, 2020, vol. 29, no. 122, pp. 304–318. DOI: 10.1080/10670564.2019.1637562

14. Wesley-Smith T., Finin G. A. US-Pacific Engagement and the Biden Presidency: The Limits of a China-Centred Approach. *The Journal of Pacific History*, 2021, pp. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1080/00223344.2021.1992268>
15. Xi Jinping. *O gosudarstvennom upravlenii*. Pekin: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh iazykakh, 2014. 630 s. (In Russian).
16. Xue Y. China's rise, Guanxi, and primary institutions. *The Pacific Review*, 2021, pp. 1–31. DOI: 10.1080/09512748.2021.1917645
17. Zhang X. A rising China and the normative changes in international society. *East Asia*, 2011, vol. 28, no. 3, pp. 235–246. DOI:10.1007/s12140-010-9131-y
18. Zhirukhina E., Bocharova A. Beits Gill: Diplomatiiia “volkov-voinov” v Kitae — rabotaet li ona?. *Rossiiia v global'noi politike*. 2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/diplomatiiya-volkov-voinov/> (accessed: 10.12.2021). (In Russian).

Информация об авторе

Евгения Юрьевна Каткова — кандидат исторических наук, старший преподаватель. Кафедра теории и истории международных отношений, кафедра иностранных языков РУДН.

Email: katkova-eyu@rudn.ru

Author's Information

Evgeniya Yu. Katkova — PhD in History, Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, Department of Foreign Languages, RUDN.

Email: katkova-eyu@rudn.ru

УДК: 327

ББК: 66.4(4/8)

В.Н. Колотов

Санкт-Петербургский государственный университет

Большая игра и евразийская система дуг нестабильности на современном этапе

Аннотация: Анализ сложившейся в настоящее время геополитической ситуации в Евразии показывает наличие конкурирующих друг с другом нескольких интеграционных и дезинтеграционных проектов. Наиболее детально разработанная идеологическая база имеется только у дезинтеграционного проекта подлинно евразийского масштаба — евразийской системы дуг нестабильности, суть которого состоит в создании условий, не допускающих появления конкурента, способного бросить вызов доминированию США. Альтернативные проекты интеграционного характера активно конкурируют друг с другом и при этом имеют ярко выраженный региональный характер.

В данном контексте фиксируется очевидный разрыв между фактическим отсутствием идеологии, привлекательной для большей части оставшихся суверенными субъектами евразийской геополитики, и попытками с их стороны построить собственные зоны влияния на региональном уровне, которые вступают в конкуренцию как друг с другом, так и с планами партнеров. Последние традиционно с подозрением относятся даже к замыслам по созданию независимых центров силы и соответственно жестко реагируют на стремление геополитических противников добиться идеологического, военного и экономического доминирования.

Планы по реализации интеграционных проектов осуществляются в интересах наиболее мощных евразийских субъектов, против которых влиятельные «игроки» немедленно активизируют региональных и глобальных акторов. В данном контексте современная Евразия предстает в виде гибридного «поля битвы», на котором без соблюдения каких-либо правил ведется с каждым годом все более ужесточающаяся системная борьба в основном чужими руками. Усилению этой тенденции способствует внешняя и внутренняя политика малых и средних стран Евразии, которые под прикрытием «многовекторности», по сути, работают в рамках «дилеммы заключенного», что позволяет конкурентам без особого напряжения проводить стратегию «разделяй и властвуй». Библиография: 16 наименований.

Ключевые слова: интеграция, дезинтеграция, Большая игра, идеология, геополитика, баланс сил, евразийская система дуг нестабильности.

Vladimir N. Kolotov
Saint-Petersburg State University

The Great Game and the Eurasian system of Arcs of Instability at the present stage

Summary: Analysis of the current geopolitical situation in Eurasia shows the presence of several integration and disintegration projects competing with each other. The most detailed ideological basis is only found in the disintegration project of a truly Eurasian scale—the Eurasian system of arcs of instability. Its essence is to create conditions that prevent the emergence of a competitor capable of challenging the dominance of the United States.

Alternative projects of an integration nature actively compete with each other and, at the same time, have a pronounced regional character. In this context, an obvious gap is recorded between the actual absence of an ideology attractive to most of the remaining sovereign subjects of Eurasian geopolitics and their attempts to build their own zones of influence at the regional level. They enter into competition both with each other and with the plans of partners who are traditionally suspicious of plans to create independent centers of power and accordingly react robustly to the desire of geopolitical opponents to achieve ideological, military and economic domination.

The plans for the implementation of integration projects are being carried out in the interests of the most powerful Eurasian subjects, against whom influential “players” immediately activate regional and global actors.

In this context, modern Eurasia turns into a hybrid “battlefield”, where every year an increasingly tougher hybrid struggle is waged without observing any rules, mainly by proxy. The strengthening of this trend is facilitated by the foreign and domestic policies of small and medium-sized countries of Eurasia, which, under the guise of “multi-vector” work, in fact, within the “prisoner’s dilemma”, thus allowing competitors to pursue the “divide and rule” strategy without much trouble. (References 16 titles).

Keywords: integration, disintegration, The Great Game, ideology, geopolitics, balance of power, Eurasian system of arcs of instability

Введение

В настоящее время мы имеем возможность непосредственно наблюдать очередной раунд Большой игры на евразийском пространстве. Данный термин появился в XIX веке в период обострения геополитического соперничества между Российской и Британской империями за влияние в Центральной Азии и приписывается британскому разведчику Артуру Конолли (1807–1842) [Фурсов, 2016: 16]. Позднее термин получил широкую известность благодаря писателю Р. Киплингу. В то время политика настраивания против России центральноазиатских ханов и эмиров офицерами британских спецслужб уже получила широкое распространение. С тех пор технологии дестабилизации спорных пространств и геополитических конкурентов подверглись существенной модернизации.

В настоящее время Евразия представляет собой наиболее богатый и одновременно самый расколотый в политическом, идеологическом и религиозном отношении континент. Как учили классики геополитики — контроль за его сердцевинной heartland — является необходимой предпосылкой для установления мирового господства. Именно поэтому ведущаяся с переменным успехом с XIX века Большая игра предполагает установление единоличного контроля над ключевыми регионами Евразии со стороны одного из игроков. С учетом качества и количества имеющихся управленческих ресурсов противоборствующих сторон пока ни у кого из них нет достаточных сил для установления монопольного контроля над Евразией. При невозможности достижения данной цели усилия концентрируются на проведении управляемой региональной дестабилизации и экспорте нестабильности в направлении основных геополитических конкурентов. Этот старый как мир принцип использования силы противника против него самого применяется с целью подавления потенциала геополитических конкурентов. При этом следует отметить высокий уровень дестабилизации на отдельных спорных участках, где степень геополитического напряжения дошла до такой степени накала, что сформировала пересекающие целые регионы сегменты дуги нестабильности, система которых в настоящее время охватывает ключевые регионы Евразии.

Соответственно, в данном процессе воистину эпической борьбы принимают участие как собственно «игроки», так и «фигуры», которыми распоряжаются наиболее опытные в геополитических играх участники, готовые в случае необходимости пожертвовать ими ради достижения своих целей. Зачастую, анализируя самоубийственную политику некоторых стран, эксперты отмечают нерациональность их действий, однако, если принять во внимание наличие внешнего контроля над ними и фактическое изменение их статуса с игрока на фигуру, то все становится на свои места. Для прикрытия реального статуса такой фигуры и с целью введения других игроков в заблуждение широко используется концепция «многовекторности», однако очевидное и неуклонное понижение статуса подобных акторов в ходе Большой игры хорошо заметно.

В данном контексте у субъектов современной Большой игры прослеживаются очевидно противоположные интересы. С одной стороны, субъекты евразийской геополитики должны быть заинтересованы в интеграции с целью усиления своих позиций. Однако общей евразийской идеологии у такого проекта нет, как нет и поддержки со стороны тех, кому это могло бы быть выгодно, поскольку в контексте ведущейся войны эгоистические личные или локальные интересы берут верх над общеевразийскими, и борьба переходит в плоскость жесткой конкуренции альтернативных евразийских проектов между собой, которая, разумеется, стимулируется как внутренними, так и внешними силами.

С другой стороны, противостоящие евразийским игрокам внешние силы, соответственно, проводят наиболее выгодный им курс на дезинтеграцию евразийского пространства путем сталкивания евразийских игроков друг с другом и натравливания на них подконтрольных внешним силам региональных фигур, количество которых после дезинтеграции СССР существенно возросло.

Хорошо известно, что у субъектов евразийской геополитики за время своего длительного взаимодействия друг с другом на континенте накопилось такое количество взаимных обид и противоречий, что они зачастую демонстрируют неспособность договориться друг с другом по критически важным вопросам, поскольку те, кто в состоянии более или менее адекватно анализировать сложившуюся ситуацию, пытаются реализовать свои собственные региональные геополитические проекты, которые неизбежно вступают в конкуренцию с проектами соседних евразийских игроков. Именно это обстоятельство лишает евразийцев стратегической инициативы и передает ее в руки конкурентов, которые сохранили способность выступать согласованно и концентрировать усилия на наиболее важных направлениях, что хорошо видно, например, по недавно анонсированному блоку AUKUS¹.

Методология

В данном исследовании для анализа современной геополитической ситуации использована старая добрая методология классического трактата Сунь-цзы «Законы войны»² и описанные в нем 兵法 (законы войны). С VI века до н.э., конечно же, появилось много новых терминов, которые иногда конкретизируют некоторые нюансы противостояния, но по существу описывают те же самые фундаментальные законы, процессы и явления, которые были введены древнекитайским стратегом.

Описывая стратегию ведения войны, Сунь-цзы выделяет четыре основных уровня: «故上兵伐謀, 其次伐交, 其次伐兵, 其下攻城» [孫子 512 BC]. Вот практически дословный и представляющий наиболее точный перевод данной фразы, сделанный академиком Н. И. Конрадом: «Поэтому самая лучшая война — разбить замыслы противника; на следующем месте — разбить его союзы; на следующем месте — разбить его войска. Самое худшее — осаждают крепости» [Конрад, 1977: 28]. Как видно из данной цитаты, гибридный и многоуровневый характер войны был очевиден еще в VI веке до нашей эры.

В конце XX века и в начале XXI века авторитетный политолог Дж. С. Най в дополнение к распространенному термину *hard power* ввел в употребление такие термины, как *soft power* и *smart power*, которые хорошо коррелируют с указанными выше терминами Сунь-цзы.

Джозеф С. Най писал: «Сила — это способность изменять поведение других для получения того, что вы желаете. Основных способов для этого имеется три: принуждение (палка), плата (морковка) и притягательность (мягкая сила)» [Nye 2006]. По сути, в данной цитате описывается стратегематика, которую творчески развивали многочисленные последователи Сунь-цзы. «Палке» Дж. Най вполне соответствует иероглиф 兵 — «война/армия» (пографемно «топор» в «руках»), «морковке» — иероглиф 交 — «связи» (интеграция, экономика), а термины мягкая и умная сила вполне сопоставимы с иероглифом 謀 «замыслы». Заметим, что у Сунь-цзы более детально рассмотрен термин «*hard power*» — как угроза применения вооруженных сил 兵 и их использование в ходе осады городов 攻城.

Самый высший уровень противостояния у Сунь-цзы представлен 謀 «замыслами», что в современном языке в расширенном смысле соответствует области идеологии. В наши дни для обозначения войны на этом уровне используются такие термины как психологическая, мозговая, когнитивная, ментальная война и пр. Именно на это обратил внимание советник министра обороны Российской Федерации А. М. Ильницкий, который дал свое определение этому термину: «Ментальная война — это война, направленная на изменение мировоззрения» [Ильницкий, 2021: 8]. О критической значимости данного фактора

¹ Акроним, составленный по первым буквам англосаксонских участников блока: Australia, United Kingdom, the United States.

² В основном название данного трактата на европейские языки переводится как «Искусство войны», что в определенном смысле искажает его содержание.

красноречиво свидетельствует происходящее в ближнем зарубежье. «На той же Украине в результате системной работы по перезагрузке мировоззрения, через “обнуление и переписывание истории”, молодежь практически поголовно превратили в русофобов неонацистского толка. А мы продолжаем удивляться, почему это люди, которые говорят на одном с нами языке, вдруг стали нам врагами» [Ильницкий, 2021: 9].

Идеология как общее видение желаемого будущего, к которому надо стремиться, является важнейшей частью государственного строительства, однако и в данной области у нас проблем больше, чем достижений. А. М. Ильницкий полагает, что «для формирования суверенной стратегии нужна государственная идеология — четкое целеполагание, основанное на понимании того, кто мы были, есть и куда идем как цивилизация» [Ильницкий, 2021:10]. При этом в последней версии важнейшего нормативного документа «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Указ 2021] об идеологии не упоминается вообще!

А. М. Ильницкий обратил внимание на то, что: «Международное противоборство разворачивается сегодня в форме “ментальной войны”, для победы в которой России необходима реализация идеологии “народной империи”, освоение гуманитарных технологий влияния, укрепление союзнических отношений» [Ильницкий, 2021: 7]. При анализе данной цитаты обратим внимание на такие необходимые составляющие победы как идеология и союзы, что, по сути, полностью совпадает с подходом древнекитайского стратега.

Следующий уровень Сунь-цзы — 交 «связи», что соответствует современному термину союзы и коалиции, а также трансграничным и трансрегиональным коммуникациям с соседями, которые позволяют развивать экономику. Это также критически важная составляющая, без которой ни мира, ни войны не получится. Отсюда становится понятным рисование разделительных и красных линий, а также введение экономических санкций со стороны геополитических конкурентов с целью разрыва связей, ограничения доступа к новым технологиям и консервации отсталости.

А. М. Ильницкий совершенно справедливо отмечает, что «сборка наших союзников и тех, кто хочет быть с нами в коалиции, — это задача первой половины XXI века» [Ильницкий, 2021: 12], однако очевидная слабость на более высоком уровне замыслов лишает нас преимущества и на более низком уровне союзов, поскольку наших потенциальных союзников активно перепрограммируют и превращают в фигуры, которыми играют наши противники, что ставит нашу страну в уязвимую позицию в грядущей партии Большой игры.

Следующие использованные Сунь-цзы термины также вполне сохранили свое значение до наших дней. А именно 兵 «армия» и 攻城 «осада города». При этом заметим, что это самые низшие «жесткие» (*hard*) уровни противостояния, на которых вынуждены играть те, кто не смог добиться успеха на более «мягких» (*smart/soft*) высоких интеллектуальных уровнях. Уровни 兵 «армия» и 攻城 «осада города» самые ресурсозатратные. Но и на этих низких, но также исключительно важных уровнях «партнеры» постепенно меняют баланс сил в более выгодном для них направлении, в результате чего против ослабленного и доведенного до кондиции противника будут воевать не они сами, а предварительно подготовленные ими фигуры, которыми в случае необходимости можно и пожертвовать. Очевидно, что западные партнеры не чувствительны к потерям условных игиловцев³ или бандеровцев.

Борис Грозовский, анализируя подход Дж. Най, обращает внимание на то, что «военная сила не исключается: «мягкая сила» — не единственная составляющая «умной силы». Последнюю Най представляет как трехуровневую шахматную доску. На одном уровне страны меряются военной силой, на другом — финансово-экономической мощью,

³ Запрещенная в РФ террористическая организация.

а на третьем идет игра, в которую без госконтроля играют неправительственные игроки — корпорации, НКО, медиа» [Грозовский, 2014].

Дж. Най был, безусловно, прав, когда писал, что «в конце концов, в трехуровневой игре игрок, следящий только за одной доской, непременно проиграет» [Най, 2012: 187], но не будем забывать, что во времена Сунь-цзы война планировалась и велась одновременно на четырех досках или, вернее, уровнях. Поэтому упрощение классических схем представляется не очень продуктивным, поскольку по мере развития цивилизации борьба усложняется.

Приведенная А. М. Ильницким в качестве примера российских достижений своевременная разработка в РФ вакцины против коронавируса активно используется против населения нашей же страны. «Социальный пример мы уже задаем — один “Спутник V” завоевывает гораздо больше умов, чем сотни публикаций» [Ильницкий, 2021: 13]. В настоящее время РФ практически ежедневно бьет антирекорды смертности от коронавируса, что при наличии эффективно работающей собственной вакцины красноречиво свидетельствует о поражении на информационном фронте. А это лишний раз подтверждает, что даже объективно достигнутые технологические достижения на нижних уровнях могут быть дискредитированы или обнулены информационными атаками, проводимыми на более высоких уровнях. Эффективное перепрограммирование населения части постсоветского пространства аналогичным образом является результатом поражения на верхних уровнях! Мощнейший военный потенциал также в свое время не спас СССР, разгромленный на идеологическом уровне.

Анализ сложившейся ситуации

1. Общий обзор

Применяя матрицу Сунь-цзы к современной ситуации, нетрудно заметить, что РФ на идеологическом уровне («замыслы») не работает вообще как внутри страны, так и за рубежом, что приводит к ослаблению позиций как на внешнем контуре, так и на внутреннем. При этом стратегия в области геополитики, развития экономики, модернизации носит хаотичный характер, в то время как другие страны успешно развиваются и опережают Москву не только по темпам роста ВВП, но и по объему экономики.

В то же самое время даже весьма примитивные идеологические конструкты радикального типа при отсутствии системного идеологического противодействия как нож в масло проникают в ближнее зарубежье и внутрь страны. В стране под прикрытием религиозной идеологии пускают корни разного рода радикальные экстремистские организации. Претенденты на региональное доминирование используют идеологические, политические и экономические инструменты для усиления своих позиций, что, очевидно, не совместимо с сохранением былого российского влияния. Именно поэтому на постсоветском пространстве мы видим усиление американских, европейских, арабских, турецких и китайских позиций.

Внутри российской элиты имеются конкурирующие друг с другом группировки, что превращает идеологическое поле в очень пестрый узор, при анализе которого не просто сразу разобраться, кто есть кто на самом деле. При таком положении проводить осмысленный курс даже в ближнем зарубежье представляется весьма сложной задачей для РФ. Именно поэтому даже из стана ближайших военных союзников регулярно проходит информация о дерусификации, переходе на латиницу, переписывании истории в угоду новым идеологическим подходам, сносе памятников, «языковых патрулях», а также героизации местных нацистов. На этих спорных территориях, по сути, происходит глубокое геокультурное переформатирование, которое сопровождается сменой политических режимов, идеологий, языков, религий, а в ряде случаев и зачисткой части политически

активного населения, что исключает восстановление прежней системы отношений даже в случае сбоя или замедления этого процесса.

Изменение баланса сил в сложившейся в настоящее время геополитической ситуации в Евразии показывает нарастание противостояния жестко конкурирующих друг с другом нескольких интеграционных и дезинтеграционных проектов, реализация которых предполагается на ресурсной базе Евразии. Распад СССР в конце прошлого века существенно усилил Запад (США, ЕС), Ближний Восток (Турцию, ОАЭ, КСА, Катар), Китай, Индию. Ослабевшее постсоветское пространство стало зоной свободной охоты и частично было включено в проекты набирающих силу региональных центров силы.

После дезинтеграции СССР произошли изменения в балансе сил и геополитическом статусе основных игроков. В XXI веке существенно вырос геополитический статус Вашингтона, Брюсселя, Пекина, Дели, Анкары, которые не только проецируют свое влияние на ключевые регионы Евразии, включая постсоветское пространство, но и стремятся там закрепиться в экономическом, военном, культурном планах, что, очевидно, сопровождается соответствующим ослаблением позиций Москвы. В терминах теории игр это называется игра с нулевой суммой.

В Указе Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» отмечено, что «Реализация Российской Федерацией государственной политики в области обеспечения национальной безопасности способствует повышению внутренней стабильности, наращиванию экономического, политического, военного и духовного потенциала России, необходимого для укрепления ее роли как одного из влиятельных центров современного мира» [Указ 2021].

Однако такие амбиции не находят поддержки у других претендентов. 8 октября в Мадриде на форуме «Новая экономика» верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель отказал России, Индии и Турции в статусе «сверхдержав». Дословно было сказано следующее: «Там находятся такие важные страны, как Россия, Индия и Турция, которые ранее являлись империями, снова хотят ими стать, особенно Россия и Турция. Это великие государства, они знают, что не будут сверхдержавами, но хотят быть и являются региональными державами, у них есть военная сила, и они готовы использовать ее и используют» [Боррель, 2021]. Данное заявление демонстрирует вполне предсказуемое стремление заблокировать усиление альтернативных центров силы.

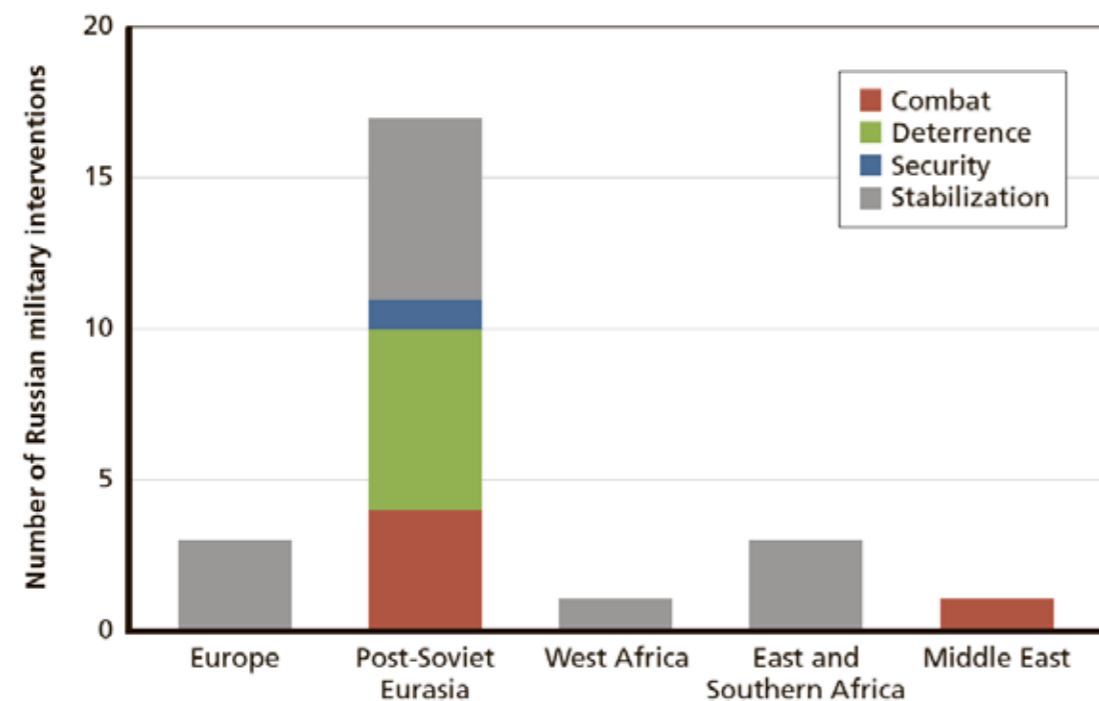
Таким образом, в настоящее время в Евразии заметны, с одной стороны, конкурирующие интеграционные проекты набирающих силу региональных игроков. С другой стороны, для внешних акторов дезинтеграция представляется как наиболее эффективный метод формирования выгодной для них конфигурации конфликта, с целью взаимного ослабления основных конкурентов. Именно поэтому повышение евразийской нестабильности особо отмечено в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: «Рост геополитической нестабильности и конфликтности, усиление межгосударственных противоречий сопровождаются повышением угрозы использования военной силы» [Указ 2021].

Постоянный рост напряженности вынуждает Москву порой довольно жестко реагировать на угрозы своим интересам. С 1992 по 2018 годы эксперты Корпорации РЭНД насчитали 25 случаев военного вмешательства РФ, 17 из которых произошли на постсоветском пространстве. Среди причин вооруженного вмешательства выделены следующие: военные действия, сдерживание, безопасность, стабилизация. В частности отмечается, что «Большинство из 25 интервенций России произошло в постсоветской Евразии. Статус Москвы как великой державы напрямую связан с ее ролью регионального гегемона. Ее забота о региональном балансе сил, несомненно, является наиболее острой в этом регионе; Кремль, похоже, полагает, что благоприятный баланс сил в постсоветской Евразии жизненно важен для безопасности России. Более того, Россия считает, что многие

из острых внешних угроз для ее безопасности проистекают из постсоветской Евразии, такие как нестабильность, смена режима, терроризм или непосредственные угрозы своим силам, дислоцированным в регионе» [Charap 2021: XIV]. Обратим внимание на то, что и в этой цитате подчеркивается необходимость для Москвы порой жестко защищать свой геополитический статус «великой державы».

Размещенная на этой же странице диаграмма «Количество российских военных интервенций по видам деятельности и географическому положению Регион (1992–2018 гг.)» [Charap 2021: XIV] представляет военную активность Москвы в Европе, постсоветской Евразии, Западной Африке, Восточной и Южной Африке, а также на Ближнем Востоке, из которой следует вполне логичный вывод о приоритете защиты Москвой своих интересов прежде всего на постсоветском пространстве. Однако этой стратегии, очевидно, не хватает идеологической составляющей.

Figure 5.2
Number of Russian Military Interventions, by Activity Type and Geographic Region (1992–2018)

Наиболее детально разработанная идеологическая база имеется только у дезинтеграционного проекта подлинно евразийского масштаба — евразийской системы дуг нестабильности (ЕСДН), суть которого состоит в создании условий, не допускающих появления конкурента, способного бросить вызов доминированию США. Противопоставить ему с другой стороны пока нечего. Связано это с тем, что альтернативные проекты интеграционного характера активно конкурируют друг с другом и при этом имеют ярко выраженный региональный характер. В результате фиксируется очевидный разрыв между фактическим отсутствием привлекательной для большей части оставшихся суверенными субъектами евразийской геополитики идеологии и попытками с их стороны построить собственные зоны влияния националистического характера на региональном уровне, которые вступают в конкуренцию как друг с другом, так и с планами партнеров. Последние традиционно с подозрением относятся даже к замыслам по созданию независимых центров силы и соответственно жестко реагируют на стремление геополитических противников добиться идеологического, военного и экономического доминирования. Планы

по реализации интеграционных проектов осуществляются в интересах наиболее мощных евразийских субъектов, против которых влиятельные международные «игроки» немедленно активизируют региональных и глобальных акторов.

Динамика взаимодействия возросшего количества участников Большой игры с каждым годом становится все более напряженной, поскольку они не могут договориться о взаимоприемлемых параметрах иерархии.

Важные оценки текущей ситуации прозвучали 22–24 июня 2021 года на **IX Московской конференции по международной безопасности**. Президент РФ В. В. Путин в своем выступлении отметил, что: «турбулентность геополитических процессов возрастает, даже несмотря на отдельные позитивные сигналы. Продолжается и эрозия международного права. Не прекращаются попытки использовать силу для продавливания своих интересов, укрепить собственную безопасность за счёт безопасности других» [Видеообращение, 2021].

Министр обороны РФ С. К. Шойгу обратил внимание на то, что: «Сегодня на первое место выходит новая тенденция — формирование глобальных коалиций, разделение мира на «своих» и «чужих» [Министр обороны, 2021]. А коалиции и проходящие между ними разделительные линии показывают динамичный баланс сил, детальную конфигурацию основных сегментов евразийской системы дуг нестабильности, то есть отвечают на вопрос, кто и с какой стороны будет сражаться в готовящейся войне.

В настоящее время война с разной степенью интенсивности ведется на всех четырех уровнях восьми сегментов евразийской системы дуг нестабильности (ЕСДН)⁴, чье воздействие призвано преодолеть геополитическое сопротивление евразийского материала. «Война практически уже объявлена» заметил С. В. Лавров 10 сентября 2021 г., характеризуя политику стран Запада в отношении российских СМИ [Лавров, 2021].

2. Обзор региональных конфликтов

Переворот в Киеве в 2013–2014 годах заблокировал интеграцию Украины в ЕАЭС, а вялотекущий проект Союзного государства с Минском превратил РБ в «белорусский выступ», который едва не «подрезали» в августе 2020 года. Спасти ситуацию удалось только благодаря быстрой реакции Москвы, которая, вопреки ожиданиям партнеров, не обиделась на резкие заявления из Минска и проявила твердость в защите своих интересов.

С целью смены режима в РБ (восточноевропейский сегмент), резекции «белорусского выступа» и изменения конфигурации восточноевропейского сегмента активно использовались подконтрольные США режимы в Польше, Литве и на Украине. Интерес к раскачке ситуации в РБ был проявлен и в ФРГ. Показательно, что через 75 лет после поражения во ВМВ в Берлине уже подобрали своего «начальника» для Минска, которую в журнале Der Spiegel политкорректно назвали Oppositionsführerin, что весьма красноречиво свидетельствует о попытке существенно понизить геополитический статус некоторых стран на постсоветском пространстве.

Геополитическая и военная ситуация в Кавказском регионе зависит от уровня активности кавказского сегмента евразийской системы дуг нестабильности, а также смежных сегментов. В настоящее время в активном состоянии находятся следующие соседние сегменты: восточноевропейский и ближневосточный, откуда нестабильность экспортируется в направлении Кавказа и Центральной Азии, а, в конечном счете, РФ и КНР.

С целью индуцирования нестабильности в Закавказье (кавказский сегмент) активно работают Турция, Грузия, Украина, Пакистан. Иран по мере сил стремится играть свою игру. В целом на кавказском сегменте находится несколько управляемых очагов напряженности (Абхазия, Южная Осетия, Грузия, Армения, Азербайджан), в которые в разной

⁴ Восточноевропейский, североафриканский, ближневосточный, кавказский, центральноазиатский, южноазиатский, восточноазиатский, арктический.

степени втянуты практически все страны региона. Весь комплекс довольно конфликтных отношений между всеми странами региона, которые умело поддерживаются внешними кураторами, а также антагонистическими интересами крупных геополитических игроков, позволяет сделать прогноз о росте дестабилизационных процессов в регионе. По сути, регион в целом представляет собой «пороховую бочку», состоящую из ингредиентов разной степени взрывоопасности. Задача внешних игроков состоит в повышении управляемости процессами дестабилизации и организации управляемого взрыва с целью реорганизации пространства между Черным и Каспийским морями и созданию в Закавказье плацдарма для производства и экспорта нестабильности в северном направлении.

Суть описанных выше процессов состоит в дальнейшем выдавливании РФ из Кавказского региона руками пограничных стран и их соседей, уровень управляемости которыми со стороны внешних кураторов с каждым годом повышается. Именно таким образом разыгрывается очередная «шахматная» партия по дальнейшему реформированию постсоветского пространства.

В данном контексте обращает на себя внимание то обстоятельство, что осеннее обострение 2020 года в Нагорном Карабахе началось во время завершения учений «Кавказ-2020» и заявления министра обороны РФ С. К. Шойгу об окончательном разгроме ИГИЛ⁵ в САР. При этом осуществлялась открытая переброска имеющих боевой опыт на сирийском ТВД боевиков к линии огневого соприкосновения в Нагорном Карабахе при поддержке Турции. Иными словами, разгром баз ИГИЛ на дальних подступах привел к активизации переброшенных отрядов религиозных радикалов уже на ближних подступах, где они воюют фактически на границах страны-члена ОДКБ и собственно РФ.

Таким образом, Анкара приступила к активной фазе реорганизации постсоветского пространства и реализации своего сценария создания протурецкого проекта, в рамках которого рассматриваются также тюркоязычные постсоветские страны, регионы РФ и Крымский п-ов.

Получается, что, не успев добить одних радикалов, РФ получила на своих границах новый интеграционный с точки зрения Анкары (с точки зрения Москвы, соответственно, дезинтеграционный) более технологически продвинутый проект создания целой «конфедерации», которая явно направлена на конкуренцию с такими проектами как ЕАЭС, ОДКБ, ШОС и пр.

В течение последних лет все региональные участники (Грузия, Азербайджан, Армения) проводили политику по ослаблению пророссийских сил и укреплению «многовекторности», что подготовило почву для усиления позиций Турции на Кавказе и ознаменовало начало очередной фазы активной борьбы за реформирование региона. В настоящее время на кавказском сегменте происходит усиление влияния Турции, что сопровождается вытеснением РФ.

Очередной раунд «Большой игры» активизировал геополитическое противостояние сразу на нескольких сегментах ЕСДН. Кавказский сегмент является лишь одним из стратегически важных подходов к РФ и ее северокавказским регионам с южного направления, ситуация на котором приобретает все более тревожные черты.

Архаизация политики на региональном уровне не позволяет из «окопов» увидеть общую картину зависимым от внешних кураторов региональным «элитам», которые выступая под националистическими лозунгами, на деле ввергают свои страны в чужие геополитические игры с весьма туманными перспективами.

Внешние игроки, проводя достаточно гибкую политику, создают в спорных и буферных регионах неустойчивое равновесие, балансируя на грани войны. Таким образом, они держат «в тонусе» не только своих вассалов (при необходимости они умело «тасуют»

⁵ Запрещенная в РФ террористическая организация.

одних «национальных лидеров» на других), но и конкурентов, против которых и направлено основное острие их политики.

Умение решать тонкие вопросы чужими руками и вести т.н. прокси-войны стало визитной карточкой на многих реальных и потенциальных ТВД на евразийском пространстве. Одновременно путем поставок вооружений и боевиков своим подопечным напрямую или через ближайших партнеров (Турция, Израиль, Пакистан) Вашингтон меняет баланс сил и тем самым побуждает их к силовому пересмотру установившегося порядка на спорных участках. Подобный подход позволяет США радикально снизить чувствительность к единственному фактору, который реально может повлиять на их активность — потерям в живой силе.

В настоящее время те же самые «партнеры» сделали «ход конем» с ближневосточного сегмента евразийской системы дуг нестабильности в северном направлении на кавказский, результатом чего стал перенос нестабильности в регионы, непосредственно граничащие с РФ. Порог применения насилия как на дальних подступах, так и по периметру границ РФ существенно снизился и ситуация имеет явную тенденцию к дальнейшему ужесточению.

3. Выводы

Анализ сложившейся военно-политической обстановки говорит об утрате стратегической инициативы, что вынуждает Москву в экстренном порядке реагировать на все более приближающуюся к ее границам нестабильность. При этом методологически важно не только проводить детальный анализ обострившейся военно-политической обстановки на одном из сегментов ЕСДН, но и держать в фокусе развитие ситуации на соседних сегментах, чтобы иметь системное видение общей картины и быть готовыми к реагированию на быстрый перенос нестабильности с одного сегмента на другой.

На основных сегментах ЕСДН наблюдается все более жесткая борьба за изменение баланса сил. Открытая борьба уже ведется на ближневосточном, кавказском и восточноевропейском сегментах. Борьба, как и положено, ведется своими и чужими руками. Активно используются как свои ресурсы (ВС, политика, дипломатия, СМИ), так и т.н. «уполномоченные силы» и операции под чужим флагом. Массово происходит «перепрошивка» местного населения средствами информационного, религиозного и психотропного воздействия, с целью его использования в качестве «пушечного мяса» на региональных ТВД. Особое развитие получили технологии использования кибернападений и биологического оружия, а также точечное (2020 год был отмечен ликвидацией с помощью высокоточного орудия командира корпуса КСИР Касема Сулеймани и зам. министра обороны ИРИ Мохсена Фахризаде) и массовое применение боевых роботов и новейших систем вооружения и управления войсками (конфликт в НКР).

Современная ситуация характеризуется следующими основными проблемами в области региональной безопасности:

1. Попытка срезать «Белорусский выступ» (стресс-тест режима руками младших восточноевропейских партнеров);
2. Подготовка Украины к более активной фазе обострения в Крыму и на Донбассе (эта политика усилилась после активизации военных действий в НКР);
3. Произошедшее в результате военных действий в НКР изменение баланса сил на Южном Кавказе привело к закреплению основных игроков на новых рубежах и разработкой планов по дальнейшему повышению их статуса в региональных делах, а также на сопредельных сегментах;
4. В связи с выводом американских войск из Афганистана вызывают озабоченность перспективы безопасности Центральной Азии. Важная транзитная роль постсоветских стран в китайском проекте ОПОП (один пояс — один путь) в контексте усиления геополитических

противоречий США и КНР существенно повышает риски управляемой региональной дестабилизации;

5. На Дальнем Востоке продолжается нагнетание напряженности по поводу территориальных споров с Японией, которые усилились в ходе провокационных заходов американских эсминцев в залив Петра Великого;

6. Идет подготовка к изменению баланса сил в Арктике. В данном контексте заслуживают внимания участвовавшие военные учения, создание военных баз и политические маневры вокруг СМП, а также попытки внешних сил заняться прикладным этногенезом в пограничных зонах РФ. В этой связи можно упомянуть попытки создать «поморский этнос» при поддержке норвежских грантов;

7. В настоящее время в мире происходит ослабление позиций США и усиление позиций КНР, что сопровождается повышением конфликтности в американо-китайских отношениях и усилением давления с их стороны на малые и средние страны;

8. Интеграция на постсоветском пространстве характеризуется низкой степенью интенсивности. Это заметно даже в сравнении с интеграционными процессами с ЮВА в формате АСЕАН, от которых мы явно отстаем в области темпов прироста экономики. Следует обратить внимание на низкие темпы экономического роста, волатильность курсов национальных валют и пр.

9. Регион ЮВА находится в зоне нарастающего геополитического соперничества между США и КНР и у него нет своего военного ребра жесткости подобного ОДКБ на части постсоветского пространства, что существенно повышает риск как дестабилизации изнутри, так и прямого военного вмешательства извне;

10. Продолжается борьба за изменение баланса сил и геополитического статуса в традиционном формате игры с нулевой суммой (повышение своего статуса при соответствующем понижении статуса противника). В данном контексте заслуживает внимания заявление германского министра обороны о необходимости говорить с РФ с позиции силы [Путин, 2020].

Как писал Сунь-цзы в своем знаменитом трактате «Законы войны»: «Закон войны состоит не в том, чтобы полагаться на то, что противник не придет, а полагаться на то, с чем его встретить; не полагаться на то, что он не нападет, а полагаться на то, чтобы сделать нападение на себя невозможным для него» [Конрад, 1977: 35]. Беспочвенные надежды на то, что «противник не придет», ведут к гарантированному поражению.

В данном контексте следует обратить особое внимание на первоочередные меры по обеспечению безопасности РФ, а именно — нормативному оформлению существующих системных угроз в виде приближающихся к нашим границам основных сегментов евразийской системы дуг нестабильности (ЕСДН), поскольку пока они не прописаны соответствующим образом, то юридически их как бы не существует. В результате, вместо системной работы по противодействию этим угрозам, борьба будет вестись не против самой системы угроз, а против порожденных ею инструментов (терроризма, экстремизма, религиозного радикализма, наркобизнеса и пр.), что существенно снизит эффективность противодействия.

Формула Сунь-цзы «познай себя, познай другого» в анализе современного положения

Что в современных условиях Москва может противопоставить стратегии «разделяй и властвуй»? Следует признать, что стратегия «держат все яйца в одной корзине», при которой отношения поддерживались только с действующими властями, себя не оправдала, поскольку при обострении ситуации быстро выясняется, что партнеры оказались «не теми». Происходит это по причине неадекватной оценки как себя, так и партнеров,

что является грубым нарушением одного из основных законов войны Сунь-цзы «知己知彼» [孫子512 BC] — «познай себя, познай другого». Без соблюдения этих требований шансов на победу в противостоянии нет. Победить можно только познав как себя, так и противника. Только на этой основе можно разработать реалистичную стратегию достижения своих целей в определенном контексте. Без этого игра на всех уровнях развивается не по тому сценарию, на который рассчитывали в Москве, а по совершенно другому.

Впрочем недавно все же наметилось возвращение к истокам, а именно к пониманию фундаментального закона войны — «познай себя, познай другого». Заместитель председателя Совета безопасности РФ Д. А. Медведев направил в газету Коммерсант статью «Почему бессмысленны контакты с нынешним украинским руководством» [Медведев, 2021], в которой обратил внимание на внешнее управление и бессмысленность ведения переговоров с украинскими партнерами, у которых наблюдаются явные проблемы с самоидентификацией, поскольку они не знают ни себя, ни другого. Однако итоговый вывод «Дождаться появления на Украине вменяемого руководства» [Медведев, 2021] напоминает тезис о самоустранении РФ от активного формирования благоприятной среды для внешнеполитической деятельности. Хотелось бы надеяться, что столь политкорректная формулировка призвана прикрыть подготовку активных действий на украинском направлении. Ведь, Запад обычно не допускает появления в руководстве зависимых территорий вменяемых людей. Подобная политика в условиях, когда геополитические партнеры, используя свои ресурсы, тасуют «руководство» как в соседних с нами странах, так и в более далеких, а мы «сидим и ждем», ведет к утрате стратегической инициативы и формированию с каждым годом все более враждебной среды по периметру наших границ. Зачем сюзеру разговаривать с Москвой, которая позволяет расставлять по периметру своих границ полностью зависимых от него вассалов и тем самым существенно ослаблять свою экономику и влияние на соседей? Ведь именно такое беспрепятственное торпедирование российских связей, союзов и коалиций происходит уже не первое десятилетие, и ситуация в области безопасности становится все менее комфортной. Причем активную линию по расстановке управляемых извне «руководителей» проводят не только Вашингтон и Брюссель, но также Пекин, Анкара и далее по списку.

Одностороннее соблюдение международного права в условиях его систематического нарушения противником свидетельствует о несоблюдении другого сформулированного Сунь-цзы фундаментального закона войны — «Война — путь обмана» и ведет к поражению.

Еще одной особенностью текущего момента является все более быстрая активизация «закладок» на разных сегментах ЕСДН, что не позволяет Москве быстро переключать свое внимание с одного сегмента на другой и успевать блокировать нежелательные для себя последствия. В условиях ограниченности ресурсов и явных проблем с эффективностью управления этот аспект становится все более значимым. Как показали события лета и осени 2020 года, а также зимы 2022 года, режим прочности у основных партнеров РФ не очень высок, а ресурсы при нарастании давления извне и изнутри используются не очень эффективно и быстро заканчиваются, поэтому развитие ситуации во многом зависит от своевременной реакции именно в Москве. Отсутствие способности извлекать уроки из недавних «цветных революций», притупленное чувство самосохранения, фантомные представления о былом величии и непоколебимая уверенность многовекторных партнеров в собственной неземной «мудрости» и способности сколь угодно долго выкачивать ресурсы из «глупых» крупных игроков свидетельствует о полном непонимании ими фундаментальных законов войны, что еще больше усугубляет ситуацию в ближнем зарубежье в области безопасности.

Рассмотренный выше подход геополитических партнеров, по мнению В. В. Путина, представляет собой «путь к бесконечным конфликтам, к торговым войнам, а может быть, даже не только торговым, образно говоря, к боям без правил: всех против всех» [Пленарное

заседание, 2019] и является далеко не самым оптимальным сценарием для Москвы и ее союзников.

Текущие проблемы международной политической обстановки по периметру границ РФ носят классический характер с точки зрения основных положений теории геополитики, и их решение без учета законов войны невозможно.

Заключение

В контексте активизации геополитической борьбы между разными центрами силы современная Евразия предстает в виде гибридного «поля битвы», на котором без соблюдения каких-либо правил ведется с каждым годом все более ужесточающаяся системная борьба, в том числе с привлечением так называемых прокси-сил. Усилению этой тенденции способствует внешняя и внутренняя политика малых и средних стран Евразии, которые под прикрытием «многовекторности», по сути, работают в рамках «дилеммы заключенного», что позволяет конкурентам без особого напряжения проводить стратегию «разделяй и властвуй».

Наиболее сильный потенциал геополитического напряжения сложился вдоль основных восьми сегментов евразийской системы дуг нестабильности, конфигурация которых показывает сложившийся баланс сил на ключевых полях «Большой игры».

Основные изменения в области безопасности на внешнем контуре неблагоприятны для Москвы и направлены на понижение геополитического статуса РФ со всеми вытекающими отсюда последствиями. Стратегическая инициатива в настоящее время находится в руках у противника, который выбирает основное и вспомогательные направления атак.

Идеологические разногласия не позволяют субъектам евразийской геополитики преодолеть разобщенность и объединить усилия для защиты общих интересов.

Системного ответа на современные вызовы пока нет. Если следовать матрице Сунь-цзы, достойно ответить Москва может только на двух нижних уровнях системы противодействия противнику, что уже не мало, поскольку в 1990-х годах не было и этого. Соответственно, для выравнивания шансов следует повысить качество аналитической и практической работы для успешного противостояния внешним вызовам и на двух верхних уровнях.

Список литературы

1. Nye J., Jr. Think Again: Soft Power // *Foreign Policy*, 2006, February 23.
2. Russia's Military Interventions Patterns, Drivers, and Signposts / by Samuel Charap, Edward Geist, Bryan Frederick, John J. Drennan, Nathan Chandler, Jennifer Kavanagh. RAND Corp., 2021.
3. Боррель: ни Россия, ни Турция не станут «сверхдержавами» // *Regnum*. 08.10. 2021. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3393126.html> (дата обращения: 11.10.2021).
4. Видеообращение к участникам и гостям IX Московской конференции по международной безопасности // Президент России. 23.06.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65904> (дата обращения: 01.10.2021).
5. Грозовский Б. Почему российским дипломатам стоит прочитать новую книгу американского политолога Джозефа Ная // *Форбс*. 3.12.2014. URL: <https://www.forbes.ru/forbes/issue/2014-12/273319-umnaya-sila> (дата обращения: 01.10.2021).
6. Ильницкий А. Выбор России: развилки, угрозы, возможности и решение // *Евразия. Эксперт*. 2021. № 2. С. 7–13. DOI: 10.18254/S271332140015838-8
7. Конрад Н. И. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. Перевод и исследование // *Избранные труды. Синология*. М.: Наука, 1977.

8. Лавров заявил об объявленной Западом войне российским СМИ // *Regnum*. 10.10.2021. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3367406.html> (дата обращения: 11.10.2021).
9. Медведев Д. А. Почему бессмысленны контакты с нынешним украинским руководством // *Коммерсант*. 11.10.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5028300> (дата обращения: 11.10.2021).
10. Министр обороны Российской Федерации открыл IX Московскую конференцию по международной безопасности // *MCIS* 23.06.2021. URL: <https://mil.ru/mcis/news/more.htm?id=12368274@egNews> (дата обращения: 01.10.2021).
11. Най Дж. С. Умная сила: эссе // *Политическая наука*. 2012 № 4
12. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. Владимир Путин выступил на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума // *Президент России*. 7.06.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60707> (дата обращения: 01.10.2021).
13. Путин объяснил, почему министр обороны ФРГ желает говорить с Россией с позиции силы // *ТАСС*. 17.12.2020. URL: <https://tass.ru/politika/10285451> (дата обращения: 01.10.2021).
14. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // *Официальный интернет-портал правовой информации*. 02.07.2021. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 01.10.2021).
15. Фурсов К. А. Большая Игра: взгляд из Британии. Обзор работ Питера Хопкирка в сборнике *De Secreto / О Секрете*. Сборник научных трудов. А. И. Фурсов (сост.), Издательство Общества с ограниченной ответственностью Товарищество научных изданий КМК Москва, 2016. с. 7–88.
16. 孫子。兵法. (512 BC). URL: <http://www.thetao.info/artofwar.thetao.info/china/chinatext.htm> (дата обращения: 01.10.2021). (In Chinese).

References

1. Borrell: neither Russia nor Turkey will become “superpowers” // *Regnum*. 08.10. 2021. Available at: <https://regnum.ru/news/polit/3393126.html> (accessed 10 November 2021). (In Russian).
2. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation” // *Official Internet portal of legal information*. 07/02/2021. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (accessed 01 October 2021). (In Russian).
3. Fursov K. A. The Great Game: A View from Britain. Review of Peter Hopkirk's work in the collection *De Secreto / De Secreto. Collection of scientific papers*. A. I. Fursov (comp.), Publishing House Limited Liability Company Partnership of Scientific Publications KMK Moscow, 2016. p. 7–88. (In Russian).
4. Grozovsky B. Why Russian diplomats should read a new book by American political scientist Joseph Nye // *Forbes*. 3.12.2014. Available at: <https://www.forbes.ru/forbes/issue/2014-12/273319-umnaya-sila> (accessed 01 October 2021). (In Russian).
5. Initsky A. Russia's Choice: Crossroads, Threats, Opportunities, and Solutions // *Eurasia. Expert*. 2021. Is. 2. 7–13. DOI: 10.18254/S271332140015838-8 (accessed 01 October 2021). (In Russian).
6. Konrad N. I. *Sun Tzu. A treatise on the art of war. Translation and research* // *Selected works*. Sinology. M.: Science, 1977. (In Russian)

7. Lavrov said about the war declared by the West to the Russian media // *Regnum*. 10.10.2021. Available at: <https://regnum.ru/news/polit/3367406.html> (accessed 10 November 2021). (In Russian).
8. Medvedev D. A. Why contacts with the current Ukrainian leadership are pointless // *Kommersant*. 10/11/2021. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5028300> (accessed 10 October 2021). (In Russian).
9. Nye J., Jr. Smart Power: Essays // *Political Science*. 2012 № 4. (In Russian).
10. Nye J., Jr. Think Again: Soft Power // *Foreign Policy*, 2006, February 23.
11. *Plenary session of the St. Petersburg International Economic Forum. Vladimir Putin spoke at the plenary session of the St. Petersburg International Economic Forum // President of Russia*. 06/07/2019. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60707> (accessed 01 October 2021). (In Russian).
12. *Putin explained why the German defense minister wants to speak with Russia from a position of strength // TASS*. 17.12.2020. Available at: <https://tass.ru/politika/10285451> (accessed 01 October 2021). (In Russian).
13. *Russia's Military Interventions Patterns, Drivers, and Signposts / by Samuel Charap, Edward Geist, Bryan Frederick, John J. Drennan, Nathan Chandler, Jennifer Kavanagh*. RAND Corp., 2021.
14. *The Minister of Defense of the Russian Federation opened the IX Moscow Conference on International Security // MCIS on 23.06.2021*. Available at: <https://mil.ru/mcis/news/more.htm?id=12368274@egNews> (accessed 10 January 2021). (In Russian).
15. *Video message to the participants and guests of the IX Moscow Conference on International Security // President of Russia*. 06/23/2021. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65904> (accessed 01 October 2021). (In Russian).
16. 孫子。兵法. (512 BC). Available at: <http://www.thetao.info/artofwar.thetao.info/china/chinatext.htm> (accessed 01 October 2021). (In Chinese).

Информация об авторе

Владимир Николаевич Колотов — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока Санкт-Петербургского государственного университета, директор Института Хо Ши Мина СПбГУ.

Email: v.kolotov@spbu.ru

Author's Information

Vladimir N. Kolotov — Dr. Sc. in History, Prof., Head of the Far East History Department, St. Petersburg State University; Director, The Ho Chi Minh Institute. St. Petersburg State University, Russia.

Email: v.kolotov@spbu.ru

УДК: 34.341

А.М. Медведева

Санкт-Петербургский государственный университет

Взаимодействие международного права и права Японии: пример послевоенной Окинава

Аннотация: Научная статья посвящена исследованию соотношения и взаимодействия международного права и национальной правовой системы Японии. Вопрос рассматривается в контексте правового положения острова Окинава после Второй мировой войны. Особое внимание уделено вопросам подписания Потсдамской декларации и Акта о капитуляции Японии, принятия «новой» Конституции Японии, а также подписания Сан-Францисского мирного договора и Японо-американского договора о безопасности. Анализируется релевантная судебная практика. Приводится обзор нормативных актов, разработанных для применения к острову Окинава и отдаленным островам Японии.

Хотя подписание Потсдамской декларации и Акта о капитуляции положительно характеризуется исследователями, в вопросе управления островом Окинава после подписания этих актов самостоятельность законодательных и исполнительных органов власти Японии была существенно ограничена; на остров Окинава вводилась оккупационная администрация. С подписанием Японо-американского договора о безопасности на территории острова Окинава создавались военные базы. С введением «новой» Конституции Японии возник вопрос о конституционности управления островом оккупационной администрацией и нахождения военных баз на территории острова Окинава. Параллельно в отношении префектуры Окинава и отдаленных островов вводится серия актов, подчеркивающих их национальное значение.

Из Конституции Японии ясно не следует, какая система — международного или национального права, — имеет приоритет в Японии. Судебная практика косвенно указывает на то, что анализируемые в научной статье положения нормативных актов не противоречат Конституции Японии. Суды Японии сформулировали определенные условия, при которых исполнение указанных актов конституционно.

Детальный анализ в совокупности с указанием на применимые положения международных договоров, участницей которых является Япония, позволяет сделать вывод о том, как реализуются нормы международного права в правовой системе Японии. Библиография: 18 наименований.

Ключевые слова: международное право, право Японии, Япония, Окинава, Конституция Японии, Потсдамская декларация, Акт о капитуляции Японии, Сан-Францисский мирный договор, Японо-американский договор о безопасности, оккупационная администрация, военные базы

Alexandra M. Medvedeva
Saint Petersburg State University

International Law and National Law Interrelation: an example of modern Okinawa, Japan

Summary: The scientific paper is devoted to research of international law and Japan national law correlation and interrelation. The issue is observed within the context of Okinawa island legal regulation after the World War II. Particular attention was paid to the signing of the Potsdam Declaration and the Act of surrender of Japan in 1945, adoption of the Constitution in 1947, and signing of the Treaty of San Francisco and the Japan-US Security Treaty in 1951. The relevant jurisprudence is analyzed. There is the overview of legal acts specifically made for application to Okinawa and to remote islands of Japan.

Though the Potsdam Declaration and the Act of surrender of Japan signing is considered positive by researchers, with regard to Okinawa issue, independence and of legislative and executive bodies of Japan was significantly restricted; the occupation government was introduced. Along with the Japan-US Security Treaty signing, military bases were created in Okinawa. Separately, the series of legal acts highlighting national significance of remote islands was amended.

The prevalence of neither international legal system, nor Japan national legal system follows from the Constitution of Japan. The relevant case-law indirectly proves that provisions of analyzed legal acts do not contravene provisions of the Constitution of Japan. Japanese courts have formulated conditions under which execution of these acts is constitutionally acceptable.

The detailed analysis, with reference to applicable provisions of international treaties to which Japan is the party, allows for review on how international law is exercised in Japanese legal system. (Refs 18.).

Keywords: international law, Japanese law, Japan, Okinawa, Constitution of Japan, Potsdam Declaration, Act of surrender of Japan, Treaty of San Francisco, Security Treaty between Japan and the United States of America, Japan-US Security Treaty, occupation government, military bases

Вступление

Становление внутреннего законодательства Японии на начальных этапах было тесно связано с национальным самосознанием и с религиями: синтоизмом и буддизмом, но в результате обмена опытом с зарубежными странами Япония столкнулась с тем, что национальная правовая система не соответствует современным реалиям, требующим современного демократического подхода.

Так сложилось, что опыт Второй мировой войны ознаменовал новый виток развития международного права. Японии в этот период пришлось активно интегрироваться в международное поле. Поэтому формирование современной правовой системы страны начинается именно с послевоенного периода — были разработаны и приняты акты, которые оказывают влияние на Японию по сей день.

На примере послевоенного положения префектуры Окинава можно проследить как соотносятся и взаимодействуют две правовых системы: международное право и национальное право Японии.

Соотношение и взаимодействие международного права и национального права Японии после Второй мировой войны

Подписание Потсдамской декларации и Акта о капитуляции Японии (1945 г.)

Потсдамская декларация, как условие капитуляции Японии, была выдвинута 26 июля 1945 г. лидерами США, Китая и Великобритании¹, и 10 августа Япония выразила согласие на условия декларации, с оговоркой о том, что права императора не должны быть ни в коем случае затронуты². Целью Потсдамской декларации, в которой содержались условия капитуляции Японии, являлось искоренение фашизма, «безответственного милитаризма», а также установление мира и безопасности³. Однако можно утверждать, что за счет Потсдамской декларации США обеспечивали собственные интересы: стремились усилить политическое влияние на Дальнем Востоке. Разработка Потсдамской декларации находилась полностью в руках Союзных держав. Были созданы специальные органы: Комиссия по Дальнему Востоку, а также находившиеся в ее подчинении Союзнический совет по делам Японии и Высшее командование союзных держав [Мак-Клейн, с. 723]. Несмотря на то, что в эти органы входили все Союзные державы, кроме Великобритании, через некоторое время было признано, что ни одно решение не может быть принято органами без согласия стороны США.

Подписав Акт о капитуляции 2 сентября 1945 г., Япония согласилась с тем, что на ее территорию могут быть введены оккупационные войска. В декларации указывалось, что войска будут выведены, как только цели декларации будут достигнуты⁴. Право определить, когда цели Потсдамской декларации будут достигнуты, было отдано Союзным державам⁵. Японии не могла не согласиться с выдвинутыми условиями, что во многом явилось следствием бомбардировки Хиросимы и Нагасаки.

¹ Позднее присоединился СССР.

² Хотя 15 августа 1945 г. император, обращаясь с речью к народу и признавая капитуляцию Японии, одновременно отрекся от своего «божественного происхождения».

³ Potsdam Declaration. Proclamation Defining Terms for Japanese Surrender. Issued, at Potsdam, July 26, 1945. [Electronic resource] // Birth of the Constitution of Japan <https://www.ndl.go.jp/constitution/e/etc/c06.html> (дата обращения: 01.03.2021).

⁴ Пункт 12 Потсдамской декларации: «Оккупационные войска союзников должны быть выведены из Японии, как только будут достигнуты эти цели и как только в соответствии с волей японского народа будет учреждено мирно настроенное и ответственное правительство» (*пер. — мой*).

⁵ Союзные державы по Потсдамской декларации: США, Китай, Великобритания, СССР.

Для управления оккупированными территориями Японии, к которым, в частности, относится префектура Окинава, была создана специальная администрация, решения которой претворялись в жизнь опосредованно: через остававшийся неизменным правительственный аппарат Японии [Мак-Клейн, с. 726]. То есть, оккупационная администрация формулировала какую-либо меру в виде приказов или меморандумов, а правительство во главе с императором — исполняло [Молодякова, с. 73]: издавало императорские рескрипты, министерские указы и т.д. Обращает на себя внимание «Потсдамский чрезвычайный императорский рескрипт»⁶ и «потсдамские распоряжения». В рескрипте было сказано: «В случаях особой необходимости для осуществления дел, относящихся к требованиям Верховного главнокомандующего союзных держав в связи с принятием Потсдамской декларации, правительство может путем распоряжений устанавливать требуемые положения и вводить необходимые наказания» [Еремин, с. 247], то есть наличие полномочий у правительства Японии было скорее исключением на случай «особой необходимости», чем правилом. То есть, и в отношении префектуры Окинава можно сказать, что «бразды правления» были отданы оккупационной администрации.

Последствия подписания можно оценить неоднозначно. Тем не менее, некоторые ученые склонны думать, что перемены, ознаменованные подписанием этих актов, для страны в целом скорее положительны, и называют эти правовые реформы, последовавшие за подписанием, «вторым открытием страны» [Иэнага, с. 204]. Перемены сопровождалась отменой «проимператорской» конституции Мэйдзи, пересмотром Гражданского кодекса и земельной реформой. Тем не менее, в контексте оккупированной префектуры Окинава, последствия подписания актов не столь позитивны: США получили возможность управления территориями, и Япония не могла ничего с этим сделать. Интересным является то, что как «первое открытие Японии», так и «второе», ознаменованное подписанием указанных актов, были осуществлены под давлением США, что признается большинством востоковедов по всему миру.

Принятие Конституции Японии (1947 г.)

За принятием Потсдамской декларации и подписанием Акта о капитуляции последовало принятие новой Конституции Японии.

Идея пересмотра мэйдзийской Конституции возникла у американского госсекретаря в 1945 г. и была поддержана генералом МакАртуром. У японского руководства такое предложение вызвало протест, но под давлением американской стороны Комитет по пересмотру Конституции все-таки был создан. Генерал МакАртур не оценил первый проект конституции, разработанный японской стороной. Тогда американская сторона подготовила свой кардинально отличающийся проект. В этом проекте император уже не обладал неприкосновенностью и, тем более, не был священным; религия в целом отделялась от правового регулирования.

Важным представляется то, что принятие конституции опосредовалось документом японского правительства под названием «Основы пересмотра Конституции» [Жуков, с. 506]. Посредством этого акта сглаживался директивный характер участия США в разработке проекта конституции.

Нельзя не отметить, что современная Конституция Японии знаменита статьей 9, в которой закреплен отказ от войны и создания вооруженных сил⁷. Отмечают, что оккупационные власти «не пытались принудительно трансплантировать на японскую почву американские и иные западные стереотипы общественного устройства. [...] при подготовке новой японской конституции они внимательно выслушивали японских экспертов и официальных

⁶ Рескрипт № 542 от 20 сентября 1945 г.

⁷ Конституция Японии от 3 мая 1947 г. [Электронный ресурс] // Конституции государств (стран) мира <https://worldconstitutions.ru/?p=37> (дата обращения: 01.03.2021).

лиц, ответственных за эту работу, и во многих случаях принимали предложения японской стороны. В частности, положение об отказе от войны было включено в конституцию по предложению Сидэхара⁸» [Жуков, с. 505].

В свете правового положения префектуры Окинава вызывает немало вопросов распространение действия «Потсдамского чрезвычайного императорского рескрипта»⁹ на правовое поле Японии после принятия новой Конституции, так как этот рескрипт был принят в период действия Конституции Мэйдзи¹⁰. Существовало несколько мнений по этому вопросу. Японские органы управления считали, что рескрипт имеет силу закона, а значит, как и остальные законы, должен применяться после введения в действие новой конституции. Но оппонентами этой позиции приводились доводы о том, что посредством рескрипта полномочия Кабинета полностью передаются оккупационной администрации, что неконституционно (в соответствии с положениями новой Конституции Японии), а значит, рескрипт должен перестать существовать. На это органы власти отвечали, что меры обусловлены объективной необходимостью. Только в 1952 г. был принят закон, аннулирующий действие рескрипта после вступления в силу Сан-Францисского мирного договора [Еремин, с. 249].

Подписание Сан-Францисского мирного договора (1951 г.) и Японо-американского договора о безопасности (1951 г.)

Сан-Францисский мирный договор¹¹ (*далее — мирный договор*) был подписан 8 сентября 1951 г.,¹² спустя 6 лет после капитуляции Японии во Второй мировой войне. Мирный договор ознаменовал собой окончание состояния войны между Союзными державами и Японией¹³. Мирный договор поставил перед Японией вопрос о присоединении к системе коллективной безопасности; этот вопрос был критически важен в виду статьи 9 Конституции Японии, а также желания Японии быть принятой в Организацию Объединенных наций (*далее — ООН*) [Такао (18), с. 95–106]. Мирный договор обобщал меры, которые постепенно вводились и применялись в период оккупации, а также некоторые предоставленные Японии «льготы», такие как помощь в демилитаризации, освобождение Японии от обязательства выплатить часть репараций, а также полное отсутствие санкций за невыполнение условий договора. Важным в мирном договоре являлось положение о согласии Японии на передачу некоторых островов, в том числе и острова Окинава, под систему опеки ООН и о согласии на административную власть США над островами до внесения предложения об опеке¹⁴.

⁸ Сидэхара — японский дипломат, ставший премьер-министром Японии после Второй мировой войны.

⁹ Императорский рескрипт о признании условий Потсдамской декларации.

¹⁰ Этим рескриптом практически все полномочия правительства Японии были переданы оккупационной администрации.

¹¹ Treaty of Peace with Japan. Signed at San Francisco, on September 8, 1951. Registered by the United States of America on August 21, 1952 [Electronic resource] // United Nations Treaty Collection <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume136/volume-136-i-1832-english.pdf> (дата обращения: 01.03.2021).

¹² Вступил в силу 28 апреля 1952 г. Примечательно, что Сан-Францисский мирный договор не был подписан СССР, Польшей и Чехословакией, несмотря на то что они принимали участие в конференции. Китай не участвовал в конференции из-за противоречий по вопросу признания его правительства.

¹³ Treaty of Peace with Japan, Articles 1 and 6.

¹⁴ Статья 3: Япония согласится с любым предложением Соединенных Штатов в Организации Объединенных Наций о передаче под систему опеки ООН, с Соединенными Штатами в качестве единственной управляющей власти, островов Нансей Сето, расположенных к югу от 29 градуса северной широты (включая острова Рюкю и Дайто), Нампо Сето к югу от Софу Ган (включая острова Бонин, остров Розарио и острова Волкано) и островов Парес Вела и Маркус. До внесения такого предложения и принятия по нему положительного решения Соединенные Штаты будут иметь право осуществлять всю административную, законодательную и судебную власть над территорией и жителями этих островов, включая их территориальные воды.

Следует обратить внимание на положение мирного договора, которое по сей день связывает Японию в международных отношениях. В соответствии со статьей 26 мирного договора, преимущества, которые Япония предоставит другому государству при заключении договора с этим государством, автоматически распространяются на все стороны мирного договора¹⁵. Это может означать, что все стороны мирного договора, если они имеют однородные притязания на территорию Японии, находятся в противовесе.

Если Сан-Францисский мирный договор был многосторонним, то следующий договор, Японо-американский договор о безопасности¹⁶ (далее — договор о безопасности), подписанный в тот же день, что и Сан-Францисский мирный договор¹⁷, был заключен между Японией и США. Договор о безопасности ознаменовал собой установление японо-американского сотрудничества, а вступление договора в силу стало датой формального окончания американской оккупации. Тем не менее, в договоре о безопасности установлено право США размещать на территории Японии свои вооруженные силы для защиты Японии от нападения. Впоследствии Правительством Японии было пояснено, что при совокупном толковании текста договора о безопасности и «мирной» статьи 9 Конституции Японии нападение на Японию может быть отражено не только силами самообороны, но и вооруженными силами США. Некоторые авторы отмечают, что исходя из этого «нападение на Японию может быть приравнено к нападению на США» [Gibbs, с. 137–176]. Несмотря на то, что это право носит скорее политический характер, следует учитывать, что подобное преимущество влияет на принятие Японией тех или иных решений.

Примечательно что одновременно с подписанием мирного договора и договора о безопасности в 1952 г. актом «О развитии отдаленных островов» (далее — акт «О развитии») были введены новые статьи расходов государственного бюджета. Акт предполагал введение новых статей расходов государственного бюджета. А к островам Амами, Огасавара и Окинава, то есть к островам, где находятся (или находились в то время) американские военные базы был принят дополнительно «Акт особого развития», по которому финансирования указанным островам выделялось гораздо больше, чем по акту «О развитии».

Акт «О развитии» был принят в 1952 г. в виде закона временного регулирования и пролегался каждые десять лет. Такая пролонгация называлась «планом». Планы охватывали промежутки с 1953 по 1992 гг. В первых актах акцент был сделан на восстановлении островов после войны, в последующих — на интернациональной значимости островов, на развитии инфраструктуры. В 2007 г. вступил в силу на сегодняшний день последний акт «О развитии», в котором подчеркивается интернациональная значимость островных территорий.

Из 48 населенных островов под юрисдикцию акта «О развитии» попадало 40, поэтому одновременно с актом «О развитии» применялся акт «Об особых мерах, применяемых к префектуре Окинава». За счет него повысился уровень независимости префектуры от основных островов. По этому акту также были выработаны планы развития. Первые планы были ориентированы на устранение стагнации периода американской оккупации, последующие — на сотрудничество с азиатскими странами в сфере туризма; сделан акцент на значимости префектуры для защиты государственных границ.

¹⁵ Статья 26: «В случае, если Япония договорится о мирном урегулировании или об урегулировании военных претензий с каким-либо государством, предоставляющих этому государству большие преимущества, чем те, которые предусмотрены настоящим Договором, те же самые преимущества будут распространены на Стороны настоящего Договора».

¹⁶ Security Treaty Between the United States and Japan. Signed at San Francisco, on September 8, 1951. [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of Japan <https://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/q&a/ref/1.html> (дата обращения: 5.03.2021).

¹⁷ Оба договора были подписаны 8 сентября 1951 г., вступили в силу 28 апреля 1952 г.

1954 г. был ознаменован принятием Закона, по которому создавались так называемые Силы самообороны, а для префектуры Окинава год был ознаменован волнениями, вызванными желанием освободить территорию от военных баз. Волнения вылились в «резолуцию» окинавцев, которую некоторые историки называют резолюцией «за возвращение Окинавы Японии» [Стрельцов, с. 598–611]. В «резолуции» содержались следующие так называемые «принципы»: компенсация за пользование землями, компенсация ежегодной платы за «аренду» земель, запрет на дальнейшее использование земель и компенсация порчи земель и поврежденной собственности, которые возникли вследствие актов вооруженных сил США [Aldous, с. 485–508].

Соотношение международных договоров с законами и Конституцией Японии

Согласно статье 98 Конституции Японии, конституция — верховный закон страны. В отношении международных актов сказано лишь то, что они должны добросовестно соблюдаться¹⁸. Такая формулировка не позволяет точно определить, какая правовая система, — национальная или международная, — имеет приоритет в Японии; неясно, какой статус имеют заключенные Японией международные договоры и соглашения. Статья 76 гласит: «Вся полнота судебной власти принадлежит Верховному суду [...]. Все судьи независимы и действуют, следуя голосу своей совести; они связаны только настоящей Конституцией и законами»¹⁹.

В свете «окинавского вопроса» можно обратиться к решению Токийского окружного суда 1953 г.²⁰ и посмотреть, как соотносятся конституция и международный договор. В этом решении Япония передает так называемые «объекты»²¹ (в их числе, остров Окинава) под юрисдикцию США. Суд в этом решении счел подобную передачу правомерной, объясняя это тем, что мирный договор между государствами не затрагивает прав граждан Японии напрямую²². Позиция суда свидетельствует о том, что права и обязанности по международному договору возникают лишь после того, как Япония примет меры для того, чтобы эти права и обязанности согласовывались с внутренним законодательством и распространялись на подданных Японии.

¹⁸ Статья 98: «Настоящая Конституция является Верховным законом страны, и никакие законы, указы, рескрипты или другие государственные акты, противоречащие в целом или в части ее положениям, не имеют законной силы. Заключенные Японией договоры и установленные нормы международного права должны добросовестно соблюдаться».

¹⁹ Полный текст статьи 76: «Вся полнота судебной власти принадлежит Верховному суду и таким судам низших инстанций, которые будут учреждены законом. Не могут учреждаться никакие особые суды. Административные органы не могут осуществлять судебную власть с правом вынесения окончательного решения. Все судьи независимы и действуют, следуя голосу своей совести; они связаны только настоящей Конституцией и законами».

²⁰ Decision of the Tokyo District Court of 24 June 1953, Gyosei Jiken Saiban Reishu. Collection of Judicial Precedents concerning Administrative Cases, Vol. 4, No. 6. 1579 p.

²¹ В решении под «объектами» понимаются территории, указанные в статье 3 Сан-Францисского мирного договора: островов Нансей Сето, расположенных к югу от 29 градуса северной широты (включая острова Рюкю и Дайто), Нампо Сето к югу от Софу Ган (включая острова Бонин, остров Розарио и острова Волкано) и островов Парес Вела и Маркус.

²² Мнение суда: «Между сторонами нет спора по поводу объектов, так как объекты находятся в распоряжении вооруженных сил Союзных держав [...]. Признается, что 26 июня 1952 г. Япония согласилась передать США объекты путем переговоров Японо-американской согласительной комиссии [...]. В соответствии с нормами международного права Япония взяла на себя обязательство передать объекты в распоряжение США; это обязательство напрямую не затрагивает права подданных Японии. Во исполнение вышеупомянутого обязательства, Япония обязуется принять необходимые меры, чтобы сделать передачу объектов юридически законной и подчиняющейся национальному регулированию Японии [...]» (пер. — мой).

Здесь же, обращаясь к решению Верховного суда Японии 1952 г. [Miyazaki, с. 156], касающемуся Токийского трибунала, можно снова проследить, как суд говорит о том, что решение трибунала должно быть приведено Японией в исполнение, несмотря на конституцию (в соответствии со статьей 11 мирного договора²³). Суд аргументирует это тем, что положение мирного договора, по которому решение должно исполняться, является дополнением к статье 81 Конституции Японии (по которой «Верховный суд является судом высшей инстанции, полномочным решать вопрос о конституционности любого закона, приказа, предписания или другого официального акта»). Дополнение заключается в том, что Верховный суд не берется рассматривать конституционность действий трибунала и его приговоров.

Знаменитое дело Сунагава²⁴ касается соотношения договора о безопасности и Конституции Японии на примере размещения в Японии военных баз. Верховный суд, обосновывая свою позицию, оценивает конституционность договора о безопасности. Суд напрямую говорит о том, что положения договора о безопасности не противоречат Конституции Японии, а значит могут быть применены. Однако суд признает, что положение о том, что американские военные базы могут находиться на территории Японии, конституционно при том условии, что японские уполномоченные лица не взаимодействуют с ними, тем самым, не нарушая положения статьи 9 Конституции Японии. То есть, суд таким образом обозначил, что статья 9 распространяется только на японские вооруженные силы: американские военные базы не имеют к ней отношения. В этом же решении суд делает важный вывод о том, что положение международного договора признается противоречащим Конституции, если наблюдается «явная неконституционность и незаконность». Тем не менее, суд подчеркивает, что даже теоретическое признание международного договора неконституционным по японскому праву, не отменяет его возможности связывать стороны с точки зрения международного права, и суд не посягает на анализ действительности договора по международному праву²⁵. В этом же решении суд толкует положения статьи 81 Конституции Японии, заключая, что данная статья не должна толковаться как ограничивающая право Верховного суда проверять конституционность международного договора, так как договор применяется на внутригосударственном уровне²⁶. Этот вывод противоречит решению Токийского суда 1953 г.

Высказывается мнение, что формулировка «нормы международного права» в части 2 статьи 98 Конституции Японии²⁷ означает также и международный обычай [Shaw, с. 177]. По-видимому, это действительно так, и особых проблем в применении норм международного

²³ Суд говорит следующее: «Союзные державы вынесли решение против военных преступников на Международном военном трибунале для Дальнего Востока [...], за которым должно последовать наказание. Статья 11 мирного соглашения обязует приведение решения трибунала в исполнение Японией. [...] До тех пор, пока условия соблюдены, утрата или изменение государственной юрисдикции впоследствии, если это произойдет, не влияет на обязательство Японии привести решение в исполнение в соответствии с мирным договором [...]» (пер. — мой).

²⁴ Judgment of the Supreme Court of 16 December 1959. [Electronic resource] // Judgments of the Supreme Court https://www.courts.go.jp/app/hanrei_en/detail?id=13 (дата обращения: 09.03.2021).

²⁵ Там же. «Мы утверждаем, что суд уполномочен определять неконституционность какого-либо международного договора до тех пор, пока затронута сфера внутреннего регулирования. Это не отрицает действительность договора по международному праву [...]. В международном праве договор остается действительным и связывает стороны; суд не решает вопросы действительности договора на уровне международного права» (пер. — мой).

²⁶ Там же. «Несмотря на то, что термин «международный договор» не указан в статье 81 Конституции, положения не должны толковаться, как если бы целью Конституции было лишение суда полномочия оценивать конституционность международного договора, так как он применяется и на внутригосударственном уровне» (пер. — мой).

²⁷ Речь идет о следующей формулировке части 2 статьи 98 Конституции: «Заключенные Японией договоры и установленные нормы международного права должны добросовестно соблюдаться».

обычай в Японии не возникает. Относительного специфики применения международного обычая в Японии известно мало. Япония признает существование обычая и применяет его на практике. Например, в одном из решений, Верховный суд отсылает к международному обычаю, по которому иммунитет государства в публичных правоотношениях не распространяется на частноправовые отношения²⁸.

Из вышесказанного следует, что отсутствие понятия международного договора в тексте указанных статей Конституции Японии не отрицает его логического следования из существа полномочия суда [Kyozuka, с. 45–78]. Международные обычаи в Японии применяются по усмотрению суда.

Итак, что имеет приоритет: международный договор или конституция? Судебная практика не дает ответа на этот вопрос. Не дают ответа на вопрос также и фактические действия японского правительства. Так, в ходе работы над «окинавским вопросом» в 1960–70 гг. между Японией и США было заключено секретное соглашение [McComack, с. 2–3]. По такой секретной «сделке» Япония якобы «выкупала» Окинаву у США: платила за перенос военных баз на более отдаленный и малонаселенный остров²⁹. На самом деле Япония платила как раз за то, чтобы оставить американские базы на своей территории, вернув лишь административное управление. И действительно в 1972 г. административное управление префектурой Окинава было передано Японии от США. О секретном соглашении стало известно в 2009 году. Как ни странно, на этом фоне премьер-министр Сато в 1974 получает Нобелевскую премию мира за провозглашение «Трёх принципов ядерного разоружения» (1967).

Не нужно быть экспертом, чтобы усмотреть здесь прямое нарушение статьи 9 Конституции Японии. А сложившаяся ситуация, а главное то, что после разглашения секретного соглашения ничего не изменилось, говорит о том, что политический интерес руководит правом в Японии.

Вопрос прямого действия норм международного права в Японии

По Конституции Японии правом заключать международные договоры обладает Кабинет, который в свою очередь делегирует это полномочие Министерству иностранных дел.

Те договоры, которые одобряются Парламентом, относят к одноименной категории «международных договоров, одобряемых Парламентом», а все прочие именуется «административными соглашениями». Для первой категории требуется одобрение Парламента после подписания Кабинетом, для второй категории — для вступления в силу достаточно только подписания Кабинетом. Международные договоры, одобряемые Парламентом, делят на договоры, требующие введения нового регулирования и/или пересмотра внутреннего законодательства; договоры, влекущие денежные обязательства для Правительства Японии, не включенные в существующий бюджет и национальные законы; а также договоры особой политической значимости, заключающие требование о ратификации³⁰. Ратификация, если требуется, осуществляется Кабинетом.

Договоры, одобряемые Парламентом, инкорпорируются во внутреннее законодательство в период промультации. Административные соглашения вступают в силу одновременно для всех сторон соглашения.

Возникает вопрос, в каких случаях необходимо одобрение Парламента. Считается, что одобрение Парламента не требуется, если Парламент уже дал согласие на договор или если

²⁸ Judgment of the Supreme Court of 2 April 2002, 46J.A.I.L.161 (2003).

²⁹ Сумму можно разделить на 2 части: 320 миллионов Япония заплатила за возврат административного управления (и эта сумма не скрывалась), а оставшуюся сумму Япония заплатила как раз за то, чтобы оставить американские базы на своей территории.

³⁰ Committee of Legal Advisers on Public International Law. Expression of Consent by States to be Bound by a Treaty. Analytical Report and Countries Reports. Council of Europe. January 23, 2001. 237 p.

логически следует «молчаливое» одобрение Парламента на заключение Кабинетом договора [Takano (17), с. 9–23]. Эти выводы следуют из анализа практики, но в нормативных актах Японии подобных положений не закреплено. Такая обусловленность заключения международного договора может вызывать нестабильность международных отношений, но презюмируется, что сторона или стороны, с которыми Япония заключает договор, осведомлены о подобном условии. Если договор заключается тогда, когда быстрое получение одобрения Парламента невозможно, Кабинет может заключить договор и без него, но тогда должно последовать одобрение. К тому же, договоры также подлежат обязательному последующему одобрению императора, в соответствии со статьей 7 Конституции Японии³¹.

Какое значение имеет одобрение Парламентом и императором в вопросе соотношения национального права Японии и международного права? Рассуждают о том, что одобрение трансформирует международный договор в национальный закон. С этой точки зрения, судьи по статье 76 Конституции Японии связаны при принятии решения и международными договорами тоже. Тем не менее, международные договоры подлежат, в соответствии со статьей 81 Конституции Японии, конституционной проверке Верховного суда³². При таком подходе, рассматривая вопрос в совокупности с выводами предыдущей главы, понятие международного договора для Японии размывается: становится не ясным, считать ли международный договор законом, и как тогда он должен инкорпорироваться. Несмотря на то, что Верховный суд в своих решениях частично отвечает на эти вопросы, о чем было сказано в предыдущей главе, однозначной и устойчивой позиции проследить невозможно. А значит, так как не существует официального толкования данного вопроса, следует руководствоваться тем, что такая процедура одобрения — традиция, унаследованная от мэйдзийской конституции. Тем более, что не установлено срока, в течение которого международный договор должен быть одобрен; и в целом, вероятность того, что Кабинет станет подписывать договор, который может не вступить в силу и, соответственно, не инкорпорироваться во внутреннее законодательство, мала³³.

Обращаясь к вопросу о том, представляют ли международное и внутреннее право единую систему в Японии, можно сказать, что формально японская правовая модель представляет собой слияние двух систем. Это связано с тем, что международные договоры после того, как они вступили в силу на международном уровне, после подписания Кабинетом и одобрения Правительством, включаются во внутреннюю систему законодательства Японии.

Обобщая сказанное в настоящей главе, можно сказать, что опосредование международных договоров в Японии существует лишь в качестве формальности. Самоисполнимые договоры напрямую связывают Японию как одну из сторон такого договора, а международные соглашения, одобренные Парламентом, преобладают над национальным регулированием, что позволяет сказать, что японская правовая система представляет собой слияние международной и национальной правовых систем с приоритетом конституции над всеми нормативными актами.

Реализация норм международного права в Японии. Влияние международного права на национальное право Японии

Япония после Второй мировой войны преследовала интерес стать открытой миру страной. В частности, для этого была запущена программа интернационализации, под которой подразумевалось уничтожение стереотипа страны, «ненавидящей иностранцев»,

³¹ Статья 7: «Император по совету и с одобрения Кабинета осуществляет от имени народа следующие действия, относящиеся к делам государства: - промульгацию поправок к Конституции, законов, правительственных указов и договоров; [...]».

³² Статья 81: «Верховный суд является судом высшей инстанции, полномочным решать вопрос о конституционности любого закона, приказа, предписания или другого официального акта».

³³ Committee of Legal Advisers on Public International Law. 238 p.

и формирование нового образа Японии, как современного открытого государства, что полностью соответствовало бы его экономическому благополучию [Port, с. 140–153]. Благодаря такому подходу, Япония стала государством, вобравшим в свою правовую систему западные принципы, но тем не менее, оставившим за собой уникальную концепцию прав.

Относительно международных договоров о правах человека следует отметить, что многие сходные положения закреплены в Конституции Японии. Так, Конституция Японии говорит о том, что граждане «беспрепятственно пользуются всеми основными правами человека»³⁴; гарантирует свободу мысли, вероисповедания, научной деятельности, гарантирует право на поддержание нормального уровня здоровой и культурной жизни, на образование, на труд и другие³⁵. Япония ратифицировала два акта, касающихся прав человека: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах³⁶ и Международный пакт о гражданских и политических правах³⁷.

Кроме того, в 1946 г. впервые в истории Японии женщины наравне с мужчинами принимали участие в выборах правящей партии.

О том, что Япония встала на путь интернационализации после Второй мировой войны, свидетельствует также принятие в 1949 г. так называемого Закона об уполномоченных по гражданским правам, который уникален по своему содержанию. Этим законом создавалась новая государственная должность в министерстве юстиции, цель которой — разрешение гражданских споров до обращения в суд. Несмотря на то, что должность занимают непрофессиональные волонтеры, введение такой должности не только разгрузило судебную систему, но и обеспечило информированность граждан о своих правах и создало быстрый и доступный гражданам способ защиты прав [Beer (9), с. 98–115]. Некоторые авторы называют этот закон «одним из самых значимых законов в мировой истории прав человека» [Beer (10), с. 1–33].

В отношении «окинавского вопроса» применимы прежде всего положения Устава ООН и Международного пакта о гражданских и политических правах³⁸.

По пункту 1 статьи 1 Устава ООН³⁹, целью ООН является «поддержание международного мира и безопасности».

Как уже было сказано, по статье 3 мирного договора, «Япония согласится с любым предложением Соединенных Штатов в Организации Объединенных Наций о передаче под систему опеки ООН... островов Нансей Сёто, расположенных к югу от 29 градуса северной широты (включая острова Рюкю и Дайто), Нампо Сёто к югу от Софу Ган (включая острова Бонин, остров Розарио и острова Волкано) и островов Парес Вела и Маркус». Исходя из такой формулировки, США инициирует процесс передачи островов под систему опеки ООН, а Япония соглашается. Система опеки ООН направлена на контроль за соблюдением прав человека на территориях, за обеспечением экономического и социального развития региона. США, в связи с этим, вряд ли пойдут когда-либо на такой шаг, учитывая также и то, что 11 территорий, которые попадали под систему опеки ООН, либо стали независимыми государствами, либо добровольно присоединились к какому-либо независимому государству.

³⁴ Статья 11 Конституции Японии.

³⁵ Статьи 19, 20, 23, 25, 26, 27 Конституции Японии соответственно.

³⁶ Принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г., вступил в силу 3 января 1976 г. для Японии.

³⁷ Принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г., вступил в силу 23 марта 1976 г. для Японии.

³⁸ Япония подписала 30.05.1978 г. Ратифицировала 21.06.1979 г. США подписали 5.10.1977 г. Ратифицировали 8.06.1992 г.

³⁹ Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 10.03.2021).

Международным пактом о гражданских и политических правах⁴⁰, одной из сторон которого является и Япония, гарантируется право на жизнь⁴¹. А также указано, что государства, присоединившиеся к пакту, обязуются принимать все необходимые меры для реализации прав, гарантируемых пактом⁴². В этом свете можно утверждать, что жизнь окинавцев ставится под угрозу, при этом государство не принимает никаких мер для того, чтобы услышать недовольство своих граждан.

Всеобщая декларация прав человека⁴³, являясь рекомендательным актом ООН, помимо права на жизнь⁴⁴, в статье 22 декларации указывает на следующее: «Каждый человек, как член общества, имеет право на социальное обеспечение и на осуществление необходимых для поддержания его достоинства и для свободного развития его личности прав в экономической, социальной и культурной областях через посредство национальных усилий и международного сотрудничества и в соответствии со структурой и ресурсами каждого государства». Это положение, хотя и применимо к «окинавскому вопросу», не реализуется в Японии.

Таким образом, все же Япония заимствует общемировые правовые тенденции. Большое влияние оказывает политическая обстановка и навязанные странами союзниками правовые положения. Нельзя дать однозначную оценку механизму имплементации норм международного права, сложившегося после Второй мировой войны. Тем не менее, можно утверждать, что положения Конституции Японии, существенно ограничивая суверенитет императора, образуют базис для более эффективного проникновения норм международного права в национальную правовую систему.

Заключение

Япония известна своей способностью заимствовать из других стран то, что считает полезным для себя. Однако после Второй мировой войны некоторые положения были навязаны Японии извне, и страна вынуждена была иметь дело с тем, что она не выбирала. Очевидно, что начиная с послевоенного периода и по сей день, США оказывают большое влияние на многие сферы жизни Японии, в том числе и на область права. Так, основные реформы были проведены по инициативе и под руководством оккупационных властей.

Сложно судить о том, что из этого получилось, но ясно то, что японская правовая система в настоящий момент представляет собой уникальное сочетание азиатских и общемировых правовых тенденций. По словам К. Саркисова, «синтез нового и традиционного происходит на очень высоком уровне за счет живучести, внутренней силы, социальной эффективности традиционных структур и высокой адаптивности к новому. Очевидно, что эти свойства японской модели развития диалектически связаны между собой. В результате синтеза на японской почве традиционные структуры не исчезают, а видоизменяются, приспособляются к новым структурам и, что самое важное, существенно их усиливают» [Саркисов, с. 20–21].

Японское право представляет собой динамически развивающуюся систему, которая остается самобытной, «вдохновляясь» современными тенденциями международного права.

⁴⁰ Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] // Конвенции и соглашения https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 10.03.2021).

⁴¹ Статья 6 пакта.

⁴² Статья 2 пакта.

⁴³ Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] // Декларации https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 10.03.2021).

⁴⁴ Статья 1 декларации.

Список литературы

1. Еремин В. Н. История правовой системы Японии / отв. ред. А. А. Кириченко. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.— 293 с.
2. Жуков А. Е. История Японии: в 2 т. Т. 2: 1868–1998 / отв. ред. А. Е. Жуков. — М.: Институт востоковедения РАН, 1999.— 703 с.
3. Иэнага С. История японской культуры. — М.: Изд-во «Прогресс», 1972.— 229 с.
4. Мак-Клейн Дж. Л. Япония. От сегуната Токугавы — в XXI век / Дж. Л. Мак-Клейн; пер. с англ. Е. А. Красулина. — М.: АСТ: Астрель, 2006.— 895 с.
5. Молодякова Э. В. Японское общество: книга перемен. / Э. В. Молодякова, С. Б. Маркарян. — М.: Институт востоковедения РАН, 1996.— 256 с.
6. Саркисов К. О. Япония накануне XXI в. / К. О. Саркисов // Актуальные проблемы экономики и политики современной Японии: сб. ст. — М.: Наука, 1991. — С. 20–21.
7. Стрельцов Д. В. Проблема возвращения Окинавы в Японо-американских отношениях послевоенного периода // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. № 3. С. 598–611.
8. Aldous C. Achieving Reversion: Protest and Authority in Okinawa, 1952–70. *Modern Asian Studies* 37, 2 (2003). Cambridge University Press. pp. 485–508.
9. Beer L. W. Postwar Law on Civil Liberties in Japan. *UCLA Pacific Basin Law Journal*, 2 (1–2), 1983. pp. 98–115.
10. Beer L. W. Weeramantry C. G. Human Rights in Japan: Some Protections and Problems. *Universal Human Rights*. Vol. 1, No. 3, 1979. pp. 1–33.
11. Gibbs D. B. Future Relations between the United States and Japan: Article 9 and the Remilitarization of Japan. *Houston Journal of International Law*. No. 1, 2010. pp. 137–176.
12. Kyozuka S. Internal Enforcement and Application of Treaties in Japan Note. *The Japanese Annual on International Law*. No. 12, 1968. pp. 45–58.
13. McCormack G. Deception and Diplomacy: The US, Japan, and Okinawa. *The Asia-Pacific Journal | Japan Focus*. Vol. 9. Issue 21. Number 1. pp. 2–3.
14. Miyazaki S. On Application of International Law in Domestic Judgement. *A Collection of Themes and Essays in Commemoration of the 10th Anniversary of the Judicial Research & Training Institute*. Vol. I (Civil Case). 156 p.
15. Port K. L. The Japanese International Law “Revolution”: International Human Rights Law and Its Impact in Japan. *28 Stanford Journal of International Law* 139, 1991. pp. 140–153.
16. Shaw M. N. *International Law / Malcolm N. Shaw*. — Sixth Edition. — The United States of America: Cambridge University Press, 2008. 177 p.
17. Takano Y. Conclusion and Validity of Treaties in Japan: Constitutional Requirements. *The Japanese Annual on International Law*. No. 8, 1964. pp. 9–23.
18. Takano Y. Post-War Studies in Private International Law in Japan Notes. *The Japanese Annual of International Law*. No. 6, 1962. pp. 95–106.

References

1. Aldous C. *Achieving Reversion: Protest and Authority in Okinawa, 1952–70*. *Modern Asian Studies* 37, 2 (2003). Cambridge University Press. pp. 485–508.
2. Beer L. W. *Postwar Law on Civil Liberties in Japan*. *UCLA Pacific Basin Law Journal*, 2 (1–2), 1983. pp. 98–115.
3. Beer L. W., Weeramantry C. G. *Human Rights in Japan: Some Protections and Problems*. *Universal Human Rights*. Vol. 1, No. 3, 1979. pp. 1–33.
4. Eremin V. N. History of legal system in Japan. *Rossiiskaya Politicheskaya Enciklopediya*, 2010. 293 p. (In Russian)

5. Gibbs D. B. *Future Relations between the United States and Japan: Article 9 and the Remilitarization of Japan*. Houston Journal of International Law. No. 1, 2010. pp. 137–176.
6. Ienaga S. *Japanese Art: A Cultural Appreciation*. Progress Publ., 1972. 229 p. (In Russian)
7. Kyojuka S. *Internal Enforcement and Application of Treaties in Japan Note*. The Japanese Annual on International Law. No. 12, 1968. pp. 45–58.
8. McClain J. L. *Japan: A Modern History*. Astrel Publ., 2006. 895 p. (In Russian)
9. McCormack G. *Deception and Diplomacy: The US, Japan, and Okinawa*. The Asia-Pacific Journal | Japan Focus. Vol. 9. Issue 21. Number 1. pp. 2–3.
10. Miyazaki S. *On Application of International Law in Domestic Judgement*. A Collection of Themes and Essays in Commemoration of the 10th Anniversary of the Judicial Research & Training Institute. Vol. I (Civil Case). 156 p.
11. Molodyakova E. V., Markaryan S. B. *Japanese society: Book of Changes*. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Press, 1996. 256 p. (In Russian)
12. Port K. L. *The Japanese International Law "Revolution": International Human Rights Law and Its Impact in Japan*. 28 Stanford Journal of International Law 139, 1991. pp. 140–153.
13. Sarkisov K. *Japan on the eve of XXI century. Aktualnye problemy ekonomiki i politiki sovremennoj Yaponii*. Nauka Publ., 1991. pp. 20–21. (In Russian)
14. Shaw M. N. *International Law. The United States of America*: Cambridge University Press, 2008. 177 p.
15. Streltsov D. V. *The Problem of Reversion of Okinawa in the US-Japan Postwar Relations. Vestnik RUDN. International Relations*, 2017. 17 (3), pp. 598–611. (In Russian)
16. Takano Y. *Conclusion and Validity of Treaties in Japan: Constitutional Requirements*. The Japanese Annual on International Law. No. 8, 1964. pp. 9–23.
17. Takano Y. *Post-War Studies in Private International Law in Japan Notes*. The Japanese Annual of International Law. No. 6, 1962. pp. 95–106.
18. Zhukov A. E. *History of Japan: 1868–1998*. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Press, 1999. 703 p. (In Russian)

Информация об авторе

Александра Михайловна Медведева — студентка 4 курса направления «Юриспруденция с углубленным изучением японского языка и права Японии» Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Email: st069334@student.spbu.ru

Author's information

Alexandra Mikhailovna Medvedeva — 4th year student of Jurisprudence (with an In-Depth Study of the Japanese Language and Legal System). Saint Petersburg State University, Law Department.

Email: st069334@student.spbu.ru

УДК: 94

П.Э. Москалев

Санкт-Петербургский государственный университет

Влияние системы дуг нестабильности на положение зарубежных китайцев в Таиланде и Вьетнаме в XX в. — начале XXI в.

Аннотация: Статья посвящена аналитическому описанию влияния системы дуг нестабильности на положение общин зарубежных китайцев в Таиланде и Вьетнаме на протяжении XX в. и в начале XXI в. Концепция дуги нестабильности была предложена авторитетным российским аналитиком — генерал-майором КГБ СССР Ю. И. Дроздовым (1925–2017), а затем получила развитие в трудах последователей. В настоящее время евразийская система дуг нестабильности — это фундаментальный геополитический феномен, который отражает сложившийся баланс сил между претендентами на осуществление контроля над геополитическими и экономическими процессами в том или ином регионе. Применительно к развитию стран Юго-Восточной Азии влияние системы «дуг нестабильности» целесообразно исследовать в историческом измерении. Наличие в этих странах крупных и влиятельных китайских диаспор может, в зависимости от обстоятельств, являться как стабилизирующим, так и дестабилизирующим фактором. Библиография: 16 наименований

Ключевые слова: Вьетнам, Таиланд, история, XX век, XXI век, система дуг нестабильности

Petr E. Moskalev

Saint-Petersburg State University

Influence of the system of Arcs of Instability on the position of overseas Chinese in Thailand and Vietnam in the 20th century — early 21st century

Summary: The article is devoted to an analytical description of the impact of the arc of instability system on the position of overseas Chinese communities in Thailand and Vietnam during the 20th century and at the beginning of the 21st century. The concept of arcs was proposed by an authoritative Russian analyst — Major General of the KGB of the USSR Yu. I. Drozdov (1925–2017), and then developed in the writings of his followers. At present, the system of “arcs of instability” is a fundamental geopolitical phenomenon that reflects the existing balance of power between applicants for control over geopolitical and economic processes in a particular region. Regarding the development of the countries of Southeast Asia, the influence of the system of “arcs of instability” is expedient to study in the historical dimension. The presence of large and influential Chinese diasporas in these countries can, depending on the circumstances, be both a stabilizing and a destabilizing factor. (Refs 16.)

Keywords: Vietnam, Thailand, history, 20th century, 21st century, system of arcs of instability

Ситуация в Юго-Восточной Азии в настоящее время все больше характеризуется усилением соперничества между основными конкурентами во всех сферах — от военно-политической до технологической и экономической [Колотов, Маслов, 2021: 140]. Аналитический инструмент теории системы дуг нестабильности оптимально подходит и является весьма актуальным при анализе самых разных исторических проблем Евразии [Колотов, 2013]. Мне представляется, что система дуг нестабильности, понимаемая как фундаментальный геополитический феномен, отражающий баланс сил между претендентами на осуществление контроля над геополитическими и экономическими процессами в том или ином регионе [Колотов, 2013:28], имеет длительную историю развития. Во всяком случае применительно к историческому развитию Таиланда и Вьетнама в XX в. отчетливо видно конкретные примеры того, как политическая нестабильность развивалась под влиянием сложного переплетения внутренних и внешних факторов. В данной статье подробно рассматривается лишь один такой фактор, а именно наличие и в Таиланде, и во Вьетнаме многочисленных, укорененных в местных обществах иммигрантских диаспор китайцев, имеющих длительную историю развития.

Следует сказать, что китайская зарубежная диаспора на сегодняшний день является крупнейшей по численности в мире, ежегодно исходящий из КНР поток эмигрантов также самый многочисленный. К 2010 г. общая численность зарубежных китайцев в мире оценивалась приблизительно в 50 млн. человек, около 73% из них проживали в странах Юго-Восточной Азии [Агентство Синьхуа]. То есть именно Юго-Восточная Азия с древнейших времен была и до сих пор остается одним из основных, излюбленных направлений зарубежной миграции китайцев. Китай столетиями оказывал большое влияние на историческое развитие этого региона. К началу XX в. за пределами Китая проживало примерно 5 млн. китайцев, к началу 1950-х гг. их численность выросла до 12–13 млн., и тогда 90% из них обитали в странах ЮВА [Агентство Синьхуа].

Мы знаем, что связи между КНР и странами ЮВА, начиная с 1990-х гг. и по сей день, динамично растут и укрепляются [Харрингтон, 2012]. Только за период с 2000 по 2014 гг. совокупный годовой товарооборот между КНР и странами, входящими в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии, вырос более чем в десять раз — с 32 млрд. долларов США до 350 млрд. [5]. Власти КНР заинтересованы в укреплении разносторонних связей со странами ЮВА, и роль зарубежных китайцев, проживающих в этих странах, в развитии таких связей в XXI в. имеет потенциал для увеличения, поскольку многие зарубежные китайцы традиционно поддерживают тесные связи со своей исторической родиной.

Рост китайской эмиграции практически неизменно сопровождался усилением роли зарубежных китайцев в экономиках тех государств, в которых они обосновывались на постоянное проживание. Например, совокупный объем частных капиталов зарубежных китайцев, проживавших в странах ЮВА к середине 1990-х гг., оценивался в сумму более 200 млрд. долларов США [Ларин, 2008]. То есть, составляя лишь немногим более 5% от общей численности населения ЮВА в то время (примерно 20 млн. чел.), зарубежные китайцы тем не менее контролировали более половины ведущих компаний в регионе, 517 из 1000 [Ларин, 2008].

Однако в ситуации существования в той или иной стране многочисленной китайской диаспоры есть и обратная сторона. И она связана с тем, что при наличии определенных условий любая многочисленная и обособленная диаспора, в частности китайская диаспора, способна превращаться в мощный дестабилизирующий фактор для развития того государства и общества, в котором она сформировалась. То есть китайские диаспоры, с одной стороны, могут помогать государству, в котором они проживают, развиваться, наращивать основные экономические показатели, способствовать более тесному сотрудничеству этих государств с Китаем. Не зря многие авторитетные исследователи этнопсихологии

китайской нации нередко подчеркивают, что традиционная китайская культура поощряет предприимчивость, труд во имя накопления капитала и последующего его инвестирования. Да и экономическая статистика о деятельности представителей китайской нации практически во всех странах мира подтверждает то, что многие китайцы занимаются предпринимательской деятельностью и делают это весьма эффективно. Несомненно, успешный китайский бизнес вносит положительный вклад в развитие экономик тех стран, на чьей территории он осуществляется, в том числе, и за счет уплаты налогов, импортных пошлин и других платежей в бюджет. Следует также отметить, что китайские предприниматели, проживающие за пределами Китая, очень часто продолжают поддерживать активные деловые связи со своими соотечественниками, живущими в Китае, а также с теми из них, кто находится в других странах. Соответственно, экономическая деятельность представителей китайской диаспоры, как правило, связана с процессом расширения международных коммерческих связей и шире — процессом более активной торговой и финансовой глобализации.

Однако существует и обратная сторона, дело в том, что эти же самые многочисленные, сплоченные, активные китайские диаспоры в разных странах мира могут превращаться в своего рода «яблоко раздора» между Китаем и странами их обитания, нередко становясь при этом сами заложниками и жертвами неразрешенных геополитических противоречий между их исторической родиной и государствами фактического проживания.

И вот как раз именно такое, в некотором смысле кардинально отличное, положение китайских диаспор прослеживается, если мы посмотрим на историю Вьетнама и Таиланда на протяжении XX в. и в начале нынешнего столетия. Это достаточно интересно, поскольку история и специфика формирования китайских диаспор в этих странах во многом была схожа, например, и иммиграция китайцев, в основном, исторически осуществлялась по морю, и в Таиланде, и во Вьетнаме китайские иммигранты предпочитали селиться в южных районах соответствующих стран, да и сами эти страны, хотя и не имея общих сухопутных границ друг с другом, по ряду объективных показателей были схожи. Таиланд и Вьетнам в настоящее время одни из наиболее крупных, густонаселенных, экономически развитых государств Юго-Восточной Азии.

Так какие же исторические причины повлияли на то, что в современном Таиланде большинство самых богатых жителей страны имеют китайское происхождение, а в развитии национальной экономики Вьетнама на современном этапе и зарубежные китайцы играют существенно менее заметную роль? Что в истории Таиланда и Вьетнама привело к тому, что, например, все 5 гражданских премьер-министров Таиланда в XXI в. и, как минимум, 13 в XX в. совершенно точно являлись зарубежными китайцами, что, к слову сказать, ничуть не скрывали. Например, Таксин Чиннават, бывший премьер-министром Таиланда с 2001 г. по 2006 г. и известный своей популистской политической риторикой [Колдунова, 2015] и вовсе всячески подчеркивал свое китайское происхождение [Москалев, 2021]. В то же время в отношении новейшей истории Вьетнама какая-либо достоверная информация о том, что какой-то потомок китайского иммигранта сумел занять высший политический пост, отсутствует.

Первая причина состоит в том, что динамика изменения численности зарубежных китайцев, проживавших на территориях Вьетнама и Таиланда в XX в. — начале XXI в., отличалась. В истории Вьетнама в XX в., в отличие от Таиланда, можно выделить несколько периодов, когда происходил массовый отток зарубежных китайцев из страны. Естественно, это не способствовало стабилизации положения китайской диаспоры во Вьетнаме.

Вторая причина тесно связана с факторами, стимулировавшими массовую китайскую иммиграцию в Таиланд и Вьетнам в первой половине XX в., которые имели свою специфику, были не одинаковыми. Иммиграция китайцев во Вьетнам продолжительное время

в значительной мере поддерживалась французскими колониальными властями, тогда как в Таиланде инициатива, направленная на привлечение все новых мигрантов из Китая, принадлежала, прежде всего, самим представителями местной китайской диаспоры. Им просто предпочтительней было нанимать на работу своих земляков и сотрудничать с ними же. Можно сказать, что в отличие от Вьетнама, в Таиланде политические факторы, властные инициативы никогда не играли ключевой роли в привлечении иммигрантов из Китая [Wyatt 2004]. Китайская диаспора в Таиланде по большей части формировалась и развивалась на основе частной инициативы самих реальных и потенциальных мигрантов из Китая, а также усилиями позитивной пропаганды, проводившейся усилиями тех зарубежных китайцев, которые уже обосновались в стране.

Третья причина в различии положения зарубежных китайцев в историческом развитии Таиланда и Вьетнама связана с процессами развития национального самосознания коренных жителей Вьетнама и Таиланда и появления в этих странах новых политических движений в первой половине XX в. Это оказало значительное влияние на местные китайские общины. Во Вьетнаме развитие национально-освободительного движения за независимость зачастую подрывало взаимовыгодное сотрудничество китайских капиталистов и французских колонизаторов. Основная масса коренного вьетнамского населения никаких дивидендов от этого сотрудничества не извлекала, напротив, по мере укрепления колониального режима уровень эксплуатации вьетнамцев как со стороны властей, так и со стороны крупных капиталистов, в том числе и китайского происхождения, лишь возрастал, тогда как уровень жизни не улучшался. В Сиаме широкое распространение националистических идей среди населения, особо активно начавшееся в 1930-е гг., после буржуазной революции 1932 г., тоже негативно отражалось на положении зарубежных китайцев [Baker, Pasuk 2014: 124–125]. Зачастую именно китайское этническое меньшинство тайские националисты обвиняли в затянувшемся экономическом кризисе, отставании темпов развития страны от Запада. Однако китайская диаспора по Вьетнаме росла и развивалась, в первую очередь, благодаря заинтересованности в этом французов [Marsot 1993: 5] Соответственно, вьетнамский национализм связывал антикитайскую риторику с антифранцузской и антиколониальной, и нельзя сказать, что у него не было на это оснований.

Четвертая причина различий в положении зарубежных китайцев в историческом развитии Таиланда и Вьетнама в рассматриваемый исторический период, как мне представляется, была связана с проведением политики «культурной революции» в КНР (1966–1976), которая привела к сокращению китайской эмиграции во всем мире [Li 2001: 151]. При этом китайская община Таиланда к тому времени уже вполне успешно интегрировалась в местное общество, тогда как китайская община Вьетнама, напротив, понесла большой урон, особенно после провозглашения СРВ 2 июля 1976 г., поскольку в то время отношения объединенного вьетнамского государства с КНР резко ухудшились. И в конечном счете это привело к нападению войск КНР на СРВ в 1979 г. [Мосяков, 2012:51]. А затем на протяжении почти 10 лет отношения между Китаем и Вьетнамом оставались крайне напряженными. Интересно отметить также то обстоятельство, что несмотря на то, что политическое развитие практически всех стран Юго-Восточной Азии после окончания Второй индокитайской войны исследователи характеризуют как склоняющееся в сторону авторитаризма [Мосяков, Тюрин, 2004: 312], тем не менее, например, в Таиланде авторитарные военные правительства вполне мирно и гармонично сосуществовали с местной китайской диаспорой.

Пятая причина тесно связана с территориальными спорами. После перехода СРВ к реализации политики обновления в конце 1980-х гг. последовала некоторая стабилизация китайско-вьетнамских отношений, тем не менее до сих пор существуют серьезные противоречия, связанные, в частности, с принадлежностью островов в Южно-Китайском море

[Мосяков, 2018]. Представители китайской диаспоры во Вьетнаме нередко становятся теми, на ком вьетнамцы вымещают свое негодование, связанное с экспансионистской, как они считают, политикой Китая. В то же время между Таиландом и Китаем территориальных претензий друг к другу нет. Как, впрочем, и в исторической памяти тайцев отсутствует и представление о Китае как об агрессоре, поскольку Таиланд не воевал с Китаем, тогда как Вьетнам в прошлом постоянно вынужден был бороться с попытками Китая осуществить посягательство на его суверенитет.

Таким образом, все описанные причины предопределили тот факт, что многие вьетнамцы крайне настороженно относятся к представителям китайской нации, которые приезжают в их страну с целью постоянного проживания. После объединения страны под властью СРВ очень важно было поддерживать и укреплять единство и сплоченность вьетнамской нации [Ricklefs 2010: 398–399], соответственно власти страны сознательно стремились не афишировать информацию о том, кто именно из представителей современной вьетнамской политической и экономической элиты является зарубежным китайцем. В контексте развития ситуации вдоль южной части восточноазиатского сегмента дуги нестабильности такая специфика положения представителей китайской диаспоры во Вьетнаме скорее создает потенциал для их становления дополнительным фактором дестабилизации.

Таким образом, во Вьетнаме в ходе обострения территориальных споров в ЮКМ китайская диаспора выступает важным фактором нестабильности, тогда как в Таиланде этот параметр не играет существенной политической роли.

У Таиланда отсутствуют территориальные споры с КНР, и китайская диаспора там уже достаточно давно превратилась в важнейший элемент, способствующий более тесным и интенсивным контактам с Китаем во всех сферах. Культура зарубежных китайцев в Таиланде и успехи многих из них на поприще экономической и политической деятельности воспринимаются, в том числе и на государственном уровне, как неотъемлемая часть собственно таиландской идентичности. Зарубежные китайцы имеют там огромное влияние, авторитет, и, по моему мнению, в некотором смысле защищают Таиланд от необходимости идти на чрезмерные уступки западным партнерам. Таиланд может всегда использовать связи представителей местной китайской диаспоры с Китаем, как преимущество в переговорном процессе с западными странами. В то же время в Королевстве Таиланд наиболее чувствительными раздражителями в контексте развития геополитической нестабильности на современном этапе выступает проблема с проживающими в южных провинциях мусульманами малайского происхождения, а также проблема нелегальной миграции из соседней Мьянмы, во Вьетнаме подобных проблем безопасности нет.

Список литературы

1. Впервые получены сравнительно точные цифровые данные о количестве проживающих за рубежом китайцев. (дата публикации: 02.12.2011) / *Агентство Синьхуа* // URL: <http://russian.people.com.cn/31516/7663300.html>
2. *Колдунова Е. В.* Политический кризис и социальный протест в Таиланде // *Вестник МГИМО*. 2015. № 4 (43). С. 222–228.
3. *Колотов В. Н.* Восточноазиатская дуга нестабильности как основной элемент системы региональной безопасности // *Актуальные проблемы региональной безопасности современной Азии и Африки*. Санкт-Петербург, 2013. С. 58–76.
4. *Колотов В.Н., Маслов А. А.* Евразийская дуга нестабильности и новые вызовы для России. / *Международная Жизнь*, (2) 2021, С. 136–141.
5. *Колотов В. Н.* Евразийская дуга нестабильности: история формирования, современное состояние и перспективы на будущее. / *Евразийская дуга нестабильности*

- и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки. Коллективная монография. / Отв. ред. В. Н. Колотов. — СПб.: СПбГУ, Восточный факультет; Изд-во «Студия НП-Принт», 2013. С. 28–89.
6. Ларин А. Г. Китай и зарубежные китайцы. М.: ИДВ РАН, 2008.— 78 с.
 7. Москалев П. Э. О китайском происхождении бывшего премьер-министра Таиланда Таксина Чинавата. / Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. Т. 2, № 2 (51), 2021. С. 309–318.
 8. Мосяков Д. В., Тюрин В. А. История Юго-Восточной Азии. — М.: Восточный университет, 2004.— 497 с.
 9. Мосяков Д. В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. Москва: Институт востоковедения РАН, 2012.— 220 с.
 10. Мосяков Д. В. События в Южно-Китайском море как угроза региональной стабильности и безопасности. / Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. Т. 1, № 2 (39), 2018. С. 5–12.
 11. Харрингтон К. Как Китай завоевывает Юго-Восточную Азию. 2012. (перевод с английского) // Геополитика: новости, статьи, аналитика. URL: <http://geo-politica.info/kak-kitay-zavoevyvaet-yugo-vostochnuyu-aziyu-project-syndicate-ssha.html>
 12. Baker C., Pasuk P. A History of Thailand. 3rd edition. Melbourne: Cambridge University Press, 2014.— 344 p.
 13. Li, Xing. The Chinese Cultural Revolution Revisited. *China Review*, vol. 1, no. 1, Chinese University Press, 2001, pp. 137–65, <http://www.jstor.org/stable/23461931>
 14. Marsot A. G. The Chinese community in Vietnam under the French. San Francisco: EM Text, 1993. 193 p.
 15. Ricklefs M.C. et al. A New History of Southeast Asia. New York: Palgrave Macmillan, 2010.— 536 p.
 16. Wyatt D. K. Thailand A Short History. 2nd Edition. Bangkok: Silkworm Books, 2004.— 352 p.

References

1. For the first time, comparatively accurate digital data on the number of Chinese living abroad have been obtained. (publication date: 02.12.2011) / *Xinhua News Agency* // URL: <http://russian.people.com.cn/31516/7663300.html> (In Russian)
2. Koldunova E. V. Political crisis and social protest in Thailand // *Bulletin of MGIMO*. 2015. N 4 (43). S. 222–228. (In Russian)
3. Kolotov V. N. East Asian arc of instability as the main element of the regional security system // *Actual problems of regional security in modern Asia and Africa*. St. Petersburg, 2013. S. 58–76. (In Russian)
4. Kolotov V.N., Maslov A. A. Eurasian arc of instability and new challenges for Russia. / *International Life*, (2) 2021, pp. 136–141. (In Russian)
5. Kolotov V. N. Eurasian arc of instability: history of formation, current state and prospects for the future. / *Eurasian arc of instability and regional security problems from East Asia to North Africa. Collective monograph*. / Resp. ed. V. N. Kolotov. — SPb.: SPbSU, Faculty of Oriental Studies; Publishing house “NP-Print Studio”, 2013. pp. 28–89. (In Russian)
6. Larin A. G. *China and overseas Chinese*. Moscow: IFES RAN, 2008.— 78 p. (In Russian)
7. Moskalev P. E. On the Chinese origins of former Thai Prime Minister Thaksin Shinawatra. / *Southeast Asia: Actual problems of development*. Т. 2, No. 2 (51), 2021. P. 309–318. (In Russian)

8. Mosyakov D.V., Tyurin V. A. History of Southeast Asia. — М.: Eastern University, 2004.— 497 p. (In Russian)
9. Mosyakov D. V. China's Policy in Southeast Asia: From Past to Present. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2012.— 220 p. (In Russian)
10. Mosyakov D. V. Events in the South China Sea as a threat to regional stability and security. / *Southeast Asia: Actual problems of development*. Vol. 1, No. 2 (39), 2018. S. 5–12. (In Russian)
11. Harrington K. How China is Conquering Southeast Asia. 2012. (translated from English) // Geopolitics: news, articles, analytics. URL: <http://geo-politica.info/kak-kitay-zavoevyvaet-yugo-vostochnuyu-aziyu-project-syndicate-ssha.html> (In Russian)
12. Baker C., Pasuk P. *A History of Thailand. 3rd edition*. Melbourne: Cambridge University Press, 2014.— 344 p.
13. Li, Xing. The Chinese Cultural Revolution Revisited. *China Review*, Vol. 1, No. 1, Chinese University Press, 2001, pp. 137–65, <http://www.jstor.org/stable/23461931>
14. Marsot A. G. *The Chinese community in Vietnam under the French*. San Francisco: EM Text, 1993. 193 p.
15. Ricklefs M.C. et al. *A New History of Southeast Asia*. New York: Palgrave Macmillan, 2010.— 536 p.
16. Wyatt D. K. *Thailand A Short History. 2nd Edition*. Bangkok: Silkworm Books, 2004.— 352 p.

Информация об авторе

Петр Эдуардович Москалев — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет.

Email: p.moskalev@spbu.ru

Author's Information

Petr E. Moskalev — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University.

Email: p.moskalev@spbu.ru

Роль Сингапура для развития взаимодействия между ЕАЭС и АСЕАН

Аннотация: В статье анализируется роль Сингапура для развития взаимодействия между ЕАЭС и АСЕАН. Автор рассматривает значение отношений с внешними акторами для ЕАЭС, роль взаимодействия с АСЕАН для политики ЕАЭС и России, взаимосвязь евразийской и азиатско-тихоокеанской интеграций, положение АСЕАН в рамках инициативы Большого евразийского партнерства. В статье исследуются ключевые этапы выстраивания диалога между ЕАЭС и АСЕАН как на уровне двух объединений, так и ходе развития сотрудничества ЕАЭС с отдельными странами-членами АСЕАН. Автор рассматривает перспективы создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и АСЕАН и существующие препятствия для этого. Одной из ключевых проблем отношений ЕАЭС и АСЕАН в этой области является низкий уровень экономического сотрудничества и небольшое количество соглашений о свободной торговле со странами-членами АСЕАН. Из стран-членов АСЕАН только Вьетнам имеет действующий договор о свободной торговле с ЕАЭС. В октябре 2019 г. такой договор подписал Сингапур. Сингапур играет важную роль для взаимодействия ЕАЭС и АСЕАН. Сингапур — это одна самых развитых стран мира. Сингапур активно сотрудничает с Россией в области высоких технологий и является одним из мировых центров финансовых и инвестиционных потоков. Сингапур может стать мостом между АСЕАН и ЕАЭС в вопросах цифровизации и инвестиционного взаимодействия. Тенденции сотрудничества с Сингапуром укладываются в текущий вектор развития отношений ЕАЭС и АСЕАН, направленный преимущественно на упрощение и оптимизацию торгово-экономических связей. В то же время практические результаты могут быть ожидаемы после ратификации договора о свободной торговле и подписания серии соглашений о взаимодействии в сфере услуг и инвестиций между Сингапуром и странами-членами ЕАЭС. Однако в настоящее время препятствием к этому может являться позиция Сингапура по отношению к России, занятая им после февраля 2022 г. Библиография: 16 наименований.

Ключевые слова: ЕАЭС, АСЕАН, Большое евразийское партнерство, Сингапур, Вьетнам, зона свободной торговли

The role of Singapore for development of EAEU-ASEAN interaction

Summary: The article analyzes the role of Singapore for development of EAEU-ASEAN interaction. The author considers the significance of relations with external actors for the EAEU, the role of interaction with ASEAN for policies of the EAEU and Russia, interconnection of Eurasian and Asia-Pacific integrations, the position of ASEAN in the framework of the Greater Eurasian Partnership. The article researches key steps of formation of EAEU-ASEAN dialogue as on the level of two blocks so in the progress of development of cooperation of the EAEU and separate ASEAN member-states. The author considers prospects of creation of a free trade area between the EAEU and ASEAN and existing obstacles for it. One of key problems of EAEU-ASEAN relations in this sphere is low level of economic cooperation and few precedents of free trade agreements with ASEAN member-states. Of all ASEAN member-states only Vietnam has a functioning free trade agreement with the EAEU. In October 2019 such treaty was signed by Singapore. Singapore plays important role for EAEU-ASEAN interaction. Singapore is one of the most developed states in the world. Singapore intensively cooperates with Russia in the field of high technologies and takes a position of one of global financial and investment hub. Singapore can be a bridge between the EAEU and ASEAN in the spheres of digitalization and investments. Trends of cooperation with Singapore correspond with current vector of development of EAEU-ASEAN cooperation, directed mostly at simplification and optimization of trade ties. At the same time practical results can be expected after ratification of the free trade agreement and conclusion of series of treaties on cooperation in services and investments sphere between Singapore and EAEU member-states. However, at the moment as an obstacle for that we can term the position of Singapore towards Russia, taken by it after February 2022 (Refs 18).

Keywords: EAEU, ASEAN, Greater Eurasian Partnership, Singapore, Vietnam, free trade area

Юго-Восточная Азия является одним из важных направлений политики Евразийского экономического союза (ЕАЭС). ЕАЭС и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) ведут диалог и рассматривают возможность расширения сотрудничества. Взаимодействие ЕАЭС и АСЕАН является одним из базовых элементов инициативы Большого евразийского партнерства (БЕП). Вьетнам, входящий в состав АСЕАН, стал первым государством, подписавшим с ЕАЭС договор о свободной торговле.

Евразийский экономический союз не только стремится укрепить интеграцию внутри объединения, но и развивает отношения с широким кругом внешних акторов в различных форматах сотрудничества. По словам М. В. Лапенко, «увеличение числа участников Евразийского экономического союза повышает его авторитет на международной арене, а особые формы сотрудничества могут сделать его конкурентоспособным интеграционным образованием» [Лапенко, 2016: 75]. Страны Юго-Восточной Азии играют все более заметную роль в международных отношениях и экономике Азиатско-Тихоокеанского региона. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии занимает центральное положение в интеграционных процессах в АТР [Колдунова, 2017: 59–60]. В рамках своей политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе Москва рассматривает АСЕАН как одного из своих значимых партнеров. В 1996 г. Россия получила статус партнера АСЕАН по диалогу. В 2018 г. на саммите России и АСЕАН в Сингапуре стороны приняли совместное заявление об установлении стратегического партнерства. По мнению российского эксперта А. П. Цветова, Юго-Восточная Азия играет важную роль для России, поскольку дает ей возможность продемонстрировать диверсификацию своей внешней политики (в том числе и в рамках АТР) [Tsvetov 2016: 73]. Во многом партнерские отношения России и АСЕАН сделали возможным диалог между Ассоциацией и Евразийским экономическим союзом. Идея объединить процессы евразийской и тихоокеанской интеграций витала в воздухе достаточно давно. Как отмечал исследователь из Таиланда П. Рангсимапорн, евразийские идеи в России были традиционно тесно связаны с представлением о расширении взаимодействия со странами АТР [Rangsimaporn 2006: 385]. В своем выступлении на саммите АТЭС во Владивостоке в 2012 г. президент России В. В. Путин говорил о возможностях сотрудничества с АТР в формате Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана (основы будущего ЕАЭС)¹. Эта идея нашла свое продолжение в инициативе Большого евразийского партнерства, в котором АСЕАН отводится одна из ключевых ролей. Контуры БЕП были впервые обозначены российским президентом в его послании Федеральному Собранию в декабре 2015 г., в котором говорилось о возможности создания экономического партнерства между странами, входящими в Евразийский экономический союз, Шанхайскую организацию сотрудничества и АСЕАН².

По словам российского эксперта Е. А. Канаева, «институционализация Большой Евразии при помощи ресурсов и опыта АСЕАН отвечает как духу евразийского сотрудничества, так и приоритетам его участников», а «евразийское измерение сотрудничества, институционализированное посредством связи АСЕАН — ШОС — ЕАЭС, отвечает перспективным планам АСЕАН» [Канаев, 2017: 87–88].

При этом нужно отметить, что, несмотря на масштабы предложенной инициативы, БЕП является, скорее, декларацией о намерениях, а не проектом с четко обозначенными рамками [Федоров, 2020: 42]. Фактически в рамки БЕП может укладываться взаимодействие между участниками партнерства на различном уровне и в широком круге форматов.

Развитие сотрудничества между ЕАЭС и АСЕАН нашло отражение в целом ряде документов. В итоговой декларации саммита России и АСЕАН в Сочи в мае 2016 г. была

¹ Владимир Путин принял участие в работе Делового саммита АТЭС // Президент России. 07.09.2012. http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/16410 (дата обращения: 15.08.2020).

² Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. 03.12.2015. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 14.07.2020).

отмечена возможность сотрудничества между ЕАЭС и АСЕАН, включая вопрос создания всеобъемлющей зоны свободной торговли³. Взаимодействие стран АСЕАН, ШОС и ЕАЭС «в целях обеспечения взаимодополняемости интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском и Евразийском регионах» было обозначено в Концепции внешней политики России, принятой в 2016 г.⁴ В ноябре 2018 г. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) и Секретариат АСЕАН подписали меморандум о взаимопонимании.

В то же время практических шагов по развитию взаимодействия между ЕАЭС и АСЕАН было сделано пока не так много. Зона свободной торговли между ЕАЭС и АСЕАН не только не обсуждается, но и даже не упоминается в официальных документах последнего времени. Препятствием для расширения сотрудничества является низкий уровень торгового оборота и экономической интеграции между странами ЕАЭС и АСЕАН. Хотя объем торгового оборота между ЕАЭС и АСЕАН увеличился с 15 млрд. долл. в 2015 г до 22,1 млрд. в 2018 г. [Канаев, Королев, 2020: 66], в 2020 г. произошло его снижение до 17,7 млрд⁵. Доля ЕАЭС в торговом обороте АСЕАН составляла в 2018 г. 0,8%, а доля стран Ассоциации для внешней торговли ЕАЭС — 3%. При этом больше 90% всей торговли ЕАЭС с АСЕАН приходится на Россию [Канаев, Королев, 2020: 67]. Кроме того, следует отметить, что импорт из стран АСЕАН превосходит экспорт из России и растет более высокими темпами, а российский экспорт в Юго-Восточную Азию носит преимущественно сырьевой характер [Костюнина, 2019: 45]. Также создание зоны свободной торговли такого формата может встретиться с препятствиями институционального характера, связанного с особенностями принятия решений в Ассоциации с учетом интересов всех стран-членов [Цветов, 2017]. Экспертами отмечается, что условием создания зоны свободной торговли ЕАЭС — АСЕАН может стать серия соглашений о свободной торговле между ЕАЭС и отдельными странами Ассоциации [Алиев, 2017: 75]. В мае 2015 г. такое соглашение было подписано между ЕАЭС и Вьетнамом. Идеи подключения Вьетнама к евразийским интеграционным процессам появились еще в 2009 г., а официальные переговоры стартовали в 2013 г. Успеху переговоров, безусловно, способствовал высокий уровень политических отношений между Москвой и Ханоем [Мазырин, 2016: 72]. Российскими экспертами отмечалось, что зона свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом «может являться пилотным проектом, применимым к другим странам АСЕАН» [Мазырин, 2015: 73]. Неоднократно также указывалось, что зона свободной торговли с Вьетнамом может стать основой для развития сотрудничества между ЕАЭС и АСЕАН [Федоров, 2018: 83–84]. В то же время рост торгового оборота между странами ЕАЭС и Вьетнамом не вполне оправдал ожиданий. Предполагалось, что объемы торговли между Россией и СРВ могут вырасти к 2020 г. до 10 млрд. долл. [Мазырин, 2015: 77]. Однако в 2020 г. российско-вьетнамский торговый оборот составил только 5,67 млрд. долл.⁶ Это было обусловлено рядом объективных и субъективных причин. Если Вьетнам всё в большей степени заинтересован в интеграции в глобальную экономическую систему, возглавляемую США, то Россия предпочитает делать упор на региональные объединения (например, ЕАЭС и ШОС). На позиции России

³ Сочинская декларация юбилейного саммита Россия — АСЕАН в связи с 20-летием установления диалогового партнерства между Российской Федерацией и АСЕАН // Россия — АСЕАН. 20.05.16. URL: <http://russia-asean20.ru/documents/> (дата обращения: 18.03.2021).

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 01.12.2016. https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 19.07.2020).

⁵ В ЕАЭС и АСЕАН заявили о намерении содействовать развитию бизнес-сотрудничества // Евразийская экономическая комиссия. 19.05.2021. <https://eec.eaeunion.org/news/v-caes-i-asean-zayavili-o-namerenii-sodejstvovat-razvitiyu-biznes-sotrudnichestva/> (дата обращения: 15.02.2022).

⁶ Торговля между Россией и Вьетнамом в 2020 г. // Внешняя торговля России. 13.02.2021. <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-vetnamom-v-2020-g/> (дата обращения: 16.02.2022).

(как вопросах внутреннего экономического развития, так и внешнеэкономических связей) оказывают прямое и косвенное влияние западные санкции, введенные после 2014 г. Ханой определенно больше заинтересован в стабильных связях с Западом, чем с Россией, а российское присутствие в СРВ сталкивается с растущей конкуренцией со стороны ведущих партнеров Вьетнама [Мазырин, 2020: 124–125].

Продолжаются переговоры о создании зоны свободной торговли и с другими странами АСЕАН. Евразийская экономическая комиссия подписала меморандумы о взаимопонимании по этому вопросу с Индонезией, Камбоджей и Таиландом. Следующим после Вьетнама государством АСЕАН, с которым планировалось подписание договора о свободной торговле, считался Сингапур. Переговоры, которые велись с декабря 2016 г., однако, затянулись и соглашение о свободной торговле товарами было подписано только в октябре 2019 г.

Значимость Сингапура для ЕАЭС определяется следующими факторами. Сингапур — это одна из самых развитых стран мира. Торговля с Сингапуром складывается с положительным сальдо для России. При этом, однако, основу российского экспорта представляют нефть и нефтепродукты, а объемы торгового оборота отличаются нестабильностью и имеют тенденцию к снижению за последние годы. Если в 2018 г. торговля между Россией и Сингапуром составляла около 3,66 млрд. долл.⁷ (Сингапур как партнер России в Юго-Восточной Азии уступал тогда только Вьетнаму), то в 2020 г. российско-сингапурский торговый оборот сократился до 1,68 млрд. долл.⁸ Россия и Сингапур активно сотрудничают в сфере цифровых и инновационных технологий [Осипова, 2019: 146]. Соглашение о свободной торговле с Сингапуром имеет также «имиджевое» значение, поскольку доказывает, что ЕАЭС может эффективно взаимодействовать в Юго-Восточной Азии не только с «политически близким» для Москвы Вьетнамом [Канаев, Королев 2018: 745]. Важной сферой, как предполагается, может стать инвестиционное сотрудничество. Сингапур является одним из ключевых мировых центров инвестиционных и финансовых потоков, а также одной из стран с максимально выгодными и свободными условиями для ведения бизнеса. В Сингапуре в 2017 г. работало 690 российских компаний, а инвестиции со стороны Сингапура в России (включая инвестиции компаний, зарегистрированных в Сингапуре) на начало 2018 г. составили 17 млрд. долл. [Хейфец, 2020: 88]. Отмечалось, что в отношениях ЕАЭС и Сингапура инвестиционная повестка будет преобладать по сравнению с товарной [Лисоволик, 2017: 52]. Собственно, зона свободной торговли товарами должна быть дополнена либерализацией рынка услуг и инвестиций после подписания соответствующих двусторонних соглашений с отдельными странами ЕАЭС. Во многом затягивание переговоров между ЕАЭС и Сингапуром было вызвано тем, что ЕЭК не обладает полномочиями по переговорам с внешними партнерами о сфере услуг и инвестиций [Канаев, Королев, 2020: 67]. Кроме того, другой причиной, по мнению российских экспертов, является то, что Сингапур уже придерживается многочисленных обязательств по либерализации доступа в сфере услуг и инвестиций. В этих условиях город-государство не был заинтересован в привлечении на свой рынок новых игроков в виде стран ЕАЭС на тех же преференциальных условиях, как и у других партнеров [Зуев, Островская, Васильева, 2021: 190]. Можно сделать вывод, что препятствием для развития сотрудничества между ЕАЭС и Сингапуром являлся относительно низкий уровень экономического взаимодействия и общая слабость позиций России и стран ЕАЭС в Юго-Восточной

⁷ Торговля между Россией и Сингапуром в 2018 г. // Внешняя торговля России. 09.02.2019. <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiyei-i-singapurom-v-2018-g/> (дата обращения: 16.02.2022).

⁸ Торговля между Россией и Сингапуром в 2020 г. // Внешняя торговля России. 13.02.2021. <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiyei-i-singapurom-v-2020-g/> (дата обращения: 16.02.2022).

Азии. В связи с этим Сингапур не был намерен связывать себя формальными обязательствами по отношению к международному объединению, объективно не игравшему для него приоритетную роль.

Также Сингапур может играть логистическую роль для связки ЕАЭС и АСЕАН, принимая во внимание его опыт транспортного хаба и центра морской торговли [Канаев, Королев, 2019: 37]. К примеру, Сингапур занимает важное место как посредник при реализации торговых операций между Россией и странами Юго-Восточной Азии [Костюнина, 2019: 47].

Кроме того, уже сейчас реализуются совместные проекты с участием российских и сингапурских партнеров по организации электронной торговли между странами ЕАЭС и АСЕАН. Так Российско-Сингапурский Деловой Совет и сингапурская компания vCargoCloud интегрировали свои платформы электронной торговли (соответственно, RSTrade и CamelONE), что может привести к «полной автоматизации торговых потоков между ЕАЭС и АСЕАН» [Федоров, 2020: 44]. Комментируя роль Сингапура для организации сотрудничества ЕАЭС и АСЕАН, член Коллегии ЕЭК по внутренним рынкам, информатизации, информационно-коммуникационным технологиям К. А. Минасян заявляла: «Сингапур мы рассматриваем как точку входа для дальнейшего сопряжения цифровых экосистем, зарождающихся, как в нашем Союзе, так и в странах АСЕАН»⁹.

По мнению российского исследователя Б. А. Хейфеца, соглашение о свободной торговле товарами между ЕАЭС и Сингапуром помимо снижения пошлин «будет способствовать смягчению нетарифных барьеров в торговле» [Хейфец, 2020: 85].

Во многом указанные выше тенденции в диалоге между ЕАЭС и Сингапуром отвечают текущему характеру взаимодействия между ЕАЭС и АСЕАН. Стороны принимают совместные документы и выражают надежды на перспективы дальнейшего сотрудничества, но практические результаты представляются не слишком значительными. ЕАЭС и АСЕАН в своем диалоге больше делают акцент не на подписании формальных соглашений, а на попытках создать условия для упрощения ведения взаимной торговли и устранения нетарифных препятствий. Например, С. Ю. Глазьев, член Коллегии ЕЭК по интеграции и макроэкономике, в своем выступлении на Первом международном семинаре для экспертов из стран АСЕАН и ЕАЭС в Москве в декабре 2019 г. говорил: «Важным элементом взаимодействия является качественный и системный информационный обмен между ЕАЭС и АСЕАН с акцентом на экспертные консультации и обмен опытом по вопросам упрощения процедур торговли, технического регулирования, развития цифровой экономики, санитарных и фитосанитарных мер и других аспектов взаимодействия»¹⁰. Сингапур в этой связи видится для ЕАЭС не только как перспективный торговый партнер, но и как инструмент для укрепления позиций России и других стран Евразийского экономического союза в Юго-Восточной Азии.

Подписание и вступление в силу соглашений по услугам и инвестициям с Сингапуром фактически создаст новый формат взаимодействия для ЕАЭС с его внешними партнерами, который подразумевает сотрудничество в более широком круге сфер. Это может стать мостом для еще одного направления всеобъемлющего сотрудничества ЕАЭС и АСЕАН. Б. А. Хейфец отмечал, что возможным вариантом взаимодействия между ЕАЭС и АСЕАН может стать разработка многостороннего инвестиционного соглашения ЕАЭС — АСЕАН, которое привело бы к созданию зоны свободных инвестиций и стало бы базой для всестороннего соглашения об экономическом партнерстве [Хейфец, 2018: 117].

⁹ ЕЭК рассматривает Сингапур как «точку входа для сопряжения цифровых экосистем ЕАЭС и АСЕАН» // Евразийская экономическая комиссия. 05.06.2019. <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/05-06-2019-7.aspx> (дата обращения: 23.07.2020).

¹⁰ ЕАЭС и АСЕАН намерены расширять сотрудничество // Евразийская экономическая комиссия. 10.12.2019. <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/10-12-2019-2.aspx> (дата обращения: 14.07.2020).

Соглашения между ЕАЭС и Сингапуром будут являться очередным этапом выстраивания партнерства между ЕАЭС и АСЕАН. Эти договоры могут способствовать развитию инвестиционного и логистического сотрудничества между ЕАЭС и АСЕАН и, соответственно, укреплению их экономических связей, а также служить примером для других стран Юго-Восточной Азии и моделью взаимодействия в новом формате. Впрочем, соглашение о свободной торговле товарами пока не ратифицировано, а договоры об услугах и инвестициях еще не подписаны. Стремление наладить взаимодействие с Сингапуром превращается для России и ЕАЭС в своеобразный «замкнутый круг». Формальные соглашения о сотрудничестве должны способствовать повышению уровня экономического взаимодействия, но их принятие наталкивается на ряд препятствий — в первую очередь, на слабые экономические позиции Союза в Юго-Восточной Азии. Укреплению же экономического присутствия России и других стран ЕАЭС в странах АСЕАН препятствует ряд субъективных факторов, включая слабую информированность стран Юго-Восточной Азии о России и низкий уровень государственной поддержки российских компаний, работающих в регионе [Костюнина, 2019: 47]. По мнению российского эксперта В. Н. Колотова, многие проблемы российской политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе обусловлены тем, что к выстраиванию отношений с АТР практически не привлекаются специалисты-востоковеды [Колотов 2020: 99].

Таким образом, в отношениях ЕАЭС и АСЕАН складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, ЕАЭС заинтересован в выстраивании взаимодействия с Юго-Восточной Азией. С другой стороны, это взаимодействие видится, во многом, как политический жест со стороны Союза, поскольку позволяет укрепить его статус на международной арене. Если исходить из упомянутых выше предположений В. М. Мазырина о проблемах функционирования зоны свободной торговли ЕАЭС — Вьетнам, ЕАЭС представляет собой региональный экономический блок, возглавляемый Россией, целью которого является не интеграция в глобальную экономическую систему, а формирование альтернативного экономического режима. При этом ЕАЭС объективно не обладает возможностями, чтобы «интегрировать» АСЕАН в свою собственную экономическую систему. Как следствие, экономическая интеграция с АСЕАН в силу системных причин играет для ЕАЭС второстепенную роль. На подобную ситуацию накладываются также факторы субъективного характера, связанные с недостаточно активной и продуманной политикой России по выстраиванию своих отношений со странами Восточной Азии. После 24 февраля 2022 г. для России выросла значимость отношений со странами Восточной Азии, что делает актуальным развитие сотрудничества между ЕАЭС и АСЕАН. Однако присоединение Сингапура к антироссийским санкциям объективно затрудняет в настоящее время расширение его взаимодействия с ЕАЭС.

Сотрудничество с Сингапуром предоставляет новые возможности для взаимодействия ЕАЭС и АСЕАН, однако с учетом упомянутых выше причин оно развивается достаточно медленными темпами, а подписанные документы часто носят декларативный характер и не сопровождаются значительными практическими результатами.

Источники

1. В ЕАЭС и АСЕАН заявили о намерении содействовать развитию бизнес-сотрудничества // Евразийская экономическая комиссия. 19.05.2021. <https://eec.eaeunion.org/news/v-eaes-i-asean-zayavili-o-namerenii-sodejstvovat-razvitiyu> — *business-sotrudnichestva/* (дата обращения: 15.02.2022).

2. Владимир Путин принял участие в работе Делового саммита АТЭС // Президент России. 07.09.2012. http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meetings/16410 (дата обращения: 15.08.2020).
3. ЕАЭС и АСЕАН намерены расширять сотрудничество // Евразийская экономическая комиссия. 10.12.2019. <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/10-12-2019-2.aspx> (дата обращения: 14.07.2020).
4. ЕЭК рассматривает Сингапур как “точку входа для сопряжения цифровых экосистем ЕАЭС и АСЕАН” // Евразийская экономическая комиссия. 05.06.2019. <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/05-06-2019-7.aspx> (дата обращения: 23.07.2020).
5. Концепция внешней политики Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 01.12.2016. https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 19.07.2020).
6. Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. 03.12.2015. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 14.07.2020).
7. Сочинская декларация юбилейного саммита Россия — АСЕАН в связи с 20-летием установления диалогового партнерства между Российской Федерацией и АСЕАН // Россия — АСЕАН. 20.05.16. URL: <http://russia-asean20.ru/documents/> (дата обращения: 18.03.2021).
8. Торговля между Россией и Вьетнамом в 2020 г. // Внешняя торговля России. 13.02.2021. <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-vetnamom-v-2020-g/> (дата обращения: 16.02.2022).
9. Торговля между Россией и Сингапуром в 2018 г. // Внешняя торговля России. 09.02.2019. <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-singapurom-v-2018-g/> (дата обращения: 16.02.2022).
10. Торговля между Россией и Сингапуром в 2020 г. // Внешняя торговля России. 13.02.2021. <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-singapurom-v-2020-g/> (дата обращения: 16.02.2022).

Список литературы

1. Алиев Т.М. и др. ЕАЭС и АСЕАН: Открывая новые горизонты сотрудничества. Аналитический доклад. — Москва: ВАВТ, 2017. — 229 с.
2. Зуев В.Н., Островская Е. Я., Васильева Е. В. Первые итоги соглашения ЕАЭС — Вьетнам по торговле услугами и формирование переговорных стратегий по новым соглашениям в сфере услуг // Вестник международных организаций. — 2021. — Т. 16. — № 2. — С. 183–203. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-02-09
3. Канаев Е. А. Факторы успешности АСЕАН и конституирование Большой Евразии // Международные процессы. — 2017. — Т. 15. — № 3 (50). — С. 81–89. DOI: 10.17994/IT2017.15.3.50.7
4. Канаев Е.А., Королев А. С. Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций. — 2019. — Т. 12. — № 1. — С. 26–43. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-26-43
5. Канаев Е.А., Королев А. С. ЕАЭС и АСЕАН: результаты и перспективы сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения. — 2020. — Т. 64. — № 1. — С. 64–72. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-64-72

6. Колдунова Е.В. “Диалоговые партнерства” во внешней политике АСЕАН // *Международные процессы*.— 2017. — Т. 15.— № 3(50). — С. 55–66. DOI: 10.17994/IT.2017.15.3.50.5
7. Колотов В. Н. Проблемы организации сотрудничества регионов РФ и СРВ на примере Санкт-Петербурга: к вопросу об эффективности политики «поворота на Восток» без востоковедов // *Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов*. — М.: ИДВ РАН, 2020. — С. 97–113.
8. Костюнина Г. М. Внешняя торговля России со странами АСЕАН: основные тенденции развития // *Российский внешнеэкономический вестник*.— 2019.— № 3. — С. 43–59.
9. Лапенко М. В. Внешний контур ЕАЭС: потенциал расширения и поиск оптимальных механизмов взаимодействия // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История, международные отношения*.— 2016. — Т. 16. — Вып. 1. — С. 71–76. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-71-76
10. Лисоволик Я. Д. Евразийский экономический союз и АСЕАН: оценка взаимодополняемости // *Международные процессы*.— 2017. — Т. 15.— № 3(50). — С. 46–54. DOI: 10.17994/IT.2017.15.3.50.4
11. Мазырин В. М. Вьетнам: Зоны свободной торговли // *Мировая экономика и международные отношения*.— 2016. — Т. 60.— № 3. — С. 72–82.
12. Мазырин В. М. Сдержки экономического сотрудничества между Россией и Вьетнамом // *Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов*. — М.: ИДВ РАН, 2020. — С. 114–131.
13. Мазырин В. М. Соглашение о создании зоны свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом // *Проблемы Дальнего Востока*.— 2015.— № 5. — С. 71–82.
14. Осипова М. Г. Российско-сингапурские отношения на рубеже XX–XXI веков // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*.— 2019. — Т. II.— № 4 (45). — С. 143–151.
15. Федоров Н. В. Взаимодействие с АСЕАН в рамках Большого евразийского партнерства // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*.— 2020. — Т. III.— № 3 (48). — С. 40–49. DOI: 10.31696/2072-8271-2020-3-3-48-040-049
16. Федоров Н. В. Соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом как фактор российско-вьетнамских отношений // *Сравнительная политика*.— 2018. — Т. 9,— № 1. — С. 74–90. DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-74-90
17. Хейфец Б. А. Зона свободной торговли ЕАЭС–Сингапур — новое преференциальное партнерство для России // *Общество и экономика*.— 2020.— № 2. — С. 80–93. DOI: 10.31857/S020736760008345-8
18. Хейфец Б. А. Перспективы создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и АСЕАН // *Вестник Института экономики Российской академии наук*.— 2018.— № 5. — С. 107–120. DOI: 10.24411/2073-6487-2018-0008
19. Цветов А. П. Вместо поворота: АСЕАН и евразийский проект России // *Московский Центр Карнеги*. 17.10.2017. <https://carnegie.ru/publications/73368> (дата обращения: 22.09.2020).
20. Kanaev E., Korolev A. Reenergizing the Russia–ASEAN Relationship: the Eurasian Opportunity // *Asian Politics & Policy*.— 2018. — Vol. 10. — No. 4. P. 732–751. DOI: 10.1111/asp.12426
21. Rangsimaporn P. Interpretation of Eurasianism: Justifying Russia’s Role in East Asia // *Europe–Asia Studies*.— 2006. — Vol. 58. — No. 3. — P. 371–389. DOI: 10.1080/09668130600601750

22. Tsvetov A. After Crimea: Southeast Asia in Russia’s Foreign Policy Narrative // *Contemporary Southeast Asia: A Journal of International & Strategic Affairs*. — 2016. — Vol. 38. — No. 1. — P. 55–80. DOI: 10.1355/cs38-1c

References

1. Aliev T.M. et. al. *The EAEU and ASEAN: Discovering New Horizons of Cooperation*. Analytical Paper. Moscow, VAVT, 2017. 229 p.
2. Fedorov N. V. The Free Trade Agreement between the EAEU and Vietnam as a Factor of Russian-Vietnamese Relations. *Sravnitel’naia politika*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 74–90 (in Russian). DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-74-90
3. Fedorov N. V. Interaction with ASEAN in the Framework of the Greater Eurasian Partnership. *Iugo-Vostochnaia Aziia: aktual’nye problemy razvitiia*, 2020, vol. III, no. 3 (48), pp. 40–49 (in Russian). DOI: 10.31696/2072-8271-2020-3-3-48-040-049
4. Kanaev E. A. Sources of ASEAN’s Success and Emergence of Greater Eurasia. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2017, vol. 15, no.3, pp. 81–89 (in Russian). DOI: 10.17994/IT2017.15.3.50.7
5. Kanaev E.A., Korolev A. S. EAEU-ASEAN: Results and Prospects of Cooperation. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2020, vol. 64, no. 1, pp. 64–72 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-64-72
6. Kanaev E.A., Korolev A. S. Greater Eurasia, Indo-Pacific Region and Russia-ASEAN Relations. *Kontury global’nykh transformatsii*, vol. 12, no. 1, pp. 26–43 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-26-43
7. Kanaev E., Korolev A. Reenergizing the Russia–ASEAN Relationship: the Eurasian Opportunity. *Asian Politics & Policy*, 2018, vol. 10, no. 4, pp. 732–751. DOI: 10.1111/asp.12426
8. Kheifets B. A. Free Trade Zone EAEU-Singapore is a New Preferential Partnership for Russia. *Obshchestvo i ekonomika*, 2020, no. 2, pp. 80–93 (in Russian). DOI: 10.31857/S020736760008345-8
9. Kheifets B. A. Prospects for the Creation of a Free Trade Zone between the EAEU and ASEAN. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*, 2018, no. 5, pp. 107–120 (in Russian). DOI: 10.24411/2073-6487-2018-0008
10. Koldunova E. V. Dialogue Partnerships in ASEAN’s External Relations. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2017, vol. 15, no. 3, pp. 55–66 (in Russian). DOI: 10.17994/IT.2017.15.3.50.5
11. Kolotov V. N. Problems of Organization of Cooperation between Regions of the RF and the SRV on the Example of Saint-Petersburg: on the Issue of Effectiveness of “Pivot to the East” Policy without Scholars in Oriental Studies. *Russian-Vietnamese Relations Today: Spheres of Convergence of Interests*. Moscow, RAS IFES, 2020, pp. 97–113 (in Russian).
12. Kostyunina G. M. Russia-ASEAN Foreign Trade: Key Development Trends. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*, 2019, no. 3, pp. 43–59 (in Russian).
13. Lapenko M. V. The External Contour of the EAEU: The Potential for Enlargement and the Search for Optimal Mechanisms of Interaction. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Serii: Istoriia, mezhdunarodnye otnosheniia*, 2016, vol. 16, iss. 1, pp. 71–76 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-71-76
14. Lisovolik Ia. D. Eurasian Economic Union and ASEAN: Complementary Appraisal. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2017, vol. 15, no.3, pp. 46–54 (in Russian). DOI: 10.17994/IT.2017.15.3.50.4
15. Mazyrin V. M. The Agreement on Establishment of Free Trade Area between the EAEU and Vietnam. *Problemy Dal’nego Vostoka*, 2015, no. 5, pp. 71–82 (in Russian).

16. Mazyrin V. M. Constraints of Economic Cooperation between Russia and Vietnam. *Russian-Vietnamese Relations Today: Spheres of Convergence of Interests*. Moscow, RAS IFES, 2020, pp. 114–131 (in Russian).
17. Mazyrin V. M. Vietnam: Free Trade Areas. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2016, Vol. 60, no. 3, pp. 72–82 (in Russian).
18. Osipova M. G. Russia-Singapore Relations at the Turn of XX–XXI Centuries. *Iugo-Vostochnaia Aziia: aktual'nye problemy razvitiia*, 2019, vol. III, no. 4 (45), pp. 143–151 (in Russian).
19. Rangsimaporn P. Interpretation of Eurasianism: Justifying Russia's Role in East Asia. *Europe-Asia Studies*, 2006, vol. 58, no. 3, pp. 371–389. DOI: 10.1080/09668130600601750
20. Tsvetov A. After Crimea: Southeast Asia in Russia's Foreign Policy Narrative. *Contemporary Southeast Asia: A Journal of International & Strategic Affairs*, 2016, vol. 38, no. 1, pp. 55–80. DOI: 10.1355/cs38-1c
21. Tsvetov A. Instead of the Pivot: ASEAN and Eurasian Project of Russia. *Moskovskii Tsentr Karnegi*, 17.10.2017. <https://carnegie.ru/publications/73368> (available at: 22.09.2020) (in Russian).
22. Zuev V.N., Ostrovskaya E. Ia., Vasil'eva E. V. The Trade Service Agreement between Vietnam and the EAEU and the Formation of Negotiation Strategies on New Agreements in the Service Sector. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, 2021, vol. 16, no. 2, pp. 183–203 (in Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2021-02-09

Информация об авторе

Николай Викторович Федоров — кандидат исторических наук, доцент кафедры американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет; доцент кафедры ближневосточных и африканских исследований, НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург).

Email: n.fedorov@spbu.ru; nvfedorov@hse.ru

Author's information

Nikolai V. Fedorov — Cand. Sci. in History, Associate Professor, American Studies Department, Saint Petersburg State University; Associate Professor, Middle Eastern and African Studies Department, National Research University Higher School of Economics (Saint Petersburg).

Email: n.fedorov@spbu.ru; nvfedorov@hse.ru

СЕКЦИЯ 10. КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПОЛИТИКА И ТРАДИЦИОНАЛИЗМ В СТРАНАХ АЗИИ И АФРИКИ»

Islam, Charismatic Leadership and Malian Coup d'Etat of 2020: The Idiolect of Mahmoud Dicko¹

Summary: The article describes the idiolect of Mahmoud Dicko, an imam who was one of the opposition leaders during the 2020 coup d'état in Mali. Such a description aims at contributing to a better understanding of linguistic factors behind the phenomenon of charismatic leadership by distinguishing between what is normal and what is singular in the speech of Dicko. The analysis is based on the public speech given by Dicko on August 21, 2020 in Bamako at the meeting organized by M5RFP. The full transcription of the speech is provided in the Appendix. Considering Dicko's background as an imam, it should come as no surprise that his political speeches look like sermons, exhortation being the most important part of them. The idiolect of Dicko is based on so-called Standard Bambara, i.e. the lingua-franca of the capital city of Bamako. The article deals with its phonetic, morphological, syntactical and discursive characteristics. A very distinctive feature of Imam Dicko's style is extensive and calculated use of code-switching. At the same time, having left the mosque and having arrived at a barricade, the sermon could not but have undergone a structural shift. Dicko had to rethink his use of multilingualism, which resulted in change of balance between Bambara, French and Arabic. The main role of Bambara remained unshakeable, while the role of French significantly increased, and the role of Arabic had to decrease. Refs 16.

Keywords: Mali, charisma, leadership, idiolect, Bambara

¹ This work was supported by CS PA (program 20RF-189) and the RFBR (RF) (program 20-59-05006) in the framework of the joint scientific program.

Ислам, харизматическое лидерство и государственный переворот 2020 года в Мали: идиолект Махмуда Дико²

Аннотация: В статье описывается идиолект Махмуда Дико, имама, который был одним из лидеров государственного переворота 2020 года в Мали. Не будучи обременён официальной властью и скован предписываемыми ей нормами, Махмуд Дико стал одной из первых в истории Мали политических фигур, систематически заговоривших с населением преимущественно на его языке, а не языке бывшей метрополии, т.е. на языке бамбара, а не на французском. Описание направлено на то, чтобы способствовать лучшему пониманию лингвистических факторов, которые лежат в основе феномена харизматического лидерства. Проводится различие между тем, что является нормальным, и тем, что является индивидуальным в речи Дико. Анализ основан на публичном выступлении, сделанном Дико на митинге 21 августа 2020 года в Бамако. Полная транскрипция выступления приводится в приложении. Учитывая опыт Дико как мусульманского священника, неудивительно, что его политические речи выглядят как проповеди, самой важной частью которых является увещание. Идиолект Дико основан на так называемом стандартном бамбара, то есть на лингва-франка столицы Мали города Бамако. В статье рассматриваются фонетические, морфологические, синтаксические и дискурсивные характеристики. Отличительной чертой стиля имама Дико является частое и продуманное использование переключения кодов. В то же время, покинув мечеть и оказавшись на баррикаде, проповедь не могла не претерпеть некоторых структурных изменений. Дико пришлось переосмыслить свое использование многоязычия, и это привело к изменению баланса между бамбара, французским и арабским языками. Главенствующая роль бамбара осталась неизменной, в то время как роль французского языка значительно возросла, а роль арабского неизбежно сократилась. Библиография: 16 наименований.

Ключевые слова: ислам, Мали, харизма, лидерство, идиолект, бамана, бамбара

² Исследование выполнено при финансовой поддержке КН РА (20RF-189) и РФФИ (РФ) (проект 20-59-05006) в рамках совместной научной программы.

1. Preface

The article describes the idiolect of Mahmoud Dicko, an imam who was one of the opposition leaders during the 2020 coup d'état in Mali. Such a description aims at contributing to a better understanding of linguistic factors behind the phenomenon of charismatic leadership. To describe an idiolect is to distinguish, as Gérard [2010, 6] puts it, between what remains *normal* and what is perceived as *singular*³ in the speech of an individual, both *normal* and *singular* being constituents of an idiolect.

I am grateful to Coleman Donaldson who read this article and gave valuable feedback on the article itself, transcription, and translation.

2. Who is Mahmoud Dicko?

2.1. Biography

Mahmoud Dicko was born in 1954 in Timbuktu, French Sudan at the time, the present-day Republic of Mali. He is a descendant of a family of Islamic scholars⁴. Interethnic marriages and multilingualism, which is evidently related to the latter, is common among this professional group. One can say professional identification is of more importance in this group than ethnic one. At the same time, Imam's *jāmu*, or clan name, *Dicko* clearly indicates that he is of Fula origin.

Dicko is multilingual and is known to use at least three languages in his public addresses, which are Bambara (also referred to in the literature as Bamana or Bamanankan, the lingua franca of Mali except the northern parts of the country), French (the official language of the state) and Arabic, the language of Islam. It is also very likely that he might have some degree of competence in one or several of the following languages: Songhay (more precisely, its variety known as Koyra Chiini which is the lingua-franca of Timbuktu, his city of birth), Pular (his ethnic language), Tamashek (also spoken in Timbuktu) and Hassaniya (an Arabic vernacular in northern Mali).

Dicko studied in Saudi Arabia and Mauritania and worked as a professor of Arabic in Mali. In the 1980s he became imam of the Salam Mosque in Badalabougou, one of the central districts of Bamako. In 2008–2009 he chaired the High Islamic Council of Mali (French: *Haut Conseil islamique malien*, *HCIM*). Dicko served as mediator between the Malian government and separatist/jihadist groups during the civil war in Mali [De Saint Perier, Carayol 2013]. After having supported Ibrahim Boubacar Keïta in the 2013 election, he later started supporting the opposition [Bensimon 2019]. He was widely considered to be the face (if not the main leader) of the Malian opposition. His activities led to the resignation of Ibrahim Boubacar Keïta on August 19, 2020. Immediately after the coup he, unexpectedly to many observants⁵, refused to participate in the political life of the country, having publicly declared his role of a religious and not a political leader.

2.2. Ideology

The press sometimes characterizes Imam Dicko as a “quietist Salafi” or a “Sunni and not Wahhabite” (cf., for instance, [Macé 2020]). However, the fact that he maintains a strong relationship with Bouyé Haïdara⁶ (also known as Mohamed Ould Hamahoullah), the leader of the *ḥamālliyya* Sufi tariqa (also known as *ḥamāwiyya* or, in French, as *onze grains* ‘eleven grains’⁷), a branch of *tijāniyyah*, indicates that his ideology may be of more complex, not to say eclectic, nature.

³ French: *normal* vs. *singulier*.

⁴ About the Dicko lineage: [Pelckmans 2012, 245–246].

⁵ For instance, in [Ahougnon 2020] he is viewed as a contender in the 2023 election.

⁶ Cf. [Pierret 2020].

⁷ Cf. [Hames 1983] and [Froelich 2012].

3. Materials

3.1. Sources

The current analysis is based on the public speech given by Dicko on August 21, 2020 in Bamako at the meeting organized by M5RFP (French: *Mouvement du 5 juin-Rassemblement des Forces Patriotiques*). Several recordings of this speech filmed from different locations are available on YouTube. The transcription in the Appendix is based on the recording published by the Malivox channel. The length of the recording is 28 minutes 46 seconds. The word count is about 2900.

3.2. Transcription and translation

The full transcription of the speech is provided in the Appendix. It follows a certain set of rules. The Bambara parts are given in regular font, the French parts are given *in italics*, the Arabic parts are underlined. The same rules of transcription are used in the body of the article when excerpts containing code-switching are discussed. Otherwise, examples in Bambara, French and Arabic are given in italics. The language attribution of some parts may be questionable due to use of loanwords and loaned expressions, e.g. *ya rabbi* ‘oh, my Lord’ can be interpreted both as Bambara or Arabic.

Each line of the transcription corresponds to an intonational unity, i.e., to a passage between two pauses. An intonational unity usually but not necessarily corresponds to a syntactic one. The English translation is given line by line in the way it is normally done in publications of large folklore texts in African languages⁸. An attempt has been made to find a proper balance between the accuracy of line-by-line translation and the quality of English expression. No or very little punctuation is used in the part of the original. Only comma is used to delimit syntactically separate parts which are intonationally uniform. Bambara parts are transcribed using standard Bambara orthography but with tonal notation. In certain cases I permit myself slight departures from the standard orthography to better reflect Dicko's pronunciation. E.g., I spell *múnun* (plural relative pronoun) and *nùnu(w)* ‘these’ and not *mínw* and *nínw*. French is given in French orthography. Arabic is romanized. Metainformation and non-verbal cues are given in square brackets.

4. The idiolect of Mahmoud Dicko

4.1. Phonetics

The way that Imam Dicko talks is characterized by generally slow pace, long pauses, normal pitch and volume and very much restraint. The use of logical stresses and intonation is limited due to the tonality of Bambara.

4.2. Morphology

On the morphological level the idiolect of Dicko can be characterized as non-deviant or normal, since he uses no morphologically complex neologisms as, for instance, Bambaraphone, and Mandingophone in general, journalists and authors often do.

4.3. Syntax

At this level idiolects may vary significantly, the basic parameters being syntactic complexity, length of periods and positioning of replaceable elements. The idiolect of Imam Dicko is generally characterized by simple sentences and short periods. However, short syntactically simple periods and long syntactically complex ones tend to alternate in his speech of August 21, 2020, and in his speeches in general.

⁸ Cf., for instance, [Innes 1974] or [Conrad 2002].

4.4. Dialectology

The idiolect of Dicko is based on so-called Standard Bambara, i.e. the lingua-franca of the capital city of Bamako. This form brings together features of two Manding languages, Bambara and Maninka, due to the fact that Bamako is situated on the borderline between the two languages. There is no evidence to confirm or to deny the fact that Dicko is a native speaker of Bambara (he may be not due to his provenance), but his level of competence is native-like. To put it another way, the idiolect of imam Dicko lacks distinct regional dialectological features comparable to those sometimes used by politicians to create, consciously or unconsciously, their image, e.g. Trump's New York accent or Gorbachev's southern Russian accent.

4.5. Sociolect influences

As stated before, Dicko belongs to a hereditary cast of clergy, and this fact is very audible in the way he talks, especially when he uses Islamic terminology. When doing so he usually chooses more archaic forms of Arabic loanwords instead of more commonly used and more adapted forms. In other words, he switches to a professional register, e.g.:

ārsilamaw instead of *silamew* 'muslims',

sāli instead of *sēli* 'prayer; to pray',

yāafa instead of *yāfa* 'forgiveness, to forgive'.

Sometimes it is difficult to distinguish between use of loanwords and code-switching. Dicko usually tends to choose less adapted loanwords or to switch to Arabic:

ya rabbi instead of *yārabi* 'oh, my Lord';

wallāhi instead of *wālayi* 'I swear God'.

5. Code-switching

A very distinctive feature of Imam Dicko's style is extensive and, what it seems to be, calculated use of code-switching. Sociolinguistic factors of code-switching are numerous and may include economy [Bourdieu 1997], prestige [Labov 1972; Trudgil 1974] and power relations [Gal 1979; Gardner-Chloros 2009, 42].

As stated before, Dicko switches between three languages: Bambara, French and Arabic, Bambara being the major language of this triad and the language in which the core content of the speech is being transmitted. French and Arabic are each reserved to their own respective spheres.

5.1. French

Three major contexts may be singled out where Dicko switches into French.

First of all, he uses French to formulate slogans which are to be disseminated by the press later, e.g.:

Nous sommes un peuple digne, un peuple debout. 'We are noble people. We are people standing on our own feet'.

C'est la jeunesse qui doit être debout sur les remparts. Restez vigilants! Restez vigilants! Je le répète bien, restez vigilants! 'It is the youth that should be standing in the battlements. Stay alert, stay alert, I repeat it once again, stay alert'.

L'heure n'est pas à la confrontation, non! 'Now is not the time for confrontation, no'.

Secondly, he uses French to publicly address civil servants, this language being the only official language of the state. Despite the fact that most of the population does not speak it, being educated in French and having an excellent command of it is a mandatory requirement for anyone who wants to make a career in the civil service or in the military in Mali. Addressing the military in French is Dicko's way to address them exclusively, e.g.:

C'est vrai. C'est vrai et je dois dire ici et lancer un appel pressant. J'ai vraiment quelques messages. Un message à l'endroit des nos enfants porteurs d'uniforme. Les remercier pour l'œuvre q'ils ont eu accompli, mais leur demander aussi d'être digne. Que le peuple du Mali

les observe. Que l'Afrique les observe. 'This is true. This is true and I must say here. And make an urgent appeal. I really have a few messages. A message to our children wearing uniforms. [I must] thank them for the work they have done. But also ask them to be worthy. May the people of Mali watch them. May Africa watch them'.

And thirdly, in some cases Dicko's switch into French is rather inevitable than calculated. He resorts to French when he has no other option but to do so, for instance, when having to introduce a catholic church cardinal by his title which does not have an established standard Bambara equivalent:

Ŋ bālimake ŋ jēnəŋkɛ ŋ tēri son éminence cardinal Jean Zerbo. 'My brother, my ally, my friend *his eminence cardinal Jean Zerbo*'.

5.2. Arabic

The use of Arabic is reserved to traditional Islamic formulas known to everybody in the audience and to citations from Quran and hadiths. E.g., Dicko commences his speech with a standard formula: *Bismi l-lāhi r-raḥmāni r-raḥīm, al-ḥamdu li-l-lāh, wa-ṣ-ṣalātu wa-s-salāmu ṣala rasūli-l-llāh, as-salāmu ṣalaykum wa raḥmatu-l-lāhi wa barakātuḥu.* 'In the name of God, the Most Gracious, the Most Merciful. Praise be to God. Blessings and peace be upon God's Messenger. And upon you be the peace, the mercy of God and his blessings'. Only having pronounced this formula he switches to Bambara.

Later in the speech he switches to Arabic again when citing an excerpt from the Hadiths. He precedes the switch by an explanation in Bambara, only than switches into Arabic, and provides a Bambara translation after the Arabic quote has been pronounced:

Fén dó bé yèn, ŋ n'ò fò arabukan na, àni ŋ bé tila k'à kórɔfɔ áw jéna. ʔinna li-l-lāhi ṣibād law aqsama ṣala l-lāhi laʔabarrahū. Kó jónw bé ála bólo, n'ù y'ù kàli, ò kàli ká jìn, à té tó ù kán ná ábadan, ála té sòn ò mà. 'There is something which I will say in Arabic and then translate for you. There are some of God's slaves who, if they take an oath by God, are responded to by God. This means there are some of God's slaves, if they take an oath, this oath is good, it will never be unanswered, God will not permit it'.

5.3 Spontaneous switching

Although being, as mentioned above, for the most part most likely calculated, code-switching sometimes gets out of Dicko's control as in the following example:

Moi... né té nūnuw yé lá terminal wère lá kóyi 'Me... I don't see them at any other *terminus*'.

Here Dicko starts with a French pronoun, goes on by repeating its Bambara equivalent and then uses an unadapted French loanword *terminal* 'terminus' in the end of the phrase. This is, however, the only evident example of spontaneous code-switching in the whole half an hour speech.

6. Tropes

6.1. Repetition

One of the most audible features of Dicko's way of talking is his extensive use of repetition. Usually, he repeats phrases three times to emphasize them, e.g.:

Ála k'à ké héere yé, ála k'à ké héere yé, ála k'à ké héere yé. 'May God let it happen peacefully. May God let it happen peacefully. May God let it happen peacefully'.

Ašrafu-š-šurafā?, ò y'ò yé, ašrafu-š-šurafā?, ašrafu-š-šurafā?. 'The noblest of the noble. That's it. The noblest of the noble. The noblest of the noble'.

6.2. Question and answer

Posing a question and answering it himself is another way Dicko uses to structure his discourse, e.g.:

Nkà ò mìn fle nìn yé fén mìn b'án màsiri ò yé jùmen yé? [Jàma: Báara!] Ò yé àn yére jógo yé àn'án tàbiyaw. [Jàma: Síga t'á lá!]. ‘But what is the thing which adorns us? [Audience: Work!] This is our character and our values. [Audience: There is no doubt!]

6.3. Metaphor

Metaphor, if understood in a narrow sense, is only rarely used by Dicko, e.g.:

Il est temps, et il est grand temps de chasser les démons de la division et de la haine. ‘It is time, it is the time to chase the demons of discord and of hate’.

Jàmana in yé misibiri dè yé, à bé jòli tó à kónò kà nónò bó. ‘This country is like milking a cow. It is to leave the blood and to take the milk’.

6.4. Folk etymology

Proposing an etymology is a common trope in Bambara and Manding oratory, and Dicko does not avoid it, e.g.:

Àn dàmbe y'ò dè yé, dán bé àn ká ków lá, dán b'á lá. ‘This is our honor. There is a limit to what we do. There is a limit’.

Here Dicko interprets *dàmbe* ‘honor’ as *dán* ‘limit’ + affirmative copula *bé*, i.e. ‘there is a limit’. Obviously, such an etymology is more than questionable and does not hold, but it works fine as a figure of speech equating *having honor* to *having limits*.

7. The structure of the speech

The structure of the speech can be outlined as a series of theses and conclusions from them, rituals formulas, slogans, and credits. Some of the theses occur several times during the speech and are used as refrains. For instance, after having pronounced the necessary ritual greetings in the beginning, Dicko moves on to pronounce his main thesis (#2 in the table below): “I am an imam, I belong to the mosque”. He later returns to it once again in middle of the speech (9) and again in the end of it (23).

	Part	Contents	Language
1.	Ritual greeting	Addressing the audience.	Arabic, Bambara
2.	Thesis 1	“I am an imam, I belong to the mosque”.	Bambara
3.	Slogan 1	“We are noble people”.	French
4.	Thesis 2	Question and answer. “What adorns us? Character and values”.	Bambara
5.	Thesis 2: Conclusion	“Avoid violence”.	Bambara
6.	Slogan 1: Variations	“Vengeance is not in our culture”.	Bambara
7.	Thesis 3	“We are one people”.	Bambara
8.	Thesis 3: Conclusion	Appeal to Fulas and Dogons to put down the weapons. Appeal to separatist groups to respect the treaties.	Bambara
9.	Thesis 1: Refrain and variations	“I am an imam, my place is in the mosque”.	Bambara
10.	Thesis 2: Refrain and variations	“Avoid violence”.	Bambara
11.	Credit 1	To Chérif Ousmane Haïdara, the leader of High Islamic Council of Mali.	Bambara
12.	Credit 2	To Jean Zerbo, Malian Roman Catholic prelate.	Bambara, French

	Part	Contents	Language
13.	Credit 3	To pastor Israel Ag Nouh Yattara. Contains a hadith quote with a Bambara translation.	Bambara, French, Arabic
14.	Thesis 4	To strengthen peace.	Bambara
15.	Slogan 2	“It is the time to chase the demons of discord and of envy”.	French
15.	Thesis 4: Refrain and variations	To strengthen peace.	Bambara, French
16.	Slogan 3	“Stay alert”.	French.
17.	Slogan 1: Variations	“Vengeance is not in our culture”.	Bambara.
18.	Thesis 4	To remember the victims, to help their families.	Bambara
19.	Thesis 5	An appeal to the military. “Be worthy”.	French
20.	Thesis 6	The guilty will be punished by no one else but God.	French, Bambara
21.	Thesis 7	An appeal to the family of Soumaïla Cissé (kidnapped at the time).	Bambara
22.	Ritual greetings	Addressing the audience.	Bambara, French
23.	Thesis 1: Refrain	“I am an imam, I belong to the mosque”.	Bambara

8. Conclusions

Considering Dicko’s background as an imam, it should come as no surprise that his political speeches look like sermons, exhortation being the most important part of them. At the same time, having left the mosque and having arrived at a barricade, the sermon could not but has undergone a structural shift. First, the role of Quranic/hadith exposition has significantly diminished. The speech of August 21, 2020 contains only one hadith quote translated and explained and no Quranic quotes (except ritual formulas) at all. Secondly, having migrated to a secular environment, Dicko had to rethink his use of multilingualism, which resulted in a change of balance between Bambara, French and Arabic. The main role of Bambara remained unshakeable, while the role of French significantly increased, and the role of Arabic had to decrease.

Sources

1. #Mali: Discours intégral de l’imam Mahmoud Dicko au meeting de la victoire du #M5RFP <https://www.youtube.com/watch?v=fpcebJZyAGx9xc> (Accessed 31.12.2021).

References

1. Ahougnon, S. Mahmoud Dicko: un funambule sur une corde tendue entre religion et politique. *Agence Ecofin*, 19 June 2020 <https://www.agenceecofin.com/grand-format/1906-77683-mahmoud-dicko-un-funambule-sur-une-corde-tendue-entre-religion-et-politique> (Accessed 01.01.2022).
2. Bensimon, C. Au Mali, la contestation a pris le visage de l’islam politique. In: *Le Monde*, 9 April 2019.
3. Bourdieu P. *Language and Symbolic Power*. Oxford: Polity Press, 1997.

4. Conrad D. *Somono Bala of the Upper Niger: river people, charismatic bards, and mischievous music in a West African culture*. Leiden, Boston: Brill, 2002.
5. De Saint Perier L., Carayol R. Mali: à l'école du wahhabisme. In: *Jeune Afrique*, 23 December 2013. <https://www.jeuneafrique.com/135160/politique/mali-l-cole-du-wahhabisme/> (Accessed 01.01.2022).
6. Froelich, J.C., “Hamāliyya”, in: *Encyclopaedia of Islam*, Second Edition, Edited by: P. Bearman, Th. Bianquis, C. E. Bosworth, E. van Donzel, W. P. Heinrichs, 2012. http://dx.doi.org/10.1163/1573-3912_islam_SIM_2655 (Accessed 01.01.2022).
7. Gal S. *Language Shift: social determinations of linguistic change in bilingual Austria*. New York: Academic Press, 1979.
8. Gardner-Choloros P. *Code-switching*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
9. Gérard Ch. L'individu et son langage: idiolecte, idiosémie, style. In: *Philologie Im Netz*. N. 51, 2010, pp. 1–40.
10. Hamès, C. Cheikh Hamallah ou Qu'est-ce qu'une confrérie islamique (Tarîqa)? In: *Archives de sciences sociales des religions*, N. 55/1, 1983, pp. 67–83.
11. Innes, G. *Sunjata: Three Mandinka versions*. London: SOAS, 1974.
12. Labov, W. *Sociolinguistic patterns*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972.
13. Pierret, C. Mali: l'imam Dicko reçu à son tour par le chérif de Nioro Bouyé Haïdara, *RFI*, 14 août 2020. <https://www.rfi.fr/fr/afrique/20200814-mali-imam-dicko-re%C3%A7u-ch%C3%A9rif-nioro-bouy%C3%A9-ha%C3%AFdara> (Accessed 01.01.2022).
14. Macé, C. Mali: Mahmoud Dicko, l'imam qui défie le président IBK. *Libération*, 4 June 2020. https://www.liberation.fr/planete/2020/06/04/mali-mahmoud-dicko-l-imam-qui-defie-le-president-ibk_1790277/ (Accessed 01.01.2022).
15. Pelckmans, L. 'Having a Road': Social and Spatial mobility of persons of slave and mixed descent in post-independence central Mali. *The Journal of African History* 53, N. 2, 2012, pp. 235–55.
16. Trudgill, P. *The Social Differentiation of English in Norwich*. Cambridge: Cambridge University Press, 1974.

Appendix

<u>b-ismi l-lāhi r-rahmāni r-rahīm</u>	<u>In the name of God, the Most Gracious, the Most Merciful.</u>
<u>al-hamdu li-l-lāh</u>	<u>Praise be to God.</u>
<u>wa-s-salātu wa-s-salāmu ṣala rasūli-l-lāh</u>	<u>Blessings and peace be upon God's Messenger.</u>
<u>as-salāmu ṣalaykum wa rahmatu-l-lāhi wa barakātuhi</u>	<u>And upon you be the peace, the mercy of God and his blessings.</u>
jàma	People!
ála t̄anunen kó	After having praised God,
kà b̄arika dá ála yé	and having thanked God,
kà s̄ali ála k̄ira <u>Muhammad ṣalayhi s-salātu wa-s-salām</u>	and having praised God's messenger Muhammad, <u>may blessings and peace be upon him.</u>
áw f̄olen kó	after having greeted you,
ń yé háketo ñini jàma f̄e	I must ask people for an apology.
ń yé láhidu tá ála yé	I have promised God
ní ń séra kéne in k̄an	that if I reach here,
n sera kéne in k̄an	and I have reached here,
ñin yóro ñin file ñin yé	this exact place you see,
né yé j̄oyoro ñin ná kà ń k̄ali ála lá	I am at this place and I swear God

ń bé ń bíri yàn kà s̄ujudu ké ála yé	I will make a low bow to God here
[á b'í bíri kà s̄ujudu ké]	[he performs a low bow]
án bé b̄arika dá ála yé	We thank God.
jàma ñin bé kéne in k̄an ká b̄e l̄ajelen f̄o	The people presented here deserve to be greeted altogether
kà b̄e d̄on k̄ira mànt̄oya lá	and regarded as the Messenger's followers.
k'á ñini ála f̄e	[We should] ask God
án s̄igira ní h̄ere yé ya <u>rabbi</u> ála ká kéne in k̄unce h̄ere lá	that we sit in peace, oh God. May God end this meeting with peace.
ársilamaw	Muslims!
jàma	People!
né yé k̄uma cáman m̄en, ń n̄alen	Since I have come here I have heard a lot of talks.
ń bé háketo ñini jàma f̄e	I ask people for an apology.
ń bé s̄egin k̄uma in k̄an wáati b̄e kà mò hákili j̄igin	I always repeat these words and remind others [about them].
Imam Mahmud Diko yé àlimami d̄e yé	Imam Mahmoud Dicko is an imam.
né yé àlimami d̄e yé	I am an imam.
ní ála s̄onna	If God wills.
f̄o kà t̄aa ála mána m̄in ké ń bé t̄o àlimamiya in ná	And whatever God makes to me I will stay this imam.
ò àlimamiya in dá w̄ajibiya ń k̄an	To be this imam is my duty.
k̄uma ò b̄e ń k'ò f̄o jàma in ná yàn	I tell all of this to these people here.
[j̄ama: ò f̄o]	[Audience: Tell!]
án yé kó in d̄am̄ine	We have started this.
kó in b̄enà l̄aban ní d̄ubabu ní t̄asibila yé	This will end with a blessing and a prayer.
ńka l̄aadilikanw bé yèn ń kà k̄an ká m̄unun f̄o	But there are advices I must tell.
ń bé ñin ñini áw f̄e	What I ask you.
ń yé k̄uma in f̄o wá ń bé s̄egin à k̄an	I told this and I say it again
t̄ipe d̄on	This is true.
<i>nous sommes un peuple digne</i>	<i>We are noble people.</i>
<i>un peuple debout</i>	<i>We are people standing on our own feet.</i>
s̄iga sí t'á lá	There is no doubt.
ńka ò ñin file ñin yé, f̄en ñin b'án màsiri ò yé j̄umen yé?	But what is the thing which adorns us?
[j̄ama: báara]	[Audience: Work!]
Ó yé án ȳere j̄ogo yé án'án t̄abiyaw	This is our character and our values.
[j̄ama: s̄iga t'á lá]	[Audience: There is no doubt!]
f̄en d̄ow k̄era tile fila in ná	Some things happened in the last two days,
né má ñis̄ondiy'á lá	I am not satisfied with them.
<i>non</i>	<i>No.</i>
á k̄ana t̄aa m̄oḡow ká dúw c̄i	Do not destroy people's houses.
á k̄ana b̄in m̄oḡo k̄an	Do not attack people.
á k̄ana m̄oḡo t̄oro	Do not disturb people.
m̄oḡo t̄e t̄oro ní w̄ulili ní t̄oro yé	No one should be disturbed.
t̄oro ñi í t'á w̄uli ní t̄oro yé	Do not answer disturbance with disturbance.
<i>non</i>	<i>No.</i>
ò f̄en m̄unun k̄era né hákili lá ò k̄era ní dùsu yé n'á má ké ní hákili yé	These things which happened, in my opinion, they came from heart, and not from reason.

né t'á fè né dén nùnun ká ké tèn	I don't want these my children to do so.
á kána sòn ò mà	Do not accept this.
á kána yǝrǝ kári	Do not destroy places.
á kána yǝrǝ jèni	Do not burn places down.
á kána bìn màa kàn	Attack noone.
á kána màa nènì	Insult noone.
[jàma: n' y' à mèn]	[People: I've heard!]
tájurubǝ tɛ yèn, tájurusara tɛ yèn, ánw ká jàmana t'ò yé	There is no vengeance, there is no revenge, our country is not like this.
<i>il y a des valeurs</i> án ká kán k'án hákili tó fèn múnun ná	<i>There are values</i> , the things we should remember of.
án ká jàmana in tɛ tájurusara jàmana yé dé	Our country is not a country of revenge.
án ká jàmana yé yàfa jàmana yé	Our country is a country of forgiveness.
[jàma: wálayi!]	[People: We swear God!]
kǝtǝrǝgǝntala jàmana dè dòn	It is a country of mutual support.
ò dè y'án ká jàmana yé	This is our country.
án k'án tó án yere lá	We should stay what we are.
án dānbe yé mìn yé án k'án tó ò lá	We should stick to what is our honor.
án dānbe y'ò dè yé	This is our honor.
dán bɛ án ká ków lá	There is a limit to what we do.
dán b'á lá	There is a limit.
múnun yé dán sàgon álu y'á yé wò	You have seen those who have crossed the line.
ò túma	So.
né bɛ mìn fɛ	What I want.
n' y'á yé mìn dè yé	How I see it.
n' ká kán ká kúma cógo mìn, ò y'ò yé	This is how I want to put it.
<i>peut-être</i> ò yé n' yere ká láhalayaw nìn ká fàamu cógow yé	<i>Maybe</i> this is just my way of understanding the situation.
né bɛ mìn fɛ	What I want.
tájurusara bére án k'ò bila kéréfɛ	We should put the stick of revenge aside.
bálimaya bére	The stick of brotherhood,
bálimaw ní sínjiw	of brothers and relatives.
màa múnun kǝ dǝnna nǝgǝn mà	People who turned their backs to each other,
múnun yé nǝgǝn bila	who have left each other,
múnun fàrala	who have separated...
án bɛ lājɛlɛn dè ká kán k'án bólobǝ ká nǝgǝn f'ò ró ká gɛrɛ nǝgǝn ná bì	We all should ease our tempers, greet each other and approach each other today.
bàara mìn ká kán ká ké jàmana in ná ò y'ò yé	This is the work that should be done in this country.
án k'án hákili tó ò lá	We should remember.
ní ków sǝgira	When everything gets normal.
ní ála sǝnna	If God wills.
làadiriya ní sàriya lá ní mìn ká kán ká ké	In conscience and law, what is to be done,
ò ká ké wó	let it be done,
ò ká ké	let it be done.
ñka à bɛ ké ní hákilisigi yé	But it should be done with serenity,
à bɛ ké ní nɛmajo yé	it should be done with prudence,
à bɛ ké ní hórɔnya ní dānbemaya yé	it should be done with dignity and honor,
bárisa án ká jàmana in	because this our country,

jàmana in yé jàmana bɛɛ fɛn kélen dè yé	this country is one,
à bɛɛ kóni yé fɛn kélen yé dé	all parts of this country are one.
án bɛɛ yé bálímaw yé án bɛɛ yé sínjiw yé	We all are brothers, we all are relatives, we all are kinsmen.
án bɛɛ yé bádenw yé	
án bɛ kó-ò-kó lá án kán'ò bó án hákili lá ábada	No matter what we do, we should never forget about it.
n' yé mìn yé	What I saw,
ní Ála sǝnna n'án b'á jígi kó ò bɛnà ké	and if God wills this will happen,
wá n' bɛ n' tó nìn jǝyǝrǝ in ná	and I will stay here
ka wélewelemada ké	and make a public adress,
ká nɛsin ò tígílamǝgǝw má	and adress those who did it.
án dén wɛrɛw	Our other children
múnun bɛ jàmana kǝnǝ	which are in the country,
án k'á fàamu	We should understand
júguw mìn bɛ ánw na	that the enemies we have
ò yé tàbiyajuguw ní kéwalejuguw ní kécogojuguw dè yé	are the bad values and the bad deeds and the bad attitudes.
ò báara núnw ká bila	These things should be stopped.
án yere dāma ká án bólo dí nǝgǝn mà ká án tɛgɛ dí nǝgǝn mà	We should give a hand to each other, and we should give an arm to each other.
né bɛ n' tó yàn	I stay here.
ká fláden bɛɛ lājɛlɛn wéele	And call all the Fula children.
màa-ò-màa yé fláden yé	Everyone who is Fula,
n'á bɛ jàmana in kǝnǝ n'á yé màrifa tá kùn-ò-kùn kámà	if he or she is in this country, if he or she has taken a gun for any reason.
n' bɛ n' tó nìn jǝyǝrǝ in ná k'á fǝ, ù fǝw y'ù wéele, ù ká màrifa bila	I stay here and I say that their fathers have called them [and told them] to put the gun down.
né bɛ n' tó nìn jǝyǝrǝ in ná ká dǝgǝnǝd-enw wéele, n' dénw dòn	I stay here at this place, and I call all the Dogon children, my children.
k'á f'ù jéna, ù fǝw y'ù wéele, màrifa ká bila	And I tell them their fathers have called them, the gun should be put down.
án yere dāma ká nǝgǝn mìnɛ	We should take care of ourselves.
à bɛ fǝ CPA ⁹ mǝgǝw yé	It is being told to the CPA people.
à bóra, à tún nana yàn	They left, they have been here.
k'á fǝ plátfǝrmu mǝgǝw yé	And to say to the Platform people,
k'á fǝ CMA ¹⁰ mǝgǝw yé	and to say to the CMA people,
<i>accord</i> mìn bɛ yèn	a <i>treaty</i> which is here,
ánw n'ù jɛ dòn	it is an alinement between us and them,
ánw n'ù jɛ dè dòn	it is an alinement between us and them.
<i>accord</i> bɛ ké yǝrǝ mìn kùn kàn	And the subject of this <i>treaty</i>
án ní òlu dè dòn	is us and them,
jàmana kélen in dè dòn	this one country.
n' ká kúma ù k'á fàamu	They should understand what I say.
kó in	This thing,
màa wɛrɛ t'á dílan, án yere n'òlu dè bɛ jɛ k'á dílan	No one else created it, we and them sit together and create it.

⁹ Coalition for the People of Azawad, French: Coalition du peuple pour l'Azawad.

¹⁰ Coordination of Azawad Movements, French: Coordination des mouvements de l'Azawad.

ń y'á fǒ, ń bé ség'á kàn	I told and I say it again,
ń kó ní ála sǒnna	I say, if God wills,
né hákili lá k'á fǒ al-hamdu li-llāhi ń ká kán ká mǐn ké yàn pílasi in kónona lá ń yé cáman k'á lá	in my opinion, praise be to God, I have done much of what I should have done at this place.
sísan kóni	But now
ń kó ń bé sègin mǐsiri lá	I say I go back to the mosque.
[fòlikan]	[Greetings]
ń bé sègin mǐsiri lá	I go back to the mosque.
kúma n'á kórò dòn	I say it and I mean it.
kúma n'á kórò dòn	I say it and I mean it.
ń y'á fǒ, ń bé ség'á kàn	I told and I say it again,
wa-l-lāhi ń bé né bó in ná	I swear God, I quit it.
fóyì t'á lá jòyòrò lá fò né hákili bó ò lá nkà fén mǐn hámi bé ń ná, ń y'ò dè fǒ kéne in kàn	I have nothing to do in this position but to leave. But I have talked here about the things I am concerned about.
[jama: á wálawala!]	[People: Explain!]
[jama: allāhu akbar!]	[People: God is the greatest!]
jàmana in dénw ká taa Káyì fò ká taa à bila Kidal	The people of this country from Kayes to Kidal
ò jàmana dénw múnun	The people of this country who...
ní kó cáman dòn'ù ní jógòn cé	If many things have occurred between them...
mǐn bé ń kóno	What I want
ò dè yé ká ń wúli ká ń jò ká bèrè tá	is to stand and to take a staff,
ká bèrè in tá	to take this staff,
ká màa dów fàra n kàn ń bálímaw lá	and I want some of my brothers to join me.
bèrè in ká tá	This staff should be taken.
màa wérew ká fàra ń kàn	Other people should join us.
màa kélen té sé kó lá	One person can do nothing.
ń dógòkè bé yèn	My younger brother is here.
ń bálímakè dòn	My sibling.
ń báarakèjogòn dòn	My colleague.
á yé sábalì ¹¹ , á yé sábalì	Calm down! Calm down!
á yé sábalì	Calm down!
á yé sábalì	Calm down!
á yé sábalì	Calm down!
á yé sábalì	Calm down!
á yé sábalì, án ká jàmana in t'ò yé dé	Calm down. Our country is not like this.
á yé sábalì, án ká jàmana in yàn, ò t'ò yé	Calm down. Our country here is not like this.
jàmana in yé mǐsibiri dè yé	This country is like milking a cow.
à bé jòli tó à kóno ká nóno bó	It is to leave the blood and to take the milk.
ánw tàbiya y'ò dè yé	This is our values.
kàri yé nìn fò, kàri yé nìn ké	Somebody has told this, somebody has done that...
ò dàma, án ná fàr'á la, ò t'án tàbiya yé dé	We should abandon this, this is not in our values.
ò túma ń y'á fǒ	So, I have said.

¹¹ Here and forth I translate *á yé sábalì* as “Calm down”. It should be noted, however, that this is a very approximate equivalent. As Coleman Donaldson put it in personal communication, it “doesn’t capture the spirit of the expression in general and its particular usage in his [Dicko’s] speech”. Colloquially, he added, a native speaker of English would say in this context “Come on now!” or “Please!”.

ń dógòkè Shèrif Ûsman Màdani Háyðara ¹²	My younger brother Chérif Ousmane Haïðara.
[jàma: kósebe!]	[Audience: Very much!]
ká ń bálímakè fàra à kàn	I should also name a brother of mine,
ń bálímakè ń jèpogonke ń téri	my brother, my ally, my friend
son éminence cardinal Jean Zerbo ¹³	his eminence cardinal Jean Zerbo
cardinal Jean Zerbo a toujours un hommage	cardinal Jean Zerbo always deserves a mention.
vraiment!	Really!
ń m'á fò	I did not thank him.
ń bé tíla k'á fò	And I finally thank him now.
k'á fò hóronya lá	I thank him in dignity.
k'á fò jèpogonya lá	I thank him in alliance.
k'á fò bálímaya lá	I thank him in brotherhood.
[jama: kó á ní cé]	[Audience: Thank him!]
kó á ní cé	I say thank him.
[tégerè]	[Applause]
mògò wére ká fàra ń kàn	I should mention another person beside me.
mògò wére mǐn nìn, né cadet dòn	This other person is my younger brother.
ń b'á dón kàbini à fitininnama	I know him since he was little.
ò yé le pasteur Nuoh, kàbini à dénmisen-nama ń b'á dón Tombuktu	This is pastor Nouh.
ò núnuw ká fàra ń kàn	I know him from Timbuktu since he was a child.
	These are those I should mention.
ká màa wére ká bèlebele ká dúwawu fàra áw kàn	And I should also mention among you a great one and to bless him.
ašrafu-š-šurafā[?]	The noblest of the noble.
ò y'ò yé	That's it.
ašrafu-š-šurafā[?]	The noblest of the noble.
ašrafu-š-šurafā[?]	The noblest of the noble.
fén dó bé yèn, ń n'ò fò árabukan na, àni ń bé tíla k'á kóròfò áw jéna	There is something which I will say in Arabic and then translate for you.
ʔinna li-l-lāhi ʔibād law aqsama ʔala l-lāhi laʔabarrah[u] ¹⁴	There are some of Allah’s slaves who, if they take an oath by Allah, are responded to by Allah.
kó jónw bé ála bólo, n'ù y'ù kàli, ò kàli ká nìn, à té tó ù kán ná ábadan, ála té sòn ò mà	This means there are some of Allah’s slaves, if they take an oath, this oath is good, it will not be unanswered, God will not permit it.
màa fólò mǐn y'í kàli fānga in kó lá	The first one who have sworn by this power,
ò y'á ašrafu-š-šurafā yé	is the noblest of the noble.
à ká dí ní yé ní ála yé wáati wérew nògoya	I hope that, when God facilitates the other times,
né ní ń bálíma nùnuw, án ká wúli ká jàmana yáala	me and these brothers will stand up and tour the country
ká taa kùndama dòn màaw ní jógòn cé	and bring equality to the people,
ká bèn dòn màaw ní jógòn cé	and bring harmony to the people,

¹² Chérif Ousmane Madani Haïðara has been the president of the High Islamic Council of Mali since April 2019.

¹³ Jean Zerbo (born 1943) is a Malian Roman Catholic prelate who has served as Archbishop of Bamako (1998-). He is the first Catholic Church Cardinal from Mali (2017-).

¹⁴ نَ مِنْ عِبَادِ اللَّهِ مَنْ لَوْ أَقْسَمَ عَلَى اللَّهِ لِأَبْرَةٍ (Sahih al-Bukhari 2703, cited imprecisely by Dicko). English translation: “There are some of Allah’s slaves who, if they take an oath by Allah, are responded to by Allah” (<https://hamariweb.com/islam/hadith/sahih-bukhari-2703/>, accessed 31/12/2021).

kà làfiya dòn màaw ní jógòn cé	and bring relief to the people.
[mankan]	[Noise]
n'áw wúlila yàn	If you depart from here,
n'í bé táa yèn fè	if you go that way,
n'í séra yàn	if you reach there,
é bé teme màa dó dè lá	you will pass by several people.
bèlebele dów bilen bé yèn	There still are some prominent people.
ń y'à tógow fō yàn	I have told their names here.
<i>cheikh soufi</i> Lánsana Kòne konin	Such as <i>sheikh sufi</i> Lansana Kone.
ń y'à fō áw yé yàn nìn jòyoro kélen in ná	I have told you at this exact place.
wá ń núnanna	And I howled
wá ń núnanna	and I howled,
wá ń núnankan, ála y'à mén	and God have heard my howl.
nìn bæe lājelen	All these [people],
án ká kán kà fàra jógòn kán kà bèn	we should unite and come to an agreement,
kà hádamadenw fō k'ù cébèn	and bring agreement to the people,
kà bèsenkoniya bó án kà jàmana in kóno	and to chase the discord from this country,
kà jógònkoniya bó jamana in kóno	and to chase the envy from this country,
kà jógòn bisigi júgu, k'à ké kà jógòn ségere, k'à bó jàmana in kóno	thinking bad of each other, persecuting each other, we should chase this from this country.
<i>il est temps, et il est grand temps</i>	<i>It is time, it is the time</i>
<i>de chasser les démons de la division et de la haine</i>	<i>to chase the demons of discord and of hate.</i>
à ká kán	It should be made.
né bé mìn pini áw fè	What I ask from you...
sínin ní dúnanw kó kó ù bé nà	If guests are about to come tomorrow...
án ká jàmana yé jàmana mìn yé	Our country is a kind of a country that...
ù bisimila	Welcome them,
ù màrhaba	greet them,
á y'ù bisimila	bid them welcome.
ní mòò mána à sèn dá jàmana in kóno	If someone sets foot in this country,
á y'à f'à yé kó à bisimila	tell them they are welcome.
í né b'à cáman ná, ù bóra yàn dè kóyi	You see many, they have left here.
cáman bé yèn	Many are still here.
ù bóra yoro mìn ná, ò yé yàn dè yé	The place they have left from is here.
ò túma n'ù kó kó ù bé nà	So, if they say they are coming,
yàn y'ù ká só dè yé, ù ká nà	this is their home, they should come.
à y'ù bisimila	Welcome them.
wá án térijamanaw	And the countries which are our friends.
né kóni mìn ká dí né yé	Me, what I want...
né yé pánkarti dów yé yoro in ná yàn	I have seen a poster here.
<i>à bas X, à bas Y</i>	<i>Bring down X, bring down Y.</i>
<i>à bas personne</i>	<i>Bring down nobody.</i>
<i>vraiment</i>	<i>Really,</i>
<i>vraiment</i> án k'án bó ò lá	<i>Really, we should give this up.</i>
bì án ká kán k'án césiri mìn ná	What we must concentrate on today is...
màa-ò-màa kó à bé jàmana in dème	Everyone who is about to help this country,
k'í y'án téri yé	if you are our friend,
n'í kóno jélen dòn	if your intentions are pure,

í bisimila	be welcome.
ńka	But.
<i>c'est la jeunesse qui doit être debout sur les remparts</i>	<i>It is the youth that should be standing at the battlements.</i>
<i>restez vigilants</i>	<i>Stay alert,</i>
<i>restez vigilants, je le répète bien, restez vigilants</i>	<i>Stay alert, I repeat it once again, stay alert.</i>
jàmana in y'áw ká jàmana dè yé	This country is your country.
ánw tá yé tilefilako dè yé, lá à lá	We won't be around long, believe it.
ò y'áw dè tá yé dé	It belongs to you.
á y'á césir'à lá	Try hard.
ò túma	And then...
nènini ká bòn án ká jàmana in tàbiya lá	There is too much insult in the values of this country.
tájurusara ká bòn án ká jàmana in tàbiya lá	There is too much vengeance in the values of this country.
kàri-ò-kàri ò ká bòn à lá	Too much of it in everyone.
án bée dè yé kélen yé	We are all one.
ní màa mìn y'à jèngen, án k'à látìlen	If someone slipped up, we should direct him or her on the right way.
só kélen dè dòn	This is one home.
dú kélen kónomogow dè dòn	The members of a one big family.
ní mìn kéra, n'à mán pìn	If something has happened, if it's not good,
án bé sé ká sigi k'à fō kà jógòn yé à lá	we may sit down and talk it through together.
nkà ála yé cógo dòn k'à dón kó án bée yé kélen yé dé	God made it such a way that we all are one.
ò kána bó án kóno péwù	We should not forget about it.
<i>vraiment</i> ò kána bó án kóno	<i>Really,</i> we should not forget about it.
kúma dó bé ń kóno nkà	There is something I want to say but...
ń bé síran k'à fō ń dá lá yàn	But I am afraid to pronounce it with my mouth.
ń bé síran kóyi	I am really afraid.
[a beka mugumugu]	[Smiles]
àyiwá	So.
háli ń kòroke	Even my elder brother,
ń kòroke	my elder brother...
á yé yàfa à mà sá	Forgive him,
á yé yàfa ń kòroke mà	forgive my elder brother,
á yé yàfa ń kòroke mà	forgive my elder brother
[a beka yelemisen ke]	[Laughs]
[folikan]	[Greetings]
[mankan]	[Noise]
án kána pìna	We should not forget,
án kána pìna	we should not forget,
án yere jàmana dè dòn	this is our country.
án ká kó in bèn ní hákili yé	We should face this problem and be smart about it.
án dùsu kána bó ká fúnu ká pìne án yere kó	We must not become discouraged and forget about what we are.
án ká kó in ké ní hóronya yé	We should face this problem with dignity.
án ká kó in ké ní dànbemaaya yé	We should face this problem with honor.

né tá kó in ná, ò yé kà ná áw fò	My job here is to come here and to greet you.
kà tíla kà áw fò	And then to greet you once again.
kà tíla kà áw fò kókura	And then to greet you once more.
k'á fò á yé á ní cé á yèrè yé	And to say thank you.
né té sé kà fòli ké kà tèmè	I cannot express my gratitude.
hádaden nàna, à té tèmè	The number of heroes knows no limits.
dénmisen nùnuw n'ù fàrala jógòn kàn kà táa ù jò	These young men who united and who stood
ní ù níw má bó kà bán	until they were gone.
ò y'ò yé	This is it.
òlu ká <i>mémoire</i> kósòn	In their <i>memory</i> .
ń bé tó misiri lá nkà né hákili bé yàn dé	I stay in the mosque, but my mind is here.
ù té sègin yàn ábada	They will never come back
kà jàmana kóni yé	and see this country
kó à búrujalèn dòn, kó à cìnenen dòn	corrupted and spoiled
kó né yé nìn dàmìne k'á bán, àyi	and say "I have started this". No.
[jama: merci]	[Audience: Thank you]
[fòlikan]	[Music]
ní ní y'ò ké	If I have done this...
ò dénmisen múnun jòli bónen kà dá in ná	These young men who have shed their blood because of this.
àni né misiri-in ná	And because of my mosque.
ò túma n'án yé jógòn yé sínin né bènà mún fò ù jéna?	In this case, if we see each other tomorrow, what will I tell them?
ní Ála sònna, ní y'ò láhidu tá ní ní ála cé	If God wills, I have promised God.
ń bé dúwawu k'ù yé k'á níni ála fè yárabbi á ka bádaabadaa nògoy'ù yé	I will pray for them and ask God, my Lord, to facilitate their afterlife.
ála ká yàaf'ù má	May God forgive them.
ní à y'á nàniya ní ála sònna	And there is an initiative, if God wills.
ń bèn'á láje tíle fila in ná kà sarakaba bó dénmisennu yé múnun binna	I will try to gather alms in the next couple of days, or the fallen young men.
[tègere]	[Applause]
ní né ní Bádabugu dénmisen núnunw, n'án bèn'á kàn yorò mìn	Me and these young men from Badalabougou. Whatever agreement we will come to about this,
ní ála sònna kibaroya bé s'áw mà	if God wills, you will be informed about it.
Sùmáyi Sise	Soumaïla Cissé.
ò y'ò yé	This is it.
<i>c'est vrai</i>	<i>This is true.</i>
<i>c'est vrai et je dois dire ici</i>	<i>This is true and I must say here.</i>
<i>et lancer un appel pressant</i>	<i>And make an urgent appeal.</i>
<i>j'ai vraiment quelques messages</i>	<i>I really have a few messages.</i>
<i>un message à l'endroit des nos enfants porteurs d'uniforme</i>	<i>A message to our children wearing uniforms.</i>
<i>les remercier pour l'œuvre qu'ils ont eu accompli</i>	<i>[I must] thank them for the work they have done.</i>
<i>mais leur demander aussi</i>	<i>But also ask them</i>
<i>d'être digne</i>	<i>to be worthy.</i>
<i>que le peuple du Mali les observe</i>	<i>May the people of Mali observe them.</i>

<i>que l'Afrique les observe</i>	<i>May Africa watch them.</i>
ù k'ù jìjà	They should work hard...
án ká jàmana in jòra ní fèn mìn yé kánkelentigiya mìn bé yàn	The agreement to which our country has come, the unity of speech which is here...
n'ù yé láhidu mìn tá, ù k'á dáfa, ù kána láhidu kúmarogonya	They should fulfil their commitments, they should not discuss their commitments.
<i>on doit leur dire de respecter les serments et les engagements</i>	<i>We must tell them to respect the oaths and the commitments</i>
<i>devant le peuple souverain du Mali</i>	<i>before the sovereign people of Mali.</i>
k'ù hákili tó ò lá	And to remember.
fóyi kán'á tó	Nothing should stop them.
fóyi kán'ù yògoyògò	Nothing should confuse them.
án dalèn b'á lá ní ála sònna	We believe in it if God wills.
ánnu y'ù yé cógo mìn ná	The way we see it,
án b'á jígiya k'á fò kó	we hope and we say
ò báara in bé ké à kécogo lá	this work is being done as it should be done.
à filanan yé mìn yé	The second thing...
<i>contrairement à mon cadet</i>	<i>Unlike my younger brother,</i>
<i>maître Mohammed Bathily</i>	<i>professor Mohammed Bathily</i>
<i>moi... né té núnunw yé lá terminal wèrè lá kóyi</i>	<i>me... I don't see them at any other terminus.</i>
[à b'i jàgaseere pèsin sànkolo mà]	[points up with his index finger]
àyi	No.
<i>ceux qui s'apprêtent à punir et sanctionner le peuple martyr du Mali</i>	<i>Those who are preparing to punish and sanction the martyred people of Mali.</i>
<i>ceux qui le feront, ils seront châtiés par le bon Dieu</i>	<i>Those who do so will be chastised by the good Lord.</i>
<i>maître dit qu'on va les appeler à un intervillage</i>	<i>Professor says we are going to call them to a trial.</i>
<i>c'est... c'est la Haye ou c'est où?</i>	<i>Is it... Is it in the Hague or where is it?</i>
<i>mais moi, je les appelle à là-haut et je suis convaincue!</i>	<i>But me, I call them up there and I am convinced!</i>
<i>j'ai la conviction et la ferme conviction</i>	<i>I have a conviction and a firm conviction.</i>
<i>ceux qui vont faire subir à ce peuple martyr du Mali des misères, encore seront châtiés par le bon Dieu</i>	<i>Those who are going to make this martyred people of Mali suffer miseries, again will be punished by the good Lord.</i>
<i>j'aimerais que ce message-là leur arrive</i>	<i>I would like this message to reach them.</i>
n'ù hákili lá k'á fò kó à té ké, ù k'á kóròbò	If they think it will not happen, they may try,
<i>problème sí té yèn</i>	<i>there is no problem.</i>
wá múnun bé yèn fè n'ù y'á kóròbò fána wa-l-lāhi ála bé kó yìr'ù lá mìn bé lākālī díne kōnō	And those who are here, if they also try. I swear God, God will show them things which will be spoken about in the world.
ní ála sònna	If God wills.
ní ála sònna	If God wills.
ní ála sònna	If God wills.
<i>c'est un peuple martyr qui a subi toute sorte d'injustice</i>	<i>It is a martyred people who have suffered all kinds of injustice.</i>

<i>alors au lieu de le consoler on le menace</i>	<i>So instead of consoling them we are threatening them.</i>
<i>quand-même</i>	<i>Nevertheless.</i>
ù fàna bé sà, ù ká sábalì	They will also die, they should calm down,
ù ká sábalì	They should calm down.
ù ká sábalì	They should calm down.
ála ká hákili nùman dí àlu mà	May God give them reason.
án bálimaw dòn, án sínjiw dòn	These are our brothers, our siblings.
à dów yé án kòròw yé	Some of them are our older brothers.
án jèpògònw dòn	They are our allies.
ń hákili lá ní ála sònna, ála bé hákili nùman dí àlu mà	I think, if God wills, God will give them reason.
ála ká hákili nùman dí àlu mà	May God give them reason.
<i>il faut saluer tous les amis du Mali</i>	<i>We must greet all the friends of Mali,</i>
<i>tous les amis</i>	<i>all the friends,</i>
<i>tous les amis du Mali</i>	<i>all the friends of Mali.</i>
<i>Il faut les saluer pour leur accompagnement</i>	<i>We must thank them for their support.</i>
án bé dúwawu ké	We make blessings.
à bée, tous les amis	All of them, <i>all friends.</i>
kà dúwawu ké k'á mìnè ála fè	We make blessings that will be heard by God.
ń jòra yàn k'á fò, ń bé tíla k'á fò	I stood here and I told this and I say it again.
Sùmáyla Sìse	Soumaïla Cissé.
án bálimake	Our brother.
án jèpògòn	Our ally.
ála	God!
án y'í déli kó cáman ná	We asked you for many things.
í y'án jáabi	You have answered us.
wá án bé dòn mìn ná, wúlada in ná yàn	And this day, this evening,
nìn jòyòrò kélen in ná	at this same place.
án bé tíla k'án bó í yé	We reach for you once again.
ála, án lámén	God, hear us.
ála, í k'án jìgi túgu	God, fulfil our hope.
Sùmáyla dénw n'á mùsow, í k'ù	Children and wives of Soumaïla, <i>console</i> them.
<i>consoler</i>	
ńéji mìnnu békà bó í k'á cè	Dry their tears which are running.
é dè bé sé ká ńéjiw cè	It is you who can dry tears.
ála, í ká ńéjiw cè, í ká Sùmáyla sègin án mà ní héere yé	God, dry [their] tears, return Soumaïla to us safely.
sé bé ála yé k'á ké ya rabbi, ála mà à kéra	God has power, <u>my Lord</u> , may God do so.
ya rabbi, ála mà à kéra	<u>My Lord</u> , may God do so.
án ká jàmana, ála ká láfiya d'á mà	May God give relief to this country.
à ká héere d'á má	May God give it peace.
bèn, ála k'á dòn jàmanaden ní jógòn cé	May God bring harmony to the people of the country.
ála k'á dòn jàmanaden ní jógòn cé	May God bring it to the people of the country.
ála k'á dòn jàmanaden ní jógòn cé	May God bring it to the people of the country.
án k'á níni ála fè	Let's ask God for this.
túguni, à kána ké án ká jàmana in kónò	May this not happen in this country again

k'án yère dàma bilalen bé jógòn ná kèle lá	that we wage war against each other.
ála k'án kisi à mà	May God save us from this.
<i>nous avons appris avec tristesse ce qui s'est passé hier et ce matin à Gao</i>	<i>We have learned with sadness what happened yesterday and this morning in Gao.</i>
<i>j'ai un appelle à tout et chacun de faire preuve de retenue</i>	<i>I ask everyone to demonstrate restraint.</i>
<i>l'heure n'est pas à la affrontement, non</i>	<i>Now is not the time for confrontation, no.</i>
ù ká sábalì	They should calm down.
ù ká sábalì	They should calm down.
ká sábalì	To calm down.
ù ká jàmana in tó tèn	They should leave this country alone.
ù ká sábalì, ù ká jàmana in tó tèn	They should calm down and leave this country alone.
ù ká sábalì, ù ká jàmana in tó tèn	They should calm down and leave this country alone.
<i>vraiment</i>	<i>Really.</i>
án b'á níni ála fè ya rabbi	We ask God, <u>my Lord</u> .
n'án bé jógòn kùnbén sàriya lá	If we meet each other according to the law.
ála k'á ké héere yé	May God let it happen peacefully.
ála k'á ké héere yé	May God let it happen peacefully.
ála k'á ké héere yé	May God let it happen peacefully.
né hákili lá ní ála sònna	I think, if God wills,
à n'á méen k'á sòrò án má sé yàn	we will meet here not soon
kó wère kó wère kónòna lá ní ála sònna	on another occasion, if God wills.
ála ká ków nògoya	May God facilitate the things.
ń bé mìsiri lá	I am at the mosque.
àyiwa	Alright.
á ní cé, á ní bàraji	Thank you very much.

Информация об авторе

Артем Витальевич Давыдов — кандидат филологических наук, доцент, Восточный факультет, Санкт-Петербургский университет.

Email: a.davydov@spbu.ru

Author's Information

Artem Vitaljevich Davydov — PhD in Philology, Associate Professor, Saint-Petersburg State University.

Email: a.davydov@spbu.ru

«Традиционализм» Востока: этнография, социально-культурная антропология, востоковедение¹.

Аннотация: В статье анализируется понятие традиция/традиционализм, выделенное петербургскими востоковедами в качестве предмета востоковедения [Введение, 2011, с. 14–15]. Потребность в корректировке статуса дисциплины (предмета, теории, понятийного аппарата и т.д.) обрела особую актуальность в результате обращения востоковедов СПбГУ к изучению живых культур Востока. Ранее же исследовались преимущественно письменные памятники (по истории, философии, праву и пр.), хранящиеся в фондах Европы и Санкт-Петербурга, в рамках классического востоковедения. Рассмотрено использование «традиции», от которого производится «традиционализм» в родственных дисциплинах: этнографии и социально-культурной антропологии. Автор приходит к выводу, что, начиная с эпохи Просвещения, и по сей день оно не содержит признаков научности, скорее используется как аксиологическая категория, содержание которой во многом определяется политическим контекстом. Прогрессисты (эволюционисты, марксисты и пр.) оценивали «традицию» негативно, в качестве препятствия на пути поступательного развития общества. Однако немецкие Просветители (Кант, Гердер и др.) понимали «традицию» как уникальную субстанцию, благодаря которой социум сохраняет свое своеобразие в эволюционном процессе. Данный вектор в осмыслении понятия привел к сакрализации/мистификации традиции, что нашло отражение в трудах Генона и его российских последователей. Проанализированы взгляды антропологов 70–80 годов (Eisenstadt S., Shils E.) которые после провала неэволюционистской теории модернизации, рассматривающей развитие Востока как борьбу «традиции» с «модерном», вновь обратились к анализу традиции. Критически анализируется постмодернистский проект, который, отождествляя «культуру» и «общество», не видит в современных уникальных культурах наследий прошлого (традиции). Постмодернизм в данном контексте во многом мотивирован соображениями политкорректности, что также выводит традицию за рамки научности. В. В. Бочаров предлагает методологию, которая позволяет избежать абсолютизации, будь то универсализма в понимании традиции, либо, наоборот, уникализма. Это достигается посредством разведения понятий «культура» и «общество», обладающих разной скоростью в исторической динамике социокультурного процесса, в результате прошлое (традиция) мыслится как закономерный результат консервативности «культуры» относительно «общества». В качестве основы в понимании «традиционализма» использован веберовский идеальный тип «традиционное общество», дополненный автором новыми характеристиками. Данный «тип» используется для измерения социокультурных реальностей Востока, которая, будучи традиционной по содержанию и преимущественно современной по форме, как раз представляет «традиционализм» — предмет востоковедения.

Ключевые слова: востоковедение, социально-культурная антропология, этнография, традиция/традиционализм, методология, политика, Восток

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке КН РА (20RF-189) и РФФИ (РФ) (проект 20–59–05006) в рамках совместной научной программы.

«Traditionalism» of the East: ethnography, socio-cultural anthropology, oriental studies²

Summary: The article analyzes the concept of tradition / traditionalism, highlighted by the Petersburg orientalists as a subject of oriental studies [Introduction, 2011, p.]. The need to adjust the status of the discipline (subject, theory, conceptual apparatus, etc.) has gained particular relevance as a result of the appeal of orientalists of St. Petersburg State University to the study of living cultures of the East. Previously, they studied mainly written monuments (in history, philosophy, law, etc.) stored in the funds of Europe and St. Petersburg, within the framework of classical oriental studies. The article considers the use of “tradition” from which “traditionalism” is derived in related disciplines: ethnography and socio-cultural anthropology. The author comes to the conclusion that, starting from the Enlightenment, and to this day it does not contain signs of scientific character, rather it is used as an axiological category, the content of which is largely determined by the political context. Progressives (evolutionists, Marxists, etc.) assessed “tradition” negatively, as an obstacle to the progressive development of society. However, the German Enlighteners (Kant, Herder and others) understood “tradition” as a unique substance, thanks to which the society retains its originality in the evolutionary process. This vector in understanding the concept led to the sacralization / mystification of tradition, which was reflected in the works of Guénon and his Russian followers. The views of anthropologists of the 70–80s (Eisenstadt S., Shils E.) are analyzed who, after the failure of the non-evolutionist theory of modernization, which considers the development of the East as a struggle between “tradition” and “modernity,” again turned to the analysis of tradition. The postmodernist project is critically analyzed, which, identifying “culture” and “society”, does not see the heritage of the past (traditions) in modern unique cultures. Postmodernism in this context is largely motivated by considerations of political correctness, which also takes tradition beyond the scientific framework. V. V. Bocharov proposes a methodology that avoids absolutization, whether it be universalism in the understanding of tradition, or, conversely, uniqueness. This is achieved by separating the concepts of “culture” and “society”, which at different rates in the historical dynamics of the socio-cultural process, as a result of the past (tradition) is thought of as a natural result of the conservatism of “culture” relative to “society”. Weber’s ideal type “traditional society”, supplemented by the author with new characteristics, is used as a basis for understanding “traditionalism”. This “type” is used to measure the socio-cultural realities of the East, which, being traditional in content and predominantly modern in form, just represents “traditionalism” — the subject of oriental studies.

Keywords: oriental studies, socio-cultural anthropology, ethnography, tradition / traditionalism, methodology, politics, the East

² This work was supported by CS PA (program 20RF-189) and the RFBR (RF) (program 20–59–05006) in the framework of the joint scientific program.

Введение

Статус научной дисциплины определяется наличием предмета исследования, теории, методов, понятийно-категориального аппарата. Однако, несмотря на, казалось бы, довольно длительную историю востоковедных исследований, возникших в Европе в XVII–XVIII вв., процесс институализации науки еще далеко не завершен. Налицо проблемы с идентификацией ряда компонентов, включая предмет востоковедения [Введение, 2011: 15–24].

Попытка в этом направлении была сделана в двух публикациях, в которых преимущественно петербургские востоковеды (СПбГУ, Института восточных рукописей и Кунсткамеры) постарались восполнить имеющиеся пробелы [Введение 2011; Концепции 2013]. В частности, было предложено понимание Востока, не сводимое к географии, а к социокультурным свойствам населения. Обсуждение этого вопроса получило продолжение [Бочаров, Дьяков, Гегамян, 2021:312–330].

В данной статье уточняется предмет востоковедения, который в упомянутых трудах сводится к традиционализму, определяющему социокультурные характеристики населения Востока: «Фундаментом формирования культурной, социально-психологической и иной специфики, которая выделяет Восток как особый культурно-исторический ареал, мы предлагаем считать традиционализм». Из чего следует, что: «Востоковедение — это наука о духовной и материальной культуре традиционалистских обществ в синхронии и диахронии с опорой на свидетельства языка и текста» [Введение 2011:16].

Выдвижение традиционализма в качестве предмета востоковедения обрело особую актуальность в связи с открытием в 2021 г. на Восточном факультете СПбГУ новой магистерской программы «Социально-культурная антропология народов Азии и Африки» (далее употр. «антропология»). Антропология и востоковедение — родственные дисциплины, которые изучают «других». Если для классического востоковедения источником информации являются письменные памятники, то для антропологии живые культуры других. Последние изучаются и этнографией, имеющей в России довольно долгую историю существования. Опять же антропология (или этнология), появившаяся в учебных стандартах отечественных вузов лишь в 90-е прошлого столетия, оказалась во многом правопреемницей советской этнографии (СЭ), сосредотачивавшей свои усилия, в том числе, на изучении современных культур Востока. Поэтому целесообразно, во-первых, рассмотреть опыт, накопленный этнографической наукой в этом деле, во-вторых, определиться с использованием понятия традиции/традиционализма в востоковедении.

Материалы и методы. Традиция в этнографии

Традиционализм является производным от понятия традиция, используемой многими науками, включая этнографию, для которой она всегда являлась ключевой категорией, наряду с народом — этносом, культурой. Пранаука о народах своими истоками уходит в античность, мыслители которой, сталкиваясь с другими, азиатами и варварами, описывали их «странные обычаи и традиции». Уже тогда в полный рост проявился европоцентризм в оценках культур других, например, их склонности к деспотизму, в противовес античным демократиям, наделавшимися мыслителями эпохи высшей ценностью [Клейн, 2014: 29–38]. Тогда же стал очевидным прикладной характер подобного знания для получения различных выгод (военных, административно-управленческих, геополитических и пр.) для завоевателей-властителей, что на протяжении всей дальнейшей истории станет побудительным мотивом развития науки в государствах-колонизаторах.

Особое место с точки зрения рационализации отношения европейцев к другим занимает эпоха Просвещения, когда сформировались научные принципы, определившие

распределение народов на шкале эволюции с их аксиологическим окрасом: дикость — варварство — цивилизация [Фергюсон, 2000]. Первопричина неравенства народов на этой шкале выводилась из их «нрава и духа», при этом мыслители в основном исходили из идеи превосходства белой расы [Вольтер, 1775]. Тогда же сформировалось и амбивалентное отношение к традиции, которая до этого «молчаливо» определяла жизненный уклад всего человечества. Теперь же она увязывалась с общественным прогрессом, который маркировал не только отношение цивилизации к народам Востока, но и к собственному прошлому (дикости — варварству). В результате традиция, будучи высшей ценностью для ранних стадий, в эпоху Просвещения была замещена ценностью инновации. Данный эпохальный сдвиг в европейской ментальности во многом определил буржуазный революционизм Запада XVIII–XIX вв. Более того, подобный анти-традиционализм до сих пор формирует идейно-мировоззренческую платформу западных элит.

Однако в эту же эпоху получили развитие и противоположные идеи относительно ценности традиции, хотя и периферийные для того времени. Немецкие просветители, в отличие от французских, акцентировали внимание не на универсалиях, свойственных человечеству (прогрессе), а на его уникальных характеристиках, воплощенных в конкретном народе — этносе, культуре. «Национальный дух», определяющий, по Й. Гердеру (1744–1803), уникальность народа связан именно с традицией, а не с расой, прежде всего с языком и культурой. Прогресс же в этом случае коррелируется не с отдельным человеком или человечеством, а с народом (этносом — этничностью), с культурой.

В эпоху Просвещения развитие народоведения, как и в Древности отчетливо соотносится с политикой элит. Универсалистский вектор науки, распределив народы в иерархическом порядке, создал тем самым идейно-мировоззренческую базу колониализма актуальной для эпохи. Немецкие же «диссиденты», наоборот, отстаивая уникальность народов, на века снабдили идейным инструментарием борцов против колониализма, национального угнетения, а также активистов почвенческих и сепаратистских движений. Не следует забывать также, что немцы в данный период бредили созданием национального государства, будучи распыленными по разным территориям, а единственным объединяющим их фактором были народные обычаи, традиции и язык.

Данные амбивалентные подходы оказались востребованными в дальнейшей истории общественной мысли по принципу маятника в зависимости от открытий в области естественных наук, кардинальных перемен в общественно-политическом бытии населения Земли, устремлениями политических элит. С открытиями Ч. Дарвина в области биологии эволюционизм прочно обосновался в обществоведении, в результате чего традиция рассматривалась преимущественно негативно, в качестве пережитка — явления, потерявшего свою актуальность на новом эволюционном витке. Марксизм же, густо замешанный на эволюционизме, вообще видел в традиции «кошмар» на пути прогресса: «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых», — писал К. Маркс [Маркс, 1957:119]. Политические элиты государств, адаптировавшие марксизм в качестве идеологии развития, боролись с традициями (пережитками) крайне радикально. Это отразилось и на развитии народоведения.

Отечественная этнография и традиция. Неудивительно, что в России, где влияние немецкой науки, благодаря Петру, было чрезвычайно велико, в народоведении, зародившимся в XVIII столетии, ключевым фигурантом стал именно народ, «точнее, все народы России». [Головнев, 2018: 6–39]. В XIX веке для российской этнографии характерна пестрота методологических подходов: с одной стороны, создаются тексты в рамках немецкой школы, с другой — в духе антропологического эволюционизма, в котором пережитки являются составной частью социокультурного новообразования (М. Ковалевский, Д. Клеменц и др.) [Панченко, 2018: 60–80]. Опять же интенсивность и направленность

этнографических исследований коррелировались с политикой, решениями властью прикладных задач. Так, в преддверии реформ 1861 г. этнография сосредоточилась на изучении юридического быта русских и инородцев. В результате был издан впечатляющий корпус работ по обычному праву народов империи [Бочаров, 2013:70–75].

Советская этнография (СЭ) и традиция. Если в 20–30 гг. XX века в СЭ доминировала тенденция на исследование уникальности народов, то уже в 40-х верх взял универсализм в марксистской интерпретации. Понятие этнос, которым оперировала этнография, не вписывался в марксистскую парадигму прогресса, дополнившую эволюционистский вариант высшей стадией коммунизмом. По мнению А. В. Головнева, маятник качнулся (в моей интерпретации) в сторону универсализма в связи с тем, что правящая элита к этому времени уже «не нуждалась более в расшатывающих устои национальных движениях... стихию, которую следовало унять...джинн, помогавший вершить революцию, был возвращен и запечатан в бутылку» [Головнев, 2018:6–39]. В конституции 1937 г. было закреплено положение о построении основ социализма в СССР, что давало возможность взять курс на построение коммунизма. Словом, политика коренизации (уникальность) обрела обратный вектор на «слияние наций» (универсальность), создание единой коммунистической нации, новой социальной общности — советского народа. Исходя из установки, что именно язык является краеугольным камнем нации (культуры), проводимая политика предполагала превращение русского языка в родной язык всех нерусских народов³.

СЭ с 40-х гг. XX столетия была нацелена властью на изучение современности и борьбу с традициями-пережитками, чтобы «парализовать отдельные отрицательные тенденции в быту и сознании советских людей, помочь борьбе с пережитками капитализма...» [Величественная, 1959:3–9]. Традиции были разделены на положительные, обеспечивавшие уникальность культуры, и отрицательные, служившие препятствием на пути построения коммунизма (прогресса). Этнографам была поставлена задача «выявлять причины, поддерживающие пережитки, проводить воспитательную работу по их преодолению». В то же время отмечалось, что необходимо выявлять и положительные народные традиции «с целью их бережного сохранения и включения вместе с лучшими произведениями национальной культуры в наследие интернациональной общесоветской культуры будущего коммунистического общества» [Толстов, Жданко, 1964:16–17]. В последнем случае деятельность этнографов сводилась к «бережному сохранению» предметов материальной культуры (музейная этнография), различных образцов фольклора, обычного права, описанию обычаев и ритуалов, унаследованных от первобытности и феодализма.

Большинство вредных пережитков, составлявших, тем не менее, основу жизненного уклада культур, входивших в состав СССР, стали преследоваться в законодательном порядке. В специальных главах 9 (из 15) УК союзных республик предусматривались наказания за преступления, «составляющих пережитки родового быта»: калым, похищение женщины для вступления в брак, левиратный брак, многоженство, институт кровной мести и др.

Активно проводилась политика против возрастной когорты старших — естественных носителей традиций, дабы воспрепятствовать культурной трансмиссии. На Кавказе, к примеру, в «борьбе со стариковством» представители старшего поколения были подвергнуты репрессиям, в частности, ссылке на Колыму [Бочаров, 2011:515–532].

Аналогичная политика имела место повсюду, где марксизм был воспринят в качестве идеологии развития. В Китае в ходе культурной революции хунвэйбины (революционная молодежь) по приказу Мао практически повсеместно отстранили старшее поколение

³ Памятны слова Н. С. Хрущева, произнесенные им на праздничных торжествах в БССР: «Чем скорее мы все будем говорить по-русски, тем быстрее построим коммунизм» (1959).

коммунистов от власти. Еще более ярким примером в этом смысле была Кампучия времен правления красных кхмеров. Их лидер Пол Пот именовал пережитки «старой перхотью», которую «выводили» юнцы, ставившиеся под ружье, начиная с 12 лет. Основной удар направлялся против «патриархальных реакционных традиций сельской общины». В результате миллионы носителей «перхоти» погибли в концлагерях [Кал, 2018]. Подобные формы борьбы с пережитками были закономерными на Востоке, где марксизм не мог не быть воспринят иначе как «священное писание» [Бочаров, 2001:39–88].

Итак, традиция в теории и практике марксизма повсеместно рассматривалась крайне негативно. Однако в положительном свете изображались традиции, возникшие в СССР. При участии этнографов проводилась работа по конструированию новых традиций и обычаев, внедрению их в общежитие советских граждан. [Руднев, 1974; Терентьева 1961:20–40]. В 1988 г. в этнографическом музее Ленинграда (РЭМ) была открыта экспозиция «Современные обряды и праздники народов СССР».

Одним словом, в прогрессистских концепциях налицо использование традиции не в качестве научного понятия, а аксиологической категории. Ценность всего, «унаследованного нами» из прошлого, во многом определяется политической властью. Если она «черпает» легитимность из прошлого, ее деятельность направлена на укрепление существующего порядка вещей, то и к традиции отношение позитивное. Если же власть низвергает старый порядок, ее деятельность направлена на новаторство, то и к традиции отношение негативное. Тем не менее, новый политический режим всегда формирует свой исторический миф со своим прошлым (традицией), обеспечивающим легитимность власти: священное захоронение ее основателя, обряды, ритуалы, праздники, цементирующие новый порядок вещей. Прошлое, таким образом, всегда освящает порядок вещей, поддерживаемый властью [Бочаров, 2006:225–238]. Это подметил Г. Спенсер, писавший о *правилах чувств*, возникшем на заре человеческой истории вследствие *организации чувства прошлого* [Спенсер, 1898:228].

Традиции и традиционализм в социально-культурной антропологии (история и современность). Если этнография связывается с народописанием, где традиции — конкретные формы проявления поведенческих стереотипов, ценностей и материальных предметов, унаследованных из прошлого, то антропология отождествляется со сравнительным народописанием, формулирующим методологические принципы исследования социально-этнических феноменов [Клейн, 2014]. Начиная с середины XIX в., в антропологии возникло немало новых концептов по данному поводу, которые оставались за пределами интересов СЭ, заиклившись на «пережитках». Этим и было мотивировано обращение отечественного народописания в 90-х гг. XX века к антропологии (этнологии), что, безусловно, способствовало развитию науки.

Сегодня многие постулаты антропологии (первобытность, этнос, этногенез, нация и др.), либо вовсе исчезли из научного дискурса, либо обрели новое толкование. Тем не менее, научный интерес к традиции/традиционализму не только не угас, наоборот, существенно возрос. Это во многом обусловлено возрождением в общежитии государств Востока «архаических» проявлений, несмотря на впечатляющий социально-экономический и технологический прогресс. Эта тенденция отмечается как на материалах восточного зарубежья, так и России [Успенская, 2010; Гудков, 2002:47–60; Кара-Мурза, 1997:22–25; Шляпентох, 2008; Ламажаа, 2010: 88–93; Неотрадиционализм, 2019].

Очевиден и политический мотив вновь возникшего интереса к традиции/традиционализму в связи с обострившимся противостоянием между Востоком и Западом. Причем отношение к традиции стало чуть ли не главным «яблоком раздора». Показательна дискуссия, имевшая место на заседании Валдайского клуба (ноябрь 2021). В частности, президент РФ В. В. Путин довольно четко обозначил национальную идею РФ как «здоровый

консерватизм» (традиционализм). Научный директор клуба Ф. Лукьянов критически отнесся к сформулированному президентом концепту: «Если говорить о традиции..., и, в частности, Вы предлагаете, чтобы традиционные ценности были основой для объединения мира. Но традиция на то и есть, что она уникальная, она национальная. Как можно объединяться всем на одних традиционных ценностях? У всех традиции разные».

Итак, президент, апеллируя к традиции как некоему универсуму, старается использовать ее для мобилизации своих геополитических сторонников, Лукьянов же настаивает на уникальности традиции, а поэтому объединение на традиционных ценностях невозможно.

Представляется, что, казалось бы, непреодолимое противоречие устраняется посредством предлагаемой методологии, в которой уникальность и универсальность социальной материи «разводятся» посредством понятий культура и общество, о чем ниже пойдет речь. Сейчас же рассмотрим комплекс представлений, связанных с уникальностью культуры, отождествляемой с традицией, тем более что, возникнув в Просвещении, в эпоху постмодернизма, парадигма обрела новое дыхание, т.е. «маятник» вновь остановился на метке *уникализм*. Позиция же Ф. Лукьянова лежит в рамках данной парадигмы.

Немецкие просветители отождествляли традицию с *культурой*, *сегодня понимаемой* как этничность (или этнокультура). И. Кант рассуждал о «нации» как *прирожденных чертах*, передающихся *по наследству*, от поколения к поколению [Zammito, 2002]. У Й. Гердера главное понятие «национальный дух» равнозначное культуре некоего примордиального социального коллектива, определяющей *усвоение традиции из поколения в поколение*, что носит бесконечный характер. [Гердер, 1959; Самылов, 2011]⁴. Отождествление традиции с культурой встречаем у К. Чистова: «Термины “культура” и “традиция” в определенном теоретическом контексте синонимичны... Проще говоря, традиция — это система связей настоящего с прошлым» [Чистов, 1981:105–107].

В рамках немецкой научной стратегии ярко обозначилась тенденция к мистификации культуры. В частности, культура — это живой организм, имеющий душу, она рождается, а не создается людьми [Токарев, 1978:137–139]. Культура познается интуицией, а не разумом, так как она проявляется не в рациональных идеях, а в «повадках», «такте», «ритме». Она «умирает», утрачивая уникальность с переходом к Цивилизации (капитализму) [Шпенглер, 1993:128–155]. Ярким продолжателем немецкой мысли в антропологии стал француз Р. Генон (1886–1951).

Р. Генон связывает традицию, отождествляемую с культурой, исключительно с Востоком: «Что же касается цивилизации (культуры — В.Б.) Запада, то она, наоборот, утратила свою связь с традицией, можно сказать, полностью, если не считать религиозного элемента, который лишь в самой незначительной степени эту связь еще сохраняет» [Генон, 2000].

У Генона речь идет о некоей Примордиальной Традиции, являющейся первозданным содержанием духовности: «К традиции имеет отношение только то, что включает в себя элементы сверхчеловеческого порядка. Именно в этом заключается самый важный и существенный признак, на основе которого и возникает определение традиции и всего, что с ней может быть связано...» [Там же]. Словом, традиция у Генона наделена сакральным статусом, она, как у немцев, не может быть исследована методами западной науки, так как в подобных исследованиях «игнорируется всякое познание высшего порядка...» [Генон, 2005].

⁴ У Гердера *культура* не сводится к «просвещенности и образованности», что характерно для большинства мыслителей того времени, а близка к нашему пониманию этничности (этнокультуре). У него кантовские «прирожденные черты нации» — это «народный дух», также некое примордиальное ядро (культура), характерное для гипотетического первичного социума, возникшего по божественной воле, которое определяет его уникальность на всем пути его исторического бытия [Гердер, 1997:230].

В конце XX века идеи Генона с присущим им мистицизмом были адаптированы преимущественно метафизически мыслящими российскими интеллектуалами [Зильберман, 1996:72–105; Кураев, 1995; Дугин, 1992; 1996а; 1996б]. Идеолог данного направления В. В. Аверьянов обозначил их деятельность, как стремление добраться «до глубинных смыслов, заключенных в священных основаниях человеческой культуры, в конкретных религиозных преданиях и эзотерических учениях» [Аверьянов, 2000:76].

Если возрождение геноновского традиционализма с упором на уникальность в России 90-х было реакцией «маятника» на засилье универсалистских тенденций того времени с отрицанием прошлого (традиций), то обретение второго дыхания в 2000-х, наоборот, связано с его возвратом, с обострившимся конфликтом между Востоком и Западом. По В. Аверьянову в этих условиях Россия «на пороге глобальных потрясений и тектонических сдвигов между традициями — цивилизациями... получает шанс...предъявить собственную, еще не завершенную, не до конца понятную ей самой модель мироустройства... должна высоко поднять знамена, на которых будут начертаны имена “Традиция”, “Человечность”, “Правда”, — в чем видится, — альтернатива обанкротившемуся универсалистскому проекту, с его агрессивной Современностью, воинствующим Прогрессизмом и культом “Развитости”, которым понукают и подхлестывают тех, кого записали в “отсталые” и не вписавшиеся в правила игры глобального капитала» [Аверьянов, 2012].

Мистицизм, характерный для геноновского традиционализма этого времени в понимании культуры (традиций), представлен и в дискурсе политиков: «Для людей и их сообществ культура (курсив мой –В.Б.) — это судьба. А судьба может складываться по-разному. И от нее, как известно, не уйдешь» [Сурков, 1992].

Иными словами, «традиционалистика» в это время вновь выдвинулась на передовые рубежи. Среди многочисленных работ преимущественно западных антропологов, осмысливавших проблему традиции на материалах Востока, выделяются исследования Э. Шилза и Ш. Айзенштадта. В них также просматривается отождествление традиции с культурой, выступающей в виде сакральной субстанции. В каждом конкретном социуме предполагается существование «центра культуры» («центральной зоны культуры»), которая «представляет собой в концентрированном виде ценности и верования данного сообщества», которые являются по факту сакральными для всех его членов. Они являются «официальной религией даже когда его члены, или его интерпретаторы, это отрицают». Центр культуры обуславливает «активность членов, структуру ролей и верований, которые являются для данного общества основными, придавая легитимность власти» [Eisenstadt 1973:138–139; Shils 1961:117–118].

Как видно, «центральная зона» напоминает Примордиальную Традицию Генона и его последователей, правда, ее действие сводится к конкретному социуму (цивилизации/культуре). Каждый из них имеет свою Примордиальную Традицию, под диктовку которой и происходят всякого рода эволюционные трансформации. Сила ее действия заключается в сакральности, каковой она, по факту, является для его членов. В «центре культуры» видится и культура в понимании немецкой школы (национальный дух), которая, по сути, является константой на всем протяжении эволюции социума, определяя форму возникающих новаций, обеспечивая в результате общественную солидарность.

Традиция в постмодернизме. Появление постмодернизма в обществоведении в конце XX столетия было обусловлено кризисом прогрессистских теорий (эволюционизма, марксизма, неэволюционизма и др.). Понятия эволюция, развитие, прогресс объявлены «вне закона», отрицается, в частности, факт существования традиционного общества. Это де — иллюзия, сконструированная антропологами. Поэтому утверждается, что этот, привычный для антропологии объект исследования, должен замещаться культурой [Курег, 1988]. Казалось бы, постмодернистский проект резонирует с перечисленными выше уникалистскими

концепциями (Гердер, Генон и его последователи, Шилз, Айзенштадт)⁵. Однако налицо существенные различия.

Постмодернистский проект как бы снимает дихотомию Восток-Запад, а вместе с этим и вопрос о развитости/отсталости. В. А. Тишков, критикуя ученых усмотревших в чеченском обществе признаки «традиционности, иррациональности», назвал это «антропологическим неокOLONиализмом»: «Мы имеем дело с феноменом антропологического и неокOLONиального по своей глубокой сути редукционизма, когда по разным причинам культурно отличный, но современный народ квалифицируется как «древний племенной этнос» или как «досовременная этническая нация»» [Тишков, 2001:508].

Иными словами, объект исследования идентифицируется как современная (и уникальная) культура в то время, как присутствующие в ней элементы «архаики», определяемые автором «этнографическим мусором» (следы родоплеменной организации, кровной мести и пр.), как бы нивелируются. Однако в *уникальных культурах Востока* в обязательном порядке присутствуют базовые структуры, свойственные тому, что мы именуем традиционным обществом. Это институты, построенные на идее родства (род, клан, линидж, племя и т.д.), которые, как известно из источников, когда-то составляли социальный базис Запада. Можно, конечно, говорить, что на Востоке данные структуры существуют в трансформированном виде по сравнению со своими архаическими аналогами, но, тем не менее, принцип-то остается неизменным.

В общем, снимая различия между Востоком и Западом, мы неизбежно отождествляем культуру и общество⁶. Однако, будучи относительно самостоятельными сущностями, культура, как более консервативная субстанция, удерживает в заимствованных современных институтах элементы прошлого (традиций). Вспомним известную дискуссию между Путиным и Лукьяновым и слова последнего: «Традиции у всех разные», — из этого заключалось, что невозможно «объединяться на различных традиционных ценностях».

Безусловно, французская и английская культуры различны, во многом демонстрируя «архаические традиции» в бытовании обрядовых, ритуальных, праздничных практик, обрамляющих, к примеру, деятельность политических или правовых институций. Однако, несмотря на эти различия, Запад довольно успешно объединился в Евросоюз. Дело как раз в том, что зачастую при существенном различии традиций (культур) мы имеем дело с тождественными общественными субстратами (социумами), базирующимися на рыночной экономике, разделении властей и правах человека.

Что же касается Востока, то здесь традиции — это организующие общество структуры с неразвитым рынком, с предписанной социальностью по возрастному (сословному) и гендерному принципу, авторитарно-сакрализованной властью, и «неписаными законами». При всем этом эти структуры пребывают, как правило, в современном обличье. Именно тождество общественных структур Востока при многоцветье культурных проявлений делает вполне возможным их объединение в борьбе за многополярный мир при условии, конечно, наличия сопоставимого с Западом экономического и военного потенциала восточных государств.

Антропология и традиционализм на Востоке. Традиционализм Востока обусловлен не различными культурными проявлениями известных государств, а их общественным

⁵ Начало было положено Э. Саидом, обвинившим востоковедов (или антропологов) в европоцентризме, намеренном искажении реалий Востока в целях научной легитимации его колониального порабощения [Said, 1977].

⁶ Н. Гиренко рассматривает культуру и общество как относительно самостоятельные субстанции с разной скоростью исторической динамики в социокультурном эволюционном процессе [Гиренко, 2004:472–495]. На основании этого можно утверждать, что они играют и разные роли в этом процессе [Бочаров, 2011:272–283б; Бочаров, 2012:3–14а].

содержанием. Государства Востока, включая высокоразвитые в экономическом отношении, характеризуются обильными «пережитками» в социокультурной сфере, которые согласно прогрессистским концепциям обязаны были исчезнуть. И это несмотря на порой жесткую и длительную по времени борьбу с ними политической власти (марксистских режимов). Более того, налицо прогрессирующая «архаизация» Востока.

Невозможно также объяснить эволюцию Востока, исходя из примата уникальности конкретной культуры, под диктовку которой она осуществляется, адаптируя внешние инновации. Например, англичане, проводя политику косвенного управления, исходили именно из этого постулата, пытаясь опереться при организации колониального администрирования на «традиционных вождей», придав доколониальному институту новые функции, исходя из своих интересов. В результате национально-освободительные революции в Африке, где эта политика может быть рассмотрена в качестве научного эксперимента, первоначально произошли именно в английских колониях, а пришедшие к власти элиты в первую очередь отметились отменой института «традиционного вождя» [Бочаров, 2007:67–85].

Опять же европеизированные элиты нередко избирали стратегии развития с опорой на уникальность своих культур (традицию), что также потерпело крах. В частности, в Танзании в 60–70 гг. XX столетия был объявлен курс на возврат к доколониальным общинам «Уджамаа» при модернизации сельского хозяйства. Однако использование традиционного (доколониального) символа не вызвало энтузиазма у крестьян, в результате власть стала применять насилие, что в конечном счете обернулось провалом данного варианта «африканского социализма» Дж. Ньерере.

В общем, социокультурная реальность Востока, возникшая под влиянием западных культур, не вписывается ни в прогрессистские (универсалистские) парадигмы, ни в уникалистские. Между тем при всем многоцветье современных культур Востока в них отчетливо обнаруживаются универсальные характеристики. Они заключаются в повсеместном существовании неформальной социокультурной реальности, оформленной преимущественно по западным образцам:

— в экономике — большой удельный вес неформальной экономики (НЭ), коррупция, «приятельский капитализм»; — в политике — «имитационные демократии» — режимы, не совпадающие с эталонной моделью либеральной демократии; революционизм: социалистический, национально-освободительный, «цветной» [Бочаров, 2012:212–221б]. — в юриспруденции — господство неписаных законов, обычного права, «теневого права», противоречащих официальному законодательству [Бочаров, 2013].

Итак, под традицией/традиционализмом следует понимать не конкретные культурные воплощения прошлого, а **принципы**, которые определяли традиционное общество, и под диктовку которых формируется эта реальность. В каком-то смысле традиционное общество можно соотнести с Примордиальной Традицией Генона, которая распадается у него на Примордиальные Традиции каждого конкретного социума, однако у него Традиции придают мистический смысл, что противоречит принципу научности.

Традиционное общество вошло в научный оборот с подачи М. Вебера, которое он противопоставлял «индустриальному обществу» по идейно-психологическому принципу: господству иррационального мышления, с одной стороны, и рациональному (научному) — с другой [Гофман, 2008: 69–127а; 2008:120–129б]. Традиционное общество — это «идеальный тип», который не существует в реальности в чистом виде, а всегда включают в себя элементы других «типов». Следуя веберовской логике, целесообразно дополнить данный идеальный тип следующими характеристиками:

— в экономике — господство общественной собственности;

- в социальной сфере — предписанные социальные статусы, определяемые преимущественно на принципах родства, пола (гендера) и возраста;
- в потестарно-политической — сакральная власть;
- в правовой сфере — обычное право.

Таким образом, традиционное общество, будучи представленным в реальности в форме конкретных традиционных культур, вступая во взаимодействие с заимствованными западными культурами (экономическими, социальными, политическим, правовыми), образуют традиционалистские культуры, которые являются результатом данного взаимодействия. Конечно, само традиционное общество не было статичным, если учесть, что оно вбирает в себя, по мысли автора, социокультурные образования от самых примитивных до ранних империй. Поэтому в более развитых его формах были представлены элементы частной собственности, рациональной власти и пр. Однако, когда речь идет об «идеальном типе», то данные свойства выступают как несущественные. Использование традиции/традиционализма в данном контексте представляется вполне научным⁷.

Выводы

Изучение традиционализма востоковедением нацелено на создание теории эволюции Востока, представляющего особый социокультурный феномен. Если эволюция Запада была мотивирована внутренними причинами, то Востока — внешними, заимствованными западными культурами (институтами). Иными словами, речь идет о разных типах эволюции Востока и Запада [Бочаров, 2021:312–330].

Разработка особой теории предполагает сбор и обобщение эмпирического материала, связанного с изучением механизмов инклюзии западных новаций в местные традиционные культуры, а также фиксации изменений, происходящих в результате в общественных отношениях реципиентов. Существующие исследования в данной области дают основания предположить, что традиционные культуры переформатировали привнесенные новации в соответствии с собственными приоритетами. В результате общественный контекст если и претерпевал модификации, то весьма далекие от тех, которые ожидалось новаторами (колонизаторами, впоследствии собственными элитами).

⁷ Н. М. Гиренко, рассуждая о «традиции», которая, как известно, создается в прошлом и передается «нам», отметил, что данное понятие, используемое многими дисциплинами, лишено конкретно-научного смысла. Неправомерно отождествляются дихотомии *старое — новое, традиция — инновация*. Однако не бывает старого, архаичного вообще, таковым свойством предмет или явление наделяется лишь по отношению к новому. Необходимо учитывать временную относительность, вне которой категории в отмеченных дихотомиях в принципе не могут иметь конкретно-научного содержания. Для определения соотношения объемов традиции и инновации, из которых состоит любой конкретный социум в момент времени, временной интервал выступает в качестве меры, так как в зависимости от этой единицы соотношение видов информации каким бы образом [мы его ни измеряли, будет меняться. Поэтому, к примеру, один и тот же предмет представители одного социума будут воспринимать в зависимости от принадлежности к возрастной когорте, будь-то: традиция, архаика или инновация [Гиренко, 1991:14–61]. Однако, отмечу, идея справедлива для современного общества. Архаический же менталитет отождествлял инновации, возникшие на протяжении жизни даже одного поколения, с традицией. Поэтому, «туземцы», по наблюдениям антропологов «ничего не знают о силах, определяющих их поведение... , о тех интересах, которые руководят ими, институтах, посредством которых они организуют коллективные действия, и структуре групп, в которые они организованы. Социальная система трансформируется у них в виде священной необходимости, где фигуры, ее составляющие, не подлежат критике или пересмотру» [Fortes 1940: 17]. Поэтому, когда же европейцы задавали вопросы, пытаясь установить мотивы и время появления тех или иных институтов, то слышали в ответ обычную формулу — «так принято» или «это закон наших предков». Иными словами, все, окружавшее их, идентифицировалось как наследие предков — традиция. Причем надо иметь в виду, что антропологи обычно опрашивают старшее поколение, которое, казалось бы, должно помнить о «новациях», которые они наверняка пережили за свой жизненный путь.

Из взаимодействия традиционных и западных культур формируются традиционалистские культуры, составляющие мозаику из фрагментов обеих мировоззренческих систем, размещенных «в умах и сердцах» своих носителей в разных конфигурациях в зависимости от уровня образования, места проживания, социального статуса и пр. Их поведение детерминировано внешней средой, ситуативно сложившейся обстановкой. Оно может быть обусловлено традиционными мотивами, но осмысляться в понятиях и категориях западных культур, и наоборот.

Антропология обладает методами исследования, ориентированными на выявление в сознании носителей реальных детерминант поведения. В основе — апробированный этнографией метод включенного наблюдения, дополненный сегодня современными визуальными практиками. Также используются качественные социологические методы: глубинное, свободное, неформализованное интервью, традиционный анализ документов, фокус-группа, кейс-стади.

В заключении отмечу, что возврат «маятника» в известной мере к универсалистской парадигме, опять же обусловлен, в том числе, политическими мотивами. Выделение Востока в особый социокультурный феномен, разработка теории его эволюции, отражают изменения, имеющие место в геополитической реальности, к переходу к многополярному миру. Измерение цивилизации прогрессистскими парадигмами утратило актуальность, а традиционализм Востока не мыслится маркером недоразвитости/неполноценности или архаики (пережитков), а представляет собой закономерный итог прогрессивного развития, присущий особой социокультурной реальности — Востоку.

Список литературы

1. Аверьянов В. В. От автора // Традиция и динамический консерватизм. М.: Институт динамического консерватизма, Центральный издательский дом, 2012. 696 с. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/578/> (дата обращения: 10.12.2021).
2. Аверьянов В. В. Традиция и традиционализм в научной и общественной мысли России (60–90-е годы XX века) // Общественные науки и современность, 2000, № 1. С. 68–77. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/822/561/1216/007aWERXQNOW.pdf> (дата обращения: 10.12.2021).
3. Бочаров В. В. Власть. Традиции. Управление. Попытка этноисторического анализа современных политических культур Тропической Африки. М.: Наука, 1992.— 192 с.
4. Бочаров В. В. Интеллигенция и насилие (антропологический аспект) // Антропология насилия. 2001, СПб.: Наука. С. 39–88.
5. Бочаров В. В. Колониализм: общественный и культурный процессы // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. Т. 2. СПб.: СПбГУ. 2007. С. 67–85.
6. Бочаров В. В. Власть и время в культуре общества // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. Т. 1. СПб.: СПбГУ. 2006. С. 225–238.
7. Бочаров В. В. «Чеченская война» как социально-возрастной конфликт // Антропология социальных перемен/отв. ред. Э. Б. Гучинова, Г. А. Комарова М.: Политическая энциклопедия, 2011. С. 515–532. (а)
8. Бочаров В. В. Общество и культура в эволюционном процессе // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 272–283. (б)
9. Бочаров В. В. Африка и Россия как субъекты культурального развития // Вестник СПбГУ. Востоковедение-Африканистика. Сер.13. вып.3. 2012. С. 3–14 (а).
10. Бочаров В. В. «Революция» в общественно-политическом развитии Востока // ЖССА. 2012. Т. 15. № 6. С. 212–221(б).

11. *Бочаров В. В.* Неписанный закон. Антропология права. 2013, СПб.: РХГА,— 386 с.
12. *Бочаров В.В., Дьяков Н. Н., Гегамян В. Г.* Социально-культурная антропология народов Азии и Африки в востоковедческом дискурсе//Вестник СПбГУ. Востоковедение-Африканистика. Т. 13. вып.3. 2021. С. 312–330.
13. Введение в востоковедение. СПб.: КАРО, 2011. С. 15–24
14. Величественная программа строительства коммунизма и задачи этнографов // СЭ, № 2, 1959. С. 3–9
15. *Вольтер Ф. М.* Опыт о нравах и духе наций. Русский вольный перевод. Новое расположение истории человеческого разума. СПб.: Тип. Артиллер. и инж. кад. корпуса 1775. 4, 125, 1 с.
16. *Генон Р.* Очерки о традиции и метафизике / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. СПб.: Азбука, 2000.— 317 с.
17. *Генон Р.* Восток и Запад. М.: Беловодье, 2005. 234 с. URL: https://royallib.com/book/genon_gene/vostok_i_zapad.html (дата обращения: 10.12.2021).
18. *Гердер И.Г.* 1959. Избранные сочинения. Пер. с нем. М.; Л.: Гослитиздат.— 663с.
19. *Гердер И. Г.* Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 704 с.с. 230
20. *Гиренко Н. М.* Динамика биосоциальной системы в естественноисторическом процессе // Африканский этнографический сборник. XV, Л.: Наука, 1991, С. 4–61.
21. *Гиренко Н. М.* Взаимодействие культуры и общества. // Социология племени. Становление социологической теории и основные компоненты социальной динамики. СПб, Carrilon, 2004. С. 472–495.
22. *Головнев А. В.* Этнография в российской академической традиции. — Этнография, 2018, № 1. С. 6–39
23. *Гофман А. Б.* Теории традиции в социологической традиции: от Монтескье и Бёрка до Макса Вебера и Хальбвакса // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики. Под ред. А. Б. Гофмана. — М.: РОССПЭН, 2008. С. 69–127. (а)
24. *Гофман А. Б.* Традиционное или рациональное? Интерпретация традиции в творчестве М. Вебера // Социологические исследования. № 4, 2008. С. 120–129.(б)
25. *Гудков Л.* Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Отечественные записки. 2002. № 3. С. 47–60;
26. *Дугин А.* Консервативная Революция // Элементы № 1,1992 URL: <http://elements.lenin.ru/1konsrev.htm> (дата обращения: 10.12.2021).
27. *Дугин А.* Метафизика Благой Вести. Православный эзотеризм. М.: 1996 (а) URL: <http://arcto.ru/article/65> (дата обращения: 10.12.2021).
28. *Дугин А.* Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996.191 с. (б).
29. *Зильберман Д. Б.* Традиция как коммуникация: трансляция ценностей; письменность // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 72–105.
30. *Кал Н.* Правда о социализме в Кампучии URL: (<https://studfile.net/preview/7013720/>) (дата обращения: 10.12.2021).
31. *Кара-Мурза С. Г.* Россия как традиционное общество // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 1997. С. 22–25.
32. *Клейн Л. С.* История антропологических учений. СПб: Изд-во СПбГУ. 2014. 744 с.
33. Концепции современного востоковедения. СПб.: КАРО,— 464 с.
34. *Кураев А.* Традиция. Догмат. Обряд. М.: 1995 URL: <https://azbyka.ru/tradiciya-dogmat-obryad> (дата обращения: 10.12.2021).
35. *Ламажаа Ч. К.* Архаизация, традиционализм и неотрадиционализм // Знание, понимание, умение. № 2, 2010. С. 88–93.

36. *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 8. М.: Гос. издательство политической литературы, 1957.
37. Неотрадиционализм: «архаический синдром» и конструирование новой социальности в процессе глобализации/ред. Бочаров В. В., Попов В. А. СПб.: КИО, 2019.— 320 с.
38. *Панченко А. Б.* От народничества к народоведению: становление Д. А. Клеменца как этнографа //Три века российской этнографии: страницы истории. М.: ИАЭ РАН, 2018. С. 60–80.
39. *Руднев В. А.* Советские обычаи и обряды, Л.: Лениздат,1974.— 154 с.
40. *Самылов О. В.* Становление историзма в философии немецкого просвещения (Иоганн Гердер). СПб.: СПбГУСЭ, 2011.— 159 с.
41. *Спенсер Г.* Основания социологии. Т. 2., СПб.: 1898
42. *Сурков В. Ю.* Русская политическая культура. Взгляд из утопии. Лекция Владислава Суркова. Материалы обсуждения в «Независимой газете». — М.: Издательство Независимая Газета., 2007.— 96 с.
- a. *Терентьева Л. Н.* Формирование новых обычаев и обрядов в быту колхозников Латвии//СЭ,1961, № 2. С. 24–40
- b. *Тишков В. А.* Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001,— 552 с.
43. *Токарев С. А.* Истоки этнографической науки. (До середины XIX в.). // М.: 1978.— 168 с.
44. *Толстов С.П., Жданко Т. А.* Пути развития и проблемы советской этнографии// Вопросы истории, № 7, Июль 1964. С. 3–20
45. *Успенская Е. Н.* Антропология индийской касты. СПб.: Наука. 2010.— 557с.
46. *Фергюсон А.* Опыт истории гражданского общества. 1767, М.: РОССПЭН, 2000
47. *Чистов К. В.* Традиция, “традиционное общество” и проблема варьирования// СЭ, 1981, N 2. С. 105–107.
- a. *Шляпентох В.* Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. М.: Столица-Принт, 2008.— 328 с.
48. *Шпенглер О.* *Закат Европы.* М.: Мысль, 1993. Т. 1.— 665 с.
49. *Eisenstadt S. N.* Tradition, Change, and Modernity. New York, Sydney, Toronto: John Wiley, 1973.— 367p.
50. *Fortes M., Evans-Pritchard E. E.* African Political Systems. London, 1940. 302p.
51. *Kuper A.* The invention of primitive society: Transformation of an illusion. London & New York, Routledge, 1988,— 264 p.
52. *Said E.* Orientalism. London, 1977.— 345 p.
53. *Shils E.* Centre and Periphery. In: The Logic of Personal Knowledge. Essays Presented to Michael Polonai on his Seventieth Birthday. London: Routledge and Kegan Paul, 1961, P. 117–30.
54. *Zammito J. H.* Kant, Herder, and the birth of anthropology. Chicago, University of Chicago Press. 2002.— 576 p.

References

1. *Averyanov V. V.* From the author. Tradition and dynamic conservatism. Moscow. *Institut dinamicheskogo konservatizma, Tsentral'nyi izdatel'skii dom*, 2012, 696 p. (<http://www.dynacon.ru/content/articles/578/>). (date of access: 10.12.2021). (In Russian).
2. *Averyanov V. V.* Tradition and traditionalism in scientific and social thought in Russia (60–90s of the XX century). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2000, no.1, pp. 68–77. (In Russian).

3. Bocharov V. V. Power. Traditions. Government. An attempt at ethnohistorical analysis of contemporary political cultures of Tropical Africa. Moscow, Nauka, 1992. 192 p. (In Russian).
4. Bocharov V. V. Intelligentsia and Violence (Anthropological Aspect). *Antropologiya nasiliya*, St. Petersburg, Nauka, 2001, pp. 39–88. (In Russian).
5. Bocharov V. V. Colonialism: social and cultural processes // *Antropologiya vlasti. Khrestomatiya po politicheskoi antropologii*. St. Petersburg, SpbSU Publ., 2007. Vol.2, pp. 67–85. (In Russian).
6. Bocharov V. V. Power and time in the culture of society. *Antropologiya vlasti. Khrestomatiya po politicheskoi antropologii*. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2006, vol. 1, pp. 225–238. (In Russian).
7. Bocharov V.V. “Chechen war” as a social-age conflict. *Antropologiya sotsial'nykh peremen/* Ed. E. B. Guchinova, G. A. Komarova. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2011, pp. 515–532. (In Russian).
8. Bocharov V. V. Society and culture in the evolutionary process//*Antropologicheskii forum*.2011. no. № 14. pp. 272–283. (b). (In Russian).
9. Bocharov V. V. Africa and Russia as subjects of cultural development // *Vestnik SPbGU. Vostokovedenie-Afrikanistika*. Ser.13. issue 3. 2012. pp.3–14 (a). (In Russian).
10. Bocharov V.V. “Revolution” in the socio-political development of the East. *ZhSSA*, 2012, vol.15, no. 6. pp. 212–221 (In Russian) (b).
11. Bocharov V. V. Unwritten law. Anthropology of law. St. Petersburg, RkhGA Publ., 2012, 386p. (In Russian).
12. Bocharov V.V., Dyakov N. N., Gegamyayn V. G. Socio-cultural anthropology of the peoples of Asia and Africa in oriental discourse. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian Studies. African Studies*, 2021, vol.13, issue 3, pp. 312–330 (In Russian). *Introduction to Oriental Studies*. St. Petersburg, Karo Publ., 2011,— 584 p. (In Russian).
13. *The majestic program of building communism and the tasks of ethnographers. Sovetskaya etnografiya*, no.2, 1959, pp.3–9 (In Russian).
14. Voltaire F. M. Experience about the morals and spirit of nations. Free Russian translation. The new location of the history of the human mind. St. Petersburg, Tip. Artiller. i inzh. kad. Korpusa, 1775. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_A1_12090/ (date of access: 10.12.2021). (In Russian).
15. Guénon R. Essays on tradition and metaphysics/transl. with fr. V. Yu. Bystrova. St. Petersburg, Azbuka, 2000, 317 p. (In Russian).
16. Guénon R. East and West. Moscow, Belovodye, 2005, 234 p. URL. https://royallib.com/book/genon_rene/vostok_i_zapad.html (date accessed: 12/10/2021). (In Russian).
17. Herder I. G. Selected Works. Moscow, Goslitizdat, 1959,— 663p. (In Russian).
18. Herder I. G. Ideas for the philosophy of the history of mankind. Moscow, Nauka, 1977,— 704p. (In Russian).
19. Girenko N. M. Dynamics of the biosocial system in the natural-historical process. *Afrikanskii etnograficheskii sbornik*, Leningrad. Nauka. Vol. XV,1991, pp. 4–61. (In Russian).
20. Girenko N. M. Interaction of culture and society. *Sotsiologiya plemeni. Stanovlenie sotsiologicheskoi teorii i osnovnye komponenty sotsial'noi dinamiki*, St. Petersburg, Carrilon, 2004, pp. 472–495 (In Russian).
21. Golovnev A. V. Ethnography in the Russian academic tradition. *Etnografiya*, 2018, no. 1, pp. 6–39 (In Russian).
22. Goffman A. B. Theories of tradition in the sociological tradition: from Montesquieu and Burke to Max Weber and Halbwachs. *Traditsii i innovatsii v sovremennoi Rossii*.

- Sotsiologicheskii analiz vzaimodeistviya i dinamiki/* Ed. A. B. Hoffman. Moscow, ROSSPEN, 2008, pp. 69–127. (In Russian) (a).
23. Hoffman A. B. Traditional or Rational? Interpretation of tradition in the work of M. Weber. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2008, no.4, pp. 120–129. (In Russian) (b).
24. Gudkov L. Russian neotraditionalism and resistance to change. *Otechestvennye zapiski*, 2002, no. 3, pp. 47–60 (In Russian).
25. Dugin A. Conservative Revolution. *Elementy*, no.1, 1992. URL. (<http://elements.lenin.ru/1konsrev.htm>). (date of access: 10.12.2021) (In Russian).
26. Dugin A. Metaphysics of the Good News. Orthodox esotericism. Moscow, 1996 (a) URL. (<http://arcto.ru/article/65>). (date of access: 10.12.2021). (In Russian).
27. Dugin A. Mysteries of Eurasia. Moscow. Arktogeya, 1996, 191 p. (b). (In Russian).
28. Zilberman D. B. Tradition as communication: transmission of values; writing. *Voprosy filosofii*. 1996, no. 4. pp.72–105. (In Russian).
29. Kal N. The truth about socialism in Kampuchea (<https://studfile.net/preview/7013720/>) (date accessed: 10.12.2021). (In Russian).
30. Kara-Murza S. G. Russia as a Traditional Society. *Kuda idet Rossiya? Obshchee i osobennoe v sovremennom razviti*, Moscow, Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, 1997, pp. 22–25. (In Russian).
31. Klein L. S. History of anthropological teachings. St. Petersburg, Publishing house of St. Petersburg State University, 2014, 744 p. (In Russian). *Concepts of modern oriental studies*. St. Petersburg, Karo Publ., 2013,— 464 p.
32. Kuraev A. Tradition. Dogma. Rite of passage. Moscow, 1995. URL. (<https://azbyka.ru/tradiciya-dogmat-obryad>). (date of access: 10.12.2021). (In Russian).
33. Lamazhaa Ch. K. Archaization, traditionalism and neo-traditionalism. *Znanie, ponimanie, umenie*, no. 2, 2010, pp. 88–93 (In Russian).
34. Marx K. Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte. Marks K. i Engel's F. Soch. Vol.8. Moscow, State Publishing house of political literature, 1957 (In Russian).
35. *Neotraditionalism: “archaic syndrome” and the construction of a new sociality in the process of globalization /*Ed. V. V. Bocharov, V. A. Popov. St. Petersburg, IVR RAN Publ., 2019,— 320 p. (In Russian).
36. Panchenko A. B. From populism to ethnology: the formation of D. A. Clemenza as an ethnographer. *Tri veka rossiiskoi etnografii: stranitsy istorii: stranitsy istorii*. Moscow, IAE RAN Publ., 2018, pp. 60–80. (In Russian).
37. Rudnev V. A. Soviet customs and rituals. Leningrad, Lenizdat, 1974,— 154 p. (In Russian).
38. Samylov O. V. The Formation of Historicism in the Philosophy of German Enlightenment (Johann Herder). St. Petersburg, SPbGUSE Publ., 2011,— 159 p. (In Russian).
39. Spencer G. Foundations of Sociology. St. Petersburg, I. I. Bilibin Publishing house, Vol.2. 1898,— 412 p. (In Russian).
40. Surkov V. Yu. Russian political culture. A look from utopia. Lecture by Vladislav Surkov. Discussion materials in “Nezavisimaya Gazeta”. Moscow, *Publishing house Nezavisimaya Gazeta*, 2007,— 96 p. (In Russian).
41. Tishkov V. A. Society in an armed conflict (ethnography of the Chechen war). Moscow, Nauka, 2001,— 549 p. (In Russian).
42. Tokarev S. A. The origins of ethnographic science. (Until the middle of the 19th century). Moscow, Nauka, 1978,— 168 p. (In Russian).
43. Tolstov S.P., Zhdanko T. A. Ways of development and problems of Soviet ethnography. *Voprosy istorii*, 1964. No. 7. pp. 3–20. (In Russian).
44. Uspenskaya E. N. Anthropology of the Indian caste. St. Petersburg, Nauka, 2010,— 557p. (In Russian).

45. Ferguson A. Experience of the history of civil society. Moscow, ROSSPEN, 2000,— 391 p. (In Russian).
46. Chistov K. V. Tradition, “traditional society” and the problem of variation. *Sovetskaya etnografiya*, 1981, no.2, pp. 105–107. (In Russian).
47. Shlyapentokh V. Modern Russia as a feudal society. A new perspective on the post-Soviet era. Moscow, Stolitsa-print, 2008.— 328 p. (In Russian).
48. Spengler O. Decline of Europe. Moscow, Mysl', 1993, vol. 1,— 665 p. (In Russian).
49. Eisenstadt S. N. Tradition, Change, and Modernity. New York, Sydney, Toronto: John Wiley, 1973.— 367p.
50. Fortes M., Evans-Pritchard E. E. African Political Systems. London: 1940.— 302p
51. Kuper A. The invention of primitive society: Transformation of an illusion. London & New York: Routledge, 1988,— 264 p.
52. Said E. Orientalism. London, 1977,— 345 p.
53. Shils E. Center and Periphery. In: The Logic of Personal Knowledge. Essays Presented to Michael Polonai on his Seventieth Birthday. London: Routledge and Kegan Paul, 1961, 117–30.
54. Zammito J. H. Kant, Herder, and the birth of anthropology. Chicago. University of Chicago Press, 2002,— 576 p.

Информация об авторе

Виктор Владимирович Бочаров — доктор исторических наук, профессор кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки, Санкт-Петербургский государственный университет.

Email: victana2007@rambler.ru

Author's Information

Viktor V. Bocharov — Dr. Sci. in History, Professor, the Department of Theory of Social Development of Asian and African Countries, St. Petersburg State University.

Email: victana2007@rambler.ru

УДК: 94(5)+929+308

Н.Н. Дьяков

Санкт-Петербургский государственный университет

А.О. Победоносцева-Кая

Санкт-Петербургский государственный университет

Харизматическое лидерство в традиционном обществе народов Передней Азии и Северной Африки¹

Аннотация: Статья содержит обзор и анализ ряда влиятельных этноконфессиональных групп и нетрадиционных течений в странах мусульманского Востока — Передней Азии и арабского Запада — Магриба. Работа открывается характеристикой роли езидов и друзов в религиозной истории и в традиционной социальной практике народов Ближнего Востока (Ирак, Сирия, Ливан, Курдистан). Харизма, ниспосланная свыше благодать-барака, веками играла особую роль в мире ислама. На Востоке примерами вероисповеданий с заметной ролью концепции харизмы являются езидизм и друзизм. Езидизм возник и развивался в историческом регионе Курдистана и Закавказья, друзизм — в историческом регионе Сирии. Обе эти конфессии по ряду своих особенностей близки к некоторым, более закрытым мусульманским суфийским тарикатам. И езидизм, и друзизм в первые века своего существования допускали прозелитизм и миссионерство. В дальнейшем они обе “закрываются” от внешнего мира, пытаясь сохранить свое учение и передавая бараку только в своей среде.

Роль харизматических духовных лидеров рассматривается далее в разделе, посвященном значению и влиянию божественной благодати в духовной традиции и практике мусульман Северной Африки. На примере шерифов — благородных потомков Мухаммада, а также представителей суфийских братств — тарикатов, их обитателей-завий и народных проповедников-мистиков — марабутов, исследуются место и роль локальных харизматических вождей в религиозной и политической истории Магриба (Алжир, Марокко, Тунис, Триполитания) в предколониальный и колониальный периоды (XV–начало XX вв.). На рубеже XVIII–XIX в. вновь наметился рост влияния тарикатов и отдельных марабутов, сыгравших затем немалую роль в политическом развитии региона вплоть до падения здесь в середине XX в. французского колониального господства. Библиография: 51 наименование.

Ключевые слова: друзы, езиды, суфизм, мусульманский мистицизм, шерифы, марабуты, харизма-барака

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке КН РА (20RF-189) и РФФИ (РФ) (проект 20–59–05006) в рамках совместной научной программы.

Nikolay N. Dyakov
Saint Petersburg State University
Angelika O. Pobedonostseva-Kaya
Saint Petersburg State University

Charismatic leadership in traditional societies of Western Asia and North Africa²

Summary: The article represents a general survey and analysis of the several ethno-confessional groups and religious minorities and their role in the history of the Muslim East — the lands of Western Asia, and the Arab West — the Maghreb area. The author starts with a description of the yezidi and druze communities and their role in religious and political history of the region, in traditional social institutions of the Near East countries (Iraq, Syria, Lebanon, Kurdistan, etc.).

The role of local charismatic leaders and the concept of a blessing-*baraka* — in spiritual life of the traditional society of the Muslim West — the Maghreb is analyzed in the second part of the article, dedicated to Muslim elites, the sheriffs-*shorfa*’, and the indigenous mystics, the marabuts-*mrabtin* belonging to different sufi orders, the tariqas, their schools and centers — the zawiyas. Spiritual and political role of the sherifs and marabuts before and during the French colonial presence in the Maghreb is considered to be significant from the first years of the French invasion till the fall of the colonial regimes in the region in the middle of the 20th C.

For centuries the charismatic leaders in traditional societies and local social structures of the peoples of the Near East and the Arab West (the Maghreb) brought their considerable contribution to the religious and political evolution of the mentioned regions, with their influence still being significant in the everyday life of millions of indigenes both in the countries of Western Asia and North Africa (Refs. 51)

Keywords: Druzes, Yezidis, sufism, islamic mysticism, sherifs, marabuts, charisma-baraka

1. Друзы и езиды в традиционной духовной и социальной практике народов Передней Азии (А.О. Победоносцева-Кая)

На востоке мусульманского мира примерами вероисповеданий с заметной ролью концепции и самого феномена харизмы являются друзизм и езидизм. Друзизм развился в историческом регионе Сирии, езидизм возник и развивался в историческом регионе Курдистана и Закавказья. Обе эти конфессии по ряду своих особенностей близки к некоторым, более закрытым мусульманским суфийским тарикатам.

Друзы как региональное религиозное сообщество — братство

Друзское религиозное учение отделилось от основных направлений ислама в XI в. и опиралось главным образом на исламские источники, подобно учениям других мусульманских сект первых веков ислама. В первые столетия своего существования в условиях суннитского политического господства шиитская община, будучи секретной и отделенной от традиционной религиозной мысли, постепенно отошла от ортодоксальных исламских верований и практики. Параллельно в шиизм проникло немало идей извне, в частности, из христианского мистицизма с его культом мученичества. По мере развития шиизма это течение воспринимало идеи и из наследия других ближневосточных религий, прежде всего, мессианскую концепцию махди, неразрывно связанную с понятием харизмы.

Эту концепцию поддержало течение, известное сегодня как исмаилиты, или же семеричники, в отличие от остальных шиитов (последователей так называемого исна’ашаритского (двенадцатиричного) шиизма), которые продолжили следовать младшему брату Исма’ила, Мусе, и его преемникам вплоть до двенадцатого, последнего имама Мухаммада ал-Мунтазара, исчезнувшего еще ребенком после смерти своего отца. По их представлениям, он является истинным Махди и «повелителем времени» (ка’им аз-заман).

В идейном отношении, как отмечает израильский друзский исследователь Каис М. Фирро, «двенадцатиричные шииты так никогда существенно и не отделились от устоявшегося ислама суннитов». Исмаилизм же «воспринял и развил разнообразные религиозные элементы, которые отделили его от его же шиитских и суннитских истоков» [Firro 1992: 5]. К идеям, почерпнутым исмаилитами из общего исламского наследия, они прибавили новые заимствования из неоплатонизма и индийских религиозно-философских учений.

В исмаилитской традиции и практике, касающейся духовной преемственности, «ученик, а не родной сын является истинным наследником», поэтому отсутствие кровного наследования не имело значения [Lewis 1975: 21]. Фактически для исмаилитов «материальные взаимоотношения между отцом и сыном, затрагивающие лишь ничтожное бренное тело, рассматривались как менее важные и менее реальные, нежели духовные взаимоотношения между наставником и учеником, которые проистекали из бессмертности души» [Ibid: 44].

Хотя исмаилиты оставались меньшинством в шиитском меньшинстве, однако им удалось стать активной силой в исламском мире и в первые десятилетия X в. создать для себя политическую базу в Северной Африке. После завоевания ими Египта (969 г.) они основали исмаилитский халифат Фатимидов, бросивший вызов багдадскому халифату суннитской династии Аббасидов.

К моменту восшествия на престол ал-Хакима Биамриллага (996–1021) многим последователям исмаилизма казалось, что они уже достаточно ждали, и что пришло время для появления ал-махди (ал-ка’има). Растущее отчаяние от того, что махди не появляется,

² This work was supported by CS PA (program 20RF-189) and the RFBR (RF) (program 20–59–05006) in the framework of the joint scientific program.

стало подрывать авторитет проповедников-да'и. Именно в этих условиях среди исмаилитов возникает движение, которое и даст начало друзской религии [Assaad 1974: 38–39]. В этой атмосфере мессианских ожиданий зарождается вера в то, что именно халиф ал-Хаким и является тем самым ожидаемым избавителем (махди). Как религиозное движение друзизм появляется на тринадцатый год правления этого халифа (400 г. по хиджре либо 1009–1010 г. от Р. Х.). В это время ряд исмаилитских религиозных лидеров в Каире начинают открыто обсуждать фигуру ал-Хакима в данном качестве, цитируя «места из богооткровенных писаний, которые они истолковывали как указывающие на [появление] Хакима как выполнение данного обещания» [Abu Izzeddin 1984: 101]. Десятью годами позже сторонники таких взглядов идут дальше и публично провозглашают ал-Хакима воплощением Божества [Ibid: 101; Assaad 1974: 39; Brayer 1976: 66].

Монотеистическая концепция, получившая известность как учение друзов (ад-дурзийя), была разработана теологами, обучавшимися в фатимидских исмаилитских школах «Обитель мудрости» (дар ал-хикма) и «Обитель науки» (дар ал-'илм). Во времена правления ал-Хакима эти школы стали выдающимися учреждениями, в которых изучались и обсуждались вопросы религии, медицины, логики, математики, философии, истории и филологии. Разнообразие обсуждавшихся в этих научных центрах предметов и учений, а также известное вольнодумство, отличавшее эти дискуссии, делало «Дар ал-хикма» поистине уникальным местом, где выдвигались самые смелые для того времени идеи. Основы друзского вероучения содержатся в сборнике «Посланиях мудрости» (Раса'ил ал-хикма), подготовленном М. А. Родионовым и В. В. Полосиным [Раса'ил ал-хикма I–XIV].

После того, как молва о мессианстве, или даже божественности, ал-Хакима распространилась в народе, Хамза ибн 'Али ибн Ахмад аз-Заузани, исмаилитский ученый, выходец из современного Западного Афганистана, изложил соответствующее учение в упорядоченной и официальной форме. Прибыв в Каир в 407 г. по хиджре/ 1016 г. от Р. Х., Хамза вскоре стал ведущей фигурой среди тех, кто уверовал в ал-Хакима как Махди, группы, которая с началом друзского движения «отринула мирское и вела жизнь духовную» [Abu Izzeddin 1984: 102]. В первый же день нового года (408/1017) сам халиф издал прокламацию (сиджилл), в которой провозгласил себя инкарнацией Бога и призвал своих последователей публично практиковать эту веру в форме регулярного поклонения.

Повседневными вопросами, связанными с имаматом, занялся после этого Хамза. На протяжении последующих трех лет он активно организовывал и осуществлял миссионерскую деятельность да'ват или же «Божественный призыв», обращая людей в новую веру на землях Фатимидского халифата. Решающей инновацией Хамзы было представление ал-Хакима в качестве не только имама какого бы то ни было уровня возвышенности, но и как «самого неопишуемого Его (при этом к Хамзе переходил освободившийся имамат)» [Hodgson 1962: 13].

В миссионерских начинаниях Хамзе особенно помогали два его ученика, Баха'уддин ас-Самуки и Мухаммад ад-Дарази. Именно Дарази приписывают распространение новой религии в Южном Ливане, который считается ее центром сегодня [Makarem 1974: 11]. Такая преемственность учитель-ученик позволяет представить друзское вероучение не только в виде наследуемой бараки-харизмы, но и в виде суфийского тариката.

После ухода ал-Хакима со сцены Хамза немедленно скрылся, а новый халиф аз-Захир (1021–1035) тут же «отказался от любых претензий своих предков на божественную сущность и пригрозил уничтожить силой оружия тех, кто придерживается таких убеждений» [Hitti 2002: 621; Assaad 1974: 190–91, 183; Abu Salih 1895: 154; Sacy 1838: CCCCXVI; Abu Izzeddin 1984: 105]. Верный своему слову, аз-Захир безжалостно преследовал последователей новой друзской веры и преуспел в истреблении их практически во всех их основных центрах — от Каира на юге до Алеппо на севере.

Говоря об основах концепции харизмы на уровне обычных верующих друзов следует отметить, что она фактически связана с верой в переселение душ. Последняя остается твердой, и даже в наши дни широко распространены рассказы о том, как в некоей деревне появлялись молодые люди, утверждавшие, что они являются воплощением какого-либо скончавшегося члена общины.

На вершине религиозной иерархии друзов находятся несколько избранных шейхов, ведущих аскетичный, поистине монашеский образ жизни. Их жизнь фактически сводится к духовным исканиям в стремлении познать Божественное, основываясь на постижении таухида-единобожия. О них много говорят в друзской общине, рассказывая об их личности, образе жизни, практике религиозного поклонения и снискания религиозного знания, а по сути и бараки. Сан и символизирующий его тюрбан в форме короны дается избранному лицу в ходе специальной церемонии, так называемой «коронации» (татвидж) с участием коллег и последователей. В этой церемонии могут принимать участие и шейхи более низких рангов, но избирают достойного претендента лишь шейхи, чей уровень религиозного познания, по меньшей мере, не ниже уровня избираемого лица. Ниже в иерархии стоит категория “знающих” (араб.: джавид, мн. аджавид), носящих белый тюрбан в форме цилиндра. Они также нередко носят черные одеяния с зелеными, красными, желтыми, голубыми или белыми полосами, символизирующими «пять пределов» (худуд) мудрости — разум, самость, слово, предшественника (или правое крыло) и последователя (или левое крыло). Для *аджавид* характерна строгая эндогамия [Khuri 1990: 205].

Харизматические лидеры друзов (XVI–XX вв.)

Важнейшую роль в формировании друзской веры и общины в их нынешнем виде сыграло существование в XVI–XVII вв. друзской государственности. После того, как друзское княжество пришло в упадок, друзы постепенно ушли с политической арены и к началу XX в. стали пусть и заметным, но лишь одним из ряда меньшинств региона.

На пике своего могущества в середине XV в. друзский эмират Танухи простирался от Триполи в Северном Ливане до Сафед (Цфата) в Галилее [Abu Izzeddin 1984: 166]. Друзы продолжали быть покорными Стамбулу и во времена правления эмиров друзской династии Ма'н, которая пришла на смену князьям Танухи после распространения османской власти на всю Сирию, Египет и священные города Аравии в 1516 г.

Маловероятно, что семья Ма'н исповедовала друзизм до своего прихода в друзские районы, но его претензии на принадлежность к нему и связанное с этим положение в социальной иерархии, которое передавалось по наследству, позволяло претендовать на бараку-харизму, необходимую правителям. Как и в случае с семьей Джумблат, которая появилась среди друзов в более поздние годы правления Фахруддина II (примерно в 1610 г.), вопрос о том, как представители рода Ма'н были приняты в друзскую общину, если официально после 1043 г. новых случаев обращений в религию уже не было, остается открытым.

Габриель Бен-Дор, признавая, что Джумблаты «были приняты в качестве друзов» [Ben-Dor 1979: 10], отмечает, что «мы не знаем, как это им удалось» [Ibid: 47]. Вероятно, что они просто объявили себя членами общины и по политическим соображениям были приняты маша'их ад-дин и самой общиной. Камаль Джумблат в своей книге [Jumblatt 1982: 26–27] признает, что «мы не вполне уверены относительно времени нашего обращения в друзскую веру», но, указывая на то, что друзы присутствовали в окрестностях Алеппо с момента появления учения, высказывает предположение, что, «вполне вероятно, что наши предки были друзьями уже тогда, когда они проживали в районе Алея».

Второй князь династии Ма'нидов, Фахруддин I, был вызван в Дамаск и убит османским губернатором (вали) в 1544 г.; его преемник, всегда старавшийся держаться вдали от султанской власти, умер в бегах, оставив после себя двух очень маленьких сыновей.

Наряду с незаурядными личными способностями именно концепцией наследственной харизмы и следует объяснять то, что, старший из них, Фахруддин II, несмотря ни на что смог стать величайшим из друзских правителей Горного Ливана (правил в 1590–1633 гг.). Он традиционно считается основателем первого автономного ливанского государства. В качестве правителя Горного Ливана Фахруддин II работал, по мнению Хитти, над достижением трех целей: «создание Великого Ливана, разрыв последнего звена цепи, которая привязывала Ливан к Стамбулу, и направление его на путь “обновления” и прогресса» [Hitti 1961: 451].

Когда последний эмир из династии Ма'нидов скончался в 1697 г., не оставив после себя наследников мужского пола, собрание друзских старейшин и шейхов избрало Башира, одного из членов семьи Шихаб, на освободившийся престол. Шихабы традиционно княжили в Вади ат-Тейм, были связаны родственными узами с Ма'нидами через брачные союзы и считали, что происходят от мекканских курайшитов — племени, к которому принадлежал и сам Пророк Мухаммад. На протяжении полутора столетий (1697–1842) «шихабы посредством феодальной иерархии князей и шейхов поддерживали два принципа — местного самоуправления и наследственной преемственности» [Ibid: 452]. Укрепив свою власть, Шихабы заняли неопределенную позицию в отношении собственных религиозных убеждений, и зачастую создавалось впечатление, что они принимают все три основных религии страны — друзизм, маронитское христианство и суннитский ислам. Мансур, четвертый правивший князь династии Шихабов (1754–1770), вскоре после своего восшествия на престол принял христианство маронитского толка, и к началу XIX в. друзская ветвь семьи вымерла, «окончательно обрекая друзов на упадок» [Salibi 1990: 14].

Политические и религиозные иерархии постоянно взаимодействовали и ставили вопрос о харизме в друзской общине и в новейшее время. В некоторые времена обе иерархии объединялись в личности какого-либо выдающегося вождя. Примером тому может служить Камаль Джумблат (1917–1977), пользовавшийся глубоким уважением во всех слоях друзской общины. Его уважали и за его религиозные познания, и за политическое мастерство. Предшественниками Камала Джумבלата в этом качестве были эмир Фахруддин, живший во времена эмирата Ма'нидов шейх Мухаммад Абу Хилал («Благочестивый шейх»), а также живший во времена эмирата Танухидов Сайид Абдуллах, о котором подробно говорилось выше.

Езиды как адавиты

Не менее закрытой конфессией, чем друзизм, является религия езидов. Говоря о сходстве между езидизмом и суфизмом, представители езидского духовенства напоминают о многообразии самого суфизма и размытости его границ. Действительно, последний представляет собой множество учений, связанных с аскетическим образом жизни и нередко наследовавших древние религиозно-философские традиции.

Зачастую суфии-дервиши преследовались за свои убеждения светскими властями и могущественными религиозными иерархами. В результате любая религиозная практика, отклонявшаяся от нормы, установленной господствующей конфессией, могла легко оказаться приписанной суфизму. В езидизме, признают его иерархи, действительно присутствует схожие с суфизмом терминология и идеи о мироустройстве. Но суфизм все же является конгломератом мистических течений внутри ислама, и это проводит четкую границу между езидами и суфиями. Как отмечают представители езидизма, «сами езиды считают себя дервишами, но не в контексте мусульманства» [Авдоев, 2017: 400].

На протяжении всего периода изучения езидов отечественный курдовед и езидовед О. Л. Вильчевский придерживался точки зрения, что езидизм является тайной исламской сектой, «возникшей как реакция широких народных масс против усиления феодального

гнета и сохранившей значительные реминисценции древних верований Малой Азии» [Научный архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (НА МАЭ РАН) Ф.17 Оп.1 Д.99 Л.5], и «в которой элементы исламского суфизма и дервишизма причудливо переплетены с чертами, заимствованными из крайних христианских сект, а также из зороастризма, манихейства и ряда древних малоазиатских культов, в том числе — курдских родовых верований» [НА МАЭ РАН Ф.17 Оп.1 Д.75 Л.1].

Концептуально в понимании божественной благодати — харизмы (*барака*) езиды не только близки к суфизму, но и почитают знаменитых суфиев, удостоенных такого благословения вследствие познания ими Бога. Езидизм не отрицает, что почитаемый в качестве пророка езидской религии Шейх Ади ибн Мусафир сам был дервишем, общался со многими знаменитыми суфиями, выражал идеи, сходные идеям авторитетнейших представителей суфизма. Помимо собственно езидских святых, езидизм отводит особое место в ряду почитаемых лиц таким известным исламским суфиям, как аль-Халладж Мансур, Абдулкадир Гилани, Баязид Бистами, Хасан Басри и т.д. Почитание исламских мистиков-суфиев в езидизме обосновывается тем, что многие их идеи, принципы познания Всевышнего, формулировались и излагались на языке своего времени. Позднее последователи некоторых из таких мистиков объединялись в братства — тарикаты (нп., *кадирийя*, *накибандийя*, *рифаййя* и пр.), со временем ставшие признанными духовно-мистическими школами и течениями в рамках ислама. Что касается адавитов, т.е. последователей Шейха Ади, то они являются отдельной религиозной общиной, которая продолжила некоторые древние традиции. В силу отсутствия достоверных исторических свидетельств весьма проблематичным, к сожалению, представляется проследить развитие езидизма на протяжении всей его длительной истории.

Социальная и духовная кастовая иерархия у езидов

Шейх Ади создал своеобразный езидский совет, в рамках которого сорок шейхов и сорок пиров начали решать религиозные и политические вопросы, касающиеся езидской общины. Но, пожалуй, самой далеко идущей по своим последствиям реформой, которую езидские предания приписывают Шейху Ади, стало введение так называемой системы «*крамок и границ*» (курд. *Hed û Sed*) — она стала основой для нынешней иерархической системы езидской общины, построенной на кастово-теократическом принципе. При этом «*социальная иерархия в точности соответствует и сливается с религиозной иерархией*» [Khuri 1990: 194]. Это слияние, которое характерно и для езидов, и для друзов в концептуальном плане связано именно с понятием харизмы.

Самый верхний слой этой иерархии стали образовывать три шейхских рода: Катани, Шамсани и Адани. За каждым из этих шейхских домов закреплено исключительное право на одну из ключевых должностей в езидской духовной и светской иерархии. Представитель Катани является миром (наследственный титул светского главы езидской общины, эмира, передается внутри одной из семей этого рода), Шамсани — *Баба Шейхом* (религиозный глава езидской общины), а Адани — *нешимамом* (распорядитель религиозных церемоний). Второй слой в иерархии образовали другие шейхи и пиры, а ниже их находятся миряне-мриды.

Представитель духовенства из касты шейхов и пиров называется тарик. Они представляют уникальную непрерывную традицию, т.к. их предками были люди, непосредственно воспринявшие заветы и наставления от Шейха Ади, по сути получившие не только средства познания, но и бараку. Если по отношению к обычным езидам-мирянам используется термин *йекнав* (курд. *yeknav* — одноименной, односущностный), для шейхов и пиров применяют термин *дунав* (курд. *dunav* — двуименной, двухсущностный), так как они

одновременно являются и духовными лицами, и мридами (у каждого из них тоже есть свой шейх и пир). Мриды в наследственном порядке прикреплены к конкретным родам шейхов и пиров и не могут это изменить [Пирбари, Ивасько, Григорьев, 2008: 17, 19].

По представлениям езидов, ангелы регулярно являются в наш мир, чтобы принести народам новые законы. Каждое тысячелетие один из семи ангелов приходит, чтобы дать езидам новые законы и священное писание. Некоторые ангелы принимают при этом человеческий облик и даже оставляют после себя потомство. В частности, считается, что семьи езидских шейхов несут в себе такую ангельскую кровь. Завершив свое дело, ангел возвращается на небеса. Ливанский антрополог Ф. Хури (1935–2003) назвал езидскую общину «обществом ангелов». Из этого следует, что езиды также верят в переселение душ, которое они описывают выражением «сменить рубашку» (*kiras gehorin*, sic). Эта концепция находит свое применение и по отношению к ангелам, относительно которых говорится, что все семь ангелов последовательно воплощались в человеческом обличье. В результате «реинкарнации и воплощения в человеческом теле из поколения в поколение образовалось неразрывное единство между личностью [одного из высших езидских шейхов] и душой» [Khuṛī 1990: 148].

Самыми последними такими воплощениями или проявлениями были и являются члены семьи Шейха Ади, бывшие его преемниками в езидской иерархии, а также члены шейхской семьи Шамсани. Эти шейхи представляют собой людей (курд. *has/mêr*), через которых езиды могут установить связь с Богом. Этим фигурам хас/мер³ осуществляется поклонение, их символы присутствуют в езидских храмах и святилищах и они, в целом, выступают в качестве символов самой езидской религии.

Светским лидером езидской общины является наследственный эмир (*мир*), носящий полный титул «шейх назир» или же «шейх мири-шейхан». Эмира не избирают, а сам титул переходит к старшему сыну. Эмир — не только защитник езидской веры, но и, среди прочего, посредник между езидским населением и соседними мусульманскими и христианскими общинами и иерархами [Açıkyıldız 2010: 91–92].

Главный шейх (Баба Шейх) возглавляет религиозную иерархию и считается духовным лидером всех езидов. Баба Шейх назначается миром и обязательно является представителем касты шейхов, а именно — рода Фахрадина дома Шамсани. Хотя формально Баба Шейх назначает эмир, но фактически эта должность наследуется от отца к сыну. Баба Шейх ведет аскетический образ жизни, подолгу постится и, в частности, не должен употреблять алкоголь.

Шейхи (курд.: шехани)⁴, чья власть связывается с великим пророческим призывом, являются в определенном смысле езидским духовенством. Представители этой касты в качестве священников отправляют духовные потребности семей мирян, за которых отвечают. Шейхи также отвечают за организацию религиозных праздников в Лалеше и других храмах.

³ Согласно верованиям езидов, хасы были предками шейхов и пиров. От этих предков они унаследовали, помимо своего главенствующего положения и определенной целительной силы, священные предметы, называемые нишанами (курд.: *nişan* — знак). Эти нишаны обозначают особое происхождение семьи, и одновременно считается, что они сами обладают сверхъестественными способностями. Нишаны представляют собой небольшие металлические предметы, прикрепленные к специальным полосатым мешочкам [Sprät 2019: 214].

⁴ В 1980-е гг., по оценкам, было около 300 семей шейхов. Они принадлежат к трем домам — Адани, Катани и Шамсани. Браки между этими домами запрещены [Guest 1987: 33]. Эти три группы шейхских родов отличаются по своему племенному происхождению. По езидскому преданию, Шамсани являются потомками четырех сыновей Эздина Мир и представляют собой курдскую часть касты шейхов. Адани происходят от Шейха Хасана, а Катани родственны самому Шейху Ади, т.е. эти два шейхских дома имеют изначально арабское происхождение.

За шейхами в иерархии следуют пиры (курд.: пираны)⁵, их функции и духовный авторитет вполне сопоставимы с положением шейхов. Пирры уступают шейхам по степени общественного авторитета и политического влияния. Считается, что роды пиров — курдского происхождения и существовали еще до Шейха Ади.

Шейхам подчиняются кавалы (курд.: *kaval* — чтецы, декламаторы), которые принадлежат лишь к двум семьям из рода Йекнави, живущим в деревнях Башика и Бахзани. Эти семьи организуют из числа своих членов хоры для празднеств в Лалеше и на протяжении уже более чем ста лет их главной обязанностью является посещение каждой езидской общины, где бы она ни находилась.

Еще одной категорией в езидской религиозной иерархии являются кочаки (или кочеки, курд.: *koçak* — малый, сирый). Согласно одним источникам, это «предсказатели будущего и служители храма Шейха Ади» [Ментешавили, 1969: 34]. Согласно другим публикациям, они считаются служителями самого Шейха Ади, подчиненными Баба Шейху. В большинстве своем *кочаки* — это паломники, которые оставили свои дома, поселились вокруг Лалеша, выполняют какую-то работу при храме, а во время празднеств заботятся о посетителях. Кочаками могут быть представители всех каст, их функции не переходят по наследству. Они не назначаются, и какого-либо обряда инициации также не существует. Кочакам приписывают способности предсказывать будущее, исцелять больных и творить чудеса. Считается, что кочаки могут общаться с незримым миром во снах и входя в транс. Поэтому семьи умерших приглашают кочаков, чтобы узнать об участии покойников. Кочек входит в транс, а затем рассказывает семье о том, что он видел.

Харизматические лидеры езидов (XVIII–XIX вв.)

Ученые склонны рассматривать Шейха Ади (Шихади, Шехади, Шиханди, Шехе Ади) — как обожествленного исторического деятеля. В принципе, превращение Шейха Ади в фигуру такого рода было почти предопределено его ролью основателя суфийского ордена адавитов. Как отмечал британский исламовед Дж. С. Тримингэм, для суфийских орденов вообще характерно поклонение фигурам их основателей и их непосредственных преемников, доходящее порой до фактического обожествления. Причем этим фигурам приписывается обладание особой мистической силой (благодатью — араб. барака, баракат) [Trimingham 1998: 25–34]. В то же время имеет место также поклонение могилам таких людей, и в этом смысле трансформация исторической фигуры Шейха Ади в фигуру божественную вполне схожа с другими соответствующими примерами в истории суфизма.

Шейх Ади подавал пример ученикам своим аскетичным образом жизни и постами, но также и чудесами, которые, согласно преданиям, он творил, которые являлись результатом надления его харизмой свыше. Так, рассказывали, что он способен повелевать змеями и дикими животными, читать мысли своих собеседников и извлекать воду из сухой земли, делая ее плодородной. Однажды, положив руку на грудь слуги, он сделал его способным читать Коран наизусть. Он мог вызывать у своих послушников видения и отображать в зеркале лица отсутствующих людей. Шейх Ади также возвращал зрение слепым и мог по своему желанию становиться невидимым и сокращать расстояния. Он был способен общаться с покойными, знал волшебные слова, открывавшие двери. Он также мог обращать вспять течение рек [Lescot 1975: 28–29].

⁵ По оценкам в 1980-е гг. насчитывалось около 200 семей пиров. Они принадлежат к четырем основным ветвям, которые выводили свою родословную от первых курдских учеников Шейха Ади, и сорока кланам. Самым авторитетным пирским родом является Хасан Маман, основоположником которого был князь из гор Харир, присоединившийся к адавитам в Лалеше еще при жизни Шейха Ади. Самым выдающимся среди пиров считается «Баба Чавуш» (т.е. главный привратник), назначаемый миром. Он является хранителем храма в Лалеше и помощником Баба Шейха, ему также подчиняются фекрайя — прислужницы при лалешском храме [Açıkyıldız 2010: 94].

2. Божественная благодать – барака в религиозной и политической истории мусульманского Магриба (Н.Н. Дьяков)

Святость и святые Магриба

Харизма, ниспосланная свыше благодать-барака, веками играла особую роль в жизни мусульманского Запада. Общеизвестные здесь обладатели харизмы — это в первую очередь местные шерифы — благородные потомки самого пророка Мухаммада и его семейства (араб.: «байт расул Аллах» — т.е. «дом посланника Божьего»). Это также марабуты — духовные вожди-наставники, проповедники-мистики. С начала своего распространения в странах Магриба, к западу от Египта, ислам характеризовался здесь мощным влиянием древних культов и почитанием духовных авторитетов, что всегда, включая новую эпоху, отличало религиозную, и в значительной степени политическую жизнь региона. Эта, по выражению Ш.-А. Жюльена, «религия сердца» зарождалась не в шумных городах, «не в утонченном мозгу» философов и богословов-улемов, а в самых глубинах традиционного общества: в горных селениях и сахарских оазисах, в лагерях и становищах кочевников — «в умах людей простой и горячей веры» [Жюльен, 1961 II: 362].

Барака — базовая категория в культе марабутов и самих праведников, и предметов окружающего мира, связанных с ними. Лишь тщательное рассмотрение этого явления поможет приблизиться к пониманию исторической роли этих харизматических вождей.

Говоря о различиях в эволюции мистицизма на востоке и западе мира ислама, исследователи отмечали, что в Берберии он изначально не предполагал появления ярких интеллектуалов, наподобие сирийских или персидских философов, наследников греческой или индийской традиции. Между тем, на «Дальнем Западе» мира ислама, в Магрибе, харизма-барака обрела свою благодатную почву⁶.

В отличие от большинства регионов Востока — Машрика, исламизация и арабизация стран Магриба (Ифрикия-Тунис, алжирская Кабилия, горный Риф и Атлас в Марокко и подступавшая к ним с юга Сахара) заняли не годы или десятилетия, а столетия — практически полтысячелетия (VII–XII вв.). В первые века ислама местные вожди-шейхи (берб.: амгар) Магриба были слабо арабизированы, а их соплеменники — горцы или кочевники — имели слабое представление о принесенных арабами ценностях ислама. Общась с духовными вождями, берберы-неофиты меньше всего стремились получить от них знания о новой вере, правда, признавая дарованную их вождям харизму-бараку.

Признано, что наивысшей благодатью в исламе обладают Коран и пять столпов веры (араб.: аркан ад-дин: шахада, саят, саум, закят и хадж). Среди людей высшей баракой наделен Мухаммад ибн Абдаллах, от которого ее наследовали потомки Пророка по мужской линии — сайиды и шерифы. Приверженец единобожия, Мухаммад не претендовал на личную святость и решительно отрицал наличие у него чудотворного дара.

Между тем, писал финский антрополог Эдвард Вестермарк (1862–1939), посланник Господа никак не мог уступать проповедникам-язычникам прошлого — предсказателям или целителям-чудотворцам, передававшим свою благодать через простое прикосновение. «Поскольку святость всегда была наследственной в этих семействах, то и святость Пророка должна была передаваться его потомкам» [Westermarck 1933: 95].

⁶ Общие для ислама религиозные ценности уживались на севере Африки с древними культурами берберов — почитанием деревьев и камней, источников и т.п. «Особую роль играли отзвуки древнейших ливийских верований с их принципами антрополатрии, которые первоначально проявлялись в среде христиан, еретиков-донатистов, а затем достигли... нового уровня в развитии североафриканского марабутизма... Он быстро адаптировал элементы народных суеверий, ритуальной магии, активного фанатизма...» [Каптерева, 1988: 173].

Посвятивший изучению данной проблемы многие годы, в том числе проведенные в Марокко, Э. Вестермарк подчеркивал, что не все претенденты на харизматический дар своего великого предка могли считаться святыми-уали. В лучшем случае это были потомки аравийских вождей, пришедших на север Африки с началом арабских завоеваний в середине VII в. / I в.х., а скорее во время нашествия бедуинских племен бану-хилал и бану-сулайм в XI–XII вв. Многие же вожди и марабуты имели сугубо автохтонное происхождение, приписывая себе шерифское достоинство по конъюнктурным мотивам.

Начиная с «марабутского кризиса» и подъема джихада перед лицом португальской и испанской экспансии (XV–XVI вв.), марабуты, по сути, монополизировали право на благодать-бараку. Его подкрепляли сложные генеалогические цепочки (силсила), которые возводили корни того или иного святого к самому Пророку. (Такие же шаги предпринимали и правители мусульманского Востока, включая османских султанов, претендовавших на звание халифа — наместника Пророка на земле — Н.Д.).

В Марокко, писал в начале XX в. Э. Вестермарк, «султан является не просто обладателем бараки как глава рода Алауитов — шерифов, прибывших из аравийского Янбо в Марокко. Его барака — еще и благодать «наместника Божьего на Земле»⁷. (Сам властитель получает бараку от сорока святых, которые утром проходят у его изголовья...).

Помимо шерифов были и другие претенденты на обретение благодати от святого-уали. Наряду с наследованием бараки по кровно-родственной линии, Э. Вестермарк приводил иные, видимо, не менее привычные для магрибинца способы ее получения. Всем, кто бывал в Магрибе, запомнились разбросанные повсюду белоснежные купольные мавзолеи (кубба) — места паломничества. Расположены они не беспорядочно, а по значимости и степени бараки.

Нередко эти почитаемые мавзолеи принадлежат марабутам-муджахидам, обретшим святость в джихаде — борьбе за веру против европейских конкистадоров, а затем и колонизаторов нового времени⁸. Имена героев не всегда сохранялись, поэтому их гробницы часто называют просто словом «мрабит» («марабут»), или «муджахид» («борец за веру»). Паломничество (*зийара*) к могилам святых для получения благословения-бараки на то или иное благое дело либо для выражения благодарности — обычная практика в локальном исламе. Со временем марабуты присвоили ряд социальных функций: помимо религиозной, также образовательную, правовую, медицинскую... [Roberts 1979: 106].

Блаженный (мубарак), юродивый (бахлул) — особые категории носителей бараки. Если безумцев-маньяков изолируют как бесноватых, одержимых джиннами (араб.: маджнун), то некоторых душевнобольных, например, лунатиков, считают даже святыми, разум которых находится на небе, а плоть страдает на земле. Вера во вдохновение распространена во всех частях света, писал Дж. Фрэзер. Считается, что время от времени отдельные люди могут быть одержимы духом или божеством. В таком состоянии человек получает от бога «не просто знание, но — по меньшей мере, в некоторых случаях — могущество...». Так формируется образ «человекобога», представление о том, что некоторые люди, находясь в состоянии одержимости, «постоянно или каким-то другим путем наделены высокой степенью сверхъестественной способности и могут быть (зачиво) причислены к лику богов и принимать знаки поклонения... В одних случаях власть этих богов в человеческом образе

⁷ Титул «наместника Бога на земле» (араб.: халифату-ллахи фи-л-арди) первым был удостоен халиф Осман ибн 'Аффан (644–656), тогда как его предшественник Омар ибн ал-Хаттаб (634–644) носил лишь титул «амину-Ллах» — «доверенный помощник» Господа. Святость правителя признавалась до ислама и берберами, считавшими своих царей-агеллидов святыми. [Westermarck 1933: 89].

⁸ В раннем исламе», отмечал И. П. Петрушевский, начало культу «мучеников», павших в «войне за веру», положила «героическая эпопея арабских завоеваний». Большое влияние культ мучеников приобрел у шиитов и хариджитов. Особую категорию святых составили «покровители ремесел и определенных профессий; иногда такими патронами становились те или иные пророки, иногда местные святые, герои и другие личности, большею частью легендарные...» [Петрушевский, 1966: 235].

ограничивается чисто сверхъестественными или духовными функциями. В других случаях они обладают и высшей политической властью...» [Фрэзер, 2006: 129–130].

Лев Африканский, познакомивший в XVI в. европейцев с нравами доколониального Магриба, описывал юродивых, «которые бродят подобно помешанным», но которых люди почитают за святых. Верхом нарушения этими «святими» общественной морали считались «открытые проявления нетрадиционной сексуальной ориентации, развращение малолетних и прочие девиации в интимной сфере». Источники запечатлели наказуемые по шариату деяния таких «святых», «сопряженные с публичной реализацией ими своих интимных претензий»⁹.

Примечательно, что возмущение «алимов-моралистов, живописующих подобные случаи, обращено не столько на самих персонажей подобного рода..., сколько на невежественную толпу, готовую с благоговением простить этим «святим» безумцам любые отклонения от общепринятых морально-нравственных принципов». Ученые-алимы осознавали, что «терпимость традиционного общества к подобным реакциям коренится не только в наивном понимании социальной неадекватности как знака воли Божьей. Дело здесь было и в осознании божественной благодетельной силы (*бараки*)...» [Орлов, 2006: 271–272].

Такие «девиации» в «народном исламе» Магриба не являются сугубо автохтонным феноменом и давно стали объектом внимания религиоведов, психологов и психоаналитиков, литераторов и художников¹⁰. Религия, писал З. Фрейд, — не просто «болтовня философов, но религия простых людей». Она воздействует на человека не посредством разработанной теологами догматики, которая большинству верующих неизвестна, но кучкой «ярких представлений, воспаляющих воображение ее сторонников и овладевающих их умами [Хёфельс, 1999: 164]¹¹.

Аномальность, включая психофизиологическую, по мнению современных антропологов, является фактором превосходства, иерархии власти в «архаических социальных организмах», где лидерами зачастую становились люди с физическими и психическими отклонениями. Психическая аномальность, пишет В. В. Бочаров, была «характерной чертой авторитета лидеров архаических общественных систем» и выражалась в повышенной возбудимости, предрасположенности к истерии, трансам и т.д. «*Этнографические материалы убеждают в том, что этими свойствами обладали как африканские колдуны, так и сибирские шаманы...*» [Бочаров, 2006: 201]¹².

⁹ Описывая последователей сект, «которые считаются еретическими у ученых законовевдов», Лев Африканский отмечал, что «их закон требует, чтобы они оставались неизвестными миру под видом безумных, грешников или самых презренных людей... Под этой личиной по Африке часто ходят мошенники и негодяи..., «которых простые люди считают святыми...» [Лев Африканский, 1983: 160–161].

¹⁰ Посетивший в 1853 г. алжирский город Джельфа, Э. Фромантен оставил в своем альбоме рисунок юродивого-дервиша, а также словесное описание «святого», присутствовавшего на трапезе у местного халифа Си Шерифа: «Я тотчас узнал его по головному убору и необычному внешнему виду..., — писал художник. — Он двигался так, словно не имел ног, хаик, как шлем, скрывал лицо, а шляпа без полей напоминала огромный кулек... Белькасем заметил мое удивление и сказал почтительно: «Дервиш, мусульманский монах, безумный, значит, святой...» [Фромантен, 1990: 68].

¹¹ Знахари верят, писал британский религиовед Э. Эванс-Притчард, что словами они могут изменить мир и «принадлежат к замечательной категории людей, постоянно погруженных в размышления, это — дети, женщины, поэты, артисты, влюбленные, мистики, преступники, мечтатели и сумасшедшие. Все они пытаются иметь дело с реальностью при помощи такого же психологического механизма...» [Эванс-Притчард, 2004: 48].

¹² «Поведенческий алгоритм, возникший в результате становления социальной нормы в ходе антропосоциогенеза и определивший восприятие лидера как непохожего, исключительного, «аномального», распространялся и на внешние признаки людей...». «Простым колдуном прослыть требуется очень и очень немного, — писал исследователь традиционной культуры русских М. Забелин, — например, иметь какой-нибудь бросающийся в глаза недостаток телесный или излишество, даже отдельный клочок волос, случайно выросший на голове или бороде...» [Бочаров, 2006: 200].

Харизматические лидеры и политическая ситуация в Магрибе в предколониальный период (XVIII – начало XX вв.)

Несмотря на давление со стороны шерифского правительства-махзена в Марокко, при часто также антимарабутской позиции османской администрации в Алжире и Тунисе, политический вес марабутов и в новое время оставался значительным в Магрибе, особенно в западных его районах. Неготовность местных правителей защитить своих подданных от европейского вторжения, обусловила новую активизацию харизматических вождей — марабутов и начало духовного и социального обновления религиозно-мистических школ¹³.

К концу XVIII в. заметен рост политического влияния тарикатов и марабутов. Отголоски развернувшегося в Аравии движения за «чистоту веры» к концу XVIII в. достигли Магриба. Предпринятые султаном Мулай-Слиманом (1793–1822) попытки ограничить роль завий, посеяв в стране ваххабитские идеи, вызвали реакцию марабутов и очередное «берберское восстание» в 1810–1820 гг. Реформаторство затронуло местные тарикаты, что проявилось во взглядах основателя братства Тиджанийя Ахмада ат-Тиджани (1737–1815) и Ахмада б. Идриса (1760–1837), к которому восходят истоки братства Санусийя, ставшего со временем крупной политической силой на севере Африки.

К этой эпохе «обновления» относится и рождение влиятельного братства Даркава, основанного шазилитским проповедником Абу Хамидом ал-‘Араби (Ларби) ад-Даркауи (1760–1823), выступившего против господства турок в Алжире и поднявшего в конце XVIII в. против них восстание. В 1803 г. приверженец Даркавы марокканский шериф Хаджж Мухаммад б. Ахраш (Бу Дали), возглавил антитурецкое движение на востоке Алжира при поддержке племен кабилы¹⁴. К восстанию Даркавы в Алжире примкнули сторонники Тиджанийя, получившие поддержку марокканского султана-шерифа Мулай ‘Абд ар-Рахмана (1822–1859). Эти события прямо предшествовали конфликту между Парижем и Алжиром, который привел к французскому вторжению в 1830 г. [Дьяков, 2008: 156–157].

Французское завоевание Алжира, начавшееся летом 1830 г., вновь придало местному сопротивлению вид джихада. Уже на первом этапе основные центры его возглавили марабуты и их духовные центры — завии¹⁵.

Вскоре после вторжения французов лидерство в джихаде на западе Алжира перешло к братству Кадирийя во главе с шерифом Мухйиддином. Не вполне полагаясь на скорое объединение местных племен, он обратился за помощью к султану Марокко, имевшему значительное влияние в регионе [Хмелева, 1973: 27–28]. В ноябре 1832 г. руководство джихадом перешло к сыну Мухйиддина эмиру ‘Абд ал-Кадиру (1808–1883), возглавившему сопротивление на западе, а затем и на большей части земель Среднего Магриба и, по сути, ставшему основателем первого национального государства в Алжире.

В 1850-е и затем в начале 1870-х гг. против засилья французов выступили племена Кабилии, где большую роль играло братство Рахманийя. В 1871–1872 гг. оно возглавило восстание, охватившее более полумиллиона «туземцев». Вплоть до начала XX в. борьбу против колонизации продолжала также Даркава.

¹³ По словам марокканского ученого А. ас-Сагира, всплеск духовного обновленчества был вызван наметившимся в обществе «стремлением к единению и неприятием усобиц» [As-Saghir, 1988: 37].

¹⁴ По мнению многих авторов, Бу Дали был подкуплен англичанами, вступившими тогда в борьбу за влияние в Магрибе. Так, возвращаясь из хаджа через Каир, марокканский шериф Бу Дали был осыпан подарками от британцев. В Магриб он вернулся скорее политическим агентом Лондона, нежели бескорыстным борцом за веру [Lacroix 1902: 7–8].

¹⁵ К началу XIX в. в Алжире имелось около 400 завий [Ланда, 1999: 7].

Борьба держав за влияние в Тунисском эйялете Порты и угроза его оккупации вызвали подъем джихада в Тунисе в 1860-е гг. К побережью страны направились тогда французские, британские и итальянские канонерки. Особую опасность для тунисского бея представляло движение ‘Али бен Гедахума (1864–1865), опиравшееся на братство Тиджанийя [Ланда, 2005: 166]. Со временем, однако, многие марабуты, например алжирской Тиджанийи, прямо перешли на сторону французов, став опорой колониального режима.

Под предлогом обеспечения безопасности западных границ Алжира Франция перешла в начале XX в. к прямому захвату земель, принадлежавших марокканским султанам-шерифам. Французы заняли Колон-Бешар (1903), Бергент (1904), Уджду (1907) и др. Угроза иностранного вторжения вызвала в Марокко движение за передачу алауитского престола шерифу Мулай-‘Абд ал-Хафизу (магр.: Мулай-Хафид, 1907–1912).

Важным центром антиевропейской оппозиции стал г. Фес — главный духовный центр страны, улемы которого объединились вокруг вождя братства Ахмадийя-Киттанийя, идрисидского шерифа Сиди Мухаммада ал-Киттани. Развернутая ал-Киттани в 1904 г. пропаганда и волнения в Фесе заставили султана нанести решающий удар по ал-Киттани, в котором власти видели опасного претендента на престол. В марте 1909 г. султан Мулай-Хафиз устроил ал-Киттани засаду у горцев атласского племени айт-ндир, где тот пытался укрыться. Захваченный врасплох, шериф ал-Киттани был доставлен в Фес и на глазах султана насмерть забит палками [Maxwell 1966: 119].

Гибель шерифа ал-Киттани, разгром мятежников Бу Хмары и марабута Ма’ ал-Айнина стали кульминацией политической борьбы на фоне начавшейся европейской экспансии. Султану Мулай Хафизу удалось ослабить позиции марабутов. Под натиском французов и султанского правительства-махзена марабуты Марокко не смогли сохранить свою лидирующую роль в джихаде. Известие о подписании в марте 1912 г. договора о протекторате вызвало новое восстание. Антифранцузские выступления в горах Среднего Атласа возглавил идрисидский шериф, марабут Сиди Раху ас-Сегрушни. По мнению французских наблюдателей, они могли покончить с династией Алауитов, если бы повстанцы лучше координировали свои операции [Rassam-Vinogradov 1974: 31].

Убийство в 1909 г. ал-Киттани — вождя братства Даркава превратило ее в непримиримого врага Алауитов и подтолкнуло часть ее адептов к сближению с французами. Младший брат убитого — ‘Абд ал-Хайй ал-Киттани позже помогал им в организации интриг против Алауитов, фактически перейдя в «колониальный лагерь»¹⁶. В 1953 г. ‘Абд ал-Хайй ал-Киттани поддержал свержение султана Мухаммада б. Йусуфа¹⁷, вокруг которого консолидировались тогда патриотические силы Марокко [Julien 1978: 230, 282].

Лишь на востоке Магриба, в Ливии, завии до конца сохранили свой боевой потенциал. Оплотом антиосманской оппозиции, а затем и сопротивления притязаниям Франции и Италии стало братство Санусийя, основанное Мухаммадом б. ‘Али ас-Сануси ал-Хаттаби ал-Идриси ал-Хасани (1787–1859) — последователем Ахмада б. Идриса (1760–1837)¹⁸.

При поддержке кочевников-туарегов сануситы выступили против европейской экспансии на севере Африки на пороге XX в. Санусийя возглавила сопротивление племен

¹⁶ После убийства его старшего брата султаном Мулай ‘Абд ал-Хафизом ‘Абд ал-Хайй ал-Киттани поклялся мстить, всякому Алауиту, взошедшему на престол... [Maxwell 1966: 119].

¹⁷ В 1953 г. по инициативе А. ал-Киттани была проведена встреча марабутских вождей, собравшая представителей 200 завий Марокко, Алжира, Туниса, Ливии и Мавритании. Осудив султана Мулай Мухаммада за ограничение прав завий, А. ал-Киттани объявил его вероотступником [Луцкая, 1973: 303].

¹⁸ Помимо Санусийи к Ахмаду б. Идрису восходили истоки других известных религиозных братств нового времени: Мирганийя, Хатмийя, Салихийя, Маджзубийя и др. [Тримингэм, 1989: 100–105].

Восточного Магриба и Сахары вторжению итальянцев в Ливию в 1911 г.¹⁹ Два ярких этапа этой борьбы (1911–1917 и 1923–1932) получили известность как итало-сануситские войны. Движение Санусийи в Киренаике и других областях Восточного Магриба сравнивают с предшествующими выступлениями тарикатов, а шейха Сиди сануситов ‘Умара ал-Мухтара — с ‘Абд ал-Кадиром Алжирским, с лидером марокканских рифов ‘Абд ал-Кримом ал-Хаттаби и даже с имамом Шамилем — вождем кавказских *муридов*²⁰. Исторический путь сануситов — от духовных вождей кочевников до лидеров суверенного государства, напоминавший судьбу Саудидов Аравии [Босворт, 1971: 72], подтвердил значимую роль шерифов и марабутов, а также религиозных братств в новой истории Магриба.

Подавление освободительного движения в Рифе (1926), антиитальянского сопротивления в Киренаике во главе с шейхом ‘Умаром ал-Мухтаром (1931) завершили важный этап вооруженной борьбы народов Магриба, где, как и столетия назад, свой вклад внесли локальные харизматические вожди — шерифы и марабуты. Их обители-завии были разбиты, либо превратились в провинциальные центры просветительской и хозяйственной деятельности, покорившись новым порядкам, навязанным завоевателями²¹.

Список литературы

1. Авдоев Т. Историко-теософский аспект езидизма. М.: Э.РА, 2011.
2. Босворт К. Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. Перевод с англ. и примечания П. А. Грязневича. М., 1971.
3. Бочаров В. В. Истоки власти // Антропология власти. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006.
4. Дьяков Н. Н. Мусульманский Магриб. Шерифы, тарикаты, марабуты в истории Северной Африки. Средние века, новое время. Изд. СПбГУ. СПб., 2008.
5. Жюльен Ш.-А. История Северной Африки. Т. 1–2. Пер. с фр. М., 1961.
6. Каптерева Т. П. Искусство стран Магриба: средние века, новое время. М., 1988.
7. Ланда Р. Г. История Алжира. XX век. М., 1999.
8. Ланда Р. Г. История арабских стран. М., 2005.
9. Лев Африканский. Африка — третья часть света. Перевод с итал., коммент. и статья В. В. Матвеева. Л., 1983.
10. Луцкая Н. С. Очерки новейшей истории Марокко. М., 1973.
11. Ментешавили А. М. Ирак в годы английского мандата. М.: Наука, 1969.
12. Орлов В. В. Дискуссия о суфизме в пост-альмохадском Магрибе (XIII–XV вв.): истоки, сюжеты и аргументы // Сборник статей, посвященных 70-летию М. С. Мейера. Отв. ред. Ф. М. Ацамба и др. Т. 2. МГУ ИСАА. М., 2006.
13. Петрушевский И. П. Ислам в Иране. ЛГУ, 1966.
14. Пирбари Д., Ивасько Л., Григорьев С. Святой Лалыш. Екатеринбург: Баско, 2008.

¹⁹ В годы II мировой войны сануситы сформировали в Египте отряды для борьбы за освобождение Ливии от итало-германской оккупации [Фукс, 1971: 99], а в 1951 г. их вождь Мухаммад Идрис ал-Махди ас-Сануси возглавил независимое Соединенное Королевство Ливии в составе Киренаики, Триполитании и Фаццана.

²⁰ ‘Умар ал-Мухтар был верховным представителем Санусийи и возглавлял отряды повстанцев-ихванов, в т.ч. из Судана, Триполитании и т.д. При широкой поддержке населения он почти девять лет воевал против итальянцев. Захваченный в плен, был повешен в сентябре 1931 г. на глазах у тысяч соплеменников. Этой казнью итальянцы надеялись положить конец сануситскому сопротивлению [Evans-Pritchard 1954: 190].

²¹ В колониальном Магрибе конфронтация между завиями и правительством (махзен) выражалась в отношении к старым марабутским ритуалам, например, к ритуалу таргибы — жертвоприношения на могиле святого для защиты от произвола властей, а позже — от колониального беспредела. Д. Эйкелман писал о таргибе, совершенной братством Шеркава летом 1955 г. с целью остановить карательные рейды Иностранного легиона против повстанцев Уэд-Зема в Марокко [Eickelman 1981: 174].

15. Раса'ил ал-хикма I–XIV («Послания мудрости» I–XIV): Из друзских рукописей СПбФ ИВ РАН (А 173). Факсимиле рукописи; предисловие, исследование (гл. II, III), избранные переводы с арабского, глоссарий М. А. Родионова; гл. I исследования Вал.В.Полосина. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1995.
16. Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе. Перевод с английского под редакцией и с предисловием О. Ф. Акимовской. М., 1989.
17. *Фромантен Э.* Сахара и Сахель. Перевод с французского. М., 1990.
18. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 2006.
19. Фукс П. Народы Сахары // Сахара. М., 1971.
20. Хёфелс Ф. Э. Психианализ и религия. Перевод с нем. Фрайбург, 1999.
21. Хмелева Н. Г. Государство Абд аль-Кадира Алжирского. М., 1973.
22. Эванс-Притчард Э. Теории примитивной религии. М. 2004.
23. *Abu Izzeddin N.* The Druzes, A New Study of Their History, Faith and Society. Leiden: E. J. Brill, 1984.
24. *Abu Salih A.* The Churches and Monasteries of Egypt and Neighboring Countries. Oxford: Clarendon Press, 1895.
25. *Açıkyıldız B.* The Yezidis: The History of a Community, Culture and Religion. London: I. B. Tauris, 2010.
26. *As-Saghir A.* *Ishkaliyat islah al-fikr as-sufi fi al-qarnayn 18 wa 19.* Rabat, 1988. (In Arabic)
27. *Assaad S. A.* The Reign of Al-Hakim Bi Amr Allah. Beirut: Arab Institute for Research and Publishing, 1974.
28. *Ben-Dor G.* The Druzes in Israel. Jerusalem: The Magnes Press, Hebrew University, 1979.
29. *Brayer D.* The Origin of the Druze Religion // *Der Islam.* 1975. № 52. P. 48–84; 1976. № 53. P. 5–27.
30. *Eickelman D. F.* Moroccan Islam: Tradition and Society in a Pilgrimage Center. University of Texas Press, 1981.
31. *Evans-Pritchard E. E.* The Sanusi of Cyrenaica. Oxford, 1954.
32. *Firro K.* A History of the Druzes. Leiden: E. J. Brill, 1992.
33. *Guest J.* The Yezidis: A Study in Survival. New York; London: KPI, 1987.
34. *Hitti P. K.* History of the Arabs. London: Palgrave Macmillan, 2002.
35. *Hitti P. K.* The Near East in History. New York: Macmillan, 1961.
36. *Hodgson M.G.S.* Al-Darazi and Hamza in the Origin of the Druze Religion // *Journal of the American Oriental Society.* 1962. Vol. 82, № 1. P. 5–20.
37. *Julien Ch.-A.* Le Maroc face aux impérialismes. Paris, 1978.
38. *Jumblatt K.* I speak for Lebanon. London: Zed Press, 1982.
39. *Khuri F. I.* Imams and Emirs: State, Religion and Sects in Islam. London: Saqi Books, 1990.
40. *Lacroix N.* Les Derkaoua d'hier et d'aujourd'hui. Essai historique. Alger, 1902.
41. *Lescot R.* Enquête sur les Yézidis de Syrie et du Djebel Sindjar // *Mémoires de l'Institut français de Damas, Tome V.* Beyrouth, 1975.
42. *Lewis B.* The Origins of Ismailism: A Study of the Historical Background of the Fatimid Caliphate. New York: AMS Press, 1975.
43. *Makarem S. N.* The Druze Faith. Delmar: Carawan Books, 1974.
44. *Maxwell G.* Lords of the Atlas. London, 1966.
45. *Rassam-Vinogradov A.* The Ait Ndhir of Morocco: a Study of the Social Transformations of a Berber Tribe. Michigan, 1974.
46. *Roberts H.* The Conversion of the Mrabtin in Kabylia // *Le Maghreb Musulman en 1979.* Paris, 1983.
47. *Sacy S. de.* Exposé de la religion des Druzes. 2 tomes. Paris: Imprimerie Royale, 1838.

48. *Salibi K.* A House of Many Mansions: The History of Lebanon Reconsidered. Oakland: University of California Press, 1990.
49. *Spät E.* Gifts from the Sky: Yezidi Sacred Objects as Symbols of Power, Tools of Healing and Seals of Divine Favour // *Charms and Charming. Studies on Magic in Everyday Life.* *Studia Mythologica Slavica — Supplementa Supplementum 15.* 2019.
50. *Trimingham J. C.* The Sufi orders in Islam. Oxford: Oxford University Press, 1998.
51. *Westermarck E.* Pagan Survivals in the Mohammedan Civilization. London, 1933.

References

1. *Abu Izzeddin N.* *The Druzes, A New Study of Their History, Faith and Society.* Leiden: E. J. Brill, 1984.
2. *Abu Salih A.* *The Churches and Monasteries of Egypt and Neighboring Countries.* Oxford: Clarendon Press, 1895.
3. *Açıkyıldız B.* *The Yezidis: The History of a Community, Culture and Religion.* London: I. B. Tauris, 2010.
4. *As-Saghir A.* *Ishkaliyat islah al-fikr as-sufi fi al-qarnayn 18 wa 19.* Rabat, 1988. (In Arabic)
5. *Assaad S. A.* *The Reign of Al-Hakim Bi Amr Allah.* Beirut: Arab Institute for Research and Publishing, 1974.
6. *Avdoyev T.* *Istoriko-teosofskiy aspekt yezidizma* [Historical and theosophical aspect of Yezidism]. Moscow, ERA, 2011. (In Russian)
7. *Ben-Dor G.* *The Druzes in Israel.* Jerusalem: The Magnes Press, Hebrew University, 1979.
8. *Bocharov V. V.* The origins of power. *Anthropology of Power.* V.1. St. Petersburg, 2006. (In Russian)
9. *Bosworth C. E.* *The Islamic dynasties, a chronological and genealogical handbook.* Moscow, 1971.
10. *Brayer D.* The Origin of the Druze Religion. *Der Islam.* 1975. № 52. Pp. 48–84; 1976. № 53. Pp. 5–27.
11. *Dyakov N. N.* Le Maghreb Musulman. Les cherifs, les marabouts, les tarikates dans l'histoire de l'Afrique du Nord. Editions de l'Université de Saint-Petersbourg, 2008. (In Russian)
12. *Eickelman D. F.* *Moroccan Islam: Tradition and Society in a Pilgrimage Center.* University of Texas Press, 1981.
13. *Evans-Pritchard E.* *The Sanusi of Cyrenaica.* Oxford, 1954.
14. *Evans-Pritchard E.* *Theories of primitive religion.* Moscow, 2004. (In Russian)
15. *Firro K.* *A History of the Druzes.* Leiden: E. J. Brill, 1992.
16. *Frazer J. G.* *The Golden Bough: A Study in Magic and Religion.* Moscow, 2006. (In Russian)
17. *Fromentin E.* *Sahara and Sahel.* Moscow, 1990. (In Russian)
18. *Fuchs P.* *Die Völker der siidost-Sahara.* Moscow, 1971. (In Russian)
19. *Giovanni Leone l'Africano.* *Della descrizione dell'Africa et delle cose notabili che iui sono.* Leningrad, Nauka. 1983. (In Russian)
20. *Guest J.* *The Yezidis: A Study in Survival.* New York; London: KPI, 1987.
21. *Hitti P. K.* *History of the Arabs.* London: Palgrave Macmillan, 2002.
22. *Hitti P. K.* *The Near East in History.* New York: Macmillan, 1961.
23. *Hmeleva N. G.* *State of Abd al-Qadir of Algeria.* Moscow: Nauka, 1973. (In Russian)
24. *Hodgson M.G.S.* Al-Darazi and Hamza in the Origin of the Druze Religion. *Journal of the American Oriental Society.* 1962. Vol. 82, № 1. P. 5–20.
25. *Hoevels F. E.* *Collected essays about the psychoanalysis of religion.* Freiburg: Ahriman-International. 1999. (In Russian)

26. Julien Ch.-A. *History of North Africa: Tunisia, Algeria, Morocco*. V. 1–2. Moscow, 1961. (In Russian)
27. Julien Ch.-A. *Le Maroc face aux impérialismes*. Paris, 1978.
28. Jumblatt K. *I speak for Lebanon*. London: Zed Press, 1982.
29. Kaptereva T. P. *The art of the Maghreb countries: the Middle Ages, modern times*. Moscow: Nauka, 1988. (In Russian)
30. Khuri F. I. *Imams and Emirs: State, Religion and Sects in Islam*. London: Saqi Books, 1990.
31. Lacroix N. *Les Derkaoua d'hier et d'aujourd'hui. Essai historique*. Alger, 1902.
32. Landa R. G. *History of Algeria. 20th century*. Moscow, 1999. (In Russian)
33. Landa R. G. *History of the Arab countries*. Moscow, 2005. (In Russian)
34. Lescot R. Enquête sur les Yézidis de Syrie et du Djebel Sindjar. *Mémoires de l'Institut français de Damas*, Tome V. Beyrouth, 1975.
35. Lewis B. *The Origins of Ismailism: A Study of the Historical Background of the Fatimid Caliphate*. New York: AMS Press, 1975.
36. Lutskaya N. S. *Essays on the recent history of Morocco*. Moscow, 1973. (In Russian)
37. Makarem S. N. *The Druze Faith*. Delmar: Carawan Books, 1974.
38. Maxwell G. *Lords of the Atlas*. London, 1966.
39. Menteshashvili A. M. *Iraq during the British Mandate*. Moscow: Nauka, 1969. (In Russian)
40. Orlov V. V. Diskussiya o sufizme v post-al'mokhadskom Magribe (XIII–XV vv.): istoki, syuzhety i argumenty [Discussion about Sufism in the post-Almohad Maghreb (XIII–XV centuries): origins, plots and arguments]. *Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of M. S. Meyer*. V.2. Moscow: Moscow State University, 2006. (In Russian)
41. Petrushecsky I. P. *Islam in Iran*. Leningrad: LGU, 1966. (In Russian)
42. Pirbari D., Ivasko L., Grigoriev S. *Holy Lalish*. Yekaterinburg: Basko, 2008. (In Russian)
43. *Rasa'il al-hikma (The Epistles of Wisdom, I–XIV)*. From the Druse manuscripts of the St. Petersburg branch of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 1995. (In Arabic, Russian)
44. Rassam-Vinogradov A. *The Ait Ndhir of Morocco: a Study of the Social Transformations of a Berber Tribe*. Michigan, 1974.
45. Roberts H. The Conversion of the Mrabt in Kabylia. *Le Maghreb Musulman en 1979*. Paris, 1983.
46. Sacy S. de. *Exposé de la religion des Druzes*. 2 tomes. Paris: Imprimerie Royale, 1838.
47. Salibi K. *A House of Many Mansions: The History of Lebanon Reconsidered*. Oakland: University of California Press, 1990.
48. Spät E. Gifts from the Sky: Yezidi Sacred Objects as Symbols of Power, Tools of Healing and Seals of Divine Favour. *Charms and Charming. Studies on Magic in Everyday Life*. *Studia Mythologica Slavica — Supplementa Supplementum* 15. 2019.
49. Trimingham J. C. *The Sufi orders in Islam*. Moscow, 1989. (In Russian)
50. Trimingham J. C. *The Sufi orders in Islam*. Oxford: Oxford University Press, 1998.
51. Westermarck E. *Pagan Survivals in the Mohammedan Civilization*. London, 1933.

Информация об авторах

Николай Николаевич Дьяков — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории стран Ближнего Востока Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Email: nick-d@mail.ru

Анжелика Олеговна Победоносцева-Кая — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории стран Ближнего Востока Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Email: apobedonostseva@gmail.com, a.pobedonostseva@spbu.ru

Authors' information

Nikolay N. Dyakov — Dr. Sci. in History, Professor, Head of Department of the Middle East History, Faculty of Asian and African Studies, Saint-Petersburg State University.

Email: nick-d@mail.ru

Angelika O. Pobedonostseva-Kaya — Candidate of Sciences in History, Senior Lecturer, Department of the Middle East History, Faculty of Asian and African Studies, Saint-Petersburg State University.

Email: apobedonostseva@gmail.com, a.pobedonostseva@spbu.ru

Харизматизм премьер-министра Коидзуми Дзюньитиро: атрибутика и специфика лидерской стратегии¹

Аннотация: В данной статье обсуждаются особенности харизмы в политической культуре Японии на примере премьер-министра Коидзуми Дзюньитиро, занимавшего данный пост с 2001 по 2006 гг. и ярко выделявшегося на общем фоне японских политиков XX в. неординарной внешностью и поведенческой стратегией «вождя-демагога». На основе изучения материалов из открытых источников, таких как материалы СМИ, интервью, стенограммы парламентских дебатов, видеозаписи выступлений премьер-министра, материалы журнала кабинета министров «Мэрумага» (издававшегося в 2001–2006 гг. по инициативе премьер-министра), анализируются основные компоненты харизматизма премьер-министра Коидзуми: имидж эксцентричного политика, инновационное поведение и реформы, диалог с широкой аудиторией, реакция последователей. В центре внимания автора стоят высказывания Коидзуми и его сторонников из числа министров в «Мэрумага», выявляющие возникновение двунаправленной прочной связи между лидером и последователями. Автор касается дебатов Коидзуми Дзюньитиро и оппозиции, выявляющие основные механизмы диалога премьер-министра с инакомыслящими, хотя острота борьбы Коидзуми было направлено против фракционной системы ЛДП. Внешний облик премьер-министра («львиная прическа» и серый костюм) и воинственность в отстаивании реформ отражали стремительное внедрение новой лидерской стратегии в политическую культуру Японии, персонифицированную в личности лидера. В результате рассмотрения выбранных параметров было установлено, что в начале XXI в. в японской политической культуре произошло закрепление новой лидерской традиции харизматика-«демагога», обращающегося напрямую к народу и мировой общественности, инновационность стала нормой процесса продвижения проектов правительства, центр тяжести принятия решений сосредоточился в руках политической, а не бюрократической элиты, новое значение приобрела внешность (имидж) и ораторское мастерство лидера Японии, объединяющего под своим началом всю нацию.

Ключевые слова: харизма, харизматический лидер, власть, внутренняя политика, Япония, Коидзуми Дзюньитиро

The charisma of prime minister Koizumi Junichiro: attributes and specifics of leadership strategy²

Summary: This article discusses the features of charisma in political culture of Japan, researching the case of Prime Minister Koizumi Junichiro leadership. He held this post from 2001 to 2006 and stood out vividly against the general background of Japanese politicians of the 20th century with an extraordinary appearance and behavioral strategy of a ‘leader-demagogue’. We are basing on the study of materials from open sources, such as media materials, interviews, transcripts of parliamentary debates, video recordings of Prime Minister’s speeches, materials of the Cabinet of Ministers magazine ‘Marumaga’ (published in 2001–2006 at the initiative of the Prime Minister), in the aim to analyze the main components of Prime Minister Koizumi’s charisma such as the image of an eccentric politician, innovative behavior and reforms, dialogue with a wide audience, the reaction of followers. The author focuses on the statements by Koizumi and his followers from among the ministers in cabinet journal ‘Marumaga’, revealing the emergence of a bidirectional strong ties between the leader and followers. The author concerns the debates between Koizumi Junichiro and the opposition (DPJ), revealing the main mechanisms of the Prime Minister’s dialogue with dissidents, although the spearhead of Koizumi’s struggle was targeting against the LDP factional system. The appearance of the Prime Minister (‘lion hairstyle’ and untraditional gray suit) and belligerence in defending reforms demonstrated the rapid introduction of a new leadership strategy into the political culture of Japan, personified in the leader’s personality. As a result of consideration of the mentioned parameters, it was found that at the beginning of the 21st century there came into existence in Japanese political culture a new leadership tradition of a charismatic ‘demagogue’, who is addressing directly to the nation and world community, has been consolidated; innovativeness has become the norm of the process of government projects promoting; the center of gravity of decision-making has been concentrated in the hands of the political, not the bureaucratic elite, the appearance (image) and oratorical skills of the leader of Japan, uniting the entire nation under his command, have acquired new importance.

Keywords: charisma, power, charismatic leadership, domestic politics, Japan, Koizumi Junichiro

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке КН РА (20RF-189) и РФФИ (РФ) (проект 20–59–05006) в рамках совместной научной программы.

² This work was supported by CS PA (program 20RF-189) and the RFBR (RF) (program 20–59–05006) in the framework of the joint scientific program.

В политической традиции Японии выделяется два доминирующих типа лидера — харизматический духовный лидер и политический администратор. Центральной фигурой духовного харизматического лидерства с середины первого тысячелетия нашей эры являлся император, который соединял в себе лидерские и жреческие функции [Китагава, 2005, с. 31]. Харизма императора носила видимый характер, выраженный в его неподвижности, уподобленной Полярной звезде, в ношении запрещенных цветов, недоступных для всех прочих членов японского общества, табуированности речей, обращенных к императору. Как отмечал Дж. Китагава: «... харизма императорского титула тщательно поддерживалась, например, строгим табу в отношении монарха и доскональным соблюдением ритуалов» [Китагава, 2005, с. 32]. Миф о божественном происхождении императорской власти и ее непрерывности использовался правящей верхушкой, состоявшей из императорской фамилии и приближенных жреческих родов, для легитимизации власти дома [Синто, 2002, с. 149]. Политико-административные, военные и экономические функции на протяжении полуторатысячелетней истории Японии находились в руках родов Сога, Фудзивара, Минамото и Ходзё, Асикага, Токугава. Легитимизация их власти зиждилась на происхождении, подтверждавшемся генеалогией, и императивах буддийско-конфуцианской идеологии, а именно человеколюбия и гуманности, неразрывной связи между управляющими и управляемыми. Сёгунская форма правления, формировавшая традиции политического управления с XII по XIX вв., создала свой облик героя-правителя, облаченного в воинские доспехи. В эпоху Токугава (1603–1868 гг.) в Японии устанавливается система строгих социальных различий по происхождению и профессиональной принадлежности, сословие воинов занимало высшую ступень [Лещенко, 1999, с. 84]. Символом власти воина было право на ношение двух мечей. В основу морали лег дистанцированный от прочих сословий «путь воина» и гордость за свое именитое происхождение [Watanabe, 2012, с. 38].

Харизма правителя, как правило, представляла собой традиционный институт, функционировавший в рамках родовой культуры передачи по наследству властно-управленческих функций внутри профессиональной группы военных-управленцев, а перераспределение власти происходило внутри элитарной группы аристократии, военной и жреческой верхушки. Однако в поворотные моменты истории Японии способное к решительным действиям творческое меньшинство оказывалось способным сломать или преобразовать старые устои и внедрить инновации, как произошло в истории Японии в период создания правового государства по китайскому образцу в VII–VIII вв., в эпоху становления первой полевой ставки бакуфу во главе с Минамото Ёритомо, полководцем которого выступал харизматичный воин Минамото Ёсицунэ (XII в.), объединения Японии Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу (XVI–XVII вв.), установивших новую социально-экономическую и политико-административную организацию, революции Мэйдзи в 1868 г., когда была создана современная Япония.

Харизматические лидеры Японии не всегда совпадали с реально действующими политическими управленцами или правителями. Согласно веберовской концепции харизматического лидерства, их деятельность харизматического лидера была направлена на достижение внепрагматических целей, реализуемых на основе эмоционального подчинения авторитету лидера, на ее основе достигается инновационное преобразование общества. Харизматический лидер принимает неординарные решения в чрезвычайных ситуациях [Вебер, 2019, с. 184]. В актуальных научных исследованиях подчеркивается универсальность харизматизма как инновационного капитала в разных политико-управленческих традициях, однако именно глобальная демократизация в XX столетии послужила фактором распространения харизматического лидерства во всех странах мира [Paramova, Blumberg, 2017, с. 759], [Aleaz, 2012, с. 210–213], [Metz, 2021, с. 320]. В соответствии с японской властно-политической традицией, модель правителя предполагала сохранение сложившихся властно-управленческих

отношений и внесение взвешенных изменений в существующий порядок. Однако политическая история демонстрирует примеры инновационного лидерского поведения, формируя модель харизматика-реформатора. Идеолог модернизации по китайскому образцу принц Сётоку-тайси (574–622 гг.), регент при императрице Суйко, начавший внедрение новой административно-юридической и религиозной системы в структуру японской государственности, его инновационная деятельность превозносилась многими последующими поколениями. Изображение принца стало символом инноваций в целях создания «новой страны» (нового социально-политического порядка), кроме того, принц стал почитаться в рамках одного из популярных японских культов, начиная с XI в. [Quinter, 2014, с. 153]. В XIX в. на фоне реставрации императорской власти и модернизации эпохи Мэйдзи личность принца Сётоку использовалась в качестве образца для подражания. Историк Сато Хиро назвал его «национальным идолом» [Сато, 2012, с. 1]. Пример принца-реформатора представлял собой скорее отхождение от нормы харизматика императора-жреца, именно в его личности сосредоточена альтернативная харизма светского реформатора.

В эпоху Мэйдзи (1868–1912 гг.), когда идеологами-западниками была запущена модернизация и вестернизация, харизма лидера перешла к ее традиционному носителю — императору Муцухито — превратившемуся в символ коренных преобразований государства и общества. По образному выражению А. Н. Мещерякова, император Мэйдзи стал иконой модернизации, носителем символических смыслов [Мещеряков, 2009, с. 696]. Реализацией реформ занимался не сам император, а его приближенные, в основном энергичные выходцы из юго-западных княжеств, из семей которых сформировалась новая политическая элита Японии, держащая власть в своих руках до настоящего времени.

Лидерская модель послевоенного политика Дзюньитиро Коидзуми, с одной стороны, согласуется с властно-управленческой традицией Японии в рамках наследственной патерналистской системы власти, с другой стороны, обладает инновационной природой как в области публичного поведения, так и в рамках конкретных проводимых реформ. М. Вебер выделил типичную для европейской традиции форму харизматического лидерства — политика-вождя «демагога», развивающийся по мере становления демократической формы правления; данный тип харизматизма ориентирован на личность вождя [Вебер, 2020, с. 81, 97]. Харизма Коидзуми, обращающегося к массам, относится к данному типу лидерства.

Согласно японской политической традиции, право Коидзуми Дзюньитиро претендовать на власть давала генеалогия. Семейство Коидзуми в эпоху Мэйдзи занималось строительным бизнесом в Канагава, однако дед рассматриваемого в статье политика Коидзуми Матадзиро (1865–1951 гг.) отказался от семейного бизнеса и избрал сначала карьеру журналиста, а в 1903 г. занялся политической деятельностью и избирался в Нижнюю палату парламента 13 раз³. В межвоенные годы он занимал государственные посты, был удостоен государственных орденов и наград. Политический капитал данного деятеля наследовал его зять Коидзуми Дзюнья (1904–1969 гг.), мандат которого впоследствии перешел по наследству сыну — Дзюньитиро, получившему образование в одном из наиболее элитарных учебных заведений — Университете Кэйо, который был основан харизматичным идеологом модернизации Фукудзава Юкити (1835–1901 гг.). Независимо от наследования мандата, Коидзуми Дзюньитиро был избран в нижнюю палату парламента только со второй попытки в 1972 г.⁴ Обладая элитарным происхождением, тем не менее укрепление своих властных позиций данный политик осуществлял посредством вступления во влиятельный политический клан — националистическую фракцию Фукуда Либерально-демократической партии

³ Коидзуми Дзюньитиро // Крупяно М. И., Арешидзе Л. Г., Крупяно И. М. Политическая энциклопедия современной Японии: в 2 т. Т. 1. А-О. М.: Международные отношения, 2018. С. 416.

⁴ Там же. С. 417.

Японии (ЛДП), которая была основана в 1950-е гг. на фоне формирования «политической структуры 1955 г.». Коидзуми Дзюнъитиро стал секретарем главы фракции — Фукуда Такэо, оказавшим значительное влияние на карьерное продвижение молодого политика [Умэда, 2001, с. 125–126]. 1970–1980-е гг. в политической истории Японии связаны с противостоянием двух мощных фракций ЛДП — фракции Фукуда Такэо и крупнейшей фракции Танака Какуэй⁵ за доминирование в партии и парламенте. Противостояние двух сил продолжало оказывать влияние на политический климат в стране в 1990–2000-е гг., и деятельность Коидзуми в значительной степени связана с борьбой против засилья политиков из супер-фракции Танака. В 1990-е гг. Коидзуми вместе с депутатами Ямадзаки Таку и Като Коити создали политическую группу «УКК», которая выступала с резкой критикой в адрес мероприятий и позиции наследницы фракции Танака — фракции Такэсита Нобору [Чжоу, 2012, с. 30]. За резкие нападки на представителей фракции Танака и за проект приватизации почты Японии с подачи дочери Танака Какуэй — политика Танака Макико — Коидзуми получил прозвище «хэндзин», т.е. «странный», «чужак»⁶. Никнейм сыграл важную роль в конструировании имиджа Коидзуми после прихода к власти.

Коидзуми Дзюнъитиро занял пост премьер-министра 26 апреля 2001 г. Фракция Фукуда доминировала в 2000–2007 гг., поскольку и предшественник Коидзуми (Мори Ёсиро), и его преемник (Абэ Синдзо) являлись выходцами из данной фракции, оттеснив фракцию Танака, возглавляемую перед выборами 2001 г. главным соперником Коидзуми на выборах — Хасимото Рютаро (премьер-министр 1996–1998 гг.). Мори ушел со своего поста в результате скандала, и недавно пережившей политической кризис ЛДП требовался «спаситель», роль которого исполнил Коидзуми, его кандидатуру поддержала 41 из 47 префектур Японии⁷. Сторонник Коидзуми по группе «УКК» Ямадзаки отмечал нюансы прихода Коидзуми к власти, особенно подчеркивая согласие наиболее влиятельных политических деятелей с кандидатурой Коидзуми в качестве премьер-министра [Ямадзаки, 2016]. Он отмечает, что Коидзуми предвидел предстоящее давление со стороны «Общества изучения эпохи Хэйсэй» и его главы Хасимото Рютаро [Ямадзаки, 2016]. Хотя кандидатура Коидзуми была одобрена в высших эшелонах партии, он пришел с лозунгами, типичными для харизматического лидера: «Разрушим ЛДП» (дзиминто: о буквовасу), острие которого было направлено на систему межфракционного консенсуса и авторитет «Общества изучения Хэйсэй» [Ямадзаки, 2016]. С самого начала Коидзуми развернул энергичную реформаторскую деятельность, продолжив структурные реформы, начатые Хасимото, и провозгласив лозунг «Сэйики на ки кайкаку» (Никаких священных мест для реформ). Свои кабинеты Коидзуми позиционировал в качестве кабинетов-реформаторов, подчеркивая их инновационный характер. Сразу после формирования первого кабинета, в который вошли специалисты по отдельным отраслям, наиболее примечательным из которых стал экономист Такэнака Хэйдзо, занявший в 2001 г. пост министра по экономической и налоговой политике, Коидзуми предложил программу реформ неоллиберального характера, подчеркнута сходными с реформами в Великобритании и США в 1980-е гг.

Для налаживания прямого диалога не только с политическими кругами, но и с широкой общественностью, Коидзуми создал главный инструмент прямого диалога с народом — онлайн-журнал кабинета министров (сокращенное название «Мэрумага»). В первом выпуске этого журнала от 29 мая 2001 г. в своем послании Коидзуми подчеркивает

⁵ Супер-фракция Танака. Альтернативные названия супер-фракции Танака на разных этапах ее существования — Мокуёгурупу (Четверговая группа, вышедшее из употребления), Сэйвакай («Общество управленцев», старое название) и Хэйсэйкай («Общество изучения эпохи Хэйсэй», действующее). Главы фракции после Танака Какуэй: Такэсита Нобору, Канэмару Син, Обути Кэйдзо. Хасимото Рютаро, Цусима Юдзи, Мотэги Тосимицу.

⁶ Танака Макико си. Сясин токусю: // Jiji.com. URL: https://www.jiji.com/jc/d4?p=tnk106-jlp01005733&d=d4_psn (дата обращения: 30.11.2021).

⁷ Политическая система современной Японии / под. ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 315.

сложившийся в глазах широкой общественности имидж и раскрывает новый подход к проведению реформ: «Еще остается много тех, кто пока знает меня только как «чужака» и обладателя львиной шевелюры. В предложенном вашему вниманию «Журнале кабинета министров» мы хотим представить политику кабинета Коидзуми без прикрас. Мой кабинет — это «кабинет решительных действий в области проведения реформ» (кайкаку данко: найкаку). Неотъемлемой составляющей реализации реформ является прямой диалог с вами. В журнале я хочу отразить собственное видение и подход моего кабинета, мы хотим узнать ваше мнение и понять, какой страной должна стать наша Япония, что мы должны сделать, чтобы наши дети и весь мир могли гордиться ею, чтобы превратить нашу родину в место отдохновения, где легко жить и работать, и мы обязательно должны думать о проводимой политике вместе и прикладывать все усилия для воплощения задуманного. Мы сможем создать хорошую страну, если пересмотрим то, что должны пересмотреть, и сохраним то, что должны сохранить. Вот задачи кабинета Коидзуми» [Коидзуми, 2001a].

С самого начала премьерства Коидзуми был нацелен на прямой диалог с народом. Данный механизм являлся одним из центральных в лидерском поведении премьер-министра. В начале обращения он подчеркивает, что его внешность уже хорошо известна публике — «львиная шевелюра», которая стала узнаваемым и подчеркнутым имиджевым компонентом его лидерства. Она позволила Коидзуми, носившему нетипичные костюмы серого цвета, отличаться от стандарта внешнего вида японского политика XX века. Стандарт внешнего вида политика в Японии — это темный аккуратный костюм и короткая стрижка на западный манер, вошедшие в японский политический обиход после реставрации Мэйдзи в качестве атрибута вестернизированной «цивилизованной нации» и превалировавшие до конца XX века [O'Brien, 2008, с. 1310, 1314]. Обозреватель Д. Григорио отметил, что стиль Коидзуми (седая пышная прическа) стали отличительной чертой этого политика, на Западе его называли азиатским Ричардом Гиrom [Gregorio, 2021]. Соответственно, Коидзуми стал персонально узнаваемым в глазах иностранной общественности, «стиль Коидзуми» значительно определял популярность и харизматичность японского лидера.

Коидзуми также отметил твердое намерение получать поддержку и обратную связь от нации напрямую. В конце 2001 г. он писал, что читательская аудитория достигла 2 млн. человек [Коидзуми, 2001c]. Читатели журнала присылали в редакцию и лично премьер-министру вопросы относительно проводимых реформ, на вопросы отвечал не только глава правительства, но и профильные министры. Генеральный секретарь правительства Японии Фукуда Ясуо выделил два основных инструмента (использована метафора «двух колес повозки») взаимодействия правительства и народа: обратная связь «Мэрумага» и «Таун-митинг» (встречи с горожанами), в которых участвовал премьер-министр и министры его кабинета; к ноябрю 2001 г. было проведено 50 подобных встреч [Фукуда, 2001].

В авторских статьях Коидзуми подчеркивал нацеленность на реформы, высказывал свои взгляды относительно руководства страной, государственных приоритетов. Если в начале выпуска журнала тексты носили скорее агитационный характер, то уже с осени 2001 г. превалирует предметная повестка, касающаяся реформ и планов правительства, диалога с оппозицией, участия в международных делах. В номере журнала от 26 июня 2001 г. Коидзуми объяснил новую трактовку понятия «хэндзин», расшифровав его как «хэнкаку но хито», т.е. «человек перемен», «человек трансформаций». Он увязал новое понимание «хэндзин» с объявленным в тот же день на заседании кабинета министров стратегическим курсом реформ «Хонэбуто но хо: син» («Твердый курс») и еще одним центральным лозунгом своего правления «Кайкаку накуситэ сэйтё: наси» (Без реформ нет экономического роста) [Коидзуми, 2001b]. Премьер-министра поддержали его последователи — члены его кабинета: министр внутренних дел и коммуникаций Катаяма Тораноскэ тоже назвал себя «хэндзин» в новом понимании, как «человек перемен» [Катаяма, 2001]. Он объяснял, что

вектор реформ обращен в будущее на создание новой социально-экономической структуры «нашей страны» в XXI веке. Вместе с министром Такэнака Катаяма отметил основные направления «Твердого курса»: усиление роли самого премьер-министра в проводимых реформах, реформа администрирования, перераспределение обязанностей и административных полномочий между центром и регионами, реформа в области IT технологий и становление Японии в качестве ведущей мировой IT-державы.

Политическое лидерство Коидзуми реализовано через механизм соподчинения лидера и его последователей, беспрекословно поддерживающих курс премьер-министра. Как отмечают политологи Т. Н. Самсонова и Е. С. Шпуга: «Лидерство не является взаимодействием, протекающим по схеме “лидер → последователи”, это скорее двунаправленный процесс “лидер ↔ последователи”. Следовательно, можно говорить как об идентификации последователей с лидером, так и лидера с последователями» [Самсонова, Шпуга, 2016, с. 150]. Идентификация Коидзуми с последователями свидетельствует о создании двунаправленной субъект-субъектной связи между премьер-министром и представителями его кабинета. Кроме того, слогановый стиль Коидзуми, отмеченный как характерная особенность его политического стиля, облегчал понимание содержания реформ для широких масс и упрощал процесс прямого взаимодействия Коидзуми и народа. Наиболее важными лозунгами стали: «Разрушим ЛДП», «Нет священных мест для реформ», дерегуляция частного сектора «От чиновников к народу» (Кан кара мин э) и муниципальных властей «От государства к регионам» (Куни кара тихо: э).

Оппозиция в лице Демократической Партии Японии и противников в рядах ЛДП подвергала критике именно эти положения. Один из главных оппонентов Коидзуми — Окада Кацуя во время парламентских дебатов 3 февраля 2003 г. обвинял премьер-министра в пустословии и нехватке лидерских качеств для реализации реформ, например: «Премьер-министр Коидзуми на собрании в начале прошлого года заявлял, что «нет священных мест для налоговой реформы». Однако затем центр обсуждений был перенесен в Совет по экономической и налоговой политике и комиссию по тарифам, и дело закончилось бесплодными обсуждениями двух этих структур о базовых принципах»⁸. Критика Окада ударяла в ядро харизматической программы Коидзуми и обращала внимание на нехватку конкретики в реализации заявленных новаций.

Главной реформой Коидзуми стала приватизация почты, к осознанию необходимости которой он пришел в 1991–1993 гг., когда занимал должность министра почты и коммуникаций. Лозунгом реформы служил слоган «Ю: сэй минъэйка» (Приватизация Почты). Коидзуми разрабатывал и проводил реформу почты на протяжении всего правления, в интервью «Львиное сердце» — «Интервью со львом» (01.04.2004) подчеркнул, что реформы реализуются общими усилиями, однако наиболее значительным препятствием в деле осуществления главной реформы — реформы почты — стали чиновники [Коидзуми, 2004]. Он аргументировал необходимость реформирования тем, что приватизированные в 1980-х гг. государственные компании Кокутэцу и Дэндэнко: ся стали успешными налогоплательщиками. Приватизация почты, с точки зрения Коидзуми, должна была позволить проводить более рациональную политику в области занятости. Он планировал провести реформу к 2007 г., однако в 2005 г. деятельность премьер-министра в данном направлении вызвала волну критики в рядах ЛДП и оппозиции. Коидзуми пошел на беспрецедентно воинственные меры: распустил парламент и назначил выборы на 11 сентября 2005 г. Перед роспуском парламента 8 августа Коидзуми выступил с речью на пресс-конференции, где продемонстрировал свою последовательность и приверженность заданному курсу и обосновал необходимость приватизации почты тем, что частная компания сможет оказывать услуги населению значительно

⁸ Дай 156 кайкоккай, хонкайги, дай 5 го: (03.02.2003). URL: https://www.shugiin.go.jp/internet/itdb_kaigirokua.nsf/html/kaigirokua/000115620030203005.htm (дата обращения: 30.11.2021).

эффективнее государственной⁹. Он делает акцент на неизбежности избранного политического курса, в противном случае его политика вызвала бы обвинения в непоследовательности. Прямые обращения к народу звучали после роспуска парламента в агитационных выступлениях Коидзуми, которые привлекли интерес широкой общественности. Например, в предвыборной речи (формат таунмитинг) в Нагасаки Коидзуми вместе с представителем буддийской партии Комэйто обращался с крыши микроавтобуса напрямую к избирателям. В речи он призывал понять важность «приватизации почты» в интересах широких народных масс¹⁰. Коидзуми особо выделял слова «Ю: сэй минъэйка» (приватизация почты), «кокумин» (народ) «минкан саки» (частный сектор на первом месте), что позволило бы Почте Японии предоставлять конкурентные услуги по всему миру.

Особым явлением эпохи Коидзуми стала театрализация политики, получившая развитие в японской политической культуре. На парламентских выборах 2001 г. и 2005 г. пронесся т.н. «вихрь Коидзуми» (Коидзуми сэмпу:) или «лихорадка Коидзуми», когда в преддверии выборов в палату советников 2001 г. и палату представителей в 2005 г. в прессе буквально бушевала буря, связанная с лозунгами Коидзуми — «Разрушим старую ЛДП и построим новую политико-экономическую систему» в 2001 г. и «Приватизация почтовой системы» в 2005 г. Пресса была использована в качестве важнейшего инструмента воздействия на широкую общественность. В 2005 г. в СМИ стал широко применяться термин «театр Коидзуми» (Коидзуми гэкидзё:), который отразил специфику политического стиля Коидзуми [Ёсиока, 2005]. «Театр Коидзуми» заключался в решительных действиях по роспуску парламента, поиску сторонников реформы почты, когда на это дело были положены все административные возможности премьер-министра, сторонниками реформы выступили т.н. «дети Коидзуми», введенные при его помощи в парламент по итогам выборов 2005 г. и выступавшие на стороне реформатора. Коидзуми критиковали представители его партии (вокруг депутата Камэи Сидзука сформировалась группа из приблизительно 100 депутатов, выступавших против законопроекта о почтовой реформе), даже Мори Ёсиро подчеркнул приоритетность вопросов, связанных с развитием пенсионной системы и налогообложения, и второстепенность вопроса приватизации почты в глазах японской аудитории. Однако Коидзуми действовал непреклонно и перенес центр внимания структурных реформ на реформу почтовой системы, названной «цитаделью реформ» (кайкаку но хоммару), вводя новый компонент своего правления — авторитарность. Ораторское мастерство, нестандартный внешний вид, авторитарность и инновационность — важнейшие составляющие демагогического харизматизма и театрализации политической деятельности Коидзуми. В современной политической практике театрализация политики и использование СМИ в данных целях представляет собой распространенный метод общения с аудиторией. В. А. Коваленко отметила, что избирательная кампания превратилась в «популярные театры», позволяющие заручиться поддержкой широких масс¹¹. К. С. Гаджиев оценивает театрализацию политики как одну из политических технологий, свойственных современному политическому процессу: «Перипетии политической борьбы подаются в формате спортивных зрелищ»¹². СМИ — инструмент тиражирования зрелищ,

⁹ Press Conference by Prime Minister Junichiro Koizumi. 08.08.2005. // Prime minister and his cabinet. URL: https://japan.kantei.go.jp/koizumispeech/2005/08/08kaiken_e.html (дата обращения: 30.11.2021); Ю: сэйкайсан, Коидзуми Дзюньитиро, Гарирэо эндзэцу. 08.08.2002. Видео-хостинг Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dAYxiKIquIo> (дата обращения: 30.11.2021)

¹⁰ Ю: сэй минъэйка сэнкё дэ Коидзуми мото со: ри Нагасаки дэ ооё ни хоэру. Видео-хостинг Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2eNyQnyhN0I> (дата обращения: 30.11.2021)

¹¹ Коваленко В. А. Процесс театрализации политики. Автореф. дисс. на звание уч. степ. к-та. полит.н. РостовнаДону, 2006. С. 4.

¹² Гаджиев К. С. Политология: учебное пособие для среднего профессионального образования. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2021. С. 205.

в которых участвуют кандидаты, испытывающие острую необходимость в даре актерской игры. Таким образом, «Театр Коидзуми» стал каналом подключения японской политической системы к мировому опыту и практике, а Коидзуми персонально выразил новый тип популиста-харизматика в японской политической культуре. Процесс театрализации политического поведения универсален, однако японская аудитория оценила «театр Коидзуми» негативно, и «гэкидзё» трактуется с ироническим оттенком — «показуха»¹³.

Коидзуми сообщил об уходе в отставку в 2006 г., ссылаясь на национальное законодательство. В конце правления он сделал попытку провести ряд поправок в Конституцию Японии по вопросу пересмотра пацифистской девятой статьи, хотя попытка окончилась неудачей. Третий кабинет Коидзуми ушел в отставку 26 сентября 2006 г. После ухода с поста премьер-министра популярность Коидзуми и его влияние в политических кругах резко упали. Он вышел из партии в 2009 г., передав по традиции свой мандат старшему сыну — Коидзуми Синдзиро. После 2009 г. Коидзуми Дзюньитиро практически исчез из политической жизни, его возвращение было обусловлено большой симпатией Абэ Синдзо к личности своего предшественника и представителя общего политического клана. Премьер-министр Абэ Синдзо после прихода ЛДП к власти в 2012 г. вернул Коидзуми Дзюньитиро как выдающегося реформатора и советника по политическим вопросам. Абэ подражал стилю Коидзуми как авторитарного лидера, стягивающего власть в руках премьер-министра («управление из резиденции премьер-министра»), и публичного лидера-реформатора, продолжив реформу почты и разработав нашумевшую структурную реформу «Абэномика». Правление Абэ в 2012–2020 гг. углубило результаты правления Коидзуми в области структурных экономических реформ, преобразований в военной сфере и активности во внешней политике, а также закрепило успехи преобразования института харизматического лидерства в Японии.

В специальном интервью газете Санкэй в мае 2021 г. Абэ Синдзо вспоминал, что прошло 20 лет после прихода к власти Коидзуми Дзюньитиро, и говорил, что этот яркий представитель своего поколения был первым премьер-министром, избранным в малых округах, т.е. стал кандидатом, поддержанным народом, а его главная цель состояла в усилении политики кабинета министров и развале фракционной системы¹⁴. Абэ подчеркивал преемственность правления Абэ-Коидзуми и дружеские отношения со своим предшественником.

Таким образом, в результате проведенного исследования автор пришел к сделанным следящим выводам: феномен Коидзуми заложил основы для функционирования нового типа лидера — «демагога», обращающегося к народу через запоминающиеся слоганы, использующего инструменты прямого диалога (журнал, городские митинги), хотя канал прихода к власти мог сохранять традиционные черты (генеалогия и консенсус фракций). Имидж политика (прическа, костюм, аксессуар) фокусировали внимание национальной и глобальной аудитории на его личности. Коидзуми остро поставил вопрос непрерывного внедрения инноваций в социально-экономическую и политико-административную систему: инновации переместились из недр бюрократической системы к высшему политическому руководству страны. Ораторское мастерство и непримиримая борьба за реализацию реформы почтовой системы создали феномен театра «гэкидзё», воспринимаемый внутренней аудиторией как неудовлетворительный. В 2010-е гг. произошло закрепление тактик Коидзуми в политической культуре Японии, о чем свидетельствует опыт преемника Коидзуми Абэ Синдзо, Коидзуми Синдзиро, а также других политиков, вышедших из команды Коидзуми.

¹³ Коидзуми Дзюньитиро но гэкидзёгата сэйдзи то ва, варуй котоба ни кикоэру но дэс га, сидзирицу 30 па: сэнтэ дай датта хадзу (нанони итайсуру то сидзирицу 70 ... // Блог Осигэ! О-канэ но сэнсэй. URL: <https://finance.yahoo.co.jp/brokers-hikaku/experts/questions/q14231382819> (дата обращения: 30.11.2021).

¹⁴ Абэ Синдзо дзэнсо: ри: «Коидзуми сюсё: ва сёсэнкёку но мо: сико». Интервью вел Абиру Руй. 01.05.2021. // Санкэй симбун. URL: <https://www.sankei.com/article/20210501-UULLBJGWZRLHP4QKXVH7IS3MM/> (дата обращения: 30.11.2021).

Список литературы

1. Aleaz Bonita. Democratic Politics and Charisma: The case of Jyoti Basu in Bengal // *Max Weber Studies*. 2012, Vol. 12, no 2. pp. 205–223.
2. Gregorio Jed. The political locks of Junichiro Koizumi: Notes on grooming. 16.01.2021 // *Lifestyle.INQ*. URL: <https://lifestyle.inquirer.net/377583/the-political-locks-of-junichiro-koizumi-notes-on-grooming/> (дата обращения: 30.11.2021)
3. Metz R. Democratic leadership as a political weapon: competition between fictions and practices // *International Journal of Public Leadership*. 2021, Vol. 17, no 4. pp. 313–324. <https://doi.org/10.1108/IJPL-09-2020-0094>.
4. O'Brien S. G. Splitting Hairs: History and the Politics of Daily Life in Nineteenth-Century Japan // *The Journal of Asian Studies*. 2008. Vol. 67, no. 4. pp. 1309–1339.
5. Paramova P., Blumberg H. Cross-Cultural Variation in Political Leadership Styles // *Europe's Journal of Psychology*. 2017, no 13(4). pp. 749–766. <https://doi.org/10.5964/ejop.v13i4.1412>.
6. Quinter D. Localizing Strategies: Eison and the Shōtoku Taishi Cult // *Monumenta Nipponica*. 2014. Vol. 69, no 2. pp. 153–219.
7. Watanabe Hiroshi. A history of Japanese political thought, 1600–1901 / transl. by D. Noble. Tokyo: LTCB International Library Trust/ International house of Japan, 2012.
8. Вебер М. Политика как призвание и профессия / пер. с англ. А. Ф. Филиппов. М.: РИПОЛ классик, 2020.
9. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 4. Господство. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
10. Ёсиока Итару. «Коидзуми гэкидзё»: ва со: тэйнай ка, со: тэйгай ка? // *Kansai University. Professors' columns*. 13.12.2005. no 24. URL: https://www.kansai-u.ac.jp/Fc_soc/column_professor/detail.cgi?id=20051213103926(дата обращения: 30.11.2021).
11. Катаяма Тораноскэ. Ватаси мо хэндзин? // *Коидзуми найкаку мэ: румагадзин*. 28.06.2001. no 3. URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/m-magazine/backnumber/2001/0628.html> (дата обращения: 30.11.2021).
12. Китагава Дж. М. Религия в истории Японии / пер. с англ. Н. М. Селиверстова. СПб.: Наука, 2005.
13. Коидзуми Дзюньитиро. Мэ: румагадзин но со: кан ни ататтэ. // *Коидзуми найкаку мэ: румагадзин*. 25.05.2001 URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/m-magazine/backnumber/2001/0529.html> (дата обращения: 30.11.2021)
14. Коидзуми Дзюньитиро. Хэндзин то ва. // *Коидзуми найкаку мэ: румагадзин*. 28.06.2001. no 3. URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/m-magazine/backnumber/2001/0628.html> (дата обращения: 30.11.2021).
15. Коидзуми Дзюньитиро. Сэйдзи о митига ни. // *Коидзуми найкаку мэ: румагадзин*. 06.12.2001 no 25. URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/m-magazine/backnumber/2001/1206.html> (дата обращения: 30.11.2021).
16. Коидзуми Дзюньитиро. Район интабю:, дайиккай. // *Коидзуми найкаку мэ: румагадзин*. 01.04.2004. no 135. URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/m-magazine/backnumber/2004/0401.html> (дата обращения: 30.11.2021).
17. Лещенко Н. Ф. Япония в эпоху Токугава. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999.
18. Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. Изд. 2-е. М.: Изд-во «Наталис», 2009.
19. Самсонова Т.Н., Шпуга Е. С. Политическое лидерство перед вызовами современности // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2016. Т. 22, No 4. С. 142–163. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2016-22-4-142-163>

20. Сато Хироо. Синран то Сё: токутайси // Тю: сэйбунка то дзё: досинсю:. 2012, цу: го: 13. pp. 1–7. URL: <http://www.nara-wu.ac.jp/liaison/lecture/20210508/sato.pdf> (дата обращения: 30.11.2021).
21. Синто — путь японских богов: В 2 т. Т. 1: Очерки по истории синто. СПб.: Гипперрион, 2002.
22. Умэда Исао. Хэнкакуся Коидзуми ка но саннин но отокотати. Токио: Кадокава сё: тэн, 2001.
23. Фукуда Ясуо. Нихон дзэнкоку о итидзюнсита таунми: тингу. // Коидзуми найкаку мэ: румагадзин. 22.11.2001. no 23. URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/m-magazine/backnumber/2001/1122.html> (дата обращения: 30.11.2021)
24. Чжоу Юйцзяо. Коидзуми Дзюньитиро но сэйдзирёку но синтё: — сэйкэн какутоку э но митисудзи // Тибадайгаку дзинбунсякайкагаку кэнкю:. 2012, no 25. pp. 24–41.
25. Ямадзаки Таку. Ямадзаки Таку га има акасу, «Коидзуми Дзюньитиро со: ри тан-дзё: хироку. 29.07.2016 // Гэндай бидзинэсу. URL: <https://gendai.ismedia.jp/articles/-/49298?imp=0> (дата обращения: 30.11.2021).

References

1. Aleaz Bonita. Democratic Politics and Charisma: The case of Jyoti Basu in Bengal. *Max Weber Studies*. 2012, Vol. 12, no 2. pp. 205–223.
2. Gregorio Jed. The political locks of Junichiro Koizumi: Notes on grooming. 16.01.2021. // *Lifestyle.INQ*. URL: <https://lifestyle.inquirer.net/377583/the-political-locks-of-junichiro-koizumi-notes-on-grooming/> (дата обращения: 30.11.2021)
3. Metz R. Democratic leadership as a political weapon: competition between fictions and practices”. *International Journal of Public Leadership*. 2021, Vol. 17, no 4. pp. 313–324. <https://doi.org/10.1108/IJPL-09-2020-0094>.
4. O’Brien S. G. Splitting Hairs: History and the Politics of Daily Life in Nineteenth-Century Japan. *The Journal of Asian Studies*. 2008. Vol. 67, no. 4. pp. 1309–1339.
5. Paramova P., Blumberg H. Cross-Cultural Variation in Political Leadership Styles. *Europe’s Journal of Psychology*. 2017, no 13(4). pp. 749–766. <https://doi.org/10.5964/ejop.v13i4.1412>.
6. Quinter D. Localizing Strategies: Eison and the Shōtoku Taishi Cult. *Monumenta Nipponica*. 2014. Vol. 69, no 2. pp. 153–219.
7. Watanabe Hiroshi. *A history of Japanese political thought, 1600–1901* / transl. by D. Noble. Tokyo: LTCB International Library Trust/ International house of Japan, 2012.
8. Veber M. *Politics as a Vocation* / transl. A. F. Filippov. Moscow: RIPOL klassik Publ., 2020. (In Russian)
9. Veber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*: in 4 vol. Vol. 4. Domination. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2019. (In Russian)
10. Yoshioka Itaru. Is Koizumi Theater expected or unexpected? *Kansai University. Professors’ columns*. 13.12.2005. no 24. URL: https://www.kansai-u.ac.jp/Fc_soc/column_professor/detail.cgi?id=20051213103926 (accessed: 30.11.2021). (In Japanese)
11. Katayama Toranoske. Am I man of change? *Koizumi naikaku me: ru magazin*. 28.06.2001. no 3. URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/m-magazine/backnumber/2001/0628.html> (accessed: 30.11.2021) (In Japanese)
12. Kitagawa J. M. Religion in Japanese History / transl. N. M. Seliverstova. St Petersburg: Nauka Publ., 2005. (In Russian)

13. Koizumi Jun’ichiro. At the launch of the e-mail magazine. *Koizumi naikaku me: ru magazin*. 25.05.2001. URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/m-magazine/backnumber/2001/0529.html> (accessed: 30.11.2021) (In Japanese)
14. Koizumi Jun’ichiro. Strange means... *Koizumi naikaku me: ru magazin*. 28.06.2001. no 3. URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/m-magazine/backnumber/2001/0628.html> (accessed: 30.11.2021) (In Japanese)
15. Koizumi Jun’ichiro. Bring politics to life! *Koizumi naikaku me: ru magazin*. 06.12.2001. no 25. URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/m-magazine/backnumber/2001/1206.html> (accessed: 30.11.2021) (In Japanese)
16. Koizumi Jun’ichiro. Interview with Lion. First meeting. *Koizumi naikaku me: ru magazin*. 01.04.2004. no 135. URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/m-magazine/backnumber/2004/0401.html> (дата accessed: 30.11.2021) (In Japanese)
17. Leshchenko N. F. *Japan in the Tokugawa era*. Moscow: In-t vostok-ia RAN Publ., 1999. (In Russian)
18. Meshcheriakov A. N. *Emperor Meiji and his Japan*. 2nd ed. Moscow: Natalis Publ., 2009. (In Russian)
19. Samsonova T.N., Shpuga E. S. The challenges political leadership faces in the modern world. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2016. Vol. 22, no 4. pp. 142–163. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2016-22-4-142-163>. (In Russian)
20. Sato Hiroo. Shinran and Prince Shotoku. *Chu: seibunka to jo: doshinshu*:. 2012, issue 13. pp. 1–7. URL: <http://www.nara-wu.ac.jp/liaison/lecture/20210508/sato.pdf> (accessed: 30.11.2021). (In Japanese)
21. *Shinto — the way of Japanese gods*: in 2 vol. Vol. 1: Essays on the history of Shinto. St Petersburg: Gipperion Publ., 2002. (In Russian)
22. Umeda Isao. *Three men of reform from Koizumi family*. Tokyo: Kadokawa shoten Publ., 2001. (In Japanese)
23. Fukuda Yasuo. A town meeting that toured all over Japan. *Koizumi naikaku me: ru magazin*. 22.11.2001. no 23. URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/m-magazine/backnumber/2001/1122.html> (accessed: 30.11.2021) (In Japanese)
24. Chzhou Iuitsziao. The Development of Koizumi Junichiro’s Political Power: The Rise to the Prime Minister. *Chibadaigaku jinbunshakaikagaku kenkyu*:. 2012, no 25. pp. 24–41. (In Japanese)
25. Yamazaki Taku. Yamazaki Taku reveals now: “Secret record of the birth of prime minister Junichiro Koizumi”. 29.07.2016. *Gendai bijinesu*. URL: <https://gendai.ismedia.jp/articles/-/49298?imp=0> (accessed: 30.11.2021).

Информация об авторе

Мария Николаевна Малашевская — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки, Санкт-Петербургский государственный университет.

Email: m.malashhevskaya@spbu.ru

Author’s Information

Maria N. Malashevskaya — Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Department of Theory of Social Development of Asian and African Countries, Saint Petersburg State University.

Email: m.malashhevskaya@spbu.ru

СЕКЦИЯ 11.
КРУГЛЫЙ СТОЛ «КУРДСКИЙ ВОПРОС:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

The Syria's Kurds: Dynamics of Political Self-Determination Process

Summary: The article examines the national identity formation dynamics of the Syrian Kurdish population in the 20th — early 21st centuries and their unique experience of political self-determination within the democratic autonomy of Rojava. As a methodological study basis historical-descriptive, systemic and constructivist approaches are used. The novelty of the research is determined by a comprehensive analysis of the political evolution of the Syrian Kurds as a national community, which could be portrayed in the twentieth century as socially and culturally heterogeneous ethnic minority, an “outgroup” in the Syrian society, and an object of discriminatory state policy, while by the turn of the twenty-first century transformed into an active regional actor implementing an unprecedented political project, which is an alternative to the existing models of Middle Eastern statehood and governance. Based on the analysis of A. Ocalan’s writings, the ideological platform of “democratic confederalism” model is researched. Particular attention is paid to the ambiguous role of international and regional actors, such as Russia, the USA and Turkey, in assessing the possibility of maintaining the Kurdish autonomy within Syria after the end of the crisis. The author concludes that despite the crystalized national identity of the Syrian Kurds and the apparent viability of the new model of autonomy, its political prospects are mainly determined not by internal dynamics, but the “Great Powers” foreign policy priorities and rivalry in the Middle Eastern arena. References contain 17 items.

Keywords: Kurds, Syria, the right to self-determination, Rojava, democratic autonomy

Курды Сирии: динамика процесса политического самоопределения

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию динамики формирования национальной идентичности курдского населения Сирии в XX — начале XXI вв. и их уникального опыта политического самоопределения в рамках демократической автономии Рожавы. В качестве методологической базы исследования используются историко-описательный, системный и конструктивистский подходы. Новизна работы заключается в комплексном анализе политической эволюции сирийских курдов как национальной общности от социально- и культурно-гетерогенного этнического меньшинства, занимающего положение «аутгруппы» в сирийском обществе и объекта дискриминационной государственной политики в XX веке, до активного регионального актора, реализующего на современном этапе беспрецедентный политический проект, представляющий собой альтернативу существующим моделям ближневосточной государственности и управления. На базе анализа сочинений лидера Рабочей партии Курдистана А. Оджалана исследуется идеологическая платформа модели демократического конфедерализма, основывающаяся на принципах отрицания национального государства, прямой демократии, равного представительства всех этнорелигиозных и лингвистических групп, гендерного равенства и инвайронментализма, а также особенности ее имплементации в сирийском Курдистане. Вместе с тем выявляются возможные причины трансформации идеологической парадигмы А. Оджалана и его обращения к либертарному муниципализму. Особое внимание уделяется роли международных и региональных акторов, таких как Россия, США и Турция, при оценке возможности сохранения Демократической автономии севера и востока Сирии в рамках САР после завершения кризиса. В результате проведенного исследования автор статьи приходит к выводу, что, несмотря на очевидно сформировавшуюся национальную идентичность курдов Сирии и представляющуюся жизнеспособность новой модели автономии, ее политические перспективы обусловлены преимущественно не внутренней динамикой развития, а внешнеполитическими приоритетами и соперничеством государственных игроков на ближневосточной арене. Библиографический список к статье содержит 17 наименований.

Ключевые слова: курды, Сирия, право на самоопределение, Рожавы, демократическая автономия

Introduction

The Kurds, a distinct ethnic group of Indo-European origin, according to various data, estimated to be between 28 and 40 million people, who live mainly in the territories of the Middle Eastern states: eastern and southeastern Turkey (Northern Kurdistan), northern Iraq (southern Kurdistan), northwestern Iran (Northern Kurdistan), and northeastern Syria (Western Kurdistan), occupying a total territory of more than 400 thousand square kilometers. In addition, large Kurdish diasporas exist in the European countries, the South Caucasus and North America. Despite the two millennia-old origins of the Kurdish people, whose ethnogenesis has not yet gained consensus in the scientific community, Kurdish national self-identification began to take shape only at the end 19th century, partly under the influence of the ideas of Pan-Turkism and Pan-Arabism, gradually displacing the previously dominant broader levels of identity, as subjects of the Ottoman Empire or Sassanian Iran, as well as members of a single religious community (millet). The formation of a Kurdish national identity, which basis, mainly, was formed by the idea of common ancient semi-mythical ancestors, and the mountains as the sacralized homeland of the Kurdish people, has entailed significant difficulties, most of which has not been overcome to date.

The most important factor hindering Kurdish self-awareness as an ‘imagined community’ [Anderson, 2006] and formation of their political and cultural unity was the lack of established borders of “Kurdistan” (a toponym that first appeared under the Seljuks in the 12th century, and since then has significantly changed its geographical outlines), that has not, however, received international recognition; as well as the division of the Kurdish ethnic group by the borders of the Middle Eastern states. These circumstances resulted in a lack of a single national language, writing, literature and confession. The two main languages used by the Kurds, along with the national languages of the countries of residence, are Sorani, which is spoken in the southern regions of Kurdistan, and Kurmanji, which is used in the north; also, there are a large number of dialects including Gurani, Zaza and others. Moreover, the Kurds use different alphabets depending on the region of origin: Latin in Turkey, Persian in Iran and Iraq, Cyrillic in a number of post-Soviet states. There is also a considerable religious diversity in the Kurdish community. About 75% of the population is Sunni Muslim; 5–7% of Kurds are Shiites, Christianity (mainly Catholicism) is less widespread, as well as Judaism, Sufism, and Alevism. Amongst others, such a confession as Yezidism can be distinguished, which is a symbiosis of ancient pagan beliefs, the dualism of Zoroastrianism, Manichaeism and elements of the Jewish, Christian and Muslim traditions.

The peculiar structure of Kurdish society, where tribal culture dominated until the mid-19th century, alongside with in some cases preserving nomadic way of life¹, has also become a serious obstacle to national unification. “This incompleteness of the ethnic consolidation of the modern Kurdish ethnos, which serves as a source of its not yet overcome ethno-social and ethno-cultural division, generates negative political consequences and, perhaps, the main one is low political culture as a result of cultural backwardness” [Lazarev, 2006, p.26]. This was largely a consequence of the slower pace of modernization of the Kurdish population. At a more recent stage, the consolidation process was also complicated by various ideological attitudes of the Kurds, e.g., between the Kurds of Iraq, who adhere to rather neoliberal and traditional values, and the Kurds of Turkey and Syria with their socialist / radical discourse. The influence on this process of both regional and foreign political actors using the “Kurdish problem” to promote their own strategic goals in the region should also be noted.

The beginning of the Kurdish national movement is usually associated with the name of Sheikh Ubeidullah, who headed the first mass uprising of the Kurds, which broke out in 1880

¹ In the era of Muslim conquests, the word “Kurd” itself meant a nomad, later this term referred to members of Kurdish-speaking tribes. According to another tradition, the ethnonym comes from “gurd” (hero, Pers.)

simultaneously in eastern and southeastern Turkey and northwestern Iran with claims for independence. The uprising was suppressed jointly by the authorities of the Ottoman Empire and the Persian Qajar dynasty, and has never been renewed. After the end of the First World War and the collapse of the Ottoman Empire, the Entente leadership, in accordance with W. Wilson’s concept of the large ethnolinguistic groups’ right to self-determination, included an article in the Peace Treaty of Sevres of 1920, providing for the granting of the right of autonomy to the Kurds, and the creation of a sovereign state for the coming year in the territory east of the Euphrates, south of Armenia and north of Syria and Iraq, where the majority of the Kurdish population resided. However, as a result of a shift in the balance of power in the region and the internal political situation in Turkey, this clause was not fixed in the subsequent Lausanne Treaty of 1923², and, thereby, the Kurds became one of the largest ethnic minorities in the Middle East without their own statehood. As a result of the Ottoman Empire territory partition between independent Turkey, Syria (under the French mandate) and Iraq (under the British mandate), the Kurdish population came under the rule of four governments (“four wolves”, as Kurdish nationalists put it [O’Leary, 2018, p. 355]). The forced territorial division of Kurds and their residence within the states where they were ethnic minorities and the objects of discriminatory state policy “contributed to the development of two opposite processes — the consolidation of the Kurdish ethnos and simultaneously its internal fragmentation” [The Middle East: Politics and Identity, 2020, p.143], that has not allowed to form a common all-Kurdish identity eclipsed by crystalized national identity of the Kurdish people of Iraq, Turkey, Syria, and to a much lesser degree of Iran.

The goal of this article is to examine the process of cultural and social identity and national self-consciousness formation of the Kurdish population of Syria culminating recently in the realization of a unique political self-determination model.

The main part

The formation of the Kurdish population of Syria was extremely heterogeneous and had an origin different from those in other Middle Eastern states. It includes a large Kurdish community in Damascus that has existed here since the Middle Ages under Salah ad-Din; residents of the predominantly desert lands of northern Jazira, who settled that territory in the second half of the 19th century; and the Turkish Kurds who fled the repression of the Kemalist regime in the 1920s and inhabited the border areas. Almost all Syrian Kurds are Sunnis, with the exception of two small Yezidi communities. It was the composition that made many analysts doubted that such a community, which was politically and geographically fragmented and which lacked the gift of impregnable mountains enjoyed by the other parts of Kurdistan, could play any important role in the Kurdish scene [Bengio, 2017, p. 21].

After the end of the French mandate and the Arab nationalist government rise to power in Syria in 1946, a whole chain of political events, rather arbitrarily connected with each other, led to an escalation of the interethnic conflict between the Arab and Kurdish population of the country. While the Kurds in the major cities of Damascus and Aleppo supported the newly elected central government, the Druze and Kurdish populations of the peripheral regions of Syria opposed, which was the first cause for exacerbating relations since Syria has gained independence. The next stage was the first Arab-Israeli war of 1948–1949, when Israel, according to some sources [McDowall, 2007, p. 471], used a spy network to stir up discontent among ethnic minorities, including Kurds, in order to weaken Arab regimes from within. This led to the evolving of a certain perception stereotype of the Kurdish population as a ‘Trojan horse’ and a foreign actors’

² At the Lausanne Conference, the Kurds themselves argued against minority status: “The demand we make of the Lausanne Conference is not the protection of a minority; it is the vindication of the right to live of a great independent people with a country of its own” [McDowall, 2007, pp. 174–175].

influence tool in the region, consolidating their 'outgroup' status in the Syrian society. Another factor was the strengthening of the military elite positions of partially Kurdish origin during a series of coups d'état in Syria in 1949, which also gave an additional motive for the discontent of the Arab population. These reasons, on top of the surge of Arab nationalism after the World War II, exacerbated by the new Ba'ath party entering the political arena, led to the implementation of a discriminatory policy of the ruling regime towards ethnic minorities in general, and the Kurds in particular.

In order to build a homogeneous Arab-Muslim state, the linguistic factor of the society consolidation was foremost employed. To strengthen its impact the government issued decrees prohibiting the use of non-Arab names for shops, movie theatres and hotels; during any public or official event, only Arabic had to be used [McDowall, 2007, p. 471]. Further strengthening of the influence of pan-Arab tendencies and the ideology of Nasserism, reflected in the creation, albeit short-lived, of the United Arab Republic in an alliance with Egypt (1957–1961), solidified the unequal position of ethnic minorities in Syria. An attempt to create in 1957 the Democratic Party of Kurdistan in Syria, led by Nouredin Zaza, whose political program called for the recognition of the Kurds as a separate ethnic group with cultural rights, the lifting of restrictions on military and police service for Kurds, and establishing a democratic government in Damascus, has failed. The formation of the Syrian Arab Republic in 1961 (the very name of which effectively excluded the non-Arab population from the political field) and the rise to power of the Ba'ath party in 1963 in Syria as well as in Iraq, led to a clash of Arab nationalism with the 'nationalisms' of ethnic minorities [Achkasov et al, 2021, p. 428]

The most striking manifestation of this conflict was the revocation of the Syrian citizenship of a significant part of the Kurdish population in the Jazira province. An instrument of ethnic discrimination was the 'emergency census' of November, 1962, during which the Kurds in order to confirm their legal status, had to present documentary evidence of their residence in this territory, and those who could not provide the relevant papers, namely 120,000 Kurds [Radpey, Rose, 2017, p.74] received residence permits instead of Syrian passports. The reason for the census was the Damascus authorities' fears of a demographic balance change as a result of the mass migration of Turkish Kurds to northern Syria in the early 1960s and rapid population growth in the northern regions of the country, which were predominantly inhabited by non-Arab minorities. The same reasons led to the creation in 1973 of the so-called 'Arab belt', which assumed the deportation of the Kurdish population from the border regions and the settlement of these territories by Arab families in order to separate the Kurds in northern Syria from the Kurds across the border in southern Turkey. These measures were legitimized by the infamous doctrine by Syrian Arab official Muhammad Talab Hilal aimed at denial of the ethnic Kurdish identity through Arabization.

Specific restrictions were imposed to the Kurdish language, being one of the central sources of Kurdish ethnic identity. In Syria, as well as in Turkey, the Kurdish language has never had the status of an official language, and since the late 1980s it was banned from use in the workplace, during weddings and public events. It was forbidden to use Kurdish as the language of instruction in public or private schools [Vertiaev et al, 2013, p. 94], to publish books or correspond in Kurdish (books and materials in Kurdish were published in Beirut and secretly transported to Syria).

Despite (or vice versa, due to) numerous restrictions, since the 1950s the political activities of the Kurdish population of Syria have intensified. Along with the already mentioned Democratic Party of Kurdistan, about 15 more parties were illegally functioning in Syria, claiming to represent the interests of the Kurdish people. As an Austrian scholar T. Schmidinger put it: "no other part of Kurdistan is home to such a confusing diversity of Kurdish parties and groups — who are often difficult to tell apart from each other — as Syrian Kurdistan" [Schmidinger, 2018, p. 79].

The programs of these parties were mostly identical and contained demands for equality between the Kurdish and Arab citizens of the country, with the granting of all social and cultural rights to the Kurdish minority, as well as the establishment of democratic rule in Syria. Meanwhile, due to the fear of further exacerbation of relations with the ruling regime, since 1970, all these parties avoided mentioning the concept of "Kurdistan", replacing it with the word "Kurdish", thereby demonstrating to the Syrian government that they did not seek to create an independent Kurdistan but a recognition of their legal rights under the SAR [McDowall, 2007, p. 478]. At the same time, the majority of them shared the Marxist-Leninist views, as well as the ideas of the Turkish Workers' Party of Kurdistan (PKK) leader, Abdullah Ocalan, (who adhered to left-wing radical views and proclaimed as a main goal the idea of creating an independent Kurdish state through armed struggle), especially during the period when official Damascus supported Turkish Kurdish movement. Since 1978, some of these parties have been informally recognized by the government of H. al-Assad, and in 1990 three Kurdish leaders were even elected to the Syrian parliament, which, however, did not affect the change in the status of the Kurdish minority in the country.

After the military coup in Turkey in 1980, when government troops conducted a massive operation to capture members of illegal Kurdish organizations, the PKK leaders found refuge in Syria, and Damascus, as part of the traditional regional rivalry with Ankara, provided the PKK with training bases in the territories of Lebanon under their control (which appeared during the civil war 1975–1990), and even opened official representative offices of the PKK in a number of Syrian cities. The support of Damascus ensured the spread of the Ocalan party influence among the Syrian Kurdish population under the slogans of the struggle for the creation of an independent Kurdistan. The situation changed dramatically in 1998, when Turkey undertook a diplomatic demarche to halt Syria's support for the PKK. Having concentrated its troops on the Syrian border and threatened with a military invasion, as well as blocking the waters of the Euphrates (taking advantage of its position as a state of the upper reaches of the river), Ankara obtained guarantees from President H. al-Assad under the Adana Agreement, that he would abandon further cooperation with Ocalan, extradite him to the Turkish authorities and close all PKK missions in Syria.

Meanwhile, al-Assad's use of the Kurdish factor in relations with Turkey in no way weakened the strict discriminatory policy of the Syrian authorities towards their own Kurdish population, which was in turn aggravated by a rather hostile attitude on the part of their Arab compatriots. Paradoxically, in addition to the Arab ethnocentrism impact, this was due to the problem of unemployment among the Kurds associated with permanent job restrictions. As a result, most of the male population served in the internal armed forces, which were used, among other things, to suppress the riots of the Sunni Arabs who protested against the Alawite state elite (e.g., during the major Sunni uprising of 1982), which heavily compromised the Kurds in the eyes of the Syrian Arabs.

The death of Hafiz al-Assad and the ascent to power of his European-educated son Bashar al-Assad in June 2000 at first stages gave hope for the political system liberalization. But the brief 'Damascene Spring' finished just one year later with a new wave of opposition' persecution, and, particularly from 2003 on, with an even more repressive policy towards the Kurdish population.

Since the beginning of the Arab Spring, President B. al-Assad, in order to reduce the level of social tension, proposed a reform program, which, among other things, guaranteed the Kurds the restoration of citizenship lost in 1962, legalization of political parties, etc., however, in due to the further escalation and internationalization of the conflict, it was never implemented. Taking an active part in anti-government protests at the initial stages, in the future, the Kurdish community adhered to a policy of strict neutrality, limiting itself to protecting the territory of Western Kurdistan from the penetration of opposing military groups. Withdrawal of governmental troops

from the Kurdish regions provided an opportunity to the most influential political force of the Kurdish movement, Democratic Unity Party (PYD), due to its effective military force, which consisted of the People's Protection Units (YPG) and the all-female organization, the Women's Protection Units (YPJ), established in 2012, to form its own legislative body — the People's Council of Western Kurdistan in the summer of 2012. One of the first laws which were adopted by the newly formed institution eliminated discrimination on the grounds of national, linguistic, gender, religious and social affiliation [Ivanov, 2016, p.51].

By the beginning of 2014, three provinces of Syrian Kurdistan (Rojava)³ and adjacent Arab regions achieved de facto autonomy rights with the establishment of what it called democratic autonomy (*xweseriya demokratik*) — a cantonal system based on the ideology of democratic confederalism. This system is based on the following basic principles: direct democracy, in which citizens take an active part in the decision-making and governance of the canton, and the rejection of the idea of a nation-state through the creation of administrative structures that incorporate the various religious and ethnic groups living in the territory of Rojava, along with Kurds (Christians, Yezidis, Arabs, Armenians, etc.), thereby providing minorities with an unprecedented level of political participation in the Middle Eastern region's practice.

The principles of equality are enshrined in the “Social Contract of the Cantons of Rojava in Syria”, which initially fulfilled the role of the constitution of the Kurdish autonomy:

We, the peoples of the democratic, self-governing region, Kurds, Arabs, Assyrians (Assyrian, Chaldean, Aramaic), Turkmen, Armenians and Chechens, with complete free will communicate that will we ensure justice, freedom, democracy and rights of women and children ... The autonomous regions of democratic administration do not recognize the concept of the nation state and the state based on military force, religion and centralism [Cit. Aretaios, 2015].

Researchers underline the creative dimensions of the Rojava constitution-writing that involves merging previously known principles into uniquely new forms and adding elements that are new in the region [Radpey, Rose, 2017, p.78]

Despite the fact that the predominant religion of the population of Rojava is Sunni Islam, the autonomy seeks to establish a secular and poly-confessional community, following the French laicism tradition. Gender policy in Syrian Kurdistan is also unique for the Middle East, where, according to the developed legislation, 40% of official positions in all social spheres, including the military, should be occupied by women [Moberg, 2016, p.25]. So, along with the People's Chamber (*mala gel*) — the public council, which is the center of decision-making at the local level, there are also structures of women's chambers (*mala jinan*), whose jurisdiction extends to cases of violence against women. As part of the legislative measures regulating the status of women, polygamy, unilateral divorce and marriage under 18 years of age were abolished and a system of alimony in case of divorce was introduced. It cannot be said that in the patriarchal Kurdish society the ideas of gender equality do not cause resistance, however, certain progress has undoubtedly been made.

A distinctly innovative feature is also the emphasis on environmentalism in Rojava's politics, although less specified in the Social Contract, in comparison, e.g., with gender issues.

Rojava is developing a system of multilingual education at school and university levels, within which teaching is carried out in Kurmanji, Arabic and Syriac, as opposed to the principles of the educational system “one language, one party, one policy” of the Syrian regime. In 2015, the first institution of higher education — the Mesopotamian Academy of Social Sciences was opened.

³ The word Rojava means “the land of the sunset”, where “roj” can be translated as both “day” and “sun”. Sun per se is a symbol of the Kurdish nation, presenting in the midst of their flag. Kurdish nationalists at the same time tend to translate Rojava as West Kurdistan (which is basically geographically incorrect as many Kurdish territories in Turkey are situated further to the west than Rojava itself). Even the most popular PKK TV-channel in Turkey before its prohibition was called Roj TV

The uniqueness of Rojava also lies in the fact that during the armed conflict, the autonomy was able to implement structural changes that correlate with structural peacebuilding, which is most often found in the “zones of peace” after the end of hostilities and stabilization of the situation, and is most often associated with peacekeeping activities of external actors.

Therefore, the process of development of a decentralized federal state in Syria was initiated, culminating in March 2016 with a unilateral declaration on democratic federalism and the establishment of a “Social Contract” as an official constitution of Kurdish autonomy. Since December, 2016, Rojava received the name of the Democratic Federation of Northern Syria, which implied the existence of a formed community of both the subject of the Syrian state and a multi-ethnic polity based on pluralism, democracy, the ideas of feminism and environmentalism. Simultaneously, the rejection of the term Rojava caused sharp criticism from the Kurdish opposition parties, especially those close to the Kurdistan Regional Government in Iraq, which considered it a betrayal of the Kurdish nature of the region [Schmidinger, 2018, p. 2–3]. In 2018, the union of cantons was renamed as the Autonomous Administration of North and East Syria (AANES).

The architecture of the self-government system in Rojava is in many ways the embodiment of the concept of A. Ocalan, who being imprisoned on the island of Imrali, has dramatically revised his views on the future of the Kurds, in particular, on the unifying role of Kurdish nationalism in favor of building a federal state representing a hybrid model of socialism and direct democracy; gender equality and environmental safety; denial of the institution of the state as immanently hegemonic and repressive, as well as nationalism as a primitive and archaic concept. In addition, the nation state is seen as a pillar of capitalism, which supports the centralization of the state and serves as a source of social exclusion. Therefore, the new type of society should be characterized by political pluralism, flexibility, multiculturalism, antimonopolistic character and an orientation towards communal (consociational) democracy with “ecology and feminism” as its main pillars [Ocalan, 2016].

Many researchers associate the change in the views of the Kurdish leader and his appeal to libertarian municipalism with the isolation from the outside world and excessive enthusiasm for works on social theory and history of F. Braudel, M. Foucault, F. Nietzsche and, in particular, the representative of eco-anarchism Murray Bookchin, as well as the long-term influence of his feminist associates on the revolutionary struggle, who have played an active role in the PKK since 1978. It can also be assumed that after the collapse of the USSR and the marginalization of communist ideology in general, Ocalan, guided by pragmatic considerations of looking for a source of new external support, simultaneously engaged in several directions, which were particularly sensitive for the Western intellectuals.

An example of the success of chosen strategy is e.g. David Graeber's article “Why is the World Ignoring the Revolutionary Kurds in Syria?” in “The Guardian”, where the author portrayed Rojava as an anarchist experiment that has clear parallels with the events of the Spanish Civil War of 1936–1939 [Graeber, 2014], thereby creating popularity for the Kurdish project among Western anarchists and leftists. And Ocalan's rhetoric of glorifying diversity such as: “Uniformity is seen as deformity, poverty-stricken and boring... Only equality and freedom that rest on diversity are valuable” [Ocalan, 2016, p.53] has led to support from postmodernism apologists and anti-globalists.

Conclusion

From the regional politics' perspective, Ocalan's new ideology, based on the denial of the nation-state idea, could potentially lead to the abandonment of the Syrian, as well as the Turkish Kurds, of the struggle for an independent Kurdish statehood in the Middle East. These

prospects seem to be extremely favorable not only for Turkey as a main antagonist of the Kurdish nationalism in the region, but also Iran, which seeks to prevent separatist sentiments among its own Kurdish population. The most realistic and successful scenario, therefore, might be the preservation of Rojava within the framework of a future democratic Syria as an autonomous subject of a federation or confederation. Nevertheless, despite the seemingly mutually beneficial perspective, the development of such a scenario is largely hindered by the ambiguous policy of international actors, such as the Russian Federation and the United States, which are situationally changing their approach to resolving the Kurdish issue depending on short-term geopolitical benefits, and, foremost, Turkey traditionally aimed at suppressing a slightest vestige of Kurdish independence, including in neighboring countries. These attitudes were manifested, in particular, in the fact that immediately after the proclamation of the political autonomy of Rojava in 2014, Ankara recognized the Syrian Kurdish Democratic Union Party as a terrorist organization, accusing it (justifiably) of close ties with the Turkish PKK. In addition, during the operations “Euphrates Shield” (August 2016 — March 2017) and “Olive Branch” (January 2018 — March 2018), Turkish troops under the auspices of the fight against Islamists and militants actually occupied Afrin — one of the cantons of Rojava, trying to prevent the unification of the three Kurdish cantons on the Syrian-Turkish border with Jazira in the east, Kobane in the center and Afrin in the west. In this case, in addition to Ankara’s fears concerning the potential radicalization of the Turkish Kurdish movement due to the support and the “role model” represented by the Syrian Kurds [Gunter, 2013, p. 453], it also aimed at the prevention of a transport corridor for the energy resources export from Iraq to the Mediterranean Sea via the Kurdish territories bypassing Turkey. To a large extent, Ankara’s further freedom of action in the Syrian Kurdish issue was facilitated by the withdrawal of the American military contingent from Rojava in 2019, as well as the Russian-Turkish Sochi agreements of October, 2019, ratifying Ankara’s presence in northeast Syria, which seriously weakened the position of Kurdish autonomy. According to the reports of the UN Independent International Commission of Inquiry on the Syrian Arab Republic, numerous cases of hostage-taking, expropriation of property, the use of civilians’ houses for military purposes by Turkey, as well as restrictions on access to water resources, were recorded in the Kurdish regions of Northern Syria [Reports of the UN Commission of Inquiry on Syria, 2019–2021].

It could be concluded, that regardless of the future of Rojava after the end of the Syrian crisis, which at the moment seems rather vague, this political phenomenon is of great interest already because it offers an alternative to the existing models of Middle Eastern statehood and governance, implementing the process of democratizing political and social functions from the bottom up. And, along with the fact that this experiment predominantly aims at solving the “Kurdish issue” and their right to self-determination, and the Kurds are the main driving force in building a new society, it is primarily based on the idea of ethnic and confessional heterogeneity. Therefore, the model of “democratic confederalism”, omitting its certain utopianism, is not only a tool for the implementation of Kurdish polity, but also a potential way to build a new political architecture in the Middle East.

References

1. Achkasov V.A., Abalian A. I., Andreev A. A., Nikiforov A. A. *Ethnopolitical conflicts and mobilization in the modern world: post-Soviet context*. St. Petersburg, Rossiiskaia Khristianskaia Gumanitarnaia Akademiia Publ., 2021 (in Russian)
2. Anderson, B. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, New York, Verso, 2006

3. Aretaios, E. The Rojava Revolution. March, 15, 2015 <https://www.opendemocracy.net/en/north-africa-west-asia/rojava-revolution/> (дата обращения: 18.07.2021)
4. Bengio, O. The Kurds in a Volatile Middle East // *Mideast Security and Policy Studies* No. 130. The Begin-Sadat Center for Strategic Studies, Bar-Ilan University, 2017
5. Graeber, D. Why is the World Ignoring the Revolutionary Kurds in Syria? // *The Guardian*. 2014 <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/oct/08/why-world-ignoring-revolutionary-kurds-syria-isis> (дата обращения: 18.08.2021)
6. Gunter, M. The Kurdish Spring, *Third World Quarterly*, 2013 Vol. 34, Issue 3, pp. 441–457, DOI: 10.1080/01436597.2013.785339
7. Ivanov S. M. Syrian Kurds in the fight for their rights and freedoms. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*. Moscow, Institut mirovoi ekonomiki i mezhdunarodnykh otnoshenii Publ., 2016, V.60, issue 9, pp. 48–58 (in Russian) DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-9
8. Lazarev M. S. Intra-Kurdish conflicts: origins and development // *Kurdish question in Western Asia at the beginning of the XXI century*. Ed. by Zhigalina O. I., Moscow, Institut Vostokovedeniia Rossiiskoi Akademii Nauk Publ., 2006 (in Russian)
9. McDowall D. *A Modern History of the Kurds*. London, New York, I. B. Tauris, 2007
10. *The Middle East: Politics and Identity*. Ed. by Zviagelskaia I. D. Moscow. Aspekt Press Publ., 2020 (in Russian)
11. Moberg M. Nation-building in Rojava: Participatory Democracy amidst the Syrian Civil War // *Pathways to Peace and Security*. Issue 2(51) 2016 https://www.imemo.ru/files/File/magazines/puty_miru/2016/02/04Moberg.pdf (дата обращения: 15.09.2021) DOI 10.20542.2307-1494-2016-2-15-36
12. Ocalan A. Democratic Nation 2016 <https://ocalanbooks.com/#/book/democratic-nation> (дата обращения: 18.11.2021)
13. O’Leary, B. The Kurds, The Four Wolves and The Great Powers // *The Journal of Politics*, 2018–01, Vol.80 (1), p.353–366 <https://doi.org/10.1086/695343>
14. Radpey, L., Rose, G. A New Creative Kurdish Constitution in the Middle East // *Creativity Studies*, 2017 Volume 10(1), Routledge, pp. 72–83 DOI: <https://doi.org/10.3846/23450479.2017.1284164>
15. *Reports of the UN Commission of Inquiry on Syria (2019–2021)* https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/Pages/NewsSearch.aspx?MID=CoI_Syria (дата обращения: 25.11.2021)
16. Schmidinger, T. *Rojava: Revolution, War and the Future of Syria’s Kurds*. London, Pluto Press, 2018
17. Vertiaev K.V., Ivanov S. M., Zhigalina O. I. *Political processes in the Kurdish areas of Western Asia (Iraq, Turkey, Syria, Iran)* Moscow, Institut Vostokovedeniia Rossiiskoi Akademii Nauk Publ., 2013 (in Russian)

Информация об авторе

Анна Игоревна Абалян — кандидат политических наук, доцент кафедры этнополитологии Факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Email: a.abalyan@spbu.ru

Author’s information

Anna I. Abalian — PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Ethnic Politics, Saint Petersburg State University.

Email: a.abalyan@spbu.ru

УДК 342.1

К.В. Вертяев

Институт востоковедения РАН

Курдские автономии Сирии и Ирака как повстанческие государства

Аннотация: В статье дается сравнительный анализ формирования в Сирии и Ираке двух курдских автономий (Иракский и Сирийский Курдистан), де-факто имевших признаки неконтролируемых территорий и повстанческих государств (ПГ). Для Иракского Курдистана форма ПГ была характерна в период с 1961 по 2005 гг., т.е. с момента начала «Сентябрьского восстания» курдов Ирака до принятия федеральной конституции Ирака, для Сирийского — с 2014 г. по настоящее время. Эти две автономии (одна де-юре, другая — де-факто) формировались в различных политических условиях, имеют разный политико-правовой статус, однако при этом оба политических образования являются важными и практически независимыми игроками на ближневосточной арене, в том числе и как источник миграционного кризиса. Их возникновение представляет собой частный случай фрагментации политического пространства (в контексте Сирии и Ирака) на разных территориальных уровнях как следствие турбулентной трансформации мирового геополитического порядка. В статье выдвигается тезис о том, что в основе политического устройства Иракского и Сирийского Курдистана лежат две различные системы протогосударственности, основанные на современных атавизмах вождества и военной демократии соответственно.

Ключевые слова: Сирийский Курдистан, Иракский Курдистан, протогосударство, повстанческое государство, Сирия, Ирак, ПДС, ДПК, ПСК

Kirill V. Vertiaev

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Kurdish Autonomies of Syria and Iraq as Insurgent States

Summary: the article provides a comparative analysis for the formation of two Kurdish autonomies (Iraqi and Syrian Kurdistan), as they de facto have been showing signs of uncontrolled territories and insurgent states. As for the Iraqi Kurdistan, the form of insurgent state was typical for the period from 1961 to 2005 till the adoption of the Iraqi federal constitution and for Syrian Kurdistan (Rojava) the form of an insurgent state is still present since 2014. These two autonomies (one is de jure, the other is de facto), were formed in different political conditions and have different political and legal status, but at the same time, both political entities appear to be important and practically independent actors in the Middle East arena. Their emergence is a special case of the fragmentation of the political space (in the context of Syria and Iraq) at different territorial levels as a result of the turbulent transformation of the world geopolitical order. The article puts forward the thesis that the political structures of Iraqi and Syrian Kurdistan are based on two different systems of proto-statehood: a modern atavisms of chiefdom and a military democracy respectively.

Keywords: Syrian Kurdistan, Iraqi Kurdistan, proto-state, rebel state, Syria, Iraq, PDS, KDP, PUK

Иракский и Сирийский Курдистан, как две автономии (одна де-юре, другая — де-факто), формировались в различных политических условиях, имеют разный политико-правовой статус, однако при этом оба политических образования представляются важными и практически независимыми игроками на ближневосточной арене. Иракский Курдистан (ИК) или Регион Курдистан — это широкая автономия в составе Ирака, существующая де-юре с 1974 г. на севере страны, а Сирийский Курдистан (Рожава, Автономная администрация Северной и Восточной Сирии (ААСВС) — де-факто, сложившаяся в 2014 г., и самопровозглашенная автономия. Граница между ними является государственной границей между Сирией и Ираком (лишь незначительная ее часть). Возникновение этих двух протогосударственных образований со своими собственными вооруженными силами — пешмерга в ИК и YPG (курдские силы самообороны в составе Сирийских демократических сил (СДС)) в ААСВС — связывается с актуализацией курдского фактора в регионе, имеющем свою характерную предысторию.

Под понятием «протогосударство» обычно подразумевают политический субъект, который не представляет собой полностью автономно институционализированное или суверенное государство. Такие политические образования нередко образуются движениями, составленными из географически сконцентрированных этнических и религиозных доминирующих групп с высокой внутренней мобилизацией, однако нередко характеризующихся относительной недолговечностью: Тамил-Илам на Шри-Ланке (1983–2009 гг.), Вазиристан в Пакистане (2006–2009 гг.), государство туарегов Азавад в Мали (2012–2013 гг.) и др.

По сути, речь идет об отдельных анклавах (причем не обязательно территориальных), эффективность организованности которых позволяет им выживать в рамках обрамляющего общества-конгломерата. [2, с. 9]. Это происходит из-за склонности этнической (культурно-лингвистической или конфессиональной) группы с высокой внутренней мобилизационной идентичностью отвергать легитимность либо правящего режима, либо политического строя и создать свой собственный анклав, где группа может спокойно жить в рамках своих сфер законов, социальных норм и порядка [24, р. 31]. В контексте курдской истории наглядным примером протогосударства может послужить и кочевая конфедерация милли (начало XX века), и королевство Курдистан со столицей в Сулеймании (1922–1924 гг.), и Мехабадская Республика (1946 г.).

По мнению российского исследователя Т. В. Кашаниной, основой протогосударственности является возможность производства достаточной массы продукта, способной удовлетворить собственные потребности и произвести продукт для обмена [6, с. 44–45]. В этой связи нетрудно заметить, что на севере и востоке Сирии сосредоточены значительные посевы пшеницы, других культур, что делает север и восток страны своеобразной «житницей» всей Сирии. Что касается Иракского Курдистана, то он поставляет до 75% собираемой во всем Ираке пшеницы, 50% урожая фруктов (за исключением фиников) и почти 100% табака. При этом собственные доказанные запасы нефти в ИК составляют около 2 млрд. баррелей, вероятностные запасы — около 17,7 млрд. баррелей. Иракский Курдистан напрямую заключил инвестиционные контракты, в том числе и с российскими компаниями: «Газпром нефть», «Роснефть», «Союзнефтегаз». По оценкам аналитиков, в ИК добывается до 60% всей иракской нефти. Возможность реконструировать две ГЭС в Дохане и Дербендихане может обеспечить покрытие всех потребностей автономии в электроэнергии (а возможно, и соседней курдской самопровозглашенной автономии в Сирии).

На северо-востоке Сирийского Курдистана в районе Дейр эз-Зора (Хашам, ат-Табия) также находятся крупнейшие запасы нефти небогатой этим ресурсом Сирии. Все они на момент написания статьи находились под контролем СДС и США, продажа

и переработка нефти с которых осуществляется различными путями, в том числе и через подконтрольные официально Дамаску территории.

Особенностью курдских протогосударств всегда было то, что они почти никогда не имели фиксированных политических границ. Причем характеристиками протогосударства могли обладать и кочевые племена, например, милли или джаф [13, р.17–18]. Это, в частности, выражалось в продолжавшихся на протяжении двух веков спорах между Османской и Персидской империями о разграничении своих территорий в регионах компактного проживания курдов, причем при посредничестве иностранных держав: Англии и России. Однако, как показывает общемировая практика, суверенитет невозможен при полностью или частично размытых границах. Так, острота проблемы Киркука — территории, оспариваемой курдской автономией и центральным правительством в Багдаде, лишь только фиксирует сложность территориального определения границ этого протогосударства. Сюда же стоит отнести спорные территории Синджара, населенные курдами-езидами.

Косвенными показателями внешней легитимности протогосударства могут служить участие в международной торговле, переговорах по разрешению конфликта, сотрудничество с зарубежными акторами в борьбе с терроризмом и т.д. [19, р 731]. Нельзя не отметить, что становление современной иракско-курдской и сирийско-курдской протогосударственности во многом было связано еще и с эффектом «черного лебедя», т.е. непредсказуемого события. В первом случае — это блокада со стороны режима Саддама Хусейна в 1991 г. северного Ирака, введения на основании резолюции ООН режима бесполетной зоны до 36 параллели, что предопределило формирование здесь курдской квазигосударственности вплоть до официального закрепления автономного статуса Курдистана в иракской конституции 2005 года. В контексте Сирийского Курдистана непосредственным катализатором его становления, как протогосударства, стала начавшаяся гражданская война в Сирии и факт оставления значительной части Сирийского Курдистана вооруженными силами сирийского режима, т.е. территорий проживания курдов на севере и северо-востоке Сирии, в результате чего Сирийский Курдистан (и особенно провинция Африн до оккупации ее Турцией) стали «центром притяжения» для инсургентов из числа Партии рабочих Курдистана (запрещена в Турции). До этого момента никакой ни де-юре, ни де-факто автономии курдов в Сирии не существовало.

В своем исследовании «Повстанческие государства» (1969 г.) американский исследователь Роберт МакКолл писал, что для современных национальных революций захват и контроль над территориями является жизненно важным «территориальным императивом». Цель повстанческого государства — это контроль над территориями. «Эра инсургенции», которая продолжалась с окончания Второй мировой войны, была опосредована тем, что инсургентские повстанческие группировки становились средством достижения целей союзническими державами во время Второй мировой войны, будучи сконцентрированными, в основном, в Азии, северной Африке, континентальной Европе. То есть в результате мировой войны вооруженная инсургенция получала легитимацию, как средство достижения своих политических изменений. [21, р 617.]

На основании работ МакКолла можно утверждать, что современные национальные революции приняли в качестве основной тактики создание территориального антигосударства (мятежного государства) внутри существующих государств. Механизм заключается в создании территориальных единиц, конкурирующих со всеми атрибутами любого легитимного государства в части контроля над территорией и населением и, в частности, созданием своих собственных административных единиц, а также основ властных структур и своей собственной армии.

По схеме традиционных повстанческих групп действовали как восставшие иракские курды в 60-е годы, так и сторонники Абдуллы Оджалана и Партии рабочих Курдистана

на территории Турции с 1984 г., когда установление контроля над территорией и создание повстанческого государства ставилось целью вооруженной борьбы [4, с.78].

Целью повстанческих государств, по сути, является ретерриторизация — следствие ослабления политического режима государства и его способности контролировать территорию и ключевые ресурсы страны, разрушение монополии государства на насилие, размывание общенациональной идентичности и замещение формальных институтов неформальными [18, р.521].

Создание повстанческого государства имеет ряд требований и ценностей для национально-освободительного движения. Во-первых, это — убежище для его лидеров и продолжения развития, борьбы и достижения целей национально-освободительного движения, в том числе с точки зрения людских и материальных ресурсов, создавая ауру легитимности для своих последователей. И хотя теоритически целью повстанческого государства является постепенное полное установление контроля над территорией и вытеснение или замена центральной власти, согласно точке зрения МакКола, современные ему (в 1969 г.) национально-освободительные движения в качестве основной тактики использовали создание территориального антигосударства (мятежного государства) внутри другого государства. Его квазигосударственность с точки зрения элит такого политического образования выражается в контроле над территорией и населением и, в том числе, в создании собственных территориальных и административных единиц, а также своей партизанской армии [21, р. 619.]

На примере двух курдских протогосударств в Сирии и Ираке мы видим противоречивое сочетание двух тенденций «курдизма»: с одной стороны — разобщенность и партикуляризм, с другой — стремление к интегративности [1, с. 331]. Важным стимулом этно-национальной мобилизации здесь выступает страх перед угрозой исчезновения группы, выступающий в рамках теории символического выбора в качестве «мифа-символа», и который выражается в исторической памяти в виде национальной трагедии (операция Анфаль, проводимая С. Хусейном в Ираке в конце 80-х, имевшая признаки геноцида курдов), либо национальной победы над силами, угрожавшими таким уничтожением (победа курдских сил самообороны в Кобани в 2014 г. против ИГИЛ). При чем в последнем случае отряды пешмерга из ИК пришли на помощь курдам Сирийского Курдистана.

На примере ИК можно увидеть, как период локальной мобильной войны, характерной для иракских курдов с 1943 года, перешел в партизанскую войну (Сентябрьское восстание в 60-е годы XX века до 1970 года, и, наконец, регулярная война 1974–1979 гг., которая и привела к фактическому разгрому единого курдского вооруженного восстания. МакКолл описывает эти фазы с географической точки зрения как «стадиальную эволюцию повстанческого государства и его способность увеличивать территорию, находящуюся под собственным политическим и военным контролем» [21, р. 622].

Иракский Курдистан

При изучении кейса Иракского Курдистана можно увидеть многие признаки повстанческого государства. Начиная с 11 сентября 1961 года, когда восстание иракских курдов против иракского правительства (Сентябрьское восстание) обладало убедительными характеристиками общемирового послевоенного тренда, характерного для «эры инсургенции» в трактовке МакКолла. Причинами начала этой партизанской войны стала политика руководства Ирака после революции 1958 г. во времена президентства генерала Касема (1960–1963 гг.) по осуществлению проекта «национального строительства» в стране, когда в условиях внутренней борьбы между коммунистами и арабскими националистами из числа т.н. «свободных офицеров» были отклонены требования курдских повстанцев

под предводительством М. Барзани о создании автономии, собственных вооруженных сил и доли прибыли автономии от добычи нефти. При этом изначально в пост-монархическом Ираке произошла попытка реструктуризации межэтнических отношений, а курдский фактор, как политический субъект в иракской политике, до определенного периода всячески подчеркивался и уважался. Однако, как представляется, концепция реализации курдами своих национальных прав никак не связывалась Багдадом с территориальными претензиями курдов на те территории на севере Ирака, которые они населяли.

Одним из проявлений кризисности государственности непосредственно в Ираке явилось то, что независимость Ирака в исторической ретроспективе не привела к созданию таких политических институтов, которые могли бы сохраняться и обеспечивать легитимность, завоеванную молодыми реформаторами, возглавлявшими иракское националистическое движение после революции 1958 года. Развивая мысль исследователя А. Давиши [14, р. 114], можно утверждать, что эта революция не создавала тех институтов, которые представляли бы интересы курдов в рамках иракского государства, давая им голос в общеиракском политическом процессе.

Если национализм арабского освободительного движения в Ираке изначально был устремлен вовне и его неотъемлемой частью была антизападная ориентация, которая лишь усиливалась с провозглашением мандатного королевства в 1920 г. и завоеванием формальной политической независимости в 1932 г. то в ситуации с курдским национальным движением справедливо будет утверждение, что ввиду отсутствия у курдов государственности, его существенной подпиткой после Лозаннского соглашения 1923 года, похоронившего возможность создания курдского государства, была направленность не столько против сил Запада, в частности Англии, учитывая повстанческую деятельность сулейманийского хукумдара Махмуда Барзанджи в период существования т.н. «королевства Курдистан» (1919–1925), сколько против режимов тех стран, которые разделили этнический Курдистан.

Исследователь Майкл Хетчер отмечал, что там, где экономические диспропорции совпадают с этно-лингвистическими, происходит актуализация национального сознания окраинных протогосударств, что ведет к закреплению в сознании нетитульной нации тезиса о «внутренней колонизации», в основном экономической, со стороны метрополии, составляющей титульную нацию. [17, р.12]. Что касается Иракского Курдистана (ИК), то он, как политическая категория, был достаточно подробно изучен в 1953 г. в работе антрополога Фредерика Барта, который описал его племенную структуру и патронажно-клиентские отношения как Южного Курдистана [13]. Историю становления Иракского Курдистана также можно проанализировать по феноменологии перехода от вождеств-«чифдом» к протогосударственности. Этот процесс подробно описан в работе А. Клаесена «Раннее государство» (1978), он «состоит в переходе протогосударственного общества к государственному за счет обладания набором минимальных характеристик, таких, как территория, постоянное население, сложность социополитической структуры и главное — собственное правительство в качестве «отдельной группы правителей», при наличии идеологии, которая легитимизирует эту специфическую форму правления — все это в совокупности отличает раннее государство (pristine state) от вождества (chiefdom)» [16 р. 34]. Такое протогосударство представляет из себя конгломерат групп с различными политическими связями, строящихся в основном на патронажно-клиентских отношениях, в основе которых присутствуют определенные племенные атавизмы.

Атавистические признаки вождеств до сих пор просматриваются и в Иракском Курдистане. Здесь ярким примером могут послужить два составляющих этого политического конгломерата, объединившихся вокруг кланов Барзани и Талабани (ДПК и ПСК соответственно). В вождествах просматривается тенденция к сакрализации персоны верховного

правителя, тогда как при военной демократии выражение несогласия с его решениями и действиями может иметь место. Так, в конце 1970-х годов расхождения во взглядах на способы и цели национально-освободительной борьбы курдов Ирака привели к вооруженным столкновениям между Демократической партией Курдистана (ДПК) и Патриотическим союзом Курдистана (ПСК).

Возможно, отсутствие внешнего донорства не позволило создать курдское государство из спорадически возникавших курдских повстанческих государств на протяжении всего XX века. Сюда можно отнести и королевство Курдистан со столицей в Сулеймании (1919–1924 г.), и Араратскую республику (1930 г.), и Мехабадскую Республику в Иране (1946 г.).

Поражение восстания Барзани в Ираке в середине 70-х не отразилось на желании курдов добиваться автономии в составе Ирака. При этом со второй половины 70-х годов сторонники и руководство ПСК склонялись к борьбе за достижение полной независимости ИК от Ирака. В марте 1991 г., воспользовавшись дезорганизацией государственного и военного управления страной, наступившей в результате военного поражения Ирака, а также отвлечением наиболее боеспособных сил иракской армии на подавление восстания шиитов на юге страны, курды перешли в наступление и установили контроль над всей территорией их компактного проживания, включая города Мосул, Эрбиль и Сулеймания [5, с. 262]. Начавшееся в 1991 году формирование протогосударственности иракских курдов при всей очевидности попытки создания повстанческого государства с 1961 года, есть, на наш взгляд, пример и т.н. «вторичного государства» — результата бурного государственного строительства, которое имело место на Ближнем Востоке на протяжении двадцатого века, и которое ориентировалось на концепцию государства как политического образования, со стороны которого курды притеснялись, и к созданию которого они же и стремились. Государство образовывается под воздействием государственного или уже сформировавшегося национального общества, или воздействия другого государства, в том числе и в виде вычленения («вторичное государство»). При этом вторичные государства возникали под воздействием других, уже существующих государств, являясь их продолжением или объектом захвата. Вторичное государство также можно рассматривать в качестве антитезы государству-цивилизации [10, с. 78–93].

Характеристиками протогосударства в Иракском Курдистане, отличающими его от полноценной государственности, могут быть названы следующие: отсутствие собственной денежной единицы и фиксированных государственных границ, превалирование патронажно-клиентских отношений, которые тормозят создание полноценного государства в лице институтов, действующих в интересах всего народа, а не отдельных групп Иракского Курдистана. Сюда следует добавить перманентный конфликт интересов ведущих политических партий: Демократической партии Курдистана (ДПК) и Патриотического союза Курдистана (ПСК); трансграничная торговля нередко имеет здесь характеристики контрабанды, пресечь которую у властей Иракского Курдистана нет ни сил, ни желания. Отличие визового законодательства Региона Курдистан от остального Ирака (до марта 2021 г., когда и Ирак ввел туристическую визу по прибытию для большинства стран) привлекло в регион множество экспатов, сезонных рабочих из других стран, не говоря уже о беженцах из соседней Сирии. И, наконец, присутствие на территории Иракского Курдистана иностранных сил в лице военных США, Турции, Ирана также нивелирует государственный статус автономии.

Нефть является определяющим фактором в экономическом становлении Иракского Курдистана — здесь стоит вспомнить о программе «нефть в обмен на продовольствие» (осуществленной на основе резолюции СБ ООН № 986), благодаря которой «Свободному Курдистану» в Ираке удалось выстоять в период, когда осуществлялась блокада со стороны баасистского режима (1991–2003 гг.). При этом к характеристикам Иракского Курдистана,

как протогосударства, следует отнести и такие особенности, как nepoтизм, кoрpyмпированность экономики и политической сферы управления, поделенной между ДПК и ПСК, отсутствие полной информации о внутренней жизни и внешних связях, годовых отчетах о бюджетных расходах автономии начиная с 2014 года и т.д.

Складывающаяся протогосударственность в Иракском Курдистане имеет несколько уникальных особенностей, главной из которых является размытость, транспарентность и, используя терминологию Майкла Лизенберга, «пористость» не только территориально-политических границ, но и всего его политического пространства [20, pp.107–131]. Прозрачность гипотетических государственных границ такого политического образования, как автономный Иракский Курдистан на протяжении всей истории Ирака, являлась ареной осуществления контрабандной деятельности и повстанческого движения курдов. Здесь примечательно вспомнить рассуждения еще лорда Д. Керзона, которые приводит В. Ф. Минорский, о бытовавшем здесь, по его мнению, инстинктивном отвращении к точно определенным рубежам, «отчасти в виду кочевых наклонностей населения, отчасти в виду типично восточной нелюбви к ясным соглашениям из соображения, что от неустановленной границы можно ожидать большего, нежели от границы установленной» [9, с. 19]. Парадоксальным образом эта ситуация повторяется и сейчас на сирийско-иракской границе, где патронажно-клиентские связи (в основном по линии ПРК-ПСК, а также при участии США и, возможно, согласия Иракского правительства) позволяли нивелировать де-факто блокаду ААСВС по факту голосования в СБ ООН, наложенную в декабре 2019 г. «благодаря» вето со стороны России и Китая. Поляризация же сначала иракского, а потом сирийского Курдистана, как центра притяжения для националистических чаяний курдов, сформировалась, в том числе, и в результате того, что, как отмечала в своей работе американский исследователь Д. Натали, «процесс деколонизации второй половины XX века расширил понятия самоопределения, включив в него уже не только непризнанные государства, но и национально-освободительные, а также повстанческие и инсургентские движения» [22, p. xix].

Итогом такой национально-освободительной борьбы стало то, что Иракский Курдистан добился широкой автономии в составе Ирака в соответствии с конституцией страны, одобренной на референдуме 2005 года. Согласно конституции Ирака, регион имеет свое правительство, вооруженные отряды (пешмерга) и право на получение 17% доходов страны от экспорта нефти. Основными внешнеэкономическими партнерами ИК являются Турция, Израиль, Россия. Турция инвестировала в экономику ИК около 12 млрд. долларов, турецкий капитал активно внедрен в банковскую сферу, поощряя создание в автономии собственных кредитно-финансовых институтов. Значительный экономический интерес к ИК проявляют Китай и ОАЭ. Однако самым критическим моментом в отношениях правительства ИК и Багдада остается вопрос спорных территорий, к которым относятся, в первую очередь, богатый нефтью Киркук, в недрах которого находятся около 10 млрд. баррелей нефти, а также части провинций Наневийя, Салахаддин, Диала.

За последние три года Турция резко увеличила свое военное присутствие в северных районах автономии в борьбе против ПРК. Регион Курдистан оказался зажатым в тисках не только изначальной борьбы за власть между ДПК и ПСК, но еще и регионального соперничества США и Ирана. Региональное правительство Курдистана (KRG) традиционно поддерживает дружеские отношения с США (собственно, благодаря США и, отчасти, Турции, автономия и возникла де-факто в 1991 г.). Иран и проиранские игроки пытаются вытеснить США из автономии, или, по крайней мере, существенно ограничить их присутствие в этом регионе.

После проведения непризнанного референдума о независимости Иракского Курдистана в сентябре 2017 г. отношения с центральным правительством в Багдаде приобрели еще

более затяжной кризисный характер. Разразившийся миграционный кризис, во многом спровоцированный бегством на территорию ИК начиная с 2011 г. около 700 тыс. сирийских беженцев и 1,5 внутренне перемещенных лиц (ВПЛ) из Ирака, и привел к тому, что население, беженцы и ВПЛ стали «голосовать ногами» (покидая место жительства), показывая меру эффективности экономической и социальной политики регионального правительства в ИК. Так, в ноябре 2021 г. около 8000 нелегальных мигрантов из ИК оказались на границе Беларуси и Польши, стремясь попасть в ЕС. Очевидно, что автономный регион сталкивается с рядом проблем, которые стимулируют нелегальную миграцию. К ним относятся демографическое давление, связанное с наплывом в ИК беженцев из Сирии и ВПЛ из Ирака, экономические и внутривнутриполитические проблемы, связанные с межпартийной борьбой за власть, ограничение свободы слова. Так, демографическая ситуация такова, что экономика ИК не в состоянии обеспечить работой растущее число выпускников школ и вузов, учитывая, что 54% населения ИК моложе 25 лет, а безработица среди молодежи от 18 до 34 лет составляет 20%. По разным оценкам, больше половины рабочей силы в ИК занята в государственном секторе, при этом 65% всех семей (домашних хозяйств) ИК зависят напрямую от государства в плане своих доходов (будь то госслужащие, наемные рабочие или пенсионеры)¹. С 2014 года общее отсутствие возможностей трудоустройства усугубляется неспособностью регионального правительства платить госслужащим регулярную зарплату. По заявлению премьер-министра KRG Масрура Барзани, в мае 2020 г. бюджетный дефицит автономии составил 27 млрд. долларов². В результате сильнейшего финансово-экономического кризиса, охватившего ИК вскоре после проведения референдума о независимости в сентябре 2017 г., а также на фоне продолжающихся политических споров регионального правительства Иракского Курдистана (KRG) с Багдадом по поводу распределения доходов от продажи нефти, зарплаты госслужащих здесь сократились вдвое, а иногда и на 75%, а прибывшие сюда беженцы из Сирии и ВПЛ из Ирака легли тяжелым бременем на экономику автономии.

Сирийский Курдистан

Сирийский Курдистан, если рассматривать его вне контекста сложившейся де-факто Автономной администрации Северной и Восточной Сирии (ААСВС), которая включает в себя и южные районы Заевфратья, населенные в основном арабами, по сути представляет из себя конгломерат, состоящий из представителей различных этнических и профессиональных групп. Помимо курдов здесь проживают арабы, ассирийцы, туркоманы, курды-езиды, армяне, а также небольшие группы черкесов (район Манбиджа) и чеченцев (в районе Сарекане — Рас-аль-Айн). Поэтому определенная форма консociальной демократии (демократический конфедерализм) находит здесь благодатную почву.

Сирийский Курдистан (Рожава) также имеет и черты «повстанческого государства» с некоторыми атрибутами суверенного государства, такими, как контроль над территорией и населением, наличие сети собственных опорных баз и административных единиц, а также силовой поддержки в лице партизанской армии. Однако, если следовать определению «повстанческих государств» отечественного исследователя Р. Ф. Туровского, то они характеризуются им как территории, контролируемые вооруженными противниками правящего режима [11, с. 98]. При этом курдские силы самообороны (YPG) и аффилированные с ними политические организации на момент написания статьи не рассматривали себя в качестве таковых по отношению к режиму Асада в Дамаске. Скорее, для местных сил самообороны (YPG) так рассматривалась именно Турция, и в отношении Турции

¹ Tomas Kavalek. Raus aus Barzanistan. URL: www.magazin.zenith.me 26.11.2020. (дата обращения: 26.11.2020)

² Там же.

Сирийский Курдистан является «повстанческим государством», до тех пор, пока в нем сохраняет основной контроль Партия демократического союза (ПДС), сателлит ПРК. Тем не менее, более точным здесь может стать термин «параллельной государственности» Сирии, что, по сути, означает превращение Сирии в конгломератно-сложное общество. По мнению некоторых отечественных исследователей, ААСВС относится к безгосударственной зоне или территории, не контролируемой официальным правительством [7, с. 26].

Также как и в Ираке, диспропорции экономического развития между центром и курдской периферией во многом носили искусственно созданный характер, они сказались на актуализации межэтнических противоречий. В Сирии до начала гражданского конфликта в 2011 г. существовали свои собственные категории беженцев и лиц без гражданства: это палестинские беженцы и курды без гражданства («аджаниб» и «мактумин» — «иностранцы» и «скрытые курды»), в основном живущие в провинции (мухафазе) Аль-Хасака [12, pp. 28–30]. Из-за наследственного характера категорий «аджаниб» и «мактумин» количество курдов без гражданства в Сирии до конфликта оценивалось по разным подсчетам примерно в 300 000 человек.

Однако в апреле 2011 года на фоне антиправительственных демонстраций был издан указ президента Сирии № 49 с целью натурализации «иностранцев» из Аль-Хасаки и предоставления им сирийского гражданства. К середине 2013 года около 104 000 курдов получили гражданство Сирии. Помимо того, что положения Указа № 49 прямо не охватывают натурализацию курдов-«мактумин», некоторые «аджанибы» имеют проблемы в вопросе натурализации, когда не могут обратиться в государственные органы, находясь за пределами Сирии. По последним оценкам ООН, существует около 160 тыс. сирийцев без сирийского гражданства, подавляющее большинство которых являются курдами.

После начала гражданской войны в 2011 г. курдское самоуправление в Сирии показало эффективность в борьбе с джихадистами из ИГИЛ, и, по сути, приобрело черты повстанческого государства, основными оппонентами которого выступали как ИГИЛ, так и власти Турции, стремившиеся ликвидировать это образование на территории Сирии.

Демократический конфедерализм является идеологической основой коммунальной общественной структуры сирийских курдов и поддерживающих данную коммунальную политическую систему представителей других конфессий и национальностей, в рамках соответствующих политических партий. Эта крайне идиосинкразическая для соседней Турции теория создания автономии и отрицания в рамках такого концепта самой идеи национального государства (что в некотором смысле подтверждает гипотезу о «негосударственности» ААСВС) позволяет, поддерживая требования курдов об автономии в Сирии, утверждать, что курды не представляют реальную угрозу территориальной целостности страны, поскольку они не стремятся к независимости.

Между тем сирийская государственность в Рожаве сохраняет формальное присутствие, что выражается, к примеру, в том, что Дамаск предоставляет в де-факто автономии учебники для школ, а также выполняет ряд формальных представительских функций (в т.ч. охрану аэропорта в Камышлы, куда до пандемии коронавируса выполнялись авиарейсы из Дамаска). При этом самопровозглашенная автономия имеет собственный штамп на сухопутной границе с Ираком, в котором Федерация Северной Сирии обозначалась, как часть Республики Сирия (а не Сирийская Арабская Республика).

Политическая легитимность образовавшихся здесь под управлением ПДС местных советов (2013 г.) проистекала исключительно из доминирования группы определенной идеологической ориентации, состоящих в подавляющем большинстве из представителей ПДС, которые отрицали политическую легитимность своих внутрикурдских оппонентов в основном из числа сторонников клана Барзани из Иракского Курдистана, а также

других более мелких курдских партий — членов Курдского Национального Совета (КНС) в Сирии. Поэтому сразу следует оговориться, что такая политическая система не всегда легитимна с точки зрения других политических сил и этнических групп региона — особенно это касается районов, населенных арабами в южных частях самопровозглашенной автономии.

Имплементируемый здесь демократический конфедерализм гораздо более гибок даже в сравнении с консоциональными демократиями, что важно для изучения влияния такой корреляции на способность зарождающейся политической системы этого протогосударства разрешать разногласия и конфликты, связанные с этнолингвистическим и идеологическим плюрализмом. Согласно принятой в декабре 2016 г. временной конституции тогдашней Демократической Федерации Северной Сирии, это простогосударство строилось на принципах демократического социализма, либертарного муниципализма, прямой демократии, анархизма и гендерного равенства.

Очередную интервенцию Турции с Сирию в октябре 2019 года Автономная администрация Северной и Восточной Сирии (ААСВС) восприняла в качестве самой большой угрозы своего существования со времени провозглашения автономии. Турецкое наступление нанесло серьезный ущерб единству автономии, связанное с тем, что курдские подразделения зонтичной группы СДС в сопротивлении турецкой интервенции не были поддержаны арабскими подразделениями СДС, которые воздержались от боевых действий против армии Турции и протурецких прокси, США («сирийской национальной армии»), в т.ч. из числа туркоманов, поскольку не считают себя объектом спора с Анкарой.

Наряду с этим автономия сталкивается с многочисленными другими угрозами, включая серьезные гуманитарные проблемы, опасность возрождения ИГИЛ, неоднократные требования сирийского режима признания легитимности центральной власти. Хотя у Башара Асада на момент написания данной статьи не было средств или желания на открытую военную конфронтацию с СДС, режим охотно использует тактическое ослабление СДС, обостренное турецким наступлением на курдов Сирии. Так, воспользовавшись беспорядками в Дейр эз-Зоре, вызванными убийством неизвестными лицами шейха племени аккидат в августе 2020 г., правительственные силы при поддержке иранских прокси начали точечные наступления на Дейр эз-Зор, с целью установить контроль над нефтяными скважинами. Однако же при этом пока что ни один командир из арабских ополченцев не заявляет о выходе из СДС, несмотря на настоятельные призывы режима к арабским племенам присоединиться к сирийской армии. Пока на востоке присутствуют войска США и выплачивается зарплата бойцов, которую режим себе не может позволить, у СДС есть все шансы остаться едиными и контролировать большую часть рассматриваемой территории. На этом фоне очевидна подоплека многих провокаций в регионе (таких, как убийства арабских шейхов) с целью дестабилизации арабо-курдских отношений в регионе.

До гражданской войны баасистский режим сформировал место региона в экономической структуре страны таким образом, чтобы он специализироваться в основном на производстве сырья: пшеницы, хлопка и нефти, маслин, которые затем перерабатывались в западной Сирии. Это давало преимущество режиму, и регион оставался зависимым от Дамаска, что ограничивало здесь тенденции к автономизму или сепаратизму — будь то среди курдов или арабских племен.

Серьезной проблемой автономии является водоснабжение: ААСВС не хватает воды из-за разрушения оросительных систем реки Евфрат во время войны с ИГИЛ (запрещена в РФ). Восстановление этих систем будет медленным и дорогостоящим, требуя существенной помощи от западных компаний, чья работа в настоящее время здесь затруднена по соображениям безопасности.

После захвата Рас-эль-Айна турецкие войска установили свой контроль над основным источником питьевой воды в провинции Хасака — насосной станцией Алул, откуда поставки доставляются в столицу провинции через Таль-Тамер и другие населенные пункты. Несмотря на российское посредничество в обеспечении подачи питьевой воды в районы, контролируемые автономией, быстро растущее население Хасаки, которое увеличилось до 450 000 после того, как сюда прибыли новые беженцы и ВПЛ из Тал-Абьяда и Рас-эль-Айна, испытывает острый недостаток в воде. Альтернативным и дорогостоящим решением проблемы является расширение канала Аль-Сувар дальше к северу, чем Аль-Шадади, но здесь курдские власти боятся быть теперь зависимыми от арабских племен.

В настоящее время нехватка воды раздражает население и создает дополнительную напряженность между арабами и курдами. Местное население недовольно действиями России, которая неоднократно пыталась заблокировать эту помощь, как в Совете Безопасности ООН, так и своими действиями на местах, имея доказательства поставок вооружения сирийским курдам, настаивая при этом, что любая гуманитарная помощь может осуществляться только через центр в Дамаске. Как указывалось выше, в декабре 2019 г. Россия наложила вето на предложение Совета Безопасности об использовании КПП аль-Ярубия на северо-востоке в качестве пограничного пункта для поставок гуманитарных грузов ООН через Ирак. Поставке несанкционированных режимом грузов также мешает российская патрульная деятельность вдоль оси Пешхабур-Камышлы, что вновь вызывает недовольство местного курдского населения.

Весной 2020 года режим Асада пытался использовать пандемию коронавируса для давления на руководство ААСВС, утверждая, что только сирийское государство может бороться с этой болезнью. Из-за инерции ООН и давления России Всемирная организация здравоохранения по-прежнему работает в основном с официальным сирийским правительством, поэтому все основные лаборатории, способные проводить тестирование пациентов с COVID-19, расположены в Дамаске, Латакии и Алеппо. При этом ААСВС отказывается отправлять тесты в эти лаборатории, не желая, чтобы режим распространял потенциально дестабилизирующую дезинформацию об уровне заражения на северо-востоке Сирии. В середине апреля из Иракского Курдистана удалось поставить две лаборатории, но медицинское оборудование в ААСВС остается по-прежнему дефицитным. Так, распространение эпидемии вынудило власти ААСВС закрыть контрольно-пропускной пункт Пешхабур в течение марта-апреля и ввести жесткие ограничения на внутреннее передвижение³. Эти усилия оказались эффективными с точки зрения сдерживания пандемии, но нанесли серьезный ущерб хрупкой местной экономике.

Складывающееся протогосударство на северо-востоке Сирии не является курдским в узкоэтническом смысле в своем официально декларируемом понимании. Автономная Администрация Северной и Восточной Сирии (ААСВС), декларативно считающая себя частью Сирии, имеет две перспективы: это официальное вхождение в республику Сирию, к чему стремятся силы, сплотившиеся вокруг ПДС, но на конвенциональной основе. Конвенциональность с точки зрения руководства ААСВС заключается в официальном закреплении автономного статуса федерации в составе Сирии. Альтернативой видится постепенный распад ААСВС на два квазигосударства — арабское и курдское, что неминуемо привет к возрождению ИГ на этой территории в случае ухода отсюда США и исчезновения внешнего донорства. С другой стороны, можно сказать, что и Сирийский Курдистан (ААСВС), и Иракский Курдистан — это характерная для всего Ближнего Востока «организованная территория, виртуальная конструкция, создаваемой ради организации

³ Briy. A. Rojava: statelessness in a time of pandemic, 2020. URL <https://www.opendemocracy.net/en/north-africa-west-asia/rojava-statelessness-time-pandemic/> (дата обращения: 20.10.2020)

представлений, на основе и при помощи которых могут выстраиваться и воспроизводиться социальная государственность и/или ее часть» [8. с. 4]

Заключение

Отличие между двумя курдскими политическими образованиями Ирака и Сирии заключается еще и в том, что Иракский Курдистан (Регион Курдистан, РК) — это де-юре автономный регион в составе Ирака, то ААСВС (Рожава) — это самопровозглашенная автономия в составе Сирии. В этом смысле к Рожаве применимы категории «оспариваемой государственности» (contested statehood), поскольку автономия не оспаривает на данный момент территориальную целостность Сирии; но оспаривает, де-факто, саму сирийскую государственность, подобно тому, как Тайвань — китайскую, считая себя частью Сирийской Республики, а не Сирийской Арабской Республики. Это также «регион неполной государственности» (incomplete statehood), где сирийское государство выполняет только часть своих функций; либо «регион переданной государственности» (abdicated statehood), где государство оставляет часть своих обязательств местным группам и элитам (как, например, в том же Иракском Курдистане или, например, в некоторых приграничных районах Саудовской Аравии).

Однако, кто даст гарантии, что рано или поздно таким обществом-конгломератом не станет де-факто Курдистан, как устойчиво воображенное его жителями политическое пространство, учитывая, что значительная часть сирийско-иракской границы находится сейчас под контролем двух курдских автономий? Этого нельзя исключать в первую очередь из-за склонности этнической (культурно-лингвистической или конфессиональной) группы с высокой внутренней мобилизационной идентичностью отвергать легитимность либо правящего режима и искать способы региональной консолидации. Причины возникновения повстанческих государств — это неудачи правящих режимов в создании общей для всего населения политико-национальной идентичности, когда верх берут клановость, трайбализм, этнический партикуляризм и ослабление в процессе глобализации и без того слабого государства. Отчасти это справедливо и в отношении Сирии и Ирака, где вновь созданные на обломках Османской империи государства унаследовали доселе не существовавшие границы между ними, возникшие как разделительные линии (frontières) в процессе краха Османской империи, по сути, произвольно разделив ареалы расселения местных этнических групп. [15, р. 12]. Однако повышение мобильности капитала и рабочей силы в условиях глобализации дает импульс развитию трансграничных регионов различного территориального уровня, основу которых составляет экономическое взаимодействие, сходная этническая и культурная идентичность, отличная от общегосударственных. Так, значительная часть турецкого и иранского капитала, присутствующего в экономике Иракского Курдистана, представлена этническими курдами из указанных стран. То же самое нельзя исключать и в отношении взаимодействия двух «курдистанов» в Сирии и Ираке. Это происходит на фоне регионализации, тождественной интеграции, в то время как на внутригосударственном уровне наблюдается регионализация, идентичная дезинтеграции, то есть передаче полномочий от центра регионам [23, pp.25–27].

Одним из главных заблуждений на протяжении всей истории становления курдского национального движения было то, что стадийное развитие, прогресс, в конце которого видится независимое курдское национальное государство, представлялись панацеей от всех бед, лишений и других неприятных аспектов сосуществования человеческого социума — таких как межклановая, межрелигиозная вражда, национальный гнет, запрет на использование родного языка и т.д. В контексте Курдистана, Ближнего Востока, да и всего мира остро стоит вопрос о том, запрограммировано ли не-западное сообщество

на уподобление Западу посредством своей модернизации, или на самом деле социально-политическое развитие стран Востока в частности происходило по более сложным законам, чем линейно-прогрессивное преобразование отсталого традиционного общества в передовое и современное? Специфика политического и социального развития внутри современного социума Иракского Курдистана может создать ложное впечатление, что растворение традиционного уклада в современном лишь вопрос времени.

Принимая во внимание эти временные и нормативные вопросы, было бы разумно использовать определение государственности, которое позволило бы объектам разделять некоторые желаемые характеристики самим местным населением. В таком случае государственное образование может быть определено преобладанием ключевых характеристик, а не одним определяющим своим атрибутом. Можно ли утверждать, что политические конкуренты ДПК, ПСК, ПДС в рамках воображаемого Курдистана обладают единым представлением о судьбах и источнике власти гипотетического государства? Как должна выглядеть и по каким законам будет строиться эта государственность? Такая биполярность затем может быть описана путем распознавания различных, но не обязательно всех, характеристик, которые считаются критериями формирования государства. И эти вопросы пока остаются открытыми. При этом вопрос сближения, в том числе и экономического, в отношении СК и ИК может рассматриваться как вполне ожидаемый.

Список литературы

1. Ближний Восток в поисках политического будущего. Под ред. В. Г. Барановского, В. В. Наумкина. М. ИВ РАН.— 481 с.
2. Богатуров А.Д., Виноградов А. В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории. // Восток-Запад-Россия. Сборник статей. К 70-летию академика Н. А. Симонии. М. Прогресс-Традиция — 2002 — С.109–128
3. Васильев. Л. С. Протогосударство-чифдом как политическая структура. // Народы Азии и Африки — 1980 — № 6 — с. 157–175
4. Вертяев К. В. Курдский вопрос в политике Турции (конец XX — начало XXI века). М. 2007–251 с.
5. Вертяев К.В., Иванов С. М. Курдский национализм. История и современность. М. URSS. 2015–348 с.
6. Кашанина Т. В. Происхождение государства и права. М. Высшая школа, 2004–325 с.
7. Колосов В.А., Себенцов А. Б., Туров Н. Л. Неконтролируемые территории в современном мире: теория, генезис, типы, динамика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.— 2020 — Т. 14 — № 1 — С. 23–51.
8. Косолапов Н. А. Россия: территория в пространствах глобализирующегося мира // Мировая экономика и международные отношения.— 2005 — № 7 — С. 3–14.
9. Минорский В. Ф. Турецко-персидское разграничение// Известия ИРГО, Петроград — 1916. — Т.ЛII вып.V. с. 12–46.
10. Наумкин В. В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования.— 2020 — Том 29 — № 4 — С. 78–93.
11. Туровский Р. Ф. Политическая география. Смоленск. 1999. Изд.СГУ — 211 с.
12. Albarazi Z. The Stateless Syrians. Tilburg Law School Research Paper No. 011/2013. 34 p
13. Barth. F. Principles of social organization in Southern Kurdistan. Universitets Etnografiske Museum Bulletin, Oslo — 1953 — No 7–154 p.
14. Dawisha.A. The Second Arab Awakening: Revolution, Democracy and the Islamist Challenge from Tunis to Damascus. N.Y., L.2013. 251 p.
15. Foucher M. Fronts et frontieres: un tour de monde geopolitique. Paris, Fayard. 1991. 201 p

16. Henry J. M. Claessen, Peter Skalnik (Editors) The Early State, Motion, 1978. 367 p
17. Hetcher. M. Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British Development. University of California. 1975. 311 p;
18. Knight.D.B. Identity and Territory: Geographical Perspectives on Nationalism and Regionalism // Annals of the Assosiation of American Geographers.— 1982 — vol.72 — no 4 — pp 514–531.
19. Kolsto P. The Sustainability and Future of Unrecognized Quazi-States. // Journal of Peace Research.— 2006 — vol.43 — no 6 — pp.723–740
20. Leezenberg M. Iraqi Kurdistan: A Porous Political Space // Anatoli. Les Kurdes: puissance montante au Moyen-Orient? –2017 — No 8.
21. McColl R. W. The Insurgent State: Territorial Bases of Revolution. // Annals of the American Association of. Geographers.— 1969 — Vol. 59 — № 4 — pp.613–631.
22. Natali. D. The Kurds and The State: Evolving National Identity in Iraq, Turkey and Iran. Syracuse University Press. 2005. 236. p
23. Schmitt-Egner. P. The Concept of `Region`: Theoretical and Methodological Notes on its Reconstruction // European Integration. 2002 — vol. 24 — No 3 — pp.25–34
24. Szekely. O. Proto-State Realignment and the Arab Spring // Middle East policy.— 2016 -Vol.23 — Issue 1.

References

1. Albarazi Z. The Stateless Syrians. Tilburg Law School Research Paper No. 011/2013. 34 p.
2. Barth. F. Principles of social organization in Southern Kurdistan. Universitets Etnografiske Museum Bulletin, Oslo — 1953 — No 7–154 p.
3. Bogaturov A.D., Vinogradov A. V. Enclave-conglomerate type of development. Experience of transsystem theory. // Vostok-Zapad-Rossiya. Sbornik statey. K 70-letiyu akademika N. A. Simonii. (East-West-Russia. Digest of articles. The 70th anniversary of Academician N. A. Simonii) Moscow — 2002 — pp.109–128 (In Russian)
4. Claessen H. J.M., Peter Skalnik (Editors) The Early State, Motion, 1978. 367 p
5. Dawisha.A. The Second Arab Awakening: Revolution, Democracy and the Islamist Challenge from Tunis to Damascus. N.Y., L.2013. 251 p.
6. Foucher M. Fronts et frontieres: un tour de monde geopolitique. Paris, Fayard. 1991. 201 p
7. Hetcher. M. Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British Development. University of California. 1975. 311 p;
8. Khashanina T. V. The origin of the State and the Law. M. Vysshaya Shkola, 2004–325 p. (In Russian)
9. Knight.D.B. Identity and Territory: Geographical Perspectives on Nationalism and Regionalism // Annals of the Assosiation of American Geographers.— 1982 — vol.72 — no 4 — pp 514–531.
10. Kolosov V.A., Sebensov A. B., Turon N. L. Uncontrolled territories in the modern world: theory, genesis, types, dynamics // Contours of global transformations: politics, economics, law. (Konury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo) — 2020 — T.14 — No. 1 — С 23–51. (In Russian)
11. Kolsto P. The Sustainability and Future of Unrecognized Quazi-States. // Journal of Peace Research.— 2006 — vol.43 — no 6 — pp.723–740
12. Leezenberg M. Iraqi Kurdistan: A Porous Political Space // Anatoli. Les Kurdes: puissance montante au Moyen-Orient? –2017 — No 8.

13. McColl R. W. The Insurgent State: Territorial Bases of Revolution. // *Annals of the American Association of Geographers*.— 1969 — Vol. 59 — № 4 — pp.613–631.
14. The Middle East in Search of a Political Future. Ed. By V. G. Baranovsky, V. V. Naumkin. Moscow. IVRAN.— 481 с. (In Russian).
15. Minorsky V. F. Turkish-Persian demarcation. // *Izvestiya IRGO*, Petrograd — 1916. — T.LII vol.V. p 12–46. (In Russian)
16. Natali. D. The Kurds and The State: Evolving National Identity in Iraq, Turkey and Iran. Syracuse University Press. 2005. 236. p
17. Naumkin The Non-Western Model: Is There a State-Civilization? // *Policy. Political studies. (Polis. Politicheskiye issledovaniya)* — 2020 — Том 29 — № 4 — С 78–93. (In Russian)
18. Schmitt-Egner. P. The Concept of 'Region': Theoretical and Methodological Notes on its Reconstruction // *European Integration*. 2002 — vol. 24 — No 3 — pp.25–34
19. Szekely. O. Proto-State Realignment and the Arab Spring // *Middle East policy*.— 2016 -Vol.23 — Issue 1.
20. Turovsky R. F. Political geography. Smolensk. 1999. SGU. 211 p (In Russian)
21. Vasiliev. L S. Proto-state-chieftdom as a political structure. // *Peoples of Asia and Africa (Narody Azii i Afriki)* — 1980 — № 6 — pp.157–175 (In Russian)
22. Vertyaev K. V. Kurdish question in Turkish politics (late XX — early XXI century). 2007. Moscow — 251 p (In Russian)
23. Vertyaev K.V., Ivanov S. M. Kurdish nationalism. History and modernity. Moscow. URSS. 2015–348 s (In Russian)

Информация об авторе

Кирилл Валентинович Вертяев — кандидат политических наук, старший научный сотрудник, зав.сектором курдоведения Отдела изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН.

Email: kitezh@mail.ru

Author's Information

Kirill V. Vertiaev — PhD in Political Sciences, Senior Researcher, head of the sector of Kurdish Studies of the Department of the Near and Middle East Countries, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

Email: kitezh@mail.ru

УДК: 93/94

И. Конак

Стамбульский университет

Этническая идентичность заза

Аннотация: Этническая группа заза в основном проживает в Турции, где существует не только курдский вопрос, но и проблема народности заза. В последние десятилетия наряду с Курдистаном стал часто звучать Зазаистан — термин, который вызывает дискуссию в курдском обществе. Центральную позицию в данном дискурсе занимают языковая структура и этническое происхождение заза.

В Северной Месопотамии наиболее распространены два языка, известные как зазаки (кырманджски, кырдки и дымьлки) и курманджи. Считается, что они имеют общую основу, определяемую как прото-курдский язык. Эти два языка содержат общие лингвистические особенности, такие как фонетика, полуэргативность, категория рода, флективность, хотя и отличаются друг от друга по взаимной понятности.

Происхождение народа заза активно обсуждается многими турецкими и зарубежными исследователями. Хотя существует множество архивных документов и обширная литература, свидетельствующая о том, что народ заза считает себя курдами, ряд исследователей придерживаются других версий. Например, некоторые из них утверждают, что народ заза имеет тюркское происхождение, и пытаются отделить их от курдов. Другие ученые настаивают на том, что заза мигрировали из Дайлама в Месопотамию и интегрировались с курдскими племенами. По их мнению, основой языка заза является парфянский язык. Ещё одна группа исследователей пытается найти информацию о происхождении заза в книгах Ветхого Завета.

Целью данной работы является изучение происхождения идентичности заза и краткий анализ вышеупомянутых теорий. Библиография: 61 наименование.

Ключевые слова: заза, Зазаистан, Курдистан, зазаки, кырманджки, кырдки, дымьлки, прото-курдский язык, Дайлам, парфянский язык

*Ismet Konak
Istanbul University*

Ethnic Identity of Zazas

Summary: As known, Zaza people mostly live in Turkey. There is not only Kurdish question but also the Zaza issue. Linguistic structure and ethnicity particularly are at the center of the debate. Today it is clear that there are two languages known as Zazakî (Kirmanckî/Kirdkî/Dimilkî) and Kurmancî in northern Mesopotamia. However, they are thought to come from a common origin many centuries ago, which is defined as “Proto-Kurdish”. These two languages share common linguistic features such as phonetics, semi-ergativity, masculinity-femininity, casus obliquus, even though they differ from each other in terms of mutual intelligibility. In this regard, any independent language, in fact, is a dialect that uses its right to self-determination. The question of the origin of Zazas is heavily discussed by many researchers from Turkey and abroad. Although there are plenty of archival documents and a large literature signal that Zaza people consider themselves Kurdish, many historians and linguists try to sever them from Kurdish origin. A number of the researchers assert that Zaza people originate from Turkish ancestry. Others think that Zazas migrated from Daylam to Mesopotamia, and integrated with Kurdish tribes. The second group also claims that the Parthian language is the root of the Zaza language. The third group of researchers focus on the Torah, the holy book of Jews. They also make reference to names such as St. Paul, the apostle of Jesus and Pallu. The goal of this work is to study the origin of Zaza identity, and shortly analyse the aforementioned theories. (Refs 61)

Keywords: Zaza, Zazaistan, Kurdistan, Zazakî, Dimilî, Kirmanckî, Kirdkî, Proto-Kurdish, Daylam, Parthian

Каждая социальная группа имеет этническую идентичность, состоящую из таких компонентов как язык, религия, генеалогия, общая история и т.п. Одной из таких групп в Турции является заза — важный этнический элемент в Северной Месопотамии. Считается, что заза, язык которых обозначается как зазаки (кырманджски, кырдки и дымьли), в основном обитают в таких городах, как Тунджели (тур. Tunceli, заз. Dersîm), Диярбакыр (тур. Diyarbakır, заз. Amed), Бингёль (тур. Bingöl, курм. Çewlîg, заз. Çolig) Элязыг (тур. Elazığ, заз. Харпêt), Битлис (тур. Bitlis, заз. Bedlîs), Урфа (тур. Şanlıurfa, заз. Riha), Муш (тур. Muş, заз. Mûş), Сивас (тур. Sivas, заз. Sêwas), Адьяман (тур. Adıyaman, заз. Semsûr).

В последние годы активно обсуждаются вопросы, связанные со статусом языка и этнической принадлежностью заза. Цель данного исследования — анализ идей различных исследователей об этническом происхождении народа заза.

Тюркское происхождение заза

Первая группа исследователей утверждает, что заза имеют тюркское происхождение, и их язык входит в число тюркских языков. Например, турецкий исследователь Н. Севген в своей работе «Заза и Кызылбаши» связывает историю заза с мифологическим героем тюрков Огуз-ханом. По утверждению Севгена, имя одного из сыновей Огуз-хана — За постепенно трансформировалось в за-за для обозначения его рода [54, р. 35]. Эта гипотеза основана исключительно на мифологии.

Другой защитник этого тезиса Х. Р. Танкут написал книгу под названием «Социологические исследования о заза». С его точки зрения, этноним заза происходит от турецкого слова сасак (тур. sasak — скалистый, каменистый) [57, р. 29]. Автор считает, что буква «к» часто отпадает и слово сасак приобретает вид саса. На наш взгляд, гипотеза Танкута также является спорной, так как фактических материалов, подтверждающих её, нет. Кроме того, язык зазаки лингвисты зачисляют в группу иранских языков. То есть этот язык грамматически, фонетически, синтаксически и морфологически не входит в число тюркских языков.

Дайлам и заза

Вторая группа исследователей, в число которых входят О. Манн, К. Хаданк, Й. Гипперт и Г. Асатрян [3, р. 154–163]¹, предполагает, что заза переселялись из Дайлама² в Северную Месопотамию в X–XII вв. и здесь интегрировались с племенами, говорящими на курманджи. По-видимому, эти исследователи разработали свои гипотезы на основе работы историка Андраника «Дерсим: Сейяхатнаме». Андраник, с одной стороны, называет обитателей Дерсима курдами, с другой стороны, относит их к делмигам/телмигам [14, р. 118]. Цитируя в свою очередь работу Т. Арцруни, он считает, что другое название делмигов — дымьли/дымьли, и жители Дерсима говорят на их языке. Согласно этой теории, слово дымьли происходит от слова дайлам и это означает, что дерсимцы являются дайламитами [14, р. 181]. Следует отметить, что историк Т. Арцруни употребляет только термины делмиг и дайламиты [16, р. 365]. Он не выдвигает теорию о том, что дерсимцы — это дайламиты. Кроме этого, метатеза о словах дымьли и дайлам формулируется самим Андраником без каких-либо серьёзных доказательств. Необходимо подчеркнуть, что на данный момент не выявлены документы, свидетельствующие о переселении заза из Дайлама в Северную Месопотамию в X–XII вв.

¹ Асатрян является одним из тех, кто решительно защищает теорию Дайлама/Дейлема. Он пишет в одной из своих статей, что дымьли — из delmig, адъективной формы из названия иранской провинции Dêlam (Дайлам), то есть «дайламит, дайламец» [3, р. 154–163].

² Дайлам или Дейлем — историческое название горного прибрежного региона на юге Каспийского моря с включением в свои пределы Восточного Табаристана (современный Мазандаран) и западный Гилян.

Помимо работ Андраника и Т. Арцруни, особую важность для защитников второй гипотезы приобретает статья А. Мкртчяна 1897 г. Он пишет, что армяне считают заза «делмигами, заза-курдами и чаркчи», а они сами называют себя «дымыли» [45, р. 409–412]. Мкртчян также утверждает, что язык делмигов включает в себя элементы курдского и персидского языков, и при общении с соседями они используют «курдский» язык. Интересно, что некоторые исследователи, несмотря на такие описания Мкртчяна, делают безоговорочный вывод о том, что заза совсем независимы от курдской идентичности, и относят их к дайламитам.

В XVI–XVII вв. при династии Сефевидов курдские племена (Шадяны, Зафраны, Элканы и так далее) эмигрировали из Северной Месопотамии, особенно из Дерсима, в северную или северо-западную часть Ирана [17, р. 212]. Дайлам находился на пути миграции вышеупомянутых курдских племён, говорящих на курманджи и зазаки. Не исключено, что здесь до сих пор живут общины, относящиеся к этим племенам.

Для того, чтобы поддержать этот тезис, некоторые исследователи, специализирующиеся по происхождению заза, и особенно лингвист Й. Гипперт, пытаются установить связь между языком народности заза и парфянским [29, р. 1–12; 35, р. 232–252]³. По их мнению, этот мёртвый иранский язык северо-западной подгруппы становится основой языка зазаки. В этом контексте необходимо рассмотреть некоторые особенности парфянского языка в нижеприведённом фрагменте из рассказа Мани⁴ [11].

Таблица 1. Фрагмент из рассказа Мани

Парфянский текст	Перевод на русский
'gd hym prw'n š'h, *'wm w'xt kw* drwd *'br tw* 'c yzd'n	Я пришел к Парван-шаху и сказал: «Благословения [be] тебе от богов» [в почтении множественное число]
āyad hēm parwān šāh, um wāxt ku drōd abar tō až yazdān	
š'h w'xt kw 'c kw 'yy	Шах сказал: «Откуда ты?»
šāh wāxt ku až ku ay?	
mn w'xt kw bzyšk hym, 'c b'byl zmyg	Я сказал: «Я лекарь из страны Вавилона.»
man wāxt ku bizišk hēm, až Bābel zamig	
... 'wd pd hm'g tnb'r hw qnycg drwšt bwd	В всего тела служанка стала здоровым «снова».
... ud pad hamāg tanbār hō kanižag društ būd	
pd wzrg š'dyft 'w mn w'xt kw 'c kw 'yy tw, mn bg 'wd 'njywg	В великой радости она сказала мне: «Откуда ты, мой господин и спаситель?»
pad wuzurg šādīft ō man wāxt ku až ku ay tū, man bay ud anjīwag?	

В приведенных фрагментах видна эргативная структура парфянского языка. Он фонетически, синтаксически и морфологически близок к зазаки, однако такая близость встречается и среди многих иранских языков. Наше внимание привлекла гендерная разница (лат. masculine-feminine), принципиально разделяющая эти два языка. Нельзя забывать, что гендерная разница является основополагающей в языке зазаки. Почти все фразы строятся в соответствии с категорией рода. В вышеприведённом тексте есть словосочетание «man bay ud anjīwag» (рус. мой господин и спаситель), и там прослеживается отсутствие

³ Й. Гипперт согласен, что между зазаки и парфянским существуют большие различия. [29, р. 1–12]

⁴ Основатель манихейства, пророк Мани, согласно прогнозам, родился в 216 г. в городе Ктесифоне — столица Парфянского и затем Сасанидского государства.

гендерной разницы. Если мы сравним это выражение с нынешним зазаки, то ситуация проясняется. Упомянутое словосочетание на зазаки пишется следующим образом: «efendî/lord û xelisnaxoxê mi». Здесь можно заметить гендерную разницу. Если бы слово “спаситель” (заз. xelisnaxox) было женского рода (заз. xelisnaxoxe), то суффиксом было бы буква «а»: «xelisnaxoxa mi».

Защитники второго тезиса исследуют историю и литературу заза только на основе этнонима заза [30, р. 77–107]⁵. Однако дерсимцы именуют себя курмандж (Kirmanç) и называют свой язык курманджжи (Kirmanckî). Кроме этого, в Бингёле и в Диярбакыре часто употребляется этноним кырды (Kird) и/или язык кырдыки (Kirdkî). Также жители Сиверека, Гергера и Битлиса используют в качестве самоназвания этноним дымыли/дымли (курдск. Dimilî), и их язык известен как дымылки (курдск. Dimilkî). То есть этноним заза не очень распространен в этих регионах. Эти местные определения, включают в себя влияние понятия курдской идентичности. В этой статье мы чаще всего употребляем этноним заза, потому что данный термин считается общепринятым.

Заза и иудаизм

Третья гипотеза касаясь происхождения этнонима заза гласит о его иудейском происхождении. В Торе написано, что Йонатан, внук Иерахмиэля, имел двух сыновей по имени Пелет и Заза [28, р. 12]. Согласно семейному древу, Иерахмиэль является внуком Иуды [4; 23, р. 69]. Кроме того, утверждается, что внуки Иакова, Паллу и Зерах обосновались в районах, где сегодня живут заза [34] и с их именами связаны такие топонимы, как Палу (Элязыг) и Зара (Сивас). С именем Паллу связывают происхождение топонима Пюлюмюр, одного из районов Дерсима. Эта точка зрения основана на травелоге английского офицера Л. Молинье-Зила, побывавшего в Дерсима в 1911 г. В своих записях он указывает Пюлюмюр как Палумор [46, р. 49–68] и рассматривает жителей Дерсима в качестве курдов. Возможно, что внуки Иакова и могли путешествовать в вышеупомянутых районах, но для утверждения, что заза происходили от древних иудеев, этого недостаточно.

Заза в курдской перспективе

Четвертая гипотеза, представленная в нашем исследовании, заключается в том, что народность заза относится к курдскому этносу. Эта гипотеза, учитывая повседневные практики, родственные связи между племенами, общую историю и архивные документы, является наиболее научно обоснованной.

В настоящее время этническая группа, говорящая на зазаки, с трудом понимает курманджи (так наз. mutual intelligibility). Это важный показатель того, что зазаки в результате своего развития стал независимым языком. Это означает, что в прошлом зазаки был диалектом курдского языка и постепенно превратился в отдельный язык.

Важным вкладом в изучение процесса выделения зазаки из курдского являются работы Л. Пола и М. Изади. С точки зрения Людвиг Пола, языки, принадлежащие к индоевропейской языковой семье, — прото-курдский, прото-персидский и прото-белуджский, начали дробиться и изменяться 3–4 тысячи лет назад [15]. В этом плане важное значение имеет теория М. Изади. Исследователь считает, что примерно во II и I веках до н.э., прото-курдский язык разделился на две группы — курманджи и пахлавани. Группа курманджи развивалась в виде двух ветвей: северный курманджи (бехдинани) и южный курманджи

⁵ Например, Й. Гипперт в своих работах употребляет преимущественно название «заза». В его статье только один раз встречается этноним «курмандж (kirmanj)», который, по мнению автора, означает «курды» (нем. Kurde) [30, р. 77–107].

(сорани) [31, р. 299]⁶. Сорани позже разделился на два диалекта — сорани и келхури. Группа пахлавани также развивалась в двух основных направлениях: зазаки/кырманджский⁷/дымылки/кырдки и горани/гурани [31, р. 299]. Потом горани также разделился на два диалекта — аврамани и лаки.

Язык народности заза, по нашему наблюдению, состоит из 4 диалектов — зазаки, кырманджки, дымылки и кырдки. Однако некоторые исследователи разделяют этот язык на три диалекта — северный, центральный и южный зазаки. Такая классификация, по нашему мнению, является манипулятивной. В данной классификации, такие понятия как кырманджки и кырдки подвергаются «научным атакам» [43, р. 7–8/20]⁸. Их сознательно замалчивают, так как они являются важными показателями того, что язык народности заза происходит от курдского языка.

Необходимо кратко прояснить происхождение терминов кырд, кырмандж, дымылки и заза. Древняя форма (архетип) слова кырд встречается в разных источниках. Одним из них является «География» Страбона. В своей работе он употребляет этнонимы джйртии (гр. κούρτιοι, лат. curtii) и марди [55, р. 157–158]⁹. Кроме этого, Полибий и Тит Ливий описывают кырдов как джйртии, сиртеи/сирти (Curti, Cirtei/Cirti) [61, р. 366–397]. Данный народ, джйртии или сиртеи, считается прото-курдским элементом [22, р. 16]. Еще один важный источник по этой теории — это «Мевлыде Кырди (Mewlidê Kirdî)», написанный Ахмеде Хаси (Ehmedê Hasî) в 1900 г. в Диярбакыре. Книга была написана на зазаки, известном как кырдки в Диярбакыре.

Касательно термина кырмандж информации недостаточно. Историк Ахвенд Мыхемед Салих Зенгене Белуч даёт в этом интересное представление в своей книге, написанной в 1659 году. По его утверждению Мидия, прото-курдская империя, включала в себя такие племена как зенгене, бырахои, мамыли, эдрегани и кырмани (курдск. Kirmanî) [19, р. 46]. Он также категоризирует состав племени бырахои по 8 группам. В данных группах мы встречаем такие элементы как горан, курти и кырмач (курдск. Kirmac) [19, р. 51]. Так мы полагаем, что есть связь между словами кырмани, кырмач и кырмандж.

С точки зрения И. Бешикчи, одного из известных турецких социологов, термины кырмандж и курд раньше имели классовый подтекст. Тех, кто принадлежал к низшим стратам племени, называли кырмандж, а того, кто принадлежит к высшему классу, обозначали как курд [20, р. 191]. Сегодня понятие курд является обобщающим названием.

Слово дымылки происходит от понятия дынбыли/дутбели/дембыли/дунбули — курдское племя [26, р. 399]. Оба этих этнонима дымылки и дынбыли встречаются в некоторых архивных документах. Например, в Османской империи, в подробной регистрационной книге ливы (русс. провинция) Алеппо, попадают такие термины как «село курдов дунбули (Karye-i Ekrad-ı Dünbüli)» и «племя курдов дымылки (Taife-i Ekrad-ı Dimilî)». Также в записях по Чемишгезекскому санджаку имеется упоминание «курдов

⁶ Термин пахлавани (Pehlwanî) по анализу историка М. Изади происходит от термина пахлаван (Pahlawan), т.е. «принадлежащий Пахле». Регион Пахла, возможно, объединял Южный Курдистан и Северный Луристан [31, р. 299].

⁷ Следует отметить отличие между кырманджи (Kirmançî) и кырманджски (Kirmanckî). В последние годы нередко путаница этих терминов, что ведет к искажениям и ошибочным выводам относительно истории курдов.

⁸ По поводу слова «кырд» одно из самых серьезных заблуждений было опубликовано в журнале «Pîya» под названием Фылит Сиваныж (Filit Siwanj). Он превращает слово кырд в слово «керди (kerdî)», которое является спряжением глагола кердене (kerdene — делать) в прошедшем времени, а «керди» означает «они делали». Аналогичная фальсификация происходит в журнале «Ауге» с искажением слова кырманджийе (Kirmançîye) [43, р. 7–8/20].

⁹ По мнению некоторых историков, марди происходят от манн, т.е. прото-курдского компонента.

дымылки (Ekrad-ı Dimilî)» [59, р. 309–325]. Этот санджак находился на нынешних землях Дерсима/Тунджели.

Существует правдоподобная версия, согласно которой понятие заза происходит от слова «зозан» (курд. zozan), которое на кырманджи означает «кочевье, кочевка». Со временем оно приобрело форму «засан». По этому поводу О. Л. Вильчевский пишет, что название засан «представляет неправильное чтение транскрибированного арабскими буквами курдского слова зозан» [5, р. 97]. К. Курдоев, отстаивая точку зрения Вильчевского, утверждает, что сонорный «н» выпадал и осталась форма «заза» [9, р. 180–200]¹⁰. По мнению К. Курдоева, «курды района Сулеймание и Эрбиля багдинанцев, живущих в горных районах Иракского Курдистана, называют словом заза» [9, р. 180–200]. Подтверждение данной гипотезы можно найти у В. Ф. Минорского и М. Изади. Как сказано выше, Изади считает, что язык заза принадлежит группе пехлавани. Регион Пехлавани/Пахлавани включает в себя районы Южного Курдистана и Северного Луристана. Следовательно, утверждение Изади частично совпадает с вышеуказанной гипотезой. Также представляет интерес связь названия заза со словом зозан, которую предложил в 1936 г. турецкий государственный деятель Х. Б. Коньяр [36, р. 49].

Название зозан в разном написании встречается в других источниках [6, р. 6; 49, р. 675–689; 61, р. 366–397]¹¹. Арабский филолог, историк и географ Якут аль-Хамави (1180–1229) употребляет термин «Зевазан (Zewazan)», в то время как арабский историк Ибн аль-Эсир (1160–1233) употребляет такое словосочетание «Зузан аль-экрад (Zûzan el-Ekrad)», что означает в переводе на русский «курдское кочевье» [38]. Шараф-хан Бидлиси в своей известной работе «Шарафнаме» использует такие определения как «племя зерза и провинция зерза», также имеющие отношение к термину заза [56, р. 311]. Подобно Шараф-хану, майор Роулинсон, путешествовавший по Иранскому Курдистану в XIX в., также упоминает племя зерза [50, р. 1–64], рассматривая его как курдское племя [50, р. 1–64]. Определенную значимость для нашего исследования имеет «Книга путешествий» турецкого путешественника Эвлии Челеби. В XVII в. он побывал в Бингёле и зафиксировал в своих записях заза как курдское племя [27, р. 181]. Во многих архивных документах, относящихся к османскому периоду, заза рассматривались как курды [24, р. 71–82]. Например, племя Шейх Хасанан, говорящее на зазаки и находящееся преимущественно в Дерсиме/Тунджели, упоминается в документах как «сообщество курдов Шейх Хасанлу (Cemaat-ı Ekrad-ı Şeyh Hasanlu)» [21].

Следует отметить, что в русских источниках также встречается название заза. Во-первых, армянский литературовед и этнограф Х. Абовян (1809–1848) использовал этноним саса и связывал язык зазаки с курдским языком [1, р. 184]. Вслед за Абовяном, российский лингвист и востоковед П. Лерх во время Крымской войны проводил небольшое исследование о курдах, взятых в плен в Смоленске. Среди пленных курдов были и те, кто говорил на зазаки и называли себя «кырдом» [38, р. 78]. П. Лерх в своих исследованиях определяет язык заза как курдский элемент. В 1897 г. вышли заметки Карцева, полковника генерального штаба, основанные на данных Закавказского статистического комитета. Карцев утверждал, что «курды Дерсима говорят на наречии, называемом заза»

¹⁰ «Любопытно отметить, что на наречии заза в значении «дом» употребляется слово kêw<kîw. Нет сомнения в том, что это слово представляет вариант персидского kuh и kêv на сорани, которые означают «гора». Это даёт нам основание считать слово «засан» названием и самоназванием курдов, которые с древнейших времен жили в зозанах — в кочевьях на горах, и что горы были их местом пребывания, т.е., в переносном значении, горы являлись их домом [9, р. 180–200].

¹¹ Название заза, по сути, впервые встречается в шумерский период. Как известно, что при раскопках в Сирии был обнаружен храм Нинни — Заза, который в древности был расположен в шумерском городе-государстве Мари. Однако это название лингвистически несовместимое с нашей гипотезой [6, р. 6; 49, р. 675–689; 61, р. 366–397].

[8, р. 343]. В описании Карцева встречается ещё племя «зырза», которое воспринимается автором как одно из курдских племён Персии [8, р. 367]. На наш взгляд связь зырза и зерза очевидна.

Российский военный востоковед П. И. Аверьянов упоминает Дерсим в своей работе в контексте политики царской России по отношению к курдам на русско-турецкой войне 1877–1878 гг. следующим образом: «При дальнейшем развитии наших военных действий в Малой Азии по операционному направлению Эрзерум-Сивас-Константинополь можно будет рассчитывать и на содействие курдов Дерсима и Козуджана, которые выставлением пеших милиций (до 15 тысяч воинов) могут в значительной мере облегчить нам задачу охранения нашей длинной коммуникационной линии...» [2, р. 301–302].

Для нашей темы важным является мнение С. А. Егиазарова, написавшего о курдах Эриванской губернии. Егиазаров в своём этнографическом очерке пишет, что «незначительная, сравнительно, часть курдского народа употребляет наречие «заза», находящееся в средстве с курманджи, но значительно разнящееся от него» [7, р. 6]. Заметно, что он, употребляя связку заза-курд, и рассматривает заза как курдский элемент.

Существует ряд разных источников, свидетельствующих о курдском происхождении заза [48; 47; 52; 51]. Кроме того, те, кто говорили на зазаки, в целом, считали себя курдом в прошлом. Этому можно привести множество примеров. Как уже было указано выше, Ахмеде Хаси называл свой язык кырджим. Алийе Гахи, вождь племени курейшан, в своем послании Российской империи в годы Первой мировой войны, обозначил себя курдом [25]. Точно так же бывший депутат Дерсима и представитель племени карабалам Х. Х. Канко в своей речи в 1921 г. в парламенте обозначил жителей Дерсима курдами [13, р. 186–187]. В стихотворениях известных дерсимских поэтов Вакиле (курдск. Wakile), Сей Каджи (курдск. Sey Qajî), Кемеро Арейиз (курдск. Qemero Areyîz) и Сыло Кыдж (курдск. Silo Qij) встречаются названия кырмандж и кырманджийе (курдск. Kirmançîye) [53, р. 55–81]¹². Следует отметить, что вождь Дерсимского сопротивления Сейит Риза, упоминал о «курдах и Курдистане» в своем письме от 30 июля 1937 г., адресованном МИДу Франции [58].

Некоторые курдские племена говорят и на зазаки, и на курманджи, и на сорани. В этом контексте существует один важный пример — это племя хайдаран. Ветвь этого племени в Дерсима говорит на зазаки, а другая ветвь в Ване говорит на курманджи. Интересно, что ветвь данного племени в Южном Курдистане говорит на сорани [37]. Известно, что такие племена как курейшан, хормекан, изол, шадиан одновременно говорят и на зазаки, и на курманджи. Это свидетельствует о тесной связи друг с другом различных элементов курдских диалектов.

Следует отметить, что между курдскими языками существует тесная лингвистическая связь: фонетическое, морфологическое и синтаксическое сходство. Между ними существует и лексикологическое родство. В частности, зазаки, курманджи и горани до сих пор сохраняют такие общие черты как полуэргативность и гендерная разница [39, р. 93–97]. Между этими элементами есть немало грамматических сходств. Например, на курманджи и зазаки в словах мужского рода единственного числа суффикс флективности — «-î» (лат. casus obliquus), а в словах женского рода на курманджи суффикс флективности — «-ê», и на зазаки — это «-e» [40, р. 82–95; 44, р. 82–83]. Точно так же суффикс множественного числа «-an» существует как на курманджи, так и на зазаки. Одна из общих особенностей зазаки и курманджи — это слитная буква «-у (й)» [33, р. 102–115]. В обоих языках буква «у» употребляется как слитная буква и в словосочетании, и в спряжении глаголов. Кроме того, оба языка имеют много общих слов.

¹² Термин «кырманджийе», собственно, означает и Курдистан, и курдство. Например, Сей Каджи в своем стихотворении «Погода Пардийе (Hewa Pardîye)» пишет следующие строки: «защитим честь Анатолии, защитим честь Дерсима и Кырманджийе». [53, р. 55–81].

Таблица 2. Сравнительная таблица слов на курманджи, зазаки (кырманджжи) и русском языках [18, р. 21].

Курманджи	Зазаки (Кырманджжи)	Русский
nêr	nêrî	мужской род
bêçî/pêçîk	bêçike	палец
neynûk	nenike	ноготь
ling	ninge/linge	нога
dest	dest	рука
mix	mix	гвозди
koh	ko	гора
doç	doç	хвост
şanik	sanike	родинка
manga	manga	корова
kûçik	kûtik	собака
paşîv	paşîve	ночной прием пищи
welat	welat	родина
zava	zama	зять
zivistan	zimistan	зима
dar	dare	дерево

Среди курдских языков считается, что горани ближе к зазаки [12, р. 70–78; 10, р. 153–161]. Некоторые сходства существуют в рамках «гендерной разницы и флективности». Согласно информации, предоставленной лингвистом Дэвидом Нилом Маккензи, на горани существительные мужского рода единственного числа, оканчивающиеся на согласный, имеют суффикс флективности — «-î». Так, слово в именительном падеже har (осёл) при склонении приобретает вид harî [42, р. 14]. Аналог слова har в женском роде имеет вид mahara, и при склонении mahara принимая букву «-e», меняется на mahare (obl.). В этом примере прослеживается близость между зазаки и горани. Одним из важных общих характеристик является вспомогательный глагол «заз. bîyene/гор. bîau (быть)». На его примере можно составить предложение о глаголе «заз. kerdene/гор. karday (делать)».

Таблица 3. Сравнение примеров на зазаки и горани.

зазаки	горани
Ey kerdîbî (он сделал)	Kard bî (он сделал) [42, р. 38]

Зазаки и горани также имеют много общих слов.

Таблица 4. Сравнительная таблица слов на горани и зазаки (кырманджки) [42, р. 61–140].

Горани	Зазаки (кырманджки)	Русский
kiteb	kiteb	книга
biza	bize	козёл
har	her	осёл
barday	berdene	приносить/приводить/привозить
karday	kerdene	делать
marday	merdene	умирать
garm	germ	горячий
sard	serd	холодный
barz	berz	высокий
nan	nan	хлеб
hangurî	hengure	виноград
goşt	goşt	мясо
araq	araq	пот
asman	asmen	небо
bezar	bêzar	утомленный
didan	didan	зуб
dûr	dûr	далёкий

Сорани, по сравнению с зазаки, горани и курманджи, находился под большим влиянием персидского и арабского языков, и в нем такие характеристики как эргативность и гендерная разница почти исчезли [32, р. 142–158].

Подводя итоги данного исследования, можно сказать, что заза — это самостоятельная этническая группа курдского происхождения. Разные источники, жизненные практики, местные самоназвания и некоторые языковые сходства свидетельствуют о том, что идентичность заза тесно связана с курдской историей. Мы предполагаем, что существует «дихотомия» или «монофилия» между зазаки и протокурдским языком. Зазаки много веков назад стал выделяться из протокурдского, и со временем превратился в самостоятельный язык, подобно тому, как португальский, итальянский, испанский и др. выделились от латыни.

Список литературы

1. Абовян Х. Курды // Кавказ. 13-го ноября 1848. № 46. С. 184.
2. Аверьянов П. И. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX века. Тифлис, 1900.— 504 с.
3. Асатрян Г. С. Ещё раз о месте заза в системе Иранских языков (заметки по новоиранской диалектологии) // Историко-филологический журнал. 1990. № 4. С. 154–163.
4. Библия. Первая книга паралипоменон. Глава 1: 5–9–33. URL: <https://lib.pravmir.ru/data/files/Bible.pdf> (дата обращения: 23.03.2021).
5. Вильчевский О. Л. Курды: введение в этническую историю курдского народа. Москва-Ленинград, 1961.— 166 с.
6. Дьяконов И. М. Древняя Эбла. М., 1985.— 368 с.

7. Егиазаров С. А. Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии // Записки кавказского отдела императорского русского географического общества. Книжка XIII. Тифлис, 1891.— 232 с.
8. Записки кавказского отдела императорского русского географического общества. Книжка XIX. Тифлис 1897.— 380 с.
9. Курдоев К. К. Краткий историко-этнографический очерк о курдах // Письменные памятники востока. Весна-лето 2014. № 1 (20). С. 180–200.
10. Юсупова З.А. О месте горани среди курдских диалектов (история вопроса). // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов востока. Москва, 1991. С. 153–161.
11. A Fragment from Mani's own Account of his Life. URL: <http://titus.fkidg1.uni-frankfurt.de/texte/etcs/iran/miran/manich/manreadc/manre.htm?manre004.htm> (дата обращения: 12.05.2021).
12. Ahmadi S. Building a Corpus for the Zaza-Gorani Language Family // Proceedings of the 7th VarDial Workshop on NLP for Similar Languages, Varieties and Dialects. Barcelona, Spain (Online). December 13. 2020. P. 70–78.
13. Akyürekli M. Koçkırı Kırımı (1920–1921). İstanbul, 2016. 355 s.
14. Antranik. Dersim: Seyahatname. İstanbul, 2012. 200 s.
15. Arslan Z. İranolog Prof. Dr. Ludwig Paul İle Zaza Dili Hakkında Söyleşi. URL: <https://www.zeynemarslan.com/iranolog-prof-dr-ludwig-paul-ile-zaza-dili-ile-ilgili-soeylesi/> (дата обращения: 25.03.2021).
16. Artsruni T. History of the House of the Artsrunik. Detroit, 1985. 365 p.
17. Bayrak M. Kürt ve Alevi Tarihinde Horasan. Ankara, 2013. 655 s.
18. Bedir Han E. C., Lescot R. Kürtçe Grameri. Paris, 1990, 398 s.
19. Beluç A.M.S.Z. Kurdgalknamek (Kurdbejname). Cilt I. İstanbul, 2019. 240 r.
20. Beşikçi İ. Doğu Anadolu'nun Düzeni: Sosyo-Ekonomik ve Etnik Temeller. Cilt I. Ankara, 1992. 354 s.
21. BOA (Османский архив при кабинете премьер-министра). С. DH. 331/16543; С. DH. 86/4293; С. DH. 93/4605; A.}MKT. NZD. 304/15158; DH. ŞFR. 627/111.
22. Bois T. The Kurds. Beirut, 1966. 159 p.
23. Bulut F. Dersim Raporları. İstanbul, 2013. 371 s.
24. Çağlayan E. Zazalar: Tarih, Kültür ve Kimlik. İstanbul, 2016. 248 s.
25. Çem M. Kurêşan Aşireti ve Gandi Kemal'in Türkmenleşmesi. URL: <http://www.zazakî.net/file/kur%C3%AAsan+a...pdf> (дата обращения: 28.06.2020).
26. Emin Zeki Bey M. Kürd ve Kürdistan Ünlüleri (Meşahir-i Kurd u Kurdistan). Çev. M. Baban, M. Yağmur, S. Kutlay. İsveç, 1998. 432 s.
27. Evliya Çelebi Seyahatnamesi. İstanbul, 1986. 756 s.
28. Fırat H. Zaza Adının Kökeni ve Anlamı // Medya Güneşi. 16–31 Ağustos 1993. № 35. S. 12.
29. Gippert J. Zazaca'nın Tarihsel Gelişimi // Mannheim Zaza Kitap Şenliği. 4 Mayıs 1996. S. 1–12.
30. Gippert J. Zur Dialektalen Stellung des Zazaki // Die Sprache. 2007/2008. № 47–1. R. 77–107.
31. Izady M. R. Kürtler: Bir El Kitabı. İstanbul, 2004. 456 s.
32. Jügel T. Ergative Remnants in Soranî Kurdish? // Orientalia Suecana. Uppsala. 2009. Vol. LVIII. P. 142–158.
33. Karacan H., Kaya B. Zazakî ile Kurmancî Lehçelerinin Fonetik Yönünden Karşılaştırılması // International Journal of Kurdish Studies. July 2015. № 1/2. S. 102–115.

34. Karataş H. Zazalar Kimdir? URL: <https://www.birgun.net/haber/zazalar-kimdir-70510>, (дата обращения: 18.8.2021).
35. Keskin M. Orta ve Eski İrani Dillerin Zazacaya Tuttuğu Işık // II. Uluslararası Zaza Tarihi ve Kültürü Sempozyumu. Ağustos 2012. S. 232–252.
36. Konyar B. Diyarbakir Yıllığı. Cilt III. Ankara, 1936. 560 s.
37. Kurij S. Zazalar ve Zazaca Yazını. URL: http://www.zazaki.net/file/zazalar_v...pdf (дата обращения: 25.04.2021).
38. Lerch P. Forschungen über die Kurden und die Iranischen Nordchaldaer. St. Petersburg, 1857. 233 s.
39. Lezgîn R. Dersê Ziwanî (Kirdkî, Kirmanckî, Zazakî, Dimilkî). Diyarbakir, 2014. R. 127.
40. Lezgîn R. Kürtçe'de Akuzatif-Ergatif Özellik // Bingöl Üniversitesi Yaşayan Diller Enstitüsü Dergisi. Kasım 2015. № 1/2. S. 82–95.
41. Lezgîn R. Zazakî ile 'Zaza Dili' Ayrı Şeylerdir. URL: <https://www.ilkehaber.com/yazi/zazaki-ile-zaza-dili-ayri-seylerdir-17184.htm> (дата обращения: 15.04.2021).
42. MacKenzie D. N. The Dialect of Awroman (Hawraman-i Luhon): Grammatical Sketch, Text and Vocabulary. Kobenhavn, 1966. 145 p.
43. Malmîsanij M. Kird, Kirmanca, Dimili ve Zaza Kürtleri. İstanbul, 1996. 88 s.
44. Malmîsanij M. Kurmanca ile Karşılaştırmalı Kirmanca (Zazaca) Dilbilgisi. İstanbul, 2015. S. 82–83.
45. Mkrtchian A. The Delmigs // Iran&Caucasus. 1999/2000. 3–4. P. 409–412.
46. Molyneux-Seel L. A Journey in Dersim // The Geographical Journal. 1914. Vol. 44. № 1. P. 49–68.
47. Müller F. Beiträge zur Kenntniss der Neupersischen Dialekte: Zaza-Dialekt der Kurdensprache. Wien, 1865. 27 s.
48. Niebuhr C. Reisebeschreibung nach Arabien und Anderen Umliegenden Landern 1761–1767. Kopenhagen, Band 2, 1778. 479 s.
49. Pinnock F. The Image of Power at Mari between East and West // Syria Supplément. 2014. 2. P. 675–689.
50. Rawlinson H. C. Notes on a Journey from Tabriz through Persian Kurdistan, to the Ruins of Tahkti-Soleiman, and from Thence by Zenjan, and Tarom, to Gilan, in October and November // The Journal of the Royal Geographical Society of London, 1840, Vol. 10. P. 1–64.
51. Rich C. J. Narrative of a Residence in Koordistan, and on the Site of Ancient Nineveh; with Journal of a Voyage down the Tigris to Bagdad and an Account of a Visit to Shirauz and Persepolis. Vol. I. London, 1836. 414 p.
52. Sami Ş. Kamus'ul-Alam. Ankara, 1996. 4830 s.
53. Sermiyan U. Namekerdisê Dersimijan // Yazınsal Varoluştan Akademik Literatüre Kirmanca (Zazaca): M. Malmîsanij'a Armağan. İstanbul, 2020. S. 55–81.
54. Sevgen N. Zazalar ve Kızılbaşlar: Coğrafya-Tarih-Hukuk-Folklor-Teogoni. Ankara, 1999. 240 s.
55. Strabo. Geography. Vol. VII. Book XV. Chapter 3. Cambridge: 1930. 400 p.
56. Şeref Han. Şerefname: Kürt Tarihi. Cilt I. İstanbul, 1971. 536 s.
57. Tankut H. R. Zazalar Hakkında Sosyolojik Tetkikler. Ankara, 2000. 110 s.
58. Ulugana S. Seyid Rıza, Dersim ve İki Mektup. URL: <https://www.gazeteduvar.com.tr/forum/2020/05/11/seyid-riza-dersim-ve-iki-metup> (дата обращения: 09.05.2021).
59. Ünal M.A. XVI. Yüzyılda Çemişgezek Sancağında Aşiretler ve Cemaatler // Ondokuz Mayıs Üniversitesi Eğitim Fakültesi Dergisi. 1991. Cilt 6. Sayı 1. S. 309–325.
60. Xasî E. Mewlidê Kirdî. İstanbul, 2013. 90 r.

61. Zilan B. Tarîxê Xonamekerdisê Kirdan // II. Uluslararası Zaza Tarihi ve Kültürü Sempozyumu (4–6 Mayıs 2012). Ağustos 2012. R. 366–397.

References

1. Abovyan K. Kurdy [Kurds] // Kavkaz. 13-go noyabrya 1848. № 46. 184 p.
2. A Fragment from Mani's own Account of his Life. URL: <http://titus.fkidg1.uni-frankfurt.de/texte/etcs/iran/miran/manich/manreadc/manre.htm?manre004.htm> (data obrashcheniya: 12.05.2021).
3. Ahmadi S. Building a Corpus for the Zaza-Gorani Language Family // Proceedings of the 7th VarDial Workshop on NLP for Similar Languages, Varieties and Dialects. Barcelona. Spain (Online). December 13. 2020. P. 70–78.
4. Akyürekli M. Koçkırı Kırımı (1920–1921). İstanbul: Tarih Kulübü Yayınları, 2016. 355 p.
5. Antranik. Dersim: Seyahatname. İstanbul: Aras Yayıncılık, 2012. 200 p.
6. Arslan Z. İranolog Prof. Dr. Ludwig Paul İle Zaza Dili Hakkında Söyleşi. [An Interview with Iranologist Profesör Ludwid Paul on Zaza Language]. URL: <https://www.zeynemaslan.com/iranolog-prof-dr-ludwig-paul-ile-zaza-dili-ile-igili-soeylesi/> (data obrashcheniya: 25.03.2021).
7. Artsruni T. History of the House of the Artsrunik. Detroit: Wayne State University Press, 1985. 365 p.
8. Asatryan G. S. Yeshcho raz o meste zaza v sisteme Iranskikh yazykov (zametki po novoiranskoy dialektologii) // IFZH (Istoriko-filologicheskiy zhurnal). 1990. № 4. P. 154–163.
9. Averyanov P. I. Kurdy v voynakh Rossii s Persiyey i Turtsiyey v techeniye XIX veka. Tiflis: Tipografiya shtaba Kavkazskogo Voyennogo Okruga, 1900. 504 p.
10. Bayrak M. Kürt ve Alevi Tarihinde Horasan. Ankara: Öz-Ge Yayınları, 2013. 655 p.
11. Bedir Han EC., Lescot R. Kürtçe Grameri. Paris: Paris Kürt Enstitüsü. 1990, 398 p.
12. Beluç A. M. S. Z. Kurdgalnamek (Kurdbejname). Cilt I. İstanbul: Azad Yayınevi, 2019. 240 p.
13. Beşikçi İ. Doğu Anadolu'nun Düzeni: Sosyo-Ekonomik ve Etnik Temeller. Cilt I. Ankara: Yurt Kitap-Yayın, 1992. 354 p.
14. Bibliya. Pervaya kniga paralipomenon. Glava 1: 5–9–33. URL: <https://lib.pravmir.ru/data/files/Bible.pdf> (data obrashcheniya: 23.03.2021).
15. BOA (Osmanskiy arkhiv kabineta prem'yer-ministra). C. DH. 331/16543; C. DH. 86/4293; C. DH. 93/4605; A.}MKT. NZD. 304/15158; DH. ŞFR. 627/111.
16. Bois T. The Kurds. Beirut: Khayat, 1966. 159 p.
17. Bulut F. Dersim Raporları. İstanbul: Evrensel Basım Yayın, 2013. 371 p.
18. Çağlayan E. Zazalar: Tarih, Kültür ve Kimlik. İstanbul: İstanbul Bilgi Üniversitesi Yayınları, 2016. 248 p.
19. Çem M. Kurêşan Aşireti ve Gandi Kemal'in Türkmenleşmesi. URL: <http://www.zazaki.net/file/kur%C3%AAsan+a...pdf> (data obrashcheniya: 28.06.2020).
20. D'yakonov I. M. Drevnyaya Ebla. Moskva: Izdatel'stvo "progress", 1985. 368 p.
21. Emin Zeki Bey M. Kürd ve Kürdistan Ünlüleri (Meşahir-i Kurd u Kurdistan). İsveç: Apec & Öz-Ge Yayınları, 1998. 432 p.
22. Evliya Çelebi Seyahatnamesi. Cilt III–IV, İstanbul: Üçdal Neşriyat, 1986. 756 p.
23. Fırat H. Zaza Adının Kökeni ve Anlamı // Medya Güneşi. 16–31 Ağustos 1993. № 35. P. 12.
24. Gippert J. Zazaca'nın Tarihsel Gelişimi // Mannheim Zaza Kitap Şenliği, Çev. Hasan Dursun. 4 Mayıs 1996. P. 1–12.

25. Gippert J. Zur Dialektalen Stellung des Zazaki // Die Sprache. 2007/2008. № 47–1. P. 77–107.
26. Izady M. R. Kürtler: Bir El Kitabı. İstanbul: Doz Yayınları, 2004. 456 p.
27. Jügel T. Ergative Remnants in Sorani Kurdish? // Orientalia Suecana. Uppsala. 2009. Vol. LVIII. P. 142–158.
28. Karacan H., Kaya B. Zazakî ile Kurmancî Lehçelerinin Fonetik Yönünden Karşılaştırılması // International Journal of Kurdish Studies. July 2015. № 1/2. P. 102–115.
29. Karataş H. Zazalar Kimdir? URL: <https://www.birgun.net/haber/zazalar-kimdir-70510>, (data obrashcheniya: 18.8.2021).
30. Keskin M. Orta ve Eski İrani Dillerin Zazacaya Tuttuğu Işık // II. Uluslararası Zaza Tarihi ve Kültürü Sempozyumu. Bingöl Üniversitesi Yayınları. Ağustos 2012. P. 232–252.
31. Konyar B. Diyarbekir Yıllığı. Cilt III. Ankara: Ulus Basımevi, 1936. 560 p.
32. Kurij S. Zazalar ve Zazaca Yazını. URL: http://www.zazaki.net/file/zazalar_v...pdf (data obrashcheniya: 25.04.2021).
33. Kurdoyev K. K. Kratkiy istoriko-etnograficheskiy ocherk o kurdakh zaza // Pis'mennyye pamyatniki vostoka. Vesna-letno 2014. № 1 (20). P. 180–200.
34. Lerch P. Forschungen über die Kurden und die Iranischen Nordchaldaer. St. Petersburg: Buchdruckerei Der Kaiserlichen Akademie Der Wissenschaften, 1857. 233 p.
35. Lezgîn R. Dersê Ziwani (Kirdkî, Kirmanckî, Zazakî, Dimilkî). Diyarbekir: Weşanxaneya Roşna, 2014. 127 r.
36. Lezgîn R. Kürtçe'de Akuzatif-Ergatif Özellik // Bingöl Üniversitesi Yaşayan Diller Enstitüsü Dergisi. Kasım 2015. № 1/2. P. 82–95.
37. Lezgîn R. Zazakî ile 'Zaza Dili' Ayrı Şeylerdir. URL: <https://www.ilkehaber.com/yazi/zazaki-ile-zaza-dili-ayri-seylerdir-17184.htm> (data obrashcheniya: 15.04.2021).
38. MacKenzie D. N. The Dialect of Awroman (Hawraman-i Luhon): Grammatical Sketch, Text and Vocabulary. Kobenhavn: Bianco Lunos Bogtrykkeri, 1966. 145 p.
39. Malmîsanij. M. Kird, Kirmanc, Dimili ve Zaza Kürtleri. İstanbul: Deng Yayınları, 1996. 88 p.
40. Malmîsanij M. Kurmancca ile Karşılaştırmalı Kirmancca (Zazaca) Dilbilgisi. İstanbul: Vate Yayınevi, 2015. 302 p.
41. Mkrtchian A. The Delmigs // Iran&Caucas. 1999/2000. 3–4. P. 409–412.
42. Molyneux-Seel L. A Journey in Dersim // The Geographical Journal. 1914. Vol. 44. № 1. P. 49–68.
43. Müller F. Beiträge zur Kenntniss der Neupersischen Dialekte: Zaza-Dialekt der Kurdensprache. Wien: K. K. Hof und Staatsdruckerei, 1865. 27 p.
44. Niebuhr C. Reisebeschreibung nach Arabien und Anderen Umliegenden Landern 1761–1767. Kopenhagen: Gedruckt in der Hochbuchdruckerei bei Nicolaus Möller. Band 2, 1778. 479 p.
45. Pinnock F. The Image of Power at Mari between East and West // Syria Supplément. 2014. 2. P. 675–689.
46. Rawlinson H. C. Notes on a Journey from Tabriz through Persian Kurdistan, to the Ruins of Tahkti-Soleiman, and from Thence by Zenjan, and Tarom, to Gilan, in October and November // The Journal of the Royal Geographical Society of London, 1840, Vol. 10. P. 1–64.
47. Rich C. J. Narrative of a Residence in Koordistan, and on the Site of Ancient Nineveh; with Journal of a Voyage down the Tigris to Bagdad and an Account of a Visit to Shirauz and Persepolis. Vol. I. London: James Duncan. Paternoster Row, London. 1836. 414 p.
48. Sami Ş. Kamus'ul-Alam. Ankara: Kaşgar Neşriyat [Tıpkı Basım], 1996. 4830 p.

49. Sermiyan U. Namekerdisê Dersimijan // Yazınsal Varoluştan Akademik Literatüre Kirmancca (Zazaca): M. Malmîsanij'a Armağan. İstanbul: Vate Yayınevi, 2020. P. 55–81.
50. Sevgen N. Zazalar ve Kızılbaşlar: Coğrafya-Tarih-Hukuk-Folklor-Teogoni. Ankara: Kalan Yayınları, 1999. 240 p.
51. Strabo. Geography. Loeb Classical Library edition. Vol. VII. Book XV. Chapter 3. Cambridge: 1930. 400 p.
52. Şeref Han. Şerefname: Kürt Tarihi. Cilt I. İstanbul: Ant Yayınları, 1971. 536 p.
53. Tankut H. R. Zazalar Hakkında Sosyolojik Tetkikler. Ankara: Kalan Yayınları, 2000. 110.
54. Ulugana S. Seyid Rıza, Dersim ve İki Mektup. URL: <https://www.gazeteduvar.com.tr/forum/2020/05/11/seyid-riza-dersim-ve-iki-metup> (data obrashcheniya: 09.05.2021).
55. Ünal M.A. XVI. Yüzyılda Çemişgezek Sancağında Aşiretler ve Cemaatler // Ondokuz Mayıs Üniversitesi Eğitim Fakültesi Dergisi. 1991. Cilt 6. Sayı 1. P. 309–325.
56. Vil'chevskiy O. L. Kurdy: vvedeniye v etnicheskuyu istoriyu kurdsogo naroda. Moskva-Leningrad: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR, 1961. 166 p.
57. Xasî E. Mewlidê Kirdî. İstanbul: Nûbihar, 2013. 90 p.
58. Yegiazarov S. A. Kratkiy etnograficheskiy ocherk kurdiv Erivanskoy gubernii // Zapiski kavkazskogo otdela imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. Kn. XIII. Tiflis, 1891. 232 p.
59. Yusupova Z.A. O meste gorani sredi kurdsikh dialektov (istoriya voprosa) // Pis'mennyye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov vostoka. Moskva, 1991. P. 153–161.
60. Zapiski kavkazskogo otdela imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. Kn. XIX. Tiflis, 1897. 380 p.
61. Zilan B. Tarîxê Xonamekerdisê Kirdan // II. Uluslararası Zaza Tarihi ve Kültürü Sempozyumu (4–6 Mayıs 2012). Bingöl Üniversitesi Yayınları. Ağustos 2012. P. 366–397.

Информация об авторе

Исмет Конак — PhD (история), Стамбульский университет.
Email: smtknk2012@hotmail.com

Author's Information

Ismet Konak — PhD in History, Istanbul University.
Email: smtknk2012@hotmail.com

**ДОКЛАДЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ И ИСТОРИОГРАФИИ
СТРАН АЗИИ И АФРИКИ**

РОССИЯ И ВОСТОК. К 100-ЛЕТИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ
И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Том 2. Часть 2

**PROCEEDINGS
OF THE INTERNATIONAL CONGRESS
ON HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES
OF ASIA AND AFRICA**

Russia and the East. Commemorating Centennial
of Political and Cultural Ties in Modern Times

Vol 2. part 2

Публикация в авторской редакции

Корректор О.С. Добрева

Верстка Д.Н. Чижов

Отпечатано в типографии ООО «ИПК «НП-Принт»

190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала д. 199-201

Формат 60 × 90 /8

Печ. л. 18,5. Тираж 100 экз. Заказ № 465

ISBN 978-5-6048982-2-2

ISBN 978-5-6048982-4-6 (часть 2)